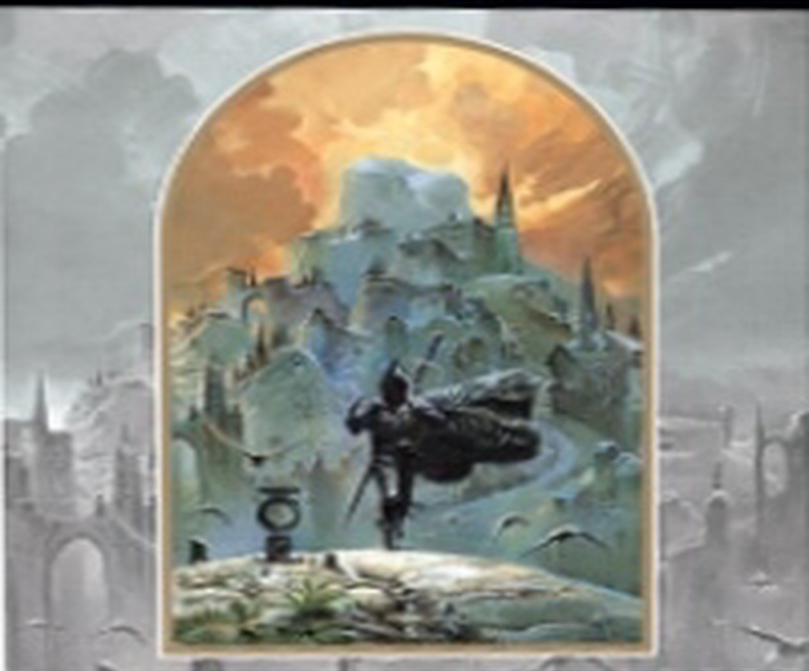
Джин

ВУЛФ



Книга Нового Солнца

Том 1

Книга Нового Солнца. Том 1

Джин Вулф

Аннотация
Джин Вулф. Книга Нового Солнца. Том 1
Пыточных дел мастер
- Глава 1. Воскресение и смерть
- Глава 2. Северьян
- Глава 3. Пик Автарха
- Глава 4. Трискепь
- Глава 5. Чистильщик картин и прочие
- Глава 6. Мастер Архивариус
- Глава 7. Изменница
- Глава 8. Собеседник
- Глава 9. Лазурный Дом
- Глава 10. Последний год
- Глава 11. Празднество
- Глава 12. Изменник
- Глава 13. Пиктор города Тракса
- Глава 14. «Терминус Эст»
- Глава 15. Бапдандерс
- Глава 16. Лавка тряпичника
- Глава 17. Вызов
- Глава 18. Разрушение алтаря
- Глава 19. Ботанические Сады

Глава 20. Зеркала Отца Инира
Глава 21. Хижина в джунглях
Глава 22. Доркас
Глава 23. Хипьдегрин
Глава 24. Цветок Смерти
Глава 25. Харчевня Утраченной Любви
Глава 26. Трубный зов
Глава 27. «Он мертв?»
Глава 28. Казнедей
Глава 29. Агилюс
Глава 30. Ночь
Глава 31. Тень палача
Глава 32. Пьеса
Глава 33. Пять ног
Глава 34. Утро
Глава 35. Гефор
Примечание переводчика
Коготь миротворца
Глава 1. Деревня Сальтус
Глава 2. Человек во мраке
Глава 3. Балаган
Глава 4. Букет
Глава 5. Ручей
Глава 6. Синий свет
Глава 7. Наемные убийцы
Глава 8. Похитители

Глава 9. Повелитель листьев
Глава 10. Теа
Глава 11. Текла
Глава 12. Ночницы
Глава 13. Коготь Миротворца
Глава 14. Вестибюль
Глава 15. Призрачное свечение
Глава 16. Иона
Глава 17. Сказка об ученом и его сыне
  Часть 1. Твердыня магов
  Часть 2. Явление героя
  Часть 3. Встреча с принцессой
  Часть 4. Битва с великаном
  Часть 5. Смерть ученого
Глава 18. Зеркала
Глава 19. Кладовые
Глава 20. Картины
Глава 21. Гидромантия
Глава 22. Олицетворения
Глава 23. Иолента
Глава 24. Пьеса доктора Тапоса
Глава 25. Нападение на иеродулов
Глава 26. Расставание
Глава 27. К Траксу
Глава 28. Наложница Абайи
Глава 29. Пастухи

Глава 30. Снова торговец
Глава 31. Очищение
ПРИЛОЖЕНИЯ
Меч ликтора
1. ХОЗЯИН ДОМА ЦЕПЕЙ
2. НАД ВОДОПАДОМ
3. У ЛАЧУГИ НИЩЕГО
4. В БАШНЕ ВИНКУЛЫ
5. КИРИАКА
6. БИБЛИОТЕКА ЦИТАДЕЛИ
7. СОБЛАЗНЫ
8. НА СКАЛЕ
9. САЛАМАНДРА
10. СВИНЕЦ
11. ДЕСНИЦА ПРОШЛОГО
12. ВНИЗ ПО ВОДОСТОКУ
13. В ГОРАХ
14. В ДОМЕ ВДОВЫ
15. ОН НАСТИГ ТЕБЯ!
16. АЛЬЗАБО
17. МЕЧ ЛИКТОРА
18. ДВА СЕВЕРЬЯНА
19. СКАЗКА О МАЛЬЧИКЕ ПО ПРОЗВИЩУ ЛЯГУШОНОК
Часть первая. Юное Лето и ее сын
Часть вторая. Лягушонок находит новую мать

Часть третья. Золото Черного Убийцы
Часть четвертая. Рыбкина борозда
20. КОЛДОВСКОЙ КРУГ
21. ПОЕДИНОК МАГОВ
22. У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ
23. ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОД
24. ТРУП
25. ТИФОН И ПЬЯТОН
26. ОЧИ МИРА
27. НА ГОРНЫХ ТРОПАХ
28. УЖИН У СТАРЕЙШИНЫ
29. ЛОДКА СТАРЕЙШИНЫ
30. НАТРИЙ
31. ОЗЕРНЫЕ ЛЮДИ
32. НА ПУТИ К ЗАМКУ
33. ОССИПАГО, БАРБАТУС И ФАМУЛИМУС
34. МАСКИ
35. СИГНАЛ
36. БОЙ ВО ДВОРЕ ЗАМКА
37. «ТЕРМИНУС ЭСТ»
38. КОГОТЬ
ПРИЛОЖЕНИЕ. ЗАМЕТКА О ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Аннотация

Содержание:
Пыточных дел мастер (роман)
Коготь Миротворца (роман)
Меч ликтора (роман)

Джин Вулф
Книга Нового Солнца. Том 1

Пыточных дел мастер

Тысячелетья – ничто пред тобой,
столь быстротечен их лет;
кратки, как стража, вершащая ночь,
прежде чем солнце взойдет.

Глава 1
Воскресение и смерть

Пожалуй, я уже тогда почувствовал приближение беды. Ржавая решетка ворот, преградившая нам путь, и пряди тянувшегося с реки тумана, обволакивавшие острые навершия прутьев, словно горные пики, и поныне остаются для меня символами изгнания. Вот почему моя повесть начинается сразу после того, как мы переплыли реку, причем я, ученик гильдии палачей Северьян, едва не утонул.

— А стража-то нет, — сказал Рош, мой друг, Дротту, который и без него отлично видел, как обстоят дела.

Парнишка по имени Эата неуверенно предложил обойти кругом. Кивок и жест веснушчатой руки означали несколько тысяч шагов через трущобы под стеной и подъем по склону холма — туда, где стена Цитадели выше всего. Этот путь мне еще предстоит пройти — гораздо позже.

— И нас вот так, запросто, пропустят через барбикен? Ведь за мастером Гурло пошлют.

— Но почему стража нет на месте?

— Какая разница? — Дротт тряхнул решетку. — Эата, попробуй — может, пролезешь меж прутьев.

Что ж, Дротт — наш капитан. Эата просунул меж прутьями плечо и руку, и тут же стало ясно, что дело безнадежно: туловище не пройдет.

— Кто-то идет, — прошептал Рош.

Дротт выдернул Эату из решетки.

Я оглянулся. Там, в конце улицы, мелькали фонари; до ушей моих донеслись шаги и голоса. Я приготовился прятаться, но Рош удержал меня:

— Погоди! Они с пиками!

— Думаешь, страж возвращается?

Он покачал головой:

— Слишком много.

— По меньшей мере, дюжина, — подтвердил Дротт.

Мы еще не обсохли после купания в Гьолле. В памяти своей я и посейчас стою у тех ворот, дрожа от холода. Как все, что, будучи с виду непреходящим, неотвратимо идет к концу, мгновения, казавшиеся тогда неимоверно быстротечными, напротив, возрождаются вновь и вновь — не только в памяти моей (которая к конечном счете не позволяет пропасть ничему), в биении сердца, в морозце по коже возобновляются они, совсем

как наше Содружество ежеутренне возрождается к жизни под пронзительный рев горнов.

Насколько позволял судить тускло-желтый свет фонарей, на подошедших не было доспехов, однако при них имелись не только пики, замеченные Дроттом, но и топоры с посохами. А на поясе их вожака — длинный обоюдоострый нож. Но меня гораздо сильнее заинтересовал увесистый ключ на шнурке, обвивавшем его шею, по виду он вполне подошел бы к замку на воротах.

Малыш Эата беспокойно шевельнулся. Главный, заметив нас, поднял фонарь над головой.

— Мы ждем здесь, чтобы пройти внутрь, добрый человек, — громко сказал Дротт.

Ростом он был повыше, но темное лицо его выражало крайнюю степень почтения.

— Только после рассвета, — буркнул вожак. — А пока, ребята, ступайте-ка по домам.

— Добрый человек, страж должен был впустить нас, но отлучился куда-то…

Вожак шагнул к нам, причем ладонь его легла на рукоять ножа.

— Нынче ночью вы сюда не пройдете.

Какое-то мгновение я боялся, что он догадался, кто мы.

Дротт отступил, а мы встали за его спиной.

— Кто вы, добрые люди? С виду — не солдаты…

— Мы добровольцы, — сказал один из подошедших. — Пришли охранять своих умерших.

— Значит, вы можете пропустить нас. Вожак отвернулся.

— Туда не войдет никто, кроме нас.

Ключ его заскрежетал в замке. Ворота распахнулись. И, прежде чем кто-либо смог помешать ему, Эата метнулся внутрь. Кто-то выругался; вожак и еще двое добровольцев ринулись следом, но Эата оказался проворней. Его шевелюра цвета пеньки и залатанная рубаха, попетляв среди осевших могил нищих, исчезли в зарослях изваяний выше по склону. Дротт тоже устремился за ним, но его схватили за руки.

— Нужно же найти его! Не украдем мы ваших умерших…

— А тогда зачем вам туда понадобилось? — спросил один из добровольцев.

— Собрать травы, — отвечал Дротт. — Мы — подмастерья у лекаря. Больных ведь нужно лечить, как по-твоему?

Доброволец молча таращился на него. Погнавшись за Эатой, человек с ключом бросил свой фонарь. В неверном свете оставшихся двух фонарей доброволец выглядел вовсе глупым и

невинным; по-моему, он был просто каким-то чернорабочим.

— Ты должен знать, — продолжал Дротт, — что некоторые ингредиенты обретают полную силу лишь будучи извлечены из кладбищенской почвы при лунном свете. Скоро ударят заморозки, и все погибнет, а нашим мастерам не обойтись без запасов на зиму. Три мастера устроили нам разрешение войти сюда нынче ночью; этого же парнишку я нанял у его отца нам в помощь.

— А вам не во что складывать эти… составляющие! До сих пор не устаю восхищаться находчивостью Дротта!

— Мы вяжем их в снопы и высушиваем, — с этими словами он, без малейшей заминки, вынул из кармана клубок обычной бечевки.

— Понятно… — пробормотал доброволец, явно ничего не понимавший.

Мы с Рошем придвинулись к воротам поближе, но Дротт, напротив, отступил на шаг.

— Если вы не позволите нам собрать травы, мы лучше пойдем. Пожалуй, мы теперь не отыщем там даже этого паренька.

— Никуда вы не пойдете. Его нужно убрать оттуда.

— Хорошо…

Дротт нехотя шагнул в ворота. Мы, в сопровождении добровольцев, двинулись за ним. Вот некоторые мистические доктрины утверждают, будто вещный мир создан не чем иным, как человеческим разумом, поскольку управляют нами искусственные категории, в которые мы помещаем предметы, по существу недифференцированные, еще более неосязаемые, чем изобретенные для них слова. Вот этот самый принцип я в ту ночь понял интуитивно, едва услышав, как доброволец, замыкавший шествие, захлопнул за нами ворота.

— Ну, я пошел дежурить при своей матери, — сказал доброволец, молчавший до сих пор. — И так сколько времени потратили даром — ее уже за лигу отсюда могли бы унести!

Прочие согласно забормотали, и отряд рассыпался. Один фонарь двинулся влево, другой — вправо. Мы же с оставшимися добровольцами поднялись на центральную аллею, которой всегда возвращались к рухнувшему участку стены Цитадели.

Я не забываю ничего. В этом — моя природа, радость моя и проклятие. Каждый лязг цепи и посвист ветра, оттенок, запах и вкус сохраняются в памяти моей неизменными. Я знаю, что так бы-

вает не со всеми, однако не могу представить, как может быть иначе. Наверное, это — наподобие сна, когда не осознаешь того, что творится вокруг. А несколько белых ступеней, ведших к центральной аллее, и сейчас стоят перед моим взором…

Воздух становился все холоднее. Света при нас не было, да вдобавок с Гьолла начал подниматься туман. Несколько птиц, прилетевших ночевать на ветвях сосен и кипарисов, никак не могли угомониться, тяжело перелетая с дерева на дерево. Я помню, что чувствовали мои ладони, растиравшие мерзнувшие плечи, помню мерцание удалявшихся фонарей среди надгробных плит, помню запах реки, принесенный туманом и пропитавший мою рубаху, смешавшись с резким запахом свежевскопанной земли. В тот день я едва не утонул, запутавшись в гуще подводных корней, а ночью — впервые почувствовал себя взрослым.

Раздался выстрел — я никогда прежде не видел такого. Лиловая молния расщепила темноту, словно клин, и темнота с громом сомкнулась вновь. Где-то рухнул монумент. И вновь — тишина, в которой, казалось, растворилось все вокруг. Мы пустились бежать. Неподалеку закричали люди, сталь зазвенела о камень, точно чей-то

клинок ударил по могильной плите. Я рванулся прочь по совершенно незнакомой (по крайней мере, так мне показалось) аллее, узкой — едва-едва разойтись двоим, выложенной обломками костей и вонзавшейся, точно сломанное ребро, в небольшую низинку. В тумане не разглядеть было ничего, кроме темных глыб памятников по бокам аллейки. Затем дорожка внезапно, точно ее выдернули, исчезла из-под ног — видимо, я где-то прозевал поворот. Едва увернувшись от обелиска, словно из-под земли выросшего передо мною, я на полном ходу врезался в человека, одетого в черное пальто.

Он оказался жестким, точно дерево; удар при столкновении сшиб меня с ног и на время лишил способности дышать. Человек в черном пальто тихо выругался, а затем я услышал свист рассеченного клинком воздуха.

— Что случилось? — спросил другой голос.

— Кто-то налетел на меня. И исчез, кто бы он ни был. Я замер.

— Открой фонарь.

Этот голос принадлежал женщине и был очень похож на воркованье голубки, если не считать повелительного тона.

— Госпожа, они накинутся на нас, как стая дхо-

лей, — возразил тот, на кого я налетел.

— Они в любом случае скоро будут здесь — Водалус стрелял. Ты должен был слышать.

— Ну, выстрел их скорее отпугнет.

В разговор снова вступил человек, заговоривший первым — я был тогда еще слишком неопытен, чтобы распознать характерный акцент экзультанта:

— Лучше бы я не брал это с собой. Против людей такого сорта — нужды нет.

Теперь он был гораздо ближе; какое-то мгновение я мог видеть его сквозь туман — очень высокий, худощавый, с непокрытой головой, он стоял возле толстяка, на которого я наткнулся. Третьей была женщина, закутанная в черное. Лишившись дыханья, я не в силах был двигаться, однако как-то сумел отползти за постамент статуи и, едва оказавшись в безопасном месте, снова принялся наблюдать за ними.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Я различил правильное, продолговатое лицо женщины и отметил, что она почти одного роста с худощавым человеком по имени Водалус.

— Трави помалу, — скомандовал толстяк, скрытый теперь от моих глаз.

На слух, он находился всего лишь в паре шагов

от того места, где я прятался, но из виду пропал надежно, точно вода, вылитая в колодец. Затем я увидел, как к ногам худощавого придвинулось что-то черное (должно быть, тулья шляпы толстяка), и понял, в чем дело: толстяк спустился в могильную яму!

— Как она? — спросила женщина.

— Свежа, как роза, госпожа! Запаха почти не чувствуется, тревожиться не о чем. — С невероятным для его сложения проворством он выпрыгнул из ямы. — Берите другой конец, сеньор; вытащим легче, чем морковь из грядки!

Что сказала после этого женщина, я не расслышал. Худощавый ответил:

— Тебе не стоило ходить с нами, Теа. Как я буду выглядеть перед остальными, если вовсе ничем не рискую?

Они с толстяком закряхтели от напряжения, и я увидел, как возле их ног появилось что-то белое. Оба наклонились, чтобы поднять его. И вдруг — точно амшаспанд коснулся их своим сияющим жезлом — туман всклубился, уступив дорогу зеленому лунному лучу. В руках их был труп, тело женщины. Темные волосы ее спутались, лиловато-серое лицо отчетливо контрастировало с длинным платьем из какой-то светлой ткани.

— Видишь, сеньор? — сказал толстяк. — Как я и говорил. Ну вот, госпожа, — осталось всего ничего. Только за стену переправить.

Стоило этим словам слететь с его губ, я услыхал чей-то вопль. На дорожке, ведшей в низинку, появились трое добровольцев.

— Придержи их, сеньор, — буркнул толстяк, взваливая тело на плечо. — Я пригляжу за дамами.

— Возьми это, — сказал Водалус. Поданный им пистолет сверкнул в лунном луче, словно зеркальце.

— Сеньор, — ахнул толстяк, — я и в руках-то никогда не держал…

— Возьми, может пригодиться!

Водалус нагнулся и поднял что-то наподобие темной палки. Металл прошуршал по дереву, и в руке его оказался узкий блестящий клинок.

— Защищайтесь! — крикнул он. Женщина, точно голубка, заслышавшая клич арктотера, выхватила блестящий пистолет из руки толстяка, и оба они отступили в туман.

Трое добровольцев приостановились, затем один двинулся вправо, другой — влево, чтобы напасть разом с трех сторон. Оставшийся на белой дорожке из обломков костей был вооружен

пикой, а один из его товарищей — топором.

Третьим оказался вожак добровольцев — тот самый, что говорил с Дроттом у ворот.

— Кто ты такой?! — закричал он. — Какого Эребуса явился сюда и чинишь непотребства?!

Водалус молчал, но острие его меча пристально следило за добровольцами.

— Вместе, разом! — зарычал вожак. — Взяли! Однако добровольцы замешкались, и прежде чем они смогли приблизиться, Водалус ринулся вперед. Клинок его, сверкнув в тусклом лунном луче, заскрежетал о навершие пики — точно стальная змея скользнула по бревну из железа. Пикинер с воплем отскочил назад; Водалус отпрыгнул тоже (наверное, опасаясь, как бы двое оставшихся не зашли с тыла), потерял равновесие и упал.

Все происходило в темноте, да и туман вовсе не улучшал видимости. Конечно, я видел все, однако и мужчины и женщина с правильным, округлым лицом были для глаз моих лишь темными силуэтами. И все же что-то тронуло меня. Быть может, готовность Водалуса умереть, защищая эту женщину, заставила меня проникнуться к ней особой симпатией и уж наверняка породила восхищение перед самим Водалусом. Сколько раз с тех пор я, стоя на шатком помосте посреди

рыночной площади какого-нибудь городишки и занося мой верный «Терминус Эст» над головою какого-нибудь жалкого бродяги, окутанный ненавистью толпы и — что еще омерзительнее — грязным сладострастием тех, кому доставляет наслаждение чужая боль и смерть, вспоминал Водалуса на краю могильной ямы и поднимал свой клинок так, точно бью за него.

Водалус, как я уже говорил, споткнулся. В тот миг я поверил, будто вся жизнь моя брошена на чашу весов вместе с его жизнью.

Добровольцы, зашедшие с флангов, кинулись на него, но тот не выпустил из рук оружия. Клинок сверкнул в воздухе, хотя хозяин его еще не успел подняться. Помнится, я подумал, что мне очень пригодился бы такой меч в тот день, когда Дротт сделался капитаном учеников, а затем живо представил себя на месте Водалуса.

Человек с топором, в чью сторону был сделан выпад, отступил, а другой ринулся в атаку, выставив перед собою нож. Я к этому моменту уже поднялся на ноги и наблюдал за схваткой через плечо халцедонового ангела. Водалус едва увернулся от удара, и нож вожака добровольцев ушел в землю по самую гарду. Водалус отмахнулся мечом, но клинок был слишком длинен для ближ-

него боя. Вожак, вместо того чтобы отступить, бросил оружие и сжал Водалуса в борцовском захвате. Дрались они на самом краю могильной ямы — наверное, Водалус увяз в вынутой из нее земле.

Второй доброволец поднял топор, но в последний миг замешкался — ближним к нему был вожак. Тогда он обошел сцепившихся на краю могилы, чтобы ударить наверняка, и оказался меньше чем в шаге от моего укрытия. Пока он менял позицию, Водалус вытащил из земли нож и вонзил его в глотку вожака. Топор взметнулся вверх; я почти рефлекторно поймал топорище под самым лезвием и тут же оказался в самой гуще событий. Ударил ногой, взмахнул топором — и внезапно обнаружил, что все кончено.

Хозяин окровавленного топора в моих руках был мертв. Вожак добровольцев корчился у наших ног. Пикинер успел удрать, лишь пика его мирно лежала поперек дорожки. Водалус поднял из травы черную трость и упрятал в нее свой меч.

— Кто ты?

— Северьян. Палач. То есть ученик палача, сеньор. Ордена Взыскующих Истины и Покаяния. — Тут я набрал полную грудь воздуха. — Я

— водаларий. Один из тысяч водалариев, о которых тебе не известно ничего.

Слово «водаларий» мне довелось слышать где-то однажды.

— Держи!

Он вложил мне в ладонь предмет, оказавшийся небольшой монеткой, отполированной до такой степени, что на ощупь она казалась жирной. Сжимая монетку в кулаке, я стоял возле осквернённой могилы и смотрел ему вслед. Туман поглотил Водалуса еще прежде, чем тот выбрался из низинки. Через несколько мгновений серебристый флайер, острый, точно стрела, со свистом пронесся над моей головой.

Нагнувшись за ножом, выпавшим из горла вожака добровольцев — видимо, тот, корчась в судорогах, выдернул его, — я обнаружил, что все еще сжимаю монетку в кулаке, и сунул ее в карман.

Вот мы полагаем, будто символы созданы нами. На самом же деле это символы создают нас, определяя наши формы своими жесткими рамками. Солдату, принимающему присягу, вручают монету — серебряный азими с чеканным профилем Автарха. Принять монету — значит принять на себя все обязанности, связанные с бременем во-

енной службы; с этого момента ты — солдат, хоть, может быть, ни аза не смыслишь в обращении с оружием. Тогда я еще не знал, насколько глубоко заблуждение, будто подобные вещи оказывают влияние, лишь будучи осмысленными. Фактически такая точка зрения есть суеверие — самое темное и безосновательное. Считающий так верует в действенность чистого знания; люди же рациональные отлично понимают, что символы действуют сами по себе либо не действуют вовсе.

Итак, в тот миг, когда монетка упала на дно моего кармана, я ничего не знал о догмах, исповедуемых движением во главе с Водалусом, но совсем скоро изучил их все — самый воздух был насыщен ими. Вместе с ним я ненавидел автократию, хоть и не представлял себе, чем ее можно заменить. Вместе с ним я презирал экзультантов, неспособных восстать против Автарха и отсылавших ему прекраснейших из своих дочерей для церемониального конкубината. Вместе с ним я питал отвращение к народу, которому так сильно недоставало дисциплины и здравого смысла. Из тех же ценностей, которые мастер Мальрубиус пытался привить мне в детстве, а мастер Палаэмон прививал и по ту пору, я принял лишь одну — верность гильдии. И был абсолютно прав — те-

перь для меня было вполне приемлемо служить Водалусу и в то же время оставаться палачом. Так оно складывалось и тогда, когда я пустился в долгий путь, завершением коему стал мой трон.

Глава 2
Северьян

Память подавляет меня. Будучи взращен среди палачей, я никогда не знал ни отца своего, ни матери. Да и прочие собратья мои во ученичестве знали о своих родителях не больше. Время от времени — особенно с наступлением зимы — у Дверей Мертвых Тел гомонят обиженные жизнью, надеющиеся быть принятыми в нашу древнюю гильдию. Они частенько награждают Брата Привратника повествованиями о пытках, которым охотно подвергли бы любого ради тепла и пищи, а порой даже приносят с собою ни в чем не повинных животных для наглядной демонстрации.

Все эти бедолаги уходят ни с чем. Традиции дней нашей славы, предвосхищавших нынешний век упадка и ту эпоху, что предшествовала ему, и ту, что была перед нею, обычаи времен, название коим помнит сейчас не всякий книжник, запрещают вербовку людей подобного сорта. И традиции эти чтились даже во времена, о которых я пишу, когда гильдия сократилась до двух

мастеров при менеа чем двух десятках подмастерьев.

В памяти моей живы все ранние воспоминания. Первое из них — я складываю в кучу булыжники на Старом Подворье, что лежит к юго-западу от Башни Ведьм и отгорожено от Большого Двора. Стена, в обороне которой полагалось участвовать нашей гильдии, уже тогда была разрушена; между Красной и Медвежьей Башнями зияла широченная дыра — оттуда я частенько, вскарабкавшись на груду обвалившихся плит тугоплавкого серого металла, любовался некрополем, уходившим вниз по склону Крепостного Холма.

Когда я стал постарше, некрополь превратился в место моих игр. Днем его извилистые аллеи патрулировались стражей, однако главной заботой патрульных были свежие могилы у подножия холма. Кроме того, они знали, что мы принадлежим к палачам, и выгонять нас из укромных кипарисовых рощ отваживались лишь изредка.

Говорят, наш некрополь — древнейший в Нессусе. Вранье, конечно же, но само существование подобного мнения подтверждает его древность, хотя автархов здесь не хоронили даже в те времена, когда Цитадель была главной их рези-

денцией, а знатнейшие семейства, как и сейчас, предпочитали предавать своих длиннооруких и длинноногих покойников земле сокровищниц собственных поместий. Армигеры и оптиматы хоронили своих наверху, под самой стеной Цитадели, простолюдины лежали ниже, а могилы нищих и бродяг без роду и племени достигали жилых кварталов на берегу Гьолла. Мальчишкой я редко забирался так далеко от Цитадели — даже вполовину.

Мы всегда держались втроем — Дротт, Рощ и я. Потом присоединился еще Эата, старший из прочих учеников. Ни один из нас не был рожден среди палачей — таких не бывает вовсе.

Говорят, в древности женщины состояли в гильдии наряду с мужчинами, и их сыновья и дочери посвящались в гильдейские таинства, как принято сейчас среди золотых дел мастеров и во многих других гильдиях. Но Имар Без Малого Праведный, заметив, сколь были жестоки те женщины и сколь часто превышали они пределы назначенных им наказаний, повелел, чтобы «впредь женскаго полу среди гильдейских отнюдь не держать».

* * *

С тех пор ряды наши пополняются лишь детьми тех, кто попадает к нам в руки. В Башне Сообразности у нас приспособлен железный прут, вбитый в перегородку на уровне паха взрослого мужчины, и дети мужского пола, ростом не выше этого прута, воспитываются нами как собственные. Когда же к нам присылают женщину в тягостях, мы вскрываем ее, и, если дитя является мальчиком и начинает дышать, нанимаем для него кормилицу. Девочки отсылаются к ведьмам. Так ведется у нас со дней Имара, забытых много сотен лет назад.

Таким образом, никто из нас не знал своих предков. Каждый мог бы быть и экзультантом — к нам присылают много высоких персон. С детства у каждого из нас складываются собственные догадки на этот счет, каждый пытается расспросить старших наших братьев-подмастерьев, но те, замкнувшиеся в собственной горечи, обычно скупы на слова. В тот год, о котором я пишу, Эата вычертил на потолке над своей койкой герб одного из северных кланов, возомнив, будто ведет происхождение от этой семьи.

Что до меня — сам я уже считал моим собствен-

ным герб, отчеканенный на бронзовой пластине над дверью одного мавзолея. Фонтан над гладью вод, корабль с распростертыми крыльями, а в нижней части — роза. Дверь давно разбухла от дождей и покоробилась, на полу лежали два пустых гроба, а еще три, слишком тяжелые для меня и до сих пор нетронутые, ждали на полках вдоль стены. Но не гробы — закрытые ли, открытые — составляли привлекательность этого места, хотя на остатках мягких, поблекших подушек последних я иногда отдыхал. Привлекал, скорее, уют небольшого помещения, толщина каменных стен с единственным крохотным оконцем, забранным единственным железным прутом, и массивность бесполезной, никогда не затворяющейся двери.

Сквозь окно и дверной проем я, скрытый от чьих-либо глаз, мог наблюдать за яркой жизнью деревьев, кустов и травы снаружи. Кролики и коноплянки, убегавшие и разлетавшиеся при приближении, не слышали и не чуяли меня здесь. Я видел, как водяная ворона строит себе гнездо и взращивает птенцов в двух кубитах от моих глаз. Я видел, как лис — огромный, крупнее любой собаки, кроме самых больших, которых называют ручными волками, — рысцой бежит сквозь кустарник. Однажды этот лис по каким-то своим,

лисьим, делам забрался даже в разрушенные кварталы на юге — я видел, как он возвращался оттуда в сумерках. Каракара выслеживала для меня гадюк, скокл на вершине сосны расправлял крылья, готовясь взлететь…

Момент вполне подходит для описания всего того, за чем я наблюдал так долго. Десятка саросов не хватило бы мне, чтобы описать значение всего этого для оборванного мальчишки, ученика палачей. Две мысли (почти мечты) постоянно владели мною и делали эти вещи бесконечно дорогими. Первая — что уже в обозримом будущем само время остановится; дни, сверкающие яркими красками и столь долго тянущиеся один за другим, словно ленты из шляпы фокусника, придут к концу; тусклое солнце мигнет и погаснет. Вторая же предполагала, будто где-то существует источник чудесного света (иногда я представлял его себе в виде свечи, а порою — факела), дарующего жизнь всему, что попадет в его лучи, — у опавшего листа отрастут тоненькие ножки и щупальца, а сухая колючая ветка откроет глазки и снова вскарабкается на дерево.

Но иногда, особенно в жаркие, сонные полуденные часы, смотреть было почти не на что. Тогда я отворачивался к бронзовой табличке над

дверью и гадал, какое отношение ко мне имеют корабль, фонтан и роза, или глазел на бронзовый саркофаг, мною же найденный, отполированный и установленный в углу. Покойный лежал, вытянувшись во весь рост и сомкнув тяжелые веки. При свете, проникавшем в мавзолей сквозь оконце, я изучал лицо покойного, сравнивая его со своим, отражавшимся в полированном металле. Мой нос, прямой и острый, впалые щеки и глубоко посаженные глаза были такими же, как у него. Ужасно хотелось выяснить, был ли он, как и я, темноволос.

Зимой я навещал некрополь лишь изредка, но с приходом весны этот мавзолей и его окрестности неизменно служили мне местом для наблюдений и отдыха в тишине. Дротт, Рош и Эата тоже приходили в некрополь, но я никогда не показывал им своего излюбленного убежища; у них, как и у меня, также имелись свои потайные местечки. Собираясь вместе, мы вообще редко лазали по склепам. Мы сражались на мечах из веток, швырялись шишками в солдат, играли в «веревочку», в «мясо» или — при помощи разноцветных камешков — в шашки, расчертив под доску землю на свежей могиле.

Так развлекались мы в лабиринте могил, также

принадлежавшем Цитадели, а иногда еще плавали в огромном резервуаре у Колокольной Башни. Конечно, там, под толстым каменным сводом, нависавшим над темной и бесконечно глубокой водой, было холодно и сыро даже летом. Однако в резервуаре можно было купаться и зимой, да вдобавок купанье это обладало преимуществом, главным, неоспоримым и решающим: оно было запрещено. Как упоительно было прокрадываться к резервуару и не зажигать факелов, пока за нами не захлопнется тяжелая крышка люка! Как плясали наши тени на отсыревших камнях, когда пламя охватывало просмоленную паклю!

Как я уже говорил, другим местом для купанья был Гьолл, огромной, усталой змеей проползавший сквозь Нессус. С наступлением теплых дней ученики компаниями шли купаться через некрополь мимо высоких старых гробниц под стеной Цитадели, мимо исполненных тщеславия последних прибежищ оптиматов, сквозь каменные заросли обычных памятников (минуя дородных стражей, опиравшихся на древки копий, мы старались изображать высшую степень почтения) и, наконец, через россыпи простых, смываемых первым же ливнем земляных холмиков, под которыми покоятся нищие.

На нижнем краю некрополя находились те самые железные ворота — я уже описывал их. Именно сквозь них (прибывали тела, подлежащие захоронению в могилах для бедных. Минуя ржавые решетчатые створы ворот, мы начинали чувствовать, что в самом деле вышли за пределы Цитадели и, безусловно, нарушили правила, ограничивавшие нашу свободу перемещений. Мы были уверены (или, по крайней мере, делали вид, будто уверены), что (старшие братья подвергнут нас пыткам, если проступок откроется. На самом же деле нас ожидала в худшем случае порка — такова доброта палачей, которых я впоследствии предал.

Гораздо опаснее были для нас обитатели многоэтажных жилых домов, тянувшихся вдоль грязной улицы, которой мы шли на реку. Порой мне думается, что гильдия просуществовала столь долго лишь потому, что служила средоточием людской ненависти, отвлекая ее от Автарха, экзультантов, армии и даже — в какой-то степени — от бледнокожих какогенов, порой прибывавших на Урс с дальних звезд.

Обитатели жилых кварталов обладали тем же чутьем, что и стражи, и тоже частенько догадывались, кто мы такие. Порой из окон на нас

выплескивали помои, а гневный ропот следовал за нами постоянно. Однако страх, породивший эту ненависть, служил нам защитой. Никто никогда всерьез не нападал на нас, а раз или два, когда на милость гильдии отдавали тирана-префекта или продажного парламентария, на нас лавиной рушились пожелания (большей частью непристойные либо невыполнимые) по поводу того, как с ним надлежит распорядиться.

В том месте, где мы купались, естественных берегов не было уже много сотен лет — два чейна воды, заросшей голубыми ненюфарами, были заперты меж каменных стен. С набережной в воду спускались около десятка лестниц, к которым должны были причаливать лодки, и в солнечные дни каждый пролет был занят компанией из десяти-пятнадцати шумных, драчливых юнцов. Нам четверым не хватало сил, чтобы отбить себе пролет у такой компании, однако они не могли (по крайней мере, ни разу не попробовали) и избавиться от нашего присутствия, хотя, завидев нас, начинали грозить расправой, а стоило нам устроиться возле, принимались дразниться.

Вскоре, однако ж, все они уходили прочь, и набережная оставалась в нашем распоряжении до следующего купального дня.

Я предпочел описать все это сейчас, так как после спасения Водалуса ни разу больше не ходил купаться. Дротт с Рошем думали, что я просто боюсь снова оказаться перед запертыми воротами. А вот Эата, пожалуй, понимал истинную причину — в мальчишках, которые вот-вот станут мужчинами, порой просыпается прямо-таки женское чутье. Все дело было в ненюфарах.

Некрополь никогда не казался мне обителью смерти; я знал, что кусты пурпурных роз, к которым люди питают такое отвращение, служат убежищем для многих сотен птиц и мелких зверьков. Экзекуции, которые я наблюдал и в которых столько раз принимал участие, были для меня не более чем ремеслом, обычной мясницкой работой (вот только люди зачастую куда менее невинны и ценны, чем скот). Когда я думаю о смерти — своей ли, кого-либо из тех, кто был добр ко мне, или даже о смерти нашего солнца, — перед мысленным взором моим появляется образ ненюфар с бледными, лоснящимися листьями и лазоревыми лепестками. И — черными, тонкими и прочными, словно волос, корнями, уходящими вниз, в темные, холодные глубины вод.

Мы, по молодости лет, вовсе не задумывались об этих цветах. Плескались среди них, плавали,

раздвигая их в стороны и не обращая на них ни малейшего внимания. А аромат их хоть как-то перебивал мерзкие, гнилостные испарения реки…

В тот день, перед тем как спасти Водалуса, я нырнул в самую гущу цветов, как делал до того тысячи раз.

И не смог вынырнуть. Меня угораздило попасть в такое место, где гуща корней была гораздо плотнее, чем где-либо еще. Я словно оказался пойман сразу в сотню сетей! Я открыл глаза, но ничего не увидел перед собою, кроме густой, черной паутины корней. Я хотел было всплыть — но тело оставалось на месте, хотя руки и ноги бешено загребали воду среди миллионов тонких черных нитей. Сжав пучок корней в горсти, я рванул их — и разорвал, но и это не помогло обрести подвижность. Легкие, казалось, распухли так, что закупорили горло и вот-вот задушат меня, а после — разорвутся на части. Мной овладело непреодолимое желание вдохнуть, втянуть в себя темную, холодную воду.

Я перестал понимать, где поверхность воды, и сама вода не воспринималась больше как вода. Силы оставили меня, и страх исчез, хотя я сознавал, что умираю или даже уже мертв. В ушах стоял громкий, неприятный звон — и перед глазами

возник мастер Мальрубиус, умерший несколько лет назад. Он будил нас, колотя ложкой по металлической перекладине — вот откуда взялся этот звон! Я лежал в койке, не в силах подняться, хотя все прочие — Дротт, Рош и ученики помладше были уже на ногах, зевали спросонья и одевались, путаясь в рукавах и штанинах. Мантия мастера Мальрубиуса была распахнута, открывая обвисшую кожу на груди и животе, мускулы и жир которых были съедены временем. Я хотел было сказать ему, что уже проснулся, но не смог издать ни звука. Он пошел вдоль ряда коек, колотя ложкой по перекладине, и через какое-то время, показавшееся мне вечностью, достиг амбразуры, остановился и выглянул наружу. Я понял, что он высматривает меня на Старом Подворье.

Но взгляд его не мог достичь меня — я был в одной из камер под пыточной комнатой, лежал на спине и смотрел в серый потолок. Где-то плакала женщина, но я не видел ее, а женские рыдания вытеснял из сознания звон — звон ложки о металлическую перекладину. Тьма сомкнулась надо мной, во тьме появилось лицо женщины — огромное, точно зеленый лик луны в ночном небе. Но плакала не она — я все еще слышал рыдания, а лицо этой женщины было безмятежно

и исполнено той красоты, что не приемлет вовсе никаких выражений. Руки ее потянулись ко мне, и я тут же превратился в едва оперившегося птенца, которого год назад вытащил из гнезда в надежде приручить — ладони женщины превосходили размерами гробы из моего потайного мавзолея, в которых я иногда отдыхал. Руки схватили меня, подняли — и тут же швырнули вниз, прочь от ее лица и звуков рыданий, в непроглядную темноту. Достигнув чего-то, показавшегося мне донным илом, я вырвался наружу, в мир света, окаймленного черным.

Но дышать я по-прежнему не мог — да и не хотел, и грудь не желала, как обычно, двигаться сама по себе. Я заскользил по воде, хотя не знал, что меня тащат (позже выяснилось, что это Дротт тащил меня за волосы), и оказался на холодных, скользких камнях, а Дротт с Рошем по очереди принялись вдувать воздух мне в рот. Глаза их мелькали передо мной, точно узоры в окошке калейдоскопа. Глаза Эаты — их было очень уж много — я отнес на счет неполадок в собственном зрении.

В конце концов я отпихнул Роша и изверг из себя огромное количество черной воды. После этого мне полегчало. Я сумел сесть и начал поне-

многу дышать; смог даже пошевелить слабыми, дрожащими руками. Глаза, окружавшие меня, принадлежали реальным людям — жителям выходивших на набережную домов. Какая-то женщина подала мне чашку чего-то — я не смог разобрать, чай это был или бульон. Питье оказалось обжигающе горячим, слегка соленым и припахивающим дымом. Я поднес чашку ко рту и почувствовал легкий ожог на губах и языке.

— Ты уж не утопиться ли хотел? — спросил Дротт. — И как только выплыть смог?! Я покачал головой.

— Так и вылетел из воды! — сказали из толпы. Рош подхватил чашку — я едва не выронил ее.

— Мы-то думали, ты где-то вынырнул и прячешься! Чтобы над нами подшутить…

— Я видел Мальрубиуса.

Какой-то старик — судя по заляпанной смолой одеж-де, лодочник — вдруг схватил Роша за плечо:

— Это кто такой будет?

— Был мастером учеников. Он давно умер.

— То есть не женщина?

Старик держал за плечо Роша, но взгляд его был устремлен на меня.

— Нет, нет, — ответил Рош. — У нас в гильдии

нет женщин.

Несмотря на горячее питье и теплый солнечный день, я ужасно замерз. Один из мальчишек, с которыми мы дрались когда-то, принес насквозь пропыленное одеяло, и я закутался в него, но встать и пойти все равно смог очень не скоро. Когда мы добрались до ворот некрополя, от статуи Ночи, венчавшей караван-сарай на противоположном берегу, остался лишь крохотный черный штришок на фоне пламенеющего заката, а ворота были закрыты и заперты на замок.

Глава 3
Пик Автарха

Взглянуть на монету, данную Водалусом, мне пришло в голову только посредь утра следующего дня. Как обычно, мы, обслужив подмастерьев в трапезной, позавтракали сами, встретились в классе с мастером Палаэмоном и, после краткой предварительной лекции, последовали за ним в нижние этажи наблюдать работу, начатую прошедшей ночью.

Но здесь, прежде чем писать дальше, наверное, стоит подробнее рассказать об устройстве нашей Башни Сообразности. Фасад ее выходит на западную, заднюю сторону Цитадели. На первом этаже расположены студии наших мастеров — там они проводят консультации с представителями юстиции и главами других гильдий. Над ними — общая комната, задней стеной примыкающая к кухне. Еще выше находится трапезная, которая служит нам не только местом приема пищи, но и залом для собраний. Над нею — личные каюты мастеров, которых в лучшие для гильдии времена было гораздо больше. Этажом выше

— каюты подмастерьев, над ними — дортуары учеников и классная комната, мансарды и анфилады заброшенных кабинетов. А на самом верху — орудийный отсек; то, что там осталось, членам гильдии полагается обслуживать в случае нападения на Цитадель противника.

Внизу, под всем этим, находятся рабочие помещения гильдии. Сразу под землей — комната для допросов, а под ней (то есть уже вне башни, ведь комната для допросов изначально была реактивным соплом) протянулись лабиринты темниц. Из них используются три этажа, к которым можно спуститься по центральной лестнице. Камеры их непритязательны, сухи и чисты, каждая снабжена столиком, креслом и узкой кроватью, которая жестко крепится к полу в центре помещения.

Светильники в темницах — из тех, древних, которые, говорят, должны гореть вечно, хотя некоторые уже погасли. В то утро сумрак подземных коридоров вовсе не омрачал моего настроения — наоборот, наполнял сердце радостью: ведь именно здесь я, став подмастерьем, буду работать, совершенствовать древнее искусство нашей гильдии, возвышусь до звания мастера гильдии и заложу фундамент для реставрации ее былой славы. Казалось, самый воздух коридоров

окутывает меня, словно одеяло, согретое у чистого, бездымного огня!

Мы остановились перед дверьми одной из камер, и дежурный подмастерье заскрежетал ключом в замке. Пациентка, находившаяся внутри, подняла голову и широко раскрыла темные глаза. Вероятно, ее напугала бархатная маска и черная мантия, в которые, согласно рангу, был облачен мастер Палаэмон, а может — массивное оптическое устройство, без которого он почти ничего не видел. Пациентка не проронила ни слова, и, уж конечно, никто из нас не заговорил с ней.

— Здесь, — начал мастер Палаэмон в своей обычной суховатой манере, — мы имеем нечто, выходящее за рамки стандартных юридических приговоров и хорошо иллюстрирующее возможности новейшей техники. Прошедшей ночью пациентка была подвергнута допросу — возможно, некоторые из вас имели возможность слышать ее. Двадцать минимов тинктуры были даны пациентке до начала процедуры и десять — по окончании. Доза лишь частично предотвратила шок и потерю сознания, вследствие чего процедура была прервана, — он подал знак Дротту, и тот начал разбинтовывать ногу пациентки, — как вы можете видеть, после удаления

кожи правой ноги.

— Полусапог? — спросил Рош.

— Нет, сапог полностью. Пациентка была служанкой, кожу которых мастер Гурло находит чрезвычайно прочной. Данный опыт наглядно доказал его правоту. Простое циркулярное рассечение было сделано под коленом, и край его зафиксирован восемью скобками. Результатом тщательного труда мастера Гурло, Одо, Меннаса и Эйгила явилась возможность удаления кожи от колена до кончиков пальцев без дальнейшего применения ножа.

Мы собрались вокруг Дротта. Мальчишки помладше принялись толкаться, делая вид, будто знают, на что именно нужно смотреть. Артерии и главные кровеносные сосуды остались неповрежденными, наблюдалось лишь незначительное общее кровотечение. Я помог Дротту сделать перевязку.

Мы уже двинулись к выходу, но женщина вдруг заговорила:

— Я не знаю! Ох, неужто вы думаете, что я не сказала бы, если б только знала? Она убежала с этим Водалусом-из-Леса, а куда — я не знаю!

Снаружи я, прикинувшись полным невеждой, спросил у мастера Палаэмона, кто такой этот

Водалус-из-Леса.

— Сколько раз я объяснял, что ни одно слово, сказанное пациентом во время допроса, не должно достигнуть твоих ушей?

— Много раз, мастер.

— И, видимо, попусту. Не за горами день возложения масок, Дротт с Рошем сделаются подмастерьями, а ты — капитаном учеников. Именно в таком духе ты будешь наставлять мальчишек?

— Нет, мастер.

Поймав многозначительный взгляд Дротта, стоявшего за спиной мастера Палаэмона, я понял: он знает, кто такой Водалус, и объяснит мне, как только выдастся удобный момент.

— Некогда подмастерьев нашей гильдии лишали слуха. Быть может, ты хочешь вернуть те дни, Северьян? И не держи руки в карманах, разговаривая с мастером.

Я нарочно сунул руки в карманы, чтобы отвлечь его гнев, но теперь, выполняя приказ, нащупал монету, данную мне Водалусом накануне. Страх, пережитый в схватке, совсем было вытеснил ее из памяти, а вот теперь вдруг до судорог захотелось взглянуть на нее — но мастер Палаэмон не сводил с меня своих блестящих линз.

— Когда пациент говорит, ты, Северьян, не

должен слышать ничего. Представь себе, что это — мышь, чей писк не имеет для людей ни малейшего смысла.

Я сощурил глаза, показывая, что изо всех сил стараюсь представить себе эту мышь.

На всем протяжении долгого, утомительного подъема в классную комнату я не мог избавиться от жгучего желания взглянуть на тоненький металлический диск, который сжимал в кулаке, однако шедший позади (это был Евсигниус, один из самых младших учеников) непременно увидел бы все. Ну, а в классе, где мастер Палаэмон монотонно читал урок над трупом десятидневной давности, монета привлекла бы к себе всеобщее внимание, и я не осмелился вынуть ее из кармана.

Удобный момент выдался лишь к вечеру, когда я спрятался в развалинах стены среди сверкающих на солнце мхов. Некоторое время я не решался разжать подставленный под солнечный луч кулак — боялся, как бы разочарование не оказалось больше того, что я смогу вынести.

Нет, не оттого, что для меня так уж важна была ценность монеты. Хоть я и стал взрослым, денег у меня было столь мало, что любая монетка сошла бы за улыбку фортуны. Скорее — оттого,

что монета, которая вот-вот утратит всю свою таинственность, была единственным звеном, связывавшим меня с прошлой ночью, единственной нитью, ведшей к Водалусу, прекрасной женщине в плаще с капюшоном и толстяку, на которого я налетел в темноте, единственным трофеем, вынесенным из схватки на краю отверстой могилы. Другой жизни, кроме гильдейской, я прежде не знал, и теперь она, в сравнении с блеском клинка экзультанта и раскатистым эхом выстрела среди надгробий, казалась мне такой же серой, как моя рваная рубаха.

И все это могло исчезнуть в один миг, стоило лишь разжать кулак!

Наконец, испив сладкий ужас до последней капли, я взглянул на монету. Та оказалась золотым хризосом. Я тут же сомкнул пальцы, боясь, что ошибся и принял за золото медный орихальк, и подождал, пока не наберусь храбрости разжать кулак снова.

Впервые в жизни я держал в руках золото. Орихальки видел во множестве, а несколькими даже владел сам. Раз или два попадался мне на глаза серебряный азими. А вот о существовании хризосов лишь, знал, причем знание это было так же туманно, как и знание о существовании мира

за пределами нашего города Нессуса и о других континентах на севере, востоке и западе.

На том хризосе, который я держал в руке, было изображено лицо, как мне показалось, женщины — увенчанной короной, ни молодой, ни старой, безмолвной и совершенной в лимонно-желтом металле. Наконец я повернул свое сокровище другой стороной — и тут у меня взаправду перехватило дух. На реверсе был вычеканен тот самый крылатый корабль с герба над дверью моего потайного мавзолея. Вот это лежало за гранью каких бы то ни было объяснений — настолько, что я в тот момент не стал даже строить никаких догадок, будучи вполне уверен в бесплодности любых построений. Поэтому я просто сунул монету обратно в карман и в некоторой прострации отправился назад, к своим товарищам-ученикам.

О том, чтобы держать монету при себе, не могло быть и речи. При первой же возможности я удрал в некрополь один и тщательно обыскал мой мавзолей. Погода в тот день изменилась, пришлось пробираться сквозь мокрый кустарник и высокую, жухлую траву, начавшую клониться к земле в предчувствии зимы. И убежище мое не было больше прохладной, уютной пещеркой;

оно превратилось в ледяную яму, внушавшую явственное чувство близости врагов, противников Водалуса, которым, без сомнения, уже известно, что я присягнул ему на верность, и которые, стоит мне войти внутрь, выскочат из засады и захлопнут дверь, висящую на новых, загодя смазанных петлях. Конечно, я понимал, что все это — чепуха, но в чепухе той была и доля истины. Я чувствовал близость тех времен, когда (через несколько месяцев или несколько лет) враги эти вправду станут охотиться за мной, и мне придется поднять топор, выбранный мною для боя, — ситуация, в которую, как правило, не попадают палачи.

В полу, у самого подножия бронзового саркофага, обнаружился расшатанный камень. Под него я спрятал свой хризос, а после прошептал заклинание, которому меня много лет назад выучил Рош, — несколько рифмованных строк, якобы обеспечивавших сохранность спрятанного:

Здесь лежи.

Кто ни придет, Стань прозрачен, будто лед; Взгляд чужой да не падет На тебя.

Здесь лежи, не уходи, Избегай чужой руки, Пусть дивятся чужаки, Но не я.

Чтобы заклятие в самом деле подействовало,

следовало обойти место клада в полночь, держа в руке пойманный блуждающий огонек, но тут я вспомнил Дроттовы выдумки насчет собирания трав на могилах в полночь, рассмеялся и решил положиться только на стишок, хотя был поражен тем, что достаточно повзрослел, чтобы не стесняться подобных вещей.

Шли дни, но впечатления от похода к мавзолею оставались достаточно яркими, чтобы удержать меня от попыток наведаться туда еще раз и проверить, на месте ли мое сокровище, как бы порой ни хотелось. Затем выпал первый снег, превративший развалины стены в скользкую, почти непреодолимую преграду, а издавна знакомый и привычный некрополь — в странные, чужие заросли снежных холмов. Монументы под покровом нового снега словно бы выросли, а кусты и деревья — съежились едва не вдвое.

Суть учения в нашей гильдии заключена в том, что бремя его, по первости легкое, тяжелеет по мере того, как взрослеет ученик. Самые младшие освобождены от работы вовсе, пока не достигнут шести лет от роду. После этого их работа состоит в беготне вверх-вниз по лестницам Башни Сообразности, и малыши, гордые оказанным доверием, вообще не воспринимают ее как труд. Однако со

временем работа их становится все обременительнее. Обязанности приводят ученика в другие части Цитадели — к солдатам в барбикен, где он узнает, что у учеников военных есть барабаны, трубы и офиклеиды, сапоги и даже блестящие кирасы; в Медвежью Башню, где он видит, как его сверстники-мальчишки учатся обращению с прекрасными боевыми зверями — мастиффами, чьи головы едва ли не больше львиных, и диатримами, превосходящими ростом человека, с окованными сталью клювами… И еще в сотню подобных мест, где он впервые узнает, что гильдию его ненавидят и презирают даже те (вернее, особенно те), кто пользуется ее услугами. Вскоре подоспевает мытье полов и кухонные наряды, причем всю интересную и приятную кухонную работу берет на себя брат Кок, так что на долю учеников остается чистить и резать овощи, прислуживать за столом подмастерьям да таскать вниз, в темницы, бесконечные груды подносов.

В то время я еще не знал, что вскоре мое ученичество, сколько себя помню — лишь тяжелевшее, резко сменит курс и станет куда менее утомительным и куда более приятным. Несколько лет перед тем, как стать подмастерьем, старший ученик только присматривает за работой младших.

Лучше становятся его пища и даже одежда. И подмастерья помладше начинают обращаться с ним почти как с равным. И — что приятнее всего — на него возлагается бремя ответственности, возможность отдавать приказы и добиваться их выполнения.

Когда же приходит день возвышения, он — уже взрослый. Он занимается лишь той работой, к которой его готовили и по выполнении коей может покидать Цитадель, даже получая деньги из свободных фондов на развлечения за ее пределами. Если же он когда-нибудь возвысится до звания мастера (каковая честь требует единогласного решения всех живых мастеров), то сможет выбирать работу по собственному вкусу и интересу, а также получит право непосредственного участия в решении гильдейских дел.

Но не следует забывать, что в тот год, о котором я пишу сейчас, в год, когда я спас жизнь Водалуса, я не сознавал всего этого. Зима (как мне сказали) временно прекратила сражения на севере; таким образом, Автарх со своими советниками и высшими чиновниками вернулись и возобновили отправление судебных дел.

— Значит, — объяснил Рош, — предстоит работа со всеми новоприбывшими пациентами. И

ожидаются еще — дюжины, если не сотни. Может, придется даже снова открывать четвертый этаж.

Взмах его веснушчатой руки означал, что уж он-то, по крайней мере, готов сделать все, что потребуется.

— Так он здесь? — спросил я. — Сам Автарх — здесь, в Цитадели? В Башне Величия?

— Конечно, нет. Если и приедет — ты уж всяко узнаешь, верно? Тут же пойдут парады, инспекции и все такое прочее. Да, в Башне Величия для него имеются покои, но двери их не отпирались сотню лет. А Автарх — в тайном дворце, в Обители Абсолюта, где-то к северу от города.

— И ты не знаешь, где это? Рош ощетинился:

— Как я могу сказать, в каком он месте, если там нет ничего, кроме самой Обители Абсолюта? Стоит на своем месте. На том берегу, дальше к северу.

— За Стеной?

Мое невежество заставило Роша улыбнуться.

— Далеко за Стеной. Идти пешком — выйдет не одна неделя. Автарх-то, конечно, если захочет, может вмиг домчаться сюда на флайере. На Флаг-Башню приземлится.

Однако наши новые пациенты прибывали вовсе не на флайерах. Тех, кто попроще, пригоняли в

связках по десять-двадцать человек, в цепях, продетых сквозь кольца ошейников. Таких охраняли димархии, бойцы, как на подбор, крепко сбитые, в простых, предельно практичных доспехах. Каждый пациент имел при себе медный цилиндрический футляр с личными документами и, таким образом, нес в своих руках собственную судьбу. Конечно же, все они срывали с футляров печати и читали те бумаги; некоторые пробовали уничтожать их или меняться друг с другом. Прибывших без документов держали до получения относительно их дальнейших указаний, причем некоторые за время ожидания умирали естественной смертью. Те, кто менялся бумагами, менялись судьбами; сидели в темнице или выходили на волю, подвергались пыткам либо казни вместо других.

Тех, кто поважнее, привозили в бронированных каретах. Стальные борта и обрешеченные окна этих экипажей служили не столько для предотвращения побегов, сколько для того, чтобы помешать отбить заключенного силой. И еще прежде, чем такая карета с грохотом обогнет восточную стену Башни Ведьм и въедет на Старое Подворье, вся гильдия бывала полна слухами о дерзких нападениях, инспирированных либо

возглавленных лично Водалусом: все мои товарищи-ученики и большая часть подмастерьев были уверены, будто почти все эти пациенты — его приспешники, сообщники и союзники. Но я не стал бы освобождать их из этих соображений — такое навлекло бы на гильдию бесчестье. При всей моей преданности Водалусу и его движению, я не готов был предать гильдию — да и не имел возможности сделать это. Надеялся лишь, что смогу в меру сил скрасить заключение тем, кого полагал своими товарищами по оружию, — добавлять еды с подносов менее достойных пациентов или подбрасывать украденные на кухне кусочки мяса.

Однажды (день тогда выдался на редкость шумный) мне представилась возможность выяснить, кем были все эти люди. Я драил полы в кабинете мастера Гурло; выйдя по какому-то делу, он оставил на столе груду только что присланных досье. Едва за ним захлопнулась дверь, я поспешил к столу и успел просмотреть большую часть бумаг прежде, чем с лестницы вновь донеслись его тяжелые шаги. Ни один — ни один — из заключенных, в чьи бумаги мне удалось заглянуть, не имел к Водалусу никакого отношения. Все они оказались торговцами, попытавшимися на-

житься на армейских поставках, маркитантами, шпионившими в пользу асциан, либо просто презренными уголовниками разных мастей. Ничем более…

Относя ведро к каменному сливу на Старом Подворье, я увидел одну из таких бронированных карет, только что прибывшую. Над упряжкой курился пар, охранники в шлемах, утепленных мехом, робко разбирали наше традиционное угощение — дымящиеся кубки с подогретым вином. Я уловил было краем уха имя Водалуса, но никто, кроме меня, казалось, не обратил на него внимания, и мне внезапно почудилось, будто Водалус — лишь фантом, сотканный моим воображением из тумана и сумрака, а реален только человек, которого я зарубил его же собственным топором. И только что переворошенные досье будто хлестнули меня по лицу, как сухие листья, поднятые бурей с земли.

В тот миг смущения я впервые осознал себя в какой-то мере безумным — и могу смело утверждать, что это был самый ужасный миг в моей жизни. Я часто лгал мастеру Гурло с мастером Палаэмоном, и мастеру Мальрубиусу, когда тот еще был жив, и Дротту, поскольку он был капитаном учеников, и Рощу, который был старше меня и

сильнее, и Эате с прочими младшими учениками, надеясь внушить почтение к себе. И теперь я больше не мог сказать наверняка, не лжет ли мне самому мое собственное сознание; все мои выдумки вернулись ко мне, и я, помнящий все до единой мелочи, больше не мог быть уверен, что все эти воспоминания — нечто большее, чем пустые мечты. Я помнил лицо Водалуса в лунном свете — но ведь я хотел вспомнить его! Я помнил его голос и разговор с ним — но ведь я хотел снова услышать его и ту прекрасную женщину!

Вскоре, одной стылой ночью, я снова пробрался в мавзолей, чтобы взглянуть на свой хризос. И усталое, безмятежное, бесполое лицо на его аверсе вовсе не было лицом Водалуса.

Глава 4
Трискепь

Я нашел его, когда, наказанный за какую-то мелкую провинность, очищал ото льда замерзший сток в том месте, куда блюстители Медвежьей Башни выбрасывают «отходы производства» — трупы растерзанных, погибших в процессе дрессировки животных. Наша гильдия хоронит своих умерших под стеной, а пациентов — в нижней части некрополя; а вот блюстители Медвежьей Башни оставляют своих на попечение посторонних. Из всех, лежавших там, он был самым маленьким.

Бывают в жизни такие события, которые ничего не меняют. Урс обращает свое старушечье лицо к солнцу, и солнечный луч заставляет ее снега сверкать и искриться, так что любая сосулька, свисающая с башенного карниза, кажется Когтем Миротворца, драгоценнейшим из самоцветов. И все, кроме самых мудрых, верят, будто снег стает и уступит дорогу долгому, нежданному лету.

Но — не тут-то было. Солнечный рай продолжается стражу или две, затем на снег ложатся

голубые, словно разбавленное водой молоко, тени, колеблются, пляшут в токах восточного ветра… Наступает ночь и ставит все на свои места.

Так же было и с моей находкой, Трискелем. Я чувствовал, что это может — и должно — переменить все, однако то был лишь эпизод длиною в несколько месяцев. Когда с его уходом все кончилось, зима вновь сделалась обычной зимой, после которой, как всегда, наступил день Святой Катарины, и все осталось по-прежнему. Если бы я только мог описать, как жалко он выглядел, когда я коснулся его, и как обрадовался он моему прикосновению!..

Весь окровавленный, он лежал на боку. Кровь на морозе застыла, точно смола, и оставалась ярко-красной — холод предотвратил свертывание. И я — сам не знаю, зачем — положил ему руку на голову. Он, хоть и выглядел таким же мертвым, как и все остальные, открыл глаз и взглянул на меня, и во взгляде его ясно читалась уверенность, что все худшее — позади. Я сделал свое дело — словно говорил его взгляд, — родился и выполнил все, что смог; теперь же — твой черед выполнять свои обязанности передо мной.

Случись все это летом, я бы, пожалуй, оставил его умирать. Но я уже довольно давно не видел ни

единого зверя, даже какого-нибудь тилакодона, питающегося отбросами. Я снова погладил его, и он лизнул мою руку, после чего я уже никак не мог просто повернуться и уйти.

Я взял его на руки (он оказался удивительно тяжел) и огляделся, стараясь сообразить, что с ним делать. Конечно, в нашем дортуаре его обнаружили бы прежде, чем свеча сгорит на толщину мизинца. Да, Цитадель неизмеримо велика и сложна, в башнях ее, в коридорах, в постройках меж башен и проложенных под ними галереях имелось множество мест, куда не забредал никто. И все же я не мог припомнить ни одного такого места, куда мог бы добраться, не попавшись с десяток раз кому-нибудь на глаза. В конце концов я отнес бедную зверюгу в наши собственные гильдейские квартиры.

Здесь требовалось как-то протащить его мимо подмастерья, стоявшего на часах у верхней площадки лестницы, ведущей вниз, к темницам. Вначале мне пришло в голову уложить Трискеля в одну из корзин, в которых пациентам доставляют чистое белье. День как раз был банно-прачечным, и мне не составило бы труда сделать одним рейсом больше, чем нужно. Вероятность того, что охранник-подмастерье заметит неладное,

казалась весьма маленькой, но мне пришлось бы стражу с лишком ждать, пока высохнет очередная партия льняных простыней, да к тому же брат, стоявший на посту на площадке третьего яруса, обязательно увидел бы, как я спускаюсь на необитаемый четвертый.

Поэтому я оставил пса в комнате для допросов — он все равно был слишком слаб, чтобы двигаться — и предложил охраннику с верхней площадки подежурить вместо него. Он только обрадовался возможности малость отдохнуть и тут же отдал мне палаческий меч с широким клинком (которого я теоретически не должен был даже касаться) и плащ цвета сажи (который мне было запрещено носить, хоть я уже успел перерасти многих подмастерьев), так что издали подмены не заметил бы никто. Стоило ему уйти, я закрыл лицо капюшоном, поставил меч в угол и поспешил к своему псу. Плащи нашей гильдии отличаются свободным покроем, а доставшийся мне оказался еще шире прочих — брат, носивший его, был широк в кости. Более того — цвет сажи чернее всех прочих оттенков черного и потому превосходно скрывает от стороннего взгляда все складки и сборки, превращая ткань в бесформенный сгусток тьмы. Скрыв лицо под

капюшоном, я предстал бы перед подмастерьями, дежурившими на третьем ярусе (если бы они вообще обернулись к лестнице и заметили меня), как обычный — разве что пополнее большинства прочих — брат-гильдеец, спускающийся вниз. Учитывая все слухи, будто четвертый ярус снова собираются заселить пациентами, даже брат, дежурящий на третьем, где держат пациентов, полностью лишившихся рассудка, воющих и гремящих цепями, ничего не заподозрит при виде спускающегося вниз подмастерья и неусмотрит ничего особенного в том, что вскоре после того, как он вернется, на четвертый спустится ученик. Все будет выглядеть так, будто подмастерье что-то забыл на четвертом ярусе и послал ученика принести…

Место там не слишком располагало к себе. Примерно половина древних светильников еще горела, однако пол коридоров был покрыт слоем ила — кое-где едва не в руку толщиной. Стол дежурного охранника стоял там, где был оставлен, может быть, две сотни лет назад, но древесина прогнила насквозь, и вся конструкция рассыпалась бы при первом же прикосновении.

Но вода здесь не поднималась высоко, а в дальнем конце выбранного мной коридора не было

даже ила. Уложив пса на пациентскую кровать, я как мог вымыл его при помощи губок, захваченных в комнате для допросов.

Мех его под коркой запекшейся крови был коротким и жестким, рыжевато-коричневого цвета. Хвост был обрезан так коротко, что толщиной своей превосходил длину. Уши, обрубленные почти начисто, были не длиннее первого сустава большого пальца. Грудь ему здорово раскроили в последней схватке — мощные мускулы торчали наружу клубком сонных змей. Правой передней лапы не было вовсе: если что и оставалось — было размолото в кашу. Я как сумел зашил рану в груди и отрезал поврежденную лапу, после чего она снова начала кровоточить. Найдя артерию, я перевязал ее и подвернул шкуру, как учил нас мастер Палаэмон. Получилась замечательная культя.

Трискель время от времени лизал мою руку, а стоило мне наложить последний стежок, принялся облизывать культю, словно он — медведь и может высосать из культи новую лапу. Челюсти его были огромны, как у арктотера, а клыки — длиннее моего среднего пальца, вот только десны совсем побелели; в челюстях осталось не больше силы, чем в руках скелета. Взгляд его желтых глаз

был исполнен чистого, несомненного безумия.

В тот вечер я поменялся обязанностями с парнем, которому предстояло нести пациентам еду. От них всегда оставалось — некоторые пациенты не едят вовсе, и два оставшихся подноса я понес Трискелю, гадая, жив ли он до сих пор.

Он был жив. Он даже ухитрился выбраться из кровати и подползти (ходить пока не мог) к кромке ила, где скопилось немного воды. Там я и нашел его.

На подносах были суп, черный хлеб и два графина воды. Он вылакал миску супа, но, попробовав скормить ему хлеб, я обнаружил, что пес не в силах как следует разжевать его. Тогда я накрошил хлеба во вторую миску с супом, а после подливал в нее воды, пока оба графина не опустели.

Уже лежа в койке, почти на самом верху нашей башни, я все думал, будто слышу, как трудно ему дышать. Несколько раз даже садился и прислушивался, но звук всякий раз пропадал, чтобы вернуться, едва я снова коснусь головой подушки. Быть может, это было лишь биением моего собственного сердца. Да, найди я Трискеля годом-двумя раньше, он стал бы для меня божеством. Я обязательно рассказал бы о нем Дротту и всем остальным, и он сделался бы божеством для всех

нас. Ныне я воспринимал его как есть — как несчастного, больного зверя. И не мог допустить его смерти — это подорвало бы мою веру в самого себя. Я был (если уже был) взрослым так недолго, что не мог вынести мысли о том, насколько я взрослый не похож на себя в бытность мальчишкой. Я помнил каждое мгновение прошлой жизни, любую мимолетную мысль, взгляд или сон. Судите сами — легко ли мне было разрушать свое прошлое? Поднеся кисти рук к лицу, я попробовал разглядеть их, хотя и без этого знал, что на тыльной стороне ладоней набухли, выступили вены. А это — признак зрелости.

Во сне я снова отправился на четвертый ярус повидаться со своим огромным другом. Из раскрытой пасти его капала слюна. Он говорил со мной.

На следующее утро я снова понес пациентам еду и снова украл кое-что для пса, хоть и надеялся, что он умер. Но он и не думал умирать. Он поднял морду и, казалось, улыбнулся во всю свою широченную — будто голова вот-вот развалится на две половинки — пасть. Однако вставать не пытался. Я накормил его и, уже уходя, вдруг ощутил пронзительную жалость к нему, попавшему в такое плачевное положение. Он полностью зависел от

меня. От меня! Им дорожили; его тренировали, точно бегуна перед гонками; походка его была исполнена гордости, и огромную, шириной в человечью, грудь несли вперед мощные, точно колонны, лапы… Теперь он жил, словно призрак. Самое имя его было смыто его же собственной кровью. Улучив удобный момент, я наведался в Медвежью Башню и постарался завести дружбу с тамошними. Они (принадлежали к своей собственной гильдии, которая, хоть и была поменьше нашей, обладала не менее обширным знанием. Схожесть наших знаний (хотя я, конечно, и не пытался проникнуть в секреты их мастерства) изумила меня. Оказалось, что у них при возвышении в мастера кандидат стоит под металлической решеткой, на которую выпускают истекающего кровью быка, а в определенный период жизни каждый из братьев берет в жены львицу либо медведицу и после этого смотреть не хочет на обычных женщин…

Все это — к тому, что их взаимосвязь со зверями почти такова же, как наша — с пациентами. Надо заметить — как далеко ни уходил я от нашей башни, все, сколько их ни есть, ремесленные сообщества повторяют устройство нашей гильдии, словно зеркала отца Инира в Обители Абсолюта,

что отражаются одно в другом. Выходит, все они — такие же, как и мы, палачи. У нас — пациенты, у охотника — дичь, у купца — покупатель, у солдата — враги Содружества, у правителя — подданные, у женщин — мужчины… Все любят то, что разрушают.

Прошла неделя с того дня, как я принес Трискеля в башню, и, спустившись к нему в очередной раз, я нашел лишь следы его лап в иле. Я пошел по следам. Если бы он добрался до лестницы, один из дежурных подмастерьев наверняка упомянул бы о нем. Вскоре след привел меня к двери, за которой оказалась прорва темных и совершенно незнакомых мне коридоров. В темноте я не мог разглядеть следов, но все равно шел вперед, надеясь, что пес учует мой запах в застоявшемся воздухе и придет ко мне.

А потом я уже заблудился и продолжал идти вперед только потому, что не знал, как вернуться назад.

Я не имел возможности выяснить, насколько древни эти подземелья. Подозреваю лишь (сам не знаю, отчего), что древностью они превосходят самую Цитадель. Последняя принадлежит к концу той эпохи, когда стремление к чужим звездам еще жило в нас, хотя практика полетов

к ним угасала, точно очаг, в который забыли подкинуть дров. Из этой эпохи, за давностью лет, не сохранилось ни единого имени, однако мы еще помним ее. А предваряли ее, должно быть, другие, полностью забытые времена — времена стремления уйти под землю, эпоха сумрачных, тесных коридоров.

Как бы там ни было, мне сделалось страшно в этих коридорах. Я пустился бегом, порой натыкаясь на стены; наконец, увидел впереди пятнышко бледного дневного света и вскоре выбрался наружу сквозь отверстие, в которое едва-едва протиснул голову и плечи.

Оказавшись на свободе, я увидел, что забрался на обледенелый пьедестал одного из тех древних многогранных циферблатов, каждая из многочисленных граней которых обозначает свой час. Потолок туннеля под ним просел от времени, и циферблат накренился так, словно сам сделался гномоном, чья тень вычерчивала течение короткого зимнего дня на белом, ровном снегу…

Летом здесь явно был сад, но не такой, как у нас в некрополе, с полудикими деревьями и лужайками на пологом склоне. Здесь в расставленных на мозаичной мостовой вазонах цвели розы, а вдоль стен, огораживавших двор, стояли

скульптуры, изображавшие зверей, смотревших в сторону солнечных часов. Здесь были неуклюжие барилямбды; цари среди зверей, арктотеры; глиптодоны; смилодоны с клыками-саблями… Все статуи припорошил снег. Я огляделся в поисках следов Трискеля, но он не забегал сюда.

В стенах, огораживавших двор, имелись узкие, высокие окна, но за ними не было видно ни света, ни движения. Над стенами со всех сторон высились островерхие башни — значит, я не вышел из Цитадели, а, наоборот, забрался в самое ее сердце, где никогда прежде не бывал.

Трясясь от холода, я подошел к ближайшей двери и постучал. Было ясно, что в туннелях я могу бродить вечно, но так и не найду еще одного выхода наверх. В крайнем случае лучше разбить одно из окон, чем снова спускаться под землю…

Изнутри, сколько я ни стучал, не доносилось ни звука.

Пожалуй, ощущение того, что за тобой наблюдают, невозможно описать. Некоторые говорят, что при этом волосы на затылке встают дыбом либо кажется, словно где-то рядом парят в воздухе чьи-то глаза. Но со мной так не бывало ни разу. Было что-то наподобие беспричинного смущения вкупе с чувством, что нельзя оглядываться назад,

так как реагировать на призывы беспочвенных предчувствий — глупо… Но оглянуться все же рано или поздно приходится. И я, наконец, оглянулся, испытывая смутное впечатление, будто кто-то вылез из дыры у основания солнечных часов следом за мной.

Однако вместо этого я увидел молодую женщину, закутанную в меха. Она стояла у двери на противоположной стороне двора. Я помахал рукой и поспешно (так как жутко замерз) зашагал к ней. Она тоже двинулась вперед, и мы встретились у дальнего края циферблата. Она спросила, кто я такой и что здесь делаю, и я объяснился как мог. Лицо ее, обрамленное мехом капюшона, было прекрасно, а сам капюшон, и пальто, и подбитые мехом сапожки выглядели мягкими и теплыми, и потому я, говоря с ней, никак не мог забыть, что на мне — заплатанные штаны и рубаха, а ноги перепачканы илом.

Ее звали Валерией.

— У нас нет твоего пса, — сказала она, выслушав меня. — Можешь поискать, если не веришь.

— Нет, я ничего такого не думал. Я только хотел бы вернуться к себе, обратно в Башню Сообразности, не спускаясь снова под землю.

— Ты очень храбрый. Я с детства помню эту ды-

ру, но никогда не отваживалась забраться в нее.

— Можно мне войти? — попросил я. — То есть — туда, в дом.

Она отворила дверь, через которую вышла во двор, и ввела меня в комнату с драпированными стенами и высокими старинными креслами, казалось, так же прочно стоявшими на своих местах, как и статуи в скованном морозом дворе. В камине горел огонек. Мы подошли к камину, и Валерия начала снимать пальто, а я протянул озябшие руки к огню.

— Разве там, под землей, не было холодно?

— Теплее, чем снаружи. Кроме того, я бежал, да и ветра там не было.

— Понимаю. Как странно, что эти туннели ведут сюда, в Атриум Времени…

На вид она была младше меня, но из-за прекрасного платья старинного фасона и темных волос, отбрасывавших тень на лицо, временами казалась старше мастера Палаэмона, обитателя забытого прошлого.

— Как ты сказала? Атриум Времени? Наверное, это — из-за солнечных часов.

— Нет, это часы поставили здесь из-за названия. Ты любишь древние языки? На них есть много красивых высказываний. Вот:

Lux del vitae viam monstrat.

Это значит:

«Луч Нового Солнца освещает путь жизни».

Или:

Felicibus brevis, miseris hora longa.

«Люди ждут счастья долго».

Aspice ut aspiciar…

? смутился. Пришлось признаться, что я не знаю ни одного языка, кроме того, на котором мы говорим, — да и то не очень.

Прежде чем я ушел, мы проболтали целую стражу — и даже больше. Я узнал, что семья Валерии всегда жила в этих башнях — сначала они ждали в надежде покинуть Урс вместе с автархом той эпохи, а после — просто потому, что ничего, кроме ожидания, им не осталось. Из ее семьи вышли многие кастеляны Цитадели, но последний из них умер много поколений тому назад; семья обеднела, и башни их теперь лежали в руинах. Валерия ни разу не поднималась выше первого этажа.

— Некоторые из башен долговечнее прочих, — сказал я на это. — Вот Башня Ведьм — тоже вся прогнила изнутри…

— А разве такая действительно есть? Няня рассказывала о ней, когда я была маленькой, чтобы

попугать, — но я думала, это только сказки… И будто бы есть еще Башня Мук. Всякий, кто попадет в нее, умирает в страшных мучениях.

Я сказал, что последнее — уж наверняка сказки.

— Мне гораздо более сказочными кажутся дни величия наших башен, — ответила Валерия. — Теперь никто из нашей семьи не защищает Содружество с мечом в руке, и наших заложников нет в Кладезе Орхидей…

— Возможно, кого-нибудь из твоих сестер скоро призовут туда.

Мне почему-то не хотелось думать, что Валерия отправится в Кладезь Орхидей сама.

— Все мои сестры — это я сама, — ответила она. — И все братья — тоже.

Старый слуга принес нам чай и мелкое, твердое печенье. Чай — не настоящий, а матэ с севера, каким мы из-за его дешевизны иногда поим пациентов.

— Видишь, — улыбнулась Валерия, — ты нашел здесь тепло и уют. Ты тревожишься о своей собаке, потому что она хрома. Но и пес мог где-нибудь найти гостеприимство! Если его полюбил ты, то может полюбить и кто-нибудь другой! А ты, если полюбил его, полюбишь и другого…

Я согласился, но про себя подумал, что никогда больше не заведу себе собаки. И это оказалось правдой.

Я не видел Трискеля почти неделю. А потом однажды нес в барбикен письмо, и он, хромая, подбежал ко мне. Выучился бегать без четвертой ноги, держа равновесие, как акробат, стоящий на руках на гладкой поверхности шара.

После этого, пока не стаял снег, я видел его раз или два в месяц. Я так и не узнал, кто кормил его и заботился о нем. Но вспоминать о том, что этот кто-то по весне забрал его с собой — быть может, на север, к палаточным городам и сражениям на горных перевалах, — почему-то приятно до сих пор.

Глава 5
Чистильщик картин и прочие

День Святой Катарины для нашей гильдии — величайший из праздников. В этот день мы вспоминаем все, что унаследовали от прошлых времен, в этот день подмастерья становятся мастерами (если вообще становятся ими когда-либо), а ученики — подмастерьями. Описание церемониала я отложу до тех пор, когда представится случай рассказать о моем собственном возвышении; в год же, о котором я пишу сейчас, в год схватки на краю могилы, до подмастерьев возвысились Дротт и Рош, а я стал капитаном учеников.

Вся тяжесть этой должности легла на меня только тогда, когда ритуал почти завершился. Я сидел в разрушенной часовне, наслаждаясь окружавшим меня великолепием, и вдруг (с тем же удовольствием, с каким воспринимал весь церемониал) понял, что по завершении праздника стану старшим над всеми учениками.

Однако постепенно мной овладевало беспокойство. Настроение испортилось прежде, чем я

осознал это, а бремя ответственности — согнуло еще до того, как я до конца понял, что оно возложено на меня. Я вспомнил, как трудно было Дротту поддерживать среди нас порядок. Теперь на его месте — я сам, но без его силы и без помощника, сверстника-лейтенанта, каким для него был Рош…

Последние ноты финального гимна смолкли, мастер Гурло с мастером Палаэмоном в шитых золотом масках величаво покинули часовню, и старшие подмастерья подняли на плечи Дротта с Рошем, новоиспеченных подмастерьев (уже путавшихся в висящих на поясах ташках с принадлежностями для фейерверка, который должны были устраивать снаружи). К этому времени я взял себя в руки и даже успел разработать предварительный план действий.

Мы, ученики, прислуживали за праздничными столами, и специально для этого нам перед празднеством выдавалась относительно новая и чистая одежда. Сразу после того, как разорвалась последняя шутиха, а Башня Величия (ежегодный жест доброй воли) сотрясла небо из самого крупного калибра, я согнал своих подчиненных — уже (хотя мне, может быть, просто показалось) поглядывавших на меня с затаенной злобой — в

дортуар, закрыл дверь и задвинул ее койкой.

После меня самым старшим был Эата, с которым я, к счастью, был дружен достаточно, чтобы он ничего не заподозрил прежде, чем сопротивляться станет слишком поздно. Взяв его за горло, я раз пять приложил его головой о переборку, а после подсечкой сбил с ног.

— Ну, — спросил я, — будешь моим помощником? Отвечай!

Говорить он не мог и поэтому утвердительно кивнул.

— Хорошо. Я беру Тимона, а ты — следующего по силе. За время, достаточное для сотни довольно быстрых вдохов-выдохов, ученики были приведены в подчинение. Прошло три недели, прежде чем кто-то осмелился выказать неповиновение, да и после не было никаких массовых бунтов — вообще ничего серьезнее попыток увильнуть от работы.

Капитанская должность подразумевала не только новые функции, но и личную свободу, какой я не пользовался никогда прежде. Именно я следил за тем, чтобы дежурным подмастерьям доставляли еду горячей, и командовал мальчишками, пыхтевшими под штабелями подносов, предназначенных для пациентов. Именно я рас-

ставлял своих подчиненных по местам в кухне и помогал им лучше усваивать уроки в классной; меня даже порой привлекали к гильдейским делам и посылали с письмами в отдаленные части Цитадели. Таким образом, я вскоре познакомился со всеми ее главными артериями и побывал во многих редко посещаемых местах — в зернохранилище с полными закромами и демоническими кошками; на выметенных ветром зубчатых стенах, возвышающихся над грязными, гнилыми трущобами; и в огромном зале пинакотеки со сводчатым потолком, каменным, выстеленным коврами полом и арками, ведущими в анфилады комнат, как и сам зал, увешанных бесчисленными картинами.

Многие из этих картин так потемнели от времени и копоти светильников, что я ничего не мог разобрать. Значение некоторых других было просто непонятно — кружащийся в танце человек, к плечам которого будто бы присосались длинные пиявки; женщина, безмолвно склонившаяся над посмертной маской и сжимающая в руке кинжал с двумя лезвиями… Однажды, отшагав около лиги среди этих загадочных картин, я увидел старика, пристроившегося на верхней перекладине высокой стремянки. Хотел было спросить дорогу,

но старик так увлекся работой, что я не решился беспокоить его.

На картине, которую он очищал от копоти, был изображен человек в доспехах на фоне пустынной земли, безоружный, сжимающий в руках древко странного, будто застывшего в воздухе, знамени. В золотом забрале его шлема, глухом, без каких-либо прорезей для обзора или вентиляции, отражалось смертоносное солнце пустыни и больше ничего.

Этот воин из мертвого мира произвел на меня глубочайшее впечатление, хоть я и не мог бы сказать, что именно чувствовал, глядя на него. Отчего-то захотелось снять картину со стены и унести — нет, не в некрополь, но в один из тех горных лесов, образ которых (я уже тогда понимал это), поэтизированный и извращенный, был воплощен в нем. Такое полотно должно было стоять среди деревьев, на мягкой, зеленой траве…

— …и все они сбежали, — сказал кто-то за моей спиной. — Добился своего этот Водалус.

— А ты что здесь делаешь?! — зарычал другой голос. Обернувшись, я увидел двоих армигеров, очень — настолько, насколько позволяла им смелость — похожих одеждой на экзультантов.

— У меня — дело к архивариусу, — ответил я,

выставив напоказ конверт.

— Хорошо, — сказал армигер, первым заговоривший со мной. — Тебе известно, где расположены архивы?

— Я как раз собирался спросить, сьер.

— Если так, ты — неподходящий гонец для доставки письма. Дай его сюда; я перешлю с пажом.

— Невозможно, сьер. Я получил приказ.

— Оставь, Рахо, — вмешался другой армигер. — Не будь так строг к молодому человеку.

— Ты ведь не знаешь, кто он таков, верно?

— А ты — знаешь?

Армигер по имени Рахо кивнул.

— Скажи-ка, гонец, откуда ты послан?

— Из Башни Сообразности. От мастера Гурло к архивариусу.

Лицо другого армигера окаменело.

— Значит, ты — палач.

— Пока — всего лишь ученик, сьер.

— Тогда понятно, отчего моему другу хочется, чтобы ты убрался с глаз долой. Ступай по галерее и сверни в третью дверь направо. Пройдешь сотню шагов, поднимешься по лестнице на следующий этаж; пойдешь на юг до двустворчатой двери в конце коридора.

— Спасибо.

Я сделал было шаг в указанном направлении.

— Подожди. Если пойдешь сейчас, мы будем обязаны сопровождать тебя.

— Ну нет уж, — сказал Рахо. — Мне такого счастья не требуется.

Остановившись и опершись на перекладину стремянки, я подождал, пока они свернут за угол.

Точно один из тех бесплотных покровителей, что порой обращаются к нам во сне с облаков, старик заговорил:

Значит, палач? Не бывал, не бывал у вас… Слабыми, близорукими глазами он здорово напоминал черепаху из тех, что мы порой ловили на отмелях Гьолла; тем более что нос с подбородком тоже подходили как нельзя лучше.

— Желаю не попадать к нам и впредь, вежливо ответил я.

— Теперь-то уже нечего бояться. Что вы можете сделать с таким стариком? Сердчишко остановится вмиг! — Бросив губку в ведро, он беззвучно прищелкнул пальцами. — Однако я знаю, где это. Где-то за Башней Ведьм, верно?

— Да, — подтвердил я, слегка удивившись тому, что ведьм знают лучше, чем нас.

— Так я и думал. Хотя о вас обычно не говорят. Ты зол на этих двоих армигеров, и я тебя понимаю. Но и ты должен их понять: они — совсем как экзультанты, только все же не экзультанты. Боятся смерти, боятся боли, всего-то они боятся… Тяжелая у них жизнь.

— Так пусть покончат с ней, — сказал я. — Водалус им охотно поможет. Они — всего лишь пережиток давно ушедших эпох. Какая от них теперь польза миру?

Старик склонил голову набок.

— Вот как? А какая польза для мира была от них прежде? Ты можешь сказать?

Я сознался, что не могу. Тогда он слез со стремянки вниз. Длинные — не меньше моей ноги — руки, скрюченные пальцы которых бугрились синеватыми венами, и морщинистая шея делали его очень похожим на состарившуюся обезьяну.

— Я — Рудезинд, смотритель музея. Похоже, ты знаком со старым Ультаном, верно? Хотя — нет, конечно же, нет; тогда бы ты знал дорогу в библиотеку…

— Я никогда прежде не бывал в этой части Цитадели.

— Никогда? Но ведь это лучшая ее часть — живопись, музыка, книги…У нас есть Фехин — три

девушки, убирающие цветами четвертую, и цветы — прямо-таки живые, даже ждешь, что из какого-нибудь вот-вот выберется пчела… Есть у нас и Куартильоза. Он теперь непопулярен, иначе бы его здесь не было. Однако он-с самого дня своего рождения — был рисовальщиком куда лучшим, чем те мазилки и пачкуны, за которыми гоняется нынешняя публика. Здесь, понимаешь ли, собрано все то, от чего отказалась Обитель Абсолюта. Это означает всех стариков, а они-то, в большинстве своем, и есть лучшие. Прибывают к нам — грязнющие от долгого висения, а я чищу их. Порой чищу и по второму разу — уже после того, как повисят здесь некоторое время. Подумать только — подлинный Фехин!.. Или взять хоть эту. Нравится она тебе?

Признание, похоже, не сулило недоброго.

— Ее я чищу в третий раз. Когда она поступила, я был учеником старого Бранвалладера, он обучал меня чистке полотен. И начал вот с этого, сказав, что оно все равно ничего не стоит. Начал вот с этого уголка, вычистил кусочек размером в твою ладонь и отдал мне, а уж я чистил дальше. Второй раз был еще при жизни моей жены, сразу после рождения нашей второй дочки. Картина тогда еще не так уж закоптилась — просто одо-

лели меня тяжелые мысли, хотелось чем-нибудь заняться… А вот сегодня взялся чистить ее снова. Она в этом нуждается — видишь, насколько ярче здесь краски? Ваш голубой Урс снова виден над его плечом, свеженький, точно рыбка для Автарха…

Все это время имя Водалуса эхом перекатывалось в моей голове. Я был уверен, что старик спустился со стремянки только потому, что я упомянул о нем. Хотелось расспросить старика о Водалусе, но никак не мог найти зацепки для поворота беседы в нужное русло. Когда молчание слегка затянулось, я, боясь, что старик снова взберется наверх и продолжит чистку, смог только спросить:

— А это — луна? Мне говорили, она — плодороднее…

— Теперь-то — да. А эта картина была написана до того, как там устроили ирригацию. Видишь коричневато-серый оттенок? Именно такой была луна в то время. Не зеленой, как сейчас. И не такой большой, потому что до нее было дальше — так говаривал старый Бранвалладер. А теперь на ней деревьев хватит, чтобы, как говорится, спрятать самого Ниламмона.

Этой возможности я не упустил.

— Или Водалуса. Рудезинд кашлянул.

— Верно, или его… Ваши-то, небось, руки потирают, поджидая его? Уже и что-нибудь особенное изобрели?

Если у гильдии и имелись особые процедуры для определенных лиц, мне о таковых ничего не было известно. Однако я постарался скроить многозначительную мину и ответил:

~ Мы подумаем.

— Уж вы-то придумаете, это верно. Хотя совсем недавно я считал, что ты — за него… В любом случае, если он спрятался в Лунных Лесах, придется тебе малость повременить… — С явным удовольствием окинув взглядом картину, Рудезинд снова обратился ко мне. — Я и позабыл — ты же хотел видеть нашего мастера Ультана. Стало быть, пройди обратно под ту арку, откуда пришел…

— Я знаю дорогу, — сказал я. — Тот армигер указал… Старый смотритель отмел эти объяснения единственным горьким вздохом.

— Если пойдешь, как он объяснил, попадешь только в Читальный Зал. Оттуда ты будешь добираться до Ультана целую стражу, если вообще доберешься. Ступай обратно, до самого конца того зала. Там спустишься по лестнице и увидишь дверь. Дверь заперта — стучи, пока кто-нибудь не

откроет. Это будет нижний ярус книгохранилища; Ультанов кабинет — там.

Запертая дверь не очень-то пришлась мне по вкусу, но старик не спускал с меня глаз, и мне пришлось последовать его совету. Спускаясь по лестнице, я подумал, что, может быть, приближаюсь к тем самым подземельям, где заблудился в поисках Трискеля.

В целом я чувствовал себя далеко не так уверенно, как в знакомых частях Цитадели. Я уже знал, что приезжих до глубины души поражает ее величина, и все же Цитадель — лишь малая часть раскинувшегося вокруг города, и когда мы, выросшие за ее серыми каменными стенами и заучившие около сотни ориентиров, необходимых, чтобы не заплутать, оказываемся в незнакомом месте, эти знания только сбивают с толку.

Так и случилось со мной, стоило лишь ступить под арку, указанную стариком. Арка, как и все остальные, была сложена из матово-красного кирпича, но опиралась на две колонны, капители которых изображали лица спящих. Их безмолвные уста и бледные сомкнутые веки показались мне куда ужаснее масок боли, нарисованных на металлических стенах нашей башни.

На каждой картине в этом зале присутствовала

книга. Иногда книг было много, или они сразу бросались в глаза; некоторые картины приходилось долго разглядывать, чтобы заметить уголок переплета, выглядывающий из кармана женской юбки, или что на странно выписанный клубок вместо нити намотаны слова.

Ступени лестницы оказались крутыми и узкими. Перил не было вовсе. Уходя вниз, лестница закручивалась винтом, поэтому свет из зала перестал достигать меня уже шагов через тридцать. Чтобы не разбить голову, наткнувшись на дверь, пришлось выставить вперед руки и продвигаться ощупью.

Но пальцы мои не находили двери. Лестница просто внезапно кончилась, причем я едва не упал, ступив на несуществующую ступеньку. Оставалось лишь пробираться вперед по неровному полу и в абсолютной темноте.

— Кто здесь? — окликнули меня.

Голос звучал странно — словно кто-то ударил в колокол, висящий под сводом пещеры.

Глава 6
Мастер Архивариус

— Кто здесь? — эхом раскатилось во тьме.

— Я прислан с известием, — ответил я, стараясь не выказать страха.

— Что ж, я тебя слушаю.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и я смог различить очень большую темную фигуру, движущуюся ко мне.

— Это — письмо, сьер, — объяснил я. — Вы — мастер Ультан, архивариус?

— Не кто иной, как.

Он остановился передо мной. То, что я поначалу принял за какую-то светлую деталь одежды, оказалось седой бородой, доходившей ему до пояса. И, хоть я уже сравнялся ростом со многими из тех, кого считают взрослыми мужчинами, мастер Ультан был на целых полторы головы выше меня — настоящий экзультант!

— Тогда примите письмо, сьер, — сказал я, протягивая конверт.

Но он не взял письма.

— Чей ты ученик?

В голосе его вновь зазвучала колокольная бронза. Мне вдруг почудилось, что оба мы мертвы, тьма вокруг — кладбищенская земля, залепившая наши глаза, и колокол призывает нас в некий подземный храм. На светлом фоне бороды архивариуса будто бы появилось посиневшее лицо женщины, которую при мне вытаскивали из могилы…

— Чей ученик? — снова спросил архивариус.

— Ничей. То есть я — ученик гильдии, сьер. Письмо — от мастера Гурло, а обучает нас большей частью мастер Палаэмон.

— И явно — не грамматике…

Рука его медленно потянулась к конверту.

— Отчего; и грамматике тоже. — Я вдруг почувствовал себя совсем маленьким — этот человек был стариком уже тогда, когда я родился… — Мастер Палаэмон говорит, что мы должны уметь писать, читать и считать, потому что в свое время станем мастерами, и тогда нам придется вести переписку с канцеляриями судов, вести учет…

— И посылать учеников с письмами наподобие этого, — перебил меня архивариус.

— Да, сьер. Совершенно верно.

— Что же в нем написано?

— Не могу знать, сьер. Письмо запечатано.

— Если я распечатаю письмо… — Послышался негромкий треск крошащегося воска. — Ты сможешь прочесть его мне?

— Но здесь темно, сьер, — неуверенно сказал я.

— Тогда придется звать Киби. Извини… Во мраке я едва мог разглядеть, как он, отвернувшись, приставил к губам сложенные раструбом ладони.

— Киби! Киби!!!

На этот раз голос архивариуса грохотал так, точно я оказался внутри колокола после того, как звонарь раскачал тяжелый язык.

Откуда-то издали донесся ответный крик. Некоторое время мы стояли молча.

Наконец в узком проходе меж двух (как мне тогда показалось) грубо отесанных каменных стен блеснул свет. К нам приближался плотно сбитый человек лет сорока, с плоским, бледным лицом и неестественно прямой осанкой. В руках он держал пятилапый подсвечник.

— Наконец-то, Киби, — проворчал архивариус. — Ты принес свет?

— Да, мастер. Кто это?

— Гонец с письмом. А это — мой ученик, Киби, — церемонно сказал мастер Ультан. — Кураторы также объединены в гильдию, к которой при-

надлежат и архивариусы. Я здесь единственный мастер-архивариус, а согласно нашим обычаям, у каждого ученика есть наставник из старших членов гильдии. Последнее время при мне состоит Киби.

Я сказал Киби, что считаю честью знакомство с ним, и — немного застенчиво — спросил, какой праздник гильдия кураторов считает своим. Подразумевалось, что Киби, без сомнения, видел великое множество этих празднеств, однако так и не был возвышен до подмастерья.

— В этом году он уже прошел, — ответил мастер Ультан. Говоря, он повернулся ко мне, и в свете свечей я увидел его прозрачные, водянистые глаза. — Ранней весной… Это прекрасный день. Именно в эту пору на деревьях обычно распускается новая листва…

На Большом Дворе не было ни единого дерева, но я кивнул — и тут же, сообразив, что он не видит меня, сказал:

— Да. И теплый весенний бриз…

— Совершенно верно. Ты пришелся мне по сердцу, юноша… — Рука куратора легла на мое плечо — я не мог не заметить, что его пальцы темны от пыли. — Вот и Киби — еще один юноша, пришедшийся мне по сердцу… После меня он

станет здесь главным библиотекарем. Знаешь, мы, кураторы, устраиваем шествие — по улице Юбар. Он шел рядом со мной, оба мы были одеты в серое… Кстати, каков цвет твоей гильдии?

— Цвет сажи, — ответил я. — Тот, что чернее черного.

— По обеим сторонам улицы Юбар и на эспланадах высятся тенистые дерева — дубы, сикоморы, каменные клены, утиные лапы… Говорят, это древнейшие деревья Урса. Лавочники выходят на порог посмотреть на мудрых кураторов, и, конечно же, книготорговцы с антикварами приветствуют нас. Наверное, мы в своем роде одна из весенних примет Нессуса.

— Наверное, все это — очень впечатляюще, — заметил я.

— В самом деле, в самом деле. И собор, к которому направляется наша процессия, тоже прекрасен. Частоколы свечей, сверкающих, словно отражение ночного солнца в глади морской. Шандалы из синего стекла, символизирующего Коготь. И мы, озаренные этим великолепием, свершаем ежегодный церемониал перед главным престолом… Скажи, ваша гильдия тоже устраивает шествие к собору?

Я объяснил, что мы пользуемся часовней в Ци-

тадели, и вслух удивился тому, что библиотекари с прочими кураторами покидают ее стены.

— По праву положения, видишь ли. Подобно самой библиотеке — верно, Киби?

— Воистину так, мастер.

Лоб Киби был высок и угловат; седеющие волосы заметно отступали к затылку, отчего лицо его казалось совсем маленьким и чуточку младенческим. Понятно, почему Ультану, наверняка время от времени проводившему пальцами по его лицу, как мастер Палаэмон — по моему, он до сих пор кажется мальчишкой…

— Значит, вы поддерживаете тесную связь со своими городскими коллегами, — сказал я. Старик огладил бороду.

— Теснейшую, так как мы — и есть они. Эта библиотека является и городской библиотекой, и, кстати, библиотекой Обители Абсолюта. И заодно многими другими…

— Выходит, всему этому городскому сброду разрешено приходить в Цитадель и пользоваться вашей библиотекой?!

— Нет, — отвечал Ультан. — Просто сама библиотека простирается за стены Цитадели. И, думаю, не она одна. Дело в том, что содержимое нашей крепости гораздо обширнее, чем она мо-

жет вместить.

С этими словами он взял меня за плечо и повел вдоль одного из длинных, узких проходов меж уходящих вверх полок с книгами. Киби последовал за нами, подняв подсвечник повыше — наверное, не столько ради меня, сколько для собственного удобства, однако и я мог видеть достаточно хорошо, чтобы не натыкаться на стеллажи из потемневшего от времени дуба.

— Глаза еще не подводят тебя, — сказал мастер Ультан через некоторое время. — Видишь ли ты что-нибудь впереди, в проходе?

— Нет, сьер.

Я и в самом деле не видел ничего. Колеблющееся пламя свечей выхватывало из темноты лишь бесчисленные шеренги книг — от пола до потолка. Кое-какие полки были разорены, другие — набиты до отказа; раз или два я замечал присутствие крыс, угнездившихся на полках, устроивших себе из книг жилища в два и даже три этажа и собственным пометом изобразивших на обложках буквы своего грубого языка.

Книги были повсюду — ряды корешков из пергамента, сафьяна, холста, бумаги и сотни прочих, неизвестных мне материалов. Одни сверкали золотыми обрезами, на других просто чернели

буквы печатного шрифта, а некоторые были снабжены бумажными ярлыками, пожелтевшими от времени, точно засохшие листья.

— Несть конца из чернильницы начатому… — сказал мне мастер Ультан. — По крайней мере, так сказал один мудрец. Он жил очень давно — что он сказал бы, увидев нас сейчас? Другой же утверждал, что за возможность перерыть хорошую библиотеку не жаль и жизни. Хотел бы я посмотреть на человека, способного «перерыть» нашу — хотя бы один тематический раздел!

— Я разглядываю переплеты, — сказал я, чувствуя себя крайне глупо.

— Как повезло тебе! Хотя я рад. Я больше не могу видеть их, но хорошо помню наслаждение, с которым смотрел на них когда-то. Это было сразу после того, как я стал мастером-архивариусом. Мне было тогда около пятидесяти… Видишь, сколь долго длилось мое ученичество!

— Неужели, сьер?

— Да-да! Моим наставником был мастер Гербольд, и многие десятки лет мне казалось, что он не умрет никогда. Год за годом, год за годом, и все это время я читал. Пожалуй, немногим удалось прочесть столько! Я начал, как все юноши, с книг, доставлявших удовольствие. Со временем

выяснилось, что большую часть моего времени отнимает поиск таковых. Тогда я разработал для себя план и, в соответствии с ним, принялся прослеживать развитие абстрактных наук — от начала знания до настоящего времени. В конце концов я исчерпал даже это и принялся за огромный эбеновый шкаф, стоящий посреди зала, который триста лет собирали к возвращению автарха Сульпиция (и который, как следствие, так и не дождался посетителей). Я прочел собранное там от начала до конца за пятнадцать лет. Успевал закончить по две книги в день!

Поразительно, сьер! пробормотал за моей спиной Киби, явно слышавший эту историю далеко не в первый раз.

А потом нежданно-негаданно, как снег на голову — умер мастер Гербольд. Тридцатью годами раньше я в силу природной склонности, образования, опыта, молодости, семейных связей и личных амбиций — был идеальным кандидатом на его место. Когда же я и в самом деле занял его, нельзя было найти никого, менее подходящего! Я ждал так долго, что не знал ничего, кроме ожидания, и тяжкий груз никчемных фактов задушил мой разум. Но я заставил себя принять назначение и провел невероятное количество времени,

вспоминая планы и максимы, разработанные мной к вступлению в эту должность много лет назад…

Он замолчал, вновь углубившись в себя. Сознание старика показалось мне еще более темным и обширным, чем хранимая им библиотека.

— Но старая привычка к чтению по-прежнему не давала мне покоя. Я проводил за книгами дни и даже недели, вместо того чтобы управлять тем, что возглавил. А затем — внезапно, словно бой часов — ко мне, оттеснив старую, пришла новая страсть. Ты уже догадываешься, о чем я говорю?

Я сознался, что — нет.

— Я читал — или, по крайней мере, полагал, будто читаю — сидя у того стрельчатого окна на сорок девятом этаже, что выходит на… Надо же, забыл. Киби, куда выходит это окно?

— В сад обойщиков, сьер.

— Да, припоминаю: такой маленький, зеленый садик — по-моему, они сушат там розмарин, которым набивают подушки… Словом, я просидел у этого окна несколько страж, и вдруг обнаружил, что вовсе не читаю. Некоторое время я просто не мог понять, что делал до этого. Пытаясь облечь это в слова, я вспоминал лишь определенные запахи, ощущения и цвета, не имевшие, казалось

бы, никакого отношения к обсуждавшимся в моей книге вопросам. Наконец я осознал, что не читал книгу — я наблюдал ее, как обычный физический объект. Воспоминания о красном шли от красной ленты, пришитой к корешку для того, чтобы закладывать нужную страницу. Шероховатость, ощущаемая пальцами, — от шероховатой бумаги, на которой был напечатан том. А запах был запахом старой кожи вкупе с почти выветрившимся переплетным клеем. Вот тогда-то я, впервые увидев книгу саму по себе, понял, что есть забота о книге.

Рука его сильнее сжала мое плечо.

— У нас здесь имеются книги, переплетенные в кожу ехидн, кракенов и животных, вымерших так давно, что следы их существования дошли до ученых нашего времени лишь в виде окаменелостей. Есть книги в переплетах из совершенно неизвестных нам металлических сплавов и книги, переплеты которых сплошь усыпаны драгоценными камнями. Есть книги в футлярах из ароматической древесины, попавшей к нам сквозь неизмеримые пространства, разделяющие миры, — и книги эти драгоценны вдвойне, ибо никто на всем Урсе не может прочесть их.

У нас есть книги, отпечатанные на бумаге, изго-

товленной из растений, выделяющих необычные алкалоиды, отчего читателем, переворачивающим страницы, вдруг овладевают причудливые фантазии и видения. Есть книги, отпечатанные не на бумаге, но на тончайших пластинах белого нефрита, слоновой кости и перламутра, или же на листьях неизвестных растений. Есть и книги, с виду вовсе не похожие на книги — свитки, таблички и прочие записи на сотнях разнообразных материалов. Здесь есть — хотя я уже не вспомню, где именно он лежит, — хрустальный куб размером с твой ноготь, содержащий книг больше, чем собрано во всей библиотеке. Какая-нибудь шлюха могла бы украсить им ухо, как серьгой, — но во всем мире недостало бы томов, чтобы адекватно украсить и другое! И вот, осознав все это, я посвятил жизнь заботе о книгах.

Семь лет я занимался этим, и тут, стоило нам решить явные и косвенные проблемы, связанные с хранением, и вплотную подойти к началу первой со времен основания библиотеки генеральной ревизии фондов, глаза мои истаяли, точно свеча. Тот, кто вверил моему попечению все эти книги, ослепил меня, чтобы я понимал, кто печется о самих попечителях…

— Если вы не можете прочесть письма, сьер, —

сказал я, — я буду рад прочесть его вам вслух.

— Верно, — пробормотал мастер Ультан, — я и забыл… Киби прочтет — он хорошо читает. Возьми, Киби.

Я вызвался держать канделябр, а Киби развернул хрустящий пергамент, торжественно, точно воззвание, поднял его и начал читать для нас троих, стоявших в крохотном круге света среди огромного скопища книг:

— От Гурло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния…

— Что? — удивился мастер Ультан. — Так ты — палач, юноша?

Я ответил, что — да. Воцарилась тишина, затянувшаяся настолько, что Киби принялся было читать снова:

— От Гурло, мастера Ордена Взыскующих…

— Подожди, — велел мастер Ультан.

Киби снова умолк, а я продолжал стоять с канделябром в руках и чувствовал, как к щекам моим приливает кровь. Наконец мастер Ультан заговорил, и голос его звучал так же ровно и обыденно, как в тот раз, когда он сообщал мне, что Киби хорошо читает.

— Не припоминаю, чтобы я имел какое-либо отношение к вашей гильдии. Впрочем… Ты, без-

условно, знаком с нашим методом пополнения рядов?

Я признался, что незнаком.

— В каждой библиотеке, согласно древним заповедям, имеется особый зал для детей. В нем собраны книги с яркими картинками, какие нравятся детям, и некоторые простенькие повествования о чудесах и приключениях. Дети посещают эти залы во множестве, но ни для кого не представляют интереса, пока не выходят за их пределы.

Он запнулся и, хоть лицо его не выражало ничего особенного, у меня появилось впечатление, будто он опасается, что его слова могут причинить боль Киби.

— Однако порой библиотекари замечают ребенка, все еще в нежном возрасте, который мало-помалу выбирается за пределы детского зала и вскоре забрасывает его совсем. Такое дитя в конце концов обнаруживает на одной низкой, но неприметной полке «Золотую Книгу». Ты никогда не видел этой книги и уже не увидишь, так как вышел из возраста, коему она соответствует.

— Прекрасная, должно быть, книга, — заметил я.

— Воистину так. Если меня не подводит память,

переплет ее — из черного клееного холста, должным образом поблекшего на сгибах. Несколько тетрадок вываливаются из блока, несколько гравюр вырвано, но это удивительно красивая книга. Если б я мог найти ее снова… хотя теперь книги для меня закрыты.

Одним словом, этот ребенок в свою пору находит «Золотую Книгу». Тогда являются библиотекари — точно вампиры, по словам одних, или же, по мнению прочих, словно добрые крестные. Они заговаривают с ребенком, и тот присоединяется к ним. С этих пор он — в библиотеке, где бы ни находился, и вскоре родители больше не знают его… Я полагаю, примерно так же ведется и среди палачей?

— Мы, — объяснил я, — берем детей из тех, что попадают в наши руки еще совсем маленькими.

— Мы делаем то же, — пробормотал Ультан, — и потому вряд ли имеем право осуждать вас… Читай, Киби.

— От Гурло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния — Архивариусу Цитадели. Приветствую тебя, брат!

Волею суда на нашем попечении состоит персона возвышенного положения, именуемая шатленой Теклой; его же волею заключение

означенной персоны должно быть комфортабельным настолько, насколько это не выходит за рамки здравого смысла и благоразумия. Дабы могла она коротать время до завершения своего пребывания у нас — или же, как мне было указано передать: пока сердце Автарха, чья снисходительность не знает ни стен, ни глубин моря, не смилуется над к ней — просит она, чтобы ты, согласно должности своей, снабдил ее определенными книгами, а именно…

— Названия можешь пропустить, — сказал мастер Ультан. — Сколько их, Киби?

— Четыре, сьер.

— Значит, никаких препятствий… Продолжай.

— …за что мы были бы тебе весьма обязаны. Подписано: «Гурло, мастер Ордена Взыскующих Истины и Покаяния, в просторечии именуемого Гильдией Палачей».

— Известны ли тебе книги, перечисленные мастером Гурло, Киби?

— Три из них, сьер.

— Очень хорошо. Найди и принеси. А четвертая?

— «Книга Чудес Урса и Неба», сьер.

— Прекрасно — экземпляр имеется меньше чем в двух чейнах отсюда. Найдя остальные тома, ты

можешь встретить нас у двери, через которую этот юноша — боюсь, мы уже слишком долго его задерживаем — вошел в хранилище.

Я хотел было вернуть Киби подсвечник, но он показал жестом, чтобы я оставил его себе, и удалился рысцой по узкому проходу меж книжных полок. Ультан, ступая уверенно, точно зрячий, направился в противоположную сторону.

— Я хорошо помню ее, — сказал он. — Переплет коричневой дубленой кожи, золотой обрез, раскрашенные вручную гравюры Гвинока; стоит на третьей снизу полке, прислоненная к фолианту в переплете из зеленой ткани — по-моему, это «Жизнь Семнадцати Мегатериан» Блайтмека.

Большее частью для того, чтобы показать, что я не отстал (хотя его острый слух, несомненно, улавливал мои шаги позади), я спросил:

— А про что она, сьер? Я хочу сказать — книга об Урсе и небе.

— Ну и ну! Ты задаешь такой вопрос не кому иному, как библиотекарю? Наша забота, юноша, есть сами книги, а не их содержание.

Судя по тону, он посмеивался надо мной.

— Я думал, вы, сьер, знаете содержание всех этих книг…

— Навряд ли. Но «Чудеса Урса и Неба» — стан-

дартная работа трех-четырехсотлетней давности. Сборник общеизвестных древних легенд. Из них, на мой взгляд, наиболее интересна легенда об Историках, повествующая о временах, когда любая легенда могла быть прослежена до полузабытого факта, ее породившего. Я полагаю, ты сам видишь противоречие. Существовала ли в те времена и эта легенда? Если нет, как она могла возникнуть?

— А про каких-нибудь гигантских змеев или крылатых женщин там нет, сьер?

— О да, — ответил мастер Ультан. — Но не в легенде об Историках.... — Он наклонился, тут же выпрямился и триумфально показал мне небольшую книгу в растрескавшемся кожаном переплете. — Взгляни-ка, юноша. Посмотрим, не ошибся ли я.

Пришлось поставить канделябр на пол и присесть возле него. Книга в моих руках была такой старой и заплесневелой, словно ее ни разу не раскрывали за последние сто лет, но название на титульном листе подтверждало правоту старика. Подзаголовок же гласил: «Почерпнуто из печатных источников эпохи столь давней, что суть их навеки скрыта от нас во мраке времен».

— Итак, — спросил мастер Ультан, — не ошибся

ли я? Раскрыв книгу наугад, я прочел: «…при помощи каковых изображение могло быть выгравировано столь искусно, что все оно, будучи уничтожено, могло быть воссоздано заново из малого кусочка, каковой мог быть любой частью оного изображения».

Наверное, именно эти повторяющиеся «могло» вдруг живо напомнили мне ту ночь, когда я получил свой хризос, и схватку у вскрытой могилы.

— Феноменально, мастер! — ответил я.

— Вовсе нет. Но ошибаюсь я редко.

— Наверное, кому, как не тебе простить меня за то, что я замешкался с ответом, чтобы прочесть несколько строк… Мастер, ты, конечно, знаешь о пожирателях трупов. Я слышал, будто они, поедая плоть мертвецов вкупе с определенным снадобьем, обретают способность прожить заново жизнь своих жертв.

— Излишек сведений о практиках такого рода не доведет до добра, — пробормотал архивариус. — Хотя, если проникнуть в сознание историков наподобие Ломана или Гермаса…

За долгие годы слепоты он, должно быть, забыл, сколь очевидно лицо может выражать наши сокровеннейшие чувства. Его лицо так исказилось в гримасе мучительного вожделения, что я — из

соображений благопристойности — отвернулся. Но голос мастера оставался ровным и безмятежным, точно размеренный колокольный звон:

— Да, исходя из того, что мне однажды довелось прочесть, ты прав. Хотя не припоминаю, чтобы в книге, которую ты держишь в руках, что-либо говорилось об этом.

— Мастер, — заговорил я, — даю слово, что и в мыслях не имел подозревать тебя в подобных вещах… Но скажи: допустим, могилу вскрывают двое, одному достанется правая рука мертвеца, другому — левая. Выходит, тот, кто съест правую руку, получит только половину жизни покойника, а остальное достанется съевшему левую? И, если так, что достанется тому, кто придет третьим и возьмет себе ногу?

— Как жаль, что ты — палач, — заметил мастер Ультан. — Ты мог бы стать философом… Нет, насколько я понимаю в этих злодеяниях, каждому из троих достанется целая жизнь.

— Значит, вся жизнь человека, целиком, заключена и в правой руке и в левой. Быть может, и в каждом пальце?

— По-моему, чтобы добиться эффекта, каждый из участников должен съесть не менее пригоршни. Но — по крайней мере, в теории — ты прав.

Вся жизнь — в каждом пальце.

Мы уже возвращались туда, откуда пришли. Проход был слишком узок, чтобы разминуться двоим, поэтому теперь я шел впереди с канделябром, и кто-нибудь, увидев нас со стороны, наверняка решил бы, что я освещаю старику путь.

— Мастер, — спросил я, — но как же это может быть? В силу того же аргумента жизнь должна содержаться и в каждой фаланге каждого пальца, а уж это-то никак невозможно.

— А сколь велика человеческая жизнь?

— Не могу сказать. Но разве она не больше, чем…

— Ты отсчитываешь жизнь сначала, у тебя еще многое впереди. Я же веду ей счет до конца, который наступит вскоре. Наверное, поэтому и те извращенные твари, что пожирают трупы, ищут ее продления. Позволь спросить: известно ли тебе, что сын зачастую разительно похож на своего отца?

— Да, так говорят. И я верю в это. В голову помимо воли пришла мысль: похож ли я на своих родителей, о которых так никогда ничего и не узнаю?

— Тогда ты, безусловно, согласишься и с тем,

что каждый сын может быть похожим на своего отца, и потому одно и то же лицо может воплотиться во многих поколениях. Таким образом, если сын похож на отца, а его сын похож на своего отца, а сын этого сына — на своего, то можно утверждать, что представитель четвертого поколения будет похожим на своего прадеда.

— Да, — согласился я.

— Однако же семя всех четверых заключено всего лишь в драхме клейкой жидкости. В самом деле, откуда же они взялись, если не из этого семени?

Не зная, что на это ответить, я промолчал. Вскоре мы добрались до двери, сквозь которую я вошел в нижний ярус хранилища. Здесь нас ждал Киби с остальными книгами, значившимися в письме мастера Гурло. Я забрал их у него, поклонился на прощание мастеру Ультану и с превеликой радостью покинул затхлое хранилище. Впоследствии мне еще несколько раз доводилось бывать в верхних ярусах библиотеки, но никогда больше не попадал я в этот огромный склеп. Даже желания вернуться туда снова не возникало.

Один из трех принесенных Киби томов превосходил размерами столешницу небольшого

столика — кубит в ширину и почти эль в длину. Судя по гербу, вытисненному на сафьяновом переплете, это была история какого-то древнего и знатного рода. Остальные были гораздо меньше. Зеленая книжица — вряд ли больше моей ладони и не толще среднего пальца — оказалась собранием историй о праведниках, со множеством эмалевых изображений аскетических пантократоров и гипостазов в сверкающих ризах, с черными нимбами над головами. Я остановился на время в маленьком заброшенном садике с чашей фонтана, залитой ярким зимним солнцем, чтобы посмотреть.

Но прежде чем раскрыть одну из оставшихся книг, я почувствовал давление времени возможно, главный признак того, что детство оставлено позади. Я уже затратил самое меньшее две стражи на выполнение простого поручения, и скоро должно было стемнеть. Взяв книги поудобнее, я, хоть еще и не знал этого, поспешил навстречу своей судьбе в лице шатлены Теклы.

Глава 7
Изменница

Вернувшись в Башню Сообразности, я принялся разносить еду подмастерьям, дежурившим в подземных темницах. На первом ярусе дежурил Дротт; его я навестил последним, потому что хотел поговорить с ним прежде, чем вернусь наверх. Голова моя все еще кружилась от мыслей, навеянных визитом к архивариусу, и мне хотелось рассказать Дротту о них.

Но Дротта нигде не было видно. Поставив его поднос вместе с четырьмя книгами на столик, я окликнул его и тут же услышал ответ из камеры неподалеку. Подбежав к ее двери, я заглянул в зарешеченное оконце на уровне глаз. Дротт был внутри — он склонился над распростертой на койке пациенткой, изнуренной женщиной средних лет. Пол камеры был забрызган кровью.

— Северьян, ты? — спросил, не оборачиваясь, Дротт.

— Я. Принес твой ужин и книги для шатлены Теклы. Тебе нужна помощь?

— Нет, все в порядке. Сорвала повязки, чтобы

умереть от потери крови, да я заметил вовремя. Оставь поднос на столе, ладно? И, если есть время, закончи за меня раздачу еды.

Я колебался: вообще-то ученикам не положено иметь дело с теми, кто отдан на попечение гильдии.

— Давай-давай! Всех-то дел — рассовать подносы по кормушкам.

— Я принес еще книги.

— Просунь сквозь кормушку и их.

Какой-то миг я еще смотрел на него, склонившегося над мертвенно-бледной женщиной на койке, затем взял оставшиеся подносы и принялся выполнять просьбу Дрот-та. Большинству пациентов еще хватало сил подняться и принять передаваемую еду, но кое-кто не мог, и их подносы я оставлял у дверей — Дротт внесет после. По пути я видел нескольких женщин аристократического облика, но ни одна из них, похоже, не была шатленой Теклой, недавно доставленной к нам экзультанткой, с которой — по крайней мере, пока — обращались почтительно. Она оказалась в последней камере — о чем я мог бы догадаться и раньше. Камера эта, в дополнение к обычной обстановке — кровати, стулу и маленькому столику — была убрана ковром, а вместо обычного тряпья

на пациентке было белое платье с широкими рукавами. Края рукавов и подол были здорово испачканы, однако платье до сих пор сохраняло особую элегантность, чуждую для меня так же, как и для самой камеры. Она сидела, неотрывно глядя на огонек свечи, отраженный в серебряном зеркальце, но, должно быть, почувствовала мой взгляд. Теперь я был бы рад сказать, что на лице ее не было страха, но, сказав так, солгал бы. Лицо ее было исполнено ужаса, который она изо всех сил старалась скрыть. — Ничего, ничего, — сказал я. — Я принес еду.

Кивком поблагодарив меня, она поднялась и подошла к двери. Она оказалась даже выше, чем я думал — голова ее едва не касалась потолка. А ее лицо — пусть скорее треугольное, чем округлое — сразу напомнило мне лицо гой женщины, что была в некрополе с Водалусом. Наверное — из-за огромных темно-синих глаз, окруженных голубоватой тенью, и длинных черных волос, очень похожих на капюшон плаща… Как бы там ни было, я полюбил ее сразу — полюбил со всей силой, с какой способен любить глупый мальчишка. Но, будучи всего-навсего тем самым глупым мальчишкой, не понял этого. Ее рука — бледная, холодная, слегка влажная и невообразимо узкая

— коснулась моей, когда она принимала поднос.

— Еда — обычная, — сказал я. — Пожалуй, ты можешь получить кое-что получше, если попросишь. — Ты не носишь маски… — проговорила она. — Первое человеческое лицо здесь…

— Я — лишь ученик. Маску на меня возложат только через год.

* * *

Она улыбнулась, и я почувствовал себя совсем как тогда, в Атриуме Времени, только-только войдя в теплую комнату с чашкой чаю и печеньем. Рот ее был широк, а зубы — узки и очень белы; ее глаза, глубокие, точно резервуар под сводом Колокольной Башни, заблестели.

— Извини, — сказал я. — Я не расслышал тебя. Вновь улыбнувшись, она склонила набок прекрасную головку.

— Я хотела сказать, как рада видеть твое лицо, и спросила, буду ли и впредь иметь удовольствие принимать еду от тебя. Кстати, что это?

— Я здесь — только сегодня, потому что Дротт занят. Затем я хотел восстановить в памяти, что было на ее подносе (она поставила его на столик, так что сквозь решетку не разглядеть), но не смог, хоть напряг мозг до предела, и наконец неуве-

ренно сказал:

— Наверное, тебе лучше съесть ужин. Я думаю, если ты попросишь Дротта, то сможешь получить что-нибудь получше.

— Люди всегда осыпали комплиментами мою стройную фигуру, но, поверь, я ем, словно дикий волк! Съем и это!

Взяв со столика поднос, она повернулась ко мне, точно поняла, что без посторонней помощи мне не разгадать тайны его содержимого.

— Вот это, зеленое — лук-порей, шатлена, — сказал я. — Коричневые зернышки — чечевица. И хлеб.

— Шатлена? Зачем эти формальности, ведь ты — мой тюремщик и можешь называть меня как захочешь. Теперь ее глубокие глаза сияли весельем.

— У меня нет желания оскорбить тебя, — сказал я. — Ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя по-другому?

— Зови меня Теклой — это мое имя. Титулы — для формального общения, имена — для неформального; наша встреча — как раз из неформальных… Хотя, когда придет время моей казни, все формальности будут соблюдены?

— С экзультантами, как правило, поступают

так.

— Тогда, надо думать, будет присутствовать экзарх — если только вы впустите его сюда — в платье с пурпуром. И еще некоторые — возможно, Старост Эгино… Это на самом деле хлеб?

Она ткнула в кусок пальчиком — таким белым, что мне показалось, будто хлеб может испачкать его.

— Да, — ответил я. — Шатлене, конечно же, приходилось есть хлеб и раньше, не правда ли?

— Но не такой. — Взяв тонкий ломтик, она откусила немного. — Хотя — и этот неплох. Ты говоришь, мне могут принести еду получше, если я попрошу?

— Думаю, да, шатлена.

— Текла. Я просила книги — два дня назад, когда меня привезли. Но не получила их.

— Они здесь, — сказал я. — Со мной. Сбегав к Дроттову столу, я принес книги и просунул в кормушку самую маленькую.

— О, чудесно! А остальные?

— Еще три.

Книга в коричневом переплете тоже прошла сквозь кормушку, Но две другие — зеленая и тот фолиант, с гербом на обложке — оказались слишком широки.

— Позже Дротт откроет дверь и передаст их тебе, — сказал я тогда.

— А ты не можешь? Так ужасно — видеть их сквозь эту штуку и не иметь возможности даже дотронуться…

— Вообще-то мне не положено даже кормить тебя. Этим надлежит заниматься Дротту.

— Но все же ты передал мне еду. И, кроме того, это ты принес книги. Разве тебе не полагалось вручить их мне?

Я смог лишь неуверенно возразить, потому что в принципе она была права. Правила, запрещающие ученикам работать в темницах, направлены на предотвращение побегов; но ведь этой хрупкой, несмотря на высокий рост, женщине нипочем не одолеть меня, и, таким образом, она не сможет беспрепятственно выйти наружу. Я пошел к камере, где Дротт все еще приводил в чувство пациентку, пытавшуюся покончить с собой, и принес ключи.

Оказавшись в камере Теклы и закрыв за собой дверь, я обнаружил, что не в силах вымолвить ни слова. Я пристроил книги на столике, где из-за подсвечника, подноса и графина с водой почти не оставалось места, и остановился в ожидании. Я знал, что должен идти, но не мог сделать этого.

— Может быть, сядешь?

Я присел на кровать, предоставив ей стул.

— Будь мы в моих покоях в Обители Абсолюта, я смогла бы предложить тебе больше комфорта. К несчастью, в то время тебя не вызывали туда.

Я покачал головой.

— Сейчас мне нечем угостить тебя, кроме этого. Тебе нравится чечевица?

— Я не стану есть этого, шатлена. Скоро — время моего собственного ужина, а здесь вряд ли достаточно и для тебя одной.

— Действительно… — Взяв с подноса перышко лука, она, будто не совсем понимая, что с ним делать, проглотила его, как ярмарочный фигляр глотает гадюку. — А что дадут на ужин тебе?

— Лук-порей с чечевицей, хлеб и баранину.

— Ах, вот в чем разница — палачи получают еще и баранину… Как же тебя зовут, мастер палач?

— Северьян. Но это не поможет, шатлена. Не будет никакой разницы.

— В чем? — улыбнулась она.

— Ну… если ты подружишься со мной. Я не могу выпустить тебя на свободу. И не стал бы делать этого, даже если бы ты была моим единственным во всем мире другом.

— Но я и не думала, что ты можешь это, Северьян.

— Тогда зачем же утруждаться беседами со мной? Она вздохнула, и радость исчезла с ее лица — так солнечный свет покидает камень, на котором пристроился погреться нищий.

— С кем же мне еще беседовать, Северьян? Вот я поговорю с тобой некоторое время — несколько дней или пару недель, — а потом умру. Я понимаю, ты думаешь о том, что, будь я в своих покоях, не удостоила бы тебя и взглядом. Но ты ошибаешься. Конечно, со всеми не поговоришь, их слишком много вокруг, но за день до того, как меня привезли сюда, я разговаривала с конюхом, державшим мне стремя. Заговорила с ним оттого, что пришлось ждать, но услышала от него много интересного…

— Но ты больше не увидишь меня. Еду будет приносить Дротт.

— Вот как? Спроси, не позволит ли он тебе делать это? Она взяла меня за руки. Ее руки были холодны как лед.

— Попробую… — проговорил я.

— Попробуй! Пожалуйста, попробуй! Скажи ему, что мне нужна еда получше, и что я хочу, чтобы приносил ее ты. Хотя — я попрошу об этом

сама. Кому он подчинен?

— Мастеру Гурло.

— Я скажу ему — Дротту, правильно? — что хочу говорить с мастером Гурло. Ты прав, они не откажут — ведь как знать, Автарх может и освободить меня!

Глаза ее заблестели.

— Я передам Дротту, что ты хочешь его видеть, — сказал я, поднимаясь.

— Подожди. Разве ты не хочешь спросить, почему я здесь?

— Я знаю, почему ты здесь, — ответил я, прежде чем закрыть дверь. — Потому, что тебя рано или поздно надлежит подвергнуть пытке, как и всех прочих.

Да, жестоко, но я сказал это без всякой задней мысли — как любой юнец. Сказал то, что пришло в голову… Но это было правдой, и, поворачивая ключ в замке, я был даже рад тому, что сказал это.

Экзультанты часто попадают к нам. И первое время почти все понимают ситуацию правильно, так же как сейчас — шатлена Текла. Но проходит несколько дней, а пыток что-то не видать, и тогда надежды берут верх над здравым смыслом. Пациенты начинают говорить об освобождении,

рассуждать о том, что предпримут ради них друзья и родные и что сделают они сами после того, как выйдут на волю.

Один хочет уехать в свои владения и больше не показываться при дворе Автарха, другой — собрать отряд наемников и во главе его отправиться на север… И на дежуривших в подземельях подмастерьев градом сыплются рассказы об охотничьих собаках, далеких вересковых пустошах, местных потехах, нигде более неизвестных, устраиваемых под сенью древних рощ. Женщины в большинстве своем мыслят много практичнее, но и они со временем заговаривают о высокопоставленных любовниках (получивших отставку за месяцы или годы до сего момента), которые никогда не оставят их в беде, а потом — о вынашивании ребенка или воспитании приемыша. После того как для всех этих детей, которые так никогда и не появятся на свет, придуманы имена, как правило, наступает черед одежды: после освобождения непременно нужен новый гардероб; старое тряпье — сжечь. Часами обсуждают оттенки, изобретение новых фасонов, возвращение хорошо забытых старых…

Но в конце концов и для мужчин и для женщин неизменно наступает день, когда в камеру

вместо дежурного с едой входит мастер Гурло в сопровождении троих-четверых подмастерьев и, может быть, следователя с фульгуратором. Поэтому мне хотелось по возможности оградить шатлену Теклу от бесплодных надежд. Я повесил связку ключей на гвоздь, где та обычно висела, и, проходя мимо камеры, где Дротт заканчивал отмывать кровь с пола, сказал ему, что шатлена желает говорить с ним.

Через день меня вызвали к мастеру Гурло. Обыкновенно ученикам положено стоять против его стола, заложив руки за спину, но он велел мне сесть и, сняв шитую золотом маску, подался ко мне, что должно было означать частную беседу накоротке.

— С неделю назад я посылал тебя к архивариусу, — начал он. Я кивнул.

— И, насколько понимаю, вернувшись с книгами, ты доставил их пациентке сам. Так? Я объяснил, как все вышло.

— Ну, ничего страшного. Не бери в голову; я не стану назначать тебе внеочередные наряды и уж тем более — раскладывать тебя на кресле и драть. Ты уже, можно сказать, подмастерье; мне в твои годы и с альтернатором доверяли работать… Понимаешь ли, Северьян, штука-то в том, что

пациентка — лицо высокопоставленное. — Голос его понизился до шепота. — Со связями на самом верху.

Я сказал, что все понимаю.

— Высоких кровей, не из каких-нибудь там армигеришек… — Повернувшись к полкам позади его кресла, он порылся в беспорядочной груде бумаг и книг и извлек увесистый том. — Имеешь представление, сколько на свете экзультантских семейств? В этой книге перечислены лишь те, чей род еще продолжается. А чтобы счесть и тех, чей род прервался, наверное, понадобилась бы целая энциклопедия! И несколько экзультантских династий прерваны мной лично! Он захохотал, и я засмеялся тоже. — Здесь каждому семейству отведено по полстраницы. А всего страниц — семьсот сорок шесть. Я понимающе кивнул.

— Большинство этих семейств не представлено при дворе никем — не могут себе позволить либо боятся. Эти все — Мелочь. Но большие семейства — обязаны: Автарху нужны конкубины, которые в случае чего станут заложницами. Но Автарх уже не может крутить кадрили с пятью сотнями женщин. Наложниц поэтому около двадцати; остальные проводят время в танцах и болтовне друг с дружкой, а Автарха видят раз в месяц и то

— издали. Я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, спросил, вправду ли Автарх делит ложе со всеми этими конкубинами. Мастер Гурло закатил глаза и подпер огромной ручищей подбородок.

— Ну, ради соблюдения приличий нанимаются хайбиты — их еще называют тенями. Это — обычные девчонки, внешне похожие на нанимающих их шатлен. Уж не знаю, где их берут, но их обязанность — этих шатлен подменять. Конечно, ростом-то они поменьше… — Он хмыкнул. — Впрочем, лежа, видимо, разница в росте незаметна. Однако говорят, будто частенько случается наоборот. Хозяйки этих девчонок-теней сами берутся выполнять их обязанности. Но нынешний Автарх, каждое деяние коего, можно сказать, слаще меда на устах нашей почтенной гильдии, о чем ты никогда не должен забывать… Так вот, в его случае, как я понимаю, вряд ли хоть одна из наложниц доставляет ему удовольствие.

— Этого я не знал, мастер, — сказал я, едва сдержав вздох облегчения.

— Очень интересно.

Мастер Гурло склонил голову в знак того, что и он считает это интересным, и сцепил пальцы на животе.

— Быть может, когда-нибудь ты сам станешь во

главе гильдии, и тебе понадобится знать такие вещи. Будучи в твоем возрасте — или, может, малость помладше, — я воображал себе, будто родом из экзультантов. Ну, бывает с некоторыми.

Мне — далеко не в первый раз — вдруг пришло в голову, что мастер Гурло (и мастер Палаэмон тоже) все знают о происхождении любого ученика и подмастерья, ведь именно они решали, кого брать на воспитание.

— Конечно, точно сказать не могу. Но по всем физическим данным гожусь во всадники, да и ростом повыше среднего, несмотря на тяжелое детство. Сорок лет назад, должен тебе заметить, ученикам приходилось гораздо тяжелее, чем нынче.

— Мне рассказывали, мастер.

Мастер Гурло вздохнул — такой звук иногда издают кожаные подушки, когда сядешь на них.

— Но с течением времени я понял, что Предвечный, избрав для меня карьеру в нашей гильдии, действовал мне во благо. А ведь я вряд ли заслужил его благоволение в прежней жизни. Быть может, заслужу в этой…

Мастер Гурло замолчал, опустив взгляд (как мне казалось) на стол, к груде бумаг — судебных отношений и досье пациентов — на столе. Нако-

нец, когда я уже приготовился спросить, нужен ли ему еще, он заговорил снова:

— За всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы член нашей гильдии — а ведь их на свете наберется около тысячи — был подвергнут пытке.

Я ввернул в разговор общую фразу насчет того, что лучше быть жабой, прячущейся под валуном, чем бабочкой, раздавленной на нем.

— Ну, мы, принадлежащие гильдии, пожалуй, есть нечто большее, чем жабы. Но нельзя не отметить и вот чего: я видел в наших камерах более пятисот экзультантов, но никогда прежде не держал в заключении особ, принадлежащих к узкому кругу конкубин, приближенных к самому Автарху.

— А шатлена Текла принадлежит к нему? Ты только что намекнул на это, мастер. Он мрачно кивнул.

— Подвергни ее пытке немедленно, все было бы не так уж плохо. Однако — нет. Могут пройти годы… А может, и вовсе никогда…

— Ее могут освободить, мастер?

— Она — пешка в игре Автарха с Водалусом, уж это-то известно даже мне. Ее сестра, шатлена Теа, бежала из Обители Абсолюта, чтобы стать его лю-

бовницей. Текла — по крайней мере, некоторое время — будет одним из доводов в переговорах. Пока это так, мы должны содержать ее хорошо. Но тут важно не перестараться.

— Понимаю, — сказал я.

Мне было здорово не по себе — ведь я не знал, что шатлена Текла сказала Дротту, а Дротт — мастеру Гурло.

— Она просила о лучшей еде, и я уже отдал необходимые распоряжения. Просила она и о компании, а узнав о недопущении к заключенным посетителей, настаивала на том, чтобы ей позволили иногда беседовать хотя бы с одним из нас.

Мастер Гурло сделал паузу, чтобы отереть блестевшее от пота лицо краем плаща.

— Я понимаю.

Я был уверен, что в самом деле понимаю, что последует за этим.

— Она видела твое лицо и посему просила, чтобы это был ты. Я ответил, что ты будешь сидеть при ней, пока она принимает пищу. Твоего согласия не спрашиваю — не только потому, что ты подчинен мне, но и потому, что уверен в твоей лояльности. Прошу лишь соблюдать осторожность и не послужить причиной ее неудовольствия.

Равно как и источником чрезмерного удовольствия.

— Сделаю все, что смогу. Я сам подивился твердости своего голоса. Мастер Гурло улыбнулся так, словно я снял с его плеч тяжкий груз.

— Ты умен, Северьян; умен, несмотря на молодость. У тебя уже были женщины?

В обычае учеников было, беседуя между собой, сочинять на этот счет разные небылицы, но я разговаривал с мастером и потому отрицательно покачал головой.

— Ни разу не был у ведьм? Ну, может, оно и к лучшему. Сам-то я выучился всем этим вещам, но, пожалуй, не стал бы посылать к ним кого-то еще наподобие меня в то время. Возможно, шатлена захочет, чтобы ты согрел ее постель. Не вздумай делать этого. Ее беременность может надолго отодвинуть применение пытки и принести бесчестье гильдии. Понимаешь?

Я кивнул.

— Мальчишки твоих лет всегда озабочены на этот счет. Я распоряжусь, чтобы кто-нибудь свел тебя туда, где такие хвори вылечиваются мигом.

— Как пожелаешь, мастер.

— Что? Ты даже не благодаришь?

— Благодарю тебя, мастер, — сказал я.

Гурло был одним из самых сложных людей, которых я знал — то есть сложным человеком, который старается быть простым. То есть не обычным простым человеком, а таким, каким представляет себе простого человека сложный. Как придворный вырабатывает для себя обличье блестящее и таинственное, нечто среднее между мастером танцев и тонким дипломатом с налетом бретерства в случае нужды, так и мастер Гурло старательно лепил из себя мрачное, неповоротливое создание, какое ожидает увидеть помощник герольда или бейлиф, вызывая главу гильдии палачей, однако на свете нет качеств, менее присущих настоящему палачу. В целом же, хотя все составляющие характера мастера Гурло были такими, какими и должны быть, ни одна из них не подходила к прочим. Он сильно пил, по ночам его мучили кошмары; но кошмары эти приходили именно тогда, когда он пил, как будто вино, вместо того чтобы наглухо запереть двери его сознания, распахивало их настежь, заставляя его весь остаток ночи провести на ногах в ожидании первых проблесков солнца, которое изгонит призраки из его огромной каюты, позволит ему одеться и разослать по местам подмастерьев. Порой он поднимался на самый верх башни, на

артиллерийскую платформу, и ждал там первых лучей солнца, разговаривая с самим собой и глядя вдаль сквозь стекло, которое, говорят, тверже кремня. Он, единственный в гильдии (считая и мастера Палаэмона), не боялся обитающих там сил и невидимых уст, говорящих порой с людьми или иными невидимыми устами в других башнях. Он любил музыку, однако, слушая ее, прихлопывал ладонью по подлокотнику и притопывал ногами в такт, причем — тем сильнее, чем больше нравилась ему музыка (а особенной его любовью пользовались сложнейшие, тончайшие ритмы). Ел он помногу, но очень редко; читал только тогда, когда полагал, что его никто не видит; навещал некоторых пациентов, включая одного с третьего яруса, и беседовал с ними о материях, в которых никто из нас, подслушивавших в коридоре, не мог понять ни аза. Глаза его блестели ярче, чем у любой женщины. Он странно грассировал и делал ошибки в произношении самых обычных слов… Я не в силах описать, сколь плохо он выглядел, когда я, наконец, вернулся в Цитадель, и сколь плохо выглядит он сейчас.

Глава 8
Собеседник

На следующий день я в первый раз понес шатлене Текле ужин и почти стражу сидел при ней, причем Дротт частенько заглядывал в камеру сквозь решетчатое окошко. Мы поиграли в слова (и она неизменно выигрывала), после поговорили о том, что, по рассказам вернувшихся, якобы лежит после смерти, а потом она пересказала мне сведения, заключенные в самой маленькой из принесенных мной книг — не только общепринятые точки зрения иерофантов, но и разнообразные экзотические и даже еретические теории.

— Вот выйду на свободу, — сказала она, — и заведу собственную секту. Заявлю во всеуслышание, что во время пребывания среди палачей мне открылась высшая мудрость. К этому прислушаются.

Я спросил, в чем будет состоять учение ее секты.

— В том, что не существует никакого доброго гения и жизни после смерти. Что сознание после

смерти исчезает — так же как во время сна, только навсегда.

— А кого ты объявишь вестником, открывшим тебе эту мудрость?

Она покачала головой и подперла рукой подбородок. Поза эта восхитительно подчеркивала совершенство линий ее шеи.

— Пока не решила. Быть может, ледяной ангел. Или призрак. Что, по-твоему, лучше?

— Но разве здесь нет противоречия?

— Совершенно верно! — Голос ее был исполнен удовольствия, доставленного моим вопросом. — И в этом противоречии будет заключена привлекательность нашей новой веры. Новая теология не может быть основана на пустом месте, и ничто так не помогает основать ее, как противоречие. Вспомни великих, что добились успеха в прошлом — их божества неизменно объявлялись властителями и создателями всех мирозданий, однако же всех, вплоть до дряхлых старух, призывали защищать тех богов, точно детей, испугавшихся петуха. Или взять хотя бы утверждение, будто владыка, не карающий никого, пока у людей есть малейший шанс стать лучше, покарает всех, хоть никто от этого не сможет измениться в лучшую сторону.

— Для меня это слишком сложно, — сказал я.

— Вовсе нет. По-моему, ты так же разумен, как и большинство других юношей. Но у палачей, наверное, нет никакой веры? Тебя не заставляли клятвенно отрекаться от нее?

— Нет. У нас есть своя небесная покровительница и свои праздники, как в любой другой гильдии.

— А вот у нас — нет, — сказала она, словно на миг огорченная этим. — Так бывает только в гильдиях, да еще в армии, которая — тоже своего рода гильдия. Хотя… пиршества, всенощные бдения, зрелища, возможность показаться в новых нарядах… Тебе нравится это?

Поднявшись, она развела руки в стороны, демонстрируя мне испачканное платье.

— Очень красиво, — отважился заметить я. — И узор, и вышивка с жемчужинками…

— Здесь у меня есть только это — в нем я была, когда за мной пришли. Вообще-то это обеденное платье — его следует носить между обедом и наступлением вечера.

Я сказал, что мастер Гурло наверняка пошлет кого-нибудь за остальными, если она попросит о том.

— Я уже просила, и он сказал, ЧТУ посылал

людей в Обитель Абсолюта за моими платьями, но они не смогли отыскать ее. Это означает, что в Обители Абсолюта стараются сделать вид, будто меня не существует. Хотя, возможно, все мои платья отосланы в наше шато на севере, или на одну из вилл. Он собирался отдать своему секретарю распоряжение выписать их.

— А ты не знаешь, кого он посылал? — спросил я. — Обитель Абсолюта, должно быть, не меньше нашей Цитадели — вряд ли ее так уж нелегко обнаружить.

— Напротив, довольно трудно. Поскольку ее нельзя увидеть, ты можешь находиться в самом ее центре, но так и не узнаешь об этом. Кроме того, учитывая, что дороги перекрыты, требуется всего-навсего приказать шпионам указать определенным путникам неверное направление — а шпионы у них повсюду.

Я хотел было спросить, как Обитель Абсолюта, которую я всегда представлял себе огромным дворцом со сверкающими башнями и куполами, может быть невидимой, но Текла уже думала о чем-то другом, разглядывая свой браслет в форме кракена с глазами из неограненных изумрудов, оплетшего щупальцами ее тонкое, белое запястье.

— Мне позволили оставить браслет, а он очень дорогой. Это — не серебро, а платина. Я была удивлена.

— Здесь никого нельзя подкупить.

— Его можно продать в Нессусе и купить платья… Северьян, ты не знаешь, кто-нибудь из моих друзей пытался увидеться со мной?

Я покачал головой.

— В любом случае у них ничего бы не вышло.

— Я понимаю. Но кто-нибудь мог бы попробовать… А ты знаешь, что в Обители Абсолюта многие даже не подозревают о существовании этого места? Вижу, ты мне не веришь!

— Не подозревают о существовании Цитадели?

— Нет, о Цитадели известно всем — некоторые ее части открыты для свободного доступа, а башен просто нельзя не заметить, если находишься на любом берегу Гьолла в южной части города. — Она хлопнула по металлической переборке камеры. — Они не знают об этом — по крайней мере, подавляющее большинство будет отрицать существование ваших темниц.

Да, она была великой шатленой, а я — даже ниже, чем раб (конечно, в глазах обычных людей, не понимающих по-настоящему функций нашей гильдии). Однако когда пришло время и Дротт с

грохотом отворил дверь камеры, именно я вышел в коридор и поднялся по лестнице к чистому вечернему воздуху, а Текла осталась внизу, среди стонов и криков других заключенных. (Ее камера находилась в некотором отдалении от лестницы, но, когда ей не с кем было беседовать, безумный хохот с третьего яруса доносился и туда.) Перед сном, в дортуаре, я спросил, не знает ли кто-нибудь имен подмастерьев, которых мастер Гурло посылал в Обитель Абсолюта. Никто не знал, однако вопрос послужил началом оживленной дискуссии. Никто из мальчишек не видел дворца и даже не встречался с кем-либо из видевших его, но рассказы о нем каждый слышал во множестве. В большинстве своем эти истории повествовали о сказочной роскоши — золотых блюдах, шелковых попонах и прочем в том же роде. Куда интереснее были описания Автарха, который, если б они все соответствовали истине, оказался бы настоящим чудовищем — огромного (вровень со средним человеком, когда сидит) роста, старым, совсем молодым, женщиной в мужском платье и так далее. Однако еще фантастичнее оказались байки о его визире, достославном отце Инире, похожем на обезьянку и являвшемся самым старым человеком на свете.

Но стоило нам как следует разойтись, в дверь постучали. Самый младший из нас открыл ее, и я увидел Роша, одетого не в предписываемые уставом гильдии бриджи и плащ цвета сажи, а в самые обычные (хотя — новые и прекрасно сидящие) брюки, рубашку и пиджак. Он кивнул мне, а когда я подошел к двери, знаком пригласил следовать за ним.

Как только мы оказались достаточно далеко от дверей в дортуар, он заговорил:

— Боюсь, я здорово перепугал этого мальца. Он же не знает, кто я.

— В этой одежде он тебя вправду не узнал, — сказал я. — А если увидит в обычном облачении — вспомнит сразу.

Он довольно захохотал.

— Знаешь, так странно стучаться в эту дверь! Сегодня у нас какое число? Ну что ж, еще три недели — и восемнадцатое. Как у тебя дела?

— Нормально.

— Похоже, ты в этой банде навел порядок. Эата — твой помощник, верно? Ему до подмастерьев еще четыре года, и три из них он будет после тебя капитанствовать. А пока опыта поднаберется — жаль, что тебе в свое время не так повезло. Я стоял у тебя на пути, хоть тогда и не задумывался

об этом.

— Рош, а куда мы идем?

— Сначала — ко мне в каюту, чтобы тебя переодеть. Как, Северьян, небось, ждешь не дождешься, когда сам станешь подмастерьем?

Последние слова были брошены через плечо, а затем Рош, не дожидаясь ответа, затопотал вниз по лестнице.

Мой костюм оказался таким же, как у него, только цвета другие. Кроме того, для нас обоих были приготовлены пальто и шляпы.

— Пригодится, — сказал он, когда я надел свою. — Снаружи холодно, да и снег пошел.

Подав мне шарф, он велел снять мои башмаки и надеть сапоги.

— Это ведь для подмастерьев сапоги, — возразил я, — как я в них пойду?

— Давай-давай, обувь у всех черная, никто не заметит. Подходят?

Сапоги оказались великоваты, и Рош дал мне пару носков, чтобы натянуть поверх моих собственных.

— Ну вот. Кошелек должен бы быть у меня, но раз уж не исключено, что разделимся, тебе тоже неплохо иметь в кармане несколько азими. — Он высыпал монеты в мою ладонь. — Готов? Дви-

нулись. Я бы хотел вернуться так, чтобы еще осталось время малость поспать.

Мы вышли на двор, путаясь в непривычной одежде, обогнули Башню Ведьм и ступили на крытую дорожку, ведущую мимо Мартелло к Разбитому Двору. Рош оказался прав: шел густой снег, и огромные — в целый ноготь — хлопья кружили в воздухе так медленно, что казалось, будто снег идет уже целую вечность. Ветра не было, и новое облачение знакомого, привычного мира явственно поскрипывало под сапогами.

— Везет тебе, — заметил Рош. — Не знаю, как ты это устроил, но все равно — спасибо.

— Что устроил?

— Поездку в Эхопраксию и по женщине каждому. Я думал, ты знаешь — мастер Гурло сказал, что уже уведомил тебя.

— Я и забыл. И вообще не думал, что он это — всерьез. Мы пойдем пешком? Это, должно быть, неблизко.

— Ну, не так уж оно далеко, но средства у нас, как я уже говорил, имеются. У Горьких Врат стоят фиакры — они там всегда стоят, потому что постоянно кто-нибудь приезжает и уезжает, хотя, сидя в нашем укромном уголке, как-то и не скажешь…

Ради поддержания беседы я рассказал ему то, что слышал от шатлены Теклы, — будто в Обители Абсолюта тьма народу даже не знает о нашем существовании.

— А что, очень похоже на правду. Это для нас, выросших в гильдии, она — пуп земли. Вот станешь немного постарше (я сам это в свое время обнаружил и знаю, что ты не станешь трепать языком) и увидишь, что палачество — вовсе не чека в колесе мироздания, а просто хорошо оплачиваемая и очень непопулярная работа, которой, по воле случая, приходится заниматься тебе.

Рош оказался прав — на Разбитом Дворе действительно стояли три экипажа. Один был экзультантским, с нарисованными на дверцах гербами и ливрейными лакеями на запятках, а два других — маленькими, простенькими фиакрами. Возницы в низких меховых шапках склонились над костерком, разведенным на булыжной мостовой. Издали, сквозь густой снег, огонь казался не больше искры.

Рош махнул им рукой, крикнул; один из возниц вскочил на сиденье, щелкнул кнутом, и фиакр с грохотом подкатил к нам. Оказавшись внутри, я спросил у Роша, знает ли кучер, кто мы такие.

— Мы — двое оптиматов, — ответил Рош. —

Приезжали в Цитадель по делам, а теперь направляемся в Эхопраксию, чтобы приятно провести вечер. Вот все, что он может и должен знать.

Я подумал, вправду ли Рош гораздо более моего опытен в развлечениях такого рода, и решил, что — вряд ли. Надеясь выяснить, бывал ли он прежде там, куда мы направляемся, я спросил, в какой стороне находится Эхопраксия.

— В квартале Мучительньк Страстей. Слыхал о таком? Я кивнул и сказал, что мастер Палаэмон однажды говорил, будто это — один из древнейших кварталов города.

— На самом-то деле — нет. Дальше на юг есть кварталы еще древнее, но там живут одни омофаги. Цитадель ведь раньше была чуть севернее Нессуса, знаешь?

Я покачал головой.

— Город до сих пор понемногу ползет вверх по реке. Аримгерам и оптиматам нужна чистая вода — не для питья, а для рыбных прудов, купален и всего такого. Да еще — любой, кто живет слишком близко к морю, как-то не внушает доверия. И нижние кварталы, где вода была хуже всего, в конце концов сдаются. Потом вышел тот закон, и оставшиеся там боятся даже разводить огонь — чтобы их не отыскали по дыму.

Я смотрел в окно. Мы уже миновали какие-то неизвестные мне ворота, прогрохотав мимо стражей в шлемах, но все еще находились внутри Цитадели. По обеим сторонам узкого проезда тянулись ряды разбитых окон.

— Станешь подмастерьем — сможешь выходить в город когда угодно, если только ты не на дежурстве.

Я, конечно, знал об этом, но спросил Роша, считает ли он все это приятным.

— Ну, не то чтобы очень… Я, честно говоря, был там всего два раза. Оно — не то чтобы приятно, но интересно. Только всем вокруг известно, кто ты такой.

— Ты же сказал, что кучер этого не знает.

— Он-то, наверное, не знает… Эти фиакры разъезжают по всему Нессусу; кучер может жить где угодно, а в Цитадель попадать раз в году. Но местные — знают. Солдаты рассказывают. Им-то что, они могут выходить в город в своей форме.

— Ни в одном из окон нет света. Похоже, в этой части Цитадели вообще никого нет.

— Что ж, все мельчает, с этим ничего не поделать. Еды меньше — значит, и людей будет меньше, пока не придет Новое Солнце.

В фиакре, несмотря на холод, было душно.

— Далеко нам еще? — спросил я. Рош хмыкнул.

— А ты — вроде как беспокоишься?

— Вовсе нет.

— Наверняка — да. Ничего, это естественно. Так что не беспокойся насчет своих беспокойств!

— Да я совершенно спокоен.

— Если захочешь, можно все провернуть по-быстрому. С женщиной можно даже не разговаривать — ей все равно. Конечно, она с тобой и побеседует, если захочешь, ведь ты платишь. То есть в данном случае плачу я, но принцип — тот же. Она сделает все, чего ты пожелаешь, в пределах разумного. Если ударишь ее или еще что-нибудь в этом духе, цена возрастет.

— А что, люди и вправду так делают?

— Находятся любители. Тебе-то наверняка не захочется, да и из наших, гильдейских, вряд ли хоть кто-нибудь так развлекается — ну, разве что выпьет лишку. — Он помолчал. — Вообще-то эти женщины нарушают закон и поэтому не могут жаловаться…

Фиакр с грохотом свернул в другой проезд, еще уже прежнего. Теперь мы мчались на восток.

Глава 9
Лазурный Дом

Конечным пунктом нашей поездки оказалась одна из тех причудливых построек, какие часто встречаются в старых районах города, где некогда отдельные здания «срастаются» воедино, превращаясь в дикую мешанину пристроек, крыльев и переходов, выполненных в самых разнообразных архитектурных стилях, со шпилями и башнями там, где изначально не планировалось ничего сложнее обыкновенных крыш. Здесь снега было еще больше — а может, он просто успел накопиться, пока мы были в пути. Снег укрыл под собою окружавший здание портик, мягкими подушками лег на подоконники, застелил ковром ступени у входа и одел в плащи с капюшонами поддерживавших карнизы деревянных кариатид, казалось, обещавших посетителям тишину, безопасность и соблюдение полной тайны.

За окнами нижнего этажа был виден тусклый, желтый свет, другие же были темны. Несмотря на снегопад, кто-то внутри, должно быть, услышал наши шаги. Огромная, видавшая виды дверь

распахнулась прежде, чем Рош успел постучать. Войдя, мы оказались в маленькой, узкой прихожей, со стенами и потолком, обитыми голубым атласом, отчего помещение было очень похоже на футляр для дорогих украшений. Человек, впустивший нас, был одет в желтый халат и башмаки на толстой подошве; его короткие светлые волосы были зачесаны назад, открывая широкий, покатый лоб над гладким, безбородым лицом. Проходя мимо него, я заглянул в его глаза и обнаружил, что словно бы смотрю в окно. Глаза его, блестящие и ровные, точно небо засушливым летом, и вправду вполне могли быть сделаны из стекла.

— Фортуна благосклонна к вам, — сказал человек, подавая нам по бокалу. Голос его мог быть и мужским тенором и женским контральто. — Сегодня здесь нет никого, кроме вас.

— И девочки наверняка соскучились, — заметил Рош.

— Воистину! О, ты улыбаешься… я вижу, ты не веришь мне, но это — сущая правда. Да, они жалуются, когда у нас много гостей, но и скучают, если к ним не приходит никто. И каждая постарается приятно удивить вас сегодня вечером, вот увидите. И после того, как вы покинете нас, будут

хвастать перед другими тем, что вы выбрали именно их. Кроме этого, оба вы — юноши симпатичные. — Он сделал паузу, во время которой окинул Роша быстрым взглядом. — Ты бывал у нас и прежде, не так ли? Такие ярко-рыжие волосы трудно забыть. Далеко на юге дикари изображают своих огненных духов точно такими. А у твоего друга — лицо экзультанта… такие нашим девушкам нравятся больше всего! Я понимаю, отчего ты привел его к нам.

Он отворил другую дверь, со стеклянной вставкой, изображающей Искушение. Мы прошли в зал, который (несомненно, в силу контраста с прихожей) казался много просторнее самого здания. Высокий потолок был украшен белыми, похоже, шелковыми фестонами, отчего помещение напоминало огромный роскошный шатер. Вдоль двух из четырех стен тянулись колоннады — конечно, фальшивые, так как колонны на самом деле были всего лишь полукруглыми пилястрами, укрепленными на стенах, выкрашенных в синий цвет, а архитрав — всего-навсего лепным карнизом, однако, пока мы оставались в центре зала, эффект был почти полным.

В дальнем конце зала, напротив окон, стояло кресло с высокой, точно у трона, спинкой. Че-

ловек в желтом халате уселся в него, и я тут же услышал, как где-то в глубине здания зазвенел колокольчик. Устроившись в двух других креслах, поменьше, мы с Рошем ждали в тишине, нарушаемой лишь эхом мелодичного перезвона. Снаружи не доносилось ни звука, но я простотаки физически ощущал падавший снег. Вино согревало, и, сделав несколько глотков, я увидел дно бокала. Я чувствовал себя словно бы в ожидании начала церемонии в нашей разрушенной часовне, только на сей раз она была менее реальной и одновременно более серьезной.

— Шатлена Барбеа, — объявил хозяин. В зал вошла высокая женщина, державшаяся так благородно и одетая так вызывающе, что я далеко не сразу понял, что ей — никак не больше семнадцати лет. Лицо ее — округлой, совершенной формы, с ясными глазами, небольшим прямым носом и крохотным ртом, подрисованным так, чтобы казался еще меньше — было прекрасно, а волосы так отливали золотом, что вполне могли бы оказаться париком из настоящей золотой проволоки.

Остановившись в паре шагов от нас, она медленно повернулась, едва уловимо, с необыкновенной грацией меняя позу в движении. До

этого я никогда не видел профессиональных танцовщиц и ни разу после не встречал столь прекрасной. Не могу и передать, что я чувствовал, глядя на нее!

— Все придворные красавицы — здесь, к вашим услугам! — воскликнул хозяин. — Сюда, в Лазурный Дом, явились они в эту ночь, покинув свои золотые стены ради счастья доставить вам наслаждение!

Я, наполовину загипнотизированный танцем, решил, что это фантастическое утверждение высказано совершенно серьезно, и сказал:

— Это не может быть правдой.

— Но ты пришел к нам за наслаждением, не так ли? И если мечта также послужит ему, что в том плохого?

Все это время девушка с золотыми волосами продолжала свой медленный танец без музыки.

Мгновения летели одно за другим.

— Она тебе нравится? — спросил хозяин. — Ты выбираешь ее?

Я хотел было сказать — точнее, закричать, чувствуя желание всем своим существом, — что нравится, но, прежде чем успел сделать вдох, меня опередил Рош:

— Давай посмотрим и других.

Танец тут же прекратился, девушка сделала реверанс и покинула зал.

— Можешь выбрать и нескольких — по одной или всех вместе. У нас есть очень большие кровати! — Дверь, закрывшаяся за золотоволосой девушкой, отворилась снова. — Шатлена Грациа!

Вошедшая девушка казалась совершенно иной, однако во многом напоминала предыдущую, «шатлену Барбеа». Волосы ее были белы, словно хлопья снега, кружащиеся за окном, и от этого ее юное лицо казалось еще свежее, а темная кожа — темнее. Груди и бедра ее были (или же казались) пышнее, но все же она вполне могла оказаться той же самой женщиной, успевшей за несколько секунд до второго своего появления сменить одежду и парик и слегка затемнить кожу лица при помощи косметики. Мысль была абсурдной, но, подобно многим абсурдным мыслям, заключала в себе элемент истины. Что-то совпадало во взгляде, выражении лица, походке и плавности их движений. Все это напоминало о чем-то, уже виденном мною (хотя я не мог вспомнить, когда и где), но тем не менее было внове, причем то, прежнее, казалось как-то предпочтительнее.

— Эта мне подойдет, — сказал Рош. — Теперь нужно подыскать что-нибудь для моего друга.

Темнокожая девушка (эта не танцевала, а просто стояла перед нами) подошла к Рошу, присела на подлокотник его кресла и что-то прошептала ему на ухо.

Дверь отворилась в третий раз.

— Шатлена Текла, — объявил хозяин.

Казалось, в зал и вправду вошла шатлена Текла, каким-то непонятным образом выбравшаяся из темницы. Не наблюдательность, но лишь разум в конце концов убедил меня в том, что я ошибаюсь. Не знаю, заметил бы я разницу, если бы передо мной бок о бок стояли они обе, или нет. Хотя — эта девушка, несомненно, несколько ниже ростом…

— Значит, тебе нравится эта? — спросил хозяин. Не помню, чтобы я что-либо ответил, но Рош шагнул вперед с кошельком в руке и объявил, что платит за нас обоих. Я проследил за вынимаемыми из кошелька монетами, ожидая увидеть блеск хризоса, но на свет появились лишь несколько азими.

«Шатлена Текла» коснулась моей руки. Надушена она была крепче, чем настоящая Текла, однако аромат оказался точно тем же — мне он напоминал розу, сжигаемую в огне.

— Идем, — сказала она.

Я последовал за ней. За дверью оказался грязно-

ватый, тускло освещенный коридор, приведший нас к узкой лестнице. Я спросил, много ли здесь еще придворных дам, и она приостановилась, искоса взглянув на меня через плечо. Возможно, ее лицо выражало удовлетворенное тщеславие, или влюбленность, или то смутное ощущение, какое испытываешь, когда состязание становится игрой.

— Сегодня — лишь несколько, из-за снегопада. Мы с Грацией приехали в одних санях.

Я кивнул. Она наверняка явилась сюда из какого-нибудь темного переулка поблизости и, скорее всего, пешком, с шалью на голове и в старых, насквозь пронизываемых холодом туфлях, и все же перед моими глазами тут же возникла отчетливая картина: взмыленные боевые кони быстрее любой машины несутся галопом сквозь снегопад, и ветер свистит в ушах юных, прекрасных, пресыщенных дам в соболиных и рысьих шкурах, темнеющих на фоне красного бархата сидений…

— Ну, ты идешь?

Она уже поднялась до верхней площадки и почти скрылась из виду. Ее окликнули, назвав «дражайшей сестрицей», и, поднявшись парой ступеней выше, я увидел женщину, очень похожую на прекрасную спутницу Водалуса. Она

не обратила на меня никакого внимания и, как только я догадался посторониться, стремительно сбежала вниз по лестнице.

— Вот видишь, что можно получить, если только чуть-чуть подождешь!

На губах моей куртизанки мелькнула улыбка, которую я явно видел где-то прежде.

— Но я все же выбрал тебя.

— Ну, вот потеха — так потеха! Идем, идем — не стоять же вечно на этом сквозняке. Да, ты ничуть не изменился в лице, но проводил ее таким воловьим взглядом!.. Что ж, она и впрямь мила, спору нет.

С этими словами женщина, так похожая на Теклу, отворила дверь, и мы оказались в крохотной спальне с огромной кроватью. К потолку была подвешена погасшая кадильница на блестящей серебристой цепочке; в углу на высокой подставке стоял светильник под розовым колпаком. Между маленьким туалетным столиком с зеркалом и узким платяным шкафчиком оставалось как раз достаточно места, чтобы пройти внутрь.

— Хочешь раздеть меня?

Кивнув, я потянулся к ней.

— Тогда будь аккуратен. — Она повернулась ко мне спиной. — Застежки — там. Если разорвешь

что-нибудь в возбуждении, придется платить отдельно — не говори потом, будто тебя не предупредили.

Пальцы мои нащупали крошечную застежку и расстегнули ее.

— Но я полагал, что у шатлены Теклы множество платьев.

— Так оно и есть. Но как я вернусь в Обитель Абсолюта в разорванном?

— У тебя здесь, несомненно, имеются и другие.

— Да, пара. Много здесь держать нельзя — кто-нибудь унесет, пока меня нет.

Платье, что выглядело дорогим и роскошным в комнате с фальшивыми колоннадами, на поверку оказалось сшитым из тонкой дешевой ткани.

— Ни атласа, — сказал я, распуская следующую застежку, — ни соболей, ни бриллиантов…

Я отступил от нее на шаг (при этом упершись спиною в дверь). Теперь в ней не было ничего от Теклы. Чуть внешнего сходства, кое-какие жесты, да еще одежда — ничего более. Передо мною, в крохотной, холодной комнатушке, стояла с обнаженными плечами и шеей бедная молодая женщина, чьи родители, скорее всего, с благодарностью примут скудное серебро из кошелька Роща и сделают вид, будто не знают, где бывает

их дочь по ночам…

— Ты — вовсе не шатлена Текла, — сказал я. — Что я здесь делаю…

Вышло, наверное, гораздо многозначительнее, чем предполагалось. Она повернулась ко мне лицом, и тонкая ткань платья соскользнула с ее груди. В глазах ее, точно пущенный зеркалом «зайчик», мелькнул страх. Должно быть, она и прежде попадала в такое положение, и это выходило ей боком.

— Я — Текла, — сказала она, — если тебе хочется, чтобы я была ею.

Я поднял руку.

— Здесь есть кому защитить меня, — поспешно добавила она. — Мне стоит только закричать. Во второй раз ударить уже не успеешь.

— Неправда, — сказал я.

— А вот и правда. Трое мужчин…

— Ни единого. Весь этаж пуст и холоден — думаешь, я не заметил, как здесь тихо? Рош со своей девушкой остался внизу, и, наверное, получил комнату получше — платит-то он. А женщина, которую мы встретили на лестнице, просто уходила и хотела прежде переговорить с тобой. — Я взял ее за талию и поднял в воздух. — Кричи. Никто не придет.

Она молчала. Я бросил ее на кровать и присел рядом.

— Ты зол оттого, что я — не Текла. Но я хотела стать ею для тебя — и стану, если захочешь. — Стянув с моих плеч чужое непривычное пальто, она бросила его на пол. — Ты очень сильный.

— Вовсе нет.

Я отлично знал, что некоторые из трепетавших передо мной мальчишек уже гораздо сильнее меня.

— Очень! Но разве тебе, такому сильному, не по силу одолеть реальность — хотя бы ненадолго?

— Что ты хочешь сказать?

— Слабые верят в то, во что вынуждены верить. А сильные верят в то, во что хотят, и заставляют это стать реальностью. Кто есть Автарх, как не человек, верящий в то, что он — Автарх, и силой собственной веры заставляющий и других верить в это?

— Но ты — не шатлена Текла, — ответил я.

— Как и она сама. Шатлена Текла, которую ты вряд ли и видел хоть раз… Хотя — нет, здесь я ошибаюсь. Ты бывал в Обители Абсолюта?

Ее маленькие, теплые ладони легли мне на плечо и потянули вниз. Я покачал головой.

— Некоторые клиенты говорят, что бывали там.

И мне всегда нравилось слушать их.

— Они и вправду бывали в Обители Абсолюта? На самом деле?

Она пожала плечами.

— Я хотела сказать, что шатлена Текла — вовсе не шатлена Текла. То есть не та шатлена Текла, что живет в твоем воображении — единственная, до которой тебе есть дело. И я — тоже не она. Какая же тогда между нами разница?

— Наверное, никакой. Я принялся раздеваться.

— Однако ж все мы хотим знать, что же реально на самом деле. Отчего? Наверное, потому, что всех нас притягивает к теоцентру. Иерофанты говорят, что только он воистину реален.

Она поцеловала мое бедро, зная, что одержала верх.

— Ты в самом деле готов искать истину? Не забывай: для этого ты должен быть облечен фавором, иначе попадешь в руки палачей. И это тебе не понравится!

— Нет, — сказал я, беря ее голову в ладони.

Глава 10
Последний год

Думаю, мастер Гурло намеревался почаще устраивать мне поездки в этот дом, чтобы меня не слишком влекло к Текле. Я же позволил Рошу прикарманить отпущенные на это деньги и больше ни разу не ездил туда. Боль оказалась такой приятной, а наслаждение таким болезненным, что я боялся перестать понимать себя самого.

К тому же, перед тем как мы с Рошем покинули этот дом, беловолосый человек, встретившись со мною взглядом, извлек из-за пазухи нечто — я вначале решил, что это иконка, но вещица оказалась крошечным флакончиком в форме фаллоса. При этом он улыбнулся, и улыбка его испугала меня — в ней не было ничего, кроме дружелюбия.

Прошли дни, прежде чем из моих мыслей о Текле изгладились впечатления от той фальшивой Теклы, введшей меня в мир анакреонтических развлечений и благ, что дарят друг другу мужчины и женщины. Возможно, это должно было возыметь эффект, как раз обратный тому, кото-

рого добивался мастер Гурло, но — нет. Менее всего я был склонен к любви с этой несчастной женщиной, пока в сознании моем свежи были воспоминания о том, как я невозбранно наслаждался ею. В действительности меня влекло (хотя в то время я не понимал этого) не к ее женскому естеству, но — к миру древнего знания и привилегий, который она представляла.

Книги, которые я доставил ей, стали моим университетом, а сама она — моим оракулом. Я — не из образованных; мастер Палаэмон научил меня всего лишь читать, писать и считать, преподал скудный набор сведений о физическом мире и, конечно же, все секреты нашего ремесла. И, если образованные люди порой — ну, не то чтобы принимают меня за равного, но хотя бы не стесняются быть в компании со мной — этому я обязан единственно той, до сей поры живущей в моих мыслях Текле, да еще этим четырем томикам.

Не стану пересказывать, что мы читали вместе и о чем беседовали — описание самого краткого разговора займет всю эту недолгую ночь без остатка. Всю зиму, пока на Старом Подворье не стаял снег, я неизменно поднимался из темниц наверх, словно бы пробуждаясь ото сна, и только тут начинал замечать окружающий мир — следы

собственных ног Позади, свою тень на снегу… Текла очень тосковала в ту зиму, но с удовольствием рассказывала мне о тайнах прошлого, о слухах высших сфер, о гербах и историях про героев, умерших тысячелетия назад.

С приходом весны в некрополе расцвели пурпурные и белые лилии. Я принес их ей, и она сказала, что вскоре так же стремительно вырастет и моя борода, и тогда синева моих щек будет гуще, чем у большинства обычных мужчин, а на следующий день попросила за это прощения, так как предсказание ее запоздало. Тепло весны и (по-моему) принесенные мной цветы подняли ей настроение. В беседе о знаках отличия древних семейств она заговорила о своих подругах, об их браках, удачных и неудачных, и как такая-то пожертвовала своим будущим ради разрушенного замка, потому что видела его во сне, а еще одна, с которой они в детстве играли в куклы, сделалась хозяйкой многих тысяч лиг земли.

— Когда-нибудь, Северьян, непременно будет новый Автарх, а может быть, и новая автархия. Все может оставаться без перемен очень долго. Но — не вечно.

— Я мало осведомлен о придворных делах, шатлена.

— Чем меньше ты знаешь о них, тем лучше для тебя. — Она помолчала, покусывая изящно изогнутую нижнюю губу. — Когда моя мать была в тягостях, она велела слугам отнести ее к Пророческому фонтану, который предсказывает грядущее, и он предсказал, что я воссяду на трон. Теа всегда завидовала мне из-за этого. Однако Автарх…

— Что?

— Пожалуй, мне лучше не болтать слишком много. Автарх — не таков, как другие люди. Что бы я ни говорила порой, на Урсе нет человека, который мог бы сравниться с ним.

— Я знаю это.

— И этого для тебя достаточно. Взгляни. — Она подала мне книгу в коричневом переплете. — Здесь сказано:

«Таделеус Великий сказал, что демократия — это значит, Народ желает, чтобы ею управляла сила, превосходящая ее, а Ириэрикс Мудрый — что серая масса никогда не позволит кому-либо, выделяющемуся из нее, занять высокий пост. Невзирая на это, и тот и другой именуются Совершенными».

Не поняв, что она хочет сказать, я промолчал.

— Все это — к тому, что никто не может знать

наверное, как поступит Автарх. Или же Отец Инир. Когда я только-только прибыла ко двору, мне, точно великую тайну, поведали, что фактически политику Содружества определяет Отец Инир. Через два года один очень высокопоставленный человек — я даже не могу назвать тебе его имени — сказал, что правит сам Автарх, хотя из Обители Абсолюта и может показаться, будто это — Отец Инир. А в прошлом году одна женщина, суждениям которой я доверяю гораздо больше, чем суждениям любого из мужчин, поведала мне, что на самом деле это абсолютно все равно, так как оба они непостижимы, точно океанские глубины, и, если б один из них правил, когда прибывает луна, а другой — когда ветер дует с востока, никто не заметил бы разницы. И я считала это суждение мудрым, пока не поняла, что она всего-навсего повторила то, что я говорила ей за полгода до этого.

Текла умолкла и опустилась на кровать, разметав волосы по подушке.

— По крайней мере, — заметил я, — ты не ошиблась, доверяя ей. Она черпала свои суждения из достоверных источников.

Точно не слыша меня, она прошептала:

— Но все это — так, Северьян. Никто не может

предсказать заранее их действия. Меня могут освободить хоть завтра. Это вполне возможно. Теперь-то им уж точно известно, что я здесь. Не смотри так! Мои друзья поговорят с Отцом Иниром. Быть может, кто-нибудь даже упомянет обо мне в разговоре с Автархом. Тебе ведь известно, почему я здесь?

— Из-за чего-то, связанного с твоей сестрой.

— Моя единокровная сестра Теа сейчас с Водалусом. Говорят, будто она — его любовница, и это, по-моему, очень даже на нее похоже.

Я вспомнил прекрасную женщину на лестнице Лазурного Дома и сказал:

— Пожалуй, я однажды видел твою сестру. В некрополе. С ней был экзультант — вооруженный мечом, упрятанным в трость, и очень красивый. Он сказал мне, что его имя — Водалус. Лицо той женщины было правильной, округлой формы, а голос — словно у голубки. Похожа?

— Пожалуй, да. Они хотят, чтобы она предала Водалуса ради моего спасения, но она ни за что не сделает этого. И, когда они убедятся в этом, почему бы им не освободить меня?

Я заговорил о чем-то другом и продолжал, пока она не рассмеялась.

— Ты так умен, Северьян, что, сделавшись

подмастерьем, будешь самым церебральным палачом в истории! Ужасно!

— Но у меня было впечатление, будто шатлене доставляют удовольствие такие беседы.

— Только сейчас, потому что не могу выйти отсюда. Может быть, это окажется для тебя потрясением, но на свободе я редко уделяла время метафизике. Предпочитала танцевать или охотиться на пекари со сворой гончих. А восхищающую тебя ученость приобрела еще в детстве, под угрозой палки учителя.

— Если шатлена захочет, мы можем не говорить о таких вещах.

Поднявшись, она зарылась лицом в принесенный мною букет.

— Теология цветов лучше теологии пыльных фолиантов, Северьян. Как, должно быть, прекрасно в некрополе, где ты сорвал их! Это ведь не могильные цветы, верно? Принесенные кем-то, чтобы почтить память покойного?

— Нет. Они были посажены там давным-давно. И каждый год расцветают.

В дверное окошко заглянул Дротт.

— Время! Я поднялся.

— Как ты думаешь, может быть, ты увидишь мою сестру, шатлену Теа, еще раз?

— Думаю, вряд ли, шатлена.

— Но, Северьян, если увидишь, расскажешь ей обо мне? Возможно, они просто не могут связаться с ней. В этом не будет никакой измены — ты сделаешь для Автарха то, чего хочет он сам!

— Хорошо, шатлена. Я шагнул через порог.

— Я знаю, она не предаст Водалуса, но возможен же какой-нибудь компромисс…

Дротт закрыл дверь и повернул ключ в скважине. От меня не укрылось, что Текла не спрашивала, как ее сестра с Водалусом оказались в нашем древнем, давно забытом такими людьми, как они, некрополе. Коридор с рядами металлических дверей и отсыревшими стенами казался темным и мрачным после освещенной светильником камеры. Дротт завел рассказ о том, как они с Рошем ездили на тот берег Гьолла смотреть львов, но я все же расслышал последние слова Теклы:

— Напомни ей, как мы шили куклу для Жозефы!

Лилии, как и положено цветам, со временем отцвели; распустились бутоны темных роз смерти. Нарвав их пурпурных, почти черных цветов, я также отнес их Текле. Она улыбнулась и процитировала:

Вот покоится Грации — не Целомудрия — Роза,
И ароматы ее розам не свойственны вовсе…

— Если шатлене неприятен запах…

— Вовсе нет, он очень мил. Я просто цитировала одну из любимых присказок моей бабушки. В юности она пользовалась дурной славой — по крайней мере, так говорила сама бабушка, — но, когда она умерла, все дети декламировали этот стишок. А на самом деле он, наверное, гораздо старше, и корни его, подобно всему — хорошему ли, плохому — затерялись во времени. Скажи, Северьян: ведь мужчины желают женщин? Так почему же они презирают тех, которыми обладают?

— Не думаю, что так поступают все мужчины, шатлена.

— Та прекрасная Роза отдала себя всю, без остатка, и за это была осмеяна так, что даже мне известно об этом, хотя и мысли и плоть ее давно превратились в прах. Иди, сядь со мной рядом.

Я выполнил ее просьбу, и руки ее, скользнув под подол моей рубахи, стащили ее с меня через голову. Я хотел было протестовать, но противиться тому, что она делает, не мог.

— Чего тебе стесняться — ведь у тебя нет даже грудей, которые следует прятать! Никогда не

видела такой белой кожи при таких темных волосах… Как ты думаешь — а у меня кожа белая?

— Белее не бывает, шатлена.

— И прочие думали так же, но все же она темна по сравнению с твоей. Когда станешь палачом, Северьян, избегай солнца. Иначе оно страшно обожжет тебя.

Сегодня ее волосы, которые она обычно оставляла распущенными, были обернуты вкруг головы наподобие темного нимба. Никогда еще она не была более похожа на свою сестру Теа, и я почувствовал такое желание, что с каждым ударом сердца силы покидали меня, будто я истекал кровью.

— Зачем ты стучишь в мою дверь?

Ее улыбка показывала, что ответ ей хорошо известен.

~ Я должен идти.

— Только прежде надень рубашку — твоему другу незачем видеть тебя таким.

Вечером я ушел в некрополь и несколько страж бродил среди безмолвных обителей мертвых, хотя знал, что из этого ничего не выйдет. Назавтра я вернулся туда, и следующим вечером — тоже, а на четвертый Рош взял меня с собой в город, и там, в одном питейном заведении, кто-то, каза-

лось, знающий, что говорит, обмолвился, будто Водалус сейчас далеко на севере — прячется среди скованных морозами лесов с отрядом кафилиев.

Шли дни. Текла, проведя столько времени в полной безопасности, уже твердо уверилась, что никогда не будет подвергнута пытке, и попросила Дротта доставить ей принадлежности для письма и рисования, при помощи которых намеревалась составить план своей новой виллы на южном берегу озера Диутурна, известного как самый отдаленный и прекрасный уголок Содружества. А я водил группы учеников купаться, полагая это своей обязанностью, хотя меня самого при одной мысли о том, чтобы нырнуть в воду, охватывал страх.

Затем — как всегда, внезапно — погода сделалась слишком холодной для купаний, однажды утром истертые булыжники Старого Подворья оказались покрыты инеем, за обедом на наших тарелках появилась свинина — верная примета того, что мороз добрался до холмов, лежащих ниже по течению Гьолла. Наконец я был вызван к мастеру Гурло с мастером Палаэмоном.

— Вот уже не первый квартал, — начал мастер Гурло, — мы получаем о тебе, Северьян, только положительные отзывы, и ученичество свое ты

почти выслужил.

— Детство позади, — почти шепотом добавил мастер Палаэмон, — впереди — жизнь зрелого мужчины. В голосе его слышалась искренняя симпатия.

— Именно, — подтвердил мастер Гурло. — Праздник нашей святой покровительницы близок. Ты, без сомнения, уже подумал о будущем?

Я кивнул.

— Да. После меня капитаном станет Эата.

— А ты?

Я не понял, что он хочет сказать, и мастер Палаэмон, увидев это, мягко спросил:

— Кем будешь ты, Северьян? Палачом? Ведь ты можешь оставить гильдию, если будет на то твоя воля.

Я — твердо, будто даже слегка шокированный — ответил, что никогда и не помышлял о таком. Но это было неправдой. Как и все ученики, я знал, что ни один из нас не является членом гильдии окончательно и бесповоротно, пока не даст на это согласия по достижении совершеннолетия. Более того — хоть я и любил гильдию, но в то же время ненавидел ее. Нет, не из-за боли и мук, порой причиняемых невинным либо, по мало-

сти содеянного, не заслужившим столь строгого наказания. Я полагал бесполезным и ненужным служение власти не только неэффективной, но и безмерно далекой. Пожалуй, лучше всего выразить чувства, которые я питал к гильдии, так: я ненавидел ее за унизительную и изнурительную жизнь, любил за то, что она была моим домом, и вместе любил и ненавидел потому, что она была древней и слабой и, казалось, должна была существовать вечно.

Конечно, я не стал высказывать всего этого мастеру Палаэмону, хотя мог бы, не будь с нами мастера Гурло. Да, казалось невероятным, что моя облаченная в отрепья верность может быть принята всерьез; но все же это было так.

— Обдумывал ты возможность ухода или нет, — сказал мастер Палаэмон, — этот выбор для тебя открыт. Многие сказали бы, что только глупец способен, выслужив тяжкий срок ученичества, отказаться стать подмастерьем. Но все же ты вправе поступить так, если пожелаешь.

— Но куда же я пойду?

Вот что, хоть я и не мог сказать им этого, являлось настоящей причиной, в силу которой мне хотелось остаться. Я знал, что за стенами Цитадели — или даже за стенами нашей башни

— простирается огромный мир, но не мог представить себе, какое место мог бы занять в нем. Оказавшись перед необходимостью выбирать между рабством и зияющей пустотой свободы, я испугался, что получу ответ на свой вопрос, и добавил:

— Я вырос здесь…

— Да, — сказал мастер Гурло самым официальным. тоном, на какой был способен. — Но ты еще не палач. На тебя еще не возложена маска.

Сухая, морщинистая рука мастера Палаэмона пошарила в воздухе и нашла мою.

— Посвящаемым в сан священника обычно говорят:

«Да приобщишься к таинству навеки!» Здесь имеется в виду не только приобщение к знанию, но и принятие помазания, которого не снять, не стереть, хотя оно и невидимо. Каково наше помазание, тебе известно.

Я снова кивнул.

— Стереть его — невозможнее невозможного. Уйди ты сейчас, люди будут говорить о тебе только: «Его вырастили палачи». Но когда ты примешь помазание, скажут: «Он — палач!» И идя за плугом либо маршируя под барабанную дробь, ты все равно будешь слышать: «Он — палач!» Ты

понимаешь это?

— Я и не желал бы слышать ничего иного.

— Вот и хорошо, — сказал мастер Гурло, и оба внезапно улыбнулись, причем мастер Палаэмон обнажил в улыбке редкие, кривые зубы, а зубы мастера Гурло оказались квадратными и желтыми, точно у дохлой лошади. — Тогда настало время посвятить тебя в главную, окончательную тайну. — (Даже сейчас, когда я пишу это, мне отчетливо слышна торжественность в его голосе.) — До церемонии тебе неплохо было бы подумать над ней.

Затем они с мастером Палаэмоном открыли мне тайну, заключенную в самом сердце гильдии и еще более сокровенную, ибо в честь нее, лежащей на коленях самого Панкреатора, не служат литургий.

После этого я дал клятву не раскрывать этой тайны никогда и никому — кроме тех, кто подобно мне сейчас принимает посвящение в гильдию. И клятвы этой наряду со множеством прочих впоследствии не сдержал.

Глава 11
Празднество

День нашей святой покровительницы приходится на самый конец зимы, и в этот день мы веселимся вовсю. Во время шествия подмастерья представляют танец мечей с фантастическими прыжками и пируэтами; мастера возжигают в разрушенной часовне Большого Двора тысячу ароматических свечей; мы же накрываем столы для пиршества.

В нашей гильдии прошедший год считается изобильным, если в этот день хотя бы один подмастерье возвышается до звания мастера, урожайным, если хотя бы один ученик становится подмастерьем, и скудным, если никаких возвышений не происходит. Поскольку в тот год, когда я стал подмастерьем, ни один из подмастерьев не поднялся до мастера (что неудивительно — такое случается реже, чем раз в десятилетие), церемония возложения маски на меня завершала урожайный год.

Даже в этом случае приготовления к празднеству заняли не одну неделю. Я слышал, будто в

стенах Цитадели трудятся члены не менее ста тридцати пяти гильдий. Некоторые из них (наподобие кураторов) слишком немногочисленны, чтобы праздновать день своего святого в часовне, и потому вынуждены присоединяться к своим городским собратьям. А те, кто числом поболе, стараются изо всех сил — пышность празднеств служит репутации гильдии. Солдаты — на Адриана, матросы — на Барбару, ведьмы — в день святой Мэг — и так далее. И все стараются при помощи убранства, представлений и дарового угощения привлечь на церемонию как можно больше стороннего люда.

Все — кроме гильдии палачей. Ни один посторонний не ужинал с нами в день святой Катарины более трехсот лет. Последним, отважившимся явиться к нашему столу, был, говорят, некий лейтенант стражи, сделавший это на пари. Существует множество пустопорожних баек, повествующих о том, как с ним обошлись — например, будто его усадили за праздничный стол в кресло из раскаленного докрасна железа. Но все они лгут. В соответствии с обычаями гильдии, он был принят с почетом и угощен на славу. Однако оттого, что мы за мясом и праздничным пирогом отнюдь не хвастались друг перед другом при-

чиненными пациентам муками, не изобретали новых методов пытки и не проклинали тех, кто умер под пыткой слишком быстро, он испугался еще сильнее — вообразил, будто мы усыпляем его бдительность, с тем чтобы впоследствии захватить врасплох. С этими мыслями он много пил, мало закусывал, а вернувшись в казармы, пал наземь и принялся биться головой об пол, словно в одночасье потерял все, во что верил, и пережил великие страдания. Через некоторое время он сунул в рот ствол своего оружия и нажал на спуск, но уж в том нашей вины не было ни грана.

После этого в часовне на святую Катарину не бывало никого, кроме палачей. Но все же каждый год (зная, что на нас смотрят из-за высоких стрельчатых окон) мы готовимся к празднику, подобно всем прочим — и даже усерднее. И в этот раз на столах у входа в часовню наши вина сверкали в свете сотни светилен, словно рубины; жареные быки нежились в лужах подливки, дымясь и вращая глазами из цельных лимонов; агути и капибары в шкурах из хрустящего поджаренного кокоса, будто живые, резвились на бревнах из ветчины и каменных россыпях из свежевыпеченного хлеба.

Мастера, которых в тот год, когда я стал подма-

стерьем, было всего двое, прибыли на праздник в паланкинах с занавесками, сплетенными из цветущих ветвей, и ступили на ковры, выложенные из разноцветного песка, — картины эти, повествующие о традициях гильдии, подмастерья выкладывали по зернышку в течение многих дней, чтобы стопы мастеров разметали их в один миг.

Внутри ждали своего часа огромное шипастое колесо, дева и меч. Колесо это я знал отлично, так как раз десять за время ученичества помогал устанавливать и убирать его. В обычные дни оно хранилось в башне, под артиллерийской площадкой. Меч, шагов с двух выглядевший совсем как настоящее орудие палача, был простой деревяшкой, насаженной на старый эфес и выкрашенной блестящей серебряной краской.

Вот о деве не могу сказать ничего. Во время первых праздников, которые могу вспомнить, я, по малолетству, просто не задумывался о ней. Когда стал постарше (капитаном в те годы был Гилдас, вышедший в подмастерья задолго до того дня, о котором я пишу сейчас) — считал, что это, должно быть, одна из ведьм, но еще через год или два понял, сколь крамольной была эта мысль.

Возможно, она была служанкой из какой-то

отдаленной части Цитадели. Возможно, жительницей города, за плату либо в силу неких старых связей с нашей гильдией согласившейся играть эту роль. Не знаю. Знаю только, что каждый год эта женщина — насколько я могу судить, одна и та же — участвовала в нашем празднике. Она была высокой и стройной, хотя и не такой высокой и стройной, как Текла, смуглой, черноглазой, жгучей брюнеткой. Я никогда и нигде больше не видел подобного лица — оно казалось чистым, глубоким озером среди лесной чащи.

Пока мастер Палаэмон, как старший из мастеров, рассказывал нам об основании гильдии и жизни наших предшественников в доледниковые времена (эта часть повествования каждый год, по мере продвижения ученых изысканий мастера Палаэмона, менялась), она стояла между мечом и колесом. Молча стояла она и тогда, когда мы запели Песнь Страха — исполнявшийся лишь раз в году гимн гильдии, который каждый ученик должен знать назубок. Молчала она и тогда, когда мы преклонили колени для молитвы.

После вознесения молитв мастер Гурло и мастер Палаэмон, при помощи десятка старших подмастерьев, начали ее легенду. Иногда декламировал кто-то один, иногда — все вместе, а

порой — двое возглашали каждый свое, в то время как прочие играли на флейтах, выточенных из бедренных костей, и трехструнных ребеках, визжавших совсем по-человечески.

Когда они достигли той части повествования, в которой Максентий приговаривает нашу святую к смерти, четверо подмастерьев в масках бросились к деве и схватили ее. Она, столь молчаливая и безмятежная прежде, с криком рванулась прочь. Тщетно! Но стоило подмастерьям подтащить ее к колесу, оно внезапно зашевелилось. При свете свечей поначалу казалось, будто из обода наружу выбралось множество змей — зеленых питонов с алыми, лимонно-желтыми и белыми головами. Но это были не змеи, это были всегонавсего цветы — бутоны роз. Вот уже один шаг отделяет деву от колеса — и бутоны (я прекрасно знал, что они сделаны из бумаги и упрятаны до времени в сегменты обода) распускаются! Подмастерья отступают, изображая страх, но судьи — мастер Гурло, мастер Палаэмон и прочие, хором декламирующие слова Максентия, — гонят их вперед.

Тогда вперед выступил я — все еще без маски и в одежде ученика.

— Сопротивление не принесет пользы. Ты бу-

дешь изломана на колесе, однако не претерпишь дальнейшего бесчестья.

Дева молча потянулась к колесу и коснулась его, отчего розы исчезли, и оно разом распалось на куски, с грохотом рухнувшие на пол.

— Обезглавь ее, — велел Максентий.

Я взялся за меч. Он оказался очень тяжел.

Дева опустилась передо мной на колени.

— Ты — посланница Всеведущего, — сказал я. — И, хоть тебе предстоит погибнуть от моей руки, я молю тебя пощадить мою жизнь.

Тут дева впервые отверзла уста, сказав:

— Рази и не страшись ничего.

Я поднял меч. Помню, что на миг испугался, как бы его тяжесть не заставила меня потерять равновесие.

Этот момент всплывает в моем сознании прежде всего, когда я вспоминаю те времена. Именно он остается точкой отсчета, откуда приходится двигаться вперед или же возвращаться назад, чтобы вспомнить больше. В воспоминаниях я всегда стою так — в серой рубахе и рваных штанах, с мечом, занесенным над головой. Поднимая его, я был учеником, а когда клинок опустится — сделаюсь подмастерьем Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Есть правило, согласно которому экзекутор должен находиться между своей жертвой и источником света; таким образом, плаха, на которой лежала голова девы, была почти полностью скрыта в тени. Я знал, что удар не причинит ей вреда — мне следовало направить клинок чуть вбок и привести в действие хитроумный механизм, который высвободит из тайника в плахе восковую голову, вымазанную кровью, тогда как дева незаметно спрячет свою собственную под капюшоном цвета сажи. Знал, но все же медлил с ударом.

Дева заговорила снова; голос ее, казалось, зазвенел в моих ушах:

— Рази и не страшись ничего.

И тогда я изо всех сил обрушил вниз поддельный клинок. На миг показалось, будто он противится этому. Затем деревяшка врезалась в плаху, распавшуюся надвое, и окровавленная голова девы покатилась к ногам моих собратьев, наблюдавших за казнью. Мастер Гурло поднял ее за волосы, а мастер Палаэмон подставил горсть под стекавшую на пол кровь.

— Сим помазую тебя, Северьян, — заговорил он, — и нарекаю братом нашим навеки.

Его средний палец коснулся моего лба, оставив

на нем кровавый след.

— Да будет так! — провозгласили мастер Гурло и все подмастерья, кроме меня.

Дева поднялась на ноги. Мне было отлично известно, что ее голова всего-навсего скрыта под капюшоном, и все же впечатление ее отсутствия было полным. Я ощутил усталость и головокружение.

Забрав у мастера Гурло восковую голову, она сделала вид, будто водружает ее обратно на плечи, но на самом деле просто ловко и незаметно спрятала под капюшон — и встала пред нами, живая, здоровая и ослепительная. Я преклонил перед нею колени, а остальные отступили назад.

Подняв меч, которым я до этого якобы обезглавил ее (лезвие от соприкосновения с восковой головой тоже было в крови), она провозгласила:

— Отныне принадлежишь ты палачам!

Я почувствовал, как меч касается моих плечей, и тут же нетерпеливые руки надели на меня гильдейскую маску и подняли в воздух. Еще прежде чем понять как следует, что происходит, я оказался на плечах двух подмастерьев — только потом узнал, что это были Дротт с Рошем, хотя мог бы сразу догадаться. Под приветственные крики они пронесли меня по главному проходу часовни.

Наружу мы выбрались не раньше, чем начался фейерверк. Под ногами и даже в воздухе, над самым ухом, трещали шутихи, под тысячелетними стенами часовни рвались петарды, зеленые, желтые и красные ракеты взмывали ввысь. Ночное небо разорвал пополам пушечный выстрел с Башни Величия.

Выше я уже описывал все великолепие, ждавшее нас на столах во дворе. Меня усадили во главе стола, между мастером Гурло и мастером Палаэмоном, в мою честь возглашались тосты и здравицы, и я выпил чуть больше, чем следовало (для меня даже самая малость всегда оказывалась чуточку большей, чем следовало бы).

Что было дальше с девой, я не знаю. Она просто исчезла, как и в любой другой день святой Катарины, который я могу вспомнить. Больше я никогда не видел ее.

Как я оказался в кровати — не имею ни малейшего представления. Те, кто пьет помногу, рассказывали, что порой забывают все, что случилось с ними под конец ночи, — возможно, так же произошло и со мной. Но скорее, я (я ведь никогда ничего не забываю и даже, признаться, хоть это выглядит чистой похвальбой, не понимаю, что именно имеют в виду другие, говоря,

будто забыли что-то, ибо все, пережитое мной, становится частью меня самого) просто заснул за столом и был отнесен туда.

Как бы там ни было, проснулся я не в знакомой комнате с низким потолком, служившей нам дортуаром, но в маленькой — в высоту больше, чем в ширину, — каютке подмастерья. Поскольку я был из подмастерьев младшим, мне досталась самая худшая во всей башне — крохотная, не больше камеры в подземных темницах, комнатенка без окон.

Казалось, кровать раскачивается подо мной. Ухватившись за ее края, я сел, и качка прекратилась, чтобы начаться вновь, едва я опять коснусь головой подушки. Я почувствовал себя полностью проснувшимся, а затем — будто проснулся снова, проспав какое-то мгновение. Я знал, что в крохотной каютке со мной был кто-то еще, и по какой-то причине, которой не могу объяснить, полагал, будто это была та молодая женщина, игравшая роль нашей святой покровительницы.

Я опять сел на качающейся кровати. Комната была пуста, лишь тусклый свет сочился внутрь из-за дверей.

Когда я лег снова, комната наполнилась ароматом духов Теклы. Значит, здесь побывала та,

фальшивая Текла из Лазурного Дома! Я выбрался из постели и, едва не упав, распахнул дверь.

Коридор за дверью был пуст.

Под кроватью в ожидании своего часа стоял ночной горшок. Вытащив его, я склонился над ним, и меня обильно вырвало жирным мясом и вином пополам с желчью. Из глаз катились слезы. Отчего-то казалось, будто я совершаю предательство, будто, извергнув все, что накануне даровала мне гильдия, я отвергаю и самое гильдию… Наконец я смог начисто утереться и снова лечь в постель.

Несомненно, я снова заснул. Я увидел нашу часовню, однако она больше не лежала в руинах. Крыша ее была совершенно целой, с острым высоким шпилем и рубиновыми лампами, подвешенными к карнизу над входом. Плиты пола были отполированы до блеска, совсем как новые, а древний каменный алтарь убран златотканой парчой. Стена позади алтаря была украшена чудесной мозаикой, изображавшей пустое голубое пространство, словно на нее наклеили вырезанный кусок неба без единой тучки или звездочки.

Я направился вдоль главного прохода к алтарю и по дороге был поражен тем, насколько это небо светлее настоящего, синева коего даже в самый

ясный день почти черна. И сколь прекраснее настоящего было это мозаичное небо! Я не мог смотреть на него без трепета! Его красота вознесла меня ввысь, а алтарь с чашей багряного вина, хлебами предложения и старинным кинжалом остался внизу. Я улыбнулся, глядя на него сверху…

… и проснулся. Во сне я слышал доносившиеся из коридора шаги и даже узнал их, хотя теперь не мог вспомнить, кому они принадлежали. С некоторыми усилиями я все же вспомнил звук — то были не человеческие шаги, а всего лишь мягкий шелест лап и еле уловимое поцокивание когтей.

Звук донесся до меня снова — столь слабо, что мне показалось, будто я спутал воспоминания с реальностью. Но звук, вполне настоящий, то удалялся по коридору, то вновь приближался к дверям. Однако стоило мне чуть приподнять голову, к горлу опять подступила волна тошноты. Я опустился на подушку, сказав себе, что тот, кто расхаживает по коридору взад-вперед, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Запах духов исчез, и я, хоть чувствовал себя ужасно, понял, что нереального больше не нужно бояться, ибо я снова вернулся в мир незыблемых вещей и ясного света. Дверь чуть приотворилась, и в комнату,

точно желая удостовериться, что со мною все в порядке, заглянул мастер Мальрубиус. Я помахал ему рукой, и он закрыл дверь. Далеко не сразу я вспомнил, что мастер Мальрубиус умер, когда я был еще совсем мал.

Глава 12
Изменник

Весь следующий день меня мучила тошнота и головная боль. Но, в силу давних традиций, я, в отличие от большинства братьев, был освобожден от уборки Большого Двора и часовни. Меня поставили дежурить в темницах. Утренняя тишина коридоров успокаивала, однако вскоре примчались ученики (в их числе — и тот малец, Эата, со вспухшей губой и победным блеском в глазах), принесшие пациентам завтрак — в основном холодное мясо, оставшееся от праздничного пира. Пришлось объяснять десятку пациентов, что мясо они получат только сегодня, в этот единственный в году день, и, кроме того, сегодня не будет никаких пыток, ибо день праздника и следующий за ним — особые, и даже если режим заключения требует применения в эти дни пыток, процедура откладывается. Шатлена Текла все еще спала. Я не стал будить ее — просто отпер дверь и поставил ее поднос на столик.

Примерно в середине утра я вновь услышал шаги и, подойдя к лестнице, увидел двоих ка-

тафрактов, анагноста, читающего молитвы, мастера Гурло и молодую женщину. Мастер Гурло спросил, имеется ли в ярусе свободная камера, и я принялся описывать пустующие.

— Тогда прими заключенную. Я уже расписался за нее.

Кивнув, я взял женщину за плечо; катафракты выпустили ее и четко, точно два сверкающих серебристым металлом механизма, развернувшись, удалились.

Судя по хорошему атласному платью (уже кое-где испачканному и порванному), женщина была оптиматой. Платье армигеты было бы скромнее, но дороже, а из классов победнее просто никто не может позволить себе так одеваться. Анагност хотел было последовать за нами, но мастер Гурло не позволил. По лестнице сталью гремели шаги солдат.

— А когда меня…

В ее высоком голосе отчетливо слышался страх.

— Отведут в комнату для допросов? Она вцепилась в мою руку, как будто я был ее отцом или возлюбленным.

— Меня в самом деле отведут туда?

— Да, госпожа.

— Откуда тебе знать?

— Туда попадают все, госпожа.

— Все? Разве никогда никого не выпускают?

— Изредка.

— Значит, могут выпустить и меня, ведь так? Надежда в ее голосе напоминала расцветший в тени цветок.

— Возможно, но очень маловероятно.

— И ты даже не хочешь знать, что я такого сделала?

— Нет, — ответил я.

Случайно камера по соседству с Теклой была свободна; какое-то мгновение я размышлял, не поместить ли эту женщину туда. С одной стороны, у Теклы будет собеседница (через окошки в дверях при желании можно было переговариваться), с другой же — вопросы этой женщины и звук отпирающейся двери могут потревожить ее сон. Наконец я решил, что наличие компании компенсирует нарушение сна.

— Я была обручена с одним офицером и узнала, что он содержит какую-то шлюху. Он отказался бросить ее, и я наняла бандитов, чтобы подожгли ее хижину. Сгорела пуховая перина, кое-что из мебели да кое-какая одежда. Неужели это — такое уж преступление, за которое следует подвергать

пыткам?

~ Не могу знать, госпожа.

— Меня зовут Марселлина. А тебя?

Поворачивая ключ в замке, я размышлял, стоит ли ей отвечать. Текла, уже зашевелившаяся в своей камере, скажет ей в любом случае.

— Северьян, — сказал я.

— И ты зарабатываешь свой хлеб, ломая чужие кости. Хорошие, должно быть, тебе снятся сны!

Текла уже глядела сквозь окошко в своей двери. Глаза ее были огромны и глубоки, как два колодца.

— Кто это был с тобой, Северьян?

— Новая заключенная, шатлена.

— Женщина? Я слышала ее голос… Из Обители Абсолюта?

— Нет, шатлена.

Я не знал, когда им еще представится случай поглядеть друг на дружку, и потому подвел Марселлину к дверям камеры Теклы.

— Еще одна женщина… Разве неудивительно? Сколько у вас здесь женщин, Северьян?

— На нашем ярусе сейчас восемь, шатлена.

— Можно подумать, что обычно бывает и больше!

— Нет, шатлена, их лишь изредка бывает боль-

ше четырех.

— И долго ли мне придется оставаться здесь? — спросила Марселлина.

— Нет, госпожа. Надолго задерживаются лишь немногие.

— Меня, видишь ли, вот-вот освободят, — с какой-то нездоровой серьезностью в голосе сказала Текла. — Северьян знает об этом.

Новая пациентка разглядывала Теклу с возрастающим интересом, насколько позволяло окошко.

— Тебя в самом деле освободят, шатлена?

— Он знает. Он отослал для меня письма — ведь так, Северьян? Пройдет несколько дней, и я распрощаюсь с ним. Он — в своем роде очень милый мальчуган.

— Теперь ты должна идти в камеру, госпожа, — сказал я. — Можете продолжать беседу, если желаете.

После раздачи пациентам ужина меня сменили. Дротт, встретив меня на лестнице, сказал, что мне стоило бы пойти прилечь.

— Это все — из-за маски, — возразил я. — Ты еще не привык видеть меня в ней.

— Я вижу твои глаза, и этого достаточно. Разве ты не можешь узнать по глазам любого из

братьев и сказать, зол ли он или же в шутливом настроении? Ты уже должен идти спать.

Я объяснил, что прежде должен еще кое-что сделать, и отправился в кабинет мастера Гурло. Как я и надеялся, его не оказалось на месте, а среди бумаг на столе лежал — не могу объяснить, отчего, но я был уверен, что найду его там — приказ о применении пытки к шатлене Текле.

После этого я уже не мог просто лечь и заснуть. Я направился (в последний раз, хоть и не знал этого тогда) к мавзолею, где играл мальчишкой. Саркофаг моего старого экзультанта совсем потускнел, сухих листьев на полу прибавилось, но в остальном ничего не изменилось. Однажды я рассказывал Текле об этом месте и теперь представил себе, что она — со мной; будто я устроил ей побег, пообещав, что здесь ее никто не найдет, а я буду приносить ей еду и, когда минует опасность, помогу уплыть на купеческой дау вниз по течению, к дельте Гьолла и морскому побережью.

Да, будь я героем наподобие тех, о которых мы вместе читали в старинных романах, — освободил бы ее в тот же вечер, одолев или подпоив чем-нибудь братьев, стоящих на страже. Увы, я не был героем из старого романа, да и ни снотворного, ни оружия серьезнее украденного с кухни

ножа не имел под рукой.

И если уж быть до конца честным, между моим сокровеннейшим «я» и этим отчаянным поступком стояли слова, сказанные ею в то утро — первое после моего возвышения. Шатлена Текла назвала меня «очень милым в своем роде мальчуганом», и какая-то, уже созревшая часть моего естества сознавала, что я, даже преуспев в столь отчаянном предприятии, все равно останусь для нее всего лишь «очень милым в своем роде мальчуганом». В те времена для меня много значили такие вещи.

На следующее утро мастер Гурло назначил меня ассистировать при исполнении процедуры. Третьим с нами пошел Рош.

Я отпер ее камеру. Вначале она не понимала, зачем мы явились, и даже спросила, не допущен ли к ней посетитель и не освобождают ли ее наконец, но к тому времени, как мы добрались до места назначения, поняла все.

Многие мужчины в этот момент теряли сознание, но она устояла. Мастер Гурло любезно осведомился, не желает ли шатлена получить объяснения относительно разнообразных механизмов, находившихся в комнате для допросов.

— То есть — тех, которые будут применены

ко мне?

— Нет, нет, зачем же! Я говорю о всех тех любопытных машинах, которые мы увидим по пути. Некоторые — совсем устарели, а большую часть вообще вряд ли когда-либо использовали.

Прежде чем дать ответ. Текла огляделась вокруг. Комната для допросов — наше рабочее помещение — не поделена на камеры. Это — довольно обширный зал, потолок коего подпирают, точно колонны, трубы древних двигателей, а пол загромождён принадлежностями нашего ремесла.

— И то, что будет применено ко мне, — тоже устарело?

— Ну, этот аппарат — самый почитаемый из всех! — Мастер Гурло подождал, не последует ли ее ответная реплика, и, не дождавшись, продолжил лекцию:

— «Воздушный змей» наверняка знаком тебе, его знают все. А вот за ним… сюда, пожалуйста, так будет видно лучше… за ним — то, что среди нас зовется «пишущей машиной». Этот аппарат предназначен для впечатывания любого требуемого лозунга в плоть пациента, но постоянно ломается. Я вижу, ты смотришь на тот старый столб — в нем нет никаких внутренних секре-

тов. Просто столб для обездвиживания рук плюс тринадцатихвостая плеть, посредством коей производится процедура. Раньше он стоял на Старом Подворье, но ведьмы жаловались, и кастелян заставил нас перенести его сюда. Это случилось около столетия назад.

— Кто такие ведьмы?

— Боюсь, сейчас у нас нет времени вдаваться в подобные материи. Северьян объяснит тебе, когда ты вернешься в камеру.

Она взглянула на меня, словно спрашивая: «Я в самом деле вернусь туда?», и я, пользуясь тем, что мастер Гурло не видит, на миг сжал ее ледяную ладонь в своей.

— А вон там…

— Подожди. У меня есть выбор? Существует ли способ уговорить вас… применить одно приспособление вместо другого?

Голос ее звучал по-прежнему твердо, но несколько тише и глуше.

Мастер Гурло отрицательно покачал головой.

— В этом мы не вольны, шатлена. Как и ты сама. Мы приводим в исполнение присланный нам приговор. Ни более ни менее. — Он смущенно кашлянул. — Вот это, пожалуй, окажется интересным — «Ожерелье Аллоуина», как мы

его называем. Пациента привязывают к этому креслу, причем на грудину ему накладывается эта подушечка. Каждый вдох, сделанный после этого, туже затягивает вон ту цепочку; таким образом, чем больше пациент дышит, тем меньше воздуха получает с каждым следующим вдохом. Теоретически данная процедура может длиться бесконечно — если вдохи очень неглубоки и натяжение цепочки, соответственно, понемногу возрастает.

— Какой ужас! А как называются та путаница проводов и стеклянный шар над столом?

— О-о, — ответил мастер Гурло, — это — наш «Революционизатор»! Пациент ложится сюда… не угодно ли шатлене лечь?

Текла застыла на месте. Ростом она была гораздо выше любого из нас, однако невообразимый ужас на лице полностью скрадывал и ее рост, и величественную осанку.

— Иначе, — продолжал мастер Гурло, — подмастерья будут вынуждены уложить тебя силой. И это, безусловно, не понравится тебе, шатлена.

— Я думала, — прошептала Текла, — что ты покажешь мне все эти механизмы…

— Мне просто нужно было отвлечь чем-либо мысли пациента перед процедурой. На этом

нам придется закончить экскурсию, шатлена. Теперь, пожалуйста, ляг — я не стану повторять просьбы.

Она тут же опустилась на стол — быстро и изящно, как ложилась на свою койку в камере. Ремни, которыми мы с Рошем пристегивали ее к столешнице, оказались такими старыми и растрескавшимися, что я даже засомневался, выдержат ли они.

Из конца в конец комнаты для допросов тянулись провода, подсоединенные к реостатам и динамо-машинам. На пульте управления, точно кроваво-красные глаза, замерцали древние огни. Гул, наподобие жужжания какого-то огромного насекомого, наполнил зал. На несколько мгновений древние двигатели башни ожили вновь. Один из проводов вышел из своего гнезда; голубые, будто горящий бренди, искры мерцали вокруг бронзовых штырей на его конце.

— Молния, — объяснил мастер Гурло, вгоняя штыри в гнездо. — Для этого есть и другое название, но я забыл. Во всяком случае, «Революционизатор» приводится в действие посредством молнии. Конечно же, эта молния не ударит тебя, шатлена, но именно сила, заключенная в ней, заставляет механизм делать свое дело. Северьян,

передвинь свою рукоять до этого шпенька.

Рукоять, мгновением раньше холодная, точно гадюка, успела ощутимо нагреться.

— Что же этот механизм делает с пациентами?

— Не могу описать, шатлена. На себе, понимаешь ли, ни разу не довелось попробовать.

Мастер Гурло коснулся ручки на пульте управления, и ослепительно-белый, обесцветивший все, чего коснулся, свет залил распростертую на столе Теклу. Она закричала. Я всю свою жизнь слышу крики, однако этот был самым ужасным, хотя и не самым громким из них, ибо обладал размеренностью скрипа плохо смазанного колеса.

Когда ослепительный свет погас, Текла еще была в сознании. Широко раскрытые глаза ее смотрели в потолок, но она, казалось, не видела моей руки и не ощутила прикосновения. Дыхание ее участилось.

— Может быть, подождать, пока она сможет идти? — спросил Рош, явно представив себе, как неудобно будет нести женщину столь высокого роста.

— Нет, забирайте, — велел мастер Гурло, и мы взялись за дело.

Покончив с дневными работами, я спустился в темницы навестить Теклу. К тому времени

она полностью пришла в себя, но встать еще не могла.

— Мне бы следовало возненавидеть тебя, — сказала она.

Чтобы расслышать ее, пришлось наклониться к самой подушке.

— Я бы не удивился.

— Но я не стану… Нет, не ради тебя… но, если я возненавижу своего последнего друга, что же мне останется? На это сказать было нечего, и потому я промолчал.

— Знаешь, каково это? Понадобилось много времени, прежде чем я смогла хотя бы думать об этом…

Ее правая рука вдруг медленно поползла вверх, подбираясь к глазам. Я поймал ее и прижал к кровати.

— Я словно увидела своего злейшего врага, сущую дьяволицу. И дьяволица эта — я сама.

Скальп ее кровоточил. Достав чистую корпию, я промокнул ранки, хотя и знал, что вскоре кровь свернется сама. Пальцы левой руки Теклы запутались в прядях вырванных с корнем волос.

— После этого я уже не властна над собственными руками… могу управлять ими только если специально думаю об этом и понимаю, что они

намерены сделать. Но это очень тяжело, а я так устала… — Склонив голову набок, она сплюнула на пол кровавой слюной. — Кусаю сама себя — щеки изнутри, язык, губы… Один раз собственные руки хотели задушить меня, и я подумала: «Вот и хорошо; наконец я умру»… Но стоило мне потерять сознание, они, должно быть, тоже утратили силу — я очнулась. Совсем как с тем механизмом, верно?

— Да, как с «Ожерельем Аллоуина», — подтвердил я.

— И даже хуже. Теперь мои руки пытаются ослепить меня, вырвать веки. Я в самом деле ослепну, да?

— Да, — сказал я.

— А долго ли я еще проживу?

— Возможно, с месяц. Эта тварь внутри тебя, подспудная ненависть к себе самой, разбуженная «Революционизатором», будет слабеть вместе с тобой, ведь его сила — твоя сила. В конце концов вы умрете вместе.

— Северьян…

— Да?

— Впрочем… Эта тварь из глубин Эребуса или Абайи — подходящий компаньон для меня. Водалус…

Я наклонился еще ближе к ней, но не смог расслышать ни слова и наконец сказал:

— Я хотел спасти тебя. Украл нож и целую ночь ждал удобного случая. Но заключенного может вывести из камеры только мастер, и мне пришлось бы убивать…

— …своих друзей.

— Да, своих друзей.

Руки ее вновь зашевелились; в уголке рта выступила кровь.

— Ты принесешь мне этот нож?

— Он у меня с собой.

Я вынул нож из-под плаща — обычный кухонный нож, около пяди в длину.

— С виду — острый…

— И не только с виду. Я знаю, как обращаться с лезвием, и хорошо наточил его.

Больше я ничего не сказал. Просто вложил нож ей в руку и вышел прочь.

Я знал, что на некоторое время ей еще хватит воли, чтобы сопротивляться. Тысячу раз в голове мелькала одна и та же мысль: повернуть назад, отнять нож, и тогда никто ничего не узнает. И я смогу спокойно прожить в гильдии всю свою жизнь.

Если она и захрипела перед смертью, я не услы-

шал этого — лишь через некоторое время увидел багряную струйку, ползущую в коридор из-под двери. Тогда я отправился к мастеру Гурло и признался во всем.

Глава 13
Пиктор города Тракса

Следующие десять дней я прожил как пациент в камере верхнего подземного яруса (не так уж далеко от той, где держали Теклу). Поскольку гильдия не имела права держать меня в заточении в обход законных процедур, дверь не запирали, однако снаружи дежурили двое подмастерьев с мечами, и я переступал порог лишь единожды, на второй день, когда меня водили к мастеру Палаэмону, чтобы доложить о происшедшем и ему. Это, если хотите, и было судом надо мной, а оставшиеся восемь дней ушли на вынесение приговора.

Говорят, будто время имеет странное свойство — сохранять в целости факты, делая нашу прошлую ложь истиной. Так вышло и со мной. Я лгал, утверждая, будто люблю нашу гильдию и не желаю для себя иной жизни. Теперь ложь эта оказалась правдой: жизнь подмастерья или даже ученика казалась мне бесконечно привлекательной. Нет, не только от уверенности в скорой смерти — все это тянуло к себе оттого, что

было бесповоротно утрачено. Теперь я смотрел на своих братьев глазами пациента, и с этой точки зрения они казались неизмеримо могущественными, воплощенными первоосновами огромного, враждебного и почти совершенного механизма.

Теперь, находясь в совершенно безнадежном положении, я ощутил на себе то, что внушил мне однажды мастер Мальрубиус: надежда есть физиологический процесс, не зависящий от реалий внешней среды. Я был молод, я получал достаточно пищи и вволю спал, и потому — надеялся. Вновь и вновь, засыпая и просыпаясь, я мечтал о том, что в самый последний миг Водалус явится мне на выручку — и не один, как в тот раз в некрополе, но во главе армии, которая сметет с лица Урса тысячелетнюю гниль и снова сделает нас повелителями звезд. Мне часто казалось, будто из коридора доносится грохот шагов этой армии, а порой я даже подносил свечу к дверному окошку, так как думал, что видел там, за дверью, лицо Водалуса.

Я, как уже было сказано, не сомневался, что буду казнен. Больше всего в те дни мои мысли были заняты тем, как именно это произойдет. Я был обучен всем премудростям палаческого

искусства и теперь оценивал способы казни — иногда один за другим, в том порядке, в каком их нам преподавали, иногда же — все вкупе, словно впервые открывая для себя сущность боли. Жить день за Днем в камере под землей и думать о муках — мучительно само по себе.

На одиннадцатый день меня вызвали к мастеру Палаэмону. Я снова увидел яркий солнечный свет и вдохнул воздух, напоенный влагой, принесенной ветром, предвещающим скорую весну. Но — чего стоило мне пройти мимо распахнутых дверей башни и увидеть сквозь нее ворота в стене, возле которых мирно почивал в кресле брат привратник!

Кабинет мастера Палаэмона показался мне огромным и бесконечно — словно все заполнявшие его пыльные книги и бумаги были моими собственными — дорогим. Мастер попросил меня сесть. Он был без маски и казался гораздо более старым, чем раньше.

— Мы с мастером Гурло обсудили твой поступок, — сказал он. — Пришлось посвятить в происшедшее также и подмастерьев и даже учеников. Им лучше знать правду. Большинство сошлось на том, что ты заслуживаешь смерти.

Он сделал паузу, ожидая, что я отвечу на это,

но я молчал.

— Однако многие высказывались и в твою защиту. Некоторые подмастерья в частных беседах со мной и с мастером Гурло настаивали на том, чтобы тебе было позволено умереть без боли.

Уж не знаю, отчего, но мне вдруг показалось необычайно важным, сколько нашлось таких, кто выступил в мою защиту, и я спросил об этом.

— Более чем двое, и более чем трое. Точное количество не имеет значения. Или ты не думаешь, что заслужил смерть в муках?

— Я желал бы казни на «Революционизаторе», — сказал я, надеясь, что, если попрошу о такой смерти как о снисхождении, мне будет отказано.

— Да, пожалуй, это подошло бы. Но…

Он снова сделал паузу. Мгновения тишины тянулись бесконечно долго. Первая бронзовая муха нового лета, жужжа, билась о стекло иллюминатора. Хотелось и прихлопнуть ее, и, поймав, отпустить на свободу, и заорать на мастера Палаэмона, чтобы он продолжал, и даже убежать прочь из его кабинета; но ничего этого я сделать не мог. Вместо этого я опустился в старое деревянное кресло возле его стола, чувствуя, что уже мертв, хотя смерть еще впереди.

— Понимаешь ли, мы не можем казнить тебя. Тяжеленько мне было убедить в этом Гурло, и все же это — так. Убей мы тебя без суда, окажемся не лучше, чем ты — ты обманул нас, а мы в этом случае обманем закон. Инквизитор, безусловно, объявил бы это убийством, и на репутацию гильдии легло бы несмываемое пятно.

Он снова умолк, ожидая, что я скажу, и я заговорил:

— Но за то, что я сделал…

— Да. Приговор был бы совершенно справедлив. Однако мы не имеем законного права своевластно лишать тебя жизни. Обладатели этого права охраняют свои прерогативы ревностно. Обратись мы к ним — вердикт был бы однозначен, но дело получило бы нежелательную для гильдии огласку. Наш кредит доверия был бы исчерпан раз и навсегда, что повлекло бы за собой строгий сторонний надзор над делами гильдии. Хотелось бы тебе, Северьян, чтобы наших пациентов стерегли солдаты?

Перед внутренним взором моим внезапно встало то же видение, что и тогда, под водой, когда я едва не утонул. Как и в тот раз, оно влекло к себе — мрачно и неодолимо.

— Скорее я предпочел бы расстаться с жизнью

добровольно, — ответил я.

— Отплыть подальше от берега, где никто не придет на помощь, и утонуть.

Тень горькой улыбки мелькнула на морщинистом лице мастера.

— Я рад тому, что никто, кроме меня, не слышал твоего предложения. Мастер Гурло был бы слишком уж рад отметить, что до наступления купального сезона придется ждать не менее месяца, иначе происшествие вызовет толки.

— Но я говорю совершенно искренне! Да, я хочу умереть безболезненно — но именно умереть, а вовсе не оттянуть гибель!

— Твое предложение неприемлемо, даже если бы лето уже было в самом разгаре. Инквизитор все равно мог бы решить, что мы причастны к твоей смерти. Поэтому мы — к твоему счастью — сошлись на решении менее радикальном. Известно ли тебе, как обстоят дела с нашим ремеслом в провинции? Я покачал головой.

— Там оно в полном упадке. Нигде, кроме Нессуса — кроме нашей Цитадели, — нет отделений гильдии. В провинциальных селениях имеется разве что казначей, лишающий приговоренных жизни тем способом, какой назначают местные судьи. Человека этого неизменно боятся и нена-

видят. Понимаешь?

— Эта должность слишком высока для меня, — отвечал я.

Это было сказано от чистого сердца — в тот миг я презирал самого себя гораздо больше, чем гильдию. С тех пор я часто вспоминал эти слова, хотя они были моими собственными, — и, будь даже я в беде, становилось как-то полегче.

— На свете есть город под названием Траке. Траке, Град Без Окон. Их архон — он зовется Абдиесом — прислал официальное прошение в Обитель Абсолюта. Там гофмаршал переслал его кастеляну, а тот уж вручил мне. Траксу настоятельно необходим человек на ту должность, которую я описал. Ранее там просто миловали кого-нибудь из приговоренных при условии, что он возьмется за эту работу. Теперь же провинция насквозь пропитана ядом измены, и местные власти решили отказаться от своей обычной практики, так как названная должность предполагает определенную степень доверия.

— Понимаю, — сказал я.

— В прежние времена члены гильдии уже дважды отправлялись в удаленные селения, однако были ли их случаи подобны твоему — хроники о том умалчивают. Как бы там ни было, прецедент

был создан, и это — выход из сложившегося на сегодняшний день неприятного положения. Ты отправишься в Траке, Северьян. Я приготовил рекомендательное письмо к архону и его советникам. В нем сказано, что ты весьма искушен в нашем ремесле — для подобного городишки это не будет преувеличением.

Я уже успел смириться с тем, что натворил, но, сидя перед мастером Палаэмоном и старательно изображая подмастерье, единственное желание которого — повиноваться воле старших, вдруг ощутил новый прилив жгучего стыда. Стыд этот был не так силен, как прежний, причиной коему послужило бесчестье, причиненное мною гильдии, однако жег он даже больнее, ибо я еще не привык к нему, в отличие от того, первого. Я был рад тому, что ухожу — ноги мои уже предвкушали ласку мягкой зеленой травы, глаза — красу незнакомых пейзажей, а легкие — новый, чистый воздух далеких, безлюдных земель. Я спросил, где находится Траке.

— Вниз по Гьоллу, — ответил мастер Палаэмон. — На морском побережье. — Тут он осекся, как часто случается со старыми людьми. — Нет-нет; что я говорю… Вверх по Гьоллу, конечно же.

Сотни лиг морских волн, песчаный берег и

протяжный крик морских птиц, на миг представившиеся мне при первых словах мастера, поблекли и исчезли. Мастер Палаэмон извлек из шкафа карту, развернул ее передо мной и сам склонился к ней так, что линзы, без помощи которых он вовсе ничего не разобрал бы, едва не касались пергамента.

— Вот, — сказал он, указывая на точку возле устья небольшой речки, у нижних ее порогов. — Имея деньги, можно было бы нанять лодку. Но тебе, в силу своего положения, придется идти пешком.

— Понятно, — ответил я.

Нет, я не забыл о золотой монете, данной мне Водалусом и надежно припрятанной, однако хорошо понимал, что не могу воспользоваться благами, которые можно оплатить ею. Волею гильдии я должен покинуть Цитадель, имея в кармане не больше, чем обычный молодой подмастерье. Ради чести и славы гильдии я был должен идти пешком.

Но понимал я и то, что это несправедливо. Не видя той женщины с прекрасным, совершенным лицом, не заработав этой монеты, я, скорее всего, ни за что не принес бы Текле нож и сохранил бы свое место в гильдии. В каком-то смысле я продал

за эту монету свою собственную жизнь…

Что ж, хорошо. Старая жизнь — позади…

— Северьян! — воскликнул мастер Палаэмон. — Ты меня не слушаешь. В классе ты никогда не отличался невниманием.

— Прости меня, мастер. У меня столько разного в мыслях…

— Несомненно. — В первый раз за время нашей беседы он действительно улыбнулся и на миг снова стал старым мастером Палаэмоном моего детства. — Однако же ты пропустил такой хороший совет на дорогу! Придется тебе идти без него… хотя ты все равно тут же забыл бы все. О дорогах тебе известно?

— Я знаю, что ими запрещено пользоваться. Ничего более.

— Дороги закрыл автарх Марутас — еще во времена моей юности. Движение способствует бунту… К тому же он хотел, чтобы товары ввозились и вывозились из города по реке — так легче облагать торговцев налогом. С тех пор этот закон остается в силе, и, как я слыхал, через каждые пятьдесят лиг установлены редуты. Но все же дороги сохранились. Говорят, кое-кто пользуется ими по ночам, несмотря на весьма плачевное их состояние.

— Понятно… Дорогой — закрыта она или нет — идти все же легче, чем по бездорожью.

— Сомневаюсь в этом. Я лишь пытался предостеречь тебя от соблазна. Дороги патрулируются уланами, имеющими приказ убивать всех нарушителей. Обладая вдобавок правом на все имущество последних, они вряд ли очень уж склонны выслушивать оправдания.

— Я понимаю, — сказал я, гадая про себя, откуда мастер Палаэмон так много знает о путешествиях.

— Вот и хорошо. Полдня уже прошло; если хочешь, можешь переночевать в гильдии и отправиться в путь завтра поутру.

— Переночевать в камере?

Мастер Палаэмон кивнул. Я отлично понимал, что он едва может разглядеть мое лицо, и все же чувствовал, что он каким-то образом внимательно изучает меня.

— Тогда я уйду сейчас.

Я изо всех сил старался вспомнить, что нужно сделать, прежде чем навсегда покинуть нашу башню. В голову ничего не приходило, однако что-то, несомненно, сделать следовало.

— У меня есть стража на сборы? По истечении этого времени я уйду.

— Да, это время я легко могу даровать тебе. Но перед уходом вернись сюда — я хочу дать тебе кое-что. Хорошо?

— Конечно, мастер.

— И будь осторожен, Северьян. В гильдии много твоих друзей, но есть и другие, считающие, что ты обманул наше доверие и не заслуживаешь ничего, кроме мучительной смерти.

— Благодарю тебя, мастер, — ответил я. — Эти, последние, правы.

Скудные мои пожитки уже лежали в камере. Увязав их в узел, я обнаружил, что тот вышел совсем маленьким, и его легко можно спрятать в висевшую на моем поясе ташку. Движимый любовью и сожалением о случившемся, я спустился к камере Теклы.

Камера еще пустовала. Кровь была отмыта, но на металлическом полу темнело большое пятно кроваво-красной ржавчины. Платья ее и косметика исчезли, но те четыре книги, принесенные мной год назад, лежали на столике вместе с прочими. Я не смог одолеть соблазна взять одну — в библиотеке их столько, что одного-единственного томика ни за что не хватятся. Рука моя сама собой потянулась к книгам, но тут я понял, что не знаю, какую из них выбрать. Книга о геральдике

была самой красивой, но слишком большой, чтобы брать с собою в дальнюю дорогу. Книга о теологии была самой маленькой — но и та, в коричневом переплете, ненамного больше… В конце концов ее я и выбрал, предпочтя теологии сказания исчезнувших миров.

После этого я взобрался на самый верх башни — мимо складов, к артиллерийской площадке, где осадные орудия покоились в колыбелях из чистой энергии, и еще выше, в зал со стеклянной крышей, серыми экранами и креслами странной формы, и дальше, по узкому трапу, пока не выбрался, распугав черных дроздов, испятнавших небо, на самую крышу.

Я встал у флагштока — так, что наш стяг цвета сажи трепетал на ветру над самой головой. Отсюда Старое Под ворье казалось крохотным и тесным, однако бесконечно, по-домашнему уютным. Брешь в стене была гораздо больше, чем обычно, но Красная и Медвежья башни все так же гордо и непоколебимо высились справа и слева от нее. Башня ведьм, ближайшая к нашей, была темна, стройна и высока; порыв ветра донес до моих ушей их дикий хохот, и я вновь ощутил старый страх перед ними, хотя мы, палачи, всегда состояли в самых дружественных отношениях с

сестрами нашими, ведьмами.

За стеной отлого спускался к Гьоллу, чьи воды местами поблескивали меж полуразрушенных зданий на берегу, огромный некрополь. Круглый купол караван-сарая казался отсюда не больше булыжника, а окружавшие его городские кварталы — лишь россыпью разноцветного песка, разметанного стопой мастера-палача.

Я увидел каик под вздувшимся парусом, с высоким. острым носом и кормой, плывший на юг, вниз по течению, и в мыслях невольно понесся следом за ним — к болотистой дельте Гьолла, к сверкающим айсбергам моря, где огромный зверь Абайя, в доледниковые дни принесенный волнами с дальних берегов вселенной, нежится «донном иле, пока не придет для него и всего его рода пора пожрать континенты.

Затем я оставил мысли о юге и его скованных льдами морях и повернулся к северу, к горам вверх по реке. Я долго смотрел в ту сторону (уж не знаю, как долго, однако солнце к тому моменту, когда я вновь обратил на него внимание, заметно сместилось к закату). Горы видны были лишь моему мысленному взору; везде, куда достигал взгляд, лежал город — миллионы и миллионы крыш. К тому же обзор наполовину закрывала

серебристая громада Башни Величия и окружающие ее шпили. Но мне не было дела до них — их я почти и не замечал: где-то там, на севере, была Обитель Абсолюта, и пороги, и Траке, Град Без Окон, просторные пампасы, непроходимые леса и гнилые джунгли, словно пояс охвативший мир.

Так я стоял, представляя себе все это, пока совсем не ошалел от богатства красок, а после спустился к мастеру Далаэмону и сказал, что готов.

Глава 14
«Терминус Эст»

— Я приготовил тебе подарок, — сказал мастер Палаэмон. — Учитывая твою молодость и силу, ты вряд ли сочтешь его слишком тяжелым.

— Но я не заслужил никаких подарков.

— Воистину. Однако ты должен помнить, что дар заслуженный есть не дар, но плата. Истинными являются лишь дары, подобные тому, какой ты получишь сейчас. Я не могу простить содеянного тобой, но и не могу забыть, каким ты был до этого. У меня не было лучшего ученика с тех самых пор, как мастер Гурло был возвышен до подмастерья. — Он поднялся и проковылял в свой альков. — О, он еще не слишком тяжел и для меня!

Мастер держал в руках нечто — предмет был таким темным, что тень полностью скрадывала его.

— Позволь помочь тебе, мастер, — сказал я.

— Не стоит, не стоит… Легок на подъем, а в ударе — тяжел, как и надлежит хорошему инструменту…

Он положил на стол черный ящик длиною с хороший гроб, но гораздо более узкий. Серебряные застежки его зазвенели, точно колокольчики.

— Ларец останется у меня — тебе в дороге он будет только помехой. Ты же возьми клинок, ножны для защиты от непогоды и перевязь.

Прежде чем я окончательно понял, что дал мне мастер, меч очутился в моих руках. Ножны из атласной человеческой кожи скрывали его почти по самую головку эфеса. Я снял их (они оказались мягкими, точно перчатка) и увидел клинок.

Не стоит утомлять вас долгим перечнем его красот и достоинств — чтобы постичь их, такой меч нужно видеть собственными глазами и держать в собственных руках. Клинок его, длиною в эль, был прямым, без колющего острия, каким и положено быть клинку палаческого меча. Обе режущие кромки могли разделить надвое волос: уже в пяди от массивной серебряной гарды, украшенной изображениями двух человеческих голов. Рукоять в две пяди длиной была сделана из оникса, перевитого серебряной лентой, и увенчана крупным опалом. Украшен меч был богато, впрочем — без надобности, ибо украшения лишь придают привлекательность и значимость тем вещам, которые, не будь украшены, лишились бы

таковых качеств. Вдоль клинка тянулась выполненная прекрасной, затейливой вязью надпись: Terminus Est. После визита в Атриум Времени я поднаторел в древних языках достаточно, чтобы понять значение этих слов — «Се Есть Черта Разделяющая».

— Он отлично наточен, ручаюсь, — сказал мастер Палаэмон, заметив, как я пробую пальцем режущую кромку. — И во имя тех, кто отдан в твои руки, держи его хорошо наточенным всегда. Вопрос лишь в том, не слишком ли он тяжел для тебя. Подними, посмотрим.

Взяв «Терминус Эст», так же как и тот фальшивый меч на церемонии моего возвышения, я осторожно, чтобы не зацепить потолок, поднял его над головой и едва не выпустил — я словно бы держал в руках змею.

— Не трудно?

— Нет, мастер. Но меч шевельнулся, когда я поднял его.

— В клинке его высверлен канал, по которому струится гидраргирум — сей металл тяжелее железа, но может течь, подобно воде. Баланс, таким образом, смещается к рукояти при подъеме и к кончику лезвия — при опускании. Тебе частенько придется ожидать завершения последней молит-

вы или же взмаха руки инквизитора, но меч не должен дрожать или колебаться… Впрочем, все это ты уже знаешь. Не тебя учить уважению к такому инструменту. Да будет Мойра благосклонна к тебе, Северьян.

Вынув из кармашка в ножнах точильный камень, я бросил его в ташку, туда же положил письмо к архону Тракса, завернутое в кусок промасленного шелка, и покинул кабинет.

С широким клинком за левым плечом я вышел в обдуваемый ветром некрополь. Часовые у нижних ворот на берегу реки выпустили меня без звука, только долго пялились вслед. Я зашагал узкими улочками в сторону Бичевника — большой улицы, тянущейся вдоль берега Гьолла.

А теперь пришло время написать о том, чего я стыжусь до сих пор, даже после всего происшедшего. Стражи этого вечера были счастливейшими в моей жизни. Старая ненависть к гильдии исчезла без следа. Осталась лишь любовь к ней — к мастеру Палаэмону, к братьям моим, подмастерьям, и даже к ученикам; к традициям ее и обычаям… Любовь эта никогда не умирала во мне, но я покинул — а перед тем обесчестил — все, что любил.

Мне бы заплакать — но нет. Я не шел, я точно

парил в воздухе, и впечатление еще усиливалось оттого, что встречный ветер раздувал полы плаща, словно крылья. Нам запрещено улыбаться в присутствии кого бы то ни было, кроме наших мастеров, братьев, пациентов и учеников. Надевать маску не хотелось — вместо этого я натянул капюшон и склонил пониже голову — так, чтобы встречные не видели моего лица. Я думал, что буду убит по дороге, — и ошибался. Думал, будто никогда больше не вернусь в Цитадель и не увижу нашей башни, но ошибался и в этом. Со счастливой улыбкой думал я о том, что впереди меня ждет множество дней, подобных этому, — но и тут был не прав.

По незнанию своему я полагал, будто еще до темноты успею оставить город позади и переночую в относительной безопасности под каким-нибудь деревом. На деле же вышло, что, когда западный горизонт, поднимаясь, начал закрывать солнце, я едва-едва миновал самые древние и бедные кварталы. Проситься на ночлег в трущобах вдоль Бичевника или попробовать прикорнуть где-нибудь в закоулке было равносильно самоубийству. Посему я шел и шел вперед под яркими звездами в дочиста выметенном ветром небе. Встречные не узнавали во мне па-

лача; для них я был просто мрачновато одетым путником с темной патериссой на плече.

* * *

Время от времени по глади задохнувшейся в водорослях воды мимо меня скользили лодки, и ветер приносил с собой скрип уключин и хлопанье парусов. На лодках победнее не было ни единого огонька, и выглядели они лишь немногим лучше обычного плавника, но несколько раз на глаза мне попались богатые таламегии с носовыми и кормовыми огнями. Эти, страшась нападения, держались по центру фарватера, подальше от берегов, однако пение гребцов далеко разносилось над водой:

Вдарь, братцы, вдарь!

Теченье против нас, Вдарь, братцы, вдарь, Однако ж Бог за нас!

Вдарь, братцы, вдарь!

И ветер против нас, Вдарь, братцы, вдарь, Однако ж Бог за нас!

И так далее. И даже когда огни удалялись более чем на лигу вверх по течению, песня, несомая ветром, все еще была слышна. Позже я увидел собственными глазами, как гребцы в момент рефрена делают мощный гребок, а на прочие

строки поднимают весла для замаха и так гребут стражу за стражей.

Я шел и шел. Мне уже чудилось, что вот-вот должен наступить новый день, и тут впереди показалась цепочка огней, протянувшаяся от берега к берегу, явно не имевших ничего общего с лодками. Это был мост. После долгих блужданий впотьмах я поднялся на него по выщербленной лестнице — и тут же почувствовал себя актером на незнакомой, непривычной сцене.

Мост был ярко освещен — здесь было столь же светло, сколь темно внизу, на Бичевнике. Через каждые десять шагов стояли столбики со светильниками, а через каждую сотню — сторожевые башенки, окна караулок которых сверкали в ночи праздничным фейерверком. По мостовой грохотали кареты с собственными фонариками, и почти каждый из толпившихся на мосту пешеходов нес с собою свет либо имел при себе мальчишку-факельщика. Бесчисленные торговцы наперебой расхваливали свои товары, разложенные на висевших на их шеях лотках, иноземцы лопотали на своих грубых наречиях, нищие выставляли напоказ свои увечья, немилосердно терзали (блажолеты и офиклеиды и украдкой щипали завернутых в тряпье младен-

цев, отчего те громко вопили.

Признаюсь, все это было ужасно интересно, и только воспитание не давало мне остановиться посреди мостовой с разинутым ртом. Надвинув капюшон еще ниже и глядя прямо перед собою, я шел сквозь толпу, якобы не обращая ни на что особого внимания. Но тем не менее усталость вскоре как рукой сняло, а каждый шаг казался слишком широким — очень уж хотелось задержаться на мосту подольше.

В сторожевых башенках несли вахту не городские патрульные, но пельтасты с прозрачными щитами и в легких доспехах. Я почти добрался до западного берега, когда двое из них, выступив вперед, загородили мне путь сверкающими копьями.

— Ходить в такой одежде, как у тебя, — серьезное преступление. Если ты затеял пошутить, то рискуешь жизнью ради своей шутки.

— Я всего лишь следую уставу своей гильдии, — ответил я.

— То есть ты всерьез заявляешь, будто ты — казнедей? А это у тебя что — меч?

— Да, но я вовсе не казнедей. Я — подмастерье Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Вокруг стало тихо. За несколько мгновений,

понадобившихся стражам, чтобы задать вопрос и получить на него ответ, вокруг нас собралось около сотни человек. Я заметил, как второй пельтаст переглянулся с первым, точно говоря: «Он и вправду не шутит».

— Войди внутрь. Начальник караула желает видеть тебя.

Они пропустили меня вперед. Внутри башенка состояла лишь из одной комнатки со столом и несколькими стульями. Поднявшись наверх по узкой, истертой множеством тяжелых сапог лесенке, я увидел человека в кирасе, что-то писавшего за высокой конторкой. Караульные поднялись следом, и тот, что заговорил со мной первым, сказал:

— Вот, этот самый!

— Вижу, — ответил начальник караула, не поднимая взгляда.

— Называет себя подмастерьем гильдии палачей. Перо в руке начальника, до этого безостановочно бегавшее по бумаге, на миг замерло.

— Никогда не думал, что встречу такое где-либо, помимо страниц какой-нибудь книги, но все же возьму на себя смелость предположить, что он говорит чистую правду.

— Значит, мы должны отпустить его? — спро-

сил солдат, — Но не сразу.

Начальник караула отер перо, посыпал песком письмо, над которым трудился, и наконец-то поднял взгляд.

— Твои подчиненные, — заговорил я, — задержали меня, усомнившись в моем праве носить этот плащ.

— Они задержали тебя по моему приказу, а я отдал этот приказ потому, что ты, согласно донесениям с восточных постов, возмущаешь спокойствие. Если ты в самом деле из гильдии палачей — которую я, признаться, считал давным-давно расформированной, — то всю жизнь провел в… как это называется?

— Башня Сообразности.

Он прищелкнул пальцами, точно происходящее одновременно и забавляло и раздражало его.

— Я имею в виду то место, где стоит ваша башня.

— Цитадель.

— Да, Старая Цитадель. Помнится мне, она — где-то на востоке, у реки, чуть севернее квартала Мучительных Страстей. Еще кадетом меня водили туда взглянуть на Донжон. Часто ли тебе доводилось выходить в город?

— Даже очень, — ответил я, вспомнив о наших вылазках на реку.

— И в этой самой одежде? Я покачал головой.

— Если уж не желаешь тратить слова, откинь хотя бы капюшон. Иначе я ничего не увижу, кроме кончика твоего носа. — Спрыгнув с табурета, начальник караула подошел к окну, выходившему на мост. — Как по-твоему, сколько народу в Нессусе?

— Понятия не имею.

— И я — тоже, палач. И никто не имеет! Любая попытка сосчитать их неизменно заканчивалась провалом, как и любая попытка систематически собирать налоги. Город растет и меняется еженощно, как меловые надписи на стенах. Посреди улиц, благодаря умникам, которым хватает смекалки воспользоваться темнотой, захватить кусок мостовой и объявить землю своей, вырастают дома — известно ли тебе это?! Экзультант Таларикан, чье безумие выражается в нездоровом интересе к ничтожнейшим из аспектов человеческой жизни, утверждает, будто два гросса тысяч человек питаются единственно мусором, остающимся от прочих! Что в городе насчитывается десять тысяч бродячих акробатов, почти половина которых — женщины! Если бы

даже мне было позволено делать вдох лишь тогда, когда какой-нибудь нищий сиганет с моста в реку, я жил бы вечно — город порождает и убивает людей много чаще, чем человек делает вдох! В такой тесноте спасает лишь общественное спокойствие. Возмущения спокойствия допускать нельзя, так как мы не сможем совладать со смутой. Понимаешь?

— Отчего же, есть еще такое понятие, как порядок. Но до тех пор пока он достижим… в общем, я понимаю тебя. Начальник караула вздохнул и повернулся ко мне.

— Вот и замечательно. Значит, ты наконец осознал необходимость обзавестись менее вызывающей одеждой.

— Но я не могу вернуться в Цитадель.

— Тогда на сегодня скройся из виду, а завтра купишь что-нибудь. Средства есть?

— Немного.

— Отлично. Купи что-нибудь. Или укради. Или сними со следующего бедолаги, которого укоротишь при помощи этой штуки. Я бы послал кого-нибудь из ребят проводить тебя до постоялого двора, но это только вызовет больше толков. На реке что-то стряслось, и люди уже вдоволь наслушались всяких ужасов. А тут еще ветер утих,

скоро с реки поползет туман, и станет еще хуже. Куда ты направляешься?

— Я получил назначение в Траке.

— И ты ему веришь, старшой? — вмешался пельтаст, заговоривший со мной первым. — Он не представил никаких доказательств в подтверждение сказанного.

Начальник караула вновь отвернулся к окну. Теперь и я углядел пряди желтоватого тумана, наползавшего на мост с реки.

— Если уж не можешь работать головой, — ответил он, — то хоть принюхайся. Что за запахи сопровождают его?

Пельтаст неуверенно улыбнулся.

— Ржавое железо, холодный пот и гниющее мясо! А от шутника пахло бы новой одеждой или тряпками, выуженными из мусорного ящика. Учись проворнее, Петронакс, иначе у меня живо отправишься на север, воевать с асцианами!

— Но, господин начальник… — заговорил пельтаст, метнув в мою сторону столь ненавидящий взгляд, что я решил, будто он обязательно захочет расправиться со мной, стоит лишь мне покинуть караулку.

— Докажи этому парню, что ты действительно из гильдии палачей.

Пельтаст стоял, расслабившись, не ожидая ничего худого, поэтому выполнить просьбу начальника караула оказалось несложно. Я просто-напросто оттолкнул в сторону его щит и придавил левой ступней его правую, дабы обездвижить и без помех вонзить палец в тот нерв, на шее, что вызывает судороги.

Глава 15
Бапдандерс

Город к востоку от моста оказался совсем не таким, как прежний, оставленный мной позади. Здесь светильники стояли на каждом углу, а карет и повозок было не меньше, чем на мосту. Прежде чем покинуть караулку, я спросил начальника, не может ли он подсказать, где мне провести остаток ночи, и теперь шел, преодолевая вновь навалившуюся усталость и оглядываясь в поисках вывески рекомендованного им постоялого двора.

Казалось, темнота вокруг с каждым новым шагом становилась гуще и гуще, и я где-то сбился с пути. Но очень уж не хотелось возвращаться и заново приступать к поискам, поэтому я просто шел, стараясь держать на север, успокаивая себя тем, что, пусть я заблудился, но с каждым шагом приближаюсь к Траксу. Наконец я все же наткнулся на маленькую гостиницу. Вывески я не заметил — возможно, ее там не было вообще, — однако я учуял запахи кухни, услышал звон бокалов, вошел, распахнув дверь настежь, и

рухнул в ближайшее кресло, не обращая внимания на собравшихся.

Не успел я перевести дух и подумать о какомнибудь местечке, где мог бы снять сапоги (хотя о немедленных поисках такового пока не могло быть и речи), трое выпивавших за угловым столиком поднялись и вышли, а старик хозяин, увидев, что мое присутствие отнюдь не служит успеху в делах, подошел и спросил, что мне угодно.

Я ответил, что мне нужна комната.

— Свободных комнат нет.

— Ну и хорошо, — сказал я, — мне все равно нечем заплатить.

— Тогда тебе придется уйти. Я покачал головой.

— Не так сразу. Я очень устал. (Я слышал, что другие подмастерья уже проделывали в городе такой трюк.) — Ведь ты — казнедей, так? Головы рубишь?

— Принеси парочку тех рыбин, которые так восхитительно пахнут, — головы как раз останутся тебе.

— Я позову городскую стражу, и тебя выведут! Тон его ясно говорил, что старик сам не верит своим словам, и потому я сказал, что он может звать кого угодно, но рыбу пусть принесет. Он,

ворча, удалился. Я расправил спину и поудобнее пристроил меж колен «Терминус Эст», который снял с плеча, прежде чем сесть. За столами сидело еще пятеро, но все они старательно избегали встречаться со мною взглядом, а вскоре двое из них тоже ушли.

Старик вернулся ко мне с небольшой рыбкой поверх ломтя черствого, грубого хлеба.

— Вот, ешь и уходи!

Пока я ужинал, он стоял возле меня. Покончив с рыбой, я спросил, где мне можно переночевать.

— Я ведь сказал: все занято!

Если бы в получение от этой гостиницы меня ждал дворец с распахнутыми настежь воротами, я и тогда не смог бы заставить себя покинуть ее.

— Тогда я буду спать в этом кресле. Посетителей у тебя на сегодня все равно не предвидится… — Подожди.

Старик снова ушел. Я слышал, как он в соседней комнате разговаривает с какой-то женщиной.

Проснулся я оттого, что он тряс меня за плечо.

— Есть место в кровати с еще двумя постояльцами.

— Кто они?

— Двое оптиматов, клянусь! Очень приятные люди, путешествующие вдвоем.

Женщина из кухни крикнула ему что-то — я не смог разобрать слов.

— Слыхал? — спросил старик. — Один из них даже еще не вернулся! И, скорее всего, сегодня уже не вернется — на дворе глубокая ночь. Целая кровать — вам на двоих!

— Но если эти люди сняли комнату…

— Они не будут возражать, ручаюсь! Сказать тебе правду, господин казнедей, они исчерпали кредит. Три ночи ночуют, а заплатили только за одну.

Мной явно хотели воспользоваться, как уведомлением о выселении. Впрочем, мне не было дела до этого. Сложившееся положение даже сулило кое-какие выгоды — если оставшийся тоже уйдет, комната достанется мне одному. С трудом поднявшись, я последовал за стариком наверх, сопровождаемый отчаянным скрипом ступеней.

Дверь оказалась незапертой, но в комнате было темно как в могиле. Темноту сотрясал могучий храп.

— Эй, добрый человек! — крикнул старикашка, видно, забыв, что недавно божился, будто его постоялец принадлежит к оптиматам. — Как-бишь-тебя-там? Балда… Балдандерс! Вот тебе новый сосед! Не платишь в срок — придется при-

мириться с этим!

Ответа не последовало.

— Входи, господин казнедей, — сказал старик, — я тебе посвечу.

Он принялся раздувать кусочек тлеющего трута, пока тот не разгорелся настолько, чтобы зажечь огарок свечи.

В маленькой комнатушке не было никакой мебели, кроме кровати. В ней, отвернувшись лицом к стене и вытянув ноги, спал настоящий великан — ни до, ни после не доводилось мне видеть такого.

— Добрый человек! Балдандерс! Разве ты не хочешь взглянуть, с кем тебе придется разделить постель?

Мне хотелось поскорее прилечь, поэтому я велел старику оставить нас. Он пытался возражать, но я вытолкал его из комнаты и, стоило ему убраться, опустился на свободный край кровати и с наслаждением стянул с ног сапоги вместе с чулками. Тусклый огонек свечи подтвердил, что я успел натереть с десяток мозолей. Затем я расстелил плащ поверх покрывала и некоторое время размышлял, снять ли и штаны с поясом или спать так. Усталость и чувство собственного достоинства настаивали на последнем, вдобавок

я заметил, что великан полностью одет. С невыразимым облегчением я задул свечу и, не в силах более одолевать усталость, лег, чтобы впервые на моей памяти заснуть где-либо вне Башни Сообразности.

— Никогда!

Голос оказался столь звучен и басовит (даже орган вряд ли может звучать ниже), что я не понял, что должно означать это слово — и слово ли это вообще.

— Что? — пробормотал я.

— Балдандерс.

— Знаю, хозяин говорил. А я — Северьян. Я лежал на спине, а между нами покоился «Терминус Эст», взятый мною в постель ради пущей сохранности. Я не мог разглядеть, повернулся ли великан лицом ко мне, но был уверен, что любое движение этой громадины наверняка почувствую.

— Казнить.

— Так ты слышал, как мы вошли? Я думал, ты спишь.

Я уже хотел было сказать, что я никакой не казнедей, а подмастерье гильдии палачей, но тут же вспомнил свое бесчестье и назначение в какой-то захолустный Траке.

— Да, я — палач, но тебе незачем меня бояться. Я просто делаю работу, которой обучен.

— Завтра.

— Да, завтра у нас будет довольно времени для бесед.

После этого я снова заснул, и мне снился сон — впрочем, слова Балдандерса тоже могли быть просто-напросто сном, но вряд ли. А если и так, то это был другой сон.

Я летел — мчался по хмурому небу верхом на огромном звере с перепончатыми крыльями. Держась как раз между несущимися вперед облаками и сумрачной землей, мы будто скользили по склону пологого воздушного холма — крылья зверя, сдается мне, не сделали ни единого взмаха. Заходящее солнце неподвижно, хотя мы все неслись и неслись вперед, висело впереди у самого горизонта — должно быть, скорость наша была равна скорости вращения Урса.

Но вот земля внизу сделалась иной — я вначале решил, что мы достигли пустыни. Нигде, куда достигал взгляд, не видно было ни городов, ни ферм, ни лесов, ни полей — лишь ровная пурпурно-черная земля, безликая. застывшая в своей неподвижности. Перепончатокрылый тоже заметил перемену или же учуял какой-то новый запах

— мускулы его ощутимо напряглись, а крылья совершили три взмаха подряд.

Бескрайний пурпур внизу был испятнан белыми крапинками. Через некоторое время я понял, что эта кажущаяся неподвижность — не более чем обман, порожденный единообразием. Пурпурно-черный простор всюду был одинаков, но вместе с тем пребывал в неустанном движении. То была Мировая Река Уроборос, море, в котором, словно в колыбели, покоится Урс.

Тут я впервые оглянулся назад — туда, где осталась поглощенная ночью земля, обитель всего человечества.

Когда она окончательно скрылась из виду и ничего, кроме беспокойных волн, не осталось вокруг, зверь обернулся ко мне. Клюв ибиса на острой щучьей морде; костяная митра венчает голову… На какой-то миг взгляды наши встретились, и я, казалось, понял его мысль: «Да, Я — твой сон, но, стоит тебе пробудиться от своего бодрствования, я приду».

Зверь сменил курс, точно люггер, идущий в лавировку против ветра. Одно крыло его опустилось вниз, а другое поднялось так, что кончик его указывал прямо в небо. Пальцы мои лишь скользнули по твердой чешуе, и я полетел вниз.

Удар при падении разбудил меня. Вздрогнув всем телом, я услышал, как великан бормочет во сне. Я тоже что-то пробормотал, пощупал, на месте ли меч, и уснул вновь.

Морские воды сомкнулись над моей головой, однако я не утонул. Я чувствовал, что вполне мог бы дышать водой, — но не сделал ни единого вдоха. Вода была прозрачна, словно хрусталь; казалось, я падаю в абсолютную, лишенную даже воздуха, пустоту.

Вдали виднелись огромные, в сотни раз больше человека, тени — корабли, тучи, человеческая голова без тела, тело с сотней голов… Все они были окутаны голубой дымкой. Внизу, подо мной, лежало песчаное дно, изборожденное течениями. Там, прямо на песке, стоял огромный — куда как больше нашей Цитадели — дворец, но дворец тот лежал в руинах, и покои его лишены были крыш, а внутри обитали огромные существа, белые, точно кожа прокаженного.

Я приближался к ним, и вскоре они заметили меня, и лица их были такими же, как то, что привиделось мне в Гьолле. То были женщины — обнаженные, с волосами из зеленой морской пены и коралловыми глазами. Со смехом наблюдали они за моим падением, и смех их, пузырясь,

поднимался ко мне. Зубы их оказались белы и остры, и каждый — длиною в палец.

Теперь они были совсем близко; руки их потянулись ко мне и принялись гладить, как матери гладят детей. В дворцовых садах буйно росли морские губки, актинии и множество прочих прекрасных растений, коим я не знаю имен. Огромные женщины окружили меня — рядом с ними я казался всего лишь куклой.

— Кто вы и что делаете здесь? — спросил я.

— Мы — невесты Абайи! Игрушки Абайи! Подружки Абайи! Земля не в силах носить нас. Груди наши — словно тараны, а зады — сломают спину и быку. Здесь мы растем, пока не сможем возлечь с Абайей — тем, кто однажды пожрет континенты.

— А кто же такой я?

Они засмеялись все вместе, и смех звенел, как волны, бьющиеся о стеклянные берега.

— Мы покажем тебе! — сказали они. — Мы покажем тебе!

Они подхватили меня под руки, подняли и понесли через сад. Пальцы их, соединенные перепонками, были длиной с мою руку от плеча до локтя.

Вскоре огромные женщины остановились,

всколыхнув воду, точно затонувшие галеоны, и ноги наши коснулись дорожки. Перед нами была низкая стена, а на ней — крохотный помост с занавесом не больше салфетки, какими порой забавляют детей.

Волна, поднятая нами, всколыхнула занавес, и он поднялся, будто невидимая рука дернула за веревочку. На помосте тотчас же появился деревянный человечек — руки и ноги из веточек с набухшими зеленью почками, проклевывавшимися сквозь тонкую кору; туловище и ветки потолще, размером с большой палец; голова — деревянный кругляш, завитки которого изображали глаза и рот. Человечек двигался, словно живой, и тут же погрозил нам дубинкой, которую держал в руке.

Пока он скакал перед нами и демонстрировал свою ярость, колотя дубинкой о помост, на сцене появилась еще одна фигурка — мальчик, вооруженный мечом. Искусство, с которым была сделана вторая марионетка, казалось как раз под стать примитивной грубости первой — она вполне могла бы оказаться настоящим ребенком, уменьшенным до размеров мыши.

Оба поклонились нам и немедленно вступили в бой. Деревянный человечек огромными прыж-

ками носился по помосту, и за его палицей было почти не уследить. Мальчик танцевал вокруг него, будто пылинка в солнечном луче, делая выпады своим крохотным клинком.

В конце концов деревянный человечек рухнул наземь. Нальчик, встав над ним, хотел было поставить ногу ему на грудь, но прежде чем он успел сделать это, деревянная фигурка поплыла, лениво вращаясь, вверх, прочь со сцены, и вскоре скрылась из виду. Мальчик застыл над сломанным мечом и расщепленной палицей. Казалось, где-то за сценой торжественно затрубили игрушечные фанфары (хотя звук этот, без сомнения, был всего-навсего скрипом колес, доносившимся с улицы).

Проснулся я оттого, что в комнате появился кто-то третий. Он оказался невысоким проворным человеком с огненно-рыжей шевелюрой, хорошо — даже щеголевато — одетым. Увидев, что я не сплю, он отдернул шторы, и в комнату хлынул красный солнечный свет.

— Сон моего партнера, — заговорил он, — отличается необычайной звучностью. Не оглушил ли тебя его храп?

— Я сплю крепко, — ответил я. — Если он и храпел — я не слышал.

Казалось, невысокий человек обрадовался этому — он широко улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

— Еще как храпел! Могу тебя заверить — храп его сотрясает Урс! — Он подал мне изящную, ухоженную руку. — Я — доктор Талое.

— Подмастерье Северьян.

Откинув тонкое покрывало, я поднялся, чтобы пожать его руку.

— Я вижу, ты носишь черное. Что же это за гильдия?

— Цвет сажи. Гильдия палачей.

— О-о! — Склонив голову набок, он обошел меня кругом, чтобы получше разглядеть. — Ты слишком высок — жаль, жаль… Однако этот цвет сажи, надо заметить, впечатляет!

— Мы находим его практичным, — отвечал я. — Подземелья — место грязное; да и следы крови на наших плащах незаметны.

— У тебя есть чувство юмора! Прекрасно! Могу свидетельствовать: лишь немногое на свете способно принести человеку большую выгоду. Юмор собирает публику. Юмор в силах утихомирить разъяренную толпу и успокоить целую ораву ревущих в три ручья детей. Юмор унижает и возвышает — а уж азими притягивает как магнит!

Я едва понимал, о чем он говорит, но, видя его благодушное настроение, сказал:

— Надеюсь, я не стеснил вас? Хозяин привел меня сюда, а кровать оказалась достаточно широка для двоих.

— Нет-нет, ничуть! Я вернулся только сейчас — нашел себе ночлег получше. Сплю я мало и, должен признаться, беспокойно, но все же замечательно — чудесно! — провел ночь. Куда ты направляешься сегодня, оптимат?

Я в этот момент шарил под кроватью в поисках сапог.

— Сначала, наверное, подыщу место, где можно позавтракать. После этого — покидаю город и иду на север.

— Прекрасно! Завтрак мой партнер, безусловно, оценит и примет его с превеликой радостью! Мы тоже идем на север — после успешных гастролей в городе, понимаешь ли, возвращаемся домой. Шли вниз по течению представляли на левом берегу, идем вверх — представляем на правом. Быть может, по дороге на север остановимся и в Обители Абсолюта. Это ведь, знаешь ли, наша профессиональная мечта — сыграть во дворце Автарха. Или же — вернуться туда еще разок, если уже играл однажды. Хризосов — хоть шля-

пой греби…

— Одного человека, мечтавшего вернуться туда, я уже встречал.

— Ладно, не грусти о нем — кстати, если выдастся случай, обязательно расскажешь, кто он был такой. А теперь, раз уж мы идем завтракать… Балдандерс!!! Вставай! Давай-давай, подымайся! Вставай! — Танцующей походкой подойдя к изножью кровати, он ухватил великана за лодыжку. — Балдандерс! Не хватай его за плечо, оптимат (я, впрочем, и не собирался), может отшвырнуть. БАЛДАНДЕРС!!!

Великан зашевелился и что-то пробормотал.

— Балдандерс! Новый день наступил! И мы еще живы! Пора питаться, испражняться и размножаться! Подымайся иначе никогда не попадем домой!

Казалось, великан не слышит ни слова. Бормотанье словно было лишь протестом в ответ на что-то увиденное во сне либо вовсе предсмертным хрипом.

Доктор Талое сдернул с партнера засаленное одеяло, и великан предстал перед нами во всей своей чудовищной красе. Он был даже выше, чем я думал — длины кровати едва хватало для него, хотя он спал, свернувшись калачиком и поджав

колени чуть ли не к самому подбородку. Огромные ссутуленные плечи его были не менее эля в ширину. Лицом великан уткнулся в подушку, поэтому я не мог разглядеть его. Уши и шея гиганта были исполосованы странными шрамами, тянувшимися под сальные, очень густые волосы.

— Балдандерс!!! Прошу прощения, оптимат, нельзя ли на время позаимствовать твой меч?

— Нет, — ответил я. — Ни в коем случае.

— О нет, я вовсе не собираюсь убивать его — ничего подобного! Если и ударю, то только плашмя.

Я покачал головой. Видя мою неуступчивость, доктор Талое принялся шарить по комнате.

— А, трость я оставил внизу… Дурное обыкновение — наверняка украдут. Ох, надо бы приучиться хромать; ох, надо бы!.. Но ведь здесь совсем ничего нет!

Он выскочил вон из комнаты и немедля вернулся с прогулочной тросточкой из железного дерева, увенчанной блестящим бронзовым набалдашником.

— Ну, Балдандерс, держись!

Удары посыпались на спину великана, будто крупные капли дождя, предвещающие грозу. Внезапно великан сел.

— Я не сплю, доктор. — Лицо его оказалось ши-

роким и грубым, но в то же время и трогательно печальным. — Ты что, в конце концов решил убить меня?

— О чем это ты, Балдандерс? А, этот оптимат… Нет, шн не сделает тебе ничего дурного — он разделил с тобой постель и теперь намерен составить нам компанию за завтраком.

— Он спал здесь, доктор?

Мы с доктором Талосом кивнули.

— Тогда понятно, откуда взялся этот сон… В памяти моей еще свежи были образы великанш на дне моря, поэтому я, хоть вид гиганта и повергал меня в трепет, спросил, что ему снилось.

— Пещеры, где острые каменные клыки сочатся кровью… Отрубленные руки на песчаных дорожках, какие-то твари, лязгающие цепями в темноте…

Спустив ноги на пол, он запустил в рот огромный палец и принялся чистить им редкие и удивительно мелкие зубы.

— Идемте, наконец! — сказал доктор Талое. — Если уж мы собираемся поесть, побеседовать и вообще хоть что-нибудь успеть сегодня — самое время двигаться. Дел у нас предостаточно.

Балдандерс сплюнул в угол.

Глава 16
Лавка тряпичника

В то утро, на дремлющей нессусской улочке, столь часто навещающая меня печаль впервые сжала сердце мое изо всех сил. Пока я был заключен в темницу, ее приглушала чудовищность содеянного мною и чудовищность неизбежной и скорой, как мне казалось, расплаты в руках мастера Гурло. Накануне же новизна и острота ощущений вовсе прогнали ее прочь. А вот сейчас… казалось, в целом мире не осталось ничего, кроме смерти Теклы. Любое черное пятнышко тени напоминало о ее волосах; любой проблеск белизны в солнечных лучах — о ее коже. Порой я готов был бежать обратно в Цитадель, чтобы посмотреть, не сидит ли она в своей камере, читая при свете серебряного светильника.

Мы отыскали кафе с расставленными снаружи, вдоль стены, столиками. Улица была еще почти пуста. На углу, прямо на мостовой, лежал мертвец (наверное, задушенный ламбрекеном — в городе было достаточно умельцев по этой части). Доктор Талое обшарил его карманы, но вернулся к нам с

пустыми руками.

— Ну что ж, — сказал он, — подумаем. Нужно разработать план.

Официантка принесла нам по чашке мокко, и Балданяерс подвинул одну доктору. Тот рассеянно помешал в ней пальцем.

— Дружище Северьян! Пожалуй, мне следует разъяснить наше положение. Балдандерс — мой единственный пациент — и сам я пришли сюда с озера Диутурна. Дом наш сгорел, и мы решили попутешествовать, дабы заработать деньжат на его восстановление. Мой друг — человек удивительной силы. Я собираю публику и, пока он ломает несколько бревен и поднимает разом по десять человек, приторговываю целебными снадобьями. Казалось бы, немного. Но, скажу тебе больше, у меня есть пьеса и кое-какое оборудование. Если ситуация благоприятствует тому, мы представляем некоторые сцены, причем даже вовлекаем в действо кое-кого из публики. Ты, друг мой, идешь на север и, судя по тому, как вчера устроился на ночлег, стеснен в средствах. Могу ли я предложить тебе присоединиться к нашему предприятию?

Балдандерс, похоже, понявший лишь начало речи своего компаньона, медленно проговорил:

— Он не совсем сгорел. Стены-то — каменные, толстые. Кое-что сохранилось.

— Совершенно верно. Мы думаем восстановить наш добрый старый дом. Но, видишь ли, какая перед нами встала дилемма: мы уже на полпути обратно, а скопленных капиталов все еще недостаточно. Посему я предлагаю…

К нам вновь подошла официантка — хрупкая юная девушка — с миской овсянки для Балдандерса, хлебом и фруктами для меня и печеньем для доктора.

— Как привлекательна эта девушка! — заметил он. Девушка улыбнулась доктору.

— Не можешь ли ты присесть к нам? Других клиентов пока не видно!

Бросив взгляд в направлении кухни, она пожала плечами и принесла себе стул.

— Угощайся — я слишком занят разговором. Глотни и кофе, если тебе не претит пить после меня.

— Вы ведь думаете, он нас кормит бесплатно? — заговорила девушка. — Нет! Дерет с нас обычную цену!

— О! Значит, ты — не хозяйская дочь. И не супруга. Отчего же он не отщипнет лепесток от такого цветка?

— Я здесь меньше месяца. И зарабатываю только то, что оставляют на столах. Взять хоть вас троих — если вы ничего не дадите мне, выйдет, что я обслуживала вас задаром.

— Вот так-так! Но — что, если мы предложим тебе роскошный дар, а ты откажешься принять его?

С этими словами доктор Талое склонился поближе к девушке, и я внезапно увидел, что лицом он похож не просто на лисицу (это-то, благодаря его густым рыжим бровям и острому носу, приходило в голову немедленно), но — на лисицу-скульптуру. От всех, кому в силу ремесла своего приходится копать землю, я слышал, что нигде в мире нет клочка земли, где, копнув пару раз, не вытащишь на свет осколков прошлого. Где бы лопата ни вонзилась в почву, штык ее неизменно наткнется на булыжник разрушенной мостовой либо изъеденный коррозией металл. Ученые пишут, будто тот особый песок, называемый художниками полихромным (из-за того, что среди его белизны попадаются все возможные цвета и оттенки), на самом деле вовсе не песок, но древнее стекло, истертое в порошок многими зонами времени и безжалостным морским прибоем. И если реальность столь же многослойна,

как и попираемая нашими ногами история, то на некоем глубинном ее уровне лицо доктора Талоса было лисьей маской на стене, и теперь я дивился тому, как маска эта поворачивается и склоняется к девушке, а тени от носа и бровей изумительным образом придают ей выражение — осмысленное и живое.

— Итак, ты не откажешься от нашего дара? — спросил доктор.

Я вздрогнул, словно до этого спал и был неожиданно разбужен.

— Какого дара? Один из вас — казнедей. Может, ты говоришь о даре смерти? Наш Автарх, чья мудрость блеском своим затмевает и звезды, защищает жизнь своих подданных!

— Дар смерти? О, нет! — засмеялся доктор. — Нет, дорогая моя, этот дар ты получила еще при рождении. равно как и он. Зачем же дарить тебе то, что у тебя есть и без нас? Я предлагаю одарить тебя красотой — красотой, влекущей за собою богатство и славу.

— Если вы что-то продаете, денег у меня все равно нет.

— Продаем? Вовсе нет! Напротив, мы предлагаем тебе новую работу. Я — тауматург, чудотворец, а эти оптиматы — актеры. Неужели тебе никогда

не хотелось выйти на сцену?

— А вы — забавные!

— Место инженю в труппе сейчас вакантно. Если пожелаешь, можешь занять его. Но тогда тебе придется отправиться с нами прямо сейчас — мы не можем ждать и сюда больше не вернемся.

— Но я не стану красивее, сделавшись актрисой!

— Я сделаю тебя прекрасной, поскольку ты нужна нам как актриса. Я, среди прочего, властен и над этим. — Он поднялся. — Сейчас или никогда! Идешь с нами?

Официантка тоже встала со стула, не отрывая глаз от лица доктора.

— Мне нужно сходить к себе в комнату…

— Тщета! Я должен наложить заклятье и за день обучить тебя роли! Нет, я не могу ждать!

— Тогда заплатите за завтрак, а я скажу хозяину, что ухожу.

— Вздор! Как член труппы ты обязана способствовать сбережению средств, которые, кстати, потребуются на твои костюмы. Не говоря уж о том, что это ты съела мое печенье. Плати за него сама!

Какое-то мгновенье девушка колебалась.

— Можешь ему поверить, — сказал Балдан-

дерс. — Доктор, конечно, видит мир по-своему, но лжет куда меньше, чем кажется.

Слова, неспешно произнесенные глубоким, уверенным голосом, убедили ее.

— Хорошо. Я иду.

Вскоре мы вчетвером были уже в нескольких кварталах от кафе и шли мимо лавок, большей частью еще закрытых. Через некоторое время доктор Талое объявил:

— Теперь, друзья мои, нам придется разделиться. Я посвящу свое время просвещению сей сильфиды. Балдандерс! Ты заберешь наш ветхий помост и прочие пожитки из гостиницы, где вы с Северьяном провели ночь — я полагаю, трудностей с этим не предвидится. Северьян! Скорее всего, мы будем представлять у Ктесифонского перекрестка. Знаешь, где это?

Я кивнул, хоть и не имел понятия, где этот Ктесифонский перекресток. Честно говоря, я вовсе не собирался возвращаться к ним.

После того как доктор Талое быстро удалился, сопровождаемый рысившей за ним официанткой, я остался наедине с Балдандерсом посреди пустынной улицы. Желая, чтобы и он ушел поскорее, я спросил, чем он намерен заняться. Разговаривать с ним было — все равно что с ка-

менной статуей.

— Тут у реки есть парк, где можно поспать днем, хотя ночью и запрещают. Как начнет темнеть, я проснусь и пойду за нашими вещами.

— Боюсь, мне-то спать не хочется… Поброжу по городу, полюбуюсь окрестностями.

— Значит, встретимся у Ктесифонского перекрестка. Отчего-то я был уверен, будто Балдандерс знает, что у меня на уме. Глаза его потускнели, точно у быка.

— Да, — сказал я. — Конечно.

Балдандерс побрел в сторону Гьолла, а я, поскольку его парк лежал на востоке, а доктор Талое увел официантку на запад, снова повернул на север, продолжив свой путь в Траке, Град Без Окон.

Но пока что вокруг простирался Нессус, Несокрушимый Град, который я, прожив в нем всю жизнь, знал весьма плохо. Я шел вдоль широкой улицы и не имел (впрочем, и не желал иметь) представления, что это за улица — боковая или же главная в квартале. По обеим сторонам мостовой тянулись пешеходные дорожки, а еще одна, третья, отделявшая северное направление от южного, была устроена в центре.

Дома слева и справа теснили друг друга, точно всходы на слишком густо засеянном поле.

И — что это были за дома! Ни величиной, ни древностью они не могли сравниться с Башней Величия; наверняка не было здесь и металлических стен в пять шагов толщиной, как в нашей башне; но что касается цвета и оригинальности новаторских, фантастических замыслов — тут Цитадели было до них далеко. Каждое здание по-своему выделялось на общем фоне — а ведь их были сотни! Как заведено в некоторых частях города, нижние этажи этих домов были заняты лавками, хотя поначалу там явно задумывались вовсе не лавки, но гильдейские залы, базилики, арены, оранжереи, сокровищницы, часовни, артеллы, богадельни, мануфактуры, молитвенные собрания, странноприимные дома, лазареты, гауптвахты, трапезные, мертвецкие, скотобойни и театры. Архитектура построек отражала все эти функции и, сверх того, еще тысячу самых разнообразных и противоречивых вкусов и стилей. В небо яростно вонзались башни и минареты, но купола, фонари и ротонды словно бы сглаживали их ярость; наверх вели пролеты крутых, точно трапы, лестниц, притулившихся к стенам, а балконы, протянувшиеся вдоль фасадов, были засажены цитронами и гранатами, скрывавшими окна от посторонних взглядов.

Не знаю, сколько времени я мог бы дивиться на эти висячие сады среди джунглей розового и белого мрамора, красного сардоникса, серого, кремового и черного кирпича, желтой и пурпурной черепицы, если бы вид ландскнехта, стоявшего на часах у входа в казармы, не напомнил мне об обещании, данном накануне вечером офицеру пельтастов. Денег у меня было мало, а теплый гильдейский плащ наверняка еще мог пригодиться в дороге, поэтому лучший выход состоял в покупке какой-нибудь просторной накидки из дешевой ткани, которую можно надеть поверх плаща. Лавки в эту пору уже начали открываться, однако все, что продавалось в них, не годилось для моих Целей, а цены не соответствовали содержимому моего кошелька.

Мысль о том, чтобы заработать денег при помощи своего ремесла до прихода в Траке, еще не приходила мне в голову, а если бы и пришла, я бы отринул ее, рассудив, что палаческая работа вряд ли требуется каждый день, и потому поиск таковой не принесет выгоды. Полагая, что три азими и несколько орихальков с аэсами придется растягивать до самого Тракса, и не имея даже представления о размерах жалованья, которое будет мне предложено там, я просто глазел на

балмаканы и сюртуки, доломаны и куртки из тонкого сукна, шерсти и сотни прочих дорогих тканей, не заходя в лавки, в витринах которых они были выставлены, и даже не останавливаясь, чтобы разглядеть их получше.

Вскоре внимание мое привлекли другие товары. Тогда я еще не знал, что именно в те дни тысячи наемников подбирали себе снаряжение для летней кампании. В глазах рябило от ярких солдатских плащей и попон, седел с высокой, защищающей пах, лукой, красных торб для овса, хетенов на длинных древках, сигнальных вееров из серебристой фольги, замысловато изогнутых кавалерийских луков, наборов из десяти и двадцати стрел, колчанов из дубленой кожи, украшенных блестящими гвоздями и перламутром, щитков, предохраняющих запястье от ударов тетивы… При виде всего этого мне вспомнились слова мастера Палаэмона насчет марша под барабанную дробь, и, хотя к матросам Цитадели мы всегда относились с некоторым презрением, в ушах моих зазвучали боевые трубы и протяжные строевые команды.

Но, стоило мне напрочь забыть о предмете своих поисков, из ближайшей лавки вышла, чтобы поднять жалюзи, стройная женщина лет

двадцати с небольшим. Одета она была в платье из переливчатой парчи, изумительно дорогое и поношенное. Когда я взглянул на нее, солнечный луч как раз забрался в прореху пониже талии, окрасив кожу в бледно-золотистый цвет.

Я не могу объяснить причины моего вожделения к ней в тот момент и впоследствии. Из многих женщин, которых я знал, она была, пожалуй, наименее красивой — не столь грациозной, как та, которую я любил больше всех, не столь чувственной, как другая, и уж вовсе не столь благородной, как Текла. Была она среднего роста, с коротким носом, широкими скулами и продолговатыми, темными — словом, совершенно обычными для подобных лиц — глазами. И все же, стоило мне увидеть ее, поднимавшую жалюзи, я полюбил ее сразу и навсегда — хотя и не всерьез.

Конечно, я тут же направился к ней. Я просто не в силах был побороть влечение, как не в силах был бы одолеть слепую жадность Урса, если бы упал вниз с отвесной скалы. Я не знал, что сказать ей, и очень боялся, что она в ужасе отпрянет, завидев мой меч и плащ цвета сажи. Однако она улыбалась и, очевидно, была восхищена моей внешностью. Я молчал, и тогда она спросила, чего я хочу. Я же, в свою очередь, спросил, где мог бы

купить накидку.

— Тебе она в самом деле нужна? — Голос ее оказался глубже, чем я ожидал. — У тебя такой замечательный плащ! Можно потрогать?

— Пожалуйста, если хочешь.

Взяв плащ за край, она слегка потерла ткань ладонями.

— В первый раз вижу… Такой черный, что не видно ни складок, ни швов! Моя рука — точно исчезла! И меч… Это опал?

— Тоже хочешь взглянуть?

— Нет-нет. Вовсе нет. Но, если тебе действительно нужна накидка…

Женщина указала на витрину, и я увидел, что она сплошь увешана ношеной одеждой — джелабами, ротондами, блузами, сорочками и так далее.

— И очень недорого. По вполне разумным ценам. Только загляни внутрь — и, я уверена, ты найдешь все, что тебе требуется.

Со звоном распахнув дверь, я вошел в лавку, но женщина (вопреки всем моим надеждам) осталась снаружи.

В лавке царил полумрак, но я почти тут же понял, отчего женщину не испугал мой облик. Человек за прилавком оказался с виду ужаснее

любого палача. Лицо его было настоящим лицом скелета — темные дыры глазниц, впалые щеки, безгубый рот. Если бы он не заговорил, я был бы уверен, что передо мной — мертвец, поставленный за прилавок во исполнение последней воли кого-нибудь из бывших владельцев лавки.

Глава 17
Вызов

Однако же «мертвец» этот повернулся ко мне и заговорил:

— Прекрасно! О да, замечательно! Твой плащ, оптимат, — могу ли я взглянуть на него?

Плиты, которыми был выложен пол в лавке, были истерты множеством ног и лежали неровно. Я подошел к нему. Красный солнечный луч с клубящимися в нем пылинками пронзил полумрак между нами, точно клинок.

— Твой плащ, оптимат…

Я подал ему край плаща, и лавочник ощупал ткань — точно так же, как молодая женщина снаружи.

— Да, чудесно! Мягок, наподобие шерсти, но мягче, гораздо мягче… смесь льна с викуньей? И цвет превосходный! Облачение палача! Можно бы усомниться, что настоящие хоть вполовину так же хороши, но кто же станет возражать против подобного текстиля?! — Он наклонился и вытащил из-под прилавка охапку тряпья. — Могу ли я взглянуть и на меч? Обещаю, я буду предель-

но осторожен!

Я вынул из ножен «Терминус Эст» и положил его на тряпки. Лавочник склонился над ним, не говоря ни слова и не касаясь клинка. К этому времени глаза мои привыкли к темноте, и я заметил черную ленту над его ухом, почти скрытую волосами.

— Ты носишь маску.

— Три хризоса. За меч. И еще один — за плащ.

— Я ничего не продаю, — ответил я. — Сними ее.

— Как пожелаешь… Хорошо, четыре хризоса! Лавочник дернул маску мертвой головы за верхний край и оставил висеть на шее. Настоящее лицо его оказалось плоским и смуглым, удивительно похожим на лицо молодой женщины снаружи.

— Мне нужна накидка.

— Пять хризосов. Это — последняя цена, в самом деле. И тебе придется дать мне день, чтобы собрать эту сумму.

— Я ведь сказал, что меч не продается.

Я забрал с прилавка «Терминус Эст» и вложил его в ножны.

— Шесть. — Перегнувшись через прилавок, лавочник взял меня за плечо. — Это больше того,

что он стоит. Послушай, это — твой последний шанс. Шесть!

— Я пришел, чтобы купить накидку. Твоя, если не ошибаюсь, сестра, сказала, что у тебя они имеются — и по разумной цене.

— Ладно уж, — вздохнул лавочник, — подыщем тебе накидку… Но, может быть, хоть скажешь, где ты его раздобыл?

— Этот меч дал мне мастер нашей гильдии. На лице лавочника мелькнуло выражение, коего я не смог опознать, и потому спросил:

— Ты не веришь мне?

— В том-то и беда, что верю! Кто же ты такой?

— Подмастерье гильдии палачей. Мы нечасто бываем на этом берегу и еще реже заходим так далеко на север. Но неужели ты в самом деле так уж удивлен?

Лавочник кивнул:

— Все равно, что повстречаться с психопомпом… Могу я узнать, что тебе нужно в этой части города?

— Можешь, но это будет последним вопросом, на который я намерен отвечать. Я получил назначение в Траке и направляюсь туда.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Больше расспрашивать не буду. Мне вообще не следовало

навязываться с расспросами. Ну что ж, раз уж ты хочешь удивить друзей, неожиданно сняв накидку — верно я понимаю? — цвет ее должен резко контрастировать с цветом твоего облачения. Хорош был бы белый, но этот цвет и сам по себе достаточно драматичен, да к тому ж исключительно марок. Как насчет чего-нибудь блекло-коричневого?

— Маска, — отвечал я. — Ее ленты все еще у тебя на шее. Лавочник, выволакивавший ящик из-под прилавка, промолчал, но стоило ему выпрямиться, зазвенел дверной колокольчик, и в лавку вошел новый покупатель. Он оказался юношей в шлеме, полностью закрывавшем лицо, и доспехе из лаковой кожи. Рога шлема затейливо загибались вниз, образуя забрало, а с нагрудника таращились на нас исполненные безумия глаза золотой химеры.

— Что угодно господину гиппарху? — Лавочник бросил свой ящик и почтительно склонился перед вошедшим. — Чем могу служить?

Рука в массивной латной перчатке потянулась ко мне. Пальцы гиппарха были сложены щепотью, точно он хотел дать мне монету.

— Возьми, — испуганно шепнул лавочник. — Возьми, что бы там ни было.

В подставленную мной ладонь упало блестящее черное семя размером с изюмину. Лавочник ахнул. Человек в доспехе повернулся к нам спиной и вышел из лавки.

Я положил семя на прилавок.

— Даже не думай отдать его мне! — взвизгнул лавочник, шарахнувшись прочь.

— Что это?

— Ты не знаешь?! Это — зернышко аверна! Чем ты ухитрился оскорбить офицера Дворцовой Стражи?!

— Ничем. Для чего он дал его мне?

— Тебя вызывают. Ты получил вызов.

— Мономахия? Этого не может быть. По классовой принадлежности я ему не ровня.

Лавочник пожал плечами, и этот жест был куда выразительнее его слов.

— Придется драться, иначе к тебе подошлют убийц. Вопрос лишь в том, на самом ли деле ты оскорбил этого гиппарха, или же он послан каким-нибудь высокопоставленным чиновником из Обители Абсолюта.

Хотя благоразумие подсказывало мне, что зернышко аверна следует выбросить и бежать из города, я не мог сделать этого. Столь же ясно, как и человека за прилавком, я увидел Водалуса,

бьющегося в одиночку против троих добровольцев. Кто-то — может статься, и сам Автарх или призрачный Отец Инир — узнал правду о смерти Теклы и возжелал уничтожить меня, не причиняя бесчестия нашей гильдии. Что ж, хорошо. Я буду драться, и, возможно, одолев противника, заставлю их передумать. Если же умру… Пусть; это будет только справедливо.

— Другого меча, кроме этого, я не знаю, — сказал я, вспомнив тонкий клинок Водалуса.

— Тебе не придется драться на мечах. Меч лучше всего оставь пока мне.

— Абсолютно исключено. Лавочник снова вздохнул.

— Я вижу, ты ничего не знаешь о таких делах, однако намерен сегодня, с наступлением сумерек, драться насмерть. Что ж, ты — мой покупатель, а я не бросаю своих покупателей в беде. Тебе нужна накидка… — Он удалился в заднюю комнату и вскоре вернулся с одеянием цвета сухих листьев. — Держи. Примерь эту. Если подойдет — с тебя четыре орихалька.

Накидка столь свободного покроя могла бы подойти кому угодно, если б только не оказалась слишком длинна или коротка. По-моему, он запросил лишку, однако я заплатил и, обрядившись

в свое приобретение, сделал еще один шаг к тому, чтоб стать актером — похоже, весь этот день задался целью вынудить меня пойти на сцену. Впрочем, к тому времени я, сам того не зная, уже успел сыграть великое множество ролей…

— Ну что ж, — заговорил лавочник, — сам я не могу бросить торговлю, но пошлю с тобой сестру — она поможет тебе добыть аверн. Она часто ходит на Кровавое Поле, и, вероятно, сможет также преподать тебе кое-какие начатки боевых навыков.

— Тут кто-то поминал обо мне?

Молодая женщина, встреченная мной на улице, вошла в лавку сквозь темный проем двери, ведшей в заднюю комнату. Она была так похожа на брата, что я был уверен: передо мною — близнецы. Вот только тонкая кость и деликатность черт, так шедшая ей, совершенно не подходили ее брату. Какое-то время он, должно быть, объяснял ей, какая напасть приключилась со мной — не знаю, я не слышал. Я смотрел только на нее.

Продолжаю писать. С тех пор как были начертаны строки, которые вы прочли мгновением раньше, прошло Довольно много времени (я дважды слышал, как сменялся караул за дверями моего кабинета). Не знаю, стоит ли описывать все

эти сцены так подробно — может статься, они ни для кого, кроме меня, не представляют интереса. Мне нетрудно восстановить в памяти все до мелочей: вот я вижу лавку и вхожу в нее; вот офицер Серпентрионов вызывает меня на поединок; вот лавочник посылает сестру помочь мне сорвать ядовитый цветок… Множество утомительных дней провел я за чтением жизнеописаний моих предшественников, и почти все они представляют собою подобные отчеты-дневники. Вот, например, об Имаре:

«Переодевшись, отправился он в поля, где нашел муни, предававшегося медитации под платаном. Автарх присоединился к нему и сидел так, спиною к стволу, пока не начал Урс затмевать солнце. Промчались мимо воины под развевавшимся стягом, проехал торговец на муле, шатавшемся под тяжестью кошелей с золотом, прекрасная женщина проехала в паланкине, несомом евнухами, и, наконец, пробежал по пыльной дороге пес. Тогда поднялся Имар и пошел следом за псом тем, смеясь».

Если анекдот сей правдив, объяснить его смысл легче легкого: Автарх наглядно показал, что отвергает бездеятельность по собственному желанию, а не ради мирских соблазнов.

Но вот, например, у Теклы наверняка было много учителей, каждый из которых объяснил бы данный факт по-своему. Второй мог бы сказать, что Автарх устоял перед тем, что влечет к себе обычных людей, но перед своей любовью к охоте оказался бессилен.

Третий заявил бы, что Автарх своим поступком выказал презрение к муни, который хранил молчание, хотя мог бы сеять знание и пожинать плоды просвещения. Таким образом, Автарх не мог уйти, когда дорога была пуста, ибо одиночество есть великий соблазн для мудрых. Не мог он уйти и за солдатами, богатым торговцем или женщиной, ибо все то, что воплощено в них, жаждет непросвещенный, и муни просто счел бы его одним из таковых.

Четвертый сказал бы, что Автарх предпочел пса неподвижному муни оттого, что пес шел вперед и шел в одиночестве, тогда как солдаты ехали в окружении товарищей, у торговца был мул, а у мула — торговец, а при женщине состояли ее рабы.

Но чему же смеялся Имар? Кто может объяснить это? Быть может, торговец следовал за солдатами, чтобы скупить их трофеи, а после — перепродать с выгодой? Быть может, женщина следовала за

купцом, чтобы продать жар своих губ и бедер? Принадлежал ли пес к охотничьей породе или же был из тех коротколапых собачонок, которых женщины держат при себе и которые докучают всем тявканьем, если их перестать гладить? Кто может знать это теперь? Имар давно мертв, и память о нем, жившая когда-то в крови его преемников, тоже давно мертва.

Если так, со временем поблекнет память и обо мне. В одном я уверен: среди всех этих объяснений поведения Имара ни одно не верно. Истинное же, каким бы оно ни было, гораздо проще и тоньше. Вот обо мне могут спросить: отчего я, никогда в жизни не имевший настоящего товарища, принял в товарищи сестру того лавочника? Кто, прочтя лишь слова «сестра того лавочника», способен понять, отчего я не отверг ее общества? Никто, конечно же.

Я уже говорил, что не могу объяснить своего влечения к ней, и это правда. Я любил ее любовью отчаянной и ненасытной. Я чувствовал, что вдвоем мы можем совершить нечто столь ужасное, что мир, глядя на нас, найдет деяние наше неотразимым.

Чтобы узреть тех, кто ждет нас за бездной смерти, не нужно никакого разума — каждому

ребенку знакомы эти фигуры — в ореоле славы, мрачной либо сияющей ослепительной белизной, облеченные властью, что древнее самого мироздания. Они являются к нам в первых снах и в последних предсмертных видениях. Мы не ошибаемся, чувствуя, что именно они управляют нашей жизнью, как не ошибаемся и в том, сколь мало мы заботим их, зодчих невообразимого и воинов в битвах за гранью всего сущего.

Трудность — в том, чтобы понять, что и в самих нас заключены столь же великие силы. Вот человек говорит:

«Я хочу» или «Я не хочу» — и полагает (хотя каждый день повинуется приказам каких-нибудь совершенно прозаических личностей), будто он — сам себе господин. Истина же — в том, что настоящие наши хозяева спят. Порой кто-нибудь из них просыпается в нас и принимается править нами, словно лошадьми, хотя наездник сей до пробуждения был всего лишь какой-то частицей нашего существа, неведомой нам самим.

Возможно, этим и объясняется анекдот из жизни Имара. Как знать?

Одним словом, я позволил сестре лавочника помочь мне привести в порядок накидку. Она плотно стягивалась у горла, а по бокам имела

прорези для рук; таким образом, мой плащ цвета сажи был под нею не виден, а «Терминус Эст», отстегнутый от перевязи, вполне мог сойти за посох — ножны его закрывали большую часть гарды и заканчивались наконечником из темного железа.

То был единственный раз в моей жизни, когда я прятал наше гильдейское облачение под обычной одеждой. Некоторые говорили, будто в таких случаях чувствуешь себя крайне глупо, неважно, удалось остаться не узнанным или нет. Теперь я понял, что они имели в виду. Впрочем, мою накидку вряд ли можно было считать маскировкой. Такие накидки давным-давно были изобретены пастухами, носящими их и до сих пор. В те дни, когда здесь, в холодных южных краях, начались войны с асцианами, от пастухов их переняли военные. После этого практичность одежды, которую без труда можно превратить в более-менее сносную небольшую палатку, оценили паломники и бродячие проповедники. Упадок веры, без сомнения, здорово повлиял на исчезновение таких накидок в Нессусе, где я ни разу не видел другой такой, кроме моей собственной. Знай я о них больше в тот момент, когда купил свою в лавке тряпичника, приобрел бы к ней и мягкую

широкополую шляпу. Однако я ничего такого тогда не знал, да еще сестра лавочника сказала, что из меня вышел замечательный паломник. Сказала она это, конечно же, не без насмешки — без нее она, казалось, просто не могла, но я был так. озабочен собственной внешностью, что ничего не заметил и сказал ей с братом, что хотел бы знать о религии больше.

Оба они улыбнулись, и лавочник сказал:

— Если будешь начинать беседу с этого, с тобой никто не станет говорить о религии. Кроме того, ты вполне можешь заработать репутацию славного малого, нося эту накидку и воздерживаясь от религиозных бесед. А если привяжется человек, с которым ты не хочешь разговаривать вовсе — начинай клянчить подаяние.

Вот так я стал — по крайней мере, с виду — пилигримом, совершающим паломничество в один из дальних храмов на севере. Кажется, я уже говорил о том, как время превращает ложь в истину?

Глава 18
Разрушение алтаря

Пока я был в лавке тряпичника, снаружи не осталось и намека на утреннюю тишь. Улица была полна грохота копыт и колес: стоило нам с сестрой лавочника выйти за порог — высоко над нашими головами со свистом пронесся флайер, лавируя меж шпилей и башенок. Подняв взгляд вовремя, я даже смог разглядеть его — блестящий и обтекаемый, точно капля дождя на оконном стекле.

— Наверное, тот самый офицер, что вызвал тебя, — заметила моя спутница. — Возвращается в Обитель Абсолюта. Гиппарх Серпентрионов — так Агилюс говорил?

— Твой брат? Да, что-то подобное… А как зовут тебя?

— Агия. Значит, о мономахии ты не знаешь ничего, и тебя нужно обучить. — Что ж, Ипогеон тебе в помощь! Для начала нам следует отправиться в Ботанические Сады и добыть тебе аверн. У тебя хватит денег нанять фиакр?

— Наверное, хватит. Если без этого не обой-

тись.

— Ну, значит, ты и впрямь не переодетый армигер! Значит, ты в самом деле… тот, кем назвался.

— Да, палач. Когда мы встречаемся с этим гиппархом?

— Не раньше наступления сумерек. В это время раскрываются цветы аверна, и на Кровавом Поле начинаются поединки. Времени у нас полно, но все равно не стоит тратить его зря. Нужно достать аверн и показать тебе, как им пользуются. — Она махнула кучеру обгонявшего нас фиакра, запряженного парой онагров. — Ты хоть понимаешь, что наверняка будешь убит?

— Судя по твоим словам, все идет к этому.

— Исход поединка практически предрешен, поэтому о деньгах можешь не беспокоиться.

Агия шагнула прямо на мостовую (сколь тонки были черты ее лица, как грациозна фигура!), на миг застыв с поднятой рукой, точно статуя какой-то неизвестной пешей женщины. Я думал, она собирается погибнуть под колесами! Фиакр остановился совсем рядом, норовистые онагры заплясали перед нею, точно сатиры перед вакханкой, и она села в повозку. Несмотря на легкость ее тела, крохотный экипаж накренился. Я сел рядом с ней, тесно прижавшись бедром к ее бедру. Кучер

оглянулся на нас.

— К Ботаническим Садам, — сказала Агия, и фиакр помчался вперед. — Значит, смерть тебя не волнует. Занятно!

Я ухватился за спинку кучерского сиденья.

— Что в этом особенного? На свете, должно быть, тысячи — а может, и миллионы — людей, подобных мне. Эти люди привыкают к смерти, считая, что настоящая и вправду стоящая часть их жизни — уже в прошлом.

Солнце только-только поднялось к самым высоким шпилям; свет его залил мостовую, превратив пыль в красное золото и настроив меня на философский лад. В книге, хранившейся в моей ташке, имелось повествование об ангеле (возможно, на самом деле то была одна из тех крылатых воительниц, что, по слухам, служат Автарху), сошедшем на Урс по каким-то своим делам, который был поражен случайно попавшей в него стрелой, выпущенной ребенком из игрушечного лука, и умер. Сияющие одежды его сплошь окрасились кровью, точно улицы в свете заходящего солнца, и тогда он встретился с самим Гавриилом В одной руке архангела сверкал меч, в другой — огромная двуглавая секира, а за спиной висела на перевязи из радуги та самая труба, что

однажды созовет на битву Воинство Небесное.

— Камо грядеши, малыш? — спросил Гавриил. — И почему грудь твоя красна, точно у малиновки?

— Я убит, — отвечал ангел, — и возвращаюсь к Панкреатору, дабы в последний раз слиться с ним.

— Что за вздор? Ты не можешь умереть, ибо ты — ангел, бесплотный дух!

— И все же я мертв, — сказал ангел. — Ты видишь кровь мою — отчего же не замечаешь, что не бьет она больше струей, но лишь вытекает по капле? Взгляни, сколь бледен лик мой! Разве не теплым и светлым должно быть прикосновение ангельское? Коснись десницы моей — и ощутишь, что хладна она, точно рука утопленника, извлеченного из болота! Обоняй дыхание мое — разве не зловонно оно, разве не гнилостно?

Ничего не ответил Гавриил.

— Брате мой, — сказал тогда ангел, — хоть и не веришь ты свидетельствам смерти моей, молю: оставь меня, и я избавлю от себя мироздание!

— Отчего же, я верю тебе, — отвечал Гавриил, освобождая путь ангелу. — Я лишь задумался: ведь, знай я прежде, что мы можем быть повержены, вовсе не был бы всегда столь отчаянно

храбр!

— Я чувствую себя, точно архангел из той истории, — сказал я Агии. — Знал бы, что жизнь может кончиться так легко и быстро — наверное, поостерегся бы. Знаешь эту легенду? Но теперь уже все решено, этому не поможешь ни словом, ни делом. Значит, сегодня вечером тот Серпентрион убьет меня… чем? Растением? Цветком? Я перестаю понимать, что происходит! Совсем недавно я полагал, что без особых помех доберусь до городка под названием Траке, где — уж как получится — проживу всю жизнь. Но уже вчера ночью мне пришлось делить комнату с великаном… Одно фантастичнее другого!

Она не ответила, и через некоторое время я спросил:

— Что это там за здание? Вон то, с пунцовой крышей и разветвленными колоннами? И, кажется, там толкут гвоздику в огромной ступе — по крайней мере, пахнет даже здесь.

— Монастырская трапезная. А ты хоть знаешь, как пугающе выглядишь? Когда ты вошел к нам в лавку, я поду. мала: вот, еще один молодой армигер, вырядившийся шутом гороховым. А потом, когда поняла, что ты и вправду палач, решила: ну и что ж, парень как парень, хоть и палач…

— Ну да, парней ты, надо думать, знала во множестве. Сказать правду, я надеялся, что так оно и есть. Мне хотелось, чтобы она была опытнее меня; чтобы, хоть я ни на миг не воображал себя таким уж невинным и чистым, она все же оказалась менее невинна и чиста, чем я сам.

— Но в тебе есть нечто большее. У тебя лицо человека, который со дня на день унаследует два палатината и какой-нибудь неведомый мне остров — и манеры сапожника. Когда ты сказал, что не боишься умереть, ты в самом деле был уверен в этом, и из-за этой уверенности действительно как бы не боишься смерти — разве что где-то в самой глубине души… И ведь тебя ничуть не затруднит отрубить голову, скажем, мне — верно?

Улица вокруг нас кипела и бурлила. Мостовую запрудили машины, экипажи с колесами и без, влекомые разнообразным тягловым скотом и рабами, пешеходы, всадники на дромадерах, волах, метаминодонах и лошадях. С нами поравнялся открытый фиакр — почти такой же.

— Мы вас. обставим! — крикнула Агия сидевшей в нем паре, перегнувшись через борт.

— Докуда? — крикнул в ответ мужчина. Я с удивлением узнал в нем сьера Рахо, с которым встречался однажды, когда был послан за книга-

ми к мастеру Ультану.

Я схватил Агию за руку:

— Ты с ума сошла? Или это он рехнулся?

— До Ботанических Садов! Ставим хризос! Их фиакр рванулся вперед, оставив нас позади.

— Быстрее! — крикнула Агия кучеру. — Кинжала у тебя нет? Хорошо бы кольнуть его в спину, чтобы потом мог сказать, будто гнал под угрозой смерти.

— Зачем все это?

— Проверка! Сам по себе твой костюм не обманет никого, но все думают, будто ты — переодевшийся для забавы армигер. И я это только что наглядно доказала. (Фиакр наш, сильно накренившись, обогнал телегу, груженную песком.) Кроме того, мы выиграем. Я знаю этого кучера, и упряжка у него свежая. А тот, другой, возил эту шлюху полночи.

Тут я понял, что в случае нашей победы Агия будет считать выигрыш своим, а в случае проигрыша та женщина потребует с Рахо мой (несуществующий) хризос. И все-таки — как приятно было бы оконфузить его! Стремительная езда и близость смерти (я не сомневался, что в самом деле погибну от рук гиппарха) сделали меня беззаботнее, чем когда-либо за всю мою жизнь. Я

обнажил «Терминус Эст» и, благодаря длине его клинка, легко смог дотянуться до онагров. Бока их уже были мокры от пота, и небольшие ранки, нанесенные мною, должны были жечь огнем.

— Это получше всякого кинжала, — объяснил я Агии. Толпа шарахалась прочь от бичей возниц. Матери бежали прочь, прижимая к себе детишек, а солдаты вскакивали на подоконники, опираясь на древки копий. Положение благоприятствовало нам: другой фиакр, несшийся впереди, расчищал нам дорогу, да к тому же его заметно задерживали прочие экипажи. Но все же мы нагоняли лишь понемногу, и, чтобы выиграть несколько элей, наш кучер, несомненно, рассчитывавший на солидные чаевые в случае выигрыша, на полной скорости направил онагров вверх по лестнице с широкими ступенями из халцедона. Казалось, мраморные плиты, статуи, колонны и пилястры валом обрушились прямо на нас! Мы проломили живую изгородь высотою с хороший дом, опрокинули тележку с засахаренными фруктами, нырнули под арку, прогрохотали вниз по лестнице, круто свернули в сторону и вновь помчались по улице, так и не узнав, в чей патио ворвались столь бесцеремонно.

Здесь в узкий промежуток между нашими эки-

пажами затесалась тележка пекаря, запряженная овцой. Огромное заднее колесо нашего фиакра зацепило ее — свежевыпеченные булки так и брызнули на мостовую! Толчок швырнул Агию прямо на меня, и ощущение оказалось столь приятным, что я обнял ее и удержал в новом положении. Прежде я часто сжимал в объятиях тела женщин — Теклы и наемных шлюх из города. Но в этом объятье была новая горьковатая сладость, порожденная мучительным влечением к Агии.

— Хорошо, что ты сделал это, — шепнула она мне на ухо. — Терпеть не могу мужчин, которые меня хватают. С этими словами она покрыла мое лицо поцелуями. Кучер оглянулся на нас с победной ухмылкой, предоставив упряжке самой выбирать дорогу:

— Вот так! Еще сотня элей — и мы их сделали!

Круто свернув, фиакр вырвался на узкую дорожку меж двух рядов густого кустарника, и оказался прямо перед стеной огромного здания. Кучер изо всех сил натянул вожжи, но было поздно. Мы въехали в стену, и она разошлась перед нами, словно мираж. За ней оказалось громадное, мрачное помещение, где отчего-то сильно пахло сеном. Впереди был украшенный множеством голубых огоньков алтарь в виде ступенчатой

пирамиды размером с добрый коттедж. Увидев его, я тут же понял, отчего видно его так хорошо: кучера сшибло с облучка или, может, он спрыгнул сам. Агия завизжала.

На полном ходу врезались мы в алтарь! Хаос, последовавший за столкновением, невозможно описать. Казалось, все вокруг кружилось в воздухе, сталкиваясь, но попадая — все это сравнимо лишь с хаосом, царившим до сотворения мира. Почва словно бы прыгнула вверх и ударила меня всею своею массой. В ушах загудело.

Я не выпускал из рук «Терминус Эст», пока летел по воздуху, но после падения его уже не было при мне. Я хотел подняться и отыскать его, но обнаружил, что не могу — не хватало сил даже сделать вдох. Где-то вдали закричали. Повернувшись набок, я собрался с силами и вес же-с неимоверным трудом — встал.

Похоже, мы оказались примерно в центре помещения, размерами не уступавшего Башне Величия, однако совершенно пустого — ни внутренних стен, ни лестниц, ни какой-либо мебели. Сквозь золотистую пыль, клубящуюся в лучах света, я разглядел накренившиеся столбы из крашеного дерева. В чейне — или даже больше — над нашими головами виднелись светильники, ка-

завшиеся лишь крохотными светлыми точками. Высоко над ними ветер, которого я не чувствовал, трепал и раздувал разноцветную крышу.

Под ногами моими — и повсюду вокруг, точно на поле какого-нибудь титана после сбора урожая — лежала солома, усеянная досками, из которых был собран алтарь. Обломки дерева были обиты листовым золотом и украшены бирюзой и аметистами. Повинуясь смутным мыслям о том, что меч нужно найти, я побрел вперед и почти сразу же наткнулся на разбитый фиакр. Рядом лежал один из онагров — я, помню, подумал, что он, должно быть, сломал себе шею.

— Палач! — позвал кто-то.

Оглянувшись, я увидел Агию, кое-как держащуюся на ногах, и спросил, цела ли она.

— Жива — и на том спасибо. Но отсюда надо уходить поскорее. Онагр мертв? Я кивнул.

— Жаль, я могла бы сесть на него верхом. А так тебе придется, если сможешь, нести меня. Нога вряд ли выдержит…

С этими словами она сделала шаг ко мне — пришлось прыгнуть к ней, чтобы вовремя удержать от падения.

— Идем, — сказала она. — Оглядись… видишь где-нибудь выход? Скорее! Выхода я не видел.

— Но куда нам так спешить?

— Если уж ослеп и не видишь пола, то хоть принюхайся!

Принюхавшись, я почувствовал запах не просто соломы, но — соломы горящей. Почти тут же увидел я и огонь — язычки пламени, явно только что разгоревшегося из искр, весело плясали в полумраке. Я рванулся бежать, однако ноги почти не слушались.

— Где мы?

— В Соборе Пелерин — некоторые еще называют его Храмом Когтя. Пелерины — это шайка жриц, странствующих по континенту. Они никогда не…

Агия запнулась — мы шли прямо к группе людей в алых одеждах. Или, может быть, это они шли к нам, так как неожиданно оказались совсем близко. Бритоголовые мужчины были вооружены кривыми, точно молодой месяц, блестящими ятаганами, а высокая, точно экзультантка, женщина держала в руках двуручный меч в ножнах — мой «Терминус Эст», Одета она была в длинный узкий плащ с капюшоном и длинными султанами позади.

— Наши лошади понесли, Святейшая Домницелла… ~ начала Агия.

— Это неважно, — оборвала ее женщина, державшая в руках мой меч.

Она была поразительно красива — но не той красотой, что возбуждает желание.

— Это принадлежит мужчине, несущему тебя. Вели ему поставить тебя на ноги и взять это. Ты можешь идти и сама.

— С трудом. Делай, как она говорит, палач.

— Ты не знаешь его имени?

— Он называл, но я забыла.

— Северьян, — сказал я, поддерживая Агию одной рукой, а другой принимая меч.

— Пусть он в руце твоей прекращает свары, — сказала женщина в алом, — но отнюдь не начинает их.

— Солома на полу этого огромного шатра горит. Тебе известно об этом, шатлена?

— Огонь будет погашен. Сестры и наши слуги уже затаптывают угли. — Она помолчала, быстро взглянув на меня, и снова обратилась к Агии:

— Среди обломков уничтоженного вами алтаря мы нашли лишь одну вещь, принадлежащую вам и, видимо, дорогую для вас. Вот этот меч. Мы вернули его вам. Не хотите ли и вы вернуть нам то, что могли найти среди обломков, и что может быть для нас дорого?

Я вспомнил об аметистах.

— Я не нашла ничего ценного, шатлена. — Агия молча покачала головой, и я продолжал:

— Там были обломки дерева, украшенного драгоценными камнями, но я не тронул их.

Бритоголовые мужчины поигрывали эфесами ятаганов и явно рвались в бой, но высокая женщина не двигалась с места. Она окинула взглядом меня, затем — Агию.

— Подойди ко мне, Северьян.

Я сделал шага три вперед, изо всех сил противясь соблазну выхватить из ножен «Терминус Эст», дабы хоть оборониться от клинков бритоголовых. Хозяйка их, взяв меня за запястья, заглянула мне в глаза. Взгляд ее глаз был спокоен, странно светел и тверд, точно то были не глаза, но бериллы.

— На нем нет вины, — сказала она.

— Ты ошибаешься, Домницелла, — пробормотал один из бритоголовых.

— Невиновен, говорю я! Отойди, Северьян, пусть вперед выйдет женщина.

Я сделал, как было сказано, и Агия с трудом сделала шаг к женщине в алом. Та, видя, что другого шага Агии не сделать, сама приблизилась к ней и взяла ее за запястья — так же как и меня. Взгля-

нула ей в глаза, оглянулась на другую женщину, стоявшую за спиной одного из бритоголовых… Прежде чем я успел понять, что происходит, двое вооруженных ятаганами, подступив к Агии, через голову сорвали с нее платье.

— Ничего нет. Великая Мать, — сказал один из них.

— Наверное, настал тот день. Пророчество сбылось. Агия, прикрыв грудь руками, шепнула мне:

— Эти Пелерины — сумасшедшие. Об этом все знают: будь у нас больше времени, я бы предупредила тебя.

— Верните ее тряпье, — распорядилась высокая женщина. — Коготь никогда не исчезал из памяти живущих, но сейчас покинул нас собственной волею. Препятствовать этому невозможно и непозволительно.

— Великая Мать, быть может, мы еще отыщем его среди обломков, — негромко сказала одна из женщин.

— И разве они не заплатят за содеянное? — прибавила вторая.

— Позволь нам убить их, — заропотали бритоголовые. Высокая женщина словно и не слышала их. Она уже шла прочь, и ноги ее, казалось, лишь слегка касались выстеленного соломой пола.

Прочие женщины, переглянувшись, последовали за ней. Мужчины, опустив сверкающие клинки, отступили. Агия не без труда оделась. Я спросил у нее, что такое Коготь и кто такие эти Пелерины.

— Выведи меня отсюда, Северьян, и я тебе все объясню. Разговоры о них в их собственном жилище ни к чему. хорошему не приведут. Что там, в стене, — прореха?

Увязая в мягкой соломе, мы пошли в указанном ею направлении. Прорехи в стене не оказалось, но я сумел приподнять край шелковой ткани шатра и выбраться наружу.

Глава 19
Ботанические Сады

Солнечный свет ослеплял; мы словно шагнули из вечерних сумерек в ясный полдень. В воздухе возле шатра до сих пор кружились, медленно падая на землю, золотистые соломинки.

— Вот так-то лучше, — сказала Агия. — Остановись; надо понять, где мы. Пожалуй, где-то справа от нас — Ацамнианская Лестница. Кучер вряд ли рискнул бы спускаться прямо по ней — хотя с него сталось бы, чего доброго. Она приведет нас к Садам кратчайшим путем. Дай руку, Северьян, моя нога еще не совсем прошла.

Мы ступили на траву, и тогда я увидел, что огромный шатер-храм установлен на обширном лугу среди богатых особняков; колеблющиеся на ветру колокольни возвышались над толстыми каменными оградами. Луг был окружен широкой дорожкой, вымощенной булыжником, и, когда мы добрались до нее, я снова спросил, что представляют собою Пелерины.

Агия искоса взглянула на меня.

— Прости, но мне нелегко говорить о профес-

сиональных девственницах с мужчиной, только что видевшим меня обнаженной. В других обстоятельствах все могло бы быть иначе. — Она глубоко вздохнула. — На самом-то деле я мало знаю о них. В нашей лавке имеются и их одежды, и как-то я спросила брата о них и внимательно выслушала ответ. Эти красные балахоны — весьма популярные маскарадные костюмы.

В общем, как ты уже понял и сам, это — довольно известный религиозный орден. Алый цвет символизирует свет, низвергаемый на землю Новым Солнцем, а сами Пелерины низвергаются на землевладельцев, странствуя по континенту со своим храмом и самовольно устанавливая его, где пожелают. Орден их, как сами они говорят, владеет самой ценной реликвией мироздания, Когтем Миротворца, и поэтому алый цвет может символизировать и Раны, От Когтя Причиненные.

— Вот не знал, что у него были когти, — заметил я, желая сострить.

— Не настоящий коготь. Говорят, это — драгоценный камень. Ты наверняка слышал о нем. Я не понимаю, отчего его называют Когтем; это вряд ли знают и сами Пелерины. Но — сам понимаешь, сколь важна реликвия, имеющая прямое отноше-

ние к Миротворцу! В конце концов современное знание о нем — чисто исторического характера. То есть мы либо признаем, либо отрицаем, что он когда-то, в далеком прошлом, вступал в контакт с нашей расой. Если Коготь — на самом деле то, чем его объявляют Пелерины, Миротворец в самом деле когда-то жил, хотя к настоящему времени мог и умереть.

Изумленный взгляд встречной женщины, несшей в руках цимбалы, подсказал мне, что накидка, приобретенная у брата Агии, распахнулась, открыв для всеобщего обозрения мой гильдейский плащ цвета сажи (наверняка показавшийся бедной женщине этаким сгустком тьмы). Поправив накидку и застегнув фибулу, я сказал:

— Чем больше размышляешь над любым религиозным аргументом, тем меньше становится его значимость. Допустим, Миротворец вправду жил среди нас зоны назад, а теперь он мертв. Для кого это имеет значение, кроме историков и религиозных фанатиков? Мне дорога легенда о нем, как часть нашего сокровенного прошлого, но для современности имеет какое-либо значение только эта легенда, а никак не прах Миротворца!

Агия потерла ладонь о ладонь, словно стараясь

согреть руки в солнечных лучах.

— Если он… Северьян, здесь нужно свернуть за угол, и покажется лестница — вон там, где статуи эпонимов… Если он существовал, он, по определению, был Всемогущим Властителем. Что означает неограниченную власть над реальностью, включая сюда и время. Верно?

Я кивнул.

— А если так, ничто не препятствует ему переместиться из прошлого, скажем, трехсотлетней давности в ту временную точку, которую мы с тобой называем настоящим. Мертвый ли, живой; если он когда-либо существовал, то может находиться всего в квартале — или в паре дней — от нас.

Мы добрались до верхней площадки лестницы. Ступени ее, вытесанные из камня, белого, как соль, были порой широки и пологи, порой же — круты, будто трап. Там и сям расставлены были на них лотки кондитеров, продавцов обезьян и прочих торговцев в том же роде. Отчего-то было очень приятно, спускаясь по этим ступеням, беседовать с Агией о тайнах мироздания, и я сказал:

— И все — из-за каких-то женщин, заявляющих, будто они владеют одним из его когтей! Надо полагать, и без чудесных исцелений там не

обходится?

— Они говорят, что случается и такое. А еще Коготь может залечивать раны, оживлять умерших, сотворять из глины новые виды живых существ, помогать унимать похоть и так далее. Все то, на что был способен сам Миротворец.

— Это ты надо мною смеешься?

— Нет, я смеюсь в лицо солнцу. Ты ведь знаешь, что оно делает с лицами женщин?

— Да, оно делает их смуглыми.

— Оно уродует нас! Начать с того, что лучи солнца сушат кожу, отчего на ней появляются морщины! Вдобавок они освещают и выставляют всем напоказ любой изъян — даже самый мелкий. Помнишь, как Урваши любила Пуруравaса, пока не увидела его в ярком свете солнца? А я чувствую его лучи на своем лице и думаю: «Мне плевать на тебя! Я еще достаточно молода, чтобы обращать на тебя внимание, а на будущий год подберу себе в нашей лавке широкополую шляпу!» В ярких солнечных лучах лицу Агии в самом деле было далеко до совершенства, однако ей нечего было бояться. Недостатки ее лишь пуще разжигали мое вожделение. Она обладала тем самым — безнадежным и в то же время исполненным надежд мужеством, что свойственно бедным и, пожалуй,

привлекательней, чем все прочие человеческие качества. Изъяны Агии только придавали ей осязаемости.

— Признаться, — продолжала она, сжав мою руку, — я никогда не понимала, отчего люди наподобие этих Пелерин всегда думают, будто обычному человеку непременно нужно помогать унимать похоть. Мой опыт показывает, что обычные люди и сами неплохо с этим справляются, причем — каждый день. Нужно лишь найти себе кого-нибудь под пару…

— Значит, тебе не все равно, люблю ли я тебя? Это было шуткой разве что наполовину.

— Любая женщина хочет, чтобы ее любили, и чем больше мужчин любит ее, тем лучше! Но — тебе я вряд ли отвечу взаимностью, если ты об этом. Все вышло бы очень легко — после таких прогулок по городу. Но если тебя вечером убьют, ночью мне будет очень плохо.

— Мне тоже, — сказал я.

— Ничего подобного! Тебе уже будет наплевать на все. Мертвому не больно — тебе это должно быть известно лучше, чем любому прочему!

— Я почти склонен считать, что всю эту заваруху устроила ты или твой брат. Когда пришел Серпентрион, ты была снаружи — может, это ты

сказала ему что-нибудь, чтобы настроить против меня? Может, он — твой любовник?

Агия рассмеялась.

— Взгляни на меня! Да, платье мое из парчи, но что под ним — ты видел. Я хожу босиком. Есть ли на мне кольца или серьги? Или серебряная ламия на шее? Или золотые браслеты на запястьях? Нет? Тогда можешь быть Уверен, что я не кручу любовь с офицером Дворцовой Стражи! Ко мне навязывается в сожители только один старый моряк, уродливый и бедный. Мы с Агилюсом существуем лишь за счет нашей лавки. Она оставлена нам матерью, и не заложена только потому, что не сыскалось в городе человека, достаточно глупого, чтобы дать под нее что-нибудь. Порой мы раздираем что-нибудь из товара в лоскуты, продаем их тем, кто делает бумагу, и нам хватает на миску чечевицы…

— Ну, сегодня вечером ты наешься досыта, — заметил я. — Я хорошо заплатил твоему брату за эту накидку.

— Ка-ак? — Похоже, к Агии вернулось шутливое настроение; она отступила на шаг и, разинув рот, изобразила крайнюю степень изумления. — Ты не собираешься угостить меня ужином? И это — после того, как я потратила целый день, чтобы

научить тебя уму-разуму?

— И попутно втравила меня в историю с этим алтарем.

— Мне жаль, что так вышло, правда! Я подумала, что твоим ногам лучше как следует отдохнуть перед боем. А тут появилась та парочка — и я решила, что это для тебя неплохой шанс заработать…

Отведя от меня взгляд, она повернулась к одному m бюстов, украшавших лестницу.

— Все затевалось только ради этого? — спросил я.

— Сказать правду, мне хотелось, чтобы все приняли тебя за армигера. Армигеры часто расхаживают по улицам в странной одежде — когда идут на турнир или на пик ник. И лицо у тебя подходящее. Я ведь и сама приняла тебя за армигера, когда ты подошел к лавке. И уж решила что мной вполне может заинтересоваться какой-нибудь армигер или даже незаконный сын экзультанта — nonoь хотя бы в шутку… Ну, откуда мне было знать, что так выйдет?

— Понятно… — Внезапно меня одолел смех. — Однако глупо же мы, наверное, выглядели, когда неслись в этом фиакре!

— Если понял это, поцелуй меня!

Я окаменел от удивления.

— Ну же! Много ли шансов осталось у тебя? А я дам тебе все, чего захочешь… — Она умолкла и вдруг рассмеялась тоже. — Быть может, после ужина, если сумеем найти уединенное местечко… Хотя — перед боем, наверное, лучше не стоит.

Она обняла меня и потянулась к моим губам. Груди ее оказались упруги и высоки; бедра прижались к моим.

— Вот так… — Она оттолкнула меня. — Взгляни, Северьян! Видишь — там, между пилонами?..

Там, внизу, блестела, словно зеркало, поверхность воды.

— Река.

— Да, это Гьолл. Теперь — налево. Остров трудно разглядеть — слишком много ненюфар, но там трава должна быть ярче и светлее. Видишь, стекло сверкает на солнце?

— Что-то такое вижу. Это здание — целиком из стекла? Агия кивнула.

— Это и есть Ботанические Сады. Там ты сорвешь себе аверн — нужно лишь потребовать это как полагающееся по праву.

Дальше мы спускались молча. Адамнианская Лестница, змеей петлявшая по склону холма, очевидно, была популярным (Местом для про-

гулок — я видел множество прекрасно одетых пар, мужчин с отметинами былой бедности на лицах, шумно резвящихся детей… Над противоположным берегом Гьолла темнели, навевая печаль, башни Цитадели. Увидев их в третий или четвертый раз, я вспомнил, как мальчишкой, купаясь у восточного берега, ныряя с уходящих в воду ступеней и воюя с ребятней из окрестных кварталов, раз или два замечал тонкую белую змейку на склоне далекого, едва различимого глазом холма за рекой…

Ботанические Сады находились на острове у самого берега, в здании, целиком выстроенном из стекла (никогда прежде не видел ничего подобного — не знал даже, что такое вообще возможно). Ни башен, ни бойниц — лишь многогранные купола, уходящие вверх и пропадающие в небе, оставляя за собою лишь блики в тех местах, где тонкие, изящные лесенки соединялись с листами стекла. Я спросил у Агии, успеем ли мы посмотреть сады, но тут же, не дожидаясь ответа, объявил, что хочу видеть их в любом случае. Честно говоря, я вовсе не опасался опоздать на свидание с собственной смертью и к тому же не мог относиться серьезно к поединку на цветках вместо оружия.

— Если тебе угодно провести свой последний день в Садах — что ж, так тому и быть, — ответила Агия. — Сама-то я часто бываю здесь. Вход бесплатный — Сады состоят на попечении Автарха. Какое-никакое, а — развлечение, если не страдаешь чрезмерной брезгливостью.

Мы поднялись по лестнице из светло-зеленого стекла. Я спросил, вправду ли такая громадина возведена только ради цветов и фруктов.

Она покачала головой, рассмеялась и направилась вперед, к широкой арке.

— По обеим сторонам этого коридора устроены залы, и в каждом из них — свой мир. Помни, что коридор короче самого здания, и потому — чем дальше углубляешься в зал, тем он шире. Некоторых это сбивает с толку.

Мы вошли внутрь. В коридоре царила тишина — так было, наверное, в утро мира, в начале времен, еще до того, как первые мужчины рода человеческого научились ковать медные гонги, строить скрипучие повозки и бороздить Гьолл многовесельными ладьями. Воздух — сырой, напоенный множеством ароматов — был заметно теплее, чем снаружи. Стены и плиты пола тоже были сделаны из стекла, но — столь толстого, что взгляд почти не мог проникнуть сквозь него.

Казалось, будто листья, цветы и даже высокие древа за этими стенами колеблются, словно погребенные в толще воды. На одной из дверей я прочел надпись:

САД СНА — Можете ходить где угодно, — сказал старик, поднявшийся из кресла в углу. — И — сколько угодно. Агия покачала головой.

— Времени у нас — не больше чем на два зала.

— Вы здесь впервые? Новичкам обычно очень нравится Сад Пантомимы.

Неяркие, длинные одежды старика что-то смутно напоминали мне. Я спросил, к какой гильдии он принадлежит.

— К гильдии кураторов. Неужели ты никогда прежде не встречался с кем-нибудь из моих собратьев?

— Встречался дважды.

— Да, нас немного. Но задача наша гораздо важнее, чем думают в обществе, — мы храним то, что ушло. Видел ли ты Сад Древностей?

— Пока — нет.

— Взгляни обязательно! Если это — первый твой визит к нам, советую тебе начать с Сада Древностей. Сотни и сотни вымерших растений, включая и те, которых в природе нет уже десятки миллионов лет!

— А я, — заметила Агия, — видела ту «лиану пурпурную», которой вы так гордитесь, растущей на склоне холма в Квартале Мостильщиков.

Куратор печально покачал головой.

— Нам известно об этом… Боюсь, мы потеряли споры. Одна из панелей крыши треснула, и они разлетелись. — Но печаль исчезла с его морщинистого лица быстро, точно у простолюдина, не привыкшего лелеять свои горести. Он улыбнулся. — Впрочем, ей там скорее всего живется неплохо. Все ее враги давно мертвы, как и хвори, которые исцеляет ее мякоть.

Грохот за спиной заставил меня обернуться. Там двое рабочих вкатывали тележку в одну из дверей, и я спросил, что они делают.

— Там — Песчаный Сад. Кактусы, юкки и прочее в том же роде… Они перестраивают его. Боюсь, там сейчас особенно нечем полюбоваться.

Я взял Агию за руку:

— Идем. Хочу взглянуть на их работу.

Она улыбнулась куратору, слегка пожала плечами, однако последовала за мной достаточно покорно.

В этом саду не было ничего, кроме песка, из коего местами выглядывали каменные валуны. Казалось, пространству, в котором мы оказались,

нет границ. Оглянувшись, я увидел на месте стены и двери, сквозь которую мы вошли, отвесную скалу. Рядом с дверным проемом змеилось вверх по скале довольно большое растение — наполовину куст, наполовину лоза со страшными, кривыми шипами. Я решил, что это — остатки прежней растительности, которые еще не успели убрать. Других растений в саду не было, как не было и признаков перестройки сада, о которой говорил куратор. Лишь след колес тележки петлял по песку среди валунов.

— Немного же от него осталось, — сказала Агия. — Давай я отведу тебя в Сад Наслаждений!

— Послушай, отчего мне кажется, что я не могу выйти отсюда? Ведь дверь открыта! Агия покосилась на меня.

— Такое чувство рано или поздно возникает у каждого, только обычно не так скоро. Нам лучше выйти.

Она говорила что-то еще, но я не слышал ее. Мне чудилось, будто откуда-то издалека до ушей моих доносит шум волн, бьющихся о край света.

— Подожди… — сказал я.

Но Агия едва ли не силой выволокла меня в коридор, где с наших ног осыпалась добрая пригоршня песку.

— У нас вправду не так уж много времени, — сказала она. — Давай я покажу тебе Сад Наслаждений, а потом сорвем аверн и пойдем.

— Но сейчас разве что середина утра!

— Нет. Уже за полдень. На Песчаный Сад мы потратили больше стражи.

— Вот тут ты наверняка врешь!

На миг лицо Агии вспыхнуло, но гнев тут же сменил елеем философской иронии, источаемым, точно секрция, ее уязвленным самолюбием. Я был гораздо сильнее и, несмотря на всю свою бедность, богаче; и теперь говорила себе (казалось, я даже слышал шепот ее внутреннего голоса), что, проглатывая подобные оскорбления приобретает власть надо мной.

— Северьян, ты все время спорил со мной — в конце концов пришлось вытаскивать тебя оттуда. Сады всегда действуют на людей именно так, особенно на тех, кто больше подвержен внушению. Говорят, Автарх хотел, чтобы каждом саду, дабы подчеркнуть реальность пейзажа, всегда да кто-нибудь был, и потому его архимаг. Отец Инир, наложил на них заклятия. Но, если тебя так привлек этот другие сады вряд ли подействуют столь же сильно.

— Мне казалось, что мое место — там, — ска-

зал я.

Что я встречу женщину… и что она вправду была там, хотя мы и не видели ее.

Мы подошли к еще одной двери. На этой значилось:

САД ДЖУНГЛЕЙ Агия молчала, и я сказал:

— Значит, другие сады не должны действовать так же сильно? Тогда давай зайдем сюда.

— Так мы никогда не доберемся до Сада Наслаждений!

Ее настойчивость порождала во мне страх перед тем, что я могу обнаружить в избранном ею саду или же принести туда с собою.

— Всего лишь на миг.

Тяжелая дверь Сада Джунглей распахнулась, и сад дохнул на нас густо насыщенным испарениями воздухом. Внутри было сумрачно и зелено. Вход заслоняли лианы, а в нескольких шагах от порога лежал поперек тропинки насквозь прогнивший ствол огромного дерева. На коре его каким-то чудом еще держалась маленькая табличка:

«Caesalpinia sappan».

— Настоящие джунгли на севере умирают по мере того, как остывает солнце, — сказала Агия. — Один мой знакомый говорил, что они

умирают так уже многие века. А здесь джунгли сохраняются в том виде, какими они были в древности, когда солнце было еще молодым. Ну, идем — ты хотел взглянуть на них.

Я шагнул через порог. Дверь, захлопнувшись за нами, исчезла.

Глава 20
Зеркала Отца Инира

Я никогда в жизни не видел настоящих джунглей, которые, как сказала Агия, медленно умирали далеко на севере, однако эти, в саду, сразу же показались мне знакомыми. Даже сейчас, сидя за своим письменным столом в Обители Абсолюта, я будто бы слышу доносящие издалека крики того попугая с фуксиновой грудью и ярко-голубой спинкой, что при появлении нашем перелетел с ветки на ветку и неодобрительно покосился на нас окаймленным белыми перышками глазом. Но это, без сомнения, лишь оттого, что мысли мои обратились в прошлое, перенеся меня в тот зачарованный сад. За криком попугая последовал новый звук — точно новый глас из какого-то красного мира, еще не завоеванного мыслью. Я коснулся руки Агии.

— Что это?

— Смилодон. Но он далеко и всего-навсего пугает газелей, чтобы они бросились наутек и попали к нему в зубы. А от тебя с твоим мечом сам удерет быстрее, чем ты мог бы удрать от него.

Платье ее зацепилось за ветку и треснуло, выставив напоказ одну из грудей. Агия заметно помрачнела.

— Куда ведет эта тропинка? И как эта кошка может быть далеко от нас, когда все это — лишь зал в здании, которое мы видели с Адамнианской Лестницы?

— Я никогда не заходила в этот сад слишком глубоко. Это ведь тебе захотелось посмотреть его. Я взял ее за плечо.

— Отвечай на вопрос.

— Если эта тропинка — такая же, как и другие — то есть, как в прочих садах, то она описывает круг и в конце концов приведет нас обратно к выходу. Так что бояться нечего.

— Дверь исчезла, когда я закрыл ее.

— Трюк. Разве ты никогда не видел картин, на которых святые погружены в собственные мысли, когда ты с одной стороны, и таращатся на тебя, если встать с другой? Стоит нам описать круг и вернуться к двери, мы увидим ее.

На тропинку выползла змея. Она подняла головку, взглянула на нас сердоликовыми глазами-бусинами и скользнула в траву. Агия ахнула.

— Ну, кто из нас боится? Разве змея не удрала от тебя быстрее, чем ты могла бы удрать от нее?

А теперь отвечай на вопрос о смилодоне. Он в самом деле далеко? И, если да, как это может быть?

— Не знаю. По-твоему, здесь на все вопросы существует ответ? Ты сам мог бы ответить на любой вопрос о том месте, откуда пришел?

Я вспомнил громаду Цитадели и обычаи нашей гильдии, зародившиеся тысячи лет тому назад.

— Нет. Там, откуда я пришел, многие обязанности и обычаи совершенно непонятны, хотя в наш век, век упадка, они совсем вышли из употребления. Есть там башни, куда никто никогда не ходит, есть забытые залы и коридоры, в которые никто не знает входа…

— Так отчего же ты не можешь понять, что здесь — точно так же? Мог ли ты разглядеть все здание целиком с верхней площадки Адамнианской Лестницы?

— Нет, — согласился я. — Что-то заслоняли пилоны и шпили, да еще угол набережной…

— Но мог ли ты хотя бы оценить его величину? Я пожал плечами.

— Стекло… Границ силуэта здания было почти не различить.

— Тогда зачем задавать такие вопросы? А если уж задаешь, неужели не понимаешь, что я вовсе не обязательно знаю ответ? Рев смилодона

звучал так, точно зверь очень далеко. Возможно, его вообще нет здесь. А может быть, расстояние измеряется не пространством, но временем.

— Глядя на Сады с лестницы, я видел многогранный купол. А теперь, если поглядеть вверх, в просветах меж листьев и лиан видно лишь небо.

— Грани купола очень велики. И края их вполне могут быть укрыты за этими самыми лианами и листьями.

Мы миновали крохотный ручеек, в русле которого нежилась какая-то рептилия с угрожающего вида клыками и шипастой спиной. Опасаясь, как бы она не кинулась к нашим ногам, я вынул из ножен «Терминус Эст».

— Хорошо, — сказал я. — Деревья здесь в самом деле растут густо и заслоняют обзор. Но взгляни на прогалину, по которой течет этот ручей. Вверх по течению, куда хватает взгляда, нет ничего, кроме джунглей. А с другой стороны, вдалеке, поблескивает вода, точно ручей впадает в озеро.

— Я ведь предупреждала, что залы — чем дальше от входа, тем обширнее, и это может сбить с толку. Еще говорят, что стены здесь — из зеркального стекла, и зеркала, отражаясь друг в друге, создают впечатление бескрайних просторов.

— Когда-то я знавал женщину, встречавшуюся

с Отцом Иниром, и она рассказывала историю о нем. Хочешь послушать?

— Ну, расскажи, если есть желание.

Я и в самом деле хотел послушать эту историю еще раз, и потому рассказал ее самому себе, прислушиваясь к ней каким-то укромным уголком сознания и слыша все столь же отчетливо, как и в первый раз, когда руки Теклы, холодные и белые, словно лилии, сорванные с могил в проливной дождь, покоились в моих ладонях.

«Мне, Северьян, было тогда тринадцать лет, и была у меня подруга по имени Домнина — очень милая девочка, выглядевшая лет на пять младше своего возраста. Возможно, поэтому она и стала жертвой его каприза.

Конечно же, ты ничего не знаешь об Обители Абсолюта. Так вот, в одном из залов ее, называемом Залом Смысла, имеются два зеркала, каждое — три-четыре эля в ширину, а высотою — от пола до потолка. Меж ними нет ничего, кроме нескольких дюжин шагов мраморного пола. Другими словами, всякий, идущий по Залу Смысла, видит в них бесчисленное множество собственных отражений. Каждое из зеркал отражает то, что отражается в другом.

Естественно, место это весьма привлекательно

для маленьких, нарядно одетых девочек. Однажды вечером мы с Домниной играли там, вертясь перед зеркалами так и сяк, любуясь своими новыми платьями. У нас были два канделябра; каждый — по левую сторону от одного из зеркал.

Мы были так заняты игрой, что не заметили Отца Инира, пока он не подошел совсем близко. Ты, наверное, понимаешь: в другое время мы, едва завидев его, убежали и спрятались бы, хотя он был вряд ли выше нас ростом.

На нем были переливчатые ризы, казалось, выкрашенные туманом.

— Берегитесь, дети, — сказал он, — ибо любоваться собою таким образом весьма опасно. На свете есть бес, что живет в стекле зеркал и проникает в глаза всякого, засмотревшегося на свое отражение.

Я поняла, что он имеет в виду, и покраснела. Но Домнина сказала:

— Пожалуй, я видела его. Он — словно такая блестящая слеза, верно?

Отец Инир ни на мгновение не замешкался с ответом и даже глазом не моргнул, хотя я видела, что он изумлен.

— Нет, моя сладкая, — сказал он, — вовсе нет. Это — некто другой. Видишь ли ты его? Нет? Тогда

зайди завтра, сразу после вечерни, в мою приемную, и я покажу его тебе.

Он ушел. Мы очень испугались. Домнина раз сто поклялась, что никуда не пойдет завтра. Я одобряла ее решение и старалась всячески укрепить ее в нем. Более того — мы устроили так, чтобы в эту ночь и весь следующий день не разлучаться.

Но все было тщетно. Незадолго до назначенного времени за бедной Домниной явился служитель в ливрее, каких мы до того ни разу не видели.

Несколькими днями ранее я получила в подарок набор бумажных куколок — субреток, коломбин, корифеев, арлекинов, фигурантов — словом, обычный комплект. Помню, как я весь вечер сидела у окна, ждала Домнину и играла с этими маленькими человечками, раскрашивая их костюмы восковыми карандашами, выстраивая из них сцены и придумывая игры, в которые мы будем играть, когда она вернется.

Наконец нянька позвала меня к ужину. Я уже была уверена, что Отец Инир убил Домнину или же отослал к матери, запретив впредь возвращаться в Обитель Абсолюта. Но, едва я съела суп, раздался стук. Я услышала, как служанка моей матери пошла к дверям, а после в комнаты вбе-

жала Домнина. Никогда не забуду ее лица — оно было белее, чем лица моих бумажных кукол. Она плакала, но моя нянька смогла успокоить ее, и тогда она рассказала нам все.

Присланный за нею служитель провел ее залами, о существовании которых она прежде и не подозревала. Ты понимаешь, Северьян, как пугают такие вещи сами по себе. Мы-то считали, что прекрасно знаем наше крыло Обители Абсолюта! В конце концов она оказалась в приемной; это была большая комната с плотными темно-красными шторами на окнах и совсем без мебели — там были лишь вазы выше человеческого роста и шире, чем ее руки, разведенные в стороны.

В центре этой комнаты было нечто, сперва показавшееся ей еще одной — меньшей — комнатой, восьмиугольные стены которой были украшены орнаментом из «лабиринтов». Над этой маленькой комнаткой, едва различимой с порога, горел светильник, по яркости превосходивший все прежние виденные Домниной. Бело-голубой свет его был столь ослепителен, что на него невозможно было смотреть.

Дверь затворилась за ней, и она услышала лязг щеколды. Другого выхода из приемной не было. Она бросилась к шторам, надеясь отыскать за

ними еще одну дверь, но, стоило ей отодвинуть одну, украшенная «лабиринтами» стена восьмиугольной комнатки раскрылась, и в приемную вошел Отец Инир. За спиной его, как рассказала Домнина, была бездонная дыра, наполненная светом.

— Вот и ты, дитя мое, — сказал он. — Как раз вовремя. Сейчас мы с тобой поймаем рыбку. Понаблюдай за тем, как я забрасываю крючок, и узнаешь, что нужно сделать, чтобы золотые чешуйки этого существа застряли в нашей земной сети.

С этими словами он взял ее за руку и ввел в восьмиугольную комнатку».

Здесь я был вынужден прервать повествование и помочь Агии перебраться через клубок лиан, загородивший тропинку.

— Ты разговариваешь сам с собою, — сказала она. — Я слышу твое бормотанье позади.

— Я рассказываю самому себе предназначенную для тебя историю. Тебе, похоже, не очень хотелось ее слушать, а вот мне было интересно послушать ее еще раз. Кроме того, она — о зеркалах Отца Инира и может заключать в себе какие-нибудь полезные для нас подсказки.

«Домнина подалась назад. В центре комнатки,

прямо под ярким светильником, шевелилось нечто наподобие сгустка желтого света. Сгусток этот, рассказывала она, очень быстро скакал вверх-вниз и из стороны в сторону, но все время оставался внутри пространства в четыре пяди высотой и четыре — длиной. Он и в самом деле очень напоминал рыбку, резвящуюся в воздухе, наполняющем невидимую чашу — куда было до него жалким бликам в зеркалах Зала Смысла! Отец Инир задвинул за собою украшенную „лабиринтами“ стену — она оказалась зеркалом, отразившим его лицо, руку и сверкающие переливчатые ризы. Отражалась в зеркале и сама Домнина, и „рыбка“ в невидимой чаше… но там, за стеклом, казалось, была еще одна Домнина, словно бы выглядывавшая из-за ее плеча, а за ней — еще и еще, ad infinUum; каждая — чуть меньше предыдущей.

Увидев все это, она поняла, что напротив стены, сквозь которую они вошли внутрь, стоит еще одно зеркало. Все восемь стен изнутри были зеркальными, и свет бело-голубого светильника, пойманный в ловушку, солнечным зайчиком скакал от одного к другому, образуя в центре комнатки ту самую пляшущую «рыбку».

— Вот и он, — сказал Отец Инир. — Древние,

знавшие этот процесс по крайней мере не хуже нашего, а вероятнее всего — гораздо лучше, считали «рыбку» самым распространенным и наименее важным из обитателей зеркала. Их заблуждения относительно того, что вызываемые существа на самом деле обитают в глубинах стекла, не стоят нашего внимания. Но со временем они задались куда более серьезным вопросом: какими способами может быть осуществлено перемещение, если точка отправления отделена от точки назначения расстоянием астрономического порядка?

— Можно его потрогать?

— На этой стадии — да, дитя мое. Позже — не советую. Поместив палец в середину пляшущего сгустка света, Домнина почувствовала ускользающее тепло.

— Так же прибывают к нам и какогены?

— Скажи, твоя мать когда-нибудь катала тебя на флайере?

— Конечно.

— Игрушечные флайеры, которые дети постарше ради забавы запускают с наступлением сумерек, с бумажным фюзеляжем и фонариками из пергамента, ты тоже, несомненно, видела не однажды. То, что ты наблюдаешь сейчас, отлича-

ется от настоящих межсолнечных путешествий примерно так же, как игрушечный флайер от настоящего. Однако таким образом вполне можно вызвать «рыбку» и даже, быть может, кого-нибудь еще. И подобно тому, как игрушечный флайер порою может послужить причиной пожара, в котором погибнет целый дворец, наши зеркала, как ни слаба здесь концентрация, тоже небезопасны.

— А я думала, чтобы полететь к звездам, нужно сесть на зеркало.

Впервые Отец Инир улыбнулся. Хотя Домнина и понимала, что улыбка его означает не более чем удивление и удовольствие (каких, вероятно, не смогла бы доставить Отцу Иниру взрослая женщина), ее это вовсе не радовало.

— Нет, нет. Позволь мне изложить поставленную задачу. Когда предмет движется очень и очень быстро — с той же скоростью, с какой ты видишь знакомую обстановку в комнате, стоит лишь няньке зажечь свечу — он становится многократно тяжелее. Не больше, понимаешь ли, но — тяжелее. Таким образом, его сильнее притягивает к Урсу или любому другому миру. Если придать этому предмету достаточную скорость, он может и сам сделаться миром, притягивая к себе другие предметы. Конечно, придать пред-

мету такую скорость невозможно, но, если бы кто-нибудь все же добился этого, случилось бы именно так. Но даже свет свечи не развивает скорости, какая требуется для межсолнечных путешествий.

«Рыбка» все это время скакала в центре комнатки.

— А если сделать совсем большую свечу?

Домнина наверняка вспомнила о пасхальных свечах, какие мы видели каждую весну — толще бедра взрослого мужчины.

— Увы! Сколь бы ни была велика свеча, свет ее не станет от этого двигаться быстрее. К тому же свет, хоть и кажется невесомым, все же оказывает давление на то место, куда падает, — как ветер, хоть его и не видно глазом, давит на крылья ветряной мельницы. Теперь ты понимаешь, что получается, когда мы помещаем источник света лицом к лицу зеркалами? Изображение, отражаемое ими, перемещается от одного к другому и обратно. Что, по-твоему, произойдет, если посредине оно встретится с самим собой?

Несмотря на весь свой страх, Домнина рассмеялась и сказала, что не может догадаться.

— Проще простого — оно уравновесит само себя. Представь себе двух девочек, бегущих по

лужайке, не глядя, куда они направляются. Столкнувшись, они остановятся. А вот отражения, если зеркала сделаны как следует, и расстояние между ними выверено точно, не встретятся, но разминутся. При этом света свечи или обычной звезды для достижения эффекта недостаточно, ибо это — всего лишь белый свет; беспорядочный, точно волны, расходящиеся от пригоршни камешков, брошенной маленькой девочкой в пруд с лилиями; иначе свет сей склонен был бы двигать свой источник вперед. Однако, если свет исходит из когерентного источника и отражен оптически идентичными зеркалами, ориентация волновых фронтов одинакова — поскольку все зеркала отражают одно и то же. В нашей вселенной ничто не может превысить скорость света, и потому этот свет, получив дополнительное ускорение, покидает ее и перемещается в другую, а там, замедляясь, возвращается обратно. Естественно, не в исходную точку.

Домнина снова взглянула на «рыбку».

— Так это — всего лишь отражение?

— Постепенно оно станет реальным существом — если мы не погасим светильник или не сместим зеркала. Отражение без отражающегося объекта не может существовать в нашем мире, и

посему здесь перед нами просто появится новый объект».

— Гляди! — сказала Агия.

Тень тропических деревьев была столь густа, что пятна солнечного света на тропинке сверкали, словно расплавленное золото. Сощурившись, я попытался рассмотреть, что скрывалось за ослепительной завесой солнечных лучей впереди.

— Там дом, стоящий на сваях из желтого дерева, крытый пальмовыми листьями. Видишь?

Приглядевшись, я в самом деле увидел эту хижину — словно зеленые, желтые и черные пятна в одно мгновение срослись воедино, вылепив ее. Огромный мазок тени стал дверью, две косые черты — треугольной крышей. На крохотной веранде стоял, глядя в нашу сторону, человек в яркой, пестрой одежде. Я поспешил одернуть накидку.

— Не стоило, — сказала Агия. — Здесь это не имеет значения. Если жарко, можешь снять ее вовсе.

Я снял накидку и перекинул ее через левую руку. Стоявший на веранде в ужасе отвернулся и поспешил в хижину.

Глава 21
Хижина в джунглях

На веранду вела лесенка, сделанная из того же коленчатого дерева, что и стены хижины. Перекладины ее были привязаны к стойкам каким-то растительным волокном.

— Ты собираешься подняться туда? — неодобрительно спросила Агия.

— Почему бы нет? Смотреть — так смотреть, — отвечал я. — И, учитывая состояние твоего исподнего, тебе, надо полагать, лучше подняться первой.

Щеки Агии вспыхнули, что немало удивило меня.

— Что в нем особенного? Дом как дом; в старые времена в жарких землях таких было множество. Тебе очень скоро наскучит, поверь.

— Ну, тогда спустимся обратно и почти не потеряем времени.

Я ступил на лесенку. Вся конструкция прогнулась и угрожающе заскрипела, но я понимал, что в подобных местах, предназначенных для увеселения публики, настоящих опасностей никак не

может быть. Агия последовала за мной.

Изнутри хижина оказалась не больше наших подземных камер, но на этом сходство и кончалось. В темницах все было массивным и прочным, любой еле различимый звук гулким эхом отражался от металлических стен; пол, гремевший под сапогами, не прогибался под тобою ни на волос, а потолок, казалось, просто не способен был обвалиться, однако, обвалившись однажды, сокрушил бы все.

Да, если, как говорят, у каждого из нас действительно где-нибудь имеется брат-близнец, только полностью противоположный, темный, если ты светел, и светлый, если ты темен, то эта хижина наверняка была таким антидвойником наших темниц. Во всех стенах, кроме фасада с распахнутой дверью, были проделаны окна, и на них не было ни решеток, ни ставней — вообще ничего подобного. Стены, пол и оконные рамы собраны были из тонких стволов желтого дерева, не распиленных на доски, и местами сквозь них лился солнечный свет снаружи, а оброненный на пол орихальк скорее всего провалился бы в одну из щелей и упал на землю. Потолка не было вовсе — лишь треугольное пространство под крышей, где были развешаны кастрюли и мешки с едой.

В углу сидела, читая вслух, женщина, у ног которой примостился совершенно нагой мужчина. Другой мужчина, которого мы видели на веранде, стоял у окна напротив двери и смотрел наружу. Он, видимо, знал о нашем появлении (если даже не видел, как мы приближались, то, несомненно, почувствовал, как содрогалась хижина, когда мы поднимались по лесенке), но изо всех сил старался не показывать этого. Когда мужчины поступают так, это легко определить по тому, как напряжена их спина.

— «И взошел он с равнин, — читала женщина, — на гору Нево, что против города того, и показал ему Господь все земли даже до самого западного моря. И сказал ему Господь: вот земля, о которой я клялся отцам твоим, говоря: „семени твоему дам ее“. Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там он, и был погребен на долине…» Обнаженный у ног ее согласно кивнул.

— Вот так же и с нашими повелителями, Наставница. Дары свои спускают они с небес на кончике мизинца, но привязаны они и к большому пальцу. Стоит человеку принять их дар, выкопать ямку в полу хижины, спрятать его туда и покрыть циновкой, большой палец начинает

тянуть. Дар поднимается из земли и скрывается в небе — только его и видели!

— Да нет же, Исангома… — нетерпеливо перебила его женщина, но другой мужчина, не отводя взгляда от окна, сказал:

— Подожди, Мари; растолкуешь после. Я хочу послушать, что он скажет.

— Вот у моего племянника, — продолжал обнаженный, — что принадлежит к собственному моему очагу, кончилась однажды рыба. Взял он тогда свою острогу, пошел к заводи, склонился над водой и замер так, точно превратился в дерево. — С этими словами обнаженный вскочил и занес руку над головой, словно собираясь пронзить стопу женщины невидимым копьем. — Долго-долго стоял он так; даже обезьяны перестали бояться его и вернулись к воде и принялись швырять в реку палки, эсперорн вылетел из гнезда неподалеку, и большая рыба выплыла из берлоги своей меж затонувших бревен. Мой племянник следил за тем, как она кружит у самого дна. И вот приблизилась рыба к поверхности. Только собрался он пронзить ее своим трезубцем — исчезла рыба из виду, а на месте ее появилась прекрасная женщина. Племянник подумал, что это рыбий царь, изменивший облик, чтобы его не пронзили

острогой, но тут же снова увидел сквозь лицо женщины свою рыбу и понял, что женщина лишь отражается в воде. Он тут же взглянул вверх, но не увидел там ничего, кроме лиан и виноградных лоз. Женщина исчезла! — Обнаженный поднял взгляд вверх и с удивительным мастерством изобразил безмерное удивление рыбака. — Вечером пошел мой племянник к Гордому Богу и перерезал горло молодому ореодонту, говоря…

— Во имя Теоантропоса, долго мы еще здесь проторчим? — шепнула мне Агия. — Это может тянуться весь день!

— Сейчас, — шепнул я в ответ, — только осмотрю хижину как следует, и пойдем дальше.

— Могуществен наш Гордый Бог, да святятся имена его! Все, что найдешь под листвой, принадлежит ему, бури и ураганы приносят руки его, и яд не имеет власти убивать, если не прозвучит над ним проклятие Гордого!

— Не думаю, что нам интересны все эти хвалы в адрес твоего фетиша, Исангома, — сказала женщина. — Муж мой желает слышать твой рассказ — что ж, хорошо. Рассказывай, но избавь нас от своих ритуалов.

— Гордый защитит того, кто возносит ему моления! Разве не устыдится он, если умрет по-

клоняющийся ему?

— Исангома!

— Он напуган. Мари, — сказал человек у окна. — Разве ты не слышишь?

— Несть страха для тех, кто носит знак Гордого! Дыханье его — туман, укрывающий детенышей уакари от когтей дикой кошки!

— Робер, если уж ты не можешь ничего с этим поделать, не мешай мне! Замолчи, Исангома. Или уходи и больше никогда не возвращайся.

— Гордому ведомо, как любит Исангома Наставницу! Он спасет и ее, если сможет!

— От чего? Ты думаешь, поблизости бродит один из ваших ужасных зверей? Если так, Робер застрелит его из ружья.

— Токолош, Наставница! Токолош пришел! Но Гордый защитит нас! Он могуч! Он — повелевает токолошами! От рева его все они прячутся в опавшей листве!

— Робер, по-моему, он не в своем уме.

— Нет, Мари. Он видит то, чего не видишь ты.

— Что это значит? И почему ты так долго смотришь в окно?

Человек, стоявший у окна, медленно повернулся лицом к нам. Какое-то мгновение он смотрел на нас с Агией, затем отвел взгляд. Выражение

на его лице было точно таким же, как у наших пациентов, когда мастер Гурло показывал им инструменты, при помощи коих собирался подвергнуть их пытке.

— Робер! Ради бога, объясни, что с тобой?

— Исангома прав — пришел токолош. Только не за ним, а за нами. Смерть и Дева… Ты слышала о них, Мари?

Женщина покачала головой, встала и откинула крышку небольшого сундучка.

— Ну да, конечно. Есть такая картина. Вернее, популярный сюжет, которым пользовались многие живописцы. Знаешь, Исангома, вряд ли твой Гордый Бог наделен особой властью над этими токолошами. Они явились прямо из Парижа, где я когда-то учился, дабы наказать меня за то, что я променял святое искусство вот на это…

— У тебя лихорадка, Робер. Это очевидно. Сейчас напоим тебя чем-нибудь, тебе скоро станет легче…

Человек по имени Робер снова взглянул на нас — так, словно не хотел делать этого, но не мог совладать с собою.

— Мари, если я и болен, болезнь овеществляет мой бред. Не забывай, Исангома ведь тоже видит их. Разве ты не чувствовала, как пошатнулась

хижина, когда ты читала ему вслух? Я думаю, это они поднимались на веранду.

— Я только что наливала в стакан воду, чтобы ты выпил хинин, и никаких колебаний не заметила.

— Кто они такие, Исангома? Ну да, токолоши, но — кто такие токолоши?

— Злые духи, Наставник. Когда мужчине приходит в голову дурная мысль, или женщина творит недоброе, на свет появляется еще один токолош. Он всегда стоит позади. Человек думает: «Никто ничего не узнает, все умерли», — но токолош живет, пока не умрет весь мир. Каждый, видя его, узнает, что натворил этот человек.

— Какой ужас, — сказала женщина.

Руки ее мужа крепко сжали жердочки подоконника.

— Разве ты не поняла, что они — лишь результат наших поступков? Они — духи будущего, которых творим мы сами.

— Они — просто-напросто языческая белиберда! Прислушайся, Робер. У тебя такое острое зрение — неужели ты не можешь прислушаться хоть на миг?

— Я слушаю. Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Я только хочу, чтобы ты прислушал-

ся. Что ты слышишь?

В хижине стало тихо. Я тоже напряг слух. Снаружи верещали обезьяны, как прежде, кричал попугай, но вскоре, пробившись сквозь голоса джунглей, до меня донесся слабый гул, словно где-то высоко над нами кружило насекомое размерами с целую лодку.

— Что это? — спросил мужчина.

— Почтовый аэроплан! Если повезет, ты вскоре увидишь его.

Мужчина высунулся в окно и поднял голову к небу. Мне стало любопытно, на что он смотрит, и я, подойдя к другому окну, слева от него, тоже выглянул наружу. Из-за густых ветвей ничего невозможно было разглядеть, однако взгляд мужчины был устремлен прямо вверх, и я, взглянув туда, обнаружил клочок чистого неба.

Гул сделался громче, и вскоре в высоте показался самый странный флайер, какой мне когда-либо доводилось видеть. У него были серебристые неподвижные крылья, как будто народ, построивший его, еще не осознал, что, если крылья не машут, подобно птичьим, а корпус, в отличие от корпуса воздушного змея, округл, машина не сможет подняться в воздух. На обоих крыльях и на носу этого флайера имелись округлые вы-

пуклости, словно бы несшие впереди себя круги мерцающего света.

— Робер, дня за три мы можем добраться до летного поля! Когда он прилетит в следующий раз…

— Если Господь послал нас сюда…

— Верно, Наставник! Мы должны повиноваться воле Гордого! Кто в целом свете может сравниться с ним? Наставница, позволь мне танцевать для Гордого и спеть его песнь. Быть может, тогда токолоши уйдут.

Обнаженный человек выхватил у женщины книгу и принялся стучать по переплету ладонью — ритмично, словно играя на тамбурине. Пятки его зашаркали по неровному полу, и он запел, причем его голос сделался тонок, точно голос ребенка:

— В тишине, во тьме ночной, Слышишь, он ревет в вершинах Видишь, пляшет он в огне! Он живет в смертельном яде Наконечника стрелы, Меньше искры из костра! Ярче падающих звезд! Волосатые в лесу Рыщут…

— Северьян, я пошла! — С этими словами Агия шагнула через порог на веранду. — Если хочешь, оставайся и смотри дальше. Но тогда тебе придется самому выбирать себе аверн и искать дорогу на Кровавое Поле. И знаешь, что случится, если

ты не явишься туда?

— Ты говорила, что вызвавший меня наймет убийц.

— А убийцы подбросят тебе желтобородую змею. То есть начнут-то не с тебя, а с кого-нибудь из твоих родных или друзей. К которым, раз уж я прошла с тобой весь наш квартал, вероятно, отнесут и меня.

Он приходит к нам с закатом, Видишь, след на водной глади, Будто огнь на водной глади!

Песнь продолжалась, однако певец понял, что мы уходим — в голосе его зазвучали победные нотки. Дождавшись, когда Агия спустится на тропинку, я последовал за ней.

— Я уж думала, ты намерен проторчать там всю жизнь, — сказала она. — Тебе здесь в самом деле настолько понравилось?

На фоне неестественно зеленых листьев ее платье, отливавшее металлом, казалось не менее рассерженным, чем сама Агия.

— Нет, — ответил я. — Но было очень интересно. Ты видела их флайер?

— Это когда вы с тем типом высунулись в окна? Ну, я-то не настолько глупа!

— Я никогда не видел ничего подобного. Там, вверху, была стеклянная крыша, однако я тоже

увидел флайер, которого ждал он! По крайней мере, это было очень похоже на флайер — только чужой, из какого-то чужого мира. Совсем недавно я хотел рассказать тебе историю о подруге одной моей подруги, видевшей зеркала Отца Инира. Она оказалась в ином мире и, даже вернувшись к Текле — так звали мою подругу, — была не совсем уверена, что в самом деле попала обратно домой… Интересно; может быть, и мы — до сих пор в том мире, откуда эти люди попали в наш?

Агия уже шла дальше по тропинке. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь густые заросли, казалось, окрасили ее черные волосы в темно-золотой цвет. Оглянувшись, она сказала:

— Я ведь предупреждала, что разных посетителей влекут к себе разные сады.

Я ускорил шаг, нагоняя ее.

— С течением времени они все сильнее и сильнее влияют на сознание. Возможно, повлияли и на нас. И ты, скорее всего, видел самый обыкновенный флайер.

— Но этот человек видел нас. И дикарь — тоже.

— Судя по тому, что мне рассказывали, чем сильнее влияние сада на сознание, тем больше остаточных ощущений. Когда я встречаю в этих садах чудовищ, дикарей и так далее, они, кажется,

обращают на меня куда больше внимания, чем обычные посетители.

— Объясни поведение этого человека, — сказал я.

— Северьян, ну не я же строила эти сады! Могу только сказать, что эта хижина вполне может исчезнуть вовсе, стоит лишь нам уйти. Знаешь, лучше пообещай мне, что мы, выбравшись отсюда, пойдем прямо в Сад Непробудного Сна. Больше у нас ни на что не осталось времени — даже на Сад Наслаждений. Тебе, похоже, вообще не стоит гулять по этим садам.

— Потому, что мне хотелось остаться в Песчаном Саду?

— И поэтому — тоже. Похоже, здесь, рано или поздно, я наживу с тобой неприятности.

Стоило ей произнести эти слова, тропинка в очередной раз свернула, и путь нам преградил толстый ствол дерева с маленькой прямоугольной табличкой. Под густой листвой слева от меня показалась стена из зеленого стекла, явно служившая опорой растениям. Прежде чем я успел переложить «Терминус Эст» из руки в руку и открыть перед Агией дверь, она уже шагнула через порог.

Глава 22
Доркас

Впервые услышав о цветах аверна, я представил их себе растущими рядами на особых стеллажах, как в оранжереях Цитадели. Позже, когда Агия рассказала мне о Ботанических Садах побольше, я решил, что место, где они растут, очень похоже на наш некрополь, в котором я играл мальчишкой, — деревья, покосившиеся надгробные плиты, дорожки, усыпанные осколками костей…

На деле все оказалось иначе — войдя, я увидел темное, мрачное озеро среди бескрайней сырой низины. Ноги наши вязли в топкой земле; холодному ветру, свистевшему в ушах, казалось, ничто не преградит путь до самого берега моря. По обеим сторонам дорожки густо рос тростник; раз или два над нашими головами проносились какие-то водяные птицы, черные на фоне пасмурного неба.

Я рассказывал Агии о Текле, но вскоре она перебила меня, тронув за плечо:

— Отсюда их уже видно, хотя, чтобы сорвать,

придется обойти озеро. Вон там, видишь, белая полоса?

— Отсюда они выглядят вполне безобидно.

— Однако ж погубили целую уйму народу, можешь мне поверить. Некоторые захоронены прямо в этом саду.

Выходило, что этот сад все же имел нечто общее с нашим некрополем… Я спросил, где же мавзолеи.

— Никаких мавзолеев. Ни гробов, ни погребальных урн, ничего подобного! Взгляни под ноги.

Я опустил взгляд. Под ногами плескалась вода — темно-коричневая, словно чай.

— Одно из свойств этой воды — не давать трупам разлагаться. Через горло в желудок покойника насыпают свинцовую дробь и погружают тело в воду, отметив на карте место, чтобы после можно было выудить обратно, если кто захочет взглянуть на него.

Я мог бы поклясться, что на целую лигу вокруг нет никого — по крайней мере, в пределах Сада Непробудного Сна, если только в стеклянных сегментах стен действительно нет никаких ходов наружу. Но, стоило Агии закончить фразу, из-за камыша в дюжине шагов от нас показались голова и плечи какого-то старика.

— Это неправда, — громко сказал он. — Да, так говорят, но все же это неправда.

Агия, до сих пор не обращавшая внимания на свое платье, разорванное спереди едва не до пояса, поспешила запахнуться.

— Вот не знала, что беседую с кем-то еще, кроме моего провожатого!

Старик словно не слышал отповеди — мысли его явно были слишком заняты подслушанной фразой.

— Вот у меня с собой карта — хотите взглянуть? Ты, молодой сьер, ты образован, это всякий сразу скажет. Взгляни.

В руках старик держал что-то наподобие посоха. Его верхушка несколько раз опустилась и поднялась, прежде чем я понял, что старик плывет к нам на лодке, отталкиваясь шестом.

— Этого еще не хватало, — буркнула Агия. — Идем-ка лучше своей дорогой.

Я спросил старика, не может ли он, ради экономии времени, переправить нас на тот берег. Он покачал головой.

— Слишком большой груз. Здесь и мы-то с Кае еле помещаемся. Великоваты вы для нашей лодочки…

Увидев нос его суденышка, я понял, что старик

говорит сущую правду — крохотный ялик, казалось, не мог бы поднять даже своего хозяина, согбенного и истощенного старостью (а выглядел старик даже старше мастера Палаэмона) настолько, что он вряд ли был тяжелее десятилетнего ребенка. Кроме него, в ялике никого не было.

— Прощенья просим, сьер, — сказал старик, — но ближе мне не подойти. Оно, может, там и сыро, но для меня — все одно слишком сухо, а то б вы не могли там стоять. Изволь подойти сюда, к краю, и я покажу тебе карту.

Мне было любопытно, чего он хочет от нас, и потому я выполнил его просьбу. Агия неохотно последовала за мной.

— Вот. — Старик вынул из-за пазухи небольшой свиток. — Здесь оно все прописано. Взгляни, молодой сьер.

На свитке значилось какое-то имя, затем шли пояснения — где жила покойная, чьею была женой, чего добился в жизни ее муж — честно говоря, я не вчитывался в это все, а только сделал вид. Ниже была вычерчена примитивная карта с двумя цифрами.

— Вот видишь, сьер, вроде бы все просто. Первая цифра — количество шагов от Фульстрема. Вторая — количество шагов вниз, в глубину.

Веришь ли, все-эти годы я ищу ее, но до сих пор не нашел!

Бросив взгляд на Агию, старик понемногу распрямил спину и расправил плечи.

— Я тебе верю, — сказал Агия. — И, если тебе это важно, сочувствую. Но — мы-то тут при чем?

Она повернулась, собираясь уходить, но меня старик удержал, дотянувшись шестом.

— Вот я и говорю: не верьте вы им! Да, кладут-то там, где обозначено, но покойнички не лежат на месте. Порой их даже в реке видят! Во-он там!

Я сказал, что такое вряд ли возможно. Старик бросил взгляд к горизонту.

— А как же вся эта вода? Откуда она берется, по-твоему? Течет под землей, по трубе, не то все это давно бы пересохло. И, если уж они на месте не лежат, почему бы кому-нибудь сквозь эту трубу не выплыть? Почему бы не выплыть сквозь нее и двадцати? О течении — и говорить нечего… Вот вы — вы ведь пришли за аверном, так? А знаешь, почему их посадили здесь?

Я покачал головой.

— Да из-за морских коров! Они водятся в реке и заплывают сюда через трубу. Каково это родственникам — если из воды такая морда вдруг высунется?! Вот Отец Инир и велел садовникам

посадить аверны. Я сам здесь был, своими глазами видел его. Маленький такой человечек; кривоногий, шея этак согнута… Теперь, если морская корова приплывет, цветочки ее прикончат не позже вечера. Однажды с утра пришел я на озеро искать Кае — я каждый день ищу ее, если только нет других дел — и вижу: стоят на берегу двое кураторов с гарпуном. Говорят: дохлая морская корова в озере. Я выплыл на ялике, подцепил ее кошкой, а это — человек. То ли дробь из него высыпалась, то ли с самого начала ее мало положили… Выглядел не хуже вас обоих — и куда как лучше меня.

— Хотя был давно мертв?

— Этого сказать не могу — вода их держит свеженькими. Говорят, вроде как дубит человечью кожу. Выходит — не то, чтобы как голенище, но — вроде женской перчатки.

Агия ушла далеко вперед, и я пошел за ней. Старик погнал лодку следом, параллельно топкой тропинке среди осоки.

— Я им сказал, что — вот, для них-то сразу поймал, а Кае уж сорок лет не могу найти… Я обычно вот чем пользуюсь. — Он показал мне железную кошку на длинной веревке. — Вылавливателей разных полно, а вот Кае так и не нашел. Начал

через год после ее смерти с того места, которое здесь обозначено. Ее там не было. Взялся я за дело всерьез, и через пять лет уже здорово забрал в сторону — так мне тогда казалось. Потом испугался — а вдруг ее здесь вовсе нет? И начал сначала. Так — десять лет. Все боюсь пропустить, и каждое утро первый заброс делаю в том месте, что обозначено на карте, потом плыву туда, «де остановился накануне, и обшариваю еще сколько-то… В обозначенном месте ее нет — я уже всех там знаю, некоторых раз по сто вытаскивал. А вот Кае моя гуляет где-то, не лежится ей на месте. Все думаю — может, вернется домой?

— Она была твоей женой?

Старик кивнул и, к удивлению моему, не сказал ничего.

— Зачем тебе вытаскивать из озера ее тело? Старик молчал. Шест его работал совсем беззвучно; ялик оставлял за собою разве что мелкую рябь, лизавшую берег, точно язычок котенка.

— А ты уверен, что узнаешь ее, когда найдешь? Ведь столько лет прошло…

— Да… Да! — Старик снова кивнул — вначале медленно, затем решительно и быстро. — Думаешь, я ее уже вылавливал, смотрел в лицо и бросал обратно? Нет, не может быть. Как же мне

мою Кае не признать? Ты спросил, отчего я хочу ее выловить… Одна причина — память о том, как бурая вода смыкается над нею; глаза ее закрыты…Понимаешь?

— Нет. О чем ты?

— Они замазывают веки цементом. Вроде бы для того, чтобы глаза всегда оставались закрытыми. Но, стоит воде соприкоснуться с этим цементом, глаза открываются. Поди объясни… И это я вспоминаю всякий раз, когда ложусь спать: бурая вода смыкается над ее лицом, и глаза Кае открываются, синие-синие… Каждую ночь просыпаюсь раз пять-шесть. И я хочу, чтобы, прежде чем самому лечь здесь, была у меня в памяти еще одна картинка: как лицо ее поднимается к поверхности, пусть даже это я сам ее выловил… Понимаешь?

Я вспомнил Теклу, струйку крови, сочащуюся из-под двери ее камеры, и кивнул.

— И еще одно. Была у нас с нею крохотная лавчонка — большей частью клуазоне, безделушки из перегородчатой эмали. Ее отец с братом их делали, а нам устроили лавку посредине Сигнальной улицы, рядом с аукционным залом. Дом и до сих пор стоит на месте, только в нем никто не живет. Я ходил к тестю в мастерскую, приносил

домой ящики, открывал их и расставлял товар по полкам, а Кае назначала цену, торговала и наводила чистоту. И знаешь, сколько времени мы владели этой лавочкой?

Я покачал головой.

— Месяца с неделей не дотянули до четырех лет! Потом она умерла, Кае-то моя… Недолго все это продолжалось, однако ж это была самая большая часть моей жизни. Теперь у меня есть угол на чердаке, где поспать до утра. Один человек — я с ним познакомился давным-давно, хотя Кае к тому времени уже много лет, как умерла — пускает меня ночевать. И нет у меня ни одной эмалевой безделушки или тряпки или даже гвоздика из бывшей нашей лавочки. Хранил я одно время медальон и гребенку Кае, да все это пропало куда-то. Вот ты теперь скажи: как я могу знать, что все это был не сон, а?

Казалось, со стариком происходит то же самое, что и с теми людьми в хижине из желтого дерева, и я сказал:

— Не знаю. Быть может, все это и вправду только сон. Я думаю, ты слишком уж мучаешь себя.

Настроение старика резко переменилось — такое я раньше видел только среди малых детей. Он рассмеялся:

— Да, сьер, несмотря на твое облачение, спрятанное под накидкой, ты совсем не похож на палача! Мне в самом деле жаль, что не могу переправить тебя с твоей милкой на тот берег. Но там, дальше, должен быть еще один парень, его лодка побольше. Он частенько захаживает сюда и ведет со мной беседы — вот как ты. Скажи ему, что я просил перевезти вас.

Поблагодарив старика, я поспешил за Агией, которая к тому времени ушла совсем далеко. Она прихрамывала, и я вспомнил, сколько ей сегодня пришлось ходить с поврежденной ногой. Я хотел догнать ее и подать ей руку, но тут случилась одна из тех неурядиц, что в данный момент кажутся прямо-таки катастрофически унизительными, хотя впоследствии над ними разве что смеешься от души. С нее-то и начался один из самых странных инцидентов в моей, безусловно, странной карьере. Я пустился бегом и слишком круто свернул за поворот, оказавшись в опасной близости от внутреннего края тропинки.

Примятая осока упруго прогнулась под ногой, я поскользнулся и оказался в ледяной бурой воде. Мигом намокшая накидка потянула меня ко дну. На какое-то мгновение мной вновь овладел и по сию пору памятный ужас тонущего, однако я тут

же рванулся вверх и поднял голову над водой. Привычки, выработавшиеся во время летних купаний в Гьолле, вспомнились сами собою: выплюнув воду изо рта и прочистив нос, я сделал глубокий вдох и откинул назад намокший капюшон.

Однако успокаиваться было рано: падая, я выпустил из рук «Терминус Эст», и утрата меча показалась мне куда ужаснее возможной смерти. Я нырнул, не озаботившись даже скинуть сапоги, и принялся прокладывать себе путь ко дну меж густых волокнистых стеблей камыша. Эти-то стебли, многократно увеличивавшие угрозу гибели, и выручили мой «Терминус Эст» — если б не они, меч неизбежно достиг бы дна и оказался похоронен в иле, хотя в ножнах его и оставалась толика воздуха. В восьми или десяти кубитах от поверхности рука моя, отчаянно шарившая вокруг, нащупала благословенную, знакомую ониксовую рукоять.

Но в тот же миг другая рука моя коснулась предмета совершенно иного свойства. То была рука человека, тут же ухватившаяся за мое запястье, причем движение это совпало во времени с обнаружением меча столь точно, будто именно ее хозяин, подобно высокой женщине в алом, воз-

главлявшей Пелерин, вернул мне мой «Терминус Эст». Я ощутил прилив безумной благодарности, но сразу же вслед за этим страх мой усилился десятикратно: рука, вцепившаяся в меня мертвой хваткой, тянула вниз.

Глава 23
Хипьдегрин

Собрав, вне всяких сомнений, последние силы, я сумел выбросить «Терминус Эст» на примятую осоку плавучей тропинки и ухватиться за ее скользкий край прежде, чем снова погрузиться в воду.

Кто-то схватил меня за руку и потянул вверх. Я поднял взгляд, ожидая увидеть Агию, но это оказалась другая женщина — заметно младше, со светло-русыми волосами, развевавшимися на ветру. Я хотел было поблагодарить ее, но изо рта вместо слов вылилась вода. Она потянула сильнее, и с ее помощью я сумел вползти на тропинку, но тут силы мои иссякли окончательно.

Времени, которое я пролежал так, наверняка хватило бы, чтобы прочесть «Пресвятая Богородица…», — быть может, даже не один раз. Я чувствовал и усиливавшийся холод, и то, как осока прогибалась под моей тяжестью, пока я снова не оказался наполовину в воде. Изо рта и ноздрей моих текла вода; я глубоко и судорожно дышал, не в силах насытить воздухом легкие.

Кто-то (голос был мужским, громким и явно уже где-то слышанным прежде) сказал:

— Перевернем, а то еще захлебнется.

Меня приподняли за пояс, и несколькими мгновениями позже я смог встать, хотя ноги дрожали так, что я едва не упал снова.

Передо мной стояли Агия со светловолосой девушкой, которая помогла мне выбраться на тропинку, и рослый толстяк с красным мясистым лицом. Агия спросила, что произошло, и я, хоть пришел в себя разве что наполовину, не мог не заметить, как она бледна.

— Подожди с расспросами, — сказал толстяк, — дай ему опомниться. А ты кто такая и откуда взялась?

Последние слова были обращены к девушке, похоже, чувствовавшей себя не лучше, чем я. Она открыла было рот, но из-за бившего ее озноба ничего не смогла сказать и тут же опустила голову. Девушка, с головы до пят была вымазана в иле, и одежда ее выглядела не лучше ветоши из мусорного ящика.

— Откуда она взялась? — спросил толстяк у Агии.

— Не знаю. Я оглянулась посмотреть, где там Северьян застрял, и увидела, что она вытаскивает

его из воды. — Что ж, доброе дело. По крайней мере, для него. Как думаешь, она — сумасшедшая? Или просто поддалась здешним чарам?

— Как бы там ни было, она спасла меня, — вмешался я. — Ты не мог бы дать ей что-нибудь надеть? Она, должно быть, продрогла насквозь.

Я и сам уже пришел в себя настолько, чтобы чувствовать, что промерз до костей.

Толстяк покачал головой и вроде бы поплотнее запахнул свое тяжелое пальто.

— Нет — пока она не отмоется. А для этого ей надо слазать обратно в воду, да еще обсохнуть… Ладно, у меня есть кое-что еще — может, даже получше.

Он вынул из кармана пальто металлическую фляжку в форме собаки и подал ее мне. Кость в собачьей пасти оказалась пробкой. Я подал (фляжку русоволосой девушке, но та, казалось, даже не поняла, что с ней нужно делать. Агия, забрав у нее сосуд, приставила горлышко к ее губам, заставила девушку сделать несколько глотков и вернула фляжку мне. Содержимое оказалось сливовым бренди, огнем опалившим глотку и смывшим горечь болотной воды. К тому моменту, когда я вставил кость обратно псу в пасть, брюхо его опустело более чем наполовину. — Ну вот, —

сказал толстяк, — теперь вы, ребята, пожалуй, должны бы рассказать, кто вы такие и что здесь делаете — только не надо мне вкручивать, будто просто любовались пейзажем. Обычных зевак я насмотрелся достаточно, чтобы узнавать, едва они покажутся на горизонте. — Он взглянул на меня. — Хороший у тебя ножичек. Большой…

— Он — переодетый армигер, — сказала Агия. — Получил вызов и пришел за аверном.

— Он-то переодет, а вот ты разве не переодета? По-твоему, я не узнаю парчи для театральных костюмов? И босых ног разглядеть не в состоянии?

— А я про себя ничего не говорила. Ни об одежде своей, ни о сословии. А туфли я просто оставила снаружи, чтобы не испортились от сырости.

Толстяк кивнул — равнодушно, ничем не показав, верит ли он словам Агии.

— А теперь — ты, золотиночка. Вот дамочка в парче уже сказала, что не знает тебя. Но что-то я ей не шибко верю. Думается мне, она о тебе знает поболе моего. Как же тебя зовут?

— Доркас, — сглотнув, ответила девушка.

— Как ты сюда попала, Доркас? Как оказалась в воде? Ты ведь там явно побывала — не могла же так намокнуть, просто вытаскивая нашего юного друга!

От действия бренди щеки девушки порозовели, но лицо по-прежнему оставалось изумленным и почти неподвижным.

— Не знаю, — прошептала она.

— Ты не помнишь, как пришла сюда? — спросила Агия. Доркас покачала головой.

— В таком случае, что последнее приходит тебе на память?

Воцарилась тишина. Ветер, казалось, сделался еще пронзительнее, и я, несмотря даже на выпивку, отчаянно мерз. Наконец Доркас пробормотала:

— Сидела у окна… Там, в окне, были очень милые вещицы — подносы, шкатулки, распятия…

— Милые вещицы? — заметил толстяк. — Так уж и милее тебя самой?

— Сумасшедшая, — сказала Агия. — Либо ушла от своих попечителей и заблудилась, либо попечителей у нее не было вовсе — что вероятнее, судя по состоянию одежды. Забрела сюда, а кураторы проморгали…

— А может, кто-то огрел ее по голове, ограбил и швырнул в озеро, посчитав мертвой. Здесь, госпожа Хлюп-Хлюп, уйма входов и выходов, о которых кураторы и не слыхали! А может, ее принесли хоронить, а она на самом деле просто заснула.

Впала в коматоз — или как там это называется… А в воде очнулась.

— Но тогда те, кто ее принес, увидели бы.

— Я слыхал, будто человек, впавший в коматоз, может пробыть под водой очень долго. Ну, как бы оно там ни было, сейчас уже неважно. Пусть сама выясняет, кто она такая и откуда взялась.

Тем временем я, освободившись от накидки, пытался отжать плащ, но оставил на время это занятие, когда Агия спросила:

— Ты все о нас выспросил — а сам-то кто будешь? — Что ж, — отвечал толстяк, — имеешь полное право знать. И я-то дам ответ поправдивее твоих, но после которого должен буду вернуться к своим делам. Я к вам подошел только потому, что увидел, как молодой армигер тонет; всякий приличный человек подошел бы и помог. Но у меня, как и у прочих приличных людей, есть своя работа.

С этими словами он снял свою высокую шляпу, порылся внутри и вынул глянцевитую визитную карточку — раза в два больше тех, что мне доводилось видеть в Цитадели. Он подал ее Агии, а я заглянул ей через плечо. Надпись, украшенная множеством вычурных виньеток и завитушек, гласила:

ХИЛЬДЕГРИН-БАРСУК

Земляные работы любого вида и объема от одного землекопа до 400. В камне не застрянем, в песке не увязнем. Улица Морских Странников, под вывеской

«СЛЕПАЯ ЛОПАТА»,

либо справиться у Альтикамелюса на углу Воздыхании. — Вот кто я таков, госпожа Плюх-Плюх, и ты, молодой сьер, если не возражаешь, чтобы я называл тебя так — во-первых, потому, что ты моложе меня, а во-вторых — оттого, что она тебя постарше, года, может быть, на два. Ну что ж, мне пора.

Я придержал его за плечо.

— Перед тем как упасть в воду, я встретил старика на ялике, и он сказал, что дальше есть кто-то, кто может переправить нас через озеро. Наверное, он говорил о тебе. Ты можешь помочь нам?

— А, тот бедняга, что ищет свою жену… Что ж, мы с ним — друзья давние и добрые; раз уж он меня рекомендовал — так и быть. Для моей шаланды четверо — не груз.

Он зашагал по тропинке, жестом пригласив нас следовать за ним, и я заметил, что сапоги его, смазанные салом, погружаются в примятую

осоку еще глубже, чем мои.

— Она с нами не пойдет, — сказала Агия. Но Доркас, шедшая следом, выглядела так одиноко, что я приотстал и шепнул ей:

— Я бы одолжил тебе накидку, но она так намокла, что в ней ты только хуже замерзнешь. Ступай по этой же тропинке в другую сторону — и выйдешь в коридор; там гораздо суше и теплее. А там найдешь дверь с надписью «Сад Джунглей» — за ней солнце жарит вовсю, сразу согреешься…

Тут я осекся, вспомнив встреченного в Саду Джунглей пеликозавра, но, быть может, к счастью, Доркас ничем не показала, что слышит меня. Что-то в выражении ее лица говорило мне, что она боится Агии или, по крайней мере, хоть смутно, но сознает, что Агии не нравится ее присутствие. В остальном же она будто вовсе не замечала, что происходит вокруг, и шла вперед подобно сомнамбуле.

Видя, что слова мои ничуть не ободрили ее, я начал снова:

— В коридоре сидит один из кураторов. Он наверняка постарается найти сухую одежду для тебя.

Агия обернулась к нам; ветер разметал ее каштановые волосы.

— Северьян, попрошаек на свете — в избытке! Всех не обогреешь!

Хильдегрин, видимо, услышав слова Агии, обернулся тоже.

— Я знаю женщину, которая может взять ее к себе, отмыть и переодеть. Из-за грязи не очень-то видно, но эту девушку содержали хорошо. Хоть и тощевата малость…

— Послушай, а что тебе здесь понадобилось? — огрызнулась Агия. — Судя по карточке, твой бизнес — подряды. А здесь у тебя какие дела?

— Вот эти самые, госпожа. Бизнес! Доркас охватила дрожь.

— Нет, правда, — сказал я, — вернулась бы ты обратно. В коридоре гораздо теплее. Только в Сад Джунглей не ходи; ступай лучше в Песчаный, там солнце, сухо…

Что-то из сказанного мною, похоже, задело какую-то струнку в душе Доркас.

— Да, — прошептала она. — Да.

— Песчаный Сад, да? Он тебе нравится?

— Солнце, — очень тихо ответила она.

— Ну, вот и моя старушка, — объявил Хильдегрин. — Раз уж нас так много, рассаживаться придется осторожно. И ерзать там шибко — не советую, борта у нее низкие. Одна из женщин — на

нос, а молодой армигер с другой — на корму.

— Мне бы лучше — за одно из весел, — сказал я.

— Грести раньше доводилось? Мне так не показалось. Лучше уж сядь на корму. Двумя веслами работать не сильно труднее, чем одним, и мне частенько приходилось это проделывать, хотя на борту со мной бывало по полдюжины человек.

Лодка его была под стать хозяину — большой, неказистой и тяжелой на вид, больше всего похожей на ящик, слегка сужающийся к носу и корме и снабженный уключинами. Хильдегрин, взойдя на борт первым, веслом подтолкнул шаланду поближе к берегу.

— Иди, — сказала Агия, взяв Доркас за руку. — Садись вперед.

Доркас охотно повиновалась, но Хильдегрин остановил ее.

— Если не возражаешь, госпожа, лучше бы тебе на нос сесть. Иначе я не смогу приглядывать за ней, пока гребу. С ней не все в порядке — дело ясное, и при таких низких бортах мне бы хотелось вовремя заметить, если она вдруг начнет скакать…

Тут Доркас удивила всех нас, сказав:

— Я не сумасшедшая. Просто… просто я — слов-

но только что проснулась.

Но Хильдегрин все-таки усадил ее ко мне, на корму.

— Ну, — сказал он, отталкивая лодку от берега, — это вы вряд ли когда забудете, если вам впервой. Переправа через Птичье Озеро посреди Сада Непробудного Сна…

Весла погрузились в воду, издав глухой, меланхолический звук.

Я спросил, отчего озеро называется Птичьим.

— Некоторые говорят — оттого, что очень много дохлых птиц в воде. А может, оттого, что здесь просто много птиц. Вот ведь все люди ругают Смерть, и рисуют ее в виде этакой старой кликуши с мешком… А для птиц она — друг. Сколько я ни видал в жизни мест, где мертвецы, тишина и покой, — везде птиц было во множестве.

Вспомнив, как пели дрозды в нашем некрополе, я согласно кивнул.

— Если ты посмотришь через мое плечо, то ясно увидишь берег впереди, и вся эта осока не будет мешать любоваться пейзажем. Если тумана нет, увидишь, как там, вдалеке, земля подымается, и наверху, где посуше, растут деревья. Видишь их?

Я кивнул, и Доркас кивнула тоже.

— Потому что вся эта декорация должна изоб-

ражать зев потухшего вулкана. Некоторые говорят, будто — раскрытый рот мертвеца, но это неправда. Где же тогда зубы? Хотя… вы наверняка помните, что пришли сюда сквозь такую подземную трубу?

Мы с Доркас снова кивнули вместе. Агии, хотя она и сидела всего шагах в двух от нас, почти не было видно из-за широких плеч и просторного суконного пальто Хильдегрина.

— А там, — продолжал он, кивком указывая направление, — вы должны бы видеть темное пятнышко. Прямо посредине, между болотом и краем кратера. Некоторые, увидев его, думают, будто это — дверь, через которую они вошли, но дверь-то как раз позади, гораздо ниже и гораздо меньше. То, что вы сейчас видите, — Пещера Сивиллы Кумской. Это такая женщина, которая знает будущее и прошлое и вообще все на свете. Кое-кто говорит, будто весь этот сад был выстроен ради нее одной, но мне как-то слабо в это верится.

— Как же это возможно? — негромко спросила Доркас.

Но Хильдегрин не понял вопроса — или же сделал вид, будто не понимает.

— Автарх якобы захотел иметь ее всегда под

рукой, чтобы не ездить каждый раз через полмира. Иногда там, возле пещеры, кто-то ходит; что-то металлическое блестит на солнце… Уж не знаю, кто там живет на самом деле, никогда не подходил к пещере близко — будущего я знать не хочу, а прошлое свое и так знаю получше всякой Сивиллы. Люди, бывает, ходят — хотят узнать, скоро ли выйдут замуж или насчет успеха в торговле. Но, по моим наблюдениям, во второй раз ее навещают немногие.

Мы почти достигли середины озера. Сад Непробудного Сна окружал нас, точно огромная чаша с мохнатыми от сосен стенками, облепленными понизу накипью из камыша и осоки. Я все еще мерз — из-за неподвижности, пожалуй, даже сильнее прежнего — да к тому же вспомнил о том, что озерная вода может сотворить с клинком меча, если его не просушить и не смазать поскорее, однако чары сада надежно держали меня в плену. (Чары в саду, несомненно, присутствовали — я почти слышал разносящееся над водою пение на языке, которого не знал и не понимал.) В плену этих чар пребывали, наверное, и Хильдегрин, и даже Агия. Некоторое время мы плыли в полной тишине; вдалеке на поверхности озера плескались гуси, вполне живые и здоровые; один раз,

будто во сне, из-под воды совсем рядом с лодкой показалась морда морской коровы, имеющая разительное сходство с человеческим лицом.

Глава 24
Цветок Смерти

Осторожно перегнувшись через борт, Доркас сорвала водяной гиацинт и воткнула его себе в волосы. Это был первый цветок, виденный мною в Саду Непробудного Сна, если не считать белых пятнышек в отдалении, на том берегу. Я пошарил взглядом вокруг, но больше на воде цветов не оказалось.

Быть может, этот водяной гиацинт появился лишь потому, что Доркас потянулась сорвать его? При свете дня мне абсолютно ясно, что такие вещи невозможны; но то, что вы читаете сейчас, я пишу ночью, а в тот момент, пасмурным днем, сидя в лодке и любуясь гиацинтом, покачивавшимся в кубите от моих глаз, я вспомнил недавнюю реплику Хильдегрина, подразумевавшую (хотя он скорее всего сам этого не заметил), будто пещера провидицы и, таким образом, весь этот сад, находятся на противоположной стороне мира. Там, как рассказывал когда-то мастер Мальрубиус, все наоборот: тепло на юге, холодно на севере, ночью светло, а днем темно, летом идет

снег… Если так, неудивительно, что я мерзну — лето вот-вот наступит, подуют ветры, начнутся дожди со снегом. Небо уже посветлело, гиацинты раскрылись — значит, дело к ночи…

Конечно, Предвечный поддерживает порядок в мире. А теологи говорят, что свет есть тень его. Если так, то во тьме, должно быть, порядка меньше, и цветы появляются в пальцах девушек из ниоткуда, так же как от тепла весеннего солнца вырастают они из простой грязи? Да, наверное, во тьме, когда ночь смыкает наши глаза, порядка становится меньше, чем мы думаем. А может быть, наоборот, недостаток порядка мы воспринимаем как тьму, как возрастание хаоса в волнах энергии (настоящих морях) и энергетических полях (целых фермах), приводимых к порядку светом дня — сами-то они на это неспособны — и кажущихся нашему обманутому взгляду реальным миром.

Над водой стелился туман, напоминавший мне поначалу солому, клубившуюся в воздухе в походном соборе Пелерин, а после — пар от котла с супом, который брат Кок зимним днем вносил в трапезную. Говорят, ведьмы обычно летают в таких котлах, но я никогда этого не видел, хотя от нашей башни до их было меньше чейна. Тут

я вспомнил, что мы плывем через кратер вулкана. Быть может, вулкан этот — огромный котел Сивиллы Кумской? Мастер Мальрубиус в классах рассказывал, что огонь Урса давно погас — вероятно, еще до того, как человек, возвысившись над прочими животными, испятнал лицо мира своими городами. Но ведьмы, говорят, умеют оживлять мертвых. Почему бы Кумской Сивилле не оживить умерший огонь, чтобы вскипятить свой котел? Я опустил руку в воду — вода была холодна, словно снег.

Хильдегрин склонился ко мне и откинулся назад с очередным гребком.

— Идешь навстречу смерти, — сказал он. — Вот о чем ты думаешь; я вижу по лицу. На Кровавом Поле тебя убьют, кем бы ни был твой противник.

— Правда? — ахнула Доркас, схватив меня за руку. Я не отвечал, и Хильдегрин утвердительно кивнул за меня.

— Слушай, а стоит ли туда ходить? Мало ли на свете людей, которые нарушают все правила, однако разгуливают себе спокойно…

— Ты ошибся, — сказал я. — Я вовсе не думал о мономахии либо смерти.

Но Доркас тихо — так, что даже Хильдегрин, наверное, не слышал, — шепнула мне на ухо:

— Думал. Лицо твое было исполнено такой благородной красоты… Чем ужаснее мир вокруг, тем выше и чище мысли.

Я покосился на нее, думая, что она подшучивает надо мной, однако Доркас говорила совершенно серьезно.

— Мир наполовину полон зла, наполовину — добра. Можно наклонить его так, чтобы мысли наши наполнились добром, а можно — так, чтобы злом. — Она подняла голову, точно охватывая взглядом все озеро. — Но в мире их все равно останется поровну; можно только менять пропорцию в разных местах.

— А если наклонить его так, чтобы зло вылилось вовсе? — спросил я.

— Вместо зла можно вылить добро. Но мне тоже иногда хочется наклонить время так, чтобы оно потекло вспять…

— Знаешь, не верится мне, чтобы из-за каких-нибудь внешних несчастий приходили в голову красивые либо мудрые мысли…

— Я сказала «высокие и чистые», а о красоте не говорила ни слова. Хотя высокие и чистые помыслы, несомненно, по-своему красивы. Давай покажу. — С этими словами она подняла мою руку и прижала ее к своей груди. Ладонь моя

легла на мягкий, теплый холмик с маленьким и твердым, точно вишенка, соском. — Что стало с твоими помыслами? — спросила она. — Разве не сделались они ниже, стоило лишь мне сделать внешний мир приятнее для тебя?

— Где тебя выучили всему этому? — спросил я в свою очередь.

В уголках глаз Доркас тотчас же выступили слезы, прозрачные, словно хрусталики. От мудрости ее не осталось и следа.

Берег, на котором росли аверны, оказался менее заболоченным. После долгого пути по сырой, прогибающейся под ногами осоке странно было снова ступить на относительно твердую землю. Причалили мы в некотором отдалении от цветов, но отсюда уже было хорошо видно, что это — не просто белые крапинки на берегу, но растения вполне определенного цвета, формы и размеров.

— Ведь эти цветы — не местные? Не с Урса? — спросил я.

Никто не ответил — пожалуй, я говорил слишком тихо и просто не был услышан никем, кроме, может быть, Доркас.

Столь жесткие, геометрически правильные растения наверняка появились на свет под неким чужим солнцем. Листья их были черны, словно

спина скарабея, но их чернота имела странный, очень насыщенный и в то же время прозрачный оттенок. Казалось, они сохранили в себе цвета спектра той безмерно далекой от нас звезды, что испепелила или, напротив, породила жизнь в их родном мире.

Мы пошли к ним. Агия оказалась впереди. Мы с Доркас последовали за нею, а за нами пошел и Хильдегрин.

Каждый лист этих растений был тверд, словно лезвие кинжала, а остротою своей удовлетворил бы даже мастера Гурло. Цветы — белые, с наполовину сомкнутыми лепестками — казались воплощенной девственностью, оберегаемой сотнями клинков. Крупные и пышные лепестки их казались бы совсем растрепанными, не образуй они все вместе сложный округлый орнамент, притягивающий взгляд, будто вращающийся волчок с нарисованной на нем спиралью.

— Правила хорошего тона, — заговорила Агия, — требуют, чтобы ты сорвал цветок сам, Северьян. Но я пойду с тобой и покажу, как. Вся штука — в том, чтобы просунуть руку под листья и оборвать стебель у самой земли.

Но Хильдегрин взял ее за плечо.

— Никуда ты не пойдешь, госпожа. Ступай, мо-

лодой сьер, раз уж решился на это. А я пригляжу за дамами.

Я был уже в полудюжине шагов от него, но, стоило ему произнести последние слова, застыл на месте. К счастью, в тот же самый момент Доркас крикнула: «Будь осторожен!» — и мне ничего не стоило сделать вид, что задержало меня лишь ее предостережение.

Но правда была в другом. Едва встретив Хильдегрина, я твердо уверился, что где-то встречал его раньше, хоть и узнал, в отличие от сьера Рахо, далеко не сразу. Но вот, наконец, узнал — и замер от неожиданности, словно разбитый параличом.

Я уже писал о том, что помню все до мельчайших подробностей, однако порой поиск в памяти нужного лица, факта либо ощущения занимает довольно много времени. В данном случае задержка, видимо, была вызвана тем, что с того момента, как он склонился надо мной, лежавшим на примятой осоке, я почти не смотрел на него. А вот голос и слова: «А я пригляжу за дамами», — подстегнули мою память.

— Листья ядовиты! — крикнула Агия. — Обмотай руку плащом поплотнее, но все равно старайся не касаться их! Да гляди в оба — аверн всегда ближе к тебе, чем кажется!

Я кивнул, показывая, что все понял.

Не знаю, смертелен ли аверн для обитателей своего родного мира. Может статься, что — нет, и опасен он, в силу несовпадения различных природных особенностей, только для нас. Но, как бы там ни было, почва под этими растениями и между ними была покрыта густой травой с короткими стеблями, совсем не похожей на болотную растительность сада. Трава была усеяна скорченными тельцами пчел и птичьими косточками.

Когда до растений оставалось шага два, не больше, я внезапно понял, что передо мною стоит задача, для разрешения коей я ничего не предпринял — просто не пришло в голову. Выбранный мною аверн станет моим оружием в поединке — однако как я, ничего не зная о способах ведения боя, выберу подходящий? Можно было вернуться и спросить об этом Агию, но расспрашивать женщину о подобных вещах казалось мне полным абсурдом, и в конце концов я решил довериться собственной смекалке, рассудив, что Агия, окажись выбор вовсе уж никуда не годным, все равно отправит меня за вторым цветком.

Размеры авернов были самыми разными — от молодой поросли, не выше пяди, до старых растений, не менее трех кубитов в длину. Листья

растений поменьше были узки и росли так густо, что из-за них было вовсе не видно стеблей; листья же более старых растений прилегали к стеблю не так плотно и в сравнении с его длиной были заметно шире. Вероятнее всего, цветками надлежало орудовать наподобие палиц; если так, лучше всего должен был подойти аверн с самым крупным цветком, самым длинным стеблем и самыми жесткими листьями. Но все такие цветы росли довольно далеко от края поляны — чтобы добраться до них, пришлось бы вначале сорвать десяток меньших, а сделать это при помощи подсказанного Агией способа было невозможно: рука не проходила под росшими почти вплотную к земле листьями.

В конце концов я выбрал цветок кубита в два высотою, опустился на колени и потянулся к нему и вдруг — точно пелена спала с глаз — увидел, что моя рука, казалось, отстоявшая от игольно-острого кончика ближайшего листа на несколько пядей, вот-вот наткнется на него. Я поспешил отдернуть руку. С виду — я вряд ли мог дотянуться до стебля цветка, даже если бы лег на землю ничком. Как ни велик был соблазн воспользоваться мечом, я понимал, что это уронит меня в глазах Агии с Доркас — да и все равно до боя следовало

привыкнуть к обращению с аверном.

Я снова потянулся к стеблю, плотно прижав руку к земле, и обнаружил, что, несмотря на это, легко могу достать цветок. Острый кончик листа, казалось, отстоявший от лица на добрых полкубита, даже слегка подрагивал от моего дыхания.

Срывая цветок (задача, должен заметить, оказалась не из легких), я понял, отчего травка под авернами была так коротка и густа — один из листьев выбранного мной растения наполовину рассек стебель какого-то болотного сорняка, и вся трава, на целый эль вокруг, тут же поблекла и увяла.

Сорванный, цветок причинял множество неудобств, с которыми я до поры должен был примириться. О том, чтобы везти его обратно в Хильдегриновой лодке, не могло быть и речи — четверым в ней и без аверна было достаточно тесно, и острые, ядовитые листья неизбежно укололи бы кого-нибудь. Пришлось вскарабкаться вверх по склону и срубить молодое деревце. Оборвав ветки, мы с Агией привязали аверн к тонкому стволу, и позже, идя через город, я нес его, точно какой-то гротескный штандарт.

После этого Агия объяснила, как пользоваться аверном в качестве оружия; я сорвал себе дру-

гой (несмотря на ее возражения и многократно — пропорционально моей самоуверенности — возросший риск) и попробовал применить ее советы на практике.

Аверн — не просто палица с отравленными шипами. Лист его, взявшись большим и указательным пальцами, так, чтобы не коснуться острия либо режущих кромок, надлежит отделить от стебля, после чего он сам по себе становится оружием — отравленным, бритвенно-острым клинком без рукояти, весьма удобным для метания. Держа стебель за основание левой рукою, бойцы отрывают от него нижние листья и метают их в противника правой. Однако Агия предупредила меня, что аверн следует держать вне пределов досягаемости соперника, дабы тот, когда листья будут истрачены, не мог выхватить у меня стебель.

Сорвав второй цветок и попрактиковавшись в метании листьев, я понял, что мои аверн для меня не менее опасен, чем аверн противника. Если держать его поближе к себе, возникает смертельный риск уколоться о длинные нижние листья, и вдобавок иссушающая жажда смерти в образуемом лепестками узоре будет гипнотизировать меня всякий раз, как я опущу взгляд,

чтобы сорвать лист. Все это было довольно неприятно, но, приучившись вовремя отводить взгляд от полусомкнутых лепестков, я сообразил, что моему противнику будут угрожать те же опасности, что и мне.

Метать листья оказалось проще, чем я думал. Поверхность их была глянцевитой, как и у листьев многих растений, которые я видел в Саду Джунглей, поэтому они легко выскальзывали из пальцев и притом были достаточно тяжелы, чтобы лететь далеко и точно. Их можно было метать острием вперед, наподобие кинжала, либо так, чтобы они вращались в полете, рассекая все на своем пути острыми краями.

Конечно же, мне не терпелось расспросить Хильдегрина о Водалусе, но такой возможности мне не представилось до тех пор, пока он не собрался плыть обратно через безмолвное озеро. Некоторое время Агия была так занята попытками избавиться от Доркас, что мне удалось, отведя его в сторону, шепнуть, что я тоже друг Водалусу.

— Ты, верно, обознался, молодой сьер. Ты в самом деле говоришь о том преступном Водалусе, что объявлен вне закона?

— Я никогда не забываю голосов. Я не забываю ничего. — Нетерпение заставило меня забыть

всякую осторожность, и я совершил, пожалуй, худшую из всех возможных ошибок, добавив:

— Ты хотел раскроить мне голову лопатой.

Лицо Хильдегрина тут же превратилось в неподвижную маску. Он молча влез в лодку и поплыл прочь.

Когда мы с Агией покидали Ботанические Сады, Доркас все еще была с нами. Агии так хотелось отделаться от нее, что некоторое время я не мешал ей: в обществе Доркас мне наверняка было бы труднее склонить Агию лечь со мною, и вдобавок боль, причиняемая ей одиночеством, многократно усилилась бы, умри я в поединке на ее глазах. С тех пор как я излил на Агию всю мою печаль, вызванную смертью Теклы, прошло совсем немного времени. Теперь печаль эту сменили новые заботы; я в самом деле выплеснул ее прочь, словно прокисшее вино. Вот сколь велика сила слова, помогающего нам совладать со страстями, которые, не будь его, неизменно лишали бы нас разума и губили!

Впрочем, какие бы мотивы ни двигали мною и Агией, какие бы побуждения ни заставляли Доркас следовать за нами, все старания Агии пошли прахом. В конце концов я пригрозил ударить ее, если не прекратит, и окликнул Доркас, шедшую

в полусотне шагов позади.

Дальше мы пошли втроем — молча, приковывая к себе множество странных взглядов. Я, промокший до нитки, больше не обращал внимания на то, хорошо ли накидка скрывает мой гильдейский плащ цвета сажи. Агия в рваном парчовом платье, надо думать, тоже выглядела довольно странно. Доркас до сих пор была измазана илом, коркой засохшим на волосах и оставившим на ее бледной коже мазки тончайшей бурой пыльцы. Аверн знаменем реял над нашими головами, источая аромат мирра. Полу сомкнутые лепестки его сверкали, точно выбеленная солнцем кость, но листья в ярком свете дня казались почти черными.

Глава 25
Харчевня Утраченной Любви

Счастье — а может, несчастье мое — в том, что все места, с которыми связана жизнь моя, за редким исключением, отличаются постоянством. Завтра я, если захочу, могу вернуться в Цитадель, на ту самую (не сомневаюсь!) койку, где спал еще учеником. Гьолл все так же течет мимо моего родного Нессуса, и стеклянные грани Ботанических Садов, чьи залы вечно хранят однажды созданные настроения, все так же сверкают на солнце. В жизни моей эфемерны лишь люди да несколько домов, и среди них — та харчевня, что стояла некогда у границы Кровавого Поля.

Почти весь остаток дня мы шли широкими авеню и узенькими проулками, и все здания, окружавшие нас, были из камня либо кирпича. Наконец мы вышли к огороженному, наподобие большого двора, участку земли, однако никакой виллы в его центре не было. Помнится, я еще сказал Агии, что надвигается гроза — сделалось душновато, а на горизонте виднелась мрачная черная полоса.

Агия рассмеялась:

— Это всего лишь Городская Стена! Рядом с ней всегда так — она мешает движению воздуха!

— Вот эта темная линия? Но она наполовину уходит в небо!

Агия засмеялась снова, но Доркас прижалась ко мне:

— Северьян, я боюсь. Агия услышала ее слова.

— Чего — Стены? Она не может причинить тебе вреда — разве что рухнет прямо на голову. А рушиться ей не с чего — уж десять тысяч лет стоит спокойно.

Я вопросительно взглянул на нее, и она добавила:

— Ну, по крайней мере, выглядит на десять тысяч. А на самом деле, может, еще старше: кто знает…

— Ею можно оградить весь мир. Она окружает весь город целиком?

— По определению. Город — это то, что огорожено Стеной. Хотя я слышала, что есть еще какие-то селения на севере и многие лиги развалин на юге, там теперь никто не живет. Однако взгляни туда, между тополей. Видишь харчевню?

Никакой харчевни я не увидел и сказал Агии об этом.

— Там, под деревом. Ты обещал мне ужин, и я хочу поужинать здесь. Как раз успеем поесть перед поединком.

— Не сейчас, — ответил я. — Я буду рад пригласить тебя после поединка. Если хочешь, можно зайти и сделать заказ.

Я все еще не видел никакого здания, но дерево, указанное Агией, было каким-то странным — вверх по стволу его поднималась грубо сколоченная лестница.

— Хорошо. Если ты будешь убит, приглашу этого Серпентриона. А если не пойдет — того убогого моряка, который всегда угощает меня. Помянем тебя…

Высоко на дереве, среди ветвей, горел огонь, и я увидел дорожку, ведшую к подножию лестницы. Имелась там и вывеска: плачущая женщина тащит за собою окровавленный меч. Из тени выступил и встал у входа, потирая руки, чудовищно толстый человек в фартуке. До ушей моих донеслось негромкое звяканье посуды.

— Аббан, к вашим услугам, — сказал толстяк, когда мы подошли к нему.

— Чем могу служить?

Я отметил тревожный взгляд, брошенный им на мой аверн.

— Ужин на двоих; подать к… Я оглянулся на Агию.

— К началу следующей стражи.

— Прекрасно, прекрасно! Но так быстро мы не поспеем, сьер, — потребуется больше времени. Вот если только вы удовольствуетесь холодным мясом, салатом и бутылочкой вина…

— Мы хотим жареного петуха, — нетерпеливо сказала Агия. — И помоложе!

— Как будет угодно. Я велю повару начинать, а там, после того, как молодой сьер одержит победу, могу занять вас выпечкой, пока птичка не подоспеет.

Агия кивнула. По взгляду, которым они обменялись, было понятно, что она встречает этого толстяка не в первый раз.

— А пока, — продолжал харчевник, — если у вас найдется время, могу предоставить теплую ванну и губку для другой дамы — и, быть может, бутылочку медокского и бисквитов для вас?

Внезапно я понял, что с тех пор, как завтракал в обществе Балдандерса и доктора, здорово проголодался, а Агия с Доркас, вполне возможно, ничего не ели весь день. Я кивнул, и хозяин повел нас наверх. Ствол дерева был толст — не меньше десяти шагов в поперечнике.

— Бывал ли ты нашим гостем раньше, сьер? Я покачал головой.

— Я как раз собирался спросить, что это за харчевня. Никогда не видел подобных.

— И не увидишь, сьер. Тебе следовало заглянуть к нам раньше — наша кухня славится на весь город, а свежий воздух способствует улучшению аппетита.

Я подумал, что это видно по нему (заправлять заведением, где столько высоких и крутых лестниц, и при этом отрастить такое брюхо — действительно требует отменного аппетита), но промолчал.

— Видишь ли, сьер, закон запрещает возведение любых зданий так близко от Стены. А мы зданием не считаемся, поскольку не имеем ни стен, ни крыши. Все, кто ходит на Кровавое Поле, — прославленные бойцы и герои, зрители, лекари и даже эфоры — заглядывают к нам. А вот и ваш кабинетик!

«Кабинетик» оказался круглым и замечательно ровным помостом, укрытым от шума и посторонних взглядов среди бледно-зеленой листвы. Агия села в обитое холстиной кресло, а я (должен признаться, ужасно утомленный) рухнул на кожаную кушетку рядом с Доркас. Положив на пол

за кушеткой жердь с аверном, я вынул из ножен «Терминус Эст» и начал чистить клинок. Тут явилась служанка с водой и губкой для Доркас. Увидев, чем я занят, она принесла мне ветоши и масла, и я смог, сняв рукоять и гарду, смазать его как следует.

— Ты можешь вымыться самостоятельно? — спросила Агия у Доркас.

— Да, я люблю мыться, только не смотрите на меня.

— Попроси Северьяна отвернуться. Утром у него это прекрасно получилось.

— И ты, госпожа, — тихо сказала Доркас. — Я не хотела бы, чтобы ты смотрела. Мыться лучше в одиночестве, насколько это возможно.

Агия улыбнулась, но я снова кликнул служанку, дал ей орихальк, чтобы принесла ширму, и сказал Доркас, что куплю ей платье, если только в харчевне найдется что-нибудь подходящее.

— Не надо, — прошептала она. Я — тоже шепотом — спросил у Агии, что, по ее мнению, творится с Доркас.

— Ей нравится ее одежда, это ясно. Вот мне весь день пришлось придерживать «декольте», чтобы не осрамиться на всю жизнь… — Она опустила руку, и разорванное платье ее разошлось. Высокие

груди слегка блестели в лучах заходящего солнца. — А ее тряпье как раз достаточно прикрывает ноги и грудь. Есть, правда, прореха ниже живота, но ты, осмелюсь предположить, ее не заметил.

На помост поднялся харчевник в сопровождении официанта, несшего поднос с бисквитами, бутылкой и бокалами. Я сказал, что мне нужно обсушиться; он распорядился принести жаровню и сам принялся греться возле нее, словно в собственных жилых комнатах.

— Хорошо, — заметил он. — Солнце-то умирает, но не знает об этом — а мы это не только знаем, но чувствуем на собственной шкуре. Я всем говорю: если тебя убьют — хоть обманешь грядущую зиму. Ну, а если ранят — по крайности, не придется выходить наружу… Конечно, поединков больше всего бывает к концу лета, тогда это как-то более к месту. Не знаю, легче посетителям от этого, нет ли — убытку-то, во всяком случае, никакого.

Я снял накидку и плащ, поставил сапоги на табурет возле жаровни и встал рядом с харчевником, чтобы просушить бриджи и чулки.

— Значит, все, идущие драться на Кровавом Поле, заходят к тебе?

(Как всякий, кому вскоре предстоит умереть, я рад был бы узнать, что следую неким устано-

вившимся традициям.) — Все? О нет, — отвечал он. — Да благословят тебя Умеренность и Святая Аманда, сьер! Будь оно так, харчевня давно бы уж не принадлежала мне — я продал бы ее и зажил в свое удовольствие в большом каменном доме с атроксами у дверей и десятком молодых ребят с ножиками под рукой, чтобы разделывались с моими врагами. Нет, многие проходят мимо и даже не удостаивают нас взглядом. Невдомек им, что другой возможности попробовать мое винцо может и не представиться!

— Кстати о вине, — сказала Агия, подавая мне бокал, до краев наполненный темно-красным старым вином.

Скорее всего вино было не таким уж хорошим: язык защипало, в изысканный вкус примешалась толика горечи — однако во рту человека уставшего и промерзшего до костей оно все равно оказалось чудесным, лучше лучшего. Бокал Агии тоже был полон, но, судя по раскрасневшимся щекам и блеску глаз, она уже успела опорожнить по меньшей мере еще один. Я велел ей оставить что-нибудь и для Доркас.

— Эта дева наверняка не пьет ничего крепче молока! К тому же это тебе, а не ей, скоро понадобится храбрость.

Я — возможно, немного покривив душой — сказал, что вовсе не боюсь.

— И правильно! — воскликнул харчевник. — Не бойся! Не забивай голову недостойными благородного мыслями — о смерти, последних днях и всяком таком! Те, кто боится, никогда не возвращаются с Кровавого Поля, можешь мне поверить. Помнится, ты собирался заказать ужин для себя и двух своих дам?

— Мы уже заказали его, — отвечал я.

— Да, заказали, но ничего не заплатили вперед — вот что я хочу сказать. И еще — за вино — настоящее «гато сек»! Что съедено и выпито здесь и сейчас, должно быть здесь же и сейчас же оплачено. А за ужин попрошу три орихалька вперед, и еще два — когда вернетесь.

— А если я не вернусь?

— Тогда мы с тобою в расчете, сьер. Отчего у нас, по-твоему, такие низкие цены?

Такая бесчувственность обезоружила меня полностью. Я отдал харчевнику деньги, и он покинул нас. Агия заглянула за ширму, где с помощью служанки мылась Доркас, а я сел на кушетку, отхлебнул вина и заел его бисквитом.

— Северьян! Если бы как-нибудь запереть эту ширму… Можно придвинуть кресло, но эти двое

обязательно выберут самый неподходящий момент, чтобы поднять шум и все испортить…

Я хотел было ответить на это какой-то шуткой, но тут заметил во много раз сложенный клочок бумаги, подсунутый под поднос на столе таким образом, чтобы его увидел лишь тот, кто сидел на моем месте.

— Ну, это уже перебор, — заметил я. — Сначала — вызов, затем — таинственное послание… Агия подошла ко мне.

— Какое послание? Ты уже пьян?

Я положил руку на теплую округлость ее бедра и, не встретив сопротивления, привлек Агию к себе так, чтобы и она увидела записку.

— Как по-твоему, что там написано? «Содружество нуждается в тебе. Скачи немедля…»? Или: «Истинный друг тебе — тот, кто назовет пароль „камарилья“»? «Берегись человека с розовыми волосами…» — «Выходи, когда в окно твое влетят три камешка…», — поддержала шутку Агия. — Хотя — лучше:

«…опавших листа»! «Ирис, нектар предлагавший, был розы шипом уязвлен…» Это — о том, что твой аверн меня погубит. «Свою истинную любовь узнаешь по красной…» — Поцеловав меня, она села ко мне на колени.

— Разве ты не хочешь взглянуть?

Она снова опустила руку, и ее разорванное платье не скрывало ничего.

— Я смотрю!

— Да не сюда! Прикрой это ладонью и разверни записку.

Я сделал то, о чем она просила, — только клочок бумаги оставил на месте.

— Нет, это и вправду перебор. Таинственный Серпентрион со своим вызовом, потом — Хильдегрин, а тут еще это… Я рассказывал тебе о шатлене Текле?

— По дороге сюда ты не раз говорил о ней.

— Я любил ее. Она очень много читала — когда меня не было рядом, ей больше ничего не оставалось — только читать, вышивать или спать. Она обычно смеялась над сюжетами некоторых книг. Там с героями всегда случались подобные вещи, после чего они помимо воли бывали вовлечены в какие-нибудь возвышенные, мелодраматические — словом, совершенно не подходящие для них — приключения.

Агия рассмеялась и снова приникла ко мне в долгом,. чувственном поцелуе.

— А при чем тут Хильдегрин? — спросила она, когда губы наши разомкнулись. — Совсем зауряд-

ный человек…

Я взял с подноса еще один бисквит, коснулся им записки и сунул его уголок в рот Агии.

— Некоторое время назад я спас жизнь человека по имени Водалус…

Агия отпрянула, поперхнувшись крошками.

— Водалус?! Это шутка?

— Вовсе нет. Так называл его спутник. Я был еще мальчишкой и просто-напросто поймал в нужный момент древко топора и удержал его. Если бы не это, Водалус был бы зарублен. Он дал мне хризос.

— Подожди. Хильдегрин-то тут при чем?

— С Водалусом, когда я впервые увидел его, были мужчина и женщина. Явились враги, и Водалус остался, чтобы задержать их, пока другой отведет даму в безопасное место.

(О трупе и о том, как я убил человека с топором, я решил умолчать.) — Мне самой приходилось драться — из трех бойцов остался один, это ясно. Давай дальше.

— Хильдегрин и был тем спутником Водалуса — это все. Встреть мы его раньше, я бы хоть представлял себе, отчего гиппарх Серпентрион может желать моей смерти, и, кстати, зачем кому-либо украдкой подбрасывать мне эту записку. Как мы

с шатленой Теклой смеялись над всеми этими шпионами, интригами, плащами, кинжалами, потерянными наследниками… Агия, что с тобой?

— Я тебе отвратительна? Неужели я настолько уродлива?

— Нет, ты прекрасна, только сейчас, похоже, чувствуешь себя неважно. Наверное, не стоит тебе столько пить.

— Вот!

Быстрым движением Агия сбросила свое переливчатое платье, упавшее к ее пыльным, смуглым ногам грудой драгоценных камней. Утром, в соборе Пелерин, я уже видел ее нагой, но теперь (из-за вина ли, выпитого нами; оттого ли, что свет в харчевне был ярче или наоборот; потому ли, что утром Агия, напуганная и смущенная, закрывала руками груди и плотно сжимала бедра) меня влекло к ней куда сильнее. Желание сковало разум и язык; я прижал ее к себе…

— Северьян, подожди! Что бы ты обо мне ни думал, я не шлюха, но все же попрошу за любовь кое-что.

— Что же?

— Обещай, что не станешь читать эту записку. Брось ее в жаровню.

Я разжал объятья, поднялся и отступил на шаг.

В глазах ее мигом — точно травинки, проросшие меж валунов — появились слезы.

— Видел бы ты сам, Северьян, как смотришь на меня сейчас! Нет, я не знаю, о чем в ней написано. Просто… Ты никогда не слышал о том, что некоторые женщины обладают сверхъестественным даром предвидения? Знают то, о чем, казалось бы, никак не могли узнать?

Желание мое угасло почти без остатка. Я был испуган и зол, хотя сам не понимал, отчего.

— В Цитадели была гильдия таких женщин, и они считались нашими сестрами. Но ты не похожа на них ни лицом, ни телом.

— Я знаю. Но именно поэтому — послушай моего совета! Ни разу в жизни у меня не бывало прозрений; это — первое! Разве ты не понимаешь, что именно поэтому оно должно быть необычайно правдиво и важно — настолько, что им никак нельзя пренебречь? Сожги эту записку!

— Кто-то подбросил ее, пытаясь о чем-то предупредить меня, а ты не хочешь, чтобы я ее видел… Я спрашивал тебя, не твой ли любовник этот Серпентрион, и ты сказала, что — нет. И я тебе поверил…

Агия раскрыла было рот, но я жестом велел ей замолчать.

— Верю и сейчас. Судя по тону, ты говоришь правду, но все же каким-то образом хочешь предать меня. Скажи же, что это не так. Скажи, что действуешь лишь ради моих интересов.

— Северьян…

— Скажи.

— Северьян, мы — всего день, как знакомы! Я совсем не знаю тебя, и ты совсем не знаешь меня — так чего же ты хочешь? Ты, можно сказать, впервые покинул стены своей гильдии, и я время от времени старалась помочь тебе. Хочу помочь тебе и сейчас.

— Оденься.

Я вытащил записку из-под края подноса. Агия бросилась ко мне, но я легко удержал ее и одной рукой. Записка, видимо, была кое-как нацарапана вороньим пером — я разобрал лишь несколько слов.

— Отчего я не отвлекла тебя и не бросила ее в огонь? Северьян, пусти меня…

— Стой смирно!

— Еще на прошлой неделе у меня был кинжал — мизерикордия с рукоятью из слоновой кости. Нам нечего было есть, и Агилюс заложил его. Будь он при мне сейчас, я зарезала бы тебя!

— Он остался бы в твоем платье, которое сейчас

лежит вон там, на полу.

Я оттолкнул Агию, и она (вина в ее желудке было достаточно, посему — не только от силы толчка), пошатнувшись, рухнула в кресло. Поднеся записку к бреши в листве, сквозь которую в харчевню пробивался последний луч заходящего солнца, я прочел: «Эта женщина была здесь раньше. Не верь ей. Труд сказал, этот человек плач. Мама, ты пришла!»

Глава 26
Трубный зов

Едва я успел прочесть это, Агия прыгнула ко мне, выхватила записку и швырнула ее вниз, за край помоста. Некоторое время она стояла передо мной, глядя то мне в лицо, то — на «Терминус Эст», который, уже в собранном виде, стоял, прислоненный к подлокотнику кушетки. Быть может, она боялась, что я отрублю ей голову и брошу ее следом за запиской. Но я не двигался с места, и тогда она сказала:

— Ты прочел ее? Северьян, скажи, что — нет!

— Прочел. Но не понял.

— Тогда и не думай о ней больше!

— Да успокойся ты хоть ненадолго! Она и предназначалась-то не мне. Скорее, ее подбросили тебе — но, коль так, отчего положили там, где она была не видна никому, кроме меня? Агия, у тебя есть дети? Сколько тебе лет?

— Двадцать три. Да, более чем достаточно, однако детей у меня нет. Если не веришь, взгляни на мой живот.

Я хотел было подсчитать в уме, но обнаружил,

что не имею ни малейшего понятия о том, когда у женщин наступает зрелость.

— Когда у тебя впервые была менструация?

— В тринадцать. Значит, первого могла бы родить в четырнадцать. Ты это хотел высчитать?

— Да. Сейчас ребенку было бы девять… Будучи достаточно смышленым, он вполне мог бы написать подобную записку. Хочешь, скажу тебе, что в ней было?

— Нет!

— Как по-твоему, сколько лет Доркас? Восемнадцать? Девятнадцать?

— Северьян, что бы там ни было — выкинь эту записку из головы!

— Агия, шутки кончены. Ты — женщина. Сколько ей лет?

Агия поджала губы.

— Я бы сказала, что этой мелюзге лет шестнадцать-семнадцать. Она — сама еще ребенок.

Наверное, все вы замечали, что, стоит заговорить о ком-либо отсутствующем, как он тут же является, точно фантом, услышавший зов колдуна. Ширмы раздвинулись, и Доркас предстала перед нами — уже не в привычном облике жалкого, измазанного илом существа, но — полногрудой, стройной, грациозной девушки. Мне

приходилось видеть кожу и побелее, но то была лишь болезненная бледность, тогда как кожа Доркас, казалось, сияла здоровьем. Волосы ее оказались золотисто-русыми, а глаза, как и раньше, были темно-голубыми, точно Мировая Река Уроборос из моего сна. Увидев обнаженную Агию, она хотела было вновь скрыться за ширмой, но тело толстухи служанки загородило проход.

— Оденусь-ка я лучше, — сказала Агия, — пока твоя любимица не сомлела.

— Я не смотрю, — пробормотала Доркас.

— А мне плевать, смотришь ты или нет. Однако же, одеваясь, Агия повернулась к нам спиной и, точно обращаясь к густой листве дерева, добавила:

— Теперь нам действительно пора, Северьян. Горнист вот-вот затрубит.

— И что это должно означать?

— Ты не знаешь? — Она повернулась к нам лицом. — Когда солнечный диск касается зубцов Стены, на Кровавом Поле трубит горн — это первый сигнал. Некоторые считают, что это — сигнал к началу поединков, но это не так. Сигнал предназначен стражам внутри города и означает, что настало время запирать ворота. А попутно он означает и начало поединка — если ты успел

прийти вовремя. Когда солнце скрывается за горизонтом и наступает ночь, горнист на Стене трубит еще раз — та-таа! С этого момента ворота не будут открыты ни для кого — даже для тех, кто имеет специальные пропуска. Также сигнал означает, что всякий, бросивший или принявший вызов и не явившийся на Кровавое Поле, считается отказавшимся дать сатисфакцию противнику. После этого он может быть убит в любое время и в любом месте, и армигер либо экзультант, нанявший для этого убийц, не запятнает тем своей чести.

Служанка, все это время стоявшая у лестницы и кивавшая, отодвинулась, пропуская в «кабинет» харчевника.

— Сьер, — сказал он, — если у тебя и впрямь назначен поединок, я бы…

— Моя подруга только что сказала то же самое, — оборвал я его. — Нам нужно идти.

Тут Доркас спросила, нельзя ли и ей выпить вина. Я удивился, но согласно кивнул, и харчевник налил ей бокал, который она взяла обеими руками, совсем по-детски. Между тем я спросил хозяина, имеются ли у него письменные принадлежности для гостей.

— Хочешь составить завещание, сьер? Идем

— у нас для этого есть особый будуар. И — совершенно бесплатно. Если хочешь, можно сразу же отослать с мальчишкой к душеприказчику.

Взяв «Терминус Эст», я последовал за ним, оставив Агию с Доркас присматривать за аверном. «Будуар», которым хвастал харчевник, оказался крохотным помостом, едва вмещавшим табурет и стол с несколькими перьями, чернильницей и бумагой. Присев к столу, я написал на листе бумаги слова выброшенной Агией записки. Бумага, насколько можно было судить, оказалась точно такой же, и чернила были того же блекло-черного цвета. Посыпав написанное песком, сложив бумагу и спрятав ее в тот карман ташки, которым я пользовался реже всего, я сказал харчевнику, что посыльного не требуется, и спросил, не знает ли он кого-либо по имени Трудо.

— Трудо, сьер? Харчевник призадумался.

— Да. Имя достаточно распространенное…

— Конечно, сьер, я знаю это. Просто пытаюсь вспомнить, кто из знакомых мне и одновременно равных, понимаешь ли, сьер, твоему высокому положению мог бы его носить. Какой-нибудь армигер или же…

— Кто угодно, — сказал я. — Быть может, так зовут официанта, что обслуживал нас?

— Нет, сьер, его имя — Оуэн. Когда-то, сьер, у меня был сосед по имени Трудо — но то было давно, еще до того, как я купил это заведение. Но тебе, надо думать, нужен не он? Тогда есть у меня еще конюх — его зовут Трудо.

— Я хотел бы поговорить с ним. Харчевник кивнул, причем подбородок его совсем скрылся в складках жира на шее.

— Как пожелаешь, сьер. Хотя он вряд ли сможет много тебе сказать — он издалека, с юга. — Ступени лестницы заскрипели под тяжестью харчевника. — Конечно же, он имел в виду всего лишь южные кварталы города, но никак не дикие, ледяные пустоши дальнего юга. Да еще — с того берега, так что особого смысла ты от него не добьешься. Однако работает на совесть…

— Сдается мне, я знаю, откуда он.

— Вот как? Интересно, сьер; очень интересно! Я слышал, некоторые могут это определять по одежде и по выговору, но не думал, что Трудо попался тебе на глаза, так сказать…

Мы ступили на единственную, размером со столешницу, каменную плиту у подножия лестницы, и харчевник заорал:

— Трудо! Трудо, паралич тебе в поясницу!!! На зов никто не явился.

Длинные тени на земле уже перестали быть собственно тенями, превратившись в озера мрака, точно черная вода, наподобие той, из Птичьего Озера, поднялась из земли. Сотни людей — поодиночке либо небольшими группами — поспешно шагали к полю со стороны города. Казалось, всех их снедало нетерпение, тяжким грузом лежавшее на плечах. Большая их часть была безоружна, но некоторые имели при себе футляры с рапирами, а чуть вдалеке я увидел белый цветок аверна, привязанный, подобно моему, к древку копья либо посоху.

— Жаль, что они не заходят к нам, — заметил харчевник. — Конечно, кое-кто и заглянет на обратном пути, но — что может быть выгоднее ужинов, заказанных загодя! Откровенно тебе скажу, сьер — потому что вижу человека, который, несмотря на молодость, слишком разумен, чтоб не понимать, что всякое заведение должно приносить выгоду. А цены у меня вполне сносные, и кухня, как я уже говорил, известна на весь город… Тру-у-удо!!! Приходится стараться, сьер, иначе я бы сам помер с голоду — желудок у меня весьма привередлив на этот счет… Труда, кормушка для блох, где тебя носит?!!

Откуда-то из-за ствола выступил, утирая нос

кулаком, грязный мальчишка.

— Нету его, хозяин!

— Куда он делся? Сбегай, найди! Я все еще наблюдал за толпой.

— Значит, все они идут на Кровавое Поле? Кажется, впервые я до конца осознал и почувствовал, что, скорее всего, умру еще до восхода луны. Тревоги по поводу таинственной записки вдруг показались тщетными и мелкими.

— Ну, драться-то, понимаешь ли, будут не все. Многие идут просто поглазеть. Некоторые приходят только раз, потому что один из бойцов — их знакомый, или просто потому, что услышали либо прочли о мономахии. Этих зрелище обычно угнетает, и на обратном пути они заходят ко мне и выпивают не меньше бутылки, чтобы прийти в себя. А кое-кто ходит сюда каждый вечер, или, самое малое, четыре-пять раз в неделю. Эти — специалисты в каком-то одном оружии, и будто бы знают о нем куда больше тех, кто им пользуется. Может, оно и так… После твоей победы, сьер, человека два или три захотят поставить тебе выпивку, и, ежели примешь угощение, объяснят, что ты сделал не так, да в чем твой противник оплошал — только говорить будут все разное.

— Мы будем ужинать в одиночестве…

Сказав это, я услышал тихий шелест босых ног по ступеням за моей спиной. К нам спускались Агия с Доркас. Агия несла мой аверн, казалось, в сумерках сделавшийся еще крупнее.

Я уже рассказывал о том, как сильно влекло меня к Агии. Обычно мы, в беседе с женщиной, говорим так, словно любовь и желание — две отдельных друг от друга сущности. И женщины, зачастую любящие и порой желающие нас, поддерживают эту условность. На самом же деле они — лишь два аспекта единого целого, неразделимые, как, скажем, северная и южная сторона дерева, возле которого я сейчас беседую с харчевником. Желая женщину, мы вскоре проникаемся любовью к ней — за ту снисходительность, с которой она покоряется нам (вот где таится корень моей любви к Текле), а покоряется она именно той (пусть иногда — воображаемой) доле любви, что присутствует в нашем желании. С другой стороны, любя ее, мы вскоре проникаемся и желанием к ней, поскольку разум наш не в силах отказать любимой в непременном атрибуте женщины — привлекательности. Вот почему мужчины порой желают женщин, чьи ноги скованы параличом, а женщины — мужчин, чье влечение направлено лишь на им же подобных.

Однако никто не знает, что порождает чувства, называемые нами любовью и желанием. Половина лица Агии, спускавшейся по лестнице, была озарена лучами заходящего солнца, половина же — скрыта в тени, а подол платья, разорванный едва не до пояса, открывал для всеобщего обозрения шелковистые бедра. И все чувства, утраченные мною так недавно, когда я оттолкнул ее, вернулись ко мне, многократно усилившись. Она, несомненно, поняла это по выражению моего лица. От Доркас, шедшей следом, тоже ничто не укрылось, и она отвела взгляд. Но Агия все еще была зла на меня (возможно, имея на то полное право), и, несмотря на ее вежливую улыбку и даже, быть может, неутоленный зуд в паху, держалась более чем сдержанно.

Я думаю, начала их — в той разнице, что находим мы между женщинами, которым мы, если еще остаемся мужчинами, должны посвятить всю свою жизнь, и женщинами, которых (опять-таки, если мы еще остаемся мужчинами) надлежит одолеть силой либо умом, обойдясь с ними покруче, чем с дикой тварью. Суть в том, что вторые никогда не примут от нас дара, предназначенного первым. Агия наслаждалась тем, как любовался я ею, и, несомненно, наслаждалась бы и моими

ласками, однако мы так и остались бы чужими друг другу, хотя бы я сотни раз излил в нее свое семя. Все это я осознал, пока она спускалась к нам, одной рукой придерживая разорванное платье, а в другой, точно скипетр, неся аверн, — осознал, но, несмотря на это, любил ее, как только мог.

К нам подбежал мальчишка.

— Повариха говорит, Трудо сбежал! Она ходила за водой сама, потому что девчонку отослала куда-то, и видела, как он убегал. И вещей его на конюшне нет!

— Значит, сбежал… — проговорил харчевник. — Когда? Только что?

Мальчишка кивнул.

— Боюсь, сьер, он услышал, что ты его ищешь. Наверное, кто-то подслушал, как ты назвал его имя, и сказал ему. Не украл ли он у тебя чего?

Я покачал головой.

— Он не сделал мне ничего дурного. Напротив — подозреваю, что он хотел оказать мне услугу. Сожалею, что мой визит кончился для тебя потерей работника.

Харчевник развел руками.

— Я еще не все ему выплатил, так что даже выгадаю на этом малость.

Он повернулся, чтобы уйти, и тут Доркас шеп-

нула мне на ухо:

— Северьян, прости, что лишила тебя удовольствия там, наверху. Я вправду не хотела тебе мешать, хотя и люблю тебя.

Где-то невдалеке от нас звонко протрубил горн.

Глава 27
«Он мертв?»

Кровавое Поле, о котором все читатели мои наверняка слышали — хотя некоторые, надеюсь, никогда не посещали его — лежит на северо-западном краю нашей столицы, Нессуса, между кварталами армигеров и конюшнями зенагия Синих Димархиев. Для таких, как я, никогда не бывавших возле Стены, оно достаточно близко от нее, хотя на самом деле от Кровавого Поля до Стены — еще несколько лиг извилистых улиц. Сколько участников оно может вместить за раз — я не знаю. Быть может, барьеры, огораживающие участки для каждой пары, — обычно зрители облокачиваются либо сидят на них, как кому больше нравится, — можно сдвигать так, чтобы мест хватало всем. Я был там всего раз, и поле это, с вытоптанной графой и молчаливыми, апатичными зрителями, показалось мне местом странным и весьма унылым.

На троне я еще совсем недавно, и все это время был занят делами гораздо более насущными и безотлагательными, нежели мономахия. Хо-

рош этот обычай или плох (я лично склоняюсь к последнему мнению), в обществе, подобном нашему, которому просто не выжить без поддержания воинского духа на должном уровне и которое не может позволить себе достаточное количество вооруженных стражей общественного спокойствия, его не уничтожить ничем.

Но — так ли уж плох этот обычай?

Эпохи (судя по читанному мною, многие сотни тысяч лет), объявившие его вне закона, получали взамен лишь убийства, явившиеся результатом ссор между семействами, друзьями и знакомыми, — примерно столько же убийств, сколько должен был предотвратить запрет на мономахию. Но вместо одного умирали двое, ибо закон преследовал убийцу (человека, ставшего преступником не по какой-либо предрасположенности к преступлению, но — лишь волею случая) и казнил его, точно его смерть могла вернуть жизнь пострадавшему. Таким образом, если бы даже, скажем, тысяча законных поединков заканчивалась тысячью смертей (что маловероятно, так как смерть в подобном поединке — явление редкое), но предотвращала пять сотен убийств, положение дел было бы ничем не хуже.

Более того — человек, победивший соперника

в поединке, наверняка будет весьма полезен делу защиты государства, да к тому ж произведет на свет более здоровое потомство, тогда как убийство губит и жертву и убийцу — причем последний, пусть он даже чудом уцелеет, скорее всего просто более жесток и не превосходит убитого ни умом, ни проворством, ни силой.

Однако сколь полезна мономахия для интриг!..

Еще за сотню шагов до Кровавого Поля мы услышали громко, весьма формально выкликаемые имена, которых не заглушал и ропот толпы:

— Кадро из Семнадцати Камней!

— Савва с Луга-За-Межой!

— Лаурентия из Дома Арфы! (Этот голос принадлежал женщине.) — Кадро из Семнадцати Камней!

Я спросил у Агии, кто это кричит таким образом.

— Они были вызваны — или бросили вызов сами. Выкрикивая свои имена — или приказав делать это слуге — они объявляют во всеуслышание, что явились на поединок. В отличие от противника.

— Кадро из Семнадцати Камней!

Уходящее солнце, чей диск уже наполовину скрылся за непроницаемо-черной Стеной, окра-

сило небо в гуммигут и пурпур, вермильон и ультрамарин, придавая толпам участников и зрителей схожесть с иконописными иерархами, на которых снисходит благодать божия; их словно бы вызвало к жизни чье-то волшебство, готовое развеяться без следа с первым же посвистом ветра.

— Лаурентия из Дома Арфы!

Где-то неподалеку захрипел, точно задохнувшись насмерть, человек.

— Агия, — сказал я, — кричи: «Северьян из Башни Сообразности»!

— Я тебе не служанка! Ори сам, если хочешь!

— Кадро из Семнадцати Камней!

— Ну, что ты на меня уставился?! И зачем я только пошла с тобой… Северьян! Палач Северьян! Северьян из Цитадели! Из Башни Мук! Смерть! Смерть идет!

Моя ладонь хлопнула ее по шее, чуть ниже уха, и Агия упала наземь, выронив шест с привязанным к нему аверном.

Доркас схватила меня за руку:

— Не нужно было так, Северьян!

— Да нет, с ней все в порядке. Я бил ладонью.

— Она еще сильнее возненавидит тебя.

— По-твоему выходит, она и сейчас ненавидит

меня? Доркас не ответила, а мгновением позже я и сам забыл о своем вопросе — в отдалении, над головами толпы, замаячил в воздухе аверн.

Площадка наша оказалась ровным огороженным кругом, с двумя входами — один против другого.

— Суд аверна, — объявил эфор, — был предложен и принят! Место поединка — здесь! Время — настало! Остается решить, будете ли вы драться обнаженными, или же как-либо иначе. Что скажешь ты?

Прежде чем я успел раскрыть рот, Доркас сказала:

— Обнаженными. На том человеке — доспехи. Гротескный шлем Серпентриона качнулся из стороны в сторону — противник мой возражал. Шлем тот, как большинство кавалерийских шлемов, оставлял открытыми уши, чтобы носящий его мог лучше слышать происходящее вокруг — особенно приказы командующих. Мне показалось, что в тени за ухом Серпентриона я вижу узкую черную ленту, но в тот момент я не смог вспомнить, где видел подобное раньше.

— Ты отказываешься, гиппарх? — спросил эфор.

— Мужчины моей страны обнажаются, лишь

оставаясь наедине с женщиной.

— На том человеке — доспехи, — снова крикнула Доркас, — а на этом нет даже рубашки.

Голос ее, столь тихий прежде, зазвенел в сумерках, точно колокол.

— Я сниму их.

Серпентрион сбросил плащ и расстегнул плечевые застежки кирасы, тут же упавшей к его ногам. Я ожидал, что грудь у него широка, как у мастера Гурло, однако ж она оказалась еще уже моей.

— Шлем — также.

Серпентрион снова покачал головой, и тогда эфор спросил:

— Твой отказ окончателен?

— Да. — Последовало едва заметное колебание. — Могу лишь сказать, что мне было приказано не снимать его. Эфор обратился ко мне:

— Полагаю, никто из нас не намерен оконфузить гиппарха, а равно и персону — не стоит и говорить, кто может оказаться ею, — которой он служит. Думаю, наимудрейшим выходом из положения явится предоставление тебе, сьер, иного, равнозначного преимущества. Имеешь ли ты предложения?

Агия, не проронившая ни слова с того момента,

как я ударил ее, сказала:

— Откажись от поединка, Северьян. Или прибереги это преимущество на крайний случай.

— Откажись, — сказала и Доркас, отвязывая аверн от жерди.

— Дело зашло слишком далеко, чтобы идти на попятный.

— Принял ли ты решение, сьер? — требовательно спросил эфор.

— Пожалуй, да.

В ташке лежала моя гильдейская маска. Как и все прочие, она была сделана из тонкой кожи и костяных пластинок — для придания жесткости. Сможет ли лист аверна пробить маску, я не знал, однако с удовольствием отметил, как ахнули зрители, стоило мне надеть ее.

— Готовы? Гиппарх? Сьер? Сьер, пусть кто-нибудь подержит твой меч — иного оружия, кроме аверна, в поединке не дозволено.

Я оглянулся в поисках Агии, но она затерялась в толпе. Доркас подала мне смертоносный цветок, а я отдал ей «Терминус Эст».

— Начали!

Первый брошенный лист просвистел у самого моего уха. Серпентрион, сжимая свой аверн в левой руке, пониже листьев, метнулся ко мне

и выбросил правую руку вперед, словно желая выхватить мой цветок. Я вспомнил, что Агия предупреждала о такой опасности, и прижал его к себе — близко, как только можно.

Недолгое время кружили мы на месте, присматриваясь. Затем я нанес удар по его выставленной вперед руке, и Серпентрион парировал его своим цветком. Тогда я занес аверн над головою наподобие меча и тут же сообразил, что нашел идеальную позицию: стебель оказался вне досягаемости противника, а я в любой момент мог ударить или оторвать и метнуть лист.

Последнюю возможность я тут же проверил на практике, отделив один из листьев от стебля и метнув его в лицо противника. Тот, несмотря на свой шлем, пригнулся, и зрители за его спиной поспешили отпрянуть в стороны. Я метнул второй лист, а за ним — третий, столкнувшийся в полете с листом, брошенным Серпентрионом.

Результат столкновения оказался потрясающим. Вместо того чтобы погасить скорость друг друга и упасть на Землю, как обычные клинки, бритвенно-острые листья аверна, переплетясь, закружились в воздухе столь быстро, что еще прежде, чем опуститься хоть кубитом ниже, превратились в черно-зеленые лохмотья, засвер-

кавшие в лучах заката сотней цветов и оттенков, словно яркий детский волчок, закрученный изо всех сил…

Что-то прижалось к моей спине. Ощущение было таким, как если бы некто неизвестный подошел и встал позади меня, слегка прижавшись своей спиною к моей. Было довольно холодно, и тепло чужого тела оказалось очень приятным.

— Северьян!

Голос принадлежал Доркас, но доносился откуда-то издали.

— Северьян! Да помогите же ему кто-нибудь! Пустите! Голос ее звенел, точно куранты. Цвета, поначалу принятые мною за радугу вращающихся в воздухе листьев, оказались радугой, повисшей в небе над заходящим солнцем. Мир был огромным пасхальным яйцом, раскрашенным всеми возможными красками. Близ моей головы раздался голос:

— Он мертв?

Кто-то другой рассудительно ответил:

— Да. Эти штуки всегда бьют насмерть. Проходи, если хочешь посмотреть, как его унесут…

— Заявляю о праве победителя на одежду и оружие побежденного, — сказал Серпентрион (голос его был до странного знакомым). — Отдайте мне

этот меч.

Я сел. Сплетшиеся в воздухе листья еще шелестели в нескольких шагах от моих сапог. Над ними, все еще не расставаясь с аверном, стоял Серпентрион. Я раскрыл было рот, чтобы спросить, что произошло, но что-то упало с моей груди на колени. Я опустил взгляд — это оказался лист аверна с окровавленным кончиком.

Увидев, как я поднимаюсь, Серпентрион резко повернулся ко мне и поднял аверн, но эфор, разведя руки в стороны, загородил ему путь.

— Право благородного, солдат! — крикнул какой-то зритель из-за ограды. — Пусть встанет и возьмет оружие!

Ноги почти не слушались. Я огляделся в поисках своего аверна и увидел его только потому, что он лежал у ног Доркас, боровшейся с Агией.

— Но он должен быть мертв! — закричал Серпентрион.

— Тем не менее он жив, гиппарх, — возразил эфор. — Ты вправе продолжить бой, когда он поднимет свое оружие.

Я коснулся стебля своего аверна. Листья его шевельнулись. На миг показалось, что я тронул за хвост некое холоднокровное, но все же живое существо.

— Сатана! — крикнула Агия.

На миг задержавшись на ней взглядом, я поднял аверн и повернулся к Серпентриону.

Глаз его из-за шлема не было видно, однако все тело его как нельзя красноречивее выражало переполнивший его ужас. На миг он перевел взгляд с меня на Агию, повернулся и побежал прочь, к своему выходу с арены. Зрители загородили ему путь, и он хлестнул аверном направо и налево, как бичом. Раздался крик, за ним — еще. Мой аверн словно бы потянул меня назад — я не сразу понял, что это не аверн, а Доркас, схватившая меня за руку.

— Агилюс! — завизжала неподалеку Агия.

— Лаурентия из Дома Арфы! — раскатилось над полем, словно в ответ ей.

Глава 28
Казнедей

На следующее утро я проснулся на узкой койке в лазарете — в просторной комнате с высоким потолком, среди других больных и раненых. Я был наг и долго, пока сон (а может, то была смерть) не перестал сковывать веки, ощупывал свое тело в поисках ран, отстранение, как будто о ком-то вовсе постороннем, размышляя о том, как жить дальше без денег и одежды и как объяснить мастеру Палаэмону потерю подаренного им меча и плаща.

В пропаже — вернее, в том, что я каким-то образом сам потерял все это — я не сомневался. Бежавшая по проходу между койками обезьяна с собачьей головой остановилась, взглянула на меня и побежала дальше. И это показалось мне не более странным, чем свет, падавший на мое одеяло сквозь окно, находившееся вне моего поля зрения.

Проснувшись снова, я сел в постели. Какое-то мгновение мне вправду казалось, будто я, капитан учеников, проснулся в нашем дортуаре, а все

прочее — возложение на меня маски, смерть Теклы, поединок — было лишь сном. Такое бывало со мной и после. Но затем я, вместо знакомого с детства металлического потолка, увидел беленую штукатурку, а на соседней койке — человека, сплошь замотанного бинтами. Откинув одеяло, я опустил ноги на пол. У изголовья моей постели спала сидя, привалившись спиною к стене, Доркас. Она была укутана коричневой накидкой, а поперек коленей ее, среди прочих моих пожитков, лежал «Терминус Эст». Мне удалось достать сапоги, чулки, бриджи, плащ и пояс с ташкой, не потревожив ее, но, стоило коснуться меча, она забормотала во сне и крепче прижала его к себе, и потому я оставила меч на месте. Большинство больных уже проснулись и во все глаза смотрели на меня, но никто не сказал ни слова. Дверь в конце комнаты вела на лестницу, спускавшуюся на двор, где били копытами о мостовую боевые кони. Резвившийся в проходе киноцефал вскарабкался на подоконник, и мне показалось, что я еще сплю. Я швырнул в обезьяну поднятой с пола щепкой, и она оскалилась на меня, обнажив зубы, не менее впечатляющие, чем клыки Трискеля.

На двор вышел солдат в кольчуге, чтобы достать что-то из седельной сумы, и я, окликнув его,

спросил, где очутился. Думая, что я спрашиваю, в какой части крепости нахожусь, он указал на одну из башен и сказал, что Зал Правосудия — прямо за ней, а если я пойду с ним, то, пожалуй, смогу раздобыть себе что-нибудь поесть.

Стоило ему сказать это, я понял, что умираю с голоду. Я последовал за ним, и темный коридор привел нас в помещение гораздо менее высокое и светлое, чем лазарет. Здесь двадцать или тридцать димархиев поглощали обед — хлеб, говядину и похлебку из свежей зелени. Мой новый друг посоветовал взять миску и сказать поварам, что мне велено явиться сюда за обедом. Я так и сделал, и повара, несмотря на легкое удивление при виде моего плаща цвета сажи, накормили меня без возражений.

Солдаты, в отличие от них, были — само любопытство. Они спросили, как меня зовут, откуда я и в каком чине (последнее — видимо, полагая, что наша гильдия устроена на военный манер). Они спросили, где мой топор, а когда я просвятил их, чем мы пользуемся в работе, — где мой меч. Я объяснил, что со мной — женщина, которая присмотрит за мечом, и тогда они предположили, что она может удрать с ним, а после присоветовали припрятать для нее хлеба под плащом,

так как женщины в трапезную не допускаются. Оказалось, в походе все они, кто постарше, время от времени берут на содержание женщин — маркитанток, то есть спутниц самого полезного и безопасного свойства. Прошлым летом эти солдаты воевали на севере, а на зиму были отведены в Нессус, где занимались поддержанием общественного порядка. Теперь они снова ожидали отправки на север — самое большее, через неделю. Женщины же их на зиму вернулись в родные деревни, к родителям или родственникам. Тут я спросил, отчего эти женщины не захотели отправиться с солдатами на юг.

— Они-то хотели, — отвечал мой приятель, — как им не хотеть! Да только дело это — безнадежное. Когда кавалерия расчищает армии путь на север, за ней легко поспеть — продвигаемся в лучшие дни на лигу или на две. Если за неделю вычистим три, то — будь уверен, две из них потеряем на следующей. А вот на обратном пути им за нами не угнаться. Пятнадцать лиг в день! Чем они будут кормиться по дороге? Лучше уж подождать зиму. Если на наше место придет новый зенагий, будут у них новые дружки. К тому же кое-кто из старых девчонок и не придет, а вместо них появятся новые — чем плохо? Я слыхал, вчера

вечером принесли еще одного из ваших, из казнедеев, но он был при смерти. Ты еще не видел его?

Я ответил, что — нет.

— Один из патрулей доложил, что видели его в городе; хилиарх услыхал и отправил их привести его — нам, сказал, не сегодня-завтра потребуется. Ребята клянутся, будто пальцем его не тронули, однако вот — на носилках принесли. Не знаю, товарищ он тебе или как, но, может, ты захочешь взглянуть на него.

Я сказал, что обязательно навещу его и, поблагодарив солдат за гостеприимство, покинул трапезную — мне не давала покоя тревога за Доркас, вызванная их расспросами, хотя расспрашивали они наверняка просто из любопытства. Вдобавок слишком уж многое осталось без объяснений — как, например, меня ранили, если только под казнедеем, принесенным накануне в лазарет на носилках, имелся в виду именно я; откуда взялась Доркас… Впрочем, меня не столько тревожили ответы, сколько то смутное ощущение, знакомое каждому, в чьей жизни имеется нечто, не подлежащее огласке: неважно, как бы далек ни был вопрос от запретной темы, следующий может проникнуть в самое сердце ее.

Доркас уже проснулась. Она стояла возле моей

койки, на которую кто-то поставил миску горячей похлебки.

Увидев меня, она так обрадовалась, что радость ее, точно чума, передалась и мне.

— Я уже думала, ты умер, — сказала она. — Проснулась — нет ни тебя, ни одежды и решила, что тебя одели, чтобы похоронить. — Со мной все в порядке, — ответил я. — Что случилось вчера вечером? Доркас тут же сделалась предельно серьезна. Я усадил ее рядом с собою на койку и заставил съесть принесенный мною хлеб и суп. Между делом она начала рассказ:

— Ты, наверное, помнишь, как дрался с тем человеком в странном шлеме. Ты надел маску и вышел с ним на арену, хотя я умоляла тебя не делать этого. Он почти сразу же попал тебе в грудь, и ты упал. До сих пор не могу забыть тот лист — он, совсем как пиявка из черного железа, наполовину вошел в твое тело и покраснел, насосавшись крови.

А потом — отвалился. Не знаю, как описать… словно все это не могло быть на самом деле. Но все же было — я отчетливо помню, что видела. Ты поднялся и выглядел при этом так… ну, не знаю. Будто не понимал, где находишься, или же какая-то часть тебя унеслась далеко-далеко…

Тот человек хотел тут же добить тебя, но эфор заступился и сказал, что он должен подождать, пока ты не поднимешь свой аверн. И тут твой аверн заизвивался и раскрыл цветок. Тогда я подумала, что он, наверное, распустился прежде, только сейчас поняла, что он, быть может, не раскрывался вовсе — просто я слишком явственно представила себе распустившуюся розу. У него словно бы появилось лицо — такое, как… Если бы яд имел лицо, оно было бы точно таким.

Но ты не замечал ничего. Ты поднял аверн, и он — медленно, точно еще не совсем проснулся — потянулся к тебе. Но твой противник, гиппарх, не мог поверить собственным глазам. Он смотрел и смотрел на тебя; та женщина, Агия, что-то крикнула ему, и он пустился бежать. Люди, что смотрели на поединок, не хотели выпускать его — им хотелось видеть чью-либо смерть. Они попытались его остановить, и тогда он…

Глаза Доркас наполнились слезами. Она отвернулась, чтобы скрыть свою слабость, и я сказал:

— Он хлестнул по толпе аверном и, наверное, убил человек десять, да. А что было после?

— Он не просто хлестнул… После первых двух сам аверн метнулся к людям, словно змея. Те, кто был ужален листьями, умерли не сразу — они

закричали, и некоторые бросились бежать, падали, поднимались и снова бежали, как слепые, сбивая с ног других. Наконец какой-то большой, сильный человек ударил гиппарха сзади, и еще подошла женщина с бракемаром — наверное, она тоже дралась с кем-то… Она разрубила аверн — не сбоку, но вдоль стебля, расщепив его надвое. Тогда гиппарха схватили, и я услышала, как ее клинок зазвенел о его шлем.

А ты просто стоял на месте, быть может, даже не понимая, что противник сбежал, а аверн медленно тянется к твоему лицу. Я вспомнила, как поступила та женщина, и ударила его твоим мечом. Меч поначалу был так тяжел, а после — словно и вовсе утратил вес. Но, когда я опустила его, удар, казалось, мог снести голову бизону. Только вот я забыла снять с него ножны… Но все же удар выбил из твоих рук аверн, и я увела тебя.

— Куда? — спросил я.

Доркас вздрогнула и макнула кусочек хлеба в миску с дымящимся супом.

— Не знаю. Мне было все равно. Просто — так хорошо было идти с тобой и знать, что я забочусь о тебе, как ты заботился обо мне перед тем, как мы сорвали аверн. Но наступила ночь, и я замерзла

— ужасно замерзла. Я укутала тебя плащом поплотнее и застегнула его спереди, и ты, казалось, не мерз, потому я завернулась в твою накидку. Платье мое совсем развалилось…

— Помнишь, — сказал я, — там, в харчевне, я собирался купить тебе новое?

Она покачала головой, разжевывая хрустящую корочку.

— Знаешь, кажется, я давным-давно ничего не ела. Желудок очень болел — я из-за этого пила вчера вино… А теперь стало лучше. До этого я даже не понимала, насколько ослабела…

Но мне не хотелось нового платья. Носить его пришлось бы долго, и оно постоянно напоминало бы мне о вчерашнем дне. Давай лучше купим платье сегодня, если ты не передумал. Оно будет напоминать мне этот день — день, когда думала что ты умер, а оказалось, что с тобою все хорошо».

Как бы там ни было, мы все же вернулись в город. Я надеялась отыскать какое-нибудь место, где можно было бы уложить тебя в постель, но вокруг были только большие особняки с террасами и балюстрадами. Тут к нам подъехали солдаты и спросили, не казнедей ли ты. Я не слышала раньше этого слова, но помнила, что ты говорил о

себе, и сказала им, что ты палач, — солдаты всегда казались мне сродни палачам, и я была уверена, что они нам помогут. Они хотели было усадить тебя в седло, но ты не мог удержаться. Тогда они привязали несколько плащей между двух копий и уложили тебя на них, а концы копий вдели в стремена двух лошадей. Один предложил взять меня в седло, но я отказалась и всю дорогу шла рядом и говорила с тобой, только ты, кажется, не слышал…

Она допила суп.

— А теперь я тоже хочу тебя спросить. Когда я мылась там, за ширмами, то слышала, как вы с Агией шептались о какой-то записке. А потом ты разыскивал кого-то в харчевне. Расскажешь, что произошло?

— Почему же ты не спрашивала об этом прежде?

— Из-за Агии. Я не хотела, чтобы она знала то, что! удалось узнать тебе.

— Да ведь она вполне могла и сама додуматься до всего, до чего мог бы додуматься я. Я не слишком-то хорошо знал ее — честно говоря, я, кажется, тебя знаю гораздо лучше, — но все же знаю ее достаточно, чтобы понимать, что она гораздо сообразительнее меня.

Доркас покачала головой.

— Нет. Она из тех женщин, у которых прекрасно получается придумывать загадки, но не разгадывать те, что придуманы не ими. Пожалуй, она мыслит… как бы это сказать… обиняками. И проследить ход ее мыслей не сможет никто. О таких женщинах говорят, что они мыслят по-мужски, но на самом деле их мышление похоже на мужское еще меньше, чем мышление прочих женщин.

Они просто мыслят не по-женски. Да, ход их мыслей тяжело проследить, но это вовсе не говорит об их сообразительности или же глубине ума.

Я рассказал о записке и о том, что в ней было написано, упомянув, что, хоть записка и была уничтожена, я скопировал ее на листе бумаги из харчевни и притом обнаружил, что бумага и чернила — те же самые.

— Значит, кто-то написал ее прямо там, — задумчиво проговорила Доркас. — Видимо, один из слуг — он назвал конюха по имени. Но что это все могло значить?

— Понятия не имею.

— Я могу догадаться, отчего ее положили именно на то место. Там, на этой кушетке, сначала

сидела я. Ты не помнишь — официант, принесший поднос, поставил его на стол до того, как я ушла мыться, или после?

— Я помню абсолютно все, — сказал я. — Кроме прошлой ночи. Агия села в кресло, ты — на кушетку, а после я сел рядом с тобой. Я нес аверн, привязанный к жерди, и меч, и прежде чем сесть, положил жердь с аверном за кушетку. Затем пришла служанка с водой и полотенцами для тебя, потом она вышла и вернулась, принеся мне масло и ветошь…

— Ты, кажется, дал ей что-то, — заметила Доркас.

— Да, я дал ей орихальк, чтобы она принесла ширму. За эти деньги ей, наверное, приходится работать целую неделю… В общем, ты ушла мыться, а вскоре после этого харчевник привел официанта с подносом.

— Вот, значит, почему я ее не видела… Но официант, должно быть, понял, где я сижу, потому что больше свободных мест не было. Он оставил записку под подносом в надежде, что я найду ее, когда вернусь. Еще раз — с чего там начиналось?

— «Эта женщина была здесь раньше. Не верь ей».

— Значит, записка предназначалась мне. Будь

она для тебя, там было бы определенное указание на меня или Агию. Хотя бы по цвету волос… Если бы она была адресована Агии, ее положили бы на другой край стола — так, чтобы ее нашла она.

— Значит, ты напомнила кому-то его мать…

— Да.

На глазах Доркас снова выступили слезы. — Но ты еще слишком молода, чтобы иметь ребенка, который в состоянии написать подобную записку…

Не помню.

С этими словами она спрятала лицо в широких складках накидки.

Глава 29
Агилюс

Осмотрев меня и решив, что в лечении нет нужды, дежурный лекарь попросил нас покинуть лазарет — мой плащ и меч, как он выразился, «отрицательно влияли на прочих пациентов».

На противоположной стороне того здания, где я обедал с солдатами, нашлась лавочка, с товарами, отвечавшими всем их надобностям. Среди поддельных драгоценностей и прочих безделок, какие солдаты обычно дарят своим возлюбленным, была там и женская одежда. Хотя кошелек мой и был сильно истощен ужином в харчевне «Утраченная Любовь», куда мы так и не вернулись, я смог купить Доркас зимар.

Неподалеку от лавки был вход в Зал Правосудия, перед которым собралась толпа человек в сто. Завидев мой плащ цвета сажи, собравшиеся начали подталкивать друг друга локтями, указывая на меня, и мы вновь отступили на двор, полный горячих боевых коней. Там нас и разыскал бейлиф из Зала Правосудия — величественный человек с высоким, белым, как

кувшин, лбом.

— Ты — казнедей, — сказал он. — И мне было сказано, что ты достаточно искушен в своем ремесле, чтобы отправлять обязанности такового.

Я ответил, что сегодня же могу сделать все необходимое, если его начальство того требует.

— Сегодня? Нет, это невозможно. Слушание будет закончено только вечером.

Я заметил, что он, видимо, нимало не сомневается в том, что подсудимый будет признан виновным, если пришел убедиться в моей пригодности к совершению казни.

— О невиновности не может быть и речи — в конце концов, девять человек погибли, и он был схвачен с поличным. Поскольку он не принадлежит к высшим сословиям и не занимает видного общественного положения, возможность помилования либо апелляции также исключена. Приговор трибунала будет объявлен завтра поутру, посему ты понадобишься не раньше полудня.

Опыта общения с судьями или судебными чиновниками у меня не было (наших пациентов всегда присылали прямо в Цитадель, а с чиновниками, приезжавшими порой для получения справок относительно того или иного дела, всегда беседовал мастер Гурло). Вдобавок мне не терпе-

лось впервые самостоятельно выполнить работу, к которой меня так долго готовили, и потому я спросил, отчего бы хилиарху не устроить казнь при свете факелов еще ночью.

— Как можно? Он должен подобающим образом обдумать и взвесить свое решение! Иначе — как это будет выглядеть? И без того уже множество народу считает, будто военные власти слишком торопливы и даже своенравны! Сказать по чести, гражданский судья, вероятно, ждал бы с неделю, и делу это пошло бы только на пользу — времени было бы достаточно для того, чтобы открылись какие-либо обстоятельства, представляющие дело в ином свете. Конечно, этого не случилось бы — но тем не менее…

— Выходит, завтра после полудня, — сказал я. — Нам потребуется квартира для ночлега. К тому же, мне нужно осмотреть плаху и эшафот и подготовить пациента. Мне нужно письменное разрешение на встречу с ним?

Бейлиф спросил, не можем ли мы переночевать в лазарете. Я покачал головой, и тогда все мы отправились в лазарет, где бейлиф принялся ругаться с дежурным лекарем, который, как я и предполагал, отказался предоставить нам кров еще на одну ночь. Засим последовал долгий спор с

нестроевым унтером зенагия, который объяснил, что нам никак невозможно ночевать в казармах с солдатами, а если мы воспользуемся одной из комнат, зарезервированных для высших чинов, в ней после этого никто не захочет жить. В конце концов для нас очистили крохотную кладовку без окон и принесли туда две кровати и еще кое-какую (изрядно, надо заметить, попользованную) мебель. Оставив там Доркас, я убедился, что не наступлю на прогнившую доску в самый ответственный момент и что голову пациента не придется отпиливать, уложив его на собственное колено, и, согласно нашим традициям, отправился в камеры — представиться пациенту.

Разница (пусть субъективная) между привычными и непривычными тюремными сооружениями — огромна! Спустившись в наши темницы, я в буквальном смысле слова — почувствовал бы, что возвращаюсь домой — хотя бы только для того, чтобы умереть. Да, я понимал бы, что извилистые железные коридоры и узкие, мрачные двери могут повергать заключенных в ужас, но сам нимало не ужаснулся бы. И, удивись этому кто-нибудь из соседей, перечислил бы ему множество разнообразных преимуществ тюремной жизни — чистые простыни, теплые одеяла,

регулярное питание, пристойное освещение, уединение и покой, нарушаемые кем бы то ни было лишь изредка, и так далее.

Теперь же, спускаясь по узкой винтовой лестнице из камня вниз, в темницы, во сто раз меньше наших, я испытывал прямо противоположные чувства. Темнота и нестерпимая вонь давили на меня тяжким грузом. В голове все время вертелась, как ни старался я гнать ее прочь, одна мысль: ведь я и сам волею случая (не поняв приказа либо невольно разозлив чем-нибудь бейлифа) могу оказаться заточенным здесь!

Из-за дверей до меня донесся женский плач. Поскольку бейлиф говорил о мужчине, я решил, что ошибся камерой. Моя должна была быть третьей справа. Двери были вполне обычными — деревянными, окованными железом, однако замки оказались тщательно смазанными. Вот она, военная дисциплина! Я сосчитал двери и отпер нужную, причем плач, стоило мне отодвинуть засов, затих.

Внутри, на соломе, лежал обнаженный человек. Железный ошейник его был прикован цепью к кольцу в стене. Над ним склонилась женщина, также обнаженная, и длинные темные волосы ее, ниспадая, закрывали их лица, точно объеди-

няя их в одно целое. Женщина подняла на меня взгляд, и я узнал Агию.

— Агилюс! — прошипела она.

Лежавший на соломе человек сел. Лица их были столь схожи, что Агия, казалось, держала перед собою зеркало.

— Это был ты, — сказал я, тут же вспомнив мелькнувшую под шлемом черную ленту и то, как вела себя Агия на Кровавом Поле. — Но это невозможно!

— Он умрет, — сказала Агия. — Умрет, потому что ты жив!

Я не нашелся, что ответить ей.

— Это и вправду был Агилюс?

— Конечно. — Голос моего пациента звучал октавой ниже, чем у его сестры, однако вовсе не так твердо. — А ты до сих пор не понял?

Я только покачал головой.

— Там, в лавке, была Агия. В костюме Серпентриона. Она вошла через заднюю дверь, и, когда ты и слышать не захотел о продаже меча, я подал ей знак.

— Мне нельзя было говорить, — сказала Агия, — иначе ты бы понял, что голос — женский. Но кираса скрыла мои груди, а перчатки — руки. А мужской походке подражать проще, чем это

кажется мужчинам.

— Ты хоть разглядел этот меч? Там ведь клеймо! Агилюс поднял руки, точно держа в них мой меч.

— Ну да, — бесцветным, ничего не выражающим тоном добавила Агия. — Ювиниан. Я видела в харчевне.

Высоко над ними в стене имелось крохотное оконце и сквозь него в камеру вдруг, словно ветер сдвинул с места нависшую над крышей тучу, упал солнечный луч. Я вгляделся в их залитые солнцем лица.

— Вы хотели убить меня. Лишь для того, чтобы завладеть моим мечом…

— Я надеялся, что ты оставишь его в лавке, — сказал Агилюс. — Помнишь? Я хотел убедить тебя бежать переодевшись. Я дал бы тебе и одежду и денег — сколько смог бы.

— Северьян, неужели ты не понимаешь? Этот меч стоит вдесятеро дороже нашей лавки, а эта лавка — все, что у нас есть!

— Вы проделывали такое и прежде. Наверняка. Слишком уж гладко все вышло. Совершенно законное убийство, незачем прятать тело…

— Но и ты собираешься убить Агилюса, разве нет? Ты ведь пришел из-за этого, хотя не знал, кто

за дверью, пока не открыл ее. Чем же ты отличаешься от нас?

— Бой был честным, — несколько мягче сказал Агилюс. — На равном оружии, и условия ты принял. А завтра — будет так же?

— Ты знал, что с наступлением вечера тепло моей руки оживит аверн и он ужалит меня в лицо. А сам был в перчатках, поэтому тебе-то оставалось только подождать. И даже ждать не нужно было — ты до этого наверняка достаточно напрактиковался в метании листьев.

— Ну да, — улыбнулся Агилюс, — перчатки дела не решали. И я было победил. — Он развел руками. — Однако в конечном счете выиграл ты — при помощи какого-то тайного мастерства, непонятного нам с сестрой. Я был обижен тобою трижды, а древний закон гласит, что трижды обиженный вправе требовать у обидчика выполнения любой просьбы. Конечно, этот закон давно не имеет силы, но сестренка говорит, что ты питаешь слабость к древним временам, к эпохе величия вашей гильдии, когда ваша крепость была центром Содружества. Вот моя просьба: освободи меня!

Агия поднялась, отряхнула солому с коленей и бедер и, словно только теперь осознав, что об-

нажена, подняла с пола свое столь памятное для меня парчовое платье и закуталась в него.

— Чем же я обидел тебя, Агилюс? — спросил я. — По-моему, это ты обидел меня. Во всяком случае, пытался обидеть…

— Во-первых, ты заманил меня в ловушку. Ты носил при себе, напоказ всему городу, древность, стоящую дороже виллы, и даже не знал, чем владеешь, хотя владелец обязан это знать, и твое невежество завтра будет стоить мне жизни, если только ты не освободишь меня сегодня. Во-вторых, ты отказался от переговоров о купле-продаже. В нашем же торговом сообществе каждый может назначать любую цену, какую только пожелает, но отказ продать товар по какой бы то ни было цене есть тяжкое преступление. Мы с Агией только рядились в причудливый варварский доспех — ты же носишь в груди сердце варвара. И, в-третьих, ты победил меня в поединке, прибегнув к шулерскому трюку. В отличие от тебя, я обнаружил, что оказался лицом к лицу с силой гораздо выше моего разумения. Это лишило меня мужества, и я бежал — так поступил бы любой на моем месте. И вот — я здесь. И призываю тебя выпустить меня на свободу.

Помимо воли из горла моего вырвался смех,

принесший с собой горечь желчи.

— Ты, которого я имею все основания презирать, просишь меня о том, чего я не сделал бы и для Теклы — той, которую любил больше собственной жизни. Нет. Я — глупец, и, если не был им до сих пор, твоя сестрица, несомненно, сделала из меня глупца. Но все же я не настолько глуп.

Платье Агии упало на пол, и она бросилась ко мне столь стремительно, что я решил, будто она собирается напасть на меня. Однако она, покрыв лицо мое поцелуями, схватила мои ладони и положила одну себе на грудь, другую же — на бархатный холмик меж бедер, на которых, как и на спине, еще оставались гнилые соломины.

— Северьян, я люблю тебя! Я хотела тебя все время, пока мы были вместе, и раз двадцать пыталась отдаться тебе! Разве ты забыл, как я старалась увести тебя в Сад Наслаждений? Он и вправду стал бы для нас садом истинных наслаждений, но… ты не пошел! Хоть раз будь честен… (В ее устах честность словно бы превратилась в нечто ненормальное, наподобие некоей мании.) Разве ты не любишь меня? Возьми меня сейчас… здесь… Агилюс отвернется, я обещаю.

Пальцы ее скользнули по моему животу, пробираясь под пояс, и я не замечал, что другая ее

рука подняла клапан ташки, пока не услышал шелест бумаги.

Я поймал ее запястье, пожалуй, сжав его сильнее, чем следовало, и она хотела было вцепиться ногтями мне в лицо — точно так же порой, не в силах больше вынести мыслей о заточении и боли, делала Текла. Я оттолкнул ее, и на сей раз за ее спиною не оказалось кресла. Агия ударилась головою о стену — и, хотя ее пышные волосы должны были смягчить удар, звук вышел резким, будто это каменщик ударил по кирпичу молотком. Лишившись сил, сползла она по стене вниз и опустилась на солому. Никогда не подумал бы, что Агия способна плакать, но все же она заплакала.

— Что она сделала? — спросил Агилюс, и голос его не выражал ничего, кроме любопытства.

— Ты, без сомнения, видел и сам. Она хотела залезть в мою ташку. — Я выгреб все оставшиеся монеты из кармашка, в котором хранил деньги: два медных орихалька и семь аэсов. — Быть может, хотела украсть письмо к архону Тракса. Однажды я упоминал о нем при ней, однако ношу его не здесь.

— Нет, ей наверняка нужны были деньги. Меня-то здесь кормят, а вот она, должно быть, жутко

голодна.

Я поднял Агию, сунул ей в руки разорванное платье и вывел ее в коридор. Она еще не вполне пришла в себя, но, стоило дать ей орихальк, швырнула его на пол и плюнула на него.

Вернувшись в камеру, я застал Агилюса сидящим скрестив ноги и прислонившись спиною к стене.

— Только не спрашивай о ней меня, — сказал он. — Все твои подозрения верны — этого тебе хватит? Завтра я умру, а она выйдет замуж за того старика, что положил на нее глаз, или еще за кого-нибудь. Чем скорее она это сделает, тем лучше. Раньше я этому был помехой, а теперь меня не станет…

— Да, завтра ты умрешь, — сказал я. — Я как раз хотел поговорить об этом. Тебе все равно, как будешь выглядеть на эшафоте?

Он опустил взгляд к своим рукам, мягким и тонким, лежавшим на коленях в луче солнечного света.

— Нет. Она может прийти. Надеюсь, что не придет, однако — нет, мне не все равно.

Тогда я (как меня учили) велел ему с утра есть поменьше, чтобы не стошнило, когда придет время, и загодя опорожнить мочевой пузырь,

расслабляющийся при ударе. Вдобавок я выложил ему о порядке процедуры всю ту выдумку, что обычно рассказывают приговоренным, чтобы удар оказался для них неожиданным — это делается для того, чтобы человек испытал перед смертью хоть чуточку меньше страха. Я не знал, поверил ли он мне, но надеялся на это — если и существует на свете ложь, праведная пред очами Панкреатора, моя была именно такова.

Покинув камеру, я не нашел на полу своего орихалька. На том месте, куда он упал — и, несомненно, ребром той монеты — на грязных камнях было нацарапано что-то, что могло бы оказаться свирепым лицом Джурупари, или, скажем, картой, испещренной совершенно незнакомыми мне письменами. Я стер рисунок подошвой.

Глава 30
Ночь

Их было пятеро — трое мужчин и две женщины. Ждали за дверьми — только не у самых дверей, а в дюжине шагов от них. В ожидании они разговаривали, по двое-трое одновременно, почти крича; хохотали, размахивали руками, подталкивали друг друга локтем. Некоторое время я наблюдал за ними из тени. Они не могли заметить — либо просто не замечали — меня там, а я вполне мог делать вид, будто не понимаю, зачем они здесь. Могло статься, что у них просто какой-то праздник — все они были слегка пьяны.

Они приблизились — нетерпеливо, но все же не без колебаний, словно решившись преодолеть боязнь быть прогнанными. Один из мужчин, без сомнения, незаконный сын какого-нибудь экзультанта, был гораздо выше меня ростом и почти так же толст, как хозяин харчевни «Утраченная Любовь». На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Рядом с ним, почти прижавшись к нему, шла худая женщина лет двадцати — я никогда не видел взгляда голоднее, чем у нее.

Когда пожилой толстяк оказался передо мною, загородив мне путь брюхом, она подошла ко мне совсем вплотную — чудом казалось то, что тела наши не соприкоснулись. Ее длинные пальцы потянулись к моему плащу, точно гладя мою грудь, однако не касаясь ее, и мне показалось, что я вот-вот паду жертвой какого-то призрака-кровопийцы — суккуба или, быть может, ламии. Остальные, сгрудившись вокруг, едва не прижали меня к стене.

— Значит, завтра, да? А что при этом чувствуешь? Как твое настоящее имя? А он — злодей, да? Чудовище? — Вопросы сыпались градом — видимо, спрашивавшие и не ожидали и даже не желали на них ответов. Им нужны были лишь ощущения от близости ко мне и беседы со мною. — Ты будешь ломать его на колесе? А клеймение будет? А женщин убивать тебе доводилось?

— Да, — сказал я. — Один раз.

Один из мужчин — низенький, хрупкого сложения, с высоким, выпуклым лбом интеллектуала — вложил в мою ладонь азими.

— Я знаю, ваш брат получает не так уж много, а преступник — нищ, от него чаевых ждать не приходится.

Женщина с распущенными седыми космами сунула мне носовой платок, обшитый по краю кружевом.

— Намочи его в крови. Хочешь, вымочи весь или — только уголочек. Я тебе после заплачу.

Все они были омерзительны и жалки, но одного мне стало и вправду жаль. То был человек еще ниже ростом, чем давший мне денег, и еще более седой, чем женщина с распущенными волосами. Тусклый взгляд его был исполнен безумия; казалось, его глазами смотрит на мир тень некоей непрестанной тревоги — подавленной заключением в темнице разума, лишившейся жажды вырваться наружу, но сохранившей все свои силы в целости. Он явно ждал, когда остальные четверо закончат говорить, но этому, видимо, не суждено было произойти никогда, и потому я жестом велел им замолчать и спросил, чего он хочет.

— Г-г-господин, на «Квазаре» была у меня паракои-та — к-к-кукла, так сказать, геникий (То есть часть дома, где жили женщины. Слово греческое.) моей каюты; прекрасная кукла с огромными, темными, точно колодцы, зрачками, а р-р-радужки, окружавшие их, были пурпурными, словно астры или же анютины глазки в весеннем цвету,

г-г-господин; пожалуй, целые с-с-сады цветов потребовались, дабы изготовить эти глаза, это тело, что, казалось, всегда было согрето солнцем! И г-г-где же она теперь, моя красавица, милая моя? Да укрепятся крюки на месте р-р-рук, что украли ее! Сокруши их каменной плитою, господин! Куда пропала она из ящика лимонного дерева, сделанного мной для нее, где не спала она ни разу, лежа ночи напролет со мною — со мною, а вовсе не в ящике, где ждала она меня целыми днями — стражу за стражей, господин! — улыбаясь, когда я укладывал ее туда, и радуясь тому, что вновь улыбнется мне, когда я вернусь и выну ее? Сколь мягки были ее руки — ее маленькие ладошки! Точно г-г-голубки! Она порхала бы по каюте, трепеща ими, словно крылышками, если бы не предпочитала вместо того лежать со мною! Н-н-намотай же к-к-кишки их на свой ворот, вынь очи их и вложи им в уста! Сбрей их мужские члены острою бритвой, сбрей начисто, дабы их девки не узнали их, дабы прогнали их прочь их возлюбленные, дабы с горячих губ шлюх летел им вослед жгучий смех! Да будет воля твоя над преступными, утратившими без остатка чувство сострадания к невинным! Когда же восплачут они, когда же дрогнут сердца их? Что за люди

способны на то, что содеяли они — воры, лицемеры, предатели, убийцы и хищники! Не будь тебя, г-г-господин, что было бы их ночным кошмаром, кто свершил бы возмездие?! Где были бы цепи их, путы, колодки и кандалы? Где были бы иглы, что ослепят их, где был бы жернов, что перемелет суставы их, кто сбросил бы их со скалы и раздробил их кости? О, где же, где же она — любимая, потерянная мною?!

Доркас сорвала маргаритку и воткнула ее в волосы но, пока мы гуляли за стенами крепости (я был закутан в плащ, так что с расстояния в несколько шагов любой сторонний наблюдатель решил бы, что она гуляет одна), цветок закрылся на ночь, и тогда она сорвала взамен один из тех белых, формой подобных трубе, цветов, которые называются луноцветом, поскольку в зеленом свете луны кажутся зелеными. Нам не было нужды в разговорах: мы были одни, и этого нам хватало, и руки наши, крепко сжимая друг дружку, говорили об этом без слов. В крепость вереницами тянулись повозки поставщиков армии — солдаты готовились выступить в поход. На фоне Городской Стены, окружавшей нас с востока и севера, стена, огораживавшая казармы и административные здания, казалась не

более чем детской игрушкой, песчаной постройкой, которую вот-вот смоет случайная волна. К югу и западу от нас простиралось Кровавое Поле. Раздался звук горна, за ним последовали возгласы новых бойцов, разыскивавших своих противников. Наверное, и я и Доркас какое-то время боялись, что другой предложит пойти и посмотреть бои, но ни один из нас не стал предлагать этого.

Горн на Стене протрубил во второй раз, и мы, раздобыв огарок свечи, вернулись в свою комнатушку без окон и очага. Дверь ее не запиралась, но мы придвинули к ней стол, водрузив на него свечу. Я предупредил Доркас, что она вольна уйти, если хочет, и что после ее всю жизнь будут звать палаческой подстилкой, отдающейся прямо под эшафотом за обагренные кровью деньги.

— Что ж, — сказала она, снимая коричневую накидку (свисавшую до пят, а порой, когда она забывала подоткнуть ее, волочившуюся по земле) и оглаживая грубую, желтоватую льняную ткань зимара, — эти деньги уже накормили и одели меня.

Я спросил, не боится ли она.

— Боюсь, — ответила она.

И тут же поспешила добавить:

— Нет, не тебя!

— Чего же?

Я снял одежду. Стоило ей лишь попросить, я не коснулся бы ее и пальцем, однако мне хотелось, чтобы она просила — умоляла — об этом. Тогда наслаждение воздержанием было бы, возможно, даже сильнее, чем удовольствие от обладания ею. К тому же очень приятно было бы осознавать, что, пощади я ее, следующей ночью она будет чувствовать себя еще более обязанной мне.

— Себя самой. Тех мыслей и воспоминаний, что могут вернуться ко мне, если я снова лягу с мужчиной.

— Снова? Ты вспомнила, что бывало у тебя прежде? Доркас покачала головой.

— Нет. Но я уверена, что — не девственница. Мне много раз хотелось тебя — и вчера и сегодня. Как ты думаешь, для кого я мылась? А прошлой ночью, пока ты спал, держала тебя за руку и представляла себе, будто мы лежим вместе, уже насытившись друг другом. И чувство насыщения оказалось так же знакомо мне, как и желание — выходит, до этого я знала хотя бы одного мужчину. Хочешь, я сниму это, прежде чем задуть свечу?

Тело ее было стройным, груди — высоки и пыш-

ны, а бедра — узки. Она выглядела до странного по-детски и в то же время — вполне созревшей женщиной.

— Ты такая маленькая, — сказал я, прижимая ее к себе.

— А ты — такой большой…

Тогда я понял, что все мои старания не сделать ей больно — и в ту ночь и во все последующие — будут напрасны. Понял я и то, что уже не смогу удержаться. Мгновением раньше смог бы, попроси она о том, но теперь… Я не мог. Я стремился вперед, ничуть не боясь напороться на рожон привязанности и, быть может, ревности.

Однако распятым на колу оказалось вовсе не мое, но ее тело. Мы стояли посреди комнаты, я гладил ее и целовал груди, округлые, точно половинки чудесных мягких плодов, а после поднял ее, и вместе упали мы на одну из кроватей. Доркас вскрикнула от боли и наслаждения и оттолкнула меня, дабы тут же вновь привлечь к себе.

— Как хорошо… как хорошо…

Она укусила меня в плечо. Тело ее выгнулось, словно туго натянутый лук.

Позже мы сдвинули кровати, чтобы лечь рядом. Во второй раз все вышло медленнее; от третьего же она отказалась, сказав:

— Тебе завтра понадобятся силы.

— Тогда тебе-то что за забота?

— Будь по-нашему, ни единый мужчина не скитался бы без приюта и не проливал крови. Но ведь миром правят не женщины… И все вы — палачи, каждый в своем роде…

Той ночью пошел дождь — столь сильный, что казалось, будто по черепице над нашими головами грохочет вечный, всеочищающий, всесокрушающий водопад. Я задремал, и мне приснилось, будто мир перевернулся кверху ногами, и Гьолл извергает на нас все воды свои, всю свою рыбу, и ил, и все водяные цветы. Я снова видел лицо, явившееся передо мною под водой, когда я едва не утонул. Огромное, кораллово-белое, оно улыбалось с неба, обнажив в улыбке игольно-острые зубы.

Траке называют Градом Без Окон… Быть может, подумал я, наша каморка — приготовление к жизни в Траксе? Да, Траке будет таким же… А может быть, мы с Доркас — уже там, и он вовсе не так уж далеко на севере, как я полагал или как внушали мне…

Доркас поднялась, чтобы выйти, и я отправился с нею — одной ей расхаживать ночью по крепости, где так много солдат, было бы небезопасно.

Коридор, куда выходила дверь нашей комнаты, пролегал вдоль наружной стены со множеством амбразур, сквозь каждую из которых внутрь заплескивала дождевая вода.

Мне не хотелось вынимать из ножен «Терминус Эст», но столь большой меч в случае чего быстро не выхватить… Вернувшись в комнату и снова придвинув стол к дверям, я извлек из ташки брусок и принялся оттачивать лезвие, пока рабочая его часть — последняя треть — не разделила надвое парящую в воздухе нить. Протерев и смазав клинок, я прислонил меч к стене у изголовья.

Завтра я в первый раз выйду на эшафот, если только хилиарх в последний момент не решит проявить милосердие. Такая возможность, такой риск — присутствуют всегда. История показывает, что каждая эпоха отличается своим, общепризнанным неврозом, и наш, как говорил мастер Палаэмон, — милосердие. Что ж, все лучше, чем ничего. Вдобавок, если людской закон не нуждается в последовательности, то и правосудие быть последовательным вовсе не обязано. В книге с коричневым переплетом был приведен диалог между двумя мистиками, один из которых утверждал, будто культура есть результат представления Предвечного в виде существа

логичного и справедливого, самой сутью своею вынужденного выполнять свои обещания и угрозы. Думаю, будь оно так, мы — на грани падения, причем вторжение с севера, сопротивляясь которому столь многие отдали свои жизни, подобно ветру, что рушит на землю насквозь прогнившее дерево.

Правосудие, справедливость — понятия высшего порядка; в ту ночь я был молод и посему желал только высокого. Наверное, именно поэтому мне хотелось, чтобы наша гильдия вновь обрела вес и влияние, какими обладала когда-то. (Да, я желал этого и после изгнания!) Быть может, по той же причине любовь ко всему живому, столь сильная во мне, пока я был ребенком, к тому моменту, как я нашел возле Медвежьей Башни беднягу Трискеля, истекающего кровью, стала лишь воспоминанием. В конце концов, жизнь не принадлежит к высшим понятиям; во многих случаях она и вовсе — нечто, противоположное чистоте. Теперь, хотя времени прошло совсем немного, я стал мудрее, и понимаю, что обладать всем, и низшим и высшим, гораздо лучше, чем только высшим.

Значит, завтра я лишу Агилюса жизни, если только хилиарх не дарует ему помилование.

Лишу жизни… Кто знает, что может означать это? Тело есть совокупность клеток (когда мастер Палаэмон говорил об этом, я неизменно представлял себе наши темницы). Будучи разделено на две достаточно большие части, оно гибнет. Но к чему оплакивать гибель совокупности клеток? Такая совокупность гибнет всякий раз, как в духовку пекаря отправляется очередной комок теста! Если человек — всего лишь совокупность, колония клеток, то человек — ничто. Но инстинктивно мы понимаем, что человек все-таки есть нечто большее. Что же случается с этой, главной его частью, когда гибнут клетки?

Возможно, она гибнет вместе с ними, только медленнее. На свете есть множество зданий, мостов и туннелей, населенных духами, но я слышал, что в тех случаях, когда дух принадлежит человеку, а не стихии, со временем он появляется все реже и реже, пока, в конце концов, не исчезнет вовсе. Историографы утверждают, будто в далеком прошлом люди не знали других миров, кроме Урса, не боялись зверей, населявших его в те времена, и свободно путешествовали с нашего континента на северный, однако ж никто никогда не видел призраков этих людей!

Возможно также, что это нечто погибает сразу

же — или уходит к звездам. Конечно, Урс — не более чем захолустная деревушка в бескрайних просторах мироздания; если дом человека, живущего в деревне, сожжен соседями, он уйдет из деревни прочь или же сгорит вместе с домом. Но в нашем случае вопрос — ушел он или сгорел — остается открытым…

Мастер Гурло, свершивший множество казней, не раз говаривал, что лишь глупец боится мелких погрешностей в отправлении ритуала — скажем, поскользнуться в крови или, не заметив, что пациент носил парик, попытаться поднять отрубленную голову за волосы. Гораздо опаснее, утратив твердость духа, позволить рукам задрожать, отчего удар выйдет неуклюж, или же, поддавшись чувству гнева, превратить акт правосудия в тривиальную месть… Прежде чем снова заснуть, я изо всех сил постарался очистить разум свой от страха и гнева.

Глава 31
Тень палача

В обязанности наши входит и долгое стояние на эшафоте в ожидании пациента — без плаща, в маске, с обнаженным мечом в руках. Некоторые говорят, будто таким образом палач служит символом вездесущего правосудия, но я полагаю, причина — в толпе. Ей просто нужно нечто, фокусирующее внимание и внушающее ощущение значительности того, что должно вскоре произойти.

Толпа — это никак не сумма индивидуумов, составляющих ее. Скорее, она — особого вида животное, лишенное дара речи и даже настоящего сознания, рождающееся, когда люди собираются вместе, и умирающее, стоит лишь им разойтись. Эшафот перед Залом Правосудия был окружен кольцом димархиев с пиками наперевес, а их офицер с пистолетом, пожалуй, мог бы убить пятьдесят или шестьдесят человек, прежде чем у него вырвут оружие, собьют с ног и затопчут. И все же лучше предоставить толпе некий всем понятный символ власти, точку фокуса, притяги-

вающую взгляд.

Люди, собравшиеся поглазеть на казнь, вовсе не были в большинстве своем бедны. Кровавое Поле — один из лучших кварталов города, и я видел в толпе довольно много красного и желтого шелка и лиц, вымытых с утра душистым мылом (мы с Доркас умывались в колодце на дворе). Подобная публика не так легка на подъем, как бедняки, но, будучи раздражена, становится гораздо более опасной — этих людей не ошеломить демонстрацией силы, да к тому ж они, что бы там ни утверждали различные демагоги, куда как храбрее.

Так, я стоял на эшафоте, положив руки на эфес «Терминуса», вглядываясь в толпу, и тень моя падала на заранее установленную нужным образом плаху. Хилиарха видно не было — позже я обнаружил, что он наблюдает за процедурой из окна. Я поискал в толпе Агию, но не нашел. Доркас стояла на ступенях Зала Правосудия — бей-лиф по моей просьбе зарезервировал для нее местечко.

Толстяк, подстерегший меня накануне, подобрался к эшафоту насколько мог близко — острие пики едва не уперлось в его брюхо. Женщина с голодными глазами стояла справа от него, а седовласая — слева. Данный ею платок я заткнул за

голенище сапога. Низенького, что дал мне азими, и тусклоглазого, так странно говорившего заики не было видно нигде. Я поднял взгляд к крышам — оттуда им, несмотря на маленький рост, было бы все прекрасно видно — и, хотя не смог отыскать их, они скорее всего были именно там.

Четверо сержантов в высоких парадных шлемах привели Агилюса. Вначале толпа раздалась, точно воды Птичьего Озера перед носом Хильдегриновой лодки, затем показались алые плюмажи, блеснули доспехи, и, наконец, я увидел его темные волосы и скуластое запрокинутое (цепь сковывала его руки за спиною так, что лопатки соприкасались) лицо. Я вспомнил, как элегантен был он в доспехах офицера Дворцовой Стражи, с распластанной на груди золотой химерой. Мне сделалось очень жаль, что конвоируют его не Серпентрионы, для которых он был в каком-то смысле своим, а простые исколотые-изрубленные солдаты, закованные в обычную — пусть и отполированную до блеска — сталь. Да, с него сорвали все его великолепное облачение, а я ждал его на эшафоте в той же гильдейской маске цвета сажи, в которой накануне дрался с ним… Глупые старухи верят, будто Всевышний Судия дарует нам победы в награду и карает за грехи поражениями

— вспомнив об этом, я почувствовал, что награда моя далеко превосходит ту, которую я заслужил.

Миг, другой — Агилюс взобрался на эшафот, и краткая церемония началась. Потом солдаты поставили его на колени, и я поднял меч, навсегда заслонив Агилюсу солнце.

Если клинок должным образом наточен, а удар нанесен верно, ощущаешь лишь легкую задержку при разделении надвое спинного хребта, а затем лезвие тяжко врубается в плаху. Я мог бы поклясться, что почувствовал запах крови Агилюса во влажном, выполосканном ливнем воздухе еще до того, как голова его упала в подставленную корзину. Толпа отпрянула назад и тут же рванулась вперед, к самым остриям пик. Я явственно слышал сопение толстяка — точно такие же звуки он издавал бы, потея в конвульсиях оргазма над телом какой-нибудь наемной женщины. Где-то вдалеке раздался крик — то был голос Агии, узнанный мной безошибочно, точно лицо, озаренное вспышкой молнии, и тембр его был таков, будто она не видела смерти брата, но почувствовала ее наступление.

Трудности палаческого ремесла не завершаются после свершения казни. Порою после казни как раз и начинается самое хлопотное. Голову,

подняв ее за волосы и показав толпе, можно бросить обратно в корзину. Но обезглавленное тело (способное, кстати, истекать потоками крови еще долго после того, как прекратится работа сердца) следует убрать прочь — достойным, но притом и позорным образом. Более того, убрать его следует не просто куда-нибудь, но — в определенное место, где оно будет ограждено от посягательств. Экзультанта, согласно обычаям, можно положить поперек седла его собственного коня и тут же передать семье. Однако персону низкого ранга надлежит убрать в какое-либо место упокоения, недоступное пожирателям мертвечины, и при этом — по крайней мере, пока вокруг имеются сторонние наблюдатели, тащить волоком. Палач не может выполнить эту задачу сам — он и без того обременен головой казненного и своим оружием. Из прочих официальных лиц — солдат, судейских и им подобных — редко кто добровольно вызывается выполнить сей ритуал. (В Цитадели это делали двое подмастерьев, так что затруднений не возникало.) Хилиарх, истинный кавалерист по выучке и, несомненно, душевной склонности, решил эту задачу, приказав привязать тело длинной веревкой к седлу вьючной лошади. Однако согласия животного при этом

спросить позабыли, и лошадь, будучи скорее рабочей, чем боевой, испугалась крови и ринулась было бежать. Словом, время, понадобившееся, чтобы доставить беднягу Агилюса в квадратный дворик, освобожденный от публики, оказалось для нас весьма и весьма насыщенным.

Я принялся чистить сапоги, но тут ко мне подошел бейлиф. Завидев его, я подумал, что он принес мне мой гонорар, но он сказал, что хилиарх желает уплатить мне лично. Я ответил, что не ожидал такой чести.

— Он видел все, — сказал бейлиф, — и остался очень доволен. Велел также передать, что ты и женщина, путешествующая с тобою, можете переночевать здесь, если пожелаете.

— Мы уйдем с наступлением сумерек, — отвечал я. — Так будет безопаснее.

Бейлиф на миг задумался и кивнул, выказав ума более, чем я ожидал.

— Да, у этого негодяя, должно быть, имеются друзья и родные, хотя ты вряд ли знаешь о них больше, чем я… Но, надо думать, с подобной опасностью тебе приходится сталкиваться часто.

— Меня предупреждали о ней более опытные члены нашей гильдии, — ответил я.

Да, я сказал ему, что мы уйдем с наступлением

сумерек, но на самом деле мы ждали, пока совсем не стемнеет — отчасти ради пущей безопасности, отчасти же ради того, чтоб поужинать в казармах перед уходом.

Конечно, мы не могли сразу же отправиться к Стене и покинуть город — ворота (о местоположении коих я, кстати, имел лишь самое смутное представление) были заперты на ночь. Вдобавок все наперебой предупреждали нас, что между Стеной и казармами нет ни гостиниц, ни постоялых дворов. Итак, нам предстояло затеряться в городе и найти место для ночлега, откуда назавтра можно будет быстро добраться до ворот. Бейлиф подробно объяснил мне дорогу, и все же мы заблудились, но поняли это не сразу, а в путь отправились в самом радостном настроении. Хилиарх хотел было отдать мне плату из рук в руки, вместо того чтобы швырнуть деньги наземь, как того требует обычай, и мне пришлось отговорить его — ради его же собственной репутации. Я в подробностях рассказал Доркас о происшедшем (инцидент, надо заметить, порадовал меня не меньше, чем огорчил). Стоило мне закончить, она с чисто женской практичностью спросила:

— Значит, он хорошо заплатил тебе?

— Услуги одного подмастерья стоят вдвое мень-

ше. Я получил плату мастера! И, конечно же, кое-какие чаевые, связанные с церемонией. Теперь у меня, несмотря даже на все, потраченное с Агией, денег больше, чем тогда, когда я покидал нашу башню, понимаешь? Пожалуй, ремесло нашей гильдии вполне прокормит нас в дороге!

Доркас плотнее закуталась в накидку.

— Я надеялась, что тебе никогда больше не придется прибегать к нему. Ну, разве лишь изредка… После казни тебе было так плохо, и я тебя понимаю.

— Нервы… Боялся, что что-нибудь пойдет не так.

— Тебе было жаль его. Я видела.

— Наверное. Он был братом Агии и, пожалуй, отличался от нее только полом…

— Ты тоскуешь по Агии, правда? Она так нравилась тебе?

— Я знал ее всего день — гораздо меньше, чем знаю тебя. И, выйди все, как она хотела, я был бы мертв. Один из тех двух авернов наверняка прикончил бы меня.

— Но лист вонзился в тебя, а ты не умер. Я до сих пор часто вспоминаю, каким тоном она это сказала. И сейчас, закрыв глаза, снова слышу ее голос и ощущаю потрясение, которое почувство-

вал, осознав, что именно этой мысли избегал с того самого момента, как вновь поднялся с земли и увидел Агилюса с цветком в руке. Да, лист не убил меня, но я отвратил от этого свой разум — так человек, перенесший смертельную болезнь, прибегает к тысячам уловок, чтобы не смотреть в лицо смерти, или женщина, оставшись одна в большом доме, избегает смотреть в зеркала и занимает себя обычными делами, чтобы случайно не увидеть то существо, чьи шаги слышатся порою с лестницы.

Да, я выжил, хотя должен был умереть. Собственная жизнь показалась мне наваждением. Сунув руку за пазуху, я осторожно ощупал свою плоть и нашел нечто наподобие свежего шрама. Но ранка не кровоточила и совсем не болела.

— Значит, укол листа не смертелен, — сказал я. — Вот и все.

— Но Агия говорила…

— Слишком многое из того, что она говорила, оказалось ложью.

Мы взошли на покатый холмик, залитый зеленым лунным светом. Впереди виднелась черная линия Стены, казавшейся, подобно горам издали, ближе, чем на самом деле. Огни Нессуса позади сияли, словно фальшивый закат, мало-помалу

угасая с наступлением ночи. Я остановился на вершине холма, чтобы полюбоваться ими, и Цоркас взяла меня за руку.

— Так много домов… Сколько же народу в городе?

— Никто не знает.

— И всех их мы оставим позади… Северьян, Траке — то далеко?

— Да, я уже говорил. У первого порога. Я ведь не зову тебя идти со мной, ты знаешь это.

— Однако мне хочется. Но… Северьян, что, если я когда-нибудь потом захочу вернуться? Ты отпустишь меня?

— Тебе будет опасно идти назад одной, — ответил я. — Поэтому, наверное, попытаюсь отговорить. Но связывать и запирать не стану, если ты это имеешь в виду.

— Ты говорил, что сделал копию записки, которую кто-то прислал мне в харчевне — помнишь? Но так и не показал. Покажи сейчас.

— Я в точности передал тебе, что там говорилось, а записка ведь не настоящая. Ту выбросила Агия. Наверное, она думала, что кто-то — быть может, Хильдегрин — пытается предостеречь меня.

С этими словами я открыл ташку. Нащупав записку, пальцы мои наткнулись на что-то еще

— холодное, странной формы.

— Что там? — спросила Доркас, увидев выражение моего лица.

Я вытащил странный предмет. Он был лишь самую малость больше и толще орихалька. Холодный материал, из которого он был сделан, засверкал звездою в лучах луны. Мне показалось, что в руке у меня — маяк, видный всему городу; я тут же сунул вещицу обратно в ташку и опустил клапан.

Доркас сжимала мое запястье так, словно пальцы ее превратились в тесный для меня браслет из золота и слоновой кости.

— Что это было? — прошептала она. Я встряхнул головой, надеясь, что от этого в ней хоть немного прояснится.

— Это — не мое. Я даже не знал… Самоцвет, драгоценный камень…

— Не может быть. Разве ты не почувствовал тепла? Вот драгоценный камень — на твоем мече. А что ты вытаскивал из ташки?

Я взглянул на опал, венчавший эфес. Да, он блестел при свете луны, однако на предмет, извлеченный мною из ташки, был похож не более, чем стеклянная безделушка — на солнце.

— Коготь Миротворца, — сказал я. — Агия суну-

ла его туда, когда мы врезались в алтарь, чтобы его не нашли при ней в случае обыска. Потом Агилюс объявил бы о своем праве победителя, и они получили бы камень назад, но я остался жив, и тогда она хотела стащить его там, в камере…

Но Доркас не смотрела на меня. Взгляд ее был обращен к городу, окутанному сиянием мириадов светильников.

— Северьян, — сказала она, — этого не может быть. Над городом, словно летучая гора из сновидений, парило огромное здание — с башнями, контрфорсами и сводчатой крышей. Из окон его струился багровый свет.

Я хотел было сказать что-то в отрицание чуда, происшедшего на моих глазах, но прежде чем успел хотя бы открыть рот, здание исчезло, словно пузырь в фонтане, оставив за собою лишь каскады искр.

Глава 32
Пьеса

Лишь после этого видения осознал я свою любовь к Доркас. Мы пошли вниз по дороге, пролегавшей через вершину холма, в темноту. Мысли наши были полностью поглощены увиденным, и души наши, пройдя через те несколько секунд, точно сквозь дверь, никогда прежде не открывавшуюся и захлопнувшуюся навеки, соединились без помех.

Я не знаю, куда мы шли. Помню лишь дорогу, петлявшую по склону холма, арчатый мост у подножия и еще одну дорогу, огражденную на протяжении лиги переносной деревянной оградой. И, куда бы мы ни направлялись, говорили мы не о себе, но только о нашем видении и его возможных значениях. В начале нашего пути Доркас была для меня лишь случайной попутчицей, которую я желал и жалел, в конце же его я любил ее так, как не любил ни одно человеческое существо. Нет, вовсе не оттого, что любовь моя к Текле уменьшилась — напротив, полюбив Доркас, я полюбил Теклу еще больше, ибо Доркас

стала моим вторым «я» ведь и Текл было словно бы две — одна столь же ужасна, сколь прекрасна другая) и полюбила Теклу вместе со мною.

— Как ты думаешь, — спросила она, — кто-нибудь, кроме нас, видел это?

Я еще не думал об этом, но ответил, что, хотя здание было видно всего лишь мгновение, произошло все над величайшим из городов, и, если даже десятки миллионов людей не заметили его, сотни все равно обратили внимание.

— Но что, если это — видение, предназначенное только нам?

Доркас, у меня прежде никогда не бывало видений. А я и не знаю, бывали ли видения у меня. Когда я пытаюсь вспомнить, что было с мной до того, как я помогла тебе выбраться из воды, то вспоминаю лишь, будто была под водою сама. А до того — только яркие, мельчайшие осколки миража. Наперсток, лежащий на куске бархата, тявканье собачонки за дверью… Ничего подобного. Ничего похожего на то, что мы видели с тобой.

Слова ее напомнили мне о записке, которую я, собственно говоря, и искал, когда нащупал Коготь, а она, в свою очередь, о книге в коричневом переплете, хранившейся в соседнем отделении

ташки. Я спросил Доркас, хочет ли она взглянуть на книгу, принадлежавшую Текле, когда мы найдем подходящее место для привала.

— Да, — отвечала она. — Когда мы снова будем сидеть у огня, как в той харчевне…

— Эта реликвия — мы, конечно, вернем ее Пелеринам перед уходом из города — и наш разговор напомнили мне то, о чем я читал однажды. Ты знаешь о Ключе к Мирозданию?

Доркас тихо засмеялась.

— Нет, Северьян. Я едва помню собственное имя — что я могу знать о Ключе к Мирозданию?

— Нет, я, пожалуй, неверно выразился. Знакома ли тебе идея, будто на свете есть тайный ключ к мирозданию? Фраза, сочетание слов, или, как говорят некоторые, всего одно слово, которое якобы могут исторгнуть уста некоей статуи, или же его можно прочесть в старинном пергаментном свитке, или узнать от анахорета, живущего за далекими морями?

— Его знают младенцы, — сказала Доркас. — Знают до того, как выучатся говорить. А выучившись, забывают. Однажды мне кто-то говорил об этом.

— Да, именно это я и имел в виду. В коричневой книге собраны древние мифы, и есть целый раз-

дел, где перечислены все ключи к мирозданию — все то, что люди якобы узнавали от мистагогов с далеких миров, или вычитывали из волшебного пополь-вуха, или получали в озарении, постясь в дуплах священных деревьев… Мы с Теклой читали их и говорили о них, и суть одного из этих ключей была в том, что все на свете имеет три ипостаси, три смысла. Первая — практическая, как сказано в книге, «доступная взору оратая». Вот корова жует пучок травы, и трава реальна, и корова реальна; эта ипостась мира столь же важна и истинна, как и все остальные. Вторая — отображение мира в самом себе. Каждый предмет имеет связь со всеми прочими, и посему мудрый может из наблюдений над одним предметом извлечь знание обо всех остальных. Это называется ипостасью ворожей — именно ею пользуется тот, кто предсказывает удачную встречу по змеиным следам на песке или пророчит счастье в любви, если поверх патронессы одной масти выпадет курфюрст другой.

— А третья? — спросила Доркас.

— Третья ипостась — воплощение Панкреатора. Поскольку все в мире берет свое начало в Панкреаторе и им же приводится в движение, весь мир есть воплощение его воли. В этом — реальность

высшего порядка.

— Выходит, то, что мы видели, — небесное знамение? Я покачал головой.

— В книге сказано, будто небесным знамением является все вокруг нас. И столб в этой ограде, и то, как ветви того дерева нависают над ней… Некоторые из знамений выражают эту третью ипостась с большей готовностью, нежели прочие.

Шагов сто после этого мы прошли в молчании. Затем Доркас заговорила:

— Пожалуй, если то, что написано в книге шатлены Теклы, правда, то у людей все наоборот. Мы видели, как огромное здание взмыло в воздух и пропало, верно?

— Я видел лишь, как оно висело над городом. Оно в самом деле взлетало вверх?

Доркас кивнула. Светлые волосы ее блеснули в свете луны.

— По-моему, третья, как ты говорил, ипостась — очевидна. Вторую найти труднее, а первую — казалось бы, самую простую — вовсе невозможно.

Я хотел сказать, что понимаю ее — по крайней мере, насчет первой ипостаси, но тут в некотором отдалении от нас раздался грохот — раскатистый,

точно гром.

— Что это?! — воскликнула Доркас, схватив меня за руку.

Прикосновение ее маленькой, теплой ладони оказалось очень приятным.

— Не знаю. Похоже, это — за той рощицей впереди.

— Да, — кивнула она, — теперь я слышу голоса.

— Значит, твой слух острее моего.

За рощицей снова загрохотало — еще громче и продолжительнее прежнего. Впрочем, наверное, мы просто подошли ближе. Мне показалось, что сквозь заросли молодых буков пробивается свет огней.

— Вон там! — Доркас указала куда-то чуть севернее деревьев. — Это не звезда — слишком низко и слишком быстро движется.

— Наверное, фонарь. На крыше фургона или в чьей-то руке.

Грохот возобновился, и на этот раз я узнал в нем барабанную дробь. Теперь и я слышал голоса, и один из них звучал еще басовитее и, пожалуй, громче, чем барабан.

Обогнув рощу, мы увидели с полсотни человек, собравшихся вокруг небольшого помоста. На помосте, меж двух пылающих факелов, возвышался

великан, державший под мышкой, на манер тамтама, литавру. Справа от него стоял богато одетый человек небольшого роста, а слева — самая чувственная и прекрасная из всех виденных мною женщин, почти нагая.

— Что ж, все в сборе, — громко и быстро говорил маленький человек. — Все в сборе. Кто у нас тут? Любовь и красота? — Он указал на женщину. — Сила? Храбрость? — Взмах тростью в сторону великана. — Хитрость? Таинственность? — Он ударил себя в грудь. — Порок? — Снова жест в сторону великана. — И… взгляните-ка, кто к нам пожаловал! Наш старый враг, Смерть! Рано ли, поздно, но он приходит обязательно!

С этими словами он указал на меня, и лица публики — все как одно повернулись в нашу сторону.

То были Балдандерс с доктором Талосом. Что же они, вездесущи? Женщину, насколько мне помнилось, я видел впервые.

— Смерть! — говорил доктор Талое. — Смерть явилась к нам! Вчера и сегодня я думал, что ты не придешь никогда! Извини, старый друг, ошибся!

Я ждал, что публика рассмеется его мрачноватой шутке, но — нет. Два-три человека что-то пробормотали себе под нос, какая-то старуха

плюнула в ладонь и двумя пальцами указала на землю.

— Кого же привел он с собой? — Доктор Талое подался вперед, рассматривая Доркас в свете факелов. — Ну конечно, Невинность! Вот теперь и вправду все в сборе! Представление вот-вот начнется! Нервных просим не смотреть! Никогда в жизни не видели вы ничего подобного! Все в сборе! Все на местах!

Тем временем прекрасная женщина исчезла. Магнетизм в голосе доктора был столь силен, что я даже не заметил ее ухода.

Опиши я сейчас пьесу доктора Талоса такой, какой она показалась мне, одному из участвовавших в представлении, вы просто не поймете ничего. Если же я опишу ее так, как видела ее публика (что я и намерен сделать, ибо для данного повествования так будет правильнее), вы мне, наверное, не поверите. В драме сей, представленной силами пяти человек, двое из которых выступали впервые и даже не знали ролей, маршем шли армии, играли оркестры, падал снег и сам Урс содрогался. Да, доктор многого требовал от воображения зрителей, но призвал себе на помощь комментарии, простую и действенную механику, тени-силуэты, падавшие на экран,

голографические проекторы, шумовые эффекты, зеркальные задники и прочие доступные сценические средства, и в целом удивительно преуспел, о чем свидетельствовали рыдания, вопли и вздохи, время от времени доносившиеся до нас из темноты.

И все же он потерпел поражение. Ему хотелось общения, он жаждал поведать публике великую историю, существовавшую лишь в его голове и неспособную воплотиться в простые слова, однако ни один зритель (а уж тем более — мы, двигавшиеся по сцене и говорившие по его указке) так и не понял толком, о чем она. Это (как говорил доктор Талое) можно было бы выразить лишь колокольным звоном, грохотом взрывов да — порой — ритуальными позами. Но под конец оказалось, что даже этих средств недостаточно. Там была сцена, в которой доктор Талое дрался с Балдандерсом, пока они не разбили лица друг друга в кровь; была сцена, в которой Балдандерс разыскивал объятую ужасом Иоленту (так звали прекраснейшую из женщин) в залах подземного дворца, и в конце концов сел на крышку сундука, в котором она пряталась. В заключительной части сцена превратилась в комнату для допросов, Балдандерс, доктор и Доркас с Иолентой

были привязаны к разнообразным пыточным конструкциям, и каждого из них я — на глазах затаившей дыхание публики — подверг пыткам, столь же экзотичным, сколь и неэффективным, если применить их на деле. В этой сцене я не мог не заметить, как странно заропотала публика, когда я готовился якобы вывернуть из суставов ноги Доркас. Я не знал, что зрителям полагалось увидеть, как Балдандерс освобождается от оков. Цепь его с лязгом упала на помост, несколько женщин завизжали. Я украдкой оглянулся на доктора в ожидании указаний, но он, освободившись еще раньше Балдандерса, уже прыгнул к краю помоста.

— Табло! — крикнул он. — Табло!. Я уже знал, что это означает, и замер на месте.

— Почтеннейшая публика! Сколь восхитительно внимание, коим почтили вы наше представление! Теперь мы покорнейше просим поделиться с нами не только вашим драгоценным временем, но и содержимым ваших кошельков! В заключительной части пьесы вы увидите, что случится дальше, после того, как чудовище, наконец, вырвалось на свободу!

Доктор протянул к публике свою высокую шляпу, и в нее со звоном упали несколько монет. Не

удовлетворившись этим, он спрыгнул в публику и пошел по рядам.

— Помните: чудовище на свободе, и теперь ничто не мешает удовлетворению его звериных желаний! Помните, что я, его мучитель, ныне связан и отдан ему на милость! Помните, что вы еще не раскрыли — благодарю тебя, сьер! — тайны загадочной фигуры, мелькнувшей в окне перед взором Графини! Спасибо. Помните, что там, над подземельем, которое сейчас перед вами, плачущая статуя — спасибо — все еще роет землю под корнями рябины! Ну же! Вы щедро поделились с нами своим временем — не скупитесь же, когда дело дошло до денег! Некоторые воистину проявили щедрость, но ведь мы представляем для всех! Где же серебряные азими, что дождем должны сыпаться в мою старую шляпу?! Не заставляйте троих платить за всех! У кого нет азими, сойдет и орихальк, а уж аэс-то найдется в каждом кармане!

В конце концов доктор удовлетворился собранным и, быстро вернувшись на место, скользнул в свои путы, которыми якобы накрепко был привязан к доске, усеянной острыми шипами. Балдандерс заревел и потянулся ко мне, выставив на обозрение публики вторую цепь, удерживав-

шую его на месте.

— Заметь его, — шепнул мне доктор Талое. — Отбивайся факелом.

Я сделал вид, будто только сейчас заметил, что руки Балдандерса свободны, и выдернул из гнезда в углу сцены факел. В тот же миг оба факела страшно зашипели, вспыхнули голубым и зеленым пламенем, осыпали сцену снопами искр, но огонь тут же приугас, языки его съежились до обычного размера. Я ткнул факелом в Балдандерса и, повинуясь указаниям доктора, закричал:

— Нет! Назад! Назад!

Балдандерс отвечал еще более яростным ревом. Цепь натянулась так, что декорация, к которой он был прикован, пошатнулась и заскрипела. На губах его — в буквальном смысле — выступила пена: две струйки густой белой жидкости потекли из уголков рта по подбородку, оросив белыми, точно снежные хлопья, каплями его костюм черного со ржавчинкой цвета. В публике завизжали. Цепь разорвалась со звуком хлопающего бича. Безумие в лице великана повергало в ужас, и я скорее попробовал бы остановить лавину в горах, чем встал бы на его пути, но не успел я и шагу ступить, как он вырвал из моей руки факел и сбил меня с ног его железной рукоятью.

Я поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выхватил из гнезда второй факел и с обоими шагнул к краю помоста. Женский визг утонул в воплях мужчин — точно сотня палачей разом принялась за сотню пациентов. Вскочив на ноги, я было ринулся к Доркас, чтобы схватить ее и бежать под прикрытие рощи, но тут увидел доктора Талоса. Он, исполненный злобного веселья ~ иначе это не назовешь — уже вновь освободился от пут и развлекался вовсю. Иолента высвободилась тоже, и прекрасное лицо ее не выражало ничего, кроме облегчения.

— Замечательно! — воскликнул доктор Талое. — Прекрасно! Балдандерс, можешь вернуться, незачем держать нас впотьмах. Что ж, господин палач, понравился ли тебе сценический дебют твоей девушки? Для новичков — да еще без репетиций — вы выступили прекрасно!

Я как-то ухитрился кивнуть.

— Вот только, когда Балдандерс сбил тебя с ног… Ты должен простить его — он понимал, что ты не догадаешься упасть сам. Идем. Балдандерс наделен множеством талантов, но дара разыскивать среди травы потерянное в суматохе среди них не значится. За сценой есть фонари, и вы с Невинностью поможете нам.

Я не понял, о чем он, но через несколько мгновений факелы были водружены на место, и мы принялись обыскивать утоптанную землю перед помостом при свете тусклых фонарей.

— Здесь имеется элемент риска, — объяснил доктор Талое, — и мне это, должен признаться, нравится. Сбор денег — вещь верная; к концу первого акта я могу предсказать, сколько окажется в шляпе, с точностью до орихалька. Но вот оброненное на землю!.. Мы можем найти всего-то пару яблок да репку, а может статься, находки превзойдут самые смелые мечты! Однажды мы нашли маленького поросенка. Отменного — так сказал Балдандерс, поедая его. А однажды мы нашли маленького младенчика. Раз попалась трость с золотым набалдашником — она до сих пор со мною. Старинные броши, туфли… Туфли нам попадаются особенно часто. А вот женский зонтик… — Он поднял находку. — Очень пригодится завтра, в дороге, дабы укрыть от солнца нашу добрую Иоленту.

Иолента выпрямилась, словно усердно изживая привычку сутулиться. При этом спина ее изогнулась назад, словно для того, чтобы уравновесить тяжесть полных грудей.

— Я очень устала, доктор, — сказала она. — Если

мы пойдем ночевать в гостиницу, идем сейчас же! Я и сам валился с ног от усталости.

— Ночевать? В гостиницу? Какое преступное разбазаривание средств! Подумай, дорогая моя: ближайшая гостиница, самое меньшее, в лиге отсюда, а собирая помост и прочие пожитки, мы с Балдандерсом провозимся не меньше стражи, даже при помощи дружественного нам Ангела Смерти. Таким образом, когда мы доберемся до гостиницы, солнце взойдет над горизонтом, запоют петухи, не менее тысячи разных дурней проснутся, примутся хлопать дверьми, выплескивать на мостовую помои…

Балдандерс хрюкнул (видимо, в знак согласия) и топнул ногой, точно хотел раздавить какую-нибудь мелкую, ядовитую тварь, прятавшуюся в траве.

Доктор Талое распростер руки в стороны, как бы обнимая все мироздание.

— Здесь же, дорогая моя, под звездами, каковые есть личная и нежно любимая собственность Предвечного, у нас есть все, что только может потребоваться для здорового отдыха. Воздух достаточно прохладен, чтобы спящие как следует оценили теплые одеяла и согревающий огонь костра; и, заметь, ни намека на дождь. Здесь

встанем мы лагерем, здесь назавтра устроим роскошный завтрак, отсюда вновь отправимся в путь — обновленными, радуясь наступлению нового дня!

— Кстати о завтраке, — сказал я. — У вас есть какая-нибудь еда? Мы с Доркас голодны.

— Конечно! Я видел — Балдандерс только что нашел целую корзину ямса.

Должно быть, среди «почтеннейшей публики» сегодня оказалось немало крестьян, возвращавшихся с рынка с нераспроданным товаром. Кроме ямса мы в конце концов обнаружили еще пару сквобов и с десяток стеблей молодого сахарного тростника. Одеял оказалось немного, но все же это было лучше, чем ничего. Доктор Талое заявил, что ему постель не требуется — он посидит у огня, а позже, быть может, вздремнет в кресле, незадолго до того служившем троном Автарха и скамьей Инквизитора.

Глава 33
Пять ног

Наверное, целую стражу я не мог заснуть. Вскоре сделалось очевидно, что доктор Талое и вправду не собирается спать, но я не терял надежды, что он — в силу каких-нибудь причин — хотя бы удалится на время. Сначала он сидел у огня, словно бы в глубокой задумчивости, затем встал и принялся расхаживать из стороны в сторону. Лицо его было неподвижно, но весьма выразительно легкое движение брови или наклон головы могли совершенно изменить его выражение. Пока он гулял у костра, я видел сквозь полусомкнутые веки, как печаль лисьей маски его лица сменялась ликованием, тут же уступавшим место вожделению, сменявшемуся скукой, или решимостью, или же одной из дюжин других эмоций, которым мне не подыскать названий.

Наконец он начал сшибать тростью головки диких цветов и вскоре обезглавил их все на десяток шагов от костра. Я подождал, пока его прямая, энергическая фигура не скроется из виду, а свист трости станет почти не слышен, и тогда осторож-

но извлек из ташки камень.

Он озарил ночь, точно звезда, упавшая с неба мне в ладонь. Доркас уже спала, и, как ни хотелось рассмотреть самоцвет вместе с нею, я не стал тревожить ее сон. Холодное голубое сиянье было столь ярким, что я боялся, что доктор, как бы далеко ни забрел, может заметить его. В голову пришла по-детски озорная идея взглянуть сквозь камень на пламя костра, словно сквозь линзу, и я приставил его к глазу, но тут же опустил вновь — привычный мир с фигурами спящих в траве мгновенно превратился в сноп бешено пляшущих искр.

Не помню, сколько лет было мне, когда умер мастер Мальрубиус. Во всяком случае — задолго до того, как я стал капитаном; выходит, я был еще совсем мал. Однако прекрасно помню, как мастер Палаэмон заменил его на посту наставника учеников. Мастер Мальрубиус занимал эту должность с тех самых пор, как я узнал, что на свете существуют подобные вещи, и после смерти его мне многие недели — а, может, и месяцы — казалось, что мастер Палаэмон (хотя его я любил едва ли не больше) не сможет стать нашим наставником в том же смысле, в каком был им мастер Мальрубиус. Нереальность проис-

ходящего путаница в мыслях усугублялись еще ощущением, будто мастер Мальрубиус вовсе не умер и даже не ушел от нас, что на самом деле он просто лежит в своей каюте, в той же кровати, где спал каждую ночь, пока обучал и наставлял нас. Есть такая поговорка: «С глаз долой — из сердца вон», — но в данном случае выходило наоборот: сделавшись незримым, присутствие мастера Мальрубиуса стало куда более ощутимым, чем прежде. Мастер Палаэмон отказывался подтвердить, что он в самом деле никогда не вернется, и посему каждое деяние свое я мерил двойною мерой: «Разрешит ли мастер Палаэмон?» и «Что сказал бы мастер Мальрубиус?» (Он так ничего и не сказал… Палач не пойдет в Башню Исцеления, как бы ни захворал. Говорят — не знаю, правду ли, нет ли, — будто виною тому старые счеты.) Если бы я писал все это для развлечения или же в назидание читателю, то не стал бы здесь отвлекаться на описание мастера Мальрубиуса, к тому моменту, как я спрятал Коготь обратно в ташку, давным-давно обратившегося во прах. Но у исторического повествования — свои нужды. Я мало разбираюсь в литературной стилистике, но обучаюсь по ходу дела и нахожу, что ремесло сие не так уж отличается от моего прежнего.

Десятки и сотни людей приходят смотреть на казнь. Я видел, как под тяжестью зрителей рушились балконы, одним ударом убивавшие больше народу, чем я за всю свою карьеру. Эти десятки и сотни людей вполне можно уподобить тем, кто читает книги.

Но, кроме зевак, наблюдающих казнь, имеются и другие, кто также должен быть удовлетворен. Это — представители власти, от имени которой действует палач, это — те, кто платит палачу, чтобы смерть приговоренного оказалась легкой (или мучительной), и, конечно же, сам палач.

Зрители останутся довольны, если казнь пройдет без проволочек; если последнее слово приговоренного будет сочетать в себе краткость и красноречие; если занесенный клинок на миг задержится, сверкая в солнечных лучах, прежде чем опустится, и им будет предоставлена возможность затаить дыхание, подталкивая друг дружку локтями; и, наконец, если струя крови после отделения головы будет достаточно впечатляющей. Так же и вы, кто придет однажды в библиотеку мастера Ультана, потребуете от меня спорого, без проволочек, хода повествования; персонажей, которым позволено говорить лишь кратко, но красноречиво; драматических пауз, означающих,

что вот-вот случится нечто важное; возбуждения чувств и достаточного количества крови.

Власти — хилиархи и архоны, от имени коих выступает палач, останутся (если позволите мне продолжить сию фигуру речи) довольны, если приговоренный не сможет спастись бегством или же взбунтовать толпу и в заключительной части процедуры будет неоспоримо мертв. Они подобны импульсам, побуждающим меня к писанию и требующим, чтобы главный предмет работы оставался во главе угла, а не сбежал в предисловие, алфавитный указатель или вовсе в другую книгу; чтобы он не затерялся среди риторики; и чтобы завершающий работу вывод оказался удовлетворительным.

Тех же, кто платит казнедею, дабы он сделал смерть приговоренного безболезненной или мучительной, можно уподобить литературным традициям и общепринятым схемам, которые взывают ко мне, требуя следовать им. Помню, однажды, ненастным зимним днем, когда ледяные струи дождя стучали в окна нашей классной комнаты, мастер Мальрубиус — очевидно, поняв, что мы не в настроении для серьезной работы, или же и сам будучи в не подходящем для нее расположении духа — поведал нам о некоем ма-

стере Веренфриде из нашей гильдии, жившем в старые времена. Оказавшись в жестокой нужде, он принял плату и от врагов осужденного, и от его друзей, но мастерство его было столь высоко, что обе партии, стоявшие по разные стороны эшафота, остались вполне довольны увиденным. Таким же образом и враждебные партии литературных традиций навязывают свои мнения тому, кто пишет исторические повествования — будь он хоть самим Автархом. Одни желают легкости, другие — богатства ощущений, доставленных процедурой… чтения. И мне, отнюдь не наделенному мастерством мастера Веренфрида, предстоит разрешить ту же дилемму, что и ему. В этом я и стараюсь преуспеть.

Что же остается? Сам казнедей; то есть я. Ему вовсе не достаточно всеобщих похвал. Недостаточно и того, что казнь свершена по всем правилам, согласно всем требованиям наставников и древних традиций. В довершение ко всему, дабы ощутить полное удовлетворение собою, когда настанет миг и Время поднимет за волосы на потеху толпе его собственную седую голову, он должен сообщить процедуре некую — пусть мельчайшую — черточку, изобретенную им самим и никогда не повторяемую дважды. Только

тогда он может чувствовать себя свободным художником.

В ту ночь, когда я делил постель с Балдандерсом, мне снился странный сон, и я без колебаний изложил его в своем повествовании: пересказ снов вполне укладывается в литературные традиции. А в то время, которое я описываю сейчас, когда мы с Доркас спали под звездным небом в обществе Балдандерса, Иоленты и доктора Талоса, сидевшего у огня, я видел нечто меньшее — а может, и большее, — чем просто сон. Это уже выходит за рамки традиций, посему я заранее предупреждаю вас, своих будущих читателей, что это не имеет почти никакого отношения к событиям, которые последуют вскоре, и я пересказываю его лишь ради собственного удовольствия. Впрочем, все-таки он, войдя в мое сознание и оставшись в нем навек, несомненно, оказал определенное влияние на последующую часть повествования…

Надежно спрятав Коготь, я вытянулся на одеяле у костра. Голова Доркас покоилась близ моей, ноги Иоленты едва не касались моих ног, а Балдандерс лежал по другую сторону костра, и толстые подошвы его башмаков находились в опасной близости от тлевших углей. Возле его плеча, спинкой к костру, стояло кресло доктора

Талоса. Не знаю, вправду ли сидел он в нем, вглядываясь в ночь; в то время, что будет описано ниже, я порой ощущал его присутствие, а порой чувствовал, что его нет. По-моему, уже начинало светать — небо сделалось чуть светлее.

Шаги, достигшие моих ушей — тяжелые, однако мягкие, — почти не потревожили моего сна. Затем услышал я и дыханье — сопение зверя. Глаза мои были еще открыты, однако, скованный сном, я даже не повернул головы. Приблизившись, зверь обнюхал мое лицо и одежду. То был Трискель, тут же улегшийся рядом и прижавшийся ко мне спиной. Я не удивлялся, что он сумел отыскать меня, — помню лишь, что обрадовался этому.

Вскоре я снова услышал шаги — на сей раз это была медленная, твердая поступь человека. Я тут же вспомнил звуки шагов мастера Мальрубиуса, вместе с нами спускавшегося в темницы во время обхода камер, и понял, что это — он. Плащ его был в пыли — как всегда, кроме самых торжественных случаев, — и он, как обычно, закутался в него, усевшись на ящик с декорациями.

— Северьян, перечисли мне семь основ правления. Говорить оказалось трудно, однако (во сне, если это был сон) я умудрился раскрыть рот:

— Не помню, чтобы мы изучали эти вещи, мастер.

— Ты всегда был самым беззаботным из моих мальчиков…

Он погрузился в молчание, и я, точно в озарении, почувствовал, что должен ответить, иначе произойдет нечто ужасное.

— Анархия… — неуверенно начал я.

— Сие есть отсутствие какого бы то ни было правления. Анархия предшествует любой форме правления, я учил вас этому в классе. Перечисли же семь основ.

— Преданность персоне правителя. Преданность династии либо иному порядку преемственности. Преданность правящему сословию. Преданность кодексу, регулирующему принципы правления. Преданность единственно закону. Преданность большей или меньшей совокупности выборщиков, являющихся творцами закона. Преданность абстракции, объединяющей в себе совокупность выборщиков, совокупности лиц, их избравших, и ряду прочих элементов, большей частью — идеального свойства.

— Терпимо. Какая же — самая ранняя меж ними, а какая — высшая?

— Основы правления перечислены в хроно-

логическом порядке, мастер. Но прежде ты не спрашивал, какая из них — высшая.

Мастер Мальрубиус склонился ко мне. Глаза его пылали ярче углей костра.

— Какая меж ними — высшая, Северьян?

— Последняя, мастер?

— То есть преданность абстракции, объединяющей в себе совокупность выборщиков, совокупности лиц, их избравших, и ряду прочих элементов, большей частью — идеального свойства?

— Да, мастер.

— Какого же рода, Северьян, твоя собственная преданность Божественной Сущности?

Я молчал. Быть может, размышлял — но, если так, сознание мое, объятое сном, не могло проследить хода мысли. Вместо того оно целиком сосредоточилось на реалиях окружающего мира. Небо надо мною, во всем его величии,.казалось, было сотворено единственно ради меня и теперь выставлено передо мною, дабы я мог осмотреть его. Я лежал на земле, точно на женщине, и самый воздух вокруг был восхитителен, словно тонкий хрусталь, и игрист, точно вино.

— Отвечай же, Северьян.

— Первого. Если она вообще имеется.

— То есть это — преданность личности правителя?

— Да, так как преемственности здесь нет.

— Животное, лежащее подле тебя, отдаст за тебя жизнь. Какого рода его преданность тебе?

— Первого?

Ответом мне было молчание. Я сел. Мастер Мальрубиус исчез. Исчез вместе с ним и Трискель — лишь бок мой еще хранил тепло его тела.

Глава 34
Утро

— Ты не спишь? — сказал доктор Талое. — Уверен, ты отменно выспался!

— Мне снился странный сон, — ответил я, озираясь вокруг.

— Здесь нет никого, кроме нас. Словно успокаивая ребенка, доктор указал на Балдандерса и спящих женщин.

— Мне снился мой пес. Он пропал несколько лет назад, а теперь будто бы вернулся и улегся рядом. Проснувшись, я еще чувствовал тепло его тела.

— Ты лежал совсем рядом с костром, — заметил доктор Талое. — Никакого пса здесь не было.

— А человека, одетого так же, как я? Доктор Талое покачал головой.

— Я не мог бы его не заметить!

— Но мог задремать.

— Разве что — раньше, еще вечером. Я бодрствую уже две стражи.

— Давай я постерегу сцену и декорации, — предложил я. — Поспи, если хочешь.

Суть состояла в том, что я просто-напросто бо-

ялся обратно ложиться.

Несколько мгновений доктор колебался.

— Весьма любезно с твоей стороны, — сказал он и растянулся на моем одеяле, усеянном капельками росы.

Я сел на его место, развернув кресло так, чтобы следить за костром. Некоторое время я оставался наедине со своими мыслями: сначала — об увиденном сне, затем — о Когте, всесильной реликвии, отданной случаем в мои руки. Наконец Иолента — к немалой радости моей — заворочалась, встала и потянулась, подняв изящные ручки к небу.

— Есть тут вода? — спросила она. — Мне нужно умыться.

Я ответил, что Балдандерс, по-моему, приносил воду для ужина откуда-то со стороны рощи. Кивнув, она отправилась на поиски ручья. Ну что ж, по крайней мере, ее пробуждение отвлекло на себя мои мысли… Я перевел взгляд с удалявшейся Иоленты на лежавшую ничком Доркас. Красота Иоленты была совершенна. Ни одна из женщин, что встречал я в жизни, не могла сравняться с нею. Высокая, статная Текла рядом с Иолентой показалась бы по-мужски грубоватой, а неяркая русоволосая Доркас выглядела бы совсем

ребенком, как и Валерия, давно забытая девочка, встреченная мной в Атриуме Времени…

И все же к Иоленте меня не влекло так, как к Агии; я не любил ее так, как любил Теклу; не желал с нею того единства помыслов и чувств, что возникло между мною и Доркас. Да, меня влекло к ней, как влекло бы всякого, увидевшего ее, но влечение это было сродни влечению к женщине с картины. И, даже восхищаясь ее красотой, я не мог не заметить (еще накануне, на сцене), как неуклюже ходит она, столь грациозная, пока стоит неподвижно. Округлые бедра ее терлись друг о друга, словно красота обременяла ее подобно младенцу во чреве. Вернувшись из рощи, поблескивая капельками воды на ресницах, с лицом, чистым и совершенным, как изгиб радуги, она ничуть не нарушила моего ощущения одиночества.

— … я говорю: у нас остались фрукты, если хочешь. Доктор вчера велел оставить что-нибудь на завтрак.

Говорила она хрипловато, с легким придыханием — такой голос можно слушать, как музыку.

— Прости, — отвечал я, — я задумался. Да, от фруктов я не отказался бы. Очень любезно с твоей стороны.

— Если хочешь, пойди и возьми сам. Вон там, за стойкой с доспехами.

«Доспехи» были всего лишь тканью, натянутой на проволочный каркас и выкрашенной серебряной краской. За стойкой я отыскал старую корзину с кистью винограда, яблоком и гранатом.

— Я, пожалуй, тоже поем, — сказала Иолента. — Винограду.

Я отдал ей виноград и, решив, что Доркас, скорее всего, предпочла бы яблоко, положил его возле ее руки, а гранат взял себе.

— Выращен каким-нибудь экзультантским садовником под стеклянной крышей, — заметила Иолента, разглядывая свой виноград. — Для натурального рановато. Что ж, бродячая жизнь, наверное, не так уж плоха. И я получаю треть от сбора.

— Разве ты не выступала с доктором и Балдандерсом раньше?

— Ты не помнишь меня? Странно. — Бросив в рот виноградину, она — по крайней мере, так мне показалось — проглотила ее целиком. — Нет, не выступала. Только репетировала. Но эта девушка вклинилась в сюжет так внезапно, что все пришлось поменять.

— Наверное, я внес еще большую путаницу — она ведь появлялась на сцене гораздо реже.

— Да, но на тебя мы рассчитывали. На репетициях доктор Талое исполнял вместе со своей и твою роль и говорил то, что должен был говорить ты.

— Значит, он рассчитывал на мое возвращение… При этих словах доктор вздрогнул и сел. Сна у него не было ни в одном глазу.

— Конечно же, конечно! Ведь тогда, за завтраком, мы сказали тебе, где нас искать, и, не появись ты вчера вечером, не стали бы представлять «Великие Сцены Из» и подождали бы еще денек. Иолента, тебе отныне полагается не треть, а четверть поступлений — поделиться с партнершей будет только справедливо.

Иолента, пожав плечами, проглотила еще одну виноградину.

— Буди ее, Северьян. Пора трогаться. Я разбужу Балдандерса, и мы разделим деньги и ношу.

— Я не пойду с вами, — сказал я. Доктор вопросительно воззрился на меня.

— Мне нужно вернуться в город. Там у меня дело к Ордену Пелерин.

— Тогда ты можешь идти с нами до главной дороги. По ней будет гораздо скорее.

Быть может, оттого, что доктор не стал ни о чем расспрашивать, мне показалось, что он знает больше, чем хочет показать.

Иолента, не обращавшая внимания на нашу беседу, подавила зевок.

— До вечера мне нужно будет поспать еще, а то мои глаза будут выглядеть хуже, чем надо.

— Хорошо, — ответил я доктору, — но, когда мы выйдем к дороге, я должен буду покинуть вас.

Доктор, отвернувшись, уже будил великана, тряся его и охаживая по плечам тростью.

— Как пожелаешь, — сказал он — возможно, мне, возможно, Иоленте.

Я погладил Доркас по голове и шепнул ей на ухо, что пора вставать.

— Зачем ты это сделал? Мне снился такой прекрасный сон — очень подробный, все, как на самом деле…

— Мне — тоже. До того, как я проснулся.

— Значит, ты уже давно на ногах? А яблоко — мне?

— Боюсь, это — все, что достанется тебе на завтрак.

— А мне и не нужно большего. Взгляни, какое круглое, красное! Как там говорилось — «красен, как яблоки…». Нет, не помню. Хочешь откусить?

— Я уже ел. Мне достался гранат.

— Оно и заметно — у тебя все губы измазаны соком. Я уж решила, что ты всю ночь сосал кровь.

Наверное, слова ее здорово потрясли меня — Доркас тут же добавила:

— Ты — совсем как черная летучая мышь, нависшая надо мной…

«Балдандерс уже сидел и тер глаза кулаками, словно обиженный ребенок.

— Ужасно, когда приходится вставать в такую рань, верно? — сказала ему Доркас. — Тебе тоже снился сон, добрый человек?

— Никаких снов, — отвечал Балдандерс. — Мне никогда ничего не снится.

Доктор Талое взглянул в мою сторону и покачал головой, точно желая сказать: «Случай безнадежный».

Балдандерс, с виду вполне пришедший в себя, уставился на Доркас:

— А ты кто такая?

— Я…

Доркас испуганно взглянула на меня.

— Это Доркас, — сказал я.

— Да. Разве ты не помнишь? Мы встречались вчера вечером за кулисами. Ты… твой друг познакомил нас, и сказал, что тебя не нужно бояться,

потому что ты злой только понарошку. На сцене. И я ответила, что понимаю, потому что Северьян, например, творит ужасные вещи, а сам — такой хороший, добрый… — Тут она снова оглянулась на меня. — Помнишь, Северьян?

— Конечно. Пожалуй, тебе незачем бояться Балдандерса, хоть он и забыл тебя. Да, он огромен, но величина его — все равно, что мой плащ цвета сажи, делает его гораздо страшнее, чем он есть.

— Чудесная у тебя память, — сказал Доркас Балдандерс. — Вот бы и мне так все помнить…

Голос его рокотал, словно катящийся с горы валун. Пока мы беседовали, доктор Талое извлек откуда-то денежный ящик и теперь встряхнул его, чтобы привлечь наше внимание.

— Друзья мои! Я обещал вам честно и поровну разделить доходы от нашего представления, и, когда дележ будет завершен, мы отправимся в путь. Балдандерс, повернись сюда и протяни руку. Сьер Северьян, дамы, не будете ли вы так любезны тоже подойти ко мне?

Конечно, от меня не укрылось, что ранее доктор говорил о дележе денег, собранных им накануне вечером, на четыре части, однако я полагал, что обделенным останется Балдандерс, казалось, находившийся у доктора в рабстве. Но теперь,

пошарив в ящике, доктор Талое бросил в ладонь великана блестящий азими, другой дал мне, третий — Доркас, и пригоршню орихальков — Иоленте. Затем он принялся раздавать нам орихальки по одному.

— Как вы можете видеть, пока что все это — настоящее, — сказал он. — Но, как ни горько мне сообщать вам об этом, подозрительных монет тоже хватает. По окончании тех, что сомнений не вызывают, мы разделим поровну и их.

— А свои ты уже взял, доктор? — спросила Иолента. — Пожалуй, это тоже лучше было сделать при всех.

Руки доктора, отсчитывавшие нам монеты, на миг замерли в воздухе.

— Себе я не беру ничего, — сказал он. Доркас взглянула на меня, словно ожидая подтверждения своему мнению, и прошептала:

— Но это несправедливо.

— В самом деле, несправедливо, доктор, — поддержал ее я. — Ты не меньше нашего участвовал в представлении, и собирал деньги, и, судя по всему, помост и декорации — твои. Тебе причитается вдвое больше, чем любому из нас!

— Я не возьму ничего, — медленно проговорил доктор Талое. Впервые я видел его в замешатель-

стве. — Для меня удовольствие — управлять тем, что теперь можно назвать труппой. Я написал пьесу, которую мы представляли; мне… — Он огляделся, словно не зная, что сказать. — Мне нравится доспех, в котором я выступал перед публикой. Другой награды, кроме этого удовольствия, мне не нужно. Теперь, друзья мои, вы можете видеть, что орихальков на круг не хватает. Дабы быть точным, осталось только два. Кто пожелает, может забрать оба, отказавшись от своей доли аэсов и сомнительной монеты. Северьян? Иолента?

— Я возьму их, — к моему удивлению, объявила Доркас.

— Прекрасно. Не стану брать на себя смелость судить о подлинности оставшегося — просто раздам его вам. Но предупреждаю: пускайте их в ход с осторожностью. Наказания за распространение фальшивой монеты суровы, хотя за Стеной… Что это?

Проследив направление его взгляда, я увидел, что к нам приближается человек в поношенных серых одеждах.

Глава 35
Гефор

Не понимаю, отчего, но встречать пришедшего, сидя на земле, считается оскорбительным. Человек в сером приближался; обе женщины встали, и я последовал их примеру, и даже Балдандерс поднялся на ноги, посему, когда пришелец подошел к нам, сидящим оставался лишь доктор Талое, занимавший наше единственное кресло.

Да, менее впечатляющей фигуры трудно было бы себе вообразить! Человек этот и вообще-то был невысок ростом, а из-за того, что одежда была ему велика, казался еще меньше. Вялый подбородок его порос неопрятной щетиной; подойдя, он снял засаленную шапчонку, обнажив голову, облысевшую по бокам к затылку — так, что остатки волос на ней образовывали извилистую линию, делая темя его похожим на старый, нечищеный бургиньот с незамысловатым гербом. Я помнил, что где-то видел этого человека прежде, однако узнал его не сразу.

— Повелители! — заговорил он. — О, повелители и повелительницы мироздания! Вы, дамы

шелковововласые, в шелка облаченные, и вы, господа, правящие империями и повелевающие армиями В-врагов нашей Ф-фото-сферы! Вы, чьи башни тверже камня, сильнее д-д-дуба, что распускает листья и после лесного п-пожара! И ты, мой господин, темный властелин, торжество с-смерти, вице-король над ночью! Д-долго служил я на кораблях серебропарусных, по сту мачт, достигавших самых з-з-звезд, долго плавал под их сверкающими кливерами, и Плеяды горели у нас за кормой, но никогда и нигде не встречал никого, подобного тебе! Зовусь я Г-г-гефором и пришел служить тебе — чистить плащ твой, точить ог-ромный меч, таскать за тобою корзину с глазами жертв твоих. Повелитель, подобными лунам Вертанди, умершим вместе с солнцем. Ч-что станется с ними, блестящи-ми игруньями, когда угаснет солнце? Долго ли будут гореть факелы? И потянутся к ним руки з-з-замерзающих — увы! — чаши тех факелов холоднее льда, холоднее мертвых лун Вертанди, холоднее глаз м-м-мертвецов! Где сила та, что пенила озера? Где та империя, где Армии Солнца под золотыми стягами на длинных пиках? Где шелковововласые женщины, лишь накануне любившие нас?

— Я так понимаю, ты был среди нашей публи-

ки, — сказал доктор Талое. — Вполне сочувствую твоему желанию снова посмотреть представление, но мы будем к твоим услугам не раньше вечера — а к вечеру надеемся быть в некотором удалении отсюда.

Гефор, встречавший меня возле Зала Правосудия, в обществе толстяка, женщины с голодными глазами и прочих, казалось, и не слышал его. Он смотрел на меня, бросая порой взгляды на Доркас с Балдандерсом.

— Он ранил тебя? Вывернул суставы, и я увидел кровь твою, алую, точно на Троицын день… Какая ч-ч-честь для тебя! Ты тоже служишь ему, и служение твое выше моего!

Доркас, покачав головой, отвернулась. Великан молча смотрел на Гефора.

— Ты, безусловно, понимаешь, — сказал доктор, — что все это было лишь театральным представлением.

(Я, помнится, подумал, что, если б публика не забыла об этом в нужный момент, когда Балдандерс спрыгнул со сцены, нам пришлось бы разрешать довольно сложную дилемму.) — Я понимаю больше, чем ты думаешь — я, старый капитан, старый лейтенант, старый кок на своем старом камбузе, варящий суп, похлебку для уми-

рающих зверушек! Мой повелитель реален, а где твои армии? Где империи твои? Да источит ли настоящая рана фальшивую кровь? Где сиянье шелка волос? Где сила твоя, когда кровь ушла в землю? Я, старый к-к-капитан старого, дряхлого судна — с матросами, чернеющими на фоне серебра парусов, и Угольной С-с-скалой за кормою — соберу ее в стеклянную чашу!

Пожалуй, здесь стоит отметить, что в то время я не обращал внимания на заикание Гефора, хотя память моя позволяет теперь зафиксировать его на бумаге. Он пел, он бурлил словами, брызжа слюной сквозь бреши в зубах. Возможно, тугодум Балдандерс понимал его. Доркас же, я уверен, он казался слишком отталкивающим, и она вряд ли разобрала хоть что-нибудь. Она стояла, отвернувшись, точно от альзабо, с чавканьем и хрустом вгрызающегося в падаль. Ну, а Иолента вообще не вслушивалась в то, что не касалось ее лично.

— Ты сам можешь видеть, что этой женщине никто не причинил вреда. — Доктор Талое встал и спрятал денежный ящик. — Мы всегда рады побеседовать с тем, кто оценил по достоинству наше представление, но, боюсь, нам пора за работу. Ты позволишь?..

Теперь, беседуя исключительно с доктором,

Гефор снова надел шапку, надвинув ее почти до самых бровей.

— Штивка? В ней никто не сравнится со мною, старым с-суперкарго, шипчандлером, старым стюардом и с-с-стивидором! Кто еще вставит орех обратно в скорлупу, кто поместит птенца обратно в яйцо? Кто уложит обратно в кокон, свисающий с ветки, словно опустевший с-с-саркофаг, выпорхнувшую из него б-б-бабочку? Я свершу это ради моего повелителя! Я буду следовать за господином моим в-в-всюду, куда ни направит он стопы свои!

Я лишь кивнул, не зная, что на это сказать. В тот же миг Балдандерс — видимо, уловив из сказанного, что пора паковаться — снял задник и принялся сворачивать его. Гефор с неожиданным проворством упаковал декорацию для Палат Инквизитора и смотал провода прожекторов. Доктор Талое взглянул на меня, словно говоря: «Что ж, теперь ты отвечаешь за него — так же, как я за Балдандерса».

— Таких на свете множество, — сказал я. — Они наслаждаются болью, их тянет к нам, как обычного человека тянуло бы к Доркас с Иолентой.

— Воображаю, — кивнул доктор. — Некоторые полагают, будто идеальный слуга — тот, кто слу-

жит единственно из любви к хозяину, идеальный крестьянин — тот, кто роется в земле единственно из любви к природе, а идеальная наложница — та, что раздвигает ноги десять раз за ночь единственно из любви к совокуплению… Увы, сих сказочных существ никто не видел живьем.

Прошло около стражи, и мы отправились в путь. Наш маленький театр был аккуратно уложен в огромную телегу, составленную из частей помоста. Балдандерс, кативший ее, нес еще кое-что на спине. Доктор Талое, Иолента и я шли впереди, а Гефор тащился за Балдандерсом на расстоянии, быть может, сотни шагов.

— Совсем как я, — сказала Доркас, оглянувшись. — А доктор — точно Агия, только не такой злой. Помнишь? Она не смогла прогнать меня, и, в конце концов, ты заставил ее прекратить…

Я помнил все и спросил, отчего она следовала за нами с таким упорством.

— Я не знала никого, кроме вас. И одиночество казалось куда страшнее Агии…

— Значит, ты все же боялась Агии?

— Да, очень! И до сих пор боюсь. Но… Не знаю, где я была до этого, но, похоже, была совсем одна — ужасно долго. Я больше не хочу оставаться одна. Ты, наверное, не поймешь этого; быть может,

это тебе не понравится, но…

— Что?

— Если бы даже ты возненавидел меня, как Агия, я все равно пошла бы за вами.

— Но Агия вряд ли так уж возненавидела тебя. Доркас подняла на меня взгляд. Я и сейчас вижу перед собою ее пикантное лицо, словно отражающееся в тихом омуте чернильницы. Быть может, оно было слегка утомленным и бледным, слишком детским, чтобы быть прекрасным, но глаза ее взирали на меня, словно лазурь небесной тверди потаенного мира, томящегося в ожидании Человека, и могли бы сравниться даже с глазами Иоленты.

— Она ненавидела меня, — тихо сказала Доркас. — И сейчас ненавидит еще сильнее. Помнишь, после поединка ты был совсем не в себе? Ты даже не оглянулся, когда я уводила тебя. А я оглянулась — и видела ее лицо.

Иолента заявила, что не хочет идти пешком.

— Я повезу тебя, — раздался позади глухой, низкий голос Балдандерса.

— Как? — Она оглянулась. — Поверх всего этого? Балдандерс не отвечал.

— Да, я хочу ехать, но не на куче скарба, как дура! Даже не думай!

Я словно воочию увидел печальный кивок великана.

Да, Иолента боялась выглядеть глупо… То, что я сейчас собираюсь написать, наверняка покажется вам глупым, хотя это — чистая правда. Что ж, читатель, веселись за мой счет. В тот миг я был поражен тем, насколько я везуч и как везло мне с того момента, когда я покинул Цитадель. Я был уверен, что Доркас не только любит меня, но и является верным моим другом, хотя мы — лишь несколько дней как встретились. Тяжкая поступь великана позади напомнила мне, как много людей бродят по Урсу совсем одни. Я понял (по крайней мере, мне казалось, что понял), отчего Балдандерс предпочел повиноваться доктору и всю свою недюжинную силу отдавать выполнению любых возлагаемых на него задач.

Кто-то, коснувшись моего плеча, отвлек меня от грез. То был Гефор, безмолвно подошедший сзади.

— Повелитель…

Я велел ему не звать меня повелителем и объяснил, что я — всего лишь подмастерье нашей гильдии, который вряд ли когда-нибудь возвысится даже до звания мастера. Он покорно кивнул. Губы его разомкнулись вновь, обнажив

сломанные резцы.

— Повелитель, куда мы направляемся?

— К воротам, — отвечал я.

Солгав ему, я солгал и самому себе — солгал, будто хотел, чтобы Гефор следовал не за мною, а за доктором и Балдандерсом. Правда же заключалась в том, что я вспомнил сверхъестественную красоту Когтя и подумал, как хорошо было бы не возвращаться в центр города, а унести камень с собою в Траке. Я указал в сторону Стены, возвышавшейся перед нами в отдалении, точно обычная крепостная стена — перед мышью. Стена была черна, словно грозовая туча, и, несомненно, множеству туч в вышине преграждала путь.

— Я понесу твой меч, Повелитель?

Предложение казалось вполне искренним, однако я вспомнил, какой заговор сплели Агия с братом, желая заполучить «Терминус Эсто, и со всею возможной твердостью сказал:

— Нет. Ни за что и никогда.

— Повелитель, мне больно видеть, как ты идешь пешком, неся его на плече. Должно быть, он очень тяжел!

Пока я объяснял (и это было чистой правдой), что меч вовсе не так тяжел, как кажется с виду, мы обогнули невысокий, покатый холмик и в полу-

лиге впереди увидели прямую, широкую дорогу, ведшую к проему в Стене. Дорога была запружена телегами, фургонами и прочим транспортом. Люди возле ворот казались мелкими мошками, а тягловый скот — муравьями, волокущими к муравейнику былинки. Доктор Талое обернулся к нам, продолжая идти спиною вперед, и указал на Стену — так гордо, точно выстроил ее сам.

— Некоторые из вас, думаю, видят ее впервые. Северьян, дамы, бывали ли вы раньше так близко к Стене? Даже Иолента покачала головой.

— Нет, — ответил я. — Я всю жизнь провел так близко к центру города, что Стена, если подняться на самый верх башни, в зал со стеклянной крышей, и взглянуть на север, казалась лишь темной полоской на горизонте. Признаюсь, я поражен.

— На совесть работали древние, не так ли? Подумай — прошло столько тысячелетий, но осталось еще множество незастроенной земли, по которой мы шли сегодня! Городу есть куда расти! Я вижу, Балдандерс качает головой. Неужели ты не понимаешь, дражайший мой пациент, что на месте всех этих лугов и кущ однажды, в будущем, вырастут дома и пролягут улицы?

— Они — не для разрастания Нессуса, — отвечал Балдандерс.

— Конечно, конечно! Несомненно, ты уже побывал там и знаешь все досконально! — Доктор подмигнул нам. — Балдандерс старше меня и потому уверен, будто знает все на свете. Иногда.

Вскоре мы оказались шагах в ста от дороги, и внимание Иоленты привлекло движение.

— Если здесь есть наемные паланкины, ты должен нанять один для меня, — сказала она доктору. — Я не смогу играть вечером, если весь день буду идти пешком.

Он покачал головой.

— Ты забываешь, что у меня нет денег. Если ты отыщешь паланкин, то, конечно же, вольна нанять его, если хочешь. А если не сможешь играть вечером, твоя ученица заменит тебя.

— Моя ученица? Доктор указал на Доркас.

— Я уверен, ей не терпится попробовать себя в главной роли, и сыграет она на славу. Отчего я, по-твоему, позволил ей присоединиться к нам и участвовать в представлении? Так будет даже лучше — не придется писать еще одну женскую роль!

— Ты глуп. Она пойдет с Северьяном. Разве утром он не сказал, что собирается вернуться в город, искать… — Иолента шагнула ко мне, еще прекраснее в гневе. — Как ты назвал их — Ман-

тильи?

— Пелерины.

Тут же человек, ехавший почти по самой обочине верхом на мерихипе, придержал своего скакуна.

— Если ты ищешь Пелерин, — сказал он, — нам по пути. Но не в город, а — туда, за ворота. Вчера ночью он ушли по этой дороге.

Ускорив шаг, я ухватился за луку его седла и спросил, уверен ли он в достоверности этой информации.

— Ночью я спал в гостинице, и прочие постояльцы разбудили меня, ринувшись на улицу за их благословением, — отвечал он. — Я выглянул в окно и увидел их шествие. Слуги тащили хоругви кверху ногами, жрицы рвали на себе одежды… — Лицо его — длинное, усталое, насмешливое — расколола пополам кривая улыбка. — Не знаю, что у них стряслось, но, ты уж поверь мне, уход их был впечатляющ и несомненен, как сказал медведь, стоя на поляне среди остатков пикника!

Доктор Талое склонился к Иоленте.

— Пожалуй, — шепнул он ей, — ангел мук и твоя ученица останутся с нами еще на некоторое время.

Как позже выяснилось, он был прав лишь отча-

сти. Без сомнения, вы, возможно, множество раз видевшие Стену и каждый день проезжавшие сквозь те или иные ее ворота, на чем свет стоит клянете мою нерасторопность, и все же я, прежде чем продолжить свое жизнеописание, ради пущей уверенности, скажу о ней несколько слов.

О высоте я уже говорил. Пожалуй, редкая птица сможет перелететь Стену — возможно, две или три, если не считать орла, огромного горного тераторниса, дикого гуся и им подобных. Именно такой вышины ожидал я, когда мы достигли подножия Стены: на этот счет ошибиться трудно, ибо она отчетливо видна на многие лиги вокруг, и облака, плывущие мимо нее, кажутся лишь рябью на глади озера. Сооружена она из того же черного металла, что и стены Цитадели, и потому, видимо, показалась мне не столь уж ужасной — все здания, которые видел я в городе, были выстроены из камня или кирпича, но материал Стены был знаком мне с раннего детства.

Но пройти в ворота оказалось — все равно что спуститься в шахту, и я не смог сдержать дрожи. Пожалуй, все вокруг, кроме доктора Талоса с Балдандерсом, чувствовали то же, что и я. Доркас крепче сжала мою руку, а Гефор опустил взгляд к земле. Иолента, похоже, считала, что доктор, с

которым она только что ссорилась, обязательно защитит ее, но, когда он, не отреагировав на прикосновение к плечу, продолжал шагать вперед и по-прежнему беззаботно постукивать по мостовой тростью, к изумлению моему, оставила его и взялась за стремя человека, ехавшего верхом на мерихипе.

Над нами возвышались стены створа ворот, в которых через равные интервалы были прорезаны окна, застекленные неким материалом, гораздо прочнее и прозрачнее обычного стекла. За окнами виднелись силуэты — мужчины, женщины, и какие-то странные человекоподобные создания — возможно, какогены, существа, для которых аверн был обычным цветком, как для нас — маргаритка или иван-да-марья. Иные же казались зверьми, очень похожими на людей — странно было видеть разум во взгляде повернутой к окну рогатой головы и острые клыки в устах, раскрывшихся, дабы что-то сказать. Я спросил доктора Талоса, кто это такие.

— Солдаты, — отвечал он. — Пандуры Автарха… Иолента, от страха прижавшаяся полной грудью к бедру всадника на мерихипе, добавила шепотом:

— …чей пот — злато для подданных.

— Прямо — там, внутри Стены?

— Точно мыши. Впрочем, я так понимаю, при ее невероятной толщине там, внутри, места хватает. В коридорах и галереях ее обитает бесчисленное множество солдат, готовых оборонять Стену, подобно термитам северных пампасов, обороняющим свои земляные жилища со старый дуб высотой. Мы с Балдандерсом проходим ворота уже в четвертый раз — я уже рассказывал, что по пути на юг мы вошли в Нессус через эти ворота, а год спустя покинули его через другие, что зовутся Печальными. Недавно, возвращаясь с юга, мы шли через еще одни южные ворота — Хвалебные. И каждый раз любовались Стеной изнутри, как вы сейчас, и лица этих слуг Автарха так же взирали на нас. Не сомневаюсь, что среди них есть и те, кто выслеживает неких определенных преступников, и, завидев одного из таких, они устремятся наружу и схватят его.

Тут в разговор вступил человек, ехавший на мерихипе (как я узнал позже, имя его было Иона):

— Прошу прощения, оптимат, но я невольно слышал твои слова. Могу рассказать больше, если тебе будет угодно. Доктор Талое покосился на меня. Глаза его сверкнули.

— Что ж, мы будем рады, но прежде сделаем

одну оговорку. Разговор пойдет лишь о Стене и тех, кто обитает внутри нее. Это означает, что мы не станем задавать вопросов, касающихся лично тебя, и, в свою очередь, ждем от тебя той же любезности.

Всадник сдвинул на затылок потертую шляпу, и я заметил, что вместо правой руки у него — стальной протез.

— Ты понимаешь меня лучше, чем хотелось бы, как сказал один человек, глядя в зеркало! Признаюсь, я надеялся спросить тебя, зачем ты путешествуешь в обществе казнедея и отчего эта дама, прекраснейшая из всех, что мне доводилось видеть, идет пешком в пыли.

Иолента, отпустив его стремя, сказала:

— С виду ты беден и немолод, добрый человек. Тебе вряд ли подобает расспрашивать обо мне.

Даже в густой тени ворот я увидел, как прихлынула кровь к щекам всадника. Все, сказанное Иолентой, было сущей правдой: одежда его была поношенной и испачканной в дорожной пыли, хотя и чище, чем у Гефора, а обветренное лицо — изборождено морщинами. Наверное, целую дюжину шагов он проехал молча, но затем все же заговорил снова. Тон голоса его — ровного, ни высокого, ни низкого — был исполнен суховатого

юмора.

— В старые времена владыки нашего мира не боялись никого, кроме собственного народа. Дабы оборонить себя, они выстроили великую крепость на холме в северной части города, еще не называвшегося Нессусом, ибо река еще не была отравлена. Многих разгневала постройка той цитадели, ибо они полагали законным правом своим без помех повергнуть владык во прах, когда того пожелают. Но другие уходили в плаванье на кораблях, странствовавших меж звезд, и возвращались с богатой добычей и новыми знаниями. И вот однажды вернулась из плаванья женщина, не привезшая с собой ничего, кроме пригоршни черных семян:...

— А-а, — перебил его доктор Талое, — так ты — профессиональный сказитель! Следовало предупредить об этом с самого начала, ибо мы, как ты, должно быть, видишь, — тоже нечто подобное.

Иона покачал головой.

— Нет, из всех сказок я знаю только эту. — Он склонился к Иоленте. — Позволено ли мне продолжить, о прекраснейшая из женщин?

Мое внимание привлекли дневной свет впереди и сумятица в потоке экипажей, перегородив-

ших дорогу — некоторые, желая повернуть назад, нахлестывали упряжки и пытались бичами расчистить себе путь.

— …и показала она семена те владыкам человеческим, и сказала, что, если не покорятся ей, бросит она семена в море, положив тем конец миру. Ее схватили и разорвали на куски, ибо господство их было абсолютным стократ против нашего Автарха…

— …да увидит он Новое Солнце, — пробормотала Ио-лента.

— Чего же они так испугались? — спросила Доркас, еще крепче сжав мою руку.

Тут же она ахнула, разразившись слезами, и спрятала лицо в ладонях — щеку ее задел железный кончик плети. Протолкавшись вперед, я поймал за лодыжку ударившего ее возничего и стащил его с облучка. К этому времени ворота уже гудели от божбы, ругани, воплей раненых и рева испуганных животных. Если Иона и продолжал свой рассказ, я его не слышал.

Возница, сброшенный мной с облучка, должно быть, умер мгновенно. Дабы произвести впечатление на Доркас, я хотел подвергнуть его казни, называемой у нас «Два абрикоса», но он упал прямо под ноги толпы и тяжелые колеса телег.

Даже крик его в общей суматохе не был услышан никем.

Здесь, мой читатель, проведя тебя, от ворот до ворот — от запертой, окутанной туманом решетки ворот некрополя до этих, в клубах дыма и пыли, быть может, величайших во всей вселенной и во все времена, — я сделаю паузу. Войдя в первые, я начал путь, что привел меня ко вторым, войдя же во вторые, пошел новой дорогой — длинной и долгой, лесами и полями за пределами Града Несокрушимого, среди гор и северных джунглей.

Здесь, в начале ее, самое время сделать привал. И если ты, читатель, откажешься следовать за мною дальше, я не виню тебя. Дорога сия — нелегка.

Примечание переводчика

Переводя эту книгу — с языка, пока еще не существующего, — на английский, я мог бы с легкостью избавиться от многих затруднений, просто-напросто изобретая необходимые термины, но делать этого, конечно же, не стал. Поэтому во многих случаях я был вынужден заменять еще не открытые концепции их ближайшими эквивалентами двадцатого века. Понятия, наподобие пельтаста, андрогина или экзулыпанта, как раз и являются такими заменами, скорее ассоциативными, нежели описательными. Слово металл обычно (хотя не всегда) означает вещество, подобное тому, что подразумевают под этим названием мои современники.

Встречающиеся в рукописи наименования видов животных, возникших в результате биогенетических манипуляций либо скрещивания с инопланетными породами, я заменил названиями подобных им вымерших существ. (Впрочем, Северьян порой и сам признает, что некоторые вымершие виды были восстановлены позднее.) Природа ездовых и тягловых животных из оригинального текста зачастую неясна. Я взял на себя

смелость называть их конями либо лошадьми, хотя это не вполне верно. Кони «Книги Нового Солнца», несомненно, резвее и выносливее тех, что известны нам, — скорость, развиваемая теми, что используются в военных целях, очевидно, вполне позволяет совершать кавалерийские атаки на противника, имеющего вооружение высоких энергий. В некоторых местах для передачи надписей либо высказываний на языке, который Северьян полагает мертвым, использована латынь. О природе «древнего языка» оригинала судить не берусь.

В заключение выражаю искреннюю благодарность тем, кто предшествовал мне в изучении этого постисторического мира, — особенно коллекционерам (слишком многочисленным, чтобы назвать их поименно), позволившим мне осмотреть артефакты, сохранившиеся на протяжении многих столетий будущего, а также тем, кто любезно предоставил мне возможность посещения и фотосъемки немногих дошедших до нас построек той эпохи.

Дж. В.

Коготь миротворца

Шипы твои и ныне силу источают, из бездн твоих струится музыка сама.
И сердце бедное в тенях, как в розах, утопает, и, точно крепкое вино, твоя ночная тьма.

Глава 1
Деревня Сальтус

Единственный луч света во мраке озарял лицо Морвенны, прекрасное, обрамленное волосами, почти такими же темными, как мой плащ. Кровь с ее шеи каплями падала на камень. Губы шевелились, но беззвучно. Зато в пространстве между ними я видел (словно был Предвечным Богом, приникшим глазом к некой прорехе в Вечности, дабы лицезреть Мир Времени) ферму, Стахиса, ее мужа, бьющегося в агонии на постели, и маленького Чада, который пытался охладить водой из пруда свое пылающее от лихорадки лицо.

На улице визжала, как ведьма, Евсебия, обвинительница Морвенны. Я попытался дотянуться до решетки, чтобы велеть ей умолкнуть, но тут же мрак темницы поглотил меня. Когда наконец я увидел свет, он тянулся зеленой дорогой от Врат Скорби. Кровь струилась по щеке Доркас, и, несмотря на оглушительные вопли и визг множества людей, я слышал звук капель, падающих на землю. Столь велико было могущество Стены, что она разделяла мир надвое так же нерушимо,

как простой линией между переплетами отделены друг от друга рядом стоящие книги. Теперь перед нами возвышался лес, существовавший, наверное, с самого рождения Урса. Его деревья быеи подобны скалам, закутанным в зеленое покрывало. Между ними пролегала дорога, вытоптанная в молодой траве, а по ней стремился людской поток. В воздухе стоял запах дыма от горящей одноколки.

Навстречу людям продвигались пятеро всадников на боевых конях, чьи исполинские копыта были инкрустированы лазуритом. Головы всадников венчали небесно-голубые шлемы, с плеч ниспадали накидки того же цвета, а наконечники длинных копий источали синее сияние.

Сходство воинов было еще разительней, чем у братьев. Встречаясь с ними, толпа расступалась, как разбивается волна прибоя о скалу. Доркас вырвали из моих объятий, и я обнажил «Терминус Эст», чтобы проложить к ней дорогу, и вдруг увидел, что заношу меч над головой мастера Мальрубиуса, который неподвижно стоял среди бегущих людей. Рядом с ним сидел мой пес Трискель. Тогда я понял, что сплю, и одновременно понял, что видения, в которых он мне являлся ранее, не были снами.

Я отбросил одеяла. До моего слуха доносился перезвон с Колокольной Башни. Пора вставать, пора бежать на кухню, застегивая на ходу одежду, крутить вертел под присмотром Брата Кока и стянуть колбаску — сочную, аппетитную, еще почти пылающую — из кухонного очага. Время умываться, время прислуживать подмастерьям, время повторять задание к уроку мастера Палаэмона.

Я проснулся в спальне учеников, но все было не на своих местах: плоская стена вместо ниши, квадратное окно вместо перегородки. Ряды узких, жестких коек исчезли, а потолок казался слишком низким.

И тут я очнулся. Деревенские запахи — аромат цветов и листвы, так похожий на тот, которым всегда веяло из-за полуразрушенной стены некрополя, но теперь смешанный с жарким духом хлева, — проникали через открытое окно. Звенели колокола на какой-то звоннице, расположенной неподалеку, сзывая тех немногих, кто еще сохранил надежду узреть приход «Нового Солнца, хоть еще было и очень рано: старое солнце лишь слегка приподняло покрывало ночи с лица древнего Урса, и, кроме звона колоколов, ничто не нарушало покоя в деревне.

Прошлой ночью Иона обнаружил, что в наших кувшинах для умывания не вода, а вино. Я прополоскал рот глотком вина, и его терпкость освежала лучше, чем вода, которая тем не менее была мне нужна, чтобы умыться и пригладить волосы. Перед сном я свернул плащ, спрятав Коготь внутри, и подложил его под голову. Теперь я развернул его и, вспомнив, как Агия однажды попыталась сунуть руку в кожаную ташку на моем поясе, опустил Коготь в голенище сапога.

Иона еще спал. По моим наблюдениям, люди во сне выглядят моложе, но Иона казался старше или, вернее, — просто древним. Такие лица, с прямым носом и плоским лбом, мне приходилось видеть на старинных картинах. Я засыпал тлеющие угли пеплом и вышел, не потревожив его.

Я умылся из колодезного ведра во дворе гостиницы. Улица уже не безмолвствовала — она была оживлена чмоканием множества копыт по лужам, оставленным вчерашним дождем, и глухими ударами рогов симитаров. Все животные были выше человеческого роста, черные или пегие, с глазами навыкате, почти скрытыми жесткой гривой, падавшей на морду. Отец Морвенны, вспомнил я, торгует скотом — может быть, это его стадо, хотя вряд ли. Я подождал, пока пройдет

последний неуклюже переваливающийся зверь, и увидел людей, которые погоняли стадо. Их было трое — простолюдины в запыленной одежде, у каждого острое бодило длиной в человеческий рост, а с ними их злые, бдительные, беспородные псы.

Вернувшись в гостиницу, я заказал завтрак, и мне подали горячий хлеб, свежее масло, яичницу из утиных яиц и взбитый шоколад с перцем. (Последнее было верным знаком того, что жители деревни вывезли свои обычаи с севера, но тогда я еще этого не знал.) Гномоподобный лысый хозяин, который, без сомнения, видел, как прошлым вечером я говорил с алькальдом, нависал над столом, утирал нос рукавом, осведомлялся о качестве каждого блюда (надо сказать, еда была очень вкусной), обещал гораздо лучший ужин и на чем свет стоит бранил кухарку, свою жену. Он обращался ко мне «сьер» не потому, что принимал меня, как бывало в Нессусе, за знатного господина, путешествующего инкогнито, а потому, что в этой глуши палач, будучи представителем власти, считался важной персоной. Как большинство пеонов, он не мог представить себе, сколь велико число сословий, занимающих более высокое положение, чем то, к которому

принадлежал он сам.

— Удобна ли постель? Одеял не маловато? Принести еще?

Я кивнул, потому что рот мой был набит едой.

— Будет исполнено. Трех хватит? Не тесно ли вам вдвоем с тем, другим господином?

Я уже собирался сказать, что предпочел бы отдельную комнату (я не сомневался в честности Ионы, но все же опасался, что Коготь может оказаться слишком сильным искушением для любого человека, и, кроме того, я не привык спать вдвоем), но мне пришло в голову, что у Ионы не хватит денег, чтобы заплатить за целую комнату.

— Ты там будешь нынче, сьер? Когда пробьют стену? Каменщик мог бы разобрать кладку, да поговаривают, что Барнох там, внутри, еще шевелится. Может, кой-какие силенки у него и остались. Возьмет да тяпнет за руку.

— Как официальное лицо — нет. Но посмотреть приду, если смогу.

— Все собираются. — Лысый человечек потер руки, которые скользили, словно смазанные жиром. — А ты знаешь, что у нас будет ярмарка? Алькальд объявил. Ну и голова наш алькальд! Возьми обыкновенного человека. Разве бы он до

чего особенного додумался, если бы увидал вас здесь, в моей гостинице? Ну, может статься, подрядил бы твою милость покончить с Морвенной. А он — нет. Он свое дело знает. На шаг вперед видит. Можно сказать, вся ярмарка так и выскочила у него из головы: и разноцветные палатки, и ленты, и жареное мясо, и жженый сахар. Сегодня? Сегодня мы взломаем проклятый дом и вытащим оттуда Барноха, как старого барсука. Это подогреет народ, станут собираться со всей округи. Потом мы посмотрим, как ты управишься с Морвенной и этим парнем. А завтра примешься за Барноха. С каленого железа начнешь? Вроде так положено? Кто ж не захочет посмотреть? На следующий день ему конец, и сразу палатки долой. Нечего им тут шляться, когда деньги кончатся, а то начнут побираться, да драки затевать, да все такое. Все продумано! Вот каков наш алькальд!

После завтрака я снова вышел на улицу и увидел, как идея алькальда воплощается в жизнь. Крестьяне стекались в деревню с корзинами фруктов и тюками домотканой одежды на продажу, вели скот. Несколько аборигенов тащили шкуры, связки черных и зеленых птиц, подстреленных ядовитыми стрелами. Теперь я жалел, что при мне нет накидки, которую продал мне брат

Агии, потому что мой черный плащ привлекал любопытные взоры. Я уже собирался вернуться в гостиницу, как вдруг послышался знакомый звук. Я часто слышал его, когда в Цитадели маршировал гарнизон.

Стадо, которое я видел раньше, уже спустилось к реке. Скоро его погрузят на баржи и отправят в последний путь к скотобойням Нессуса. Солдаты же, наоборот, шли от реки, то ли потому, что офицеры решили взбодрить их маршем, то ли отряд направлялся в места, удаленные от Гьолла. Когда они вклинились в густеющую толпу, раздался приказ «Запевай!», и сразу вслед за этим послышались удары кнута и вопли прибитых неудачников.

Солдаты явно принадлежали к племени келау, каждый был вооружен пращой с ручкой длиной кубита в два, и у каждого на поясе висела сума из раскрашенной кожи с зажигательными снарядами. Лишь несколько человек казались старше меня, а почти все — моложе, но позолоченные кольчуги, богатые перевязи и ножны длинных кинжалов указывали на принадлежность к элитным войскам эрентариев. Повинуясь приказу, они запели, но не о войне или женщинах, как почти во всех солдатских песнях, а старинные

народные куплеты, сложенные поколениями моряков и воинов.

Мне в детстве говорила мать:

«Сын, вытри слезы да в кровать. Еще немного, а потом Навек забудешь отчий дом. Ведь ты родился в миг, когда На землю падала звезда».

Отец, давая тумака, твердил:

«Жизнь будет нелегка. Учись терпеть. Как может сметь Из-за царапины реветь Тот, кто явился в мир, когда На землю падала звезда?» Один мудрец шепнул:

«Юнец, В сраженье ждет тебя конец. Я вижу кровь, огонь и дым. Простишься с жизнью молодым, Коль ты родился в миг, когда На землю падала звезда».

Пастух сказал: «Смиренен будь. Не сам ты выбираешь путь. Мы — те же овцы: нас ведет Пастух, что на небе живет, К Вратам Восхода, и туда На землю падает звезда».

И так далее… Куплет за куплетом — то загадочные (во всяком случае, мне они казались загадочными), то шутливые, то явно состряпанные наспех только для того, чтобы сохранить рефрен.

— Приятно на них взглянуть, верно? — Это был хозяин гостиницы, чья лысая голова едва доста-

вала мне до плеча. — Сразу видать — южане. Заметил, как много рыжих и веснушчатых? Они там у себя привыкли к холоду, так что им в горах в самый раз будет. От этой песни так и хочется встать в строй. Сколько их, как ты думаешь?

В поле зрения появились вьючные мулы, нагруженные запасами продовольствия. Их подгоняли остриями мечей.

— Тысячи две. Может, две с четвертью.

— Благодарствую, сьер. Люблю я провожать войска. Не поверишь, сколько таких парней уже мимо нас прошло. А назад — раз, два и обчелся. Ну, война есть война. Я все говорю себе, что они просто еще воюют, но все мы знаем — многие остаются там на веки вечные. И все равно, когда мужчина слышит такую песню, ему хочется быть вместе с ними.

Я спросил, известно ли ему что-нибудь о войне.

— О да, сьер. Вот уж несколько лет мы тут следим, что да как и, по правде говоря, вроде бы все одно и то же, если вы понимаете, про что я толкую. Ни туда, ни сюда. Мне иной раз приходит в голову, что наш Автарх и ихний назначили место, где сражаться, а когда люди кончатся, оба разойдутся по домам. Жена моя, дурища, та и

вовсе не верит, что война идет на самом деле.

Толпа сомкнулась за последним погонщиком мулов. С каждым произнесенным нами словом она становилась все гуще. Плотники торопливо забивали в землю опоры, воздвигали шатры и палатки, сужая и без того готовую лопнуть под напором толпы тесную улицу. Оскаленные маски на высоких шестах, казалось, вырастали прямо из земли, как молодые деревья.

— А куда же тогда, она думает, идут солдаты? — спросил я хозяина.

— Она говорит, ищут Водалуса. Как будто Автарх — да источают его руки золото, да лижут враги его пятки — пошлет целую армию за одним жалким бандитом.

Из этой речи до меня дошло только одно слово: «Водалус».

Я отдал бы все на свете за возможность стать одним из вас — тех, кто жалуется, что с каждым днем воспоминания тускнеют. Мои не тускнеют. Они остаются со мной навсегда — столь же яркие, как изначальное впечатление, — и до конца жизни держат меня в плену.

Наверное, я отвернулся от хозяина и шагнул в толпу, где толкались нищие и старались перекричать друг друга торговцы, но я никого не

видел. Я ощущал под ногами усыпанную костями дорожку некрополя и сквозь колышущийся речной туман видел высокую фигуру Водалуса. Видел, как он передает ружье своей подруге и вынимает из ножен меч. Тогда я об этом не думал, но теперь (вот что значит повзрослеть) меня поразила экстравагантная нелепость этого жеста: он, который в сотнях подпольных листовок клялся, что сражается за прошлое, за высокую древнюю цивилизацию, ныне утраченную Урсом, отвергает надежное оружие этой цивилизации.

Может быть, мои воспоминания не гаснут именно потому, что прошлое существует только в воспоминаниях. Водалус, который хотел воскресить прошлое, сам пребывал в настоящем. То, что мы можем быть лишь тем, что мы есть, всегда останется нашим неискупимым грехом.

Не сомневаюсь, что, если бы я был одним из вас, чья память меркнет, я не увидел бы его тем утром, когда локтями прокладывал дорогу в толпе, и, возможно, избежал бы той смерти при жизни, которая держит меня в тисках даже сейчас, когда я пишу эти строки. А может быть, и не избежал бы. Вернее всего, нет. В любом случае ожившие чувства были слишком сильны. Я не мог выбраться из ловушки памяти и снова восхищался тем,

что меня восхитило когда-то. Так мушка, залетевшая в кусок янтаря, навек остается пленницей давным-давно погибшей сосны.

Глава 2
Человек во мраке

Дом разбойника ничем не отличался от остальных деревенских жилищ: сложенный из нетесаного камня, одноэтажный, с плоской массивной крышей из того же материала. Дверь и единственное окно, выходящее на улицу, закрывала грубая кладка. Около сотни зевак слонялись поблизости, переговариваясь и показывая на дом, но изнутри не доносилось ни звука, а из трубы не шел дым.

— Так принято в этих местах? — спросил я Иону.

— Да, такова традиция. Наверное, слышал пословицу:

«Неправда, полуправда и немножко правды — это и есть традиция».

— Мне кажется, он мог бы без труда выбраться оттуда. Можно было пробиться через окно или через дверь ночью или сделать подкоп. Если он действительно шпионил для Водалуса, то должен был знать, что его ждет, и мог заранее запастись едой, водой и инструментами.

Иона отрицательно покачал головой.

— Перед тем как заложить окна и двери, они всегда врываются в дом и забирают все, что найдут: продукты, инструменты, свечи. Ну и конечно, ценные вещи.

Звучный голос произнес:

— Да, обладая малой толикой здравого смысла, позволю я польстить себе самому и согражданам, именно так мы и делаем.

Это был алькальд, который незаметно подошел к нам и встал позади. Мы обменялись приветствиями. Алькальд был приземистым, крепко сбитым человеком, чье открытое лицо несколько портили какие-то слишком уж умные глаза.

— Я узнал тебя, мастер Северьян, хоть ты и сменил платье. Это новое? Похоже на то. Если оно тебя не устраивает, скажи мне. Мы хотим, чтобы у нас на ярмарке торговали честно. Пусть только кто-нибудь попробует тебе не угодить — утопим в реке, можешь быть уверен. Одного-двух в год утопить полезно, чтобы остальные не распускались.

Он сделал шаг назад и осмотрел меня с головы до ног, потом кивнул сам себе, как бы одобряя мой вид.

— Словно на тебя шито. Надо сказать, фигура у тебя прекрасная. И лицо красивое. Бледноватое немного, но наше жаркое северное солнце это

скоро поправит. Как бы там ни было, одежда тебе к лицу и носиться будет долго. Если спросят, где купил, скажи: на ярмарке в Сальтусе. Нам на пользу пойдет.

Я обещал, что скажу, хотя гораздо больше беспокоился о «Терминус Эст», который спрятал в своей комнате, чем о том, как выгляжу и как будет носиться платье, только что купленное у уличного торговца.

— Я полагаю, ты и твой помощник пришли посмотреть, как мы будем выволакивать наружу этого негодяя? Сейчас начнем. Как только Месмин и Себальд принесут стенобитное орудие. Так у нас называется эта штука, хотя, честно говоря, это просто обыкновенное бревно. И не такое уж большое, иначе деревне пришлось бы слишком много платить тем, кто будет им орудовать. Так или иначе, оно свое дело сделает. Я думаю, вам еще не успели рассказать, что у нас тут произошло восемнадцать лет назад?

Иона и я помотали головами.

Алькальд выпятил грудь, как это принято у политиков, когда им представляется возможность произнести более двух фраз кряду.

— Я все это хорошо помню, хотя и был тогда всего лишь подростком. Женщина. Имя забыл, но

мы всегда называли ее Матушка Лихорадка. Ее тоже замуровали в доме. Вот точно так же, как Барноха, — занимаются-то этим всегда одни и те же люди. Но тогда был конец лета, время сбора яблок. Я точно помню: все пили свежий сидр, а сам я ел яблоко, пока смотрел.

На следующий год, когда взошла пшеница, кто-то пожелал купить дом. Собственность преступника переходит деревне, как вам известно. Те, кто делает работу, получают вместо платы все, что найдут в доме, а сам дом и землю забирает деревня.

Короче говоря, мы взяли стенобитное орудие и пробили дверь, думая вымести старушечьи кости и запустить в дом нового владельца. — Алькальд засмеялся, запрокинув голову. В этом смехе было что-то жутковатое, призрачное, а может быть, так казалось из-за того, что его почти заглушал гул толпы. Я спросил:

— Она не умерла?

— Это смотря что ты имеешь в виду. Женщина, так долго пробывшая в полной темноте, может превратиться в довольно странную тварь, вроде тех, что встречаются в гнилом дереве. Мы в Сальтусе почти все рудокопы и под землей многое повидали, но тут мы взяли руки в ноги да

врассыпную, а потом вернулись с горящими факелами. Свет ей пришелся не по нраву, не говоря уж об огне.

Иона коснулся рукой моего плеча и указал на толпу, которая пришла в движение. Несколько мужчин с деловитым видом расталкивали народ, прокладывая себе дорогу. На них не было ни шлемов, ни доспехов, но некоторые несли остроконечные пики, а остальные — палки с медными навершиями. Мне сразу вспомнился отряд охранников-добровольцев, который пропустил к некрополю Дротта, Роша, меня и Эату много лет назад. За этими вооруженными людьми четверо мужчин несли стенобитное орудие, о котором говорил алькальд, — грубое бревно примерно двух пядей в поперечнике и шести кубитов в длину.

При их появлении толпа выдохнула в едином порыве, потом все оживленно заговорили, послышались одобрительные возгласы. Алькальд оставил нас и отправился отдавать распоряжения. Людям с пиками очистили место вокруг замурованного дома, а когда мы с Ионой стали проталкиваться поближе, алькальд велел им пропустить нас вперед.

Я думал, что, как только все будет готово, они начнут ломать стену без предварительных це-

ремоний. Однако я недооценивал алькальда. В последний момент он взобрался на крыльцо и помахал над головой шляпой, призывая к тишине.

— Привет вам, гости и соседи! Прежде чем вы успеете трижды вздохнуть, мы взломаем заслон и вытащим разбойника Барноха. Мертвым или — как мы надеемся, потому что времени прошло еще недостаточно, — живым. Вы знаете, в чем он повинен. Он вошел в сговор с приспешниками предателя Водалуса. По его доносам они убивали честных людей. Все вы сейчас думаете, и справедливо, что столь подлое преступление надо карать без пощады. Да, говорю я! Да, говорим все мы! Сотни и тысячи покоятся ныне в могилах по вине Барноха. А скольких постигла еще более страшная участь!

Прежде чем упадут эти камни, я призываю вас: задумайтесь! Водалус потерял шпиона. Он будет искать другого. Как-нибудь глухой ночью, и, как я думаю, уже скоро, к одному из вас придет незнакомец. Говорить он будет складно…

— Совсем как ты! — раздался чей-то возглас, и все засмеялись.

— Куда лучше, чем я. Я всего лишь простой рудокоп, как вам известно. Сладкая речь и, наверное, немного денег, вот что я думаю. Так вот,

прежде чем сказать ему «да», вспомните дом Барноха таким, каким видите его сейчас — с каменной кладкой вместо двери. Представьте себе собственный дом без окон и дверей. Представьте в нем себя.

А теперь представьте, какое зрелище вас ожидает. Говорю вам всем и особенно гостям: то, что вы сейчас увидите, — только начало. Ярмарка в Сальтусе сегодня только открывается. Мы наняли лучшего мастера в Нессусе, и в ближайшие дни вы станете свидетелями казни по меньшей мере двух человек. Казни по всем правилам искусства, когда голова человека летит с плеч долой от одного удара. Один из осужденных — женщина, и потому нам потребуется стул. Это то, что многие из вас, кичащиеся своей образованностью, никогда не видели и не увидят. Вы также полюбуетесь, как этого человека, — алькальд шлепнул ладонью по стене, — этого Барноха, поведет к смерти наиопытнейший проводник. Может, преступник сумел проделать дыру в стене, как это часто бывает, и тогда он сейчас слышит меня.

Его голос поднялся до крика.

— Барнох! Если можешь, перережь себе глотку! Потому что, если ты этого не сделаешь, скоро тебе придется пожалеть, что до сих пор не подох

с голоду!

На мгновение наступила полная тишина. Я был близок к отчаянию, поняв, что мне вскоре предстоит продемонстрировать свое ремесло на соратнике Водалуса. Алькальд поднял правую руку, а потом резко опустил.

— Ну, молодцы, давайте!

Четверо с бревном вслух произнесли «раз, два, три» и бегом ринулись на замурованную дверь. Однако, пока двое первых карабкались по ступенькам, они почти остановились, и бревно ударило в камень с громким стуком, но без какого-либо видимого результата.

— Ничего, ребята, — ободрил их алькальд, — давайте еще разок. Покажите всем, какие силачи растут у нас в Сальтусе.

Они повторили попытку. На этот раз те, что впереди, более ловко взбежали на крыльцо, и камни содрогнулись от удара. В воздух поднялось облачко пыли. К четверке присоединился доброволец из толпы — плотный парень с черной бородой, и они ударили снова. Звук от удара не стал громче, но с ним слился треск, похожий на треск ломаемой кости.

— Еще разок, и готово, — сказал алькальд.

Он оказался прав. От следующего удара кладка

провалилась внутрь дома, оставив дыру размером с человеческую голову. После этого «молодцы» обходились без разбега: они молотили бревном о камни, раскачивая его на руках, пока не образовалось отверстие, в которое мог пройти человек.

Кто-то еще раньше положил у двери факелы. Теперь мальчишка сбегал в соседний дом и зажег их от очага. Он передал их людям с пиками. Выказав гораздо больше храбрости, чем обещали его умные глаза, алькальд достал из-за пояса короткую дубинку и первым шагнул в дом. Зрители столпились за охранниками, а поскольку Иона и я стояли в первых рядах, мы оказались у самого отверстия.

Из него шел зловонный дух, гораздо отвратительнее, чем я ожидал. Повсюду валялась разломанная мебель. По-видимому, перед приходом карателей Барнох запер комоды и шкафы, и они крушили мебель, чтобы добраться до содержимого. На кособоком столе я заметил свечу, сгоревшую до самого основания. Люди, стоявшие позади меня, старались протиснуться вперед, а я, пораженный увиденным, пятился назад.

В глубине дома послышалось движение, торопливые нетвердые шаги, кто-то вскрикнул, потом раздался нечеловеческий вопль.

— Взяли! — воскликнул мужчина, стоявший позади меня, и это известие прокатилось по толпе.

Из темноты выбежал толстенький человечек с факелом в одной руке и пикой в другой.

— С дороги! Все назад! Ведут!

Не знаю, что я ожидал увидеть. Может быть, какое-нибудь омерзительное существо со свалявшейся гривой до пят. Но увидел я призрак. Барнох был большого роста; он и остался высоким, но сгорбился и совсем высох. Кожа его так побледнела, что, казалось, она светится, точно гнилое дерево. Ни на голове, ни на лице не осталось ни единого волоска. Позже я узнал, что он сам вырвал на себе все волосы. Но страшнее всего были его глаза: выпученные, явно незрячие и такие же черные, как провал рта. Когда он заговорил, я стоял к нему спиной, но понял, что это его голос.

— Меня освободят. Водалус! Водалус придет за мной!

Как бы я хотел, чтобы мне никогда не доводилось быть узником. Ибо голос его отбросил меня в те удушливые дни, что я провел в камере под Башней Сообразности. Я тоже мечтал, что меня освободит Водалус, грезил о начале восстания, которое сметет животную вонь и упадок нынешнего времени и вернет высокую, сияющую

культуру былого Урса.

Но спасли меня не Водалус и его призрачная армия, а заступничество Мастера Палаэмона и, несомненно, Дрот-та, Роша и еще нескольких друзей, которые убедили братьев, что убивать меня слишком опасно, а судить слишком неприлично.

А Барноху спасения ждать было неоткуда. Я, которому надлежало быть его товарищем, стану пытать его раскаленным железом, вздерну на дыбу и отрублю ему голову. Я пытался убедить себя, что, возможно, он действовал только ради денег, но тут раздался звон — несомненно, это острие пики звякнуло о камень, — и мне показалось, я слышу звон монеты, которую вручил мне Водалус, а я уронил ее на каменный пол полуразрушенного мавзолея.

Иногда, когда все наше внимание сосредоточено на воспоминаниях, зрение выходит из-под контроля рассудка и само по себе выделяет из массы деталей какой-либо предмет с ясностью, недостижимой в обычном состоянии. Так было и со мной. В надвигающейся волне лиц я видел лишь одно запрокинутое, озаренное солнцем. Лицо Агии.

Глава 3
Балаган

Время остановилось, как будто мы двое и окружавшие нас люди превратились в фигуры на картине: поднятое лицо Агии, мои широко раскрытые глаза, а вокруг крестьяне в ярких одеждах с узлами и котомками. Потом я шевельнулся, и она тут же пропала из виду. Я было бросился за ней, но мне пришлось пробиваться сквозь плотную толпу зевак, и сердце мое успело ударить не меньше сотни раз, прежде чем я добрался до места, где она стояла.

Она исчезла. Только толпа бурлила, как вода под веслом, вокруг Барноха, а он вопил от боли, не в силах выдержать солнечных лучей. Я тронул за плечо одного из рудокопов и выкрикнул свой вопрос ему прямо в ухо, но оказалось, что он не обратил внимания на стоявшую рядом с ним женщину и не имел представления, куда она могла подеваться. Некоторое время я шел за теми, кто сопровождал Барноха, пока не убедился, что ее нет среди зрителей, потом, не придумав ничего лучшего, стал заглядывать во все палатки и

ларьки, расспрашивая крестьянок, торговавших ароматными хлебцами с кардамоном, и продавцов жареного мяса.

Когда я описываю происходившее, неторопливо сплетая пунцовую вязь чернил в Обители Абсолюта, складывается впечатление, что я действовал спокойно и методично. Это совсем не так. Я задыхался и обливался потом, выкрикивал вопросы и устремлялся дальше, не успев выслушать ответ. Подобно образу, что мы видим во сне, стояло перед моим мысленным взором лицо Агии: широкое, с плоскими щеками и мягким округлым подбородком, веснушчатая, бронзовая от загара кожа и раскосые, веселые и дерзкие глаза. Я не мог представить себе, почему она здесь оказалась, знал только, что она здесь, и единственного взгляда на нее было достаточно, чтобы оживить во мне боль, которую я испытал, когда услышал ее крик.

«Вы не видели тут женщину вот такого роста с каштановыми волосами?» Я повторял этот вопрос снова и снова, подобно тому дуэлянту, что без конца выкрикивал:

«Кадро из Семнадцати Камней», пока эта фраза не стала столь же бессмысленной, как пение цикады.

— Да тут все девушки такие.

— Как ее зовут?

— Женщину? Конечно, я могу достать тебе женщину.

— Где вы ее потеряли?

— Не беспокойся, скоро отыщется. Ярмарка-то не так уж велика — не заблудится. А вы не назначили место встречи? Попробуй моего чаю — у тебя такой усталый вид.

Я вынул монету.

— Угощу бесплатно. У меня сегодня дела идут неплохо. Ну, если уж ты так настаиваешь… Стоит всего один аэс. Вот, держи.

Пожилая женщина пошарила рукой в кармане передника, подцепив пригоршню мелких монет и снова высыпав их в карман, потом налила почти кипящий чай в глиняную чашку и предложила мне соломинку из какого-то блестящего металла. Я отстранил ее.

— Да она чистая. Я все мою после каждого покупателя.

— Я к ним не привык.

— Тогда осторожнее — очень горячо, — продолжала она. — А ты смотрел на выставке? Там полно народу.

— Там, где скот? Смотрел.

Я пил чай, пряный и слегка горьковатый.

— Она знает, что ты ее ищешь?

— Не думаю. Даже если она меня заметила, то вряд ли узнала. Я… одет не так как всегда.

Старуха фыркнула и заправила выбившуюся седую прядь под косынку.

— На ярмарке-то? Конечно, не как всегда. На ярмарку все надевают самое лучшее, и любая девушка, если у нее есть хоть капля разума, об этом вспомнит. Может, поискать ниже по реке, где приковали преступника? Я покачал головой, — Похоже, она просто исчезла.

— Однако ты все еще надеешься, правда? Это заметно, потому что ты все смотришь по сторонам, а не на меня. И правильно. Думаю, ты ее найдешь, хотя, говорят, в последнее время здесь творятся удивительные вещи. Ты знаешь, что поймали зеленого человека? Прямо здесь, вон на том месте, где сейчас стоит балаган. Говорят, зеленые люди знают все на свете, если, конечно, удается заставить их говорить. А потом собор. Ты слышал о соборе?

— Собор?

— Говорят, по городским меркам это ненастоящий собор. А что ты из города, я сразу поняла — по тому, как ты пьешь. Но мы здесь, в окрест-

ностях Сальтуса, других не видывали, а этот был красивый, с висячими лампадами. А окна были затянуты цветным шелком. Я сама-то неверующая, то есть мне сдается, что если Панкреатору до меня нет дела, то и мне до него дела нет, ведь правда? И все равно то, что они сделали, это просто позор. Знаешь, они его сожгли.

— Ты говоришь о Храме Пелерин?

Старуха с глубокомысленным видом покачала головой.

— Ну вот, ты ошибаешься, так же как они. Не Храм Пелерин, а Собор Когтя. То есть они не имели никакого права поджигать его.

— Они снова раздули пожар, — пробормотал я себе поднос.

— Что ты сказал? — насторожилась старуха. — Я не расслышала.

— Я говорю, они его подожгли. Наверное, бросили факел на соломенный пол.

— Именно так. А потом стояли поодаль и смотрели, как он полыхает. А ты знаешь, что он вознесся к Вечным Полям Нового Солнца?

На другом конце прохода загремел барабан. Когда он на мгновение затих, я ответил:

— Я знаю, что есть люди, которые будто бы видели, как собор поднялся в воздух.

— В том-то и дело, что поднялся. Когда об этом услышал мой внучатый племянник, он полдня ходил как пришибленный. Потом смастерил что-то вроде шляпы из бумаги и стал держать над плитой. Она поднялась в воздух, и тогда он решил, что нет ничего особенного в том, что собор вознесся — никакого чуда. Вот что значит быть глупцом. Он никогда не поймет, что все на свете имеет причину и что собор вознесся, потому что так и должно было быть. Ему не дано видеть Руку, правящую природой.

— А сам он его видел? — спросил я. — Я имею в виду собор?

Она не поняла.

— А как же. Он там не раз бывал.

Наш разговор прервали выкрики человека с барабаном. Так обычно зазывал народ доктор Талое, только голос барабанщика был куда грубее, а ему самому, без сомнения, было далеко до изощренности безошибочного расчета доктора.

— Все знает! Все про всех! Зелен, как крыжовник! Убедитесь сами!

(Настырный бой барабана: бум! бум! бум!) — Как ты думаешь, может зеленый человек знать, где Агия?

Старуха улыбнулась.

— Так вот, значит, как ее зовут. Запомню — вдруг кто-нибудь о ней заговорит. Может, и знает. Деньги у тебя есть — почему не попробовать?

«Действительно, почему не попробовать?» — подумал я.

— Привезен из джунглей Севера. Никогда не ест! Ближайший родич кустов и трав! Бум! Бум! Предсказывает будущее и видит прошлое!

Увидев, что я приближаюсь к его палатке, хозяин перестал бить в барабан.

— Один аэс посмотреть. Два аэса — поговорить. Три — побыть наедине.

— Как долго наедине? — поинтересовался я, отсчитывая три аэса.

Барабанщик криво ухмыльнулся.

— Сколько пожелаешь.

Я отдал ему деньги и шагнул внутрь.

Очевидно, хозяин был уверен, что долго я там не пробуду, поэтому я ожидал вони или чего-либо подобного. Но в палатке стоял лишь легкий запах, похожий на аромат сухих лекарственных трав. В центре, в пыльном солнечном луче, пробивавшемся через дыру в полотняной крыше, сидел прикованный человек цвета бледного нефрита. На нем было нечто вроде юбочки из увядающих листьев. Рядом с ним стоял глиняный кувшин, до

краев наполненный прозрачной водой.

Мы довольно долго молчали. Я разглядывал его, а он смотрел в землю.

— Это не краска, — заговорил я. — Не похоже на краску. И волос у тебя не больше, чем у человека, которого вытащили из замурованного дома.

Он взглянул на меня, потом снова опустил взгляд. Даже белки глаз его имели зеленоватый оттенок.

Я попытался поддеть его.

— Если ты и вправду растение, у тебя должна быть трава на голове.

— Нет, — произнес он мягко. Если бы голос не был таким глубоким, можно было бы подумать, что говорит женщина.

— И все-таки ты — растение? Говорящее растение?

— Ты не сельский житель.

— Несколько дней назад я покинул Нессус.

— И немного образован.

Я вспомнил мастера Палаэмона, потом мастера Мальрубиуса и мою бедную Теклу и пожал плечами.

— Я умею читать и писать.

— И тем не менее мало что знаешь. Я не говорящее растение, как тебе следовало догадаться

сразу. Даже если бы растение встало на тот единственный из миллиона путей эволюции, который ведет к появлению разума, совершенно невероятно, чтобы растительная форма повторила внешний облик человека.

— То же самое можно сказать и о камне, но ведь существуют же статуи.

Несмотря на «то что лицо зеленого человека выражало тихое отчаяние (оно было даже более печальным, чем лицо моего друга Ионы), уголки его рта дрогнули.

— Неплохо сказано. Тебе не хватает научного подхода, но ты образован лучше, чем думаешь.

— Напротив, мы занимались именно науками, хотя в них не было ничего похожего на твои загадочные умствования. Кто ты?

— Великий провидец. И великий лжец, как каждый, кто попал в ловушку.

— Если скажешь, кто ты, я попробую помочь тебе. Он посмотрел на меня, и мне показалось, словно на вершине высокого стебля вдруг открылись глаза и появилось человеческое лицо.

— Я тебе верю, — медленно проговорил он. — Почему же из сотен людей, которые входили в эту палатку, одному тебе ведома жалость?

— Как раз жалость мне неведома, но я воспитан

в уважении к справедливости и хорошо знаком с алькальдом этой деревни. Зеленый человек остается человеком, и если он попал в рабство, то его хозяин обязан объяснить, почему и как он им завладел.

Зеленый человек продолжал:

— Должно быть, с моей стороны глупо доверять тебе, но я почему-то доверяю. Я свободный человек и прибыл из будущего изучать ваше время.

— Не может быть.

— Зеленый цвет, который повергает вас в такое изумление, всего-навсего то, что вы называете ряской. Мы видоизменяли речные водоросли, пока у них не появилась способность существовать в организме человека, и тогда, наконец, окончилась наша вечная битва с солнцем. Эти крошечные растения живут и умирают в нас. Живые и мертвые — они питают наше тело, никакой другой пищи нам не требуется. Покончено с голодом, а людям не надо больше трудиться, чтобы добыть пищу.

— Но тогда вам не обойтись без солнечного света.

— Правильно, — согласился зеленый человек. — Здесь мне его не хватает. В моей эпохе солнце светит ярче.

Эти простые слова вызвали во мне волнение, которого я не испытывал с тех пор, как увидел снесенную крышу часовни в Разбитом Дворе нашей Цитадели.

— Выходит, пророчество о том, что взойдет Новое Солнце, сбудется? И значит, Урс ждет вторая жизнь? Если, конечно, ты не лжешь.

Зеленый человек рассмеялся, запрокинув голову. Позже мне довелось услышать хохот альзабо, рыщущих по плато высокогорья: их смех страшен, но смех зеленого человека был еще ужасней, и я отшатнулся.

— Ты не человек, — сказал я. — Может, когда-то и был им, но не теперь. Он снова засмеялся.

— Подумать только, я на тебя надеялся. Жалкое я создание. Я уже смирился с мыслью, что погибну здесь, среди людей, которые есть не что иное, как ходячий прах, но при малейшем проблеске надежды все мое смирение исчезло. Я настоящий человек, друг мой. А вот ты — нет, и через несколько месяцев я умру.

Я подумал о его родичах. Как часто видел я замерзшие стебли цветов под зимним ветром у стен мавзолея в некрополе.

— Я понимаю. Еще немало будет теплых солнечных дней, но когда они уйдут, ты сгниешь вместе

с ними. Разбросай свои семена, пока не поздно.

Он вздохнул:

— Не веришь, что я такой же человек, как и ты, не можешь меня понять и все-таки жалеешь. Может быть, ты прав, к нам действительно пришло другое солнце, но мы об этом забыли. Если мне удастся вернуться в свое время, я расскажу о тебе.

— Если ты и вправду из будущего, почему ты не можешь вернуться туда и спастись?

— Потому что я прикован.

Он вытянул ногу, и я увидел браслет, который стягивал ее под коленом. Его бледно-зеленая плоть набухла вокруг браслета, подобно тому как древесина обрастает вокруг железного кольца.

Полог палатки поднялся, внутрь заглянул хозяин.

— Ты все еще здесь? Там другие ждут. Он бросил многозначительный взгляд на зеленого человека и исчез.

— Он хочет сказать, что мне пора тебя выпроваживать, а то он закроет дыру в крыше. Все, кто платит за то, чтобы посмотреть на меня, сразу уходят, как только я предсказываю их будущее, и я открою тебе твое. Сейчас ты молод и силен. Но прежде чем этот мир десять раз обернется вокруг

солнца, ты потеряешь силу, и она к тебе больше не вернется. Если ты вырастишь сыновей, то знай, что взрастил врагов. Если…

— Довольно, — перебил я. — Все, о чем ты говоришь, это судьба каждого человека. Ответь честно на один вопрос, и я уйду. Я ищу женщину по имени Агия. Где я найду ее?

На мгновение его глаза закатились под лоб, так что видна была лишь узкая полоска зелени под ресницами. Тело мелко задрожало. Он встал и вытянул руки с растопыренными пальцами, похожими на тонкие ветки. Потом раздельно произнес:

— На земле.

Дрожь прекратилась, он снова сел. Казалось, он разом постарел и побледнел.

— Ты просто мошенник, — бросил я, поворачиваясь лицом к выходу. — А я глупец, что тебе хоть сколько-нибудь верил.

— Нет, — прошептал зеленый человек. — Послушай. По дороге сюда я прошел через все ваше будущее. И кое-что осталось со мной, хотя и многое туманно. Я сказал тебе правду, и если ты действительно в ладах с алькальдом, можешь ему передать: вооруженные люди ищут человека по имени Барнох, чтобы освободить его.

Я вынул из сумки точильный камень, переломил его о верхушку кола, державшего цепь, и протянул половину зеленому человеку. С минуту он не мог понять, что это значит. Потом я увидел, что его охватывает великая радость, словно он уже купался в свете своего дня. Свете, который был ярче нашего.

Глава 4
Букет

Выйдя из балагана, я взглянул на небо. Горизонт на западе уже поднялся почти до половины небесного купола: скоро мой черед. Агия пропала, как пропали все мои надежды отыскать ее, пока я метался из одного конца ярмарки в другой. Однако меня несколько утешало пророчество зеленого человека, которое я истолковал как обещание на встречу с ней раньше, чем она или я умрем. Мелькнула и мысль, что раз она пришла посмотреть, как Барноха выволакивают на свет, то придет посмотреть и на казнь Морвенны и конокрада.

Эти мысли волновали меня по дороге в гостиницу. Но не успел я дойти до комнаты, которую занимали мы с Ионой, как их вытеснили воспоминания о Текле и о том, как я достиг звания подмастерья. И те и другие были вызваны простой необходимостью сменить новую одежду на черное платье, которое носят члены нашей гильдии. Так сильна во мне сила ассоциаций, что они возникли еще до того, как я увидел плащ и меч:

плащ висел на вешалке в комнате, а «Терминус Эст» был спрятан под матрацем.

Еще когда я прислуживал Текле, меня удивляло, как легко я предугадываю, о чем она поведет разговор. Это зависело просто-напросто от того, с чем я приходил к ней в камеру. Если, например, это была какая-нибудь любимая ее еда, украденная с кухни, я уже ждал, что последует описание пиршества в Обители Абсолюта. Вид пищи точно определял тему ее рассказа. Мясо — обед после охоты, писк и крики пойманной живьем дичи в подвалах, ищейки, охотничьи соколы и леопарды. Сладости — угощение, которое устраивала одна из великих шателен для нескольких избранных друзей, изысканно интимный ужин, полный очаровательных сплетен. Фрукты — вечер под открытым небом, сумерки в огромном парке Обители Абсолюта, освещенном тысячами светильников, жонглеры, лицедеи, танцовщицы, огни фейерверка.

Часто она ела стоя — не реже, чем сидя, — и расхаживала из одного угла камеры в другой, что составляло ровно три ее шага, держа тарелку в левой руке и жестикулируя правой.

— Представь себе, Северьян: они все взлетают и трещат в небе, рассыпаются зелеными и пунцо-

выми искрами, а бураки бухают, как гром!

Бедняжка, она не могла поднять руку выше головы, чтобы показать, как взлетают ракеты, потому что голова ее почти доставала до потолка.

— Но я вижу, тебе со мной скучно. Еще минуту назад, когда ты принес эти персики, у тебя был такой счастливый вид, а сейчас ты даже не улыбаешься. Мне просто становится лучше, когда я вспоминаю все это. Как будет прекрасно снова побывать на таком празднике!

Мне не было скучно. Мне просто было больно видеть ее, молодую женщину, наделенную поразительной красотой, в этой темнице…

Иона доставал «Терминус Эст», когда я вошел в комнату. Я налил себе стакан вина.

— Ну, как ты? — спросил он.

— А ты? Ведь для тебя это в первый раз. Он пожал плечами.

— Я всего лишь подручный. Тебе уже приходилось делать это раньше? Я спрашиваю потому, что ты так молод.

— Да, приходилось. Правда, с женщиной ни разу.

— Как ты думаешь, она невиновна? Я снял рубашку. Вынув руки из рукавов, я обтер полой лицо и покачал головой.

— Уверен, что невиновна. Я говорил с ней прошлой ночью — они приковали ее у самой воды, где больше всего комаров. Я же тебе рассказывал.

Иона потянулся за вином, его железная рука звякнула о стакан.

— Ты говорил, что она красива и что у нее черные волосы, как у…

— Как у Теклы. Но у Морвенны прямые, а у Теклы вились.

— Как у Теклы, которую ты, кажется, любил, как я полюбил твою подругу Иоленту. Надо признаться, у тебя было гораздо больше времени, чтобы влюбиться, чем у меня. Ты говоришь, Морвенна сказала, что ее муж и ребенок умерли от неизвестной болезни — может быть, от дурной воды. Муж был намного старше ее.

Я сказал:

— Думаю, примерно твоего возраста.

— И там была женщина, старше ее, которая хотела его заполучить, и теперь она терзает пленницу.

— Только словами.

В гильдии лишь ученикам позволено носить рубахи. Я натянул штаны и опустил плащ (цвета сажи — чернее, чем сама темнота) на обнажен-

ные плечи.

— Обычно в подобных случаях преступников побивают камнями, прежде чем передать властям. И когда они попадают к нам в руки, они уже изувечены: зубы выбиты, иногда даже кости переломаны. Женщин обычно насилуют.

— Ты говоришь, она красива. Может, люди считают ее невиновной. Может, ее пожалеют.

Я поднял «Терминус Эст», вынул из ножен и отбросил тонкий футляр в сторону.

— И у невиновных есть враги. Они боятся ее.

Мы вместе вышли из комнаты.

Когда я входил в гостиницу, мне пришлось проталкиваться сквозь толпу выпивох. Теперь они расступались, освобождая нам дорогу. На мне была маска, а на плече я нес обнаженный «Терминус Эст». Лишь только мы показались на улице, ярмарочный шум стал затихать, пока не стихло все, кроме приглушенного шепота, словно мы пробирались через лес.

Казнь должна была состояться в самом центре ярмарки, где уже собралась толпа. Причетник в красном стоял у помоста, сжимая в руке требник. Это был старик, как большинство людей его звания. Подле него ждали оба преступника, окруженные теми же вооруженными людьми, что

вели Барноха. На алькальде была желтая мантия для торжественных случаев и золотая цепь.

По древнему обычаю, палач не должен касаться ступеней (хоть я и видел, как Мастер Гурло с трудом, опираясь на меч, взбирается на помост во дворе перед Колокольной Башней). Вряд ли здесь кто-нибудь, кроме меня, знал об этой традиции, но я не стал ее нарушать. Толпа издала рев, подобный звериному, когда я прыжком взлетел на помост, а за моей спиной, как крылья, взметнулись полы плаща.

— Создатель, — вещал причетник, — мы знаем: те, кто сейчас умрет, не более греховны в глазах твоих, чем все мы. Их руки обагрены кровью. Наши тоже.

Я внимательно осмотрел плаху. Обычно все подобные приспособления, не принадлежащие самой гильдии, бывают из рук вон плохи. «Широкая, как табурет, твердая, как лоб дурака, и вогнутая, как тарелка». Моя вполне отвечала двум первым определениям из нашей старинной присказки, но, по милости Святой Катарины, была хотя бы слегка выпуклой. Хотя глупая твердая древесина наверняка должна была затупить мужскую сторону клинка, мне повезло в том, что предстояло иметь дело с двумя клиентами

разного пола, и я мог, использовать оба лезвия.

— …воля твоя очистит в сей час дух их, дабы удостоиться им благодати. Мы узрим их там, хоть ныне здесь терзаем их плоть…

Я стоял, широко расставив ноги, опершись на меч, как будто распоряжаюсь всей церемонией, хотя на самом деле не знал даже, который из преступников вытащил короткую ленточку.

— Ты, о герой, что сокрушит черного червя, пожирающего солнце, ты, для кого небеса расступаются, подобно завесе, ты, обретающийся в морской пучине, где плещутся великие Эребус, Абайя и Сцилла, ты, живущий и в самом крохотном семечке дальнего леса, во тьме, где не зрит человеческое око…

Женщина — Морвенна — поднималась по ступеням. Перед ней шел алькальд, а сзади человек с железной пикой, которой он подгонял ее. В толпе кто-то выкрикнул непристойную фразу.

— Возымей жалость к тем, кто не ведал жалости. Возымей жалость к нам, которые не изведают жалости ныне. Причетник закончил, и вступил алькальд:

— Самое омерзительное и противоестественное… Голос его срывался на крик. То было совсем не похоже ни на его обыденную речь, ни на рито-

рический тон, которым он вещал у дома Барноха. Некоторое время я рассеянно слушал (выискивая в толпе Агию), и только потом до меня дошло, чего он боится. Ему ведь придется стоять совсем рядом с осужденными. Я улыбнулся под маской.

— ., уважения к твоему полу. Но тебе выжгут клеймо на правой и левой щеке, отрубят ноги и отделят голову от тела.

(Я надеялся, что у них хватит ума не забыть о требующейся мне жаровне с углями.) — Силой высочайшей справедливости, облекающей мою недостойную руку по милости Автарха, чьи мысли звучат в сердцах подданных подобно музыке, я объявляю… я объявляю…

Дальше он забыл. Я шепнул:

— Я объявляю, что твой час пришел.

— Я объявляю, что твой час пришел, Морвенна.

— Если ты желаешь вознести мольбы Миротворцу, выскажи их в сердце своем.

— Если ты желаешь вознести мольбы Миротворцу, выскажи их.

— Если ты желаешь говорить с детьми человеческими, говори, ибо это будут твои последние слова.

Алькальд овладел собой и произнес всю фразу

целиком:

— Если ты желаешь говорить с детьми человеческими, говори, ибо это будут твои последние слова.

Негромко, но отчетливо Морвенна произнесла:

— Я знаю, что большинство из вас считает меня виновной. Я невиновна. Я не совершала и никогда не совершила бы тех ужасных дел, в которых меня обвиняют.

Толпа придвинулась ближе.

— Здесь немало свидетелей тому, что я любила Стахиса. И любила ребенка, которого он подарил мне.

Мой взгляд привлекло цветное пятно — темно-пурпурное, казавшееся почти черным при свете яркого весеннего солнца. Это был огромный траурный букет роз, какой обычно несут наемные участники похоронной процессии. Женщина, державшая его, была Эвсебией, той самой, что мучила Морвенну у реки. Я видел, как она исступленно вдыхала аромат роз. Унизанные острыми шипами стебли помогли ей проложить дорогу в толпе, и она оказалась у самого основания помоста.

— Это тебе, Морвенна. Умри, прежде чем они увянут.

Я постучал по доскам кончиком меча, призывая народ к тишине.

Морвенна продолжала:

— Добрый человек, который читал для меня молитвы и который говорил со мной, прежде чем меня привели сюда, умолял меня простить тебя, Эвсебия, если я раньше тебя обрету блаженство. До сих пор не в моей власти было исполнять просьбы, но на его мольбу я откликнусь. Я уже простила тебя.

Эвсебия собиралась что-то сказать, но я взглядом заставил ее замолчать. Ухмыляющийся беззубым ртом мужчина, стоявший рядом с ней, помахал мне рукой, и я, вздрогнув, узнал в нем Гефора.

Иона поставил на помост пылающую жаровню. Из нее торчала, по-видимому, рукоятка клейма с каким-нибудь приличествующим случаю знаком, но стула нигде не было. Я бросил на алькальда многозначительный взгляд. С таким же успехом можно было взглянуть на столб. Наконец я сказал:

— Ваша честь, у нас есть стул?

— Я послал за ним. И за веревкой.

— Когда? (Люди уже начали переминаться с ноги на ногу и переговариваться.) — Только что.

Накануне вечером он уверял меня, что все будет готово вовремя, но напоминать ему об этом сейчас не имело смысла. С тех пор я не раз убеждался, что никто так не теряется на помосте, как среднего ранга чиновник. Он разрывается между страстным желанием находиться в центре внимания (что явно невозможно во время исполнения казни) и вполне обоснованным опасением, что ему не хватает опыта и воспитания, дабы вести себя надлежащим образом. Самый трусливый клиент, карабкающийся на помост в полной уверенности, что ему сейчас выколют глаза, в девяти случаев из десяти ведет себя достойнее. Даже на монаха, не привыкшего слышать людские голоса и застенчивого до слез, и то можно положиться с большим основанием.

Кто-то выкрикнул:

— Ну давайте начинайте!

Я посмотрел на Морвенну. С осунувшимся от голода лицом, чистым румянцем, со своей печальной улыбкой и огромными темными глазами — она была как раз тем типом осужденного, который может пробудить нежелательное сочувствие в зрителях.

— Можно посадить ее на плаху, — сказал я алькальду и, не удержавшись, добавил:

— Тем более что эта плаха ни для чего больше не пригодна.

— Связать нечем.

Я уже и так позволил себе слишком много лишних замечаний и потому подавил желание высказать свое мнение о тех, кто нуждается в том, чтобы осужденных привязывали.

Вместо этого я положил «Терминус Эст» плашмя на помост за плахой, посадил Морвенну, воздел руки в древнем жесте приветствия и, сжав ее запястья левой рукой, приложил клеймо к обеим щекам, потом поднял над головой все еще раскаленное почти добела железо. От вопля Морвенны толпа на мгновение застыла — теперь народ разом взревел.

Алькальд приободрился, словно стал другим человеком.

— Пусть они увидят ее, — сказал он.

Я надеялся избежать этого, но мне пришлось помочь Морвенне встать. Рука об руку, как в деревенском танце, мы медленно совершили круг по помосту. Гефор был вне себя от восторга, и, хотя я старался не внимать ему, все равно слышал, как он хвастается своим знакомством со мной всем, стоящим вокруг.

Я взглянул на алькальда, и после паузы, вы-

званной его явным желанием найти повод для отсрочки, он дал сигнал продолжать.

Морвенна прошептала:

— Скоро конец?

— Все уже почти позади.

Я снова усадил ее на плаху и взялся за меч.

— Закрой глаза. Старайся думать о том, что все, кто жил, умерли. Даже Миротворец, который восстанет, как Новое Солнце.

Ее бледные веки с длинными ресницами опустились, и она не видела поднятого меча. Взмах стального клинка снова заставил всех умолкнуть, и, когда наступила полная тишина, я бросил острие меча на ее ноги выше колен. Сочный звук от соприкосновения стали с рассекаемой плотью слился с треском сломанных костей, таким же явственным, как молниеносные удары кулачного бойца, добивающего соперника. Еще мгновение Морвенна сидела на плахе, потеряв сознание, но не падая, и в тот же миг я сделал шаг назад и срезал ее шею мягким горизонтальным взмахом, требующим гораздо больше сноровки, чем обычный удар сверху вниз.

Честно говоря, только увидев фонтан крови и услышав, как ее голова упала на помост, я понял, что мне это удалось. До этого, сам не осознавая, я

волновался почище алькальда.

Настала минута, когда — также в соответствии с древней традицией — членам гильдии позволяется забыть об обычной, неприступной манере держаться. Мне хотелось смеяться и прыгать. Алькальд тряс меня за плечо и что-то лепетал. Я не слышал, что он говорил — какой-то радостный вздор. Я поднял меч и голову, взяв ее за волосы, и торжественно обошел помост. На сей раз не один круг, а снова и снова, три, четыре раза. Порыв ветра окрасил мою маску, руку и обнаженную грудь алыми брызгами. В толпе выкрикивали неизбежные шуточки: «А моей жене (мужу) волосы не укоротите?» «Плачу полмеры колбасы!» «Можно мне взять ее шляпку?» Я рассмеялся им в ответ и уже собирался швырнуть им голову, когда кто-то схватил меня за колено. Это была Эвсебия, и прежде чем она успела произнести хоть слово, я уже знал, что она охвачена неудержимым стремлением выговориться, которое я часто наблюдал у клиентов в нашей башне. Ее глаза горели от возбуждения, а лицо исказилось от стараний привлечь мое внимание, поэтому она казалась одновременно и моложе и старше, чем раньше. Я не слышал, что она кричит, и наклонился к ней.

— Невиновна! Она была невиновна!

Сейчас было не время объяснять, что не я судил Морвенну. Я только кивнул.

— Она отняла у меня Стахиса. И теперь она мертва. Понимаешь? Она ни в чем не виновата, но я так рада!

Я снова кивнул и сделал еще один круг по помосту, высоко подняв голову.

— Это я убила ее! — прокричала Эвсебия. — Я, а не ты! Я крикнул ей в ответ:

— Считай как хочешь!

— Невиновна! Я ее хорошо знала. Она всегда была такой хитрой. Я боялась, что она припасет яду и умрет раньше.

Гефор схватил ее за руку, показывая на меня:

— Это мой хозяин! Мой!

— Их убил кто-то другой! Или болезнь… Я воскликнул:

— Истинное правосудие в руках Творца! Толпа все еще бурлила, хотя и начала понемногу успокаиваться.

— Но она украла моего Стахиса, и теперь ее нет! — И громче, чем прежде:

— Какое счастье! Ее нет! — С этими словами Эвсебия погрузила лицо в цветы, словно желая, чтобы ее легкие разорвались, заполненные до отказа пьянящим ароматом.

Я бросил голову в корзину и вытер лезвие меча куском алой фланели, которую мне подал Иона. Когда я снова взглянул на Эвсебию, она лежала бездыханной в кругу зевак.

Тогда я не особенно задумывался над происшедшим, решив, что ее сердце не выдержало радостного потрясения. Но тем же вечером алькальд велел аптекарю осмотреть ее букет, и тот обнаружил в цветах сильный неведомый яд без запаха. Вероятно, он был у Морвенны в руке, и она бросила его в букет, когда после клеймения я проводил ее по помосту.

Позвольте мне прервать повествование и обратиться к вам как разумное существо к себе подобным, хоть мы и разделены, быть может, множеством эонов. События, что уже описаны мною — от запертых ворот до ярмарки в Сальтусе, — охватывают почти всю мою взрослую жизнь, а то, что осталось, занимает по времени едва ли больше нескольких месяцев. И все же я не добрался еще и до половины рассказа. И дабы мой труд не переполнил впоследствии хранилища, подобного библиотеке старого Ультана, я буду опускать некоторые подробности. Я останавливался на казни Агилюса — брата Агии, — потому что Агия играет немаловажную роль в моем по-

вествовании, а на казни Морвенны, поскольку ей сопутствовали необычные обстоятельства. Но я не стану описывать другие подобные события, если только они не имели особого интереса. Ежели вы находите удовольствие в описании чужой боли и смерти, вас ждет разочарование. Достаточно будет сказать, что я совершил предписанные законом процедуры над конокрадом и казнил его. В дальнейшем, когда я буду говорить о своем путешествии, вам следует помнить, что я совершал таинства нашей гильдии, когда того требовали соображения выгоды, хотя отдельных случаев я упоминать не стану.

Глава 5
Ручей

Тем вечером мы с Ионой ужинали в своей комнате одни. Я познал сладость популярности, хотя, надо замерить, через некоторое время становится довольно утомительным отвечать на одни и те же простодушные вопросы и вежливо отклонять приглашения выпить. У нас с алькальдом возникло некоторое недоразумение по поводу вознаграждения за мои труды. Я-то считал, что помимо четверти всей суммы, которую мне выплатили вперед при найме, я должен получать плату за каждого клиента после его смерти, но алькальд рассчитывал расплатиться со мной лишь после того, как будет покончено со всеми тремя. Я никак не хотел принимать это условие, тем более — после предупреждения зеленого человека (которое я из верности Водалусу и не подумал передать алькальду). Но после того, как я пригрозил, что на следующий день им придется обходиться без меня, все благополучно утряслось, и мне заплатили.

И вот теперь мы с Ионой сидели за бутылкой

вина. На столе стояло большое блюдо с дымящейся едой, дверь была заперта на засов, а хозяину было велено отвечать, что меня нет. И было бы совсем славно, если бы вино в чаше не напоминало бы мне то, другое, гораздо лучше, которое Иона обнаружил в нашем кувшине для умывания накануне. А случилось это сразу же после того, как я проверил, на месте ли Коготь, и на миг достал его.

Наверное, Иона наблюдал за мной и видел, что я не могу оторвать взгляда от бледно-красной жидкости в его чаше, потому что он сказал:

— Ты должен помнить, что не отвечаешь за приговор. Если бы тебя здесь не оказалось, их все равно убили бы, а в менее искусных руках они страдали бы больше.

Я спросил, почему он заговорил об этом.

— Я вижу, что ты расстроен… тем, что творилось сегодня.

— Почему расстроен? Мне казалось, все прошло неплохо, — удивился я.

— Знаешь, что сказал осьминог, когда вылез из постели русалки? «Не могу упрекнуть тебя в недостатке мастерства — совсем наоборот. Только почему бы тебе не быть малость повеселее?» — Нас всегда потом охватывает тоска. Так гово-

рил мастер Палаэмон, и в отношении меня это вполне справедливо. Он считал это обычным явлением, просто чем-то вроде похмелья, и тогда его слова казались мне чудовищными, но теперь я не уверен, что он был не прав. Ты все видел или был слишком занят?

— Я почти все время стоял позади тебя, на ступеньках.

— Значит, тебе было хорошо видно. После того как мы решили не ждать, пока принесут стул, все шло очень гладко. Я показал свое искусство в полной мере, все мною восхищались. А потом наступает расплата. Мастер Палаэмон говаривал, что бывает «похмелье от публики» и «похмелье от ответственности». Некоторые из нас подвержены обоим видам, другие — одному из двух, а бывает, что и никакому. Вот у меня похмелье от толпы точно есть. Не думаю, что в Траксе мне представится случай удостовериться насчет второго.

— А что это такое? — Иона опустил глаза на вино в чаше.

— Палач, скажем, мастер в Цитадели, иногда имеет дело с экзультантами очень высокого ранга. Предположим, имеется какой-либо особо чувствительный заключенный, который, возможно, располагает важными сведениями. Как

правило, на допрос такого заключенного отряжают высокопоставленного чиновника. Очень часто он не имеет представления о наиболее тонких процедурах, поэтому начинает задавать вопросы мастеру и делиться с ним своими опасениями по поводу здоровья или (характера подопечного. В таких обстоятельствах палач (чувствует, что играет видную роль в особо важных событиях…

— А потом, когда все кончается, ощущает душевный упадок. Да, кажется, я понимаю. — Тебе приходилось когда-нибудь видеть неудачную казнь?

— Нет. Ты будешь есть это мясо? — Мне тоже не приходилось, но я слышал рассказы (других, и это ужасно. Например, когда клиент от удара летит в толпу. Или же когда приходится несколько раз рубить голову. Или когда палач теряет уверенность в себе и не может продолжать. Вспрыгивая на тот помост, разве я мог знать наверняка, что со мной не произойдет ничего (подобного? А если бы такое случилось, я был бы конченым человеком.

— И все-таки это жуткий способ добывать пропитание, как сказала лягушка аисту.

— На самом деле я не… — Я замолчал, потому что уловил какое-то движение у стены. Сначала я подумал, что это крыса, а я их не выношу. Слиш-

ком уж часто я видел искусанных ими узников в подземелье.

— Что там?

— Что-то белое. — Я обошел стол, чтобы разглядеть (получше. — Листок бумаги. Подсунули под дверь.

— Очередная женщина, которая жаждет спать с торой, — предположил Иона.

Но я уже разворачивал записку. Она была начерчена бледной тушью на куске пергамента. Несомненно — женским почерком. Я придвинулся к свече и стал читать:

Дорогой мой Северьян!

От одного из добрых людей, которые помогают мне, я узнала, что ты находишься в деревне Сальтус, недалеко отсюда. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, но я так хочу узнать, можешь ли ты простить меня.

Клянусь, не в моей воле было облегчить страдания, что ты вынес из-за меня. Сначала я жаждала все тебе рассказать, но они и слышать об этом не хотели. Они считают, что никто не должен об этом знать, кроме тех, кто имеет на это право (то есть никто, кроме них самих). Наконец, они прямо объявили, что, если я не стану повиноваться им во всем, они откажутся от этого плана

и оставят меня умирать. Я знала, что ты готов умереть за меня, и потому смеяла надеяться, что при случае ты предпочел бы свои страдания моей смерти. Прости меня.

Но теперь я уже не в темнице и почти свободна. Я могу распоряжаться собой до тех пор, пока повинуюсь простым и гуманным приказам доброго Отца Инира. И сейчас я расскажу тебе все в надежде, что ты простишь меня.

Ты помнишь, как меня арестовали. Вспомнишь, наверное, и о том, как заботился твой мастер Гурло о моих удобствах, как часто приходил он ко мне в камеру и говорил со мной или приглашал к себе, где меня допрашивали другие. Все потому, что мой покровитель. Отец Инир, просил его быть особенно внимательным ко мне.

Наконец, когда стало ясно, что Автарх не собирается выпускать меня на свободу, Отец Инир сам решил способствовать моему вызволению. Я не знаю, чем он пригрозил мастеру Гурло или как подкупил его. Но этого оказалось достаточно, и за несколько дней до моей смерти — ты думал, что это смерть, дорогой Северьян, — он поведал мне о своем плане. Разумеется, мало было просто освободить меня. Все следовало организовать таким образом, чтобы меня не преследовали.

Итак, нужно было разыграть мою смерть; и в то же время Отец Инир получил строгий наказ ни в коем случае не допустить моей кончины.

Теперь ты, наверное, сам можешь догадаться, как нам удалось распутать этот узел. Было решено, что мастер Гурло даст мне какое-то снадобье, чтобы казалось, будто я близка к смерти, но настолько безвредное, чтобы не представлять для меня реальной угрозы. Потом ты бы увидел меня в агонии, а я попросила бы у тебя нож, дабы самой прервать свои мучения. Все вышло, как было задумано. Ты оставил мне нож, и я сделала неглубокий надрез на руке, сидя на корточках под дверью, чтобы кровь вытекла наружу; потом сделала такой же надрез на горле и легла ничком на кровать, чтобы ты увидел меня, если заглянешь в камеру.

Ты приходил? Я лежала неподвижно, как мертвая. Глаза мои были закрыты, но, казалось, физически чувствовала твою боль. Я с трудом сдерживала рыдания и до сих пор помню, как боялась, что ты увидишь слезы, струившиеся по моим щекам. Наконец, я услышала твои удаляющиеся шаги, встала, перевязала руку и умылась. Вскоре пришел мастер Гурло и забрал меня. Еще раз прости.

Теперь я хотела бы с тобой увидеться, и если Отцу Иниру, как он торжественно обещал, удастся добиться моего помилования, мы могли бы никогда больше не разлучаться. Но приезжай немедленно — я жду гонца, и если он прибудет, мне придется сразу же отправиться в Обитель Абсолюта, чтобы упасть в ноги Автарху, чье имя подобно трижды благословенному бальзаму, окропляющему недостойные души его рабов.

Обо всем этом никто не должен знать. Поезжай на северо-восток от Сальтуса, пока не наткнешься на ручей, впадающий в Гьолл. Двигайся вверх по течению, и ты увидишь, что ручей вытекает из каменоломни.

Здесь я должна поделиться с тобой величайшим секретом, и эту тайну ни в коем случае никому нельзя открывать. Каменоломня эта — сокровищница Автарха, где спрятано несметное множество монет, золота, серебра и драгоценных камней на случай, если его когда-нибудь лишат Трона Феникса. Сокровищницу охраняют люди Отца Инира, но тебе не надо их бояться. Им приказано подчиняться мне, и я велела им пропустить тебя. Когда войдешь в каменоломню, снова иди вверх по ручью, пока не увидишь место, где он изливается из каменной стены. Здесь я буду

ждать тебя, и здесь я пишу это письмо в надежде, что ты простишь меня.

Текла.

Іевозможно описать, какая неистовая радость охватила меня. Я снова и снова перечитывал послание. Иона, глядя на мое лицо, сначала вскочил со стула, решив, что я вот-вот лишусь чувств, потом отшатнулся от меня как от помешанного. Когда наконец я сложил письмо и спрятал его в ташку, он не стал задавать вопросов — ибо Иона был истинным другом, — но весь его вид выражал готовность прийти на помощь.

— Мне нужен твой скакун, — сказал я. — Можно его взять?

— Конечно, но… Я уже отпирал дверь.

— Я не могу взять тебя с собой. Если все будет в порядке, позабочусь, чтобы его тебе вернули.

Пока я бежал по лестнице и по двору, письмо звучало у меня в голове, как будто я слышал голос самой Теклы, и на подходе к конюшне, я и вправду был уже в состоянии помешательства. Я искал мерихипа Ионы и вдруг вместо него увидел перед собой громадного боевого коня, выше человеческого роста в холке. Трудно представить, откуда он мог взяться в этой мирной деревне, да я и не задумывался об этом. Без колебаний я

вскочил ему на спину, выхватил «Терминус Эст» и одним взмахом перерубил повод, державший коня на месте.

В жизни не встречал лучшего скакуна. Одним прыжком он вылетел из конюшни и понесся по улице. Я с замиранием сердца ждал, что он вот-вот споткнется об одну из натянутых повсюду веревок, но конь ступал с уверенностью профессионального танцора. Улица вела на восток, к реке. Когда дома кончились, я повернул налево. Он перемахнул стену играючи, как сорванец — через жердочку, и вот мы уже на всем скаку пересекали пастбище, где в изумрудном лунном сиянии удивленно поднимали рога быки.

Я и ныне не бог весть какой наездник, а тогда был еще хуже. Думаю, что, хотя и сидел в высоком седле, я уже через пол-лиги вывалился бы из него, попадись мне животное похуже, но мой украденный конь, несмотря на поразительную резвость, двигался плавно, как тень. Наверное, мы и были похожи на тень — вороной конь и я — в своем черном плаще. Он не замедлял бега до тех пор, пока мы, подняв тучу брызг, не пересекли ручей, о котором говорилось в письме. Здесь я заставил его остановиться — поводом, а больше — словами, которые он понимал не хуже челове-

ка. Ни на том, ни на другом берегу не было тропы, и нам так и не удалось отыскать ее — дальше деревья подступали к самой воде. Тогда я направил коня прямо в русло ручья (хотя животное слегка заупрямилось), и мы стали продвигаться вверх, карабкаясь на пенные перекаты, как человек взбирается по ступеням, и переплывая глубокие омуты.

Так мы шли вверх по ручью более одной стражи. Нас обступал лес, совсем как тот, через который ехали мы с Ионой, после того как расстались с Доркас, доктором Талосом и остальными у Врат Скорби. Постепенно берега становились все выше и каменистей, а низкорослые деревья на них начали пригибаться к земле. Из воды торчали камни. По прямым углам я понял, что их касалась рука человека, а мы находимся вблизи шахт и каменоломен, и под нами — развалины какого-то великого древнего города. Ручей стал глубже. Несмотря на всю свою сноровку, мой конь иногда оступался на скользких камнях, поэтому мне пришлось спешиться и вести его в поводу. По обе стороны открывались узкие дремлющие ущелья. Каждое из них казалось совсем черным меж отвесных склонов, но оживлялось то тут, то там зеленоватыми пятнами лунного света, и в

каждом негромко пела водяная струя — но то был единственный звук, и ничто больше не нарушало окутывавшую их тишину.

Наконец мы вступили в самое узкое и глубокое из ущелий, и в конце его, в чейне или около того от места, где лунный свет скользил по крутой стене, я увидел темный проем. Здесь ручей брал свое начало, словно слюна, изливающаяся из отверстого рта обращенного в камень титана. Я нашел на берегу клочок суши, где мог уместиться мой конь, и привязал его повод к карликовому дереву.

Когда-то, без сомнения, ко входу в каменоломню поднимались по деревянной лестнице, но она уже давно сгнила и обрушилась. Хоть древняя стена казалась неприступной, я все же сумел отыскать на ней несколько точек опоры и медленно пополз наверх.

Я уже дотянулся руками до края провала, когда услышал (или же мне показалось, что услышал) какой-то звук внизу. Я замер и оглянулся. Грохот водопада мог перекрыть любой шум, кроме разве что сигнала военной трубы или взрыва. В нем потонул и этот звук, но все же что-то проникло в мое сознание — может, удар камня о камень или всплеск, раздавшийся при падении в воду

какого-то предмета.

Долина казалась мирной и сонной. Потом я увидел, как мой конь тронулся с места — на мгновение в лунном свете появилась его гордая голова и настороженные уши, — поэтому я решил, что это он бьет подкованным копытом о землю, недовольный слишком короткой привязью. Я подтянулся и перевалился в каменный лаз, и это, как я понял впоследствии, спасло мне жизнь.

Любой человек, сохраняющий хоть каплю разума и знающий, куда ему предстоит попасть, запасся бы лампой и свечами. Но я был настолько потрясен известием о воскрешении Теклы из мертвых, что мне это и в голову не пришло. Я двинулся вперед, в темноту. Через дюжину шагов лунный свет, проникавший из долины, совсем померк. Я брел по воде — как раньше, когда вел коня вверх по ручью. «Терминус Эст» висел у меня на левом плече, но я не опасался намочить его — свод был так низок, что мне приходилось идти, согнувшись вдвое. Так я продвигался довольно долго, не переставая тревожиться, что выбрал не ту дорогу, и Текла будет тщетно ждать меня где-нибудь в другом месте.

Глава 6
Синий свет

Я настолько привык к звуку струящейся воды, что, спроси меня кто-нибудь в тот момент, я предположил бы, будто иду в полной тишине, но когда узкий туннель внезапно открылся в просторную пещеру, я сразу догадался об этом по изменившемуся тону журчания воды, хотя меня по-прежнему окружала все та же непроглядная тьма. Я сделал шаг вперед, потом другой и смог распрямиться — теперь над головой не нависал каменный свод. Я поднял руки — ничего; взял «Терминус Эст» за ониксовую рукоять, не вынимая его из ножен, и пошарил вокруг клинком — ничего.

Тогда я совершил то, что вы, читающие эти строки, сочтете невообразимой глупостью. В свое оправдание должен напомнить: в письме было сказано, что стража предупреждена о моем появлении и не причинит мне вреда. Я стал выкрикивать имя Теклы.

И эхо откликнулось:

— Текла… Текла… Текла…

Потом снова тишина.

Я вспомнил, что мне следовало найти место, где вода вытекает из стены, а я его до сих пор не обнаружил. Может быть, этот ручей так же долго вьется здесь, по подземным галереям, как снаружи — по долинам. Я снова двинулся вперед, но, опасаясь падения, ощупывал при каждом шаге землю ногой.

Я прошел не более десяти шагов, когда услышал отдаленный, но явственный шум, который не заглушала плавно текущая вода. Еще шагов через десять я увидел свет.

Этот свет не был изумрудным сиянием сказочных лунных лесов, как не был и красноватым пламенем факелов или золотистым отблеском свечей, которыми могли бы освещать путь стражники, он не походил даже на пронзительно-белый луч, тот, что я иной раз видывал в ночи, когда флайеры Автарха кружили над Цитаделью. Скорее он представлял собой нечто вроде светящегося тумана, то бесцветного, то зеленовато-желтого. Невозможно было оценить, далеко ли он или близко. Казалось, он вообще не имеет источника. Мгновение он колебался перед моими глазами, и я рванулся к нему по воде. Потом появилось еще одно мерцающее пятно.

Мне нелегко сконцентрироваться на том, что произошло в несколько следующих минут. Вероятно, у каждого из нас в подсознании таится что-либо ужасное — так в нашем подземелье, на самом нижнем его уровне, обитали узники, чей разум давно подвергся разрушению или трансформировался в сознание, не имеющее ничего общего с человеческим. И точно так же, как эти узники, наши воспоминания о пережитом ужасе вопят и молотят о стену своими цепями, но их почти никогда не извлекают из бездны на божий свет.

То, что я пережил под землей, всегда неотступно следует за мной. Иногда мне удается надежно запереть подспудные глубины памяти, но время от времени они вторгаются в сознание. (Не так давно, когда ночью «Самру» проходил вблизи устья Гьолла, я смотрел за борт. Я видел, что каждый раз, когда весло погружается в воду, появляется пятно фосфоресцирующего света, и на миг мне показалось, что те, из-под холма, все-таки пришли за мной. Теперь я обладаю властью над ними, но и это не умалило моего страха.) Как я уже говорил, к первому источнику света присоединился второй, потом третий, четвертый, но я все равно шел вперед. Скоро их стало бесчис-

ленное множество, но, поскольку я не знал, что это такое, они успокаивали и вселяли надежду. Я думал, что каждый из этих приглушенно сияющих огней, должно быть, исходит от какого-то неизвестного мне источника в руках тех самых стражей, о которых говорилось в письме. Пройдя еще дюжину шагов, я увидел, что отдельные вспышки собираются воедино, образуя нечто вроде стрелы, острие которой было обращено в мою сторону. Потом я услышал рев, хоть и весьма неотчетливый, напоминавший тот, что обычно доносился из башни, называемой Медвежьей, когда там начинали кормить зверей. Даже тогда, наверное, мне удалось бы спастись, если бы я немедленно бросился бежать от этого света Но я медлил. Рев приближался. Теперь он уже не был похож на звериное рычание — скорее такие звуки могла бы издавать совершенно обезумевшая от ярости толпа. Я увидел, что отдельные световые пятна не бесформенны, как мне казалось раньше. Каждое из них имело очертание звезды с пятью неравными лучами.

И вот тогда — слишком поздно — я рванулся назад. К этому времени неверный свет, исходивший от звезд, стал достаточно сильным, и я увидел расплывчатые контуры предметов, которые окру-

жали меня. По обеим сторонам громоздились прямоугольные глыбы, наводя на мысль, что они — создания рук человеческих. Казалось, я попал в пределы погребенного града (только здесь не было разрушений, вызванных тяжестью многих слоев почвы), где рудокопы Сальтуса добывают свои сокровища. Меж этих глыб стояли группы невысоких узких колонн, объединенных той же беспорядочной регулярностью, что я не раз отмечал, глядя на поленницы дров — когда каждое полено торчит, и все же вместе они образуют единое целое. Колонны излучали мягкое сияние, отражая мертвенный свет движущихся звезд, превращая его в менее зловещий или по крайней мере — более красивый.

С минуту я гадал, что это за колонны, потом снова перевел взгляд на звездные фигуры и в первый раз разглядел их по-настоящему. Играла ли когда-нибудь с вами дурную шутку ночь — когда вы стремитесь к тому, что кажется освещенным оконцем деревенского домика, а вместо этого упираетесь в бойницу могучей крепости? Или, быть может, вам приходилось карабкаться, оступаясь, скользя и едва не падая, по круче, а потом взглянуть вниз и увидеть под ногами невообразимо глубокую бездну? Если да, вы поймете, что

я почувствовал в ту минуту. Звезды являлись не просто вспышками света, они имели человеческую форму и казались маленькими лишь потому, что пещера была огромной. Я даже не мог представить, что могут существовать столь обширные помещения. И эти люди, не похожие на людей — со слишком широкими плечами, пригнувшиеся к земле, — двигались прямо на меня. Это они издавали неописуемый рев.

Я повернулся и тут же почувствовал, что не могу бежать по воде. Тогда я вскарабкался на берег, где возвышались темные громады. К тому времени преследователи находились уже совсем близко. Часть из них стала обходить меня с обеих сторон, дабы отрезать мне выход из пещеры.

Вид их вселял ужас, но я даже не могу толком объяснить, чем именно. Тела их были похожи на обезьяньи — волосатые, приземистые, с короткими ногами, длинными руками и толстой шеей. Такие клыки я видел раньше только у смилодонов — загнутые, с зазубренными краями, и каждый — на палец выступал из-под верхней челюсти. Но даже не это и не призрачный свет, исходивший от их шерсти, вызывали обуявший меня ужас. Кошмарными были их лица, может быть, именно огромные белые глаза. И эти глаза

говорили, что передо мной именно люди — такие же, как я. Как старость заключена в разлагающуюся плоть, как женщина, принужденная весь век обитать в своем слабом теле и потому становящаяся беззащитной жертвой грязных домоганий, так и эти люди существовали в обличье мерзких тварей и знали об этом. Взгляд каждого из них кричал о сем знании, когда они окружили меня, и — самое страшное — глаза были единственной частью их тела, которая не источала свет.

Я набрал воздуху, чтобы снова выкрикнуть «Текла!», но в тот миг я понял все и обнажил «Терминус Эст».

Один из них, крупнее или, быть может, смелее, чем прочие, приближался ко мне. В руке он держал короткую булаву, рукоять которой когда-то служила бедренной костью. Он стоял вне досягаемости меча и угрожал мне, издавая грозное рычание и ударяя себя в грудь булавой.

Позади меня раздался плеск. Я обернулся как раз вовремя, чтобы заметить обезьяночеловека, подбиравшегося ко мне по руслу ручья. Я взмахнул мечом, и он отшатнулся, но конец острия полоснул его по груди ниже подмышки. И столь совершенен был мой клинок, столь прекрасно закалена его сталь и заточено лезвие, что одного

легкого касания хватило, чтобы рассечь грудину врага.

Он упал в ручей, а вода унесла прочь его труп. Но еще до удара я успел заметить, что он ступает по воде с явным страхом, и вода точно так же тормозит его движения, как мои. Я повернулся лицом к нападающим, ступил в ручей и начал пятиться по течению к выходу из пещеры. Я знал, что спасение мое — в жерле узкого туннеля, куда эти твари никогда не дадут мне добраться.

Они все теснее смыкались вокруг меня, их собралось уже не меньше нескольких сотен. Свет, исходивший от них, стал таким ярким, что теперь я явственно видел: прямоугольные глыбы — это и впрямь здания, очевидно, весьма древние, возведенные из серого камня и испещренные пометою летучих мышей. Колонны неправильной формы оказались штабелями болванок, в которых каждый следующий слой был уложен поперек предыдущего. По цвету я определил, что это серебро. В каждом штабеле было не меньше сотни болванок, и не менее нескольких сотен таких колонн скрывал в себе подземный город.

Все это я успел рассмотреть, пока сделал по воде полдюжины шагов. На седьмом они догнали меня — по меньшей мере два десятка, подступав-

шие со всех сторон. У меня не было времени на отдельные удары, чисто срезающие противнику голову: мой меч чертил безостановочные круги, и его песня наполняла подземелье, эхом отражалась от свода и стен, отчетливо слышалась даже сквозь рев и визг.

В «такие минуты чувство времени теряется. Я хорошо помню, как они нападали, а я яростно отбивался, но теперь мне кажется, что все это произошло в одно мгновение. Вот рухнули двое, пятеро, целый десяток. Вода вокруг меня казалась черной от крови в мертвенном свете, а они все наступали. Я почувствовал удар по плечу, подобный удару кулака великана. „Терминус Эст“ выскользнул из руки, и на меня навалилась груда тел, пока под ее тяжестью я не ушел с головой под воду. В плечо, как два кинжала, вонзились клыки врага, но, я думаю, он слишком боялся утонуть, и не мог драться под водой, как на суше. Я воткнул пальцы в его широкие ноздри и свернул ему шею, хотя она была куда прочнее, чем человеческая.

Я ушел бы от них, если б мог задержать дыхание настолько, чтобы проплыть под водой до выхода. Обезьянолюди потеряли меня из виду, но мои легкие уже разрывались, и мне удалось проплыть по течению совсем немного. Я поднял голову над

поверхностью воды. В то же мгновение они снова набросились на меня.

Без сомнения, для каждого наступает минута, когда он, по всем законам, должен умереть. Так вот для меня это был тот самый миг. Всю жизнь, отпущенную мне сверх этой минуты, я расцениваю как незаслуженный дар.

Я лишился оружия, правая рука кровоточила и онемела. Теперь обезьянолюди осмелели. Это дало мне шанс выиграть еще несколько мгновений жизни, ибо, стремясь прикончить меня, они сбились в такую кучу, что мешали друг другу. Я ударил одного ногой в лицо. Второй вцепился в мой сапог. В тот же миг брызнула искра синего пламени. Не знаю, что мною руководило — инстинкт или озарение, — но я схватил ее. В руке я держал Коготь.

Он словно вобрал в себя весь мертвенный свет и окрасил его цветом жизни; он изливал поток чистого сапфирового сияния, наполнившего пещеру. Обезьянолюди вдруг отпрянули прочь, будто услышали удар грома, а я поднял камень высоко над головой. Чего я ожидал, на что надеялся (если я еще мог на что-то надеяться), я теперь и сам не знаю.

Случилось невероятное. Обезьянолюди не бро-

сились наутек, вопя от ужаса, и не возобновили нападения. Они стали медленно приближаться, пока первый не оказался в нескольких шагах от меня, потом опустились на четвереньки, касаясь лицом пола. Было совсем тихо — точно я только что вошел в пещеру. Я слышал лишь плеск воды, но теперь видел все — от серебряных штабелей рядом со мной до разрушенной стены в самом конце пещеры, по которой, как пятна бледного света, спустились ко мне обезьянолюди.

Я стал пятиться назад. Обезьянолюди смотрели на меня, и лица их были человеческими лицами. И тогда я понял, откуда эти звериные клыки, огромные круглые глаза, плоские уши. Зоны и зоны борьбы за жизнь во мраке подземелий — вот что это было. Мудрецы говорят, когда-то мы были обезьянами и резвились в лесах, поглощенных затем пустынями. И так давно это было, что в нашем языке не сохранилось названия этим лесам и пустыням. Старики снова становятся детьми, когда прожитые годы затуманивают их разум. Разве не может случиться так, что человечество, подобно старику, вернется в свое забытое детство, если умрет старое солнце и нам придется сражаться с сородичем за кость в темноте? Я видел перед собой наше будущее — по крайней мере,

возможное — и сожалел о тех, кто одерживал победу в подземных схватках больше, чем о тех, кто пролил их кровь нынешней бесконечной ночью.

Итак, я сделал шаг назад, потом другой — никто из них не пытался «препятствовать мне. И тут я вспомнил о „Терминус Эст“. Я клял бы себя всю жизнь, если бы оставил меч даже ради спасения собственной жизни в самой жестокой битве. Выйти отсюда безоружным — нет, этого я не мог вынести. Я начал осторожно продвигаться вперед, надеясь в сиянии Когтя заметить отблеск клинка.

При моем движении лица странных уродливых людей просветлели. По их выражению я понял: они надеются, что я останусь с ними, и Коготь с его синим сиянием тоже останется с ними навсегда. Сколь ужасным все это кажется теперь, когда я вывожу слова на бумаге, но тогда я не испытывал никакого ужаса. Несмотря на их звериный облик, на каждом лице я узрел выражение благоговения и подумал тогда (да и теперь так думаю), что если эти люди подземных городов Урса в чем-то и уступают нам, то во многом другом они, наделенные благодатью животного простодушия, лучше, чем мы.

Я шарил взглядом по всему ручью, от берега до

берега, но ничего не видел, хотя мне казалось, что Коготь разгорается все ярче и ярче, пока, наконец, каждый острый выступ на своде пещеры не стал отбрасывать четкую угольно-черную тень. В конце концов я крикнул скорчившимся фигурам:

— Мой меч… Где мой меч? Кто из вас взял его?

Мне не пришло бы в голову заговорить с ними, если бы я не был вне себя от страха потерять меч, но, казалось, меня поняли. Они начали что-то бормотать друг другу и, не поднимаясь, показывать мне жестами, что не собираются больше нападать на меня. Многие протягивали свои дубинки и копья с костяными наконечниками.

Потом, заглушая журчание воды и бормотание обезьянолюдей, послышался новый звук, и в мгновение ока все затихли. Если бы великан-людоед вгрызался в самое основание мира, скрежет его зубов не отличался бы от этого звука. Русло ручья под моими ногами задрожало, а вода, такая прозрачная прежде, замутилась от ила, будто по ней пролегла дымчатая лента. Далеко внизу кто-то шагнул — так могла бы тронуться с места башня в Судный День, когда, как сказано, все города Урса двинутся в путь, чтобы встретить восход Нового Солнца.

И еще один шаг.

Обезьянолюди тут же поднялись и, пригнувшись к земле, бросились в дальний конец пещеры, беззвучно и быстро, как стая летучих мышей. С ними ушел и свет. Казалось, как я в глубине души и подозревал, Коготь светил для них, но не для меня.

Из недр земли донесся третий шаг, а вместе с ним погас последний луч, но в это мгновение, в последнем отблеске, я заметил на дне «Терминус Эст». Я нагнулся, сунул Коготь обратно в сапог и поднял меч. И вдруг осознал, что моя рука вновь обрела былую силу.

Послышался четвертый шаг. Я повернулся и бросился бежать, нащупывая дорогу концом меча. Думаю, теперь я могу сказать, что за существо, обитающее в сердцевине мира, проснулось подо мною. Но тогда я этого не знал, как не знал и того, что его пробудило: рев ли обезьянолюдей, свет Когтя или еще что-нибудь. Я понял только, что глубоко под нами есть нечто, обратившее в бегство обезьянолюдей, невзирая на их ужасный облик и огромную численность, так же легко, как ветер уносит искры костра.

Глава 7
Наемные убийцы

Когда я вспоминаю, сколько времени мне потребовалось, чтобы вернуться по туннелю к выходу, мне кажется, что прошло больше стражи. Полное спокойствие — не мой удел, ибо душу мою непрерывно терзает безжалостная память. Но тогда я, несомненно, находился в том состоянии предельного возбуждения, когда кажется, будто три шага тянутся полжизни. И, уж конечно, я был напуган. С той поры как я вышел из мальчишеского возраста, меня никогда не называли трусом, и многие отдавали должное моей храбрости. Я не колеблясь выполнял долг служения нашей гильдии, бился один на один и участвовал в массовых сражениях, взбирался на неприступные горные вершины, несколько раз едва не утонул. Но я уверен — разница между теми, кого называют храбрецами, и теми, на ком поставлено клеймо трусости, заключается лишь в том, что последние испытывают страх заранее, перед опасностью, а первые — после.

Очевидно, никто не может испытывать страха

непосредственно в минуты большой и неотвратимой опасности: разум слишком сосредоточен на действиях, необходимых, чтобы встретить ее или избежать. Таким образом, трус является трусом, поскольку осознает свой страх слишком рано. Люди, которых считают трусливыми, могут поражать своей храбростью, если не предупредить их об опасности заранее.

Например, мастер Гурло, которого в детстве я считал человеком беззаветной храбрости, был, без сомнения, трусом. В то время, когда Дротт был капитаном учеников, мы с Рошем по очереди прислуживали мастеру Палаэмону и мастеру Гурло. Однажды вечером мастер Гурло отдыхал в своей келье. Он велел мне остаться, чтобы наполнять его чашу, и разоткровенничался:

— Эй, парень, ты знаешь эту клиентку по имени Ия? Дочь армигера, довольно хорошенькая.

Будучи учеником, я почти не имел дела с клиентами. Я покачал головой.

— Она приговорена к поруганию. Я не имел никакого понятия, о чем он говорит, и потому ответил:

— Да, мастер.

— Это самая оскорбительная кара, которой можно подвергнуть женщину. Или мужчину.

Половой акт с палачом. — Он постучал себя в грудь и, вскинув голову, взглянул на меня. По сравнению с туловищем его голова была непропорционально маленькой, и если бы он носил рубашку или сюртук (чего, конечно, никогда не делал), то казалось бы, будто его одежда с подкладными плечами.

— Да, мастер.

— Почему бы тебе не проделать это вместо меня? Ты молодой парень, в самом соку. Только не говори мне, что ты еще не оброс шерстью где следует.

Наконец я понял, о чем идет речь, и сказал, что вряд ли такое разрешается, ведь я всего лишь ученик, но если он прикажет, я готов повиноваться.

— Еще бы ты не повиновался. Она не так плоха, знаешь ли. Только долговяза, а я не люблю высоких. Наверняка в этой семейке замешался какой-нибудь экзультант.

Как говорят, кровь делает свое дело, хотя только нам, пожалуй, известно, что это значит на самом деле. Ну как, хочешь это сделать?

Он протянул чашу, а я наполнил ее вином.

— Если изволишь приказать, мастер.

На самом деле, при мысли об этом я чувствовал величайшее возбуждение — я еще никогда не

обладал женщиной.

— Да нет, тебе нельзя,. Придется мне. Ведь все узнают. Да и потом, я должен засвидетельствовать наказание — подписать бумагу. Вот уже двадцать лет я — мастер гильдии и подделывать бумаги не стану. Может, ты думаешь, мне это не под силу?

Подобное предположение у меня никогда не возникало, как никогда не возникало обратное (о том, что он еще сохранил мужскую силу) — относительно мастера Палаэмона, чьи седые волосы, согбенные плечи и линзы на глазах наводили на мысль, что он так и родился дряхлым стариком.

— Вот, смотри, — сказал мастер Гурло и стал приподниматься со стула. Он принадлежал к тем людям, которые могут держаться на ногах и внятно говорить даже в состоянии сильного опьянения. Он уверенно направился к комоду и достал оттуда синий фарфоровый сосуд. Мне на мгновение показалось, что он вот-вот его уронит.

— Это редкое и сильное средство. — Он снял крышку и показал мне темно-коричневый порошок. — Никогда не подводит. Рано или поздно тебе придется его попробовать, так что знай. Надо брать ровно столько, сколько уместится у тебя

под ногтем, понимаешь? Если возьмешь больше, два дня не сможешь показываться на людях.

Я сказал:

— Буду помнить, мастер Гурло.

— Конечно, это яд. Все снадобья — яд, а это самое лучшее. Если проглотишь вот столько, прощайся с жизнью. И нельзя принимать второй раз, пока не сменится луна, ясно?

— Может, вам попросить Брата Корбиниана отмерить дозу, мастер?

Брат Корбиниан был нашим аптекарем. Я боялся, что мастер Гурло возьмет и проглотит столовую ложку порошка прямо у меня на глазах.

— Мне? Мне это ни к чему.

Он с презрительным видом закрыл крышку и сунул сосуд на полку.

— Это хорошо, мастер.

— Кроме того, — он подмигнул мне, — у меня кое-что есть. — Он достал из сумки железный фаллос в полтора вершка длиной.

Наверное, вам покажется странным, но некоторое время я не мог понять, для чего предназначена эта вещь, несмотря на несколько преувеличенный реализм в ее оформлении. У меня возникла дикая мысль, что от вина мастер впал в детство и ведет себя как мальчишка, который не видит

большой разницы между своим деревянным скакуном и настоящей лошадью. Мне стало смешно.

— «Поругание» — вот как они говорят. Тут-то и есть для нас лазейка.

Он похлопал железным фаллосом по ладони, и теперь мне кажется, что этот жест был сродни угрозе обезьяночеловека, который бил себя в грудь булавой.

Наконец, я все понял и содрогнулся от отвращения. Окажись я в подобных обстоятельствах сейчас, я испытывал бы иные чувства. Мое отвращение никак не было связано с сочувствием к девушке, я о ней даже и не думал. Скорее я испытывал нечто вроде презрения к мастеру Гурло, который, несмотря на свое могучее телосложение и силу, вынужден полагаться на бурый порошок или, того хуже, на железный фаллос. Этот предмет выглядел так, будто его отпилили от какой-нибудь статуи, и не исключено, что так оно и было. И в то же время я видел мастера Гурло в другой ситуации, когда нужно было действовать быстро, дабы не дать клиенту умереть раньше времени, и он все проделал как следует без всякого порошка или железного фаллоса и без каких-либо затруднений.

Значит, мастер Гурло был трусом. Тем не менее,

может статься, его трусость гораздо лучше той храбрости, что мог бы проявить я, окажись на его месте, ибо смелость не всегда является добродетелью. По общепринятым понятиям, я проявил чудеса храбрости, сражаясь с обезьянолюдьми, но ведь храбрость эта на деле была не чем иным, как следствием глупости, отчаяния и внезапности. Теперь, в туннеле, когда никакой реальной причины для страха не существовало, я дрожал от ужаса, и хоть едва не раскроил череп о низкий свод, не мог заставить себя замедлить шаг, пока не увидел впереди отверстие, в которое проникал благословенный свет луны. Я сделал последний рывок и, решив, что наконец-то в безопасности, вытер клинок меча полой плаща и вложил его в ножны.

Потом я повесил меч на плечо и стал спускаться, нащупывая носками мокрых сапог выбоины в скале, служившие мне ступеньками при подъеме. Едва я успел поставить ногу на третью, как две стрелы ударили в камень прямо у меня над головой. Одна из них, наверное, была с наконечником старинной работы, потому что она вонзилась в скалу и осталась там, сияя белым пламенем. Помню, какое изумление охватило меня, и как я надеялся — те несколько мгновений, пока следу-

ющий выстрел едва не выжег мне глаз, — что у их арбалетов нет приспособления, которое само подает новую стрелу на тетиву после каждого выстрела и не требует долго и» перезарядки.

Когда в скалу вонзилась третья стрела, я понял, что надеялся зря, и прыгнул вниз, не дожидаясь, пока промазавший стрелок исправит свою ошибку.

Я помнил, что под скалой, где водопад переходит в ручей, есть глубокая яма. И снова я с головой погрузился в воду, но, поскольку одежда моя все равно была мокра до нитки, это не имело особого значения, даже наоборот: вода успокоила боль от искр, попавших на лицо и руки.

Теперь не могло быть и речи о том, чтобы затаиться под водой. Поток подхватил меня как щепку и выбросил на поверхность. К счастью, я вынырнул довольно далеко от скалы и потому, когда выбрался на берег, оказался у них за спиной. Двое мужчин и женщина смотрели в другую сторону.

Обнажив — в последний раз за сегодняшний день — «Терминус Эст», я крикнул:

— Сюда, Агия!

Я уже и раньше подозревал, что это она, но когда женщина обернулась (быстрее, чем оба ее

спутника), я явственно увидел ее лицо в лунном свете. Лицо это внушало мне ужас (несмотря на его красоту, хотя Агия никогда не считала себя красивой), ибо видеть его — означало, что Текла все-таки мертва.

Ближайший ко мне мужчина оказался настолько глуп, что попытался поднять арбалет к плечу, вместо того чтобы стрелять сразу, не целясь. Я бросился вперед и подсек ему ноги, и в ту же секунду стрела другого, как метеор, пронеслась у меня над головой.

Пока я выпрямлялся, второй бросил арбалет и вынул кинжал. Агия действовала быстрее: тот еще не успел достать оружие из ножен, а она уже рассекла мне кожу на шее коротким мечом. Я уклонился от ее первого удара и парировал второй, хоть клинок «Терминус Эст» не годится для фехтования. Потом я стал наступать.

— Заходи сзади! — крикнула она второму стрелку. — Я его удержу!

Тот не отвечал. Рот его широко открылся, он замахнулся кинжалом. Прежде чем я успел понять, что смотрит он вовсе не на меня, что-то блестящее пронеслось мимо моего уха. Потом я услышал омерзительный треск черепа. Агия мгновенно обернулась, грациозно, как кошка, и

ее меч поразил бы обезьяночеловека, если бы я не успел выбить отравленный клинок из ее руки и швырнуть его в воду. Тогда она попыталась спастись бегством, но я, схватив ее за волосы, рывком бросил на землю.

Обезьяночеловек невнятно бормотал над телом убитого: хотел ли он взять что-нибудь или просто дивился его внешности — не знаю. Я наступил Агии на горло, а обезьяночеловек выпрямился и обернулся ко мне, потом пригнулся к земле, как тогда, в пещере, и протянул ко мне руки. Одной не было. Я узнал чистый срез, который мог сделать только мой меч. Он снова забормотал что-то непонятное.

Я попытался ответить:

— Да, это моя работа. Прости. Теперь мы в мире. Его лицо сохраняло умоляющее выражение, и он снова заговорил. Кровь все еще сочилась из обрубка. Я подумал, что, наверное, у обезьянолюдей есть особый внутренний механизм, зажимающий вены, какой, говорят, есть у тилакодонов, ведь обычный человек без вмешательства врача давно бы умер от такой раны.

— Я отрубил ее, — сказал я, — но тогда мы сражались. Это было до того, как твой народ увидел Коготь Миротворца.

Потом мне пришло в голову, что он, должно быть, последовал за мной наружу, чтобы еще раз взглянуть на камень, превозмогая невыносимый страх перед существом, дремавшим под землей и разбуженным нами. Я сунул руку за голенище, вынул Коготь и тут же понял, как глупо было с моей стороны, что сапог с его драгоценным содержимым оказался так близко от Агии: при виде камня ее глаза загорелись алчностью. Обезьяночеловек все так же на коленях пополз ко мне, протянув к Когтю свой жалкий обрубок.

На минуту мы все застыли и, наверное, являли собой весьма странную скульптурную группу при столь жутком освещении. Но тут изумленный возглас — то был голос Ионы — «Северьян!» раздался с высоты, и, как звук трубы в конце пьесы уносит прочь вымышленную жизнь, этот крик положил конец нашей немой сцене. Я опустил Коготь и сжал его в ладони, обезьяночеловек исчез за скалой, а Агия начала извиваться и корчиться под моей стопой.

Легким ударом меча плашмя я заставил ее успокоиться, но не отпускал ногу, пока Иона не присоединился ко мне. От нас двоих ей уже было не уйти.

— Я решил, что тебе может понадобиться

помощь, — сказал Иона. — Теперь вижу, что ошибался. — Он окинул взглядом трупы помощников Агии.

Я ответил:

— Это нельзя назвать настоящей битвой. Агия уже сидела, потирая шею и плечи.

— Их было четверо, и мы бы тебя взяли. Только вдруг течение вынесло трупы этих огненных людей-тигров. Тогда двое испугались и сбежали.

Иона почесал затылок железной рукой. Звук вышел, будто кто-то скребет щеткой по блюду.

— Так, значит, мне и вправду не показалось. Я уже начал сомневаться.

Я спросил, что он видел.

— Светящееся существо в меховой мантии, поклонявшееся тебе. А у тебя в руке — чаша с горящим вином. Или то был ладан? Что это?

Он нагнулся и поднял что-то с земли на том месте, где стоял на коленях обезьяночеловек.

— Булава.

— Да, я вижу. — На конце костяной ручки была жильная петля. Иона продел в нее кисть. — Кто эти люди, что пытались убить тебя?

— И убили бы, — вмешалась Агия, — если бы не этот плащ. Мы заметили, как он выбирается из дыры, а потом, во время спуска, плащ совсем

скрыл его. Мои люди не видели цели — только руки.

Я в общих чертах поведал Ионе о том, как судьба свела меня с Агией и ее братом-близнецом, и о смерти Агилюса.

— Стало быть, она пожаловала сюда, чтобы присоединиться к брату. — Иона перевел взгляд с нее на окрашенный пурпуром клинок «Терминус Эст» и слегка пожал плечами. — Я оставил там моего мерихипа, надо за ним приглядеть. Тогда смогу потом сказать, что ничего не видел. Значит, письмо написала эта женщина?

— Мне следовало сразу догадаться. Я говорил ей о Текле. Ты о ней почти не знаешь, а она знала. Помню, я рассказывал ей, когда мы проходили через Ботанические Сады в Нессусе. В письме были ошибки, да и многое другое, чего Текла никогда бы не написала, но я не обратил на это внимания, пока читал.

Я шагнул в сторону и засунул Коготь поглубже в сапог.

— Тебе и вправду лучше заняться своим животным. Мое, видно, сорвалось с привязи, значит, нам придется ехать по очереди.

Иона кивнул и стал карабкаться вверх по склону.

— Ты ждала меня здесь, правда? — спросил я Агию. — Я услышал что-то, и конь насторожился. Это была ты. Почему ты не убила меня сразу?

— Мы были там, наверху. — Она показала на обрыв. — Я хотела, чтобы эти люди, которых я наняла, стреляли, когда ты будешь подниматься вверх по ручью. Но они оказались такими же тупыми и упрямыми, как все мужчины, и заявили, что нечего зря тратить стрелы, потому что эти твари, которые живут там, внутри, и так тебя убьют. Тогда я столкнула вниз камень, самый большой, какой только могла сдвинуть, но было уже поздно.

— Это они рассказали тебе о каменоломне? Агия пожала обнаженными плечами, которые в лунном свете превратились в нечто более драгоценное и прекрасное, чем человеческая плоть.

— Ты сейчас меня убьешь — так какая разница? Все местные жители рассказывают разные истории об этом месте. Говорят, в ненастные ночи эти твари выходят наружу и крадут скот из коровников, а иногда врываются в дома и уносят детей. Ходят еще слухи, что они охраняют сокровища, которые спрятаны внутри. На всякий случай в письме я упомянула и об этом. Подумала, что если ты не захочешь прийти за своей Теклой,

то, может, придешь за сокровищами. Северьян, позволь мне встать к тебе спиной. Не хочу это видеть.

При этих словах я почувствовал, что у меня словно гора упала с плеч. Я не был уверен, что смогу нанести удар, глядя ей в лицо.

Я занес мой «железный фаллос» и подумал, что хотел спросить Агию еще о чем-то, но теперь не мог вспомнить, о чем именно.

— Давай, — сказала она. — Я готова.

Я покрепче уперся ногами в землю, а пальцы нащупали на конце рукоятки голову женщины, которой отмечена женская сторона клинка.

Чуть позже она повторила:

— Давай!

Но в это время я уже выбирался из ущелья наверх.

Глава 8
Похитители

Мы возвращались в гостиницу в полном молчании. Продвигались так медленно, что небо на востоке посветлело, прежде чем мы добрались до деревни. Иона расседлывал мерихипа, когда я произнес первые слова:

— Я не убил ее.

Он, не глядя на меня, кивнул:

— Знаю.

— Ты что, подсматривал? А говорил, что не хочешь этого видеть.

— Я услышал ее голос, когда ты уже почти нагнал меня. Она не оставит тебя в покое?

Я подождал, пока он отнесет небольшое седло в кладовку, и потом ответил:

— Уверен, что не оставит. Я не взял с нее слова, если ты это имеешь в виду. Все равно она бы его не сдержала.

— Тогда на твоем месте я бы все-таки ее убил.

— Да, — подтвердил я, — это было бы правильно. Мы вместе вышли из конюшни. Стало уже почти светло, и мы без труда нашли колодец и

широкие двери гостиницы.

— Не думаю, что это было бы правильно — просто говорю, что именно так бы и поступил на твоем месте. Представил бы себе, как в меня втыкают кинжал во сне и я умираю на какой-нибудь грязной постели, и тогда опустил бы ей на голову эту штуку. Но это было бы неправильно.

Иона поднял булаву обезьяночеловека и взмахнул ею, грубо пародируя удар меча. Навершие булавы сверкнуло в луче солнца, и мы оба затаили дыхание.

Оно было из чистого золота.

Ни у кого из нас не было ни малейшего желания участвовать в ярмарочных развлечениях, которые еще ждали тех, кто бражничал всю ночь напролет. Мы прошли к себе в комнату и приготовились ко сну. Иона предложил поделить золото пополам, но я отказался. У меня и без того денег было в избытке, да еще те, что уже заплатил алькальд. До сего времени Иона жил за мой счет, поэтому теперь я радовался, что ему больше не придется чувствовать себя в долгу передо мной. А еще мне стало стыдно, что он полностью доверяет мне, а я так старательно скрывал (и до сих пор скрываю) от него Коготь. Я решил, что Должен все рассказать ему, но вместо этого постарался

осторожно вытащить ногу из мокрого сапога, так чтобы Коготь провалился в носок.

Проснулся я около полудня и, удостоверившись, что Коготь на месте, разбудил Иону, который сразу же спросил:

— На ярмарке наверняка есть золотых дел мастера, и они дадут мне за эту штуку неплохую цену. По крайней мере, с ними можно будет поторговаться. Пойдешь со мной?

— Надо сперва поесть, а потом мне уже будет пора на помост.

— Тогда за дело.

— Да.

Я поднял плащ — он был сильно порван, а сапоги сморщились, но все еще не просохли.

— Кто-нибудь из прислуги зашьет. Конечно, как новый он не станет, но все же будет куда лучше, чем сейчас. — Иона распахнул дверь. — Пойдем, если голоден. А почему у тебя опять такой задумчивый вид?

В большом зале гостиницы, управляясь с отменным кушаньем, пока жена хозяина приводила в порядок мой плащ, я рассказал Ионе обо всем, что произошло со мной в пещере, закончив на том, как услышал шаги неведомого существа под землей.

— Странный ты человек, — только и сказал Иона.

— Между прочим, на мой взгляд, ты куда более странный. Ты, похоже, чужестранец, хоть и не слишком афишируешь это.

Он улыбнулся.

— Какоген?

— Нет, чужестранец.

Иона сначала покачал головой, затем кивнул:

— Да, может быть. Но ты! У тебя есть талисман, с помощью которого ты можешь повелевать ночными кошмарами, и ты обнаружил настоящий клад. И рассказываешь об этом, будто треплешься о погоде.

Я взял кусок хлеба.

— Да, это странно, согласен. Но тайна — в Когте, а не во мне. Что до моей откровенности с тобой… А почему бы и нет? Если бы, например, я похитил твое золото, то мог бы продать его и выручить деньги, но не думаю, что кому-нибудь пойдет на пользу, если он завладеет Когтем.

Не знаю, почему я так думаю, но это — факт. И, несомненно, Агия украла его. А серебро…

— Украла и положила тебе в карман?

— В ташку, которая висела у меня на поясе. Понимаешь, она же думала, что ее брат убьет меня.

Потом они собирались предъявить права на мое тело — не впервой — и получить «Терминус Эст» и все, что при мне было. Она завладела бы моим мечом, одеждой и камнем. Но если бы меня стали обыскивать и нашли Коготь, то виноват был бы я, а не она. Я помню…

— Что?

— Пелерин. Они задержали нас, когда мы пытались выбраться. Иона, как ты думаешь, правда ли, что есть люди, которые могут читать мысли другого человека?

— Конечно.

— Не все так думают. Мастер Гурло говаривал, будто это возможно, а вот мастер Палаэмон и мысли об этом не допускал. Но все-таки мне кажется, что верховная жрица Пелерин читала чужие мысли, по крайней мере, до некоторой степени. Она словно знала, что в отличие от меня Агия что-то скрывает. Она заставила Агию раздеться, чтобы они могли обыскать ее, а меня не тронули. Потом они уничтожили храм, и, думаю, это случилось потому, что Коготь был утрачен. Ведь если на то пошло, это был храм Когтя.

Иона задумчиво кивнул.

— Но я хотел тебя спросить совсем о другом, — продолжал я. — Что ты думаешь об этих шагах?

Всем известно об Эребусе и Абайе и других морских существах, которые когда-нибудь выйдут на сушу. Но мне почему-то кажется, ты знаешь о них больше, чем другие.

Лицо Ионы, такое открытое минуту назад, вдруг стало замкнутым и настороженным.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты был моряком и из-за истории о семенах — ты рассказывал ее у ворот. Ты, наверное, видел книгу в коричневом переплете. Я в нее часто заглядывал. В ней заключены все тайны мира. По крайней мере, так говорят мудрецы. Я не прочел и половины, хотя мы с Теклой обычно каждые несколько дней читали по кусочку, а потом спорили о прочитанном. Но я успел заметить, что все объяснения в этой книге очень незамысловатые. Они даже кажутся ребяческими.

— Как моя история? Я кивнул.

— Может, твоя история как раз из этой книги. Когда я впервые принес ее Текле, то подумал, что это книга для детей или же для взрослых, которые любят все детское. Но когда мы стали обсуждать некоторые мысли, я понял, что их можно выразить либо таким способом, либо вообще никак. Если бы тот же автор хотел описать новый рецепт приготовления вина или лучший

способ любовного соития, он мог бы пользоваться точным и сложным языком. Но в этой книге он должен был выражаться именно так: «В начале всего был только гексамерон». Или же:

«Созерцать недвижный образ — не то же самое что созерцать саму недвижность». Тот, кого я слышал под землей… был один из них?

— Не знаю. — Иона поднялся. — Я собираюсь выйти и продать булаву, но сначала хочу сказать тебе то, что рано или поздно все жены говорят своим мужьям: прежде чем расспрашивать дальше, подумай хорошенько, а вправду ли ты хочешь узнать ответы?

— Еще один вопрос, — остановил я его, — последний. Обещаю, что не стану больше спрашивать. Когда мы проходили сквозь Стену, ты сказал, что существа, которых мы в ней видели, — воины и что они поставлены там против Абайи и прочих. А обезьянолюди такие же воины? И если да, то что толку в воинах человеческого роста, если наши противники размером с гору. И почему у древних автархов не было воинов-людей?

Иона завернул булаву в тряпку и теперь стоял, перекидывая ее из одной руки в другую.

— Это целых три вопроса, а точный ответ я знаю лишь на второй. Попробую ответить и на два

остальных, но требую, чтобы ты сдержал слово: обо всем этом мы с тобой говорим в последний раз. Начнем с последнего. Прежние автархи, которые звались иначе, да и автархами-то не были, держали людей-воинов. Но воители, созданные благодаря очеловечиванию зверей или, быть может, посредством преображения людей в зверей, более надежны, они были необходимы, потому что народ, ненавидевший правителей, ненавидел этих прислужников-нелюдей еще больше. Следовательно, от них можно было требовать того, чего люди терпеть не стали бы. Возможно, поэтому их и поставили в Стену. Могут быть и другие объяснения. — Иона замолчал и отошел к окну. Он смотрел не на улицу, а в небо. — Не знаю, кто твои обезьянолюди — такие же помеси или нет. Тот, кого я видел, выглядел вполне по-человечески, за исключением шкуры, и потому я склонен с тобой согласиться: это люди, но они сильно изменились в результате жизни под землей, среди останков древнего города. Урс теперь очень стар, и, конечно, за все прошедшие времена люди накопили немало сокровищ. Золото и серебро не меняются, но их стражи могли Претерпеть метаморфозы более удивительные, чем те, что Превращают виноград в вино и песок

в жемчуг. Я заметил:

— Но ведь мы тоже каждую ночь живем в темноте, и IBM приносят сокровища из подземных городов. Почему же мы не изменились?

Иона не ответил, и я вспомнил о своем обещании не давать больше вопросов. Но когда он обернулся ко мне, его глазах я увидел нечто, говорившее мне, что я сказал страшную глупость. Мы изменились. Он отвернулся и снова посмотрел в небо.

— Хорошо, — сдался я, — на этот вопрос можешь не отвечать. Но еще один. Как могут люди противостоять морским чудовищам?

— Ты прав: Эребус и Абайя огромны, как горы. Признаюсь, я даже удивился, что тебе это известно. У большинства людей не хватает воображения, чтобы представить себе что-нибудь действительно огромное, больше, Чем, скажем, корабль или дом. Истинные размеры этих существ таковы, что пока они находятся в этом мире, они Никогда не смогут покинуть воду: их собственный вес сокрушит их. Не думай, что они станут молотить о Стену Кулаками или швыряться в нее булыжниками. Но с помощью своих мыслей они вербуют рабов и заставляют их Восставать против всех неугодных им законов.

Иона открыл дверь и выскользнул в уличную суету. Я остался на месте, сидел, опираясь локтями на стол, и вспоминал сон, который видел, когда мне пришлось делить ложе с Балдандерсом. «Земля не в силах носить нас», — говорили гигантские женщины.

Теперь я подошел к той части моего повествования, где не могу не сказать о том, о чем прежде избегал упоминать. Читатели мои не могли не заметить, что я, не опасаясь утомить их, со всеми подробностями описываю происходившее много лет назад и передаю каждое слово своих тогдашних собеседников, как, впрочем, и каждое слово, вылетавшее из моих собственных уст. Наверное, вы сочтете, что это всего лишь прием, избранный мною, дабы пригладить сие повествование. Но истинная причина заключается в том, что я отношусь к кругу людей, которым ниспослано проклятие так называемой абсолютной памяти. «Нельзя помнить все» — много раз мне приходилось слышать это нелепое утверждение. Действительно, я не смогу воспроизвести порядок книг на полках в библиотеке мастера Ультана. Но я помню в сотни раз больше, чем вы могли бы поверить: положение каждого предмета на столе, мимо которого я проходил в детстве, и то, что я

уже вызывал в памяти определенную сцену, и даже чем этот памятный эпизод отличается от последующих воспоминаний о нем.

Именно эта способность сделала меня любимым учеником мастера Палаэмона, и, я думаю, именно ей обязано своим появлением на свет данное повествование, ибо, если бы он не благоволил ко мне, я бы не отправился в Траке, унося с собой его меч.

Говорят, слишком сильно развитая память обычно неразрывно связана с недостатком здравого смысла — что ж, не берусь судить об этом. Но в том, что она таит в себе другую опасность, я не раз убеждался на собственном опыте. Когда мой разум погружается в прошлое, как сейчас или же как в тот раз, когда я вспоминал свой сон, сидя за столом в гостинице, он достигает таких глубин, что я словно заново живу в давно ушедшем дне, во времени, где прошлое соприкасается с настоящим. Всякий раз память выносит это прошлое из бездны неизмененным, а видения становятся такими же реальными, как я сам. И сейчас я могу закрыть глаза и войти в камеру Теклы, как тем зимним днем, и скоро мои пальцы ощутят тепло ее одежды, а запах ее проникнет в мои ноздри, как аромат увядающих от пламени очага лилий.

Я снимаю с нее платье и обнимаю это тело цвета слоновой кости, чувствуя, как лицо мое прижимается к ее соскам…

Теперь вы, наверное, понимаете, как легко можно проводить целые часы, а то и дни, предаваясь воспоминаниям. Иногда я так глубоко погружаюсь в них, что пьянею, как от вина или дурмана. Так было и теперь. Поступь, которую я слышал в пещере обезьянолюдей, все еще раздавалась у меня в ушах. В поисках объяснения я вернулся в один из своих снов, уверенный, что теперь я знаю, кем он был послан, и надеясь раскрыть в нем нечто большее, чем предвидел отправитель. Снова я мчался верхом на увенчанном митрой коне с перепончатыми крыльями. Под нами пролетали пеликаны, разрезая воздух ритмичными, жесткими взмахами крыльев, кружились и пронзительно кричали чайки. Снова я падал в бездну, со свистом рассекая воздух, и все же в какой-то миг словно завис между волной и тучей. Я выгнулся, опустил голову, вытянул ноги, вошел в воду, и там, в чистой голубизне, передо мной предстала голова со змеями вместо волос, многоголовый зверь, а потом — колеблемые водоворотом песчаные сады далеко внизу. Великанши воздели руки, подобные стволам сикамор,

с длинным амарантовым ногтем на каждом пальце. Потом внезапно я, который был слеп раньше, прозрел и понял, зачем Абайя послал мне этот сон и почему стремился вовлечь меня в великую и последнюю битву Урса.

Тирания воспоминаний сковала мою волю. Я видел гигантских одалисок, смотрел на их сад и понимал, что это всего лишь сон, вернувшийся благодаря ухищрениям памяти, но не мог вырваться за его пределы. Чьи-то руки подхватили меня как куклу, и, пока я бродил меж прислужницами Абайи, меня вытащили из глубокого кресла в гостинице Сальтуса. И все равно еще сотню ударов сердца я не мог освободить разум из плена моря и его зеленовласых женщин.

— Он спит.

— Глаза у него открыты. Третий голос:

— Меч принести?

— Тащи. Без дела не останется.

Великанши растаяли. Мужчины в одеждах из оленьих шкур и грубой шерсти схватили меня с двух сторон, а третий, с исполосованным шрамами лицом, приставил короткий нож к моему горлу. Тот, что стоял справа, держал мой «Терминус Эст». Это был тот самый доброволец с черной бородой, который помогал взламывать

замурованный дом.

— Кто-то идет.

Человек со шрамами скользнул прочь. Я услышал, как отворилась дверь и возглас Ионы, когда его рывком втащили внутрь.

— Это твой хозяин, верно? Так вот, дружище, попробуй только двинуться или закричать — убьем обоих.

Глава 9
Повелитель листьев

Они поставили нас лицом к стене, связали руки. Плащи накинули нам на плечи, так чтобы пут не было видно, поэтому, когда нас вели через двор, казалось, будто мы прогуливаемся заложив руки за спину. Во дворе огромный балушитер переминался с ноги на ногу под тяжестью паланкина. Один из мужчин ударил животное по передней ноге рукоятью бодила, чтобы заставить его опуститься на колени, и нас водрузили к нему на спину.

В Сальтус мы с Ионой ехали по дороге, пролегавшей между горами отходов из шахт и каменоломен, холмами, сложенными в основном из обломков шлака и битого камня. Получив поддельное письмо, я проскакал другой дорогой — большая часть моего пути тогда шла по лесу, прилегавшему к деревне. Теперь, игнорируя наезженные тропы, мы лезли напролом через груды отбросов. Сюда рудокопы сваливали весь хлам, извлеченный из недр погребенного под землей прошлого, все то, что в глазах жителей деревни

считалось совсем уж неприглядным мусором. Отходы громоздились огромными грудами, в десятки раз выше могучей спины балушитера. Сюда сносили непристойные статуи, теперь валявшиеся вповалку, замершие в наклонном положении или разваливавшиеся на куски, а также — человеческие кости, на которых еще сохранились лохмотья высохшего мяса и пучки волос. И еще там были десятки тысяч мужчин и женщин — из тех, что в надежде на грядущее возрождение пожелали навек уберечь свои тела от тления. Теперь они валялись, как пьяницы после попойки, их хрустальные саркофаги были разбиты, руки и ноги раскинуты в гротескных позах, одежда истлела, а остекленелый взор устремлялся в небо.

Сначала мы с Ионой пытались хоть что-нибудь выведать у наших похитителей, но они ударами заставляли нас молчать. Теперь, когда балушитер прокладывал себе путь сквозь этот хаос, они немного оттаяли, и я снова спросил, куда нас везут. Человек со шрамами ответил:

— В дикие места, где живут свободные мужчины и прекрасные женщины.

Я подумал об Агии и спросил, не ей ли он служит. Он засмеялся и замотал головой.

— Я служу Водалусу из Леса.

— Водалусу!

— А-а, — проговорил он, — так ты его знаешь. — Он толкнул локтем в бок парня с черной бородой, который сидел в паланкине рядом с нами. — Не трусь, Водалус обойдется с тобой, как с лучшим другом. Он знает, что ты с радостью согласился расправиться с одним из его людей.

— Конечно, я его знаю, — сказал я и уже собирался поведать человеку со шрамами о своей встрече с Водалусом, чью жизнь я спас в тот памятный год, перед тем как стал капитаном учеников. Но потом я засомневался, вспомнит ли меня Водалус, и сказал только, что если бы я знал, что Барнох — его человек, то ни за что не согласился бы пытать беднягу. Конечно, я солгал. Я знал, кто такой Барнох, и, приняв предложение алькальда, успокаивал свою совесть мыслью, будто смогу избавить его от лишних мучений. Моя ложь не имела успеха: все трое разразились хохотом — даже погонщик, восседавший на шее балушитера.

Когда веселье улеглось, я спросил:

— Прошлой ночью я ездил на северо-восток от Сальтуса. Сейчас мы направляемся туда же?

— Так вот где ты был. Наш хозяин приходил за

тобой, но вернулся с пустыми руками.

Человек со шрамами ухмыльнулся. Я видел — ему доставляет удовольствие мысль о том, что он достиг успеха там, где сам Водалус потерпел неудачу.

Иона шепнул:

— Мы продвигаемся на север. Это видно по солнцу.

— Да, — подтвердил человек со шрамами, который, видимо, отличался острым слухом. — На север, но недолго.

А потом, чтобы скоротать время, он принялся расписывать, как его господин обращается с пленными. Большинство из этих приемов показались мне донельзя примитивными. Подобными способами можно достигнуть определенного театрального эффекта, но нельзя причинить жертве истинных мучений.

Тени деревьев упали на паланкин, будто чья-то невидимая рука накинула покрывало. Блеск бесчисленного множества осколков стекла и устремленные ввысь взоры мертвых глаз остались позади. Мы вступили в прохладную сень древнего леса. Среди этих могучих стволов даже балушитер, который был в три раза выше человеческого роста, казался крошечным суетливым

зверьком, а мы, сидевшие у него на спине, вполне сошли бы за гномов из детской сказки, что держат путь в крепость-муравейник к королю эльфов.

Мне подумалось, чти еще задолго до моего рождения эти деревья вряд ли были ниже: они стояли, как стоят сейчас, когда я ребенком играл среди кипарисов и мирных плит нашего некрополя, и пусть пройдет столько же времени со дня моей смерти, сколько прошло его для тех, кто покоится под этими плитами, деревья по-прежнему будут стоять, впитывая последние лучи умирающего солнца. Я видел, как мало тянет моя жизнь на весах бытия, хоть для меня она и драгоценна. И от этих мыслей во мне родилось удивительное чувство: я готов был цепляться за Каждый ничтожный шанс выжить, и в то же время мне было почти все равно, сумею ли я спастись. Думаю, что Остался жив благодаря этому чувству. Оно сослужило мне Такую добрую службу, что я постарался сохранить его на всю жизнь. И впоследствии мне довольно часто, хоть и не всегда, удавалось вызвать его в себе.

— Северьян, что с тобой?

То были слова Ионы. Я взглянул на него с некоторым удивлением.

— А в чем дело?

— У тебя вдруг стало такое лицо, будто ты болен.

— Я просто размышлял о том, что это место кажется мне знакомым, и пытался понять, почему. Думаю, потому, что оно напоминает мне летние дни в нашей Цитадели. Эти деревья почти такие же высокие, как башни, а некоторые из башен поросли плющом, и потому в тихий летний день свет между ними приобретает зеленоватый оттенок. И здесь так же тихо, как там…

— Да?

— Иона, ты, наверное, не раз сидел в лодке.

— Да, случалось.

— Мне всегда хотелось покататься в лодке, но впервые мне это удалось, только когда мы с Агией переправились на остров, где расположены Ботанические Сады. И еще раз — когда мы пересекали Птичье Озеро. Покачивание лодки так похоже на движения этого зверя, и плывет она столь же беззвучно, разве что иногда раздастся плеск, когда весло уходит в воду. Теперь мне кажется, что я плыву через Цитадель по ленивой воде.

При этих словах Иона так помрачнел, что я рассмеялся, встал и высунулся из паланкина. Я хотел каким-нибудь невинным замечанием, о деревьях или же о лесной почве, успокоить его

и дать понять, что у меня просто разыгралось воображение.

Однако стоило мне начать подниматься, как человек со шрамами вскочил и, приставив острие кинжала к моему горлу, велел сесть на место. Чтобы позлить его, я отрицательно покачал головой.

Он замахнулся кинжалом.

— Садись, или кишки выпущу!

— И откажешься от заслуженной славы? Не думаю. К тому же что, по-твоему, сделает Водалус, когда ему доложат, что я был у тебя в руках, а ты меня прирезал?

И тут удача повернулась к нам лицом. Бородатый, который держал «Терминус Эст», попытался обнажить его. Никогда не имея дело с таким длинным клинком, он не знал, как с ним обращаться. А поступать надо следующим образом: взяться за рукоять правой рукой и за верх ножен — левой, а потом одновременно развести обе руки в стороны. Вместо этого он стал тащить клинок вверх, будто выдергивал сорняк из земли. В это мгновение балушитер тяжело перевалился на другой бок, бородач потерял равновесие и налетел на человека со, шрамами. Оба наткнулись на лезвия меча (эти лезвия резали волос на лету),

и оба поранились. Человек со шрамами отпрянул назад, а Иона, подставив ему подножку, умудрился перекинуть его через край паланкина.

Чернобородый отбросил меч. Он не мог оторвать взгляда от своей раны, длинной, хотя, без сомнения, неглубокой. Я знал это оружие как свои пять пальцев: хватило одного мгновения, чтобы, бросившись на дно паланкина, схватить рукоять, а потом, зажав лезвие между пятками, перерезать путы, которые стягивали мои запястья. Чернобородый опомнился, выхватил нож и мог бы убить меня, если бы Иона не лягнул его между ног.

Бородач согнулся пополам, и задолго до того, как он выпрямился, я уже стоял над ним, а мой меч был готов к удару.

Резкое сокращение мускулов спины рывком распрямило его тело, как часто случается, если осужденный не стоит на коленях. Думаю, фонтан крови был первым тревожным знаком, «который заметил погонщик (так быстро все происходило). Только тогда он оглянулся, и я достал его точным горизонтальным взмахом, держа меч в одной руке и перегнувшись через борт паланкина.

Едва его голова со стуком ударилась о землю, как балушитер ступил между двумя огромными

деревьями, которые росли так близко друг к другу, что, казалось, он протиснулся меж ними, как мышь проскальзывает в узкое отверстие в стене. Нашим взорам предстала открытая поляна, где трава росла так же густо, как хлеба в поле, а на ней играли пятна солнечного света, ярко-золотые, без примеси зеленого оттенка. Здесь, под пологом цветущих виноградных лоз, и воздвиг свой трон Водалус. Случилось так, что именно в ту минуту он восседал на нем рядом с шатленой Теа и вершил суд над своими подданными.

Иона ничего этого не видел, потому что все еще лежал на дне паланкина, перерезая кинжалом веревку на руках. Но я, видевший все, встал во весь рост на вогнутой, колышущейся спине балушитера и держал в руке меч, красный до самой гарды. Сотни лиц разом повернулись в мою сторону, среди них — лица сидевших на троне экзультанта и его подруги. И в их глазах я узрел то, что видели они: огромный зверь с окровавленной фигурой наездника без головы, и я, возвышавшийся за его спиной, в угольно-черном плаще, с обнаженным мечом.

Если бы я спрыгнул и попытался бежать или заставил балушитера прибавить скорости, скорее всего меня бы убили. Но я не сделал ни того, ни

другого. Движимый тем чувством, что снизошло на меня, когда я лицезрел давным-давно умерших людей среди отходов штолен и вечные деревья, я остался стоять на месте. Балушитер, которым теперь никто не правил, твердо рысил вперед (приспешники Водалуса расступались, давая ему дорогу), пока не уперся в высокий помост с навесом. Тогда зверь встал как вкопанный, мертвец скатился с него на помост к ногам Водалуса, а я, свесившись с паланкина, плашмя ударил животное мечом — сначала по одной, затем по другой ноге, и оно подогнуло колени.

На лице Водалуса появилась тонкая усмешка, в которой разом отразилось несколько ощущений, но одним из них, может быть, самым явственным, было удовольствие.

— Я послал своих людей поймать человека, который отрубает головы, — проговорил он. — Похоже, им это удалось.

Я отсалютовал мечом, подняв рукоять на уровень лица, как нас учили делать, когда кто-нибудь из экзультантов приезжал посмотреть на казнь в Большом Дворе.

— Сьер, они доставили вам человека, который не позволяет рубить головы, — было время, когда твоя собственная могла скатиться на свежераз-

рытую землю, если бы не я.

Он взглянул на меня более внимательно — на лицо, а не на меч и плащ, и чуть погодя произнес:

— Да, ты и был тем юнцом. Неужели это случилось так давно?

— Довольно давно, сьер.

— Мы поговорим об этом наедине, а сейчас я должен вернуться к делам. Стань здесь. — Он указал на землю слева от себя.

Мы с Ионой слезли с балушитера, которого увели два конюха. Оставалось ждать и слушать, как Водалус отдает приказы, разрабатывает планы, карает и жалует. Все это заняло не меньше стражи. Я думал о том, что вся хваленая пышность человеческих построек — колонны и арки — всего лишь попытка воплотить в мертвом камне стволы и кроны леса. Здесь мне казалось, что между ними почти нет разницы, кроме той, что одни — серые или белые, а другие коричневые и зеленые. Потом я решил, что теперь знаю, почему все воины Автарха и бесчисленные вассалы экзультантов не смогли одолеть Водалуса: он занимал самую неприступную крепость Урса, гораздо более внушительную, чем Цитадель, с которой я ее сравнивал.

Когда наконец толпа вокруг Водалуса рассеялась е все — мужчины и женщины — постепенно заняли свои места на поляне, он сошел к нам с помоста. Говорил он склонившись надо мной, будто над ребенком:

— Некогда ты оказал мне услугу. За это я сохраню тебе жизнь, но, может быть, тебе придется погостить у меня некоторое время. Убедившись, что твоей жизни ничто не угрожает, согласен ли ты снова послужить мне?

Клятва, которую я принес Автарху по случаю своего возвышения, не обладала достаточной силой, чтобы противостоять воспоминаниям о том туманном вечере, когда я открыл сию страницу своей жизни. Клятвы — всего лишь слабые соратники чести. Благодеяния, которые мы оказываем другим, связывают нас гораздо сильнее, ибо они приспешники духа: человек, спасенный тобою однажды, всю жизнь имеет на тебя права. Я часто слышал, что благодарности в природе нет. Это неправда. Те, кто так говорит, не там искали. Человек, совершающий благодеяние, на миг достигает вершин духа, уподобляясь Панкреатору и в благодарность за это возвышение будет служить другому до смерти. Так я ответил Водалусу.

— Хорошо сказано! — воскликнул он и хлопнул

меня по плечу. — Идем, тут неподалеку нас ждет ужин. Если вы со своим другом разделите нашу трапезу, я расскажу, что надо сделать.

— Сьер, однажды я уже нанес бесчестье своей гильдии. Прошу только, чтобы от меня не потребовалось бесчестить ее снова.

— Никто ни о чем не узнает, — бросил он.

И этот ответ меня удовлетворил.

Глава 10
Теа

Мы вместе с остальными пешком прошли пол-лиги в глубь леса, где под деревьями стояли накрытые столы. Меня посадили по левую руку от Водалуса, и пока все ели, я только притворялся, что тоже ем, а сам во все глаза смотрел на Водалуса и его даму, чей образ столь часто всплывал в моем воображении, когда я лежал на койке рядом с другими учениками в нашей башне.

Я спас Водалуса, когда был еще мальчишкой, по крайней мере в духовном плане, а мальчику все взрослые мужчины кажутся большими и могучими, если, конечно, они не совсем недомерки. Теперь я видел, что он и вправду был так же высок, как Текла, если не выше, а сводная сестра Теклы — Теа — не уступала им в росте. Тогда я уверился в том, что в их жилах течет кровь экзультантов, а не простых армигеров, как, например, сьер Рахо.

Сначала я влюбился в Теа — влюбился потому, что она принадлежала человеку, которого я спас. А Теклу я полюбил именно потому, что она была

похожа на Теа. И вот теперь (так проходит осень, затем зима и весна, и наступает лето, знаменуя собой конец и начало годового цикла) я снова полюбил Теа, ибо она походила на Теклу.

Водалус заметил:

— Ты, я вижу, большой поклонник женской красоты. Я потупился.

— Мне редко приходилось бывать в хорошем обществе, сьер. Прошу простить меня.

— Я разделяю твое восхищение, так что прощения просить не стоит. Но надеюсь, ты изучал эту лебединую шею не из профессиональных интересов?

— Ни в коем случае, сьер.

— Рад это слышать. — Он взял блюдо с жареными рябчиками, выбрал одного и положил мне на тарелку. Это был знак особой милости. — Но, должен признаться, я слегка удивлен. Легко предположить, что человек, занимающийся твоим ремеслом, смотрит на нас, простых смертных, как мясник на скот.

— На это мне нечего ответить, сьер. Я не обучался ремеслу мясника. Он рассмеялся.

— В точку! Я уже почти жалею, что ты согласился служить мне. Если бы ты остался просто моим пленником, мы могли бы приятно проводить

время в беседах, пока ты расплачиваешься — а именно так я и собирался поступить с тобой — за жизнь несчастного Барноха. Но решено, и завтра утром ты отправишься в путь. И все же думаю, что мое поручение хорошо отвечает твоим наклонностям.

— Должно отвечать, если это твое поручение, сьер.

— Тебе нечего делать на помосте. — Он улыбнулся. — Мы найдем для тебя занятие получше. Но если ты хочешь сослужить мне добрую службу, то должен уяснить расположение фигур на доске и правила игры, которую я веду. Назовем стороны белой и черной, и в честь цвета твоего одеяния, дабы ты не забывал, на чьей стороне мы будем черными. Несомненно, тебе говорили, что мы, черные, просто бандиты и бунтовщики. Имеешь ли ты какое-нибудь представление о том, к чему мы стремимся?

— Поставить мат Автарху?

— Было бы неплохо, но этот мат — всего лишь первый шаг в достижении конечной цели. Ты явился из Цитадели — видишь, мне известно кое-что о твоей жизни — этой великой твердыни минувших времен, поэтому ты должен хоть слегка ощущать прошлое. Разве тебе никогда

не приходило в голову, что человечество было гораздо богаче и счастливей в ушедшие эпохи?

— Всем известно, — ответил я, — что мы давно утратили славу древних времен.

— Мы обретем ее вновь. Все станет, как прежде. Люди Урса вновь будут бороздить межзвездное пространство, от галактики к галактике, и властвовать над дочерьми солнца.

Шатлена Теа, которая, должно быть, слушала, что говорит Водалус, хотя ничем не обнаруживала своего присутствия, взглянула сначала на него, потом на меня и произнесла мягким воркующим голосом:

— Известно ли тебе, палач, как наш мир получил свое нынешнее название? Люди восхода пришли к своему тогдашнему повелителю, а имя ему было «Война». Но они считали это имя неблагозвучным и боялись, что другие не пойдут за ними. Потому они дали ему другое имя — Дар. Однако в их языке был хитрый фокус: одно и то же слово означало и «подарок», и «настоящее». По крайней мере, так объяснял нам с сестрой наш наставник, хотя трудно понять, как можно допускать такую путаницу в словоупотреблении.

Водалус слушал ее так, словно ему не терпелось говорить самому, но он был слишком хорошо

воспитан, чтобы перебивать даму.

— Тогда другие, которые должны были переправить свой народ в самый отдаленный из обитаемых миров, тоже вступили в эту игру и назвали тот мир «Скальд» — Мир Будущего. А наш, таким образом, стал называться Урсом — Миром Прошлого.

— Боюсь, ты ошибаешься, — возразил ей Водалус. — Мне известно из самых достоверных источников, что наш мир носил это название с глубокой древности. Но твое заблуждение столь очаровательно, что я предпочел бы, чтобы оказалась права ты, а не я.

В ответ на это Теа улыбнулась. Водалус снова повернулся ко мне.

— Хотя сказка нашей дорогой шатлены и не объясняет, почему Урс зовется Урсом, но в ней есть одна важная мысль: в те времена человечество путешествовало на своих кораблях из одного мира в другой, покоряло новые миры и возводило на них города Человека. То были великие дни, когда отцы отцов наших отцов стремились к господству над Вселенной.

Он замолчал, и, поскольку от меня, видимо, ждали какого-то отклика, я сказал:

— Сьер, нам недостает мудрости тех веков.

— А-а, ты целишь в самую сердцевину. И все же, несмотря на всю свою проницательность, ты ошибаешься. Нет, нам не хватает не мудрости. Нам не хватает силы. Процесс дознания шел вполне гладко, но к тому времени, когда люди узнали все, что им требуется для господства, истощилась сила мира. Сейчас, мы влачим жалкое существование на останках наших предшественников. И пусть немногие летают по воздуху на своих флайерах, за день покрывая десятки тысяч лиг, все остальные ползают по поверхности Урса и не могут пройти расстояние от горизонта до горизонта до того, как солнце не скроется на западе. Минуту назад ты говорил о необходимости поставить мат этому жалкому идиоту Автарху. Я хочу, чтобы ты знал: есть две великие силы, которые рвутся к власти. Белые стремятся сохранить все как есть. Черные — направить Человека на путь, который вернул бы ему господство над миром. Я назвал их черными случайно, но следует помнить, что именно ночью мы видим звезды. Днем при свете солнца они незаметны. Так скажи, какой из двух сил ты хочешь служить?

Ветер едва шевелил ветки деревьев. Мне показалось, что все, кто сидел за столом, разом замолчали в ожидании моего ответа.

— Конечно, черным!

— Хорошо! Но, как умный человек, ты должен понимать, что путь ко второму завоеванию мира будет нелегким. Те, кто не влеком страстной жаждой перемен, так и будут пребывать в нерешительности и никогда не расстанутся со своими сомнениями. Весь груз ложится на нас. Мы должны решиться!

За столом снова наступило оживление. Понизив голос, чтобы никто больше не услышал меня, я обратился к Водалусу:

— Сьер, я не все вам сказал. Больше я не могу таиться, ибо вы сочтете меня недостойным доверия.

Он оказался лучшим интриганом, чем я, и, отвернувшись, сделал вид, что полностью занят едой. Только через некоторое время он произнес:

— В чем дело? Расскажи, и покончим с этим.

— Сьер, — сказал я, — у меня есть древняя реликвия — предмет, который называют Когтем Миротворца.

В ту секунду он откусывал кусок от жареной куриной ноги. Вдруг он замер и скосил глаза на меня, не поворачивая головы.

— Не желаете ли посмотреть на него, сьер? Он очень красивый. Я прячу его в голенище сапога.

— Нет, — прошептал он. — Или, вернее, не здесь… Нет, лучше совсем не надо.

— Кому тогда я должен его отдать? Водалус наконец проглотил кусок.

— Я слышал от своих друзей в Нессусе, что он исчез. Так, значит, он у тебя. Храни, пока не сможешь избавиться от него. Не пытайся продать — его сразу узнают. Спрячь где-нибудь. Брось в яму.

— Но, сьер, это же очень ценная вещь.

— Она бесценна и потому ничего не стоит. Мы с тобой разумные люди. — Вопреки этим словам в голосе его звучал страх. — Но чернь считает сей камень священным и верит, что он может творить чудеса. Если бы я завладел им, они сочли бы меня святотатцем и врагом Теологуменона. А наши хозяева — предателем. Ты должен сказать мне…

Как раз в это время к столу подбежал человек, которого я раньше не встречал. Вид его говорил о том, что он принес важные новости. Водалус поднялся и отошел с ним в сторону. Я мысленно уподобил его красавцу наставнику, беседующему с учеником, ибо он был, по крайней мере, на голову выше гонца.

Ожидая его скорого возвращения, я продол-

жал свою трапезу. Но после продолжительного разговора Водалус куда-то удалился вместе с новоприбывшим, затерявшись среди толстых стволов деревьев. Один за другим вставали из-за стола и все остальные, пока не остались лишь прекрасная Теа, Иона, я и еще один человек.

— Ты собираешься присоединиться к нам, — проворковала Теа, — но пока ничего о нас не знаешь. Тебе нужны деньги?

Я заколебался, но тут в разговор вступил Иона:

— Это как раз то, шатлена, чему человек всегда рад, как неудаче старшего брата.

— Отныне мы будем откладывать причитающуюся вам долю. Когда вернетесь, вы ее получите. А пока для каждого из вас приготовлен кошелек, чтобы вы могли побыстрее добраться до места.

— Значит, мы уезжаем? — спросил я.

— Разве вам об этом не сказали? Водалус даст вам указания за ужином.

Я не думал, что в скором времени снова окажусь за столом, и, наверное, об этом красноречиво свидетельствовало мое лицо.

— Ночью, когда взойдет луна, будет ужин, — сказала Теа. — Кто-нибудь зайдет за вами. — Потом она пропела:

С утра поел — и жизнь светлее, К полудню снова

— полон сил, Под вечер — складно говорил, А на ночь — вовсе стал мудрее…

— А теперь мой слуга Гуниальд отведет вас туда, где вы сможете отдохнуть с дороги.

Человек, который до сих пор не произнес ни слова, встал и бросил:

— Идите за мной. Я попросил Теа:

— Я хотел бы поговорить с тобой, шатлена, когда у нас будет больше времени. Мне кое-что известно о твоей подруге.

Она поняла, что я не зря бросаюсь словами, — это было видно по ее лицу. Потом Гуниальд повел нас через лес и, пройдя около лиги, остановился на берегу ручья, поросшем мягкой травой.

— Ждите здесь, — сказал он. — Вздремните, если сможете. Никто сюда не придет до темноты.

— А если бы нам пришло в голову сбежать? — спросил я.

— Лес полон теми, кому известно решение нашего господина, — ответил он и, резко повернувшись, ушел.

Потом я в тех же словах, что уже приводил здесь, рассказал Ионе о виденном мною у разрытой могилы.

— Я понимаю, — заметил он, — почему ты желаешь присоединиться к людям этого Водалуса.

Но ты должен отдавать себе отчет в том, что я друг тебе, а не ему. Единственное, чего хочу я, это найти женщину, которую ты зовешь Иолентой. Ты же хочешь служить Водалусу, попасть в Тракe, начать новую жизнь в изгнании, искупить вину за проступок, которым, по твоим словам, запятнал честь гильдии, — хотя, признаюсь, я не понимаю, каким образом можно запятнать то, чего не существует, — найти женщину по имени Доркас, заключить мир с женщиной по имени Агия и, наконец, вернуть известный нам обоим предмет женщинам, которых зовут Пелеринами…

К концу столь внушительного перечня он улыбался, а я хохотал взахлеб.

— И хотя ты напоминаешь мне сокола, которого держал один старик, — эта птица двадцать лет сидела на насесте, а потом решила лететь сразу во все стороны, — надеюсь, тебе удастся добиться всего, чего ты хочешь. Но, хотелось бы верить, ты понимаешь, что может случиться и так — необязательно, но вполне возможно, — что одно-два из этих желаний встанут на пути четырех-пяти оставшихся.

— Сказанное тобою совершенно справедливо, — согласился я. — Я жажду всего сразу и, хотя

ты можешь мне не верить, отдаю все силы и внимание тому, что может благоприятствовать осуществлению всех своих желаний без исключения. Тем не менее должен признать, все идет не так, как хотелось бы. Посмотрим, к чему меня привели столь разносторонние потребности: да, я, как бездомный странник, сижу здесь, в тени этого дерева. Но ты, упорно преследующий одну-единственную цель… Где ты теперь?

В подобных разговорах мы скоротали время до позднего вечера. Над головой у меня щебетали птицы, и было очень кстати иметь такого друга, как Иона, — верного, рассудительного, тактичного, исполненного мудрости, юмора и жизненного опыта. В то время я еще не знал истории его жизни, но чувствовал, что он не говорит и полслова правды о своем прошлом. Не осмеливаясь задавать прямых вопросов, я так или иначе все время стремился вытянуть из него это прошлое. Например, я узнал (или скорее думал, что узнал), что его отец был ремесленником. Иона жил с обоими родителями и получил, как он выразился, обычное воспитание, хотя именно такое воспитание правильнее было бы назвать совсем необычным. Они жили в приморском городе на юге, но, посетив его в последний раз. Иона обнаружил

множество перемен и не пожелал остаться на прежнем месте.

Впервые столкнувшись с ним у Стены, я подумал, что, судя по внешности, он лет на десять старше меня. Из того, что он говорил теперь (и в меньшей степени — из наших предыдущих разговоров), я заключил, что он еще старше. Повидимому, он прочел немало летописей и много знал о прошлом, а я, несмотря на старания мастера Палаэмона и Теклы развить мой разум, все еще был настолько наивен и необразован, что не мог представить себе, чтобы человек, не доживший еще и до середины жизни, обладал такими познаниями. К людям он относился слегка цинично, и это тоже говорило в пользу версии, что ему немало пришлось повидать на своем веку.

Мы все еще беседовали, когда между деревьями мой взгляд уловил изящную фигуру шатлены Теа. Я толкнул Иону, и мы молча стали наблюдать за ней. Она приближалась, не видя нас, и потому двигалась, как ходят люди, когда просто придерживаются определенного направления — не глядя ни под ноги, ни по сторонам. Иногда солнечный свет падал на ее лицо, столь напоминавшее в профиль лицо Теклы, что у меня разрывалось сердце. И походка ее была походкой

Теклы: гордая поступь совершенного творения природы, которому не место в клетке.

— Она, несомненно, из старинного рода, — шепнул я Ионе. — Взгляни! Похожа на дриаду. Так могла бы ступать ива.

— Эти старинные семейства — самые что ни на есть новые, — ответил он.

— В древности их и в помине не было.

Не думаю, что она могла разобрать его слова — наверное, просто услыхала голос и взглянула на нас. Я помахал ей рукой, она пошла быстрее, не переходя на бег, но приближаясь очень быстро благодаря своему размашистому ооау. Мы встали и снова сели, дождавшись, когда она расположится на своей шали лицом к ручью.

— Ты говорил, что хочешь рассказать мне о сестре? — из-за воркующего голоска она точно становилась ниже ростом, а сидя, была не выше, чем я или Иона.

— Я был с ней до последнего, — сказал я. — Она говорила, они постараются заставить вас убедить Водалуса сдаться, чтобы спасти ее. Вы знали, что ее посадили в темницу?

— Ты служил ей? — Теа окинула меня оценивающим взглядом. — Да, я слышала, что ее отвезли в это страшное место в подземельях Нессуса, где,

как понимаю, она вскоре умерла.

Я вспомнил о тех минутах перед камерой Теклы, пока из-под ее двери не показалась пурпурная струя крови, но кивнул.

— Ты знаешь, как ее арестовали? Текла рассказала мне все в подробностях, и я передал ре слова, ничего не опустив.

— Понятно, — пробормотала Теа и с минуту молчала, вперив немигающий взор в бегущую воду. — Конечно, я тоже скучала по придворной жизни. И вот теперь, когда я слышу обо всех этих людях и как они завернули мою сестру в гобелен — именно в гобелен, — я понимаю, почему оставила эту жизнь.

— Она тоже скучала по ней, — сказал я. — Во всяком случае, она часто о ней вспоминала. Но слышал от нее, что, если ее когда-нибудь выпустят на свободу, она не вернется. Она все твердила о загородном доме, от названия которого пошел ее титул, и представляла, как обставит его заново, станет давать обеды для знатных соседей и охотиться…

Лицо Теа исказилось горькой усмешкой.

— Я здесь так наохотилась, что хватило бы на десять жизней. Но когда Водалус станет Автархом, я буду его супругой. И тогда я буду снова гулять

у Кладезя Орхидей, но теперь уже со свитой из пятидесяти дочерей экзультантов, развлекающих меня пением. Хватит об этом. Еще долго ждать — не меньше нескольких месяцев. А пока я имею… то, что имею.

Она хмуро взглянула на нас с Ионой и очень грациозно поднялась, показав жестом, чтобы мы оставались сидеть.

— Я рада была узнать, что произошло с моей сводной сестрой. Дом, о котором ты говорил, теперь мой, хотя я не могу предъявить на него права. В знак благодарности я хочу предупредить тебя об ужине, который вам скоро предстоит разделить с нами. Мне показалось, ты не обратил внимания на намеки Водалуса. Ты понял что-нибудь?

Иона молчал, а я отрицательно покачал головой.

— Если мы с нашими союзниками и правителями, которые ждут в своих владениях под волнами, одержим победу, то должны будем располагать всеми знаниями прошлого. Ты знаешь, что такое аналептик альзабо?

Я ответил:

— Нет, шатлена, но я слышал сказки про зверя с таким же прозвищем. Поговаривают, он, обладая

даром человеческой речи, приходит по ночам к дому, где умер ребенок, и просится внутрь.

Теа кивнула.

— Животное это привезли со звезд очень давно, как привозили многое другое на благо Урса. Разума у этого зверя не больше, чем у собаки, а может, и меньше. Но он раскапывает могилы и питается трупами. И, насытившись человеческим мясом, он перенимает, по крайней мере на время, язык и повадки людей. Аналептик альзабо делают из железы, расположенной у основания черепа этого животного. Теперь понимаешь, о чем я?

Когда она ушла, мы с Ионой не могли взглянуть друг другу в глаза. Оба мы сообразили, что за пир ждет нас нынешней ночью.

Глава 11
Текла

Как мне показалось, мы сидели еще довольно долго, хотя, вероятно, всего несколько минут. Я больше не в силах был выносить то, что чувствовал, и бросился к ручью. Опустившись на колени на мягкую землю, я изверг из себя обед, который делил с Водалусом. В моем желудке уже ничего не оставалось, но я еще долго стоял на коленях, корчась в судорогах, дрожа с ног до головы, и без конца полоскал рот, плескал в лицо холодной чистой водой, до тех пор пока ручей не унес все без остатка.

Почувствовав наконец, что могу встать, я вернулся к Ионе.

— Нам надо уходить.

Казалось, ему жаль меня, и, наверное, так оно и было.

— Повсюду люди Водалуса.

— Я вижу, на тебя это не так сильно подействовало. Но ты же слышал, кто их союзники. К тому же, может быть, этот Гуниальд солгал.

— Нет, не солгал. Я слышал, как наши сторожа

пробираются между деревьями. Северьян, у тебя есть меч, а у меня нож, но люди Водалуса вооружены луками. Почти у всех, кто сидел с нами за столом, они были. Мы, конечно, можем попробовать прятаться за стволами, как аловаты…

Я понял, что он имеет в виду, и продолжил за него:

— Но аловатов стреляют при свете дня.

— Да, зато никто не охотится на них ночью. Еще одна стража — и стемнеет.

— Тогда ты пойдешь со мной? — спросил я, протягивая ему руку. Он пожал ее.

— Северьян, мой бедный друг, ты говорил, что видел Водалуса, эту шатлену и еще одного человека у разоренной могилы. Неужели ты не понял, что они собираются Делать со своей добычей?

Наверное, я понял, но прогнал от себя эту догадку, казавшуюся тогда неуместной. Теперь мне нечего было сказать, да я и не мог думать ни о чем — только мечтал, чтобы поскорее наступила ночь.

Но посланные за нами люди подоспели раньше: четверо жилистых парней с бердышами, по виду — из крестьян, и пятый — с офицерским эспадроном, чем-то смахивавший на армигера. Возможно, эти люди были в толпе, окружавшей

помост, и вместе со всеми наблюдали за нашим прибытием. Во всяком случае, они явно не желали рисковать и окружили нас, держа оружие наготове, хоть и приветствовали нас как друзей и соратников. Иона вел себя как нельзя лучше. Пока нас вели по лесным тропинкам, он без умолку болтал со спутниками. Я же не мог думать ни о чем, кроме предстоящего испытания. Я с трудом переставлял ноги, будто шел, чтобы воочию наблюдать конец света.

За время пути Урс повернулся спиной к солнцу. Через густые кроны не проникал ни один звездный луч, но наши проводники так хорошо знали дорогу, что даже не замедлили шага. Я то и дело порывался спросить у них, будут ли нас принуждать разделить эту трапезу, хотя и так знал, что отказаться или даже выразить подобное желание означало бы навсегда лишиться доверия Водалуса, свободы, а может, и жизни.

По мере того как я приходил во все большее отчаяние, пять наших сторожей, которые вначале не очень-то охотно отвечали на шуточки и прибаутки Ионы, становились все веселее, словно держали путь в питейное заведение или в бордель. И хотя я ясно слышал в их голосах нетерпение, фразы, которыми они обменивались,

оставались для меня столь же непонятными, как разговор распутников — для малолетнего ребенка.

— Далеко нынче собираешься? Опять совсем потонешь? — Это произнес кто-то сзади — просто голос из темноты.

— Клянусь Эребусом, я собираюсь нырнуть так глубоко, что вы меня до зимы не увидите.

Я узнал голос армигера:

— Кто-нибудь из вас ее видел? — Если в остальных голосах слышалось только грубое вожделение, то в этих простых словах звучала невыносимая жажда. Так спрашивает о потерянном доме заблудившийся путник.

— Нет, Вальдграв. Другой голос:

— Алкмунд говорил, что в самый раз — не старая и не слишком молоденькая.

— Надеюсь, на этот раз не лесбиянка.

— Яне…

Голос оборвался, или, может быть, я просто перестал прислушиваться, потому что увидел впереди проблеск света.

Еще через несколько шагов я уже мог различить факелы и услышал многоголосый шум. Кто-то впереди велел нам остановиться. Армигер выступил вперед и шепотом назвал пароль.

Вскоре я уже сидел на мягкой земле. По правую руку от меня опустился Иона, а по левую стоял низкий резной стул. Все остальные (как будто они ждали нашего прибытия) расположились по кругу, в центре которого висел на ветке коптящий светильник, испускающий неяркий оранжевый свет.

Народу было меньше, чем днем на поляне, — не более одной трети, но по их одежде и оружию я заключил, что они принадлежат к высшему рангу. По-видимому, здесь были и простые воины, пользующиеся особым расположением Водалуса. На каждую женщину приходилось четверо-пятеро мужчин, но первые казались не менее воинственными, а их лица выражали еще большее нетерпение, чем мужские.

Мы ждали довольно долго. Наконец из темноты появился Водалус. Он пересек круг, ступая, как актер на подмостках. Все встали и снова заняли свои места, лишь когда он опустился на резной стул слева от меня.

Почти в тот же момент рядом со светильником появился человек, одетый в ливрею, какую в хороших домах носят слуги высшего разряда. Он держал поднос с двумя бутылками, большой и маленькой, и хрустальным кубком. Поднялся

шум — то был не говор, а сотни других звуков, выражавших удовлетворение и нетерпение. Человек с подносом некоторое время стоял неподвижно, потом тронулся к Водалусу, размеренно и торжественно. За спиной у меня раздался воркующий голос Теа:

— Вон в той маленькой бутылочке — альзабо, о котором я тебе рассказывала. В другой — травяной настой для смягчения желудка. Ты должен сделать один полный глоток их смеси.

Водалус взглянул на нее с удивлением.

Она вошла в круг, шагнув между мною и Ионой, и заняла место по левую руку от Водалуса. Водалус наклонился к ней, как видно, желая что-то спросить, но счел момент неподходящим, ибо в это время человек с подносом начал смешивать в кубке содержимое бутылок.

Поднос чуть покачивался, отчего жидкость в кубке слегка колебалась.

— Довольно, — сказал Водалус. Он взял кубок обеими руками и поднес его к губам, затем передал мне. — Как уже сказала шатлена Теа, тебе следует сделать один полный глоток. Если проглотишь меньше, не сможешь воссоединиться. А если больше — это не пойдет тебе на пользу, а драгоценное снадобье будет потрачено впустую.

Я отпил из кубка, как он велел. Смесь оказалась горькой, как полынь, и зловонной, сразу вызвав во мне воспоминание об одном зимнем дне, когда мне приказали вычистить выгребную яму с отбросами. На мгновение я почувствовал приступ тошноты, как там, у ручья, хотя в желудке у меня было пусто. Я подавил дурноту, проглотил жидкость, а потом передал кубок Ионе. В тот же миг мой рот стал наполняться слюной.

Иона проделал все с тем же трудом, что и я, если не с большим, но справился с собой и передал кубок Вальдграву, который командовал нашими стражами. Потом кубок пошел по кругу. Его содержимого хватило человек на десять, после чего слуга в ливрее снова смешал жидкость в кубке и опять пустил его по кругу.

Постепенно человек в ливрее будто стал утрачивать объем, и вскоре я уже видел лишь силуэт — плоскую раскрашенную фигурку на фоне леса. На память тут же пришли марионетки, которые приснились мне, когда я спал на одной кровати с Балдандерсом.

Все люди, составлявшие круг, а их было человек тридцать или сорок, тоже казались вырезанными из бумаги, а сам круг превратился в нечто вроде игрушечной короны. Водалус слева от меня и

Иона справа выглядели нормально, но армигер и Теа уже преображались.

Когда человек в ливрее дошел до Теа, Водалус поднялся и, двигаясь без малейших усилий, словно несомый ветром, проплыл к светильнику. В оранжевом свете он казался совсем далеким, но я ощущал на себе его взгляд, как чувствуешь тепло жаровни, в которой калится железо.

— Перед воссоединением вы должны принести клятву, — проговорил Водалус, и все деревья торжественно кивнули. — Клянетесь ли вы той, второй жизнью, с которой вскоре воссоединитесь, что никогда не предадите собравшихся здесь? Клянетесь ли вы повиноваться без сомнений и колебаний Водалусу, вождю вашему, и принять смерть за него?

Я кивнул вместе с деревьями, но, сообразив, что этого недостаточно, произнес:

— Согласен. А Иона:

— Да.

— И вы станете подчиняться, как ему самому, любому человеку, которого он поставит над вами?

— Да.

— Да.

— И клятва эта будет для вас превыше всех

других клятв в прошлом и будущем?

— Да, — сказал Иона.

— Да, — повторил я.

Ветер затих, словно какой-то беспокойный дух, вселившийся в собрание, покинул нас. Водалус опять сидел на стуле рядом. Он склонился ко мне. Я не заметил, чтобы речь его звучала невнятно, но глаза говорили, что альзабо подействовал на него не меньше, чем на меня.

— Я не мудрец, — начал он, — но знаю, что самые великие цели зачастую достигаются самыми низменными способами. Купля-продажа соединяет народы, вываренные внутренности дрянной скотины — слоновую кость и драгоценное дерево алтарей и реликвариев, стыдливо скрываемые под одеждой органы — мужчин и женщин. Так же соединимся и мы — ты и я. И так же мы все соединимся спустя несколько мгновений с умершим другом, который возродится к жизни в нас благодаря жидкости, выжатой из органов мерзейшего из зверей. Так на навозе взрастают цветы. Я кивнул.

— Так учили нас наши союзники — те, кто ждет, пока человек снова очистится, дабы соединиться с ними в деле покорения вселенной. Этого зверя привезли другие — для своих грязных целей, ко-

торые они надеялись сохранить в тайне. Я говорю тебе об этом, потому что по дороге в Обитель Абсолюта ты можешь повстречаться с ними. Простой народ зовет их какогенами, а образованные люди — экстрасолярия или иеродулами. Постарайся не привлекать к себе их внимания, потому что при близком знакомстве они по некоторым признакам сразу распознают в тебе принимавшего альзабо.

— В Обитель Абсолюта? — Эта мысль на мгновение рассеяла наркотический туман, но всего лишь на мгновение.

— Разумеется. У меня там есть человек, которому требуется передать некоторые распоряжения. Я же узнал, что бродячую труппу, к которой ты некогда Принадлежал, через несколько дней допустят туда на торжества. Ты снова присоединишься к ним, чтобы выполнить мое поручение. Отдашь вот это, — он сунул руку в складки мантии, — тому, кто скажет тебе: «Морской странник завидел землю». А если он, в свою очередь, вручит тебе послание, передашь его любому, от кого услышишь: «Я из лесного святилища».

— Сьер, — сказал я. — У меня голова идет кругом. — Следующая моя фраза была намеренной ложью:

— Я ничего не смогу вспомнить, уже забыл, о чем мы говорили. Вы и вправду знаете, что Доркас и прочие будут в Обители Абсолюта?

Водалус вложил мне в ладонь небольшой предмет, напоминавший по форме нож, но на самом деле — что-то другое. Присмотревшись, я понял, что это огниво, точнее, кусок кремня, используемый для разжигания костра.

— Ты все запомнишь, — продолжал он. — И никогда не забудешь данной мне клятвы. Многие из тех, кого ты здесь видишь, думали, что приходят сюда лишь единожды.

— Но, сьер. Обитель Абсолюта…

Из-под деревьев послышались звуки свирели.

— Мы скоро расстанемся. Я должен сопровождать невесту. Но не бойся. Не так давно ты повстречался с одним торговцем…

— Хильдегрин? Сьер, я ничего не понимаю.

— Это одно из его имен. Он решил, что слишком уж большая редкость встретить палача так далеко от Цитадели, да еще такого, которому известно обо мне. Вот и подумал, что ты стоишь того, чтобы не выпускать тебя из виду, хотя не знал, что я обязан тебе жизнью. К несчастью, наблюдатели потеряли твой след у Стены, поэтому они стали следить за твоими товарищами по путешествию

в надежде, что ты к ним снова присоединишься. Я предположил, что изгнанник может перейти на нашу сторону, и, таким образом, жизнь моего бедного Барноха окажется в безопасности на долгое время — достаточное, чтобы мы смогли прийти к нему на помощь. Прошлой ночью я сам ездил в Сальтус, желая переговорить с тобой, но дело кончилось лишь тем, что у меня украли любимого коня. Сегодня нам уже нужно было заполучить тебя любыми средствами, чтобы ты не успел продемонстрировать свое искусство на моем подданном. Но я все еще надеялся склонить тебя на нашу сторону и приказал доставить тебя живьем. Это стоило мне троих, а получил я двоих. Теперь вопрос — перевесят ли эти двое ту троицу?

Потом Водалус встал, слегка покачиваясь. Я возблагодарил Святую Катарину за то, что мне не надо было подниматься: вне всяких сомнений, ноги не стали бы держать меня. Между деревьев под звуки свирели плыло что-то туманное и белое, высотою в два человеческих роста. Все головы повернулись туда, а Водалус двинулся навстречу. Теа перегнулась через его стул ко мне.

— Правда, она прекрасна? Это настоящее чудо.

То была женщина, восседавшая на серебряных

носилках, которые несли шестеро мужчин. На мгновение я подумал, что это Текла — в оранжевом свете сходство усиливалось. Потом я понял, что вижу просто ее образ, сделанный, скорее всего, из воска.

— Говорят, это опасно, — проворковала Теа, — когда кто-то из воссоединяющихся знал умершего. Смешение воспоминаний может возмутить разум. И все же я, любившая ее, рискну слиться с ней. По тому, как ты говорил о ней, я поняла, что и ты был бы не прочь. Поэтому я ничего не сказала Водалусу.

Фигуру внесли в круг, Водалус коснулся ее руки. От носилок исходил запах, который трудно было с чем-нибудь спутать. Я вспоминал агути, которых подавали на наших праздниках, с мехом из кусочков кокосовых орехов и глазами из засахаренных фруктов, и понял, что передо мною всего-навсего такое же блюдо — ломтики жареного мяса, которым придали вид человеческого существа.

Думаю, что, если бы не альзабо, я тогда сошел бы с ума. Альзабо стоял между моим восприятием и реальностью, как призрачный великан, сквозь которого все можно видеть, но ничто не доходит до сознания. У меня был и другой союзник: во мне росла уверенность, что если я подчинюсь,

то впитаю часть содержимого Теклы, остатки ее разума, которые в противном случае исчезли бы бесследно, войдут в меня и останутся жить во мне, пусть малой толикой, но навсегда.

И я подчинился. Предстоящее перестало казаться омерзительным или пугающим. Я приветствовал Теклу каждой частицей своего существа, самые сокровенные глубины духа распахнулись ей навстречу. Тут же, рожденный наркотическим опьянением, пришел невыносимый голод, который никакая другая пища не в силах была утолить. Когда я обвел взором круг, я увидел тот же голод на каждом лице.

Ливрейный слуга, наверное, один из прежних дворецких Водалуса, отправившийся с ним в изгнание, присоединился к тем, что несли Теклу, и помог поставить носилки на землю. На несколько мгновений люди сомкнулись вокруг носилок, скрыв их из виду. Когда они разошлись, Теклы не стало: не было ничего, кроме дымящегося мяса на белой скатерти…

Я ел, и ждал, и мысленно молил ее о прощении. Она Заслуживала самой величественной усыпальницы из бесценного мрамора. Вместо этого части ее предстояло быть навеки заключенной в мастерской палача с корявым долом и орудиями

пытки, наспех замаскированными гирляндами цветов. Ночной воздух был прохладен, но я обливался потом. Я ждал ее прихода, чувствуя, как капли гатятся по моей обнаженной груди, и уставившись в землю, потому что боялся увидеть ее в лицах остальных, раньше, чем почувствую ее присутствие в себе.

И как раз, когда я уже отчаялся, она пришла и заполнила меня, как музыка заполняет дом. Я был с ней: ребенком я пробегал мимо Асиса. Я узнал древнюю усадьбу, окруженную темным озером, и вид из пыльных чердачных окон, и потайное место в углу между двумя комнатами, где мы прятались ночью, чтобы почитать при свете свечи. Я узнал всю жизнь при дворе Автарха, где яд всегда наготове в алмазной чаше. Я узнал, что чувствует тот, кто никогда не видел темницы и не ощущал на себе удара бича, став узником палачей; я понял, что такое умирать и умереть.

Я узнал, что значил для нее гораздо больше, чем когда-либо мог надеяться. Наконец, я провалился в сон, и все мои сны были о ней. Не просто воспоминания — воспоминаниями я обладал в избытке. Я держал ее бледную холодную руку, и на мне больше не было ни отрепьев ученика, ни черного плаща подмастерья. Мы были одним

существом, обнаженным, чистым и счастливым. Мы знали, что ее больше нет, а я еще живу, но это было совсем неважно, и наши волосы переплетались, и мы читали одну и ту же книгу и говорили и пели совсем о другом.

Глава 12
Ночницы

Я очнулся от снов о Текле как раз к утру. В какой-то миг мы молча шли по странной местности, которая могла быть только раем — говорят, Новое Солнце открывает его для каждого, кто взывает к нему в последние минуты жизни. И хотя мудрые учат, что этот рай закрыт для самоубийц, я не могу не думать, что Он, который прощает так много, должен иногда прощать и это прегрешение. И сразу же вслед за этим я почувствовал холод, увидел неприятный свет, услышал пение птиц.

Я сел. Плащ насквозь промок от росы, и роса покрывала мое лицо, как пот. Рядом со мной зашевелился Иона. В десяти шагах от нас два огромных коня — один цвета белого вина, второй черный, без единого пятна — нетерпеливо грызли удила и рыли землю копытами. Ни от пира, ни от пирующих не осталось и следа, как и от Теклы, которую я никогда больше не увижу и не надеюсь увидеть в этой жизни.

«Терминус Эст», в жестких, хорошо промасленных ножнах, лежал рядом на траве. Я поднял

его и стал спускаться по склону холма, пока не наткнулся на ручеек. Там я сделал все, что было в моих силах, чтобы привести себя в порядок. Когда я вернулся, Иона уже не спал. Я показал ему дорогу к воде и, пока его не было, попрощался с покойной Теклой.

И все же какая-то частица ее до сих пор пребывает во мне. Время от времени я становлюсь не собой, но ею, как будто мой разум превращается в картину под стеклом, а Текла стоит напротив и отражается в этом стекле. И с той ночи, когда бы я ни подумал о ней, не имея при этом в виду определенного места или времени, Текла появляется перед моим внутренним взором стоящей перед зеркалом в искристом снежно-белом одеянии, едва прикрывающем грудь и прихотливыми складками ниспадающем на пол. Я вижу, как она замирает на мгновение, протянув руки, чтобы коснуться моего лица.

Потом какой-то вихрь уносит ее в комнату, где и стены, и потолок, и пол — зеркала. Несомненно, это не что иное, как ее собственное воспоминание, которое запечатлелось в виде ее отражения в тех зеркалах, но вот она делает шаг, другой и растворяется в темноте, и я не вижу ее больше.

К тому времени, как вернулся Иона, я уже сумел

побороть свою печаль и сделать вид, что меня тоже интересуют доставшиеся нам кони.

— Вороной тебе, — объявил Иона, — а кремовый, конечно, для меня. Между прочим, каждый из них стоит раза в два больше, чем мы с тобой вместе взятые, как сказал моряк врачу, который отнял ему обе ноги. Куда мы держим путь?

— В Обитель Абсолюта. — На его лице появилось недоверчивое выражение.

— Разве ты не подслушивал наш с Водалусом разговор прошлой ночью?

— Я слышал название, но не понял, что нас туда посылают.

Как уже упоминалось, я не мастер ездить верхом, но я сунул ногу в стремя и уселся верхом. На коне, которого я украл у Водалуса два дня назад, было тяжелое боевое седло. Оно поразительно неудобно для человека, но зато из него почти невозможно вывалиться. Вороной же нес плоское седло, подбитое бархатом, что было и слишком роскошно, и совершенно ненадежно. Я еще не успел стиснуть его бока ногами, как он уже начал плясать на месте.

Наверное, это было самое неподходящее время, но другого у меня просто не нашлось, поэтому я спросил:

— Ты все помнишь?

— О той женщине прошлой ночью? Ничего. — Он осадил своего коня, потом отпустил поводья и послал его в галоп. — Я ведь ничего не ел. Водалус наблюдал за тобой, а после того, как все глотнули этого зелья, за мной уже никто не смотрел, да и в любом случае я навострился только делать вид, что ем.

Я с изумлением взглянул на него.

— Я и с тобой то же проделывал — например, вчера за завтраком. Во-первых, у меня плохой аппетит, а во-вторых, я нахожу это полезным для общества. — Он пустил коня вниз по лесной тропе и крикнул мне через плечо:

— К счастью, я знаю дорогу, по крайней мере, большую ее часть. Но не скажешь ли, зачем мы туда едем?

— Там будут Доркас и Иолента, — ответил я. — И у меня есть поручение от нашего сеньора, Водалуса. — Поскольку за нами почти наверняка следили, я не сказал, что не собираюсь его выполнять.

Дабы повесть о моих приключениях не затянулась до бесконечности, я должен лишь мимоходом коснуться событий нескольких последующих дней. За время пути я рассказал Ионе

обо всем, что услышал от Водалуса, и о многом другом. Мы останавливались в деревнях и селеньях, когда те встречались на пути, и там, где мы устраивали остановки, я практиковался в своем ремесле, если оно находило спрос — не ради денег (потому что у нас были при себе кошельки, которые дала нам в дорогу шатлена Теа, да еще почти все, что я получил в Сальтусе, плюс деньги, вырученные Ионой за золото обезьяночеловека), а чтобы не возбуждать подозрений.

Четвертое утро застало нас все еще в пути на север. Справа блестел под солнцем Гьолл, будто ленивый дракон, охраняющий запретную дорогу, что выходила из леса к его травянистым берегам. Накануне мы видели наряды уланов — верхом, с пиками, как те, что убивали путников у Врат Скорби.

Иона, которого с самого начала нашего путешествия не покидала тревога, пробормотал:

— Если мы хотим к вечеру попасть в Обитель Абсолюта, надо торопиться. Жаль, что Водалус не дал тебе точных сведений, когда начинаются празднества и сколько они продлятся.

Я спросил:

— Значит, нам еще долго ехать?

Он показал на островок посреди реки.

— Мне кажется, я его помню. Когда я был в двух днях пути от него, какие-то путники сказали, что до Обители Абсолюта рукой подать. Они предупреждали меня о стражниках.

По его примеру я позволил моему скакуну перейти на рысь.

— И ты шел пешком.

— Нет, ехал на моем мерихипе. Боюсь, я больше никогда не увижу бедное животное. Могу заверить тебя, ему было далеко до наших коней. Но все-таки не в два же раза они быстрее.

Я собирался успокоить его, сказав, что Водалус не стал бы нас посылать, не будь он уверен в нашей расторопности, но в это время что-то, на первый взгляд похожее на огромную летучую мышь, пролетело прямо над моей головой.

Я не знал, что это такое, зато Иона, по-видимому, знал. Он прокричал какие-то слова, которых я не понял, потом ударил моего коня концом своего повода. Конь рванулся вперед, едва не выбросив меня из седла, и вот мы уже неслись сумасшедшим галопом. Я помню, что чудом проскочил между двумя деревьями — ни с той, ни с другой стороны не оставалось ни малейшего зазора, а у меня над головой на фоне неба чернело пятно сажи. В следующий миг оно уже билось в ветках

у нас за спиной.

Когда мы вылетели из чащи и поскакали вниз, в сухую лощину, это существо как будто отстало, но, взбираясь на противоположный склон, мы снова увидели его — мерзкая тварь появилась из-за деревьев, еще больше прежнего похожая на рваную тряпку.

Она снова потеряла нас из виду на время, достаточное для того, чтобы наспех прочесть молитву, но вот уже опять неслась в воздухе на бреющем полете, скользя нам наперерез. Я вытащил «Терминус Эст» из ножен и резко развернул вороного, поставив его между летучей тварью и Ионой.

Как ни быстры были наши кони, она двигалась быстрее. Если бы у меня был заостренный на конце клинок, я попробовал бы проткнуть ее в полете. И если бы я так поступил, то наверняка поплатился бы жизнью. Но я нанес рубящий удар, держа меч обеими руками. Это было все равно что рубить воздух, и я уже решил, что она слишком легкая и упругая, даже для такого удивительно острого лезвия. Но в следующее мгновение она развалилась надвое, как тряпка. На меня дунуло теплом, как будто открылась и тут же бесшумно закрылась дверь хлева.

Я хотел спешиться, чтобы рассмотреть ее, но

Иона впереди кричал и махал мне рукой. Я догнал его. Густые леса, окружавшие Сальтус, остались позади. Теперь мы оказались среди крутых холмов, поросших там и сям кедровыми рощами. Мы, прижавшись к шеям лошадей, как сумасшедшие вломились в густое переплетение веток на вершине холма.

Деревья росли так тесно, что скоро кони перешли на шаг, а потом мы почти сразу же уперлись в скалу и остановились. Я слышал шум позади — сухое трепетание, как будто в кроне дерева билась раненая птица. Я почти задыхался от тяжелого лекарственного аромата хвои, заполнявшего легкие.

— Надо выбираться отсюда, — выдохнул Иона, — или, по крайней мере, двигаться. — Видимо, он наткнулся на обломанную ветку, потому что по его щеке стекала струйка крови. Осмотревшись по сторонам, он повернул коня направо, к реке, и погнал его в казавшуюся непроходимой чащобу.

Я предоставил ему прокладывать тропу, рассудив, что, если черное создание настигнет нас, мне придется защищаться. Тут же я увидел его сквозь серо-зеленую крону, а следом, чуть в отдалении, появилась и вторая тварь, точно такая же, как

первая.

Лес кончился, мы снова смогли пустить коней вскачь. Трепещущие обрывки ночи неслись по пятам, но хотя из-за меньшего размера их движения казались более быстрыми, скорость у них была меньше, чем у первой, той, что я убил, и которая была гораздо крупнее.

— Надо найти огонь! — выпалил Иона, перекрикивая барабанную дробь копыт. — Или убить крупное животное. Если вспороть брюхо одного из наших, может помочь. Но если не поможет, нам не выбраться.

Я кивнул, показав, что тоже против этого, хотя в уме у меня мелькнуло, что мой конь все равно едва держится на ногах от усталости. Иона даже позволял своему замедлять бег, чтобы не отрываться от нас. Я спросил:

— Чего они хотят? Крови?

— Тепла.

Иона круто повернул коня вправо и шлепнул его по боку железной рукой. Наверное, удар был не слабым — потому что животное прыгнуло вперед как ужаленное. Кони бросились вниз, к сухому руслу ручья, скользя по крутому песчаному склону и садясь на задние ноги. Внизу была твердая, ровная почва. Там они могли показать

наилучшую резвость.

За нашей спиной трепетали черные лохмотья. Они летели на высоте примерно в два дерева. Казалось, их несет ветер, хотя по траве было видно, что он дует в противоположную сторону.

Впереди голая земля обрывалась так же ровно и резко, как шов разделяет куски ткани. Дальше тянулась извилистая зеленая лента. Я кричал своему коню в ухо, подгонял ударами меча. Он был весь в пене, по бокам стекали струйки пота и крови от колючих веток кедров. Я слышал предостерегающие крики Ионы, но не обращал на них внимания.

Мы проскакали поворот, и через просвет в деревьях я увидел блеск реки. Еще один поворот — черные опять замаячили за спиной, и, наконец, далеко впереди показалось то, что я так ожидал увидеть. Наверное, мне стоило бы об этом умолчать, но я поднял меч к небу, к угасающему солнцу, чье сердце подтачивал червь, и воззвал:

— Его жизнь в обмен на мою, Новое Солнце! Твоим гневом и моей надеждой!

Улан, а он ехал в одиночестве, наверняка принял мой жест за угрозу (как оно и было в действительности). Он пришпорил лошадь. Голубое сияние вокруг кончика его ствола стало

приближаться. Как ни был измотан мой конь, он мчался, словно заяц, преследуемый сворой. Рывок поводьев, и он круто завернул, оставив на зеленой траве глубокую борозду от подков. Еще один вдох, и мы уже неслись вскачь в противоположном направлении, навстречу черным преследователям. Не знаю, угадал ли Иона мой план, но он последовал за мной.

Одна из трепещущих тварей нырнула вниз. Она казалась бесплотной, просто дырой во вселенной, потому что была абсолютно черна: свет тонул в ней, как в моем плаще. Она устремилась на Иону, но оказалась в пределах досягаемости моего меча. Я рассек ее пополам, снова на меня повеяло теплом, и, поскольку я знал, откуда исходит это тепло, оно показалось мне отвратительнее самого мерзостного запаха; одно его ощущение на коже вызывало дурноту. Я круто свернул в сторону, прочь от реки, каждое мгновение ожидая выстрела. Едва мы миновали дорогу, как он грянул, вспоров землю и воспламенив сухое дерево.

Я резко осадил вороного, который задрал голову, поднялся на дыбы и заржал. Я обвел взглядом пространство вокруг горящего дерева, но там никого не было. Тогда я оглянулся на Иону, боясь, что они все-таки напали на него.

Там их тоже не было, но Иона показал взглядом, где их искать: три черные тени метались вокруг улана, а он пытался защищаться. Выстрел за выстрелом сотрясали воздух почти непрерывно, как раскаты грома. От каждого выстрела меркло солнце, но сама ярость, с которой он пытался уничтожить их, казалось, вливала в них новые силы. Они уже не летали, а метались, как черные лучи, и с каждым разом все ближе к улану, пока вдруг все не оказались прямо перед его лицом. Все это заняло меньше времени, чем мое описание происходившего. Улан сполз с седла, его руки разжались, ружье упало на землю.

Глава 13
Коготь Миротворца

— Он мертв? — крикнул я.

Иона кивнул в ответ. Я уже собирался ехать дальше, но он сделал мне знак присоединиться к нему, а сам спешился. Когда мы встретились около тела улана, он сказал:

— Надо уничтожить их, чтобы они не причинили больше вреда ни нам, ни другим. Они сейчас насытились — можно попробовать. Нужно что-нибудь водонепроницаемое — железное или стеклянное.

У меня с собой ничего такого не было, о чем я и сообщил Ионе.

— У меня тоже. — Он склонился над уланом, вывернул его карманы. Душистый дым от горящего дерева наполнял воздух, как аромат воскурении, и я словно снова очутился в Храме Пелерин. Подстилка из иголок и сухих листьев, на которой лежал улан, превратилась в устланный соломой пол, а стволы деревьев — в колонны.

— Вот, — обрадовался Иона. Он держал в руках бронзовый сосуд. Отвернув крышечку, он вы-

тряхнул из него сухие травы, потом перевернул тело на спину.

— Где они? — спросил я. — Растворились в теле? Иона отрицательно помотал головой и стал очень осторожно и медленно извлекать одно из черных существ из левой ноздри улана. Оно было как лист лучшей тончайшей бумаги, только совершенно непрозрачное. Я подивился его осторожности.

— А что случится, если она порвется?

— Сейчас она сыта, но, если ее разделить, она потеряет энергию, их станет вдвое больше, и тогда с ними не справиться. Между прочим, множество людей погибли, обнаружив, что этих существ нетрудно разрезать. Вот они и занимались этим с прискорбным упорством, до тех пор пока их не окружало такое множество, что обороняться становилось невозможно.

Один глаз улана был приоткрыт. Мне часто приходилось видеть трупы, но сейчас меня не покидало отвратительное ощущение, что он наблюдает за мной, следит за человеком, который принес в жертву его жизнь, чтобы спасти свою. Дабы отвлечься от этого ощущения, я промямлил:

— Кажется, когда я разрубил первую, они стали

летать не так быстро.

Иона уже переправил сгусток ужаса в сосуд, а теперь доставал вторую тварь из правой ноздри. Он пробормотал:

— Скорость полета зависит от площади поверхности крыльев. Если бы не этот закон, те, кто их посылает, расчленяли бы их на мельчайшие кусочки.

— Ты говоришь так, будто тебе уже приходилось иметь с ними дело.

— Однажды мы стояли в порту, где их использовали в ритуальных убийствах. Наверное, кто-нибудь и завез их оттуда, хотя в здешних местах я встречаю их впервые. — Он открыл сосуд и положил второе существо поверх первого, которое при этом лениво шевельнулось. — Они там сольются — знающие люди именно так и поступают, чтобы соединить несколько в одну. Сомневаюсь, заметил ли ты, но, когда они пролетали через лес, ветки разорвали их, а потом они опять соединились в полете.

— Есть еще одна, — напомнил я.

Он кивнул и ножом разжал челюсти мертвеца. Там не было ни зубов, ни языка, ни неба — только бездонный провал. На мгновение мой желудок свело судорогой. Иона вынул третье существо, с

которого сочилась слюна мертвеца.

— Если бы я не разрубил ее второй раз, то у него осталась бы свободной одна из ноздрей или рот. Тогда он остался бы жив?

— Только до тех пор, пока они не проникли бы в легкие. Нам повезло, что мы добрались до них так быстро. Иначе тебе пришлось бы расчленять тело.

Дым напомнил мне о горящем дереве.

— Если им нужно тепло…

— Они предпочитают живое тепло, хотя иногда их можно отвлечь огнем, особенно когда горит живое растение. Думаю, им нужно не просто тепло. Может быть, энергетическое излучение растущих клеток. — Иона поместил в сосуд третью и плотно завинтил крышку. — Мы называли их ночницами, потому что они обычно появлялись после наступления темноты, когда их совсем не видно. Первым знаком приближения всегда было теплое дуновение. Но я понятия не имею, как их называют местные жители.

— А где этот остров?

Он бросил на меня странный взгляд.

— Далеко ли от побережья? Всегда хотел повидать Уроборос, хоть, думаю, это и небезопасно.

— Очень далеко, — неохотно ответил Иона. —

Очень, очень далеко. Подожди-ка…

Он подошел к берегу и метнул сосуд. Тот плюхнулся в воду чуть ли не на середине реки. Когда Иона вернулся, я спросил:

— Может быть, мы могли бы как-нибудь использовать их сами? Мне кажется, тот, кто их послал, отступать не собирается. Вот они бы и пригодились.

— Они не стали бы нам подчиняться, а мир куда лучше без них, как сказала жена мясника, отрезая его мужские принадлежности. Нам пора. Я вижу людей на дороге.

Я посмотрел, куда он показывает, и увидел двоих пеших. Иона поймал за повод своего коня, который пил воду, и уже собирался запрыгнуть в седло.

— Постой-ка, — попросил я. — Или отойди пару чейнов в сторону и жди там. — Я вспоминал кровоточащий обрубок обезьяночеловека и видел тусклые, пунцовые и алые лампады храма, которые, казалось, вдруг повисли вокруг меня на ветвях деревьев. Я просунул руку глубоко в голенище и достал Коготь.

В первый раз я видел его при ярком дневном свете. Он вобрал в себя весь солнечный свет и сам сиял, как Новое Солнце, излучая не только

синий, но и все его оттенки — от фиолетового до цианового. Я положил камень на лоб улана и попытался мысленно пожелать, чтобы он ожил.

— Идем, — окликнул меня Иона. — Что ты там делаешь?

Я не знал, что ответить.

— Парень еще жив! — крикнул Иона. — Убирайся подальше с дороги, пока он не схватился за ружье. — Он тронул коня.

В это время донесся едва слышный голос, показавшийся мне знакомым:

— Хозяин!

Один из путников замахал рукой, потом оба бегом (пустились в нашу сторону.

— Да это Гефор! — удивился я, но Иона уже ехал прочь. Я оглянулся на улана. Оба его глаза были открыты, а грудь поднималась и опускалась. Когда я убрал с его лба Коготь и сунул его обратно в голенище, улан сел. Я крикнул Гефору и его спутнику, чтобы они сошли с дороги, но они, как видно, не поняли.

— Кто ты?

— Друг, — ответил я.

И Он совсем ослаб, но попытался встать. Я протянул ему руку и помог подняться. Некоторое время он недоуменно разглядывал все вокруг:

меня, двух бегущих к нему мужчин, реку, деревья. Вид коней, казалось, напугал его, даже его собственного, который терпеливо стоял рядом и ждал хозяина.

— Где я?

— На старой дороге у Гьолла.

Он потряс головой и сжал ее руками.

Тут подбежал Гефор, тяжело дыша, как собака, которая примчалась на зов хозяина и ждет, чтобы ее за это погладили. Его спутник, которого он опередил на сотню-другую шагов, толстый, в кричащей одежде, смахивал на мелочного торговца.

— Х-х-хозяин, — заговорил запыхавшийся Гефор, — ты и п-п-редставить себе не можешь, сколько с-с-смер-тельных бед и н-н-невзгод пришлось нам претерпеть, д-д-добираясь к тебе через высокие горы, г-г-глубокие моря и широкие р-р-равнины сего лучшего из миров. Кто я такой, как не твой жалкий раб, как не опустевшая раковина, игралище т-т-тысяч приливов и отливов, как не странник, б-б-безжалостно оставленный в бескрайней пустыне? Ибо нет мне ни сна, ни п-п-окою вдали от тебя. Разве под силу тебе вообразить, о х-х-хозяин, скольких трудов нам стоило соединиться с тобой?

— При том что я оставил тебя в Сальтусе пешим,

а сам ехал верхом, наверное, немалых.

— Вот именно, — сказал он. — Вот именно. — Он многозначительно посмотрел на своего спутника, будто мои слова служили подтверждением чего-то сказанного им ранее, и опустился на землю.

Улан медленно произнес:

— Я корнет Миней. А кто вы?

Гефор мотнул головой, будто кланяясь.

— Х-х-хозяин — благородный Северьян, слуга Автарха — чья моча льется вином для его подданных — из Гильдии Взыскующих Истины и Покаяния. Г-г-гефор — его нижайший слуга. Бевзек — тоже его нижайший слуга. Полагаю, что человек, который только что уехал, тоже его слуга.

Я жестом велел ему замолчать.

— Мы всего лишь бедные путники, корнет. Я увидел, что ты лежишь без движения, и поспешил к тебе на помощь. Всего минуту назад мы думали, что ты мертв, и, как видно, смерть была и в самом деле близка.

— Что это за место? — снова спросил он. Гефор с готовностью пустился в объяснения:

— Эта дорога лежит к северу от Куэско. Х-х-хозяин, наш челн слепой ночью устремился в

широкие воды Гьолла. Мы ступили на берег в Куэско. На палубе и под парусом мы п-п-преодолели сей путь — Бевзек и я. Пока счастливцы, подобно быстрокрылому в-в-ветру, неслись в Обитель Абсолюта, наш челн боролся с течением могучего Гьолла. Но он т-т-трудился неустанно и днем и ночью, и вот мы с вами.

— Обитель Абсолюта? — пробормотал улан. Я спросил:

— Он, наверное, недалеко отсюда?

— Я должен быть бдителен, как никогда.

— Уверен, скоро появится один из твоих товарищей. — Я поймал вороного и влез в седло.

— Х-х-хозяин, неужели ты снова нас покинешь? Бевзек лишь дважды лицезрел твое искусство.

Я хотел ему ответить, но мой взгляд уловил белое пятно между деревьями за дорогой. Там двигалось нечто огромное. Мне сразу пришла мысль о том, что наславший на нас ночниц мог держать наготове и другое оружие. Я сжал ногами бока вороного.

Он с места пустился в галоп. Больше чем полллиги мы скакали по узкой полоске земли между дорогой и рекой. Завидев Иону, я направил коня ему наперерез, догнал его и поведал о происшедшем.

Пока я говорил, он, казалось, напряженно думал, потом заявил:

— Никогда не видел ничего похожего на то, о чем ты рассказываешь. Но мало ли чего я не видел.

— Но согласись, такое существо не может ни с того ни с сего разгуливать на свободе, как корова на пастбище.

Вместо ответа Иона указал вперед.

Усыпанная гравием дорожка, не более кубита в ширину, вилась между деревьев. Ее окаймляло множество диких цветов, хотя в природе мне никогда не приходилось видеть такого разнообразия растений в одном месте. А камешки на дорожке все были одного размера и сияли белизной. Верно, их привезли с какого-то неведомого берега. Подъехав поближе, я спросил Иону, что может означать такая тропинка.

— Только одно. Мы ступили на землю Обители Абсолюта.

И вдруг я вспомнил это место.

— Да, — заговорил я, — однажды мы с Жозефой и еще несколько человек устроили здесь рыбалку. Мы переправились у кривого дуба…

Иона недоуменно взглянул на меня, как будто я внезапно повредился в рассудке. На мгновение

я почувствовал, что действительно схожу с ума. Мне и прежде приходилось выезжать на природу, но теперь подо мной отчего-то оказался боевой конь. Мои скрюченные пальцы, как два паука, уже готовы были вцепиться в хозяйские глаза, но некий оборванец сбросил их вниз сильным ударом железной руки.

— Ты не шатлена Текла, — твердо сказал он. — Ты Северьян, подмастерье гильдии палачей, который имел несчастье любить ее. Взгляни-ка на себя!

Он протянул ко мне стальную ладонь, и я увидел лицо незнакомца — узкое, уродливое и до смерти напуганное, отражающееся в ее отполированной поверхности.

А увидев, вспомнил нашу башню и стены из гладкого темного металла.

— Я Северьян, — повторил я.

— Правильно. Шатлена Текла мертва.

— Иона…

— Да?

— Улан жив — ты только что видел его. Коготь вернул его к жизни. Я положил камень ему на лоб, а может, он просто увидел его мертвыми глазами. И сел. Он дышал и говорил со мной, Иона.

— Он не умирал.

— Ты же видел его, — возразил я.

— Я гораздо старше тебя. Еще старше, чем ты думаешь. И если я что-то и понял за время своих странствий, так это то, что мертвые не воскресают, а время не течет вспять. То, что было и ушло, не возвращается снова.

Лицо Теклы все еще стояло перед моими глазами, но пронесся темный ветер, и оно дрогнуло, потом исчезло вовсе. Я заговорил как в бреду:

— Если б я только использовал его, воззвал бы к силе Когтя на той трапезе в честь мертвой…

— Улан едва не задохнулся, но не успел умереть. Когда я освободил его от ночниц, он начал дышать и через некоторое время пришел в себя. А что до твоей Теклы — нет во вселенной силы, которая могла бы вернуть ее к жизни. Они, должно быть, выкопали ее, когда ты еще был в Цитадели, и хранили в ледяной пещере. Перед тем как показать нам, они выпотрошили ее, как куропатку, и зажарили мясо. — Он стиснул мою руку. — Северьян, не будь глупцом.

В эту минуту мне хотелось одного — умереть. Если бы вдруг опять появились ночницы, я с радостью бросился бы к ним в объятья. Но появились не они. Далеко внизу на тропинке показалась белая фигура, такая же, как та, что я видел у реки.

Я вырвал свою руку из руки Ионы и поскакал ей навстречу.

Глава 14
Вестибюль

Есть такие творения природы — и человека, — против существования которых восстает наш неискушенный разум. В конце концов, чтобы примириться с реальностью, мы говорим: «То было просто видение. Прекрасный и ужасающий призрак».

Где-то в водовороте других миров, которые мне вскоре предстоит познать, обитают существа, похожие и в то же время непохожие на людей. Они такого же роста, как и мы. Тела этих существ похожи на людские — только они совершенны, и законы этой гармонии непостижимы для человека. Как и у нас, у них есть глаза, нос и рот, но эти черты (а они, как я уже говорил, совершенны) выражают эмоции, которых мы никогда не ощущали, так что для нас глядеть в их лица — все равно что рассматривать древнюю и пугающую азбуку чувств, исполненных огромного значения, но недоступных пониманию.

Такие создания существуют, хотя я еще не встречался с ними, когда вступил в самый уда-

ленный из уголков садов Обители Абсолюта. То, что я видел среди деревьев у реки и к чему устремился навстречу теперь, было скорее гигантским изваянием подобного существа, в которое кто-то вдохнул жизнь. Плотью его был белый камень, а белые глаза, словно аккуратно вырезанные из яичной скорлупы, казались такими же слепыми, как глаза наших статуй. Своими замедленными движениями оно напоминало пьяного или одурманенного человека, но в этих движениях не чувствовалось неуверенности, и казалось, что, несмотря на невидящий взгляд, в нем присутствует сознание, каким бы медлительным оно ни было.

Я сделал сейчас паузу, чтобы перечитать написанное, и понял, что не сумел даже отдаленно передать впечатления, возникавшие при виде того создания. По сути своей оно было ближе всего к скульптуре. Если бы падший ангел подслушивал мой разговор с зеленым человеком, он мог бы создать его специально, дабы посмеяться надо мной. Каждый миг его существования нес в себе ясность и нетленность искусства и камня. Любой жест, положение головы, торса или конечностей могли бы не иметь продолжения или же повторяться до бесконечности, как час за

часом повторялись позы крохотных человечков на циферблате часов Валерии.

Первоначальный ужас, который я испытал при виде его, унесший прочь мое стремление к смерти, происходил от инстинктивного чувства, что оно несет в себе опасность. И тут же ужас сменился уверенностью, что оно не в состоянии причинить мне вред. Представьте, каким неимоверным облегчением было сознание безопасности после пережитого смертельного страха при виде этой безмолвной нечеловеческой фигуры. На мгновение забыв, что удар по этому живому камню нанесет непоправимый урон моему несравненному клинку, я обнажил «Терминус Эст» и осадил коня. Так мы и стояли неподвижно, словно тоже обратившись в статую, — застывший на месте конь и я с поднятым мечом. Даже ветер замер вместе с нами. А статуя тем временем медленно приближалась. Ее лицо, размером в три или четыре человеческих, выражало непостижимое чувство, а члены были исполнены пугающей и совершенной красоты.

Тут я услышал крик Ионы и звук удара. Когда я подоспел, он катался по земле, сцепившись с несколькими людьми в высоких шлемах. Люди эти то исчезали, то появлялись вновь. Что-то про-

свистело мимо уха, в тот же миг я почувствовал удар в руку, а еще через мгновение барахтался в паутине веревок, которые затягивались все туже, как маленькие удавы. Потом что-то дернуло меня за ногу, и я упал.

* * *

Когда я пришел в себя настолько, чтобы понимать, что происходит, на шее у меня была затянута проволочная петля, а кто-то уже рылся в моей ташке. Я ясно видел его руки, копошившиеся в ней, точно два бурых воробья. И лицо его я тоже видел — безмятежная маска, которая будто висела надо мной на невидимой ниточке. Раз или два, когда он шевелился, я замечал отблеск его удивительных доспехов. Потом я увидел их: так мы видим хрустальную чашу, погруженную в прозрачную воду. Думаю, все дело было в отражательной способности — их отполировали с таким нечеловеческим мастерством, что сам материал становился невидимым, а на поверхности кирас, латных воротников и наголенников мелькали лишь искаженные отражения зелени и стволов деревьев.

Невзирая на заявления, что я член гильдии, страж забрал все мои деньги (хотя оставил ко-

ричневую книгу Теклы, кусок точильного камня, масло, фланель и прочие незначительные предметы). Потом он одним искусным движением сдернул с меня все веревки и сунул их, как мне показалось, в подмышечное отверстие нагрудной пластины. Они напоминали хлыст, который мы называли «кошкой» — пучок ремней с грузом на конце каждого. Позже я узнал, что это оружие называется «ачико».

Потом он потянул за конец петли, чтобы поднять меня на ноги. Как уже не раз в сходных обстоятельствах, я отдавал себе отчет в том, что мы оба в каком-то смысле вовлечены в игру. Оба мы делали вид, что я полностью нахожусь в его власти, хотя на самом деле я мог бы отказаться подчиняться до тех пор, пока ему не пришлось бы либо придушить меня, либо позвать кого-нибудь из товарищей. Я мог бы, скажем, схватиться за проволоку и попытаться вырвать ее у него из рук, мог ударить его в лицо. Я мог бы убежать, пасть замертво или лишиться сознания, наконец, я мог валяться теперь в агонии. В общем, он не мог принудить меня к тому, что я сделал по собственной воле. Я встал.

По крайней мере, я точно знал, что это игра, и поэтому улыбнулся, когда он вложил «Терминус

Эст» в ножны и повел меня туда, где уже стоял Иона.

Иона пытался договориться с ними:

— Мы не причинили никакого вреда. Верните меч моего друга, отдайте наших коней, и мы уйдем.

Ему не ответили. В полной тишине двое стражников (я видел только их руки — четыре порхающих воробья) поймали наших коней и увели их прочь. Как похожи были на нас самих эти животные, покорно шедшие неизвестно куда, вслед за тонкой кожаной ленточкой, которую они могли бы порвать одним взмахом могучей головы. Мне кажется, из подобных несообразностей состоит чуть ли не девять десятых жизни.

Мы вышли из леса на бугристый луг, который постепенно перешел в газон. Статуя брела за нами. По дороге к ней присоединились около дюжины сородичей — все разные, но одинаково огромные и прекрасные. Я спросил Иону, что это за солдаты и куда нас ведут, но он не ответил, а за мои старания нас чуть не придушили.

Насколько я понял, они были с головы до ног одеты в броню, но до немыслимого совершенства отполированная поверхность сообщала материалу обманчивую мягкость, почти теку-

честь, которая сбивала с толку взгляд, потому что металл как бы растворялся в небесах и зелени уже на расстоянии в несколько шагов. Пройдя с пол-лиги по газону, мы вошли в рощу цветущих сливовых деревьев, и тут же на гребенчатых шлемах и оплечьях заплясали розовые и белые цветы.

Здесь мы вступили на извилистую дорожку. Мы уже почти миновали рощу, когда нас с Ионой грубо оттолкнули назад. Я услышал скрежет гравия под ногами каменных фигур, остановившихся вместе с нами — кажется, один из солдат подал им сигнал репликой, в которой я не разобрал ни единого слова. Я стоял и всматривался в просветы между ветками.

Передо мною лежала тропа, гораздо шире той, по которой мы пришли. По сути, это была садовая дорожка, но широкая, как подъездная аллея, вымощенная белыми каменными плитами и с обеих сторон огороженная мраморными парапетами. По ней двигалась удивительная процессия. Большинство пешком, но некоторые — верхом на всевозможных животных. Один тащил за собой косматого арктотера, другой взгромоздился на шею гигантского ленивца, зеленого, как лужайка. Не успела скрыться из виду эта группа,

как показалась следующая. Они были слишком далеко, чтобы различить лица, но я приметил группу, в которой над всеми, чуть ли не на три вершка, возвышалась склоненная голова. И тут же я узнал в процессии доктора Талоса. Он важно выступал, выпятив грудь и откинув голову. Моя милая, милая Доркас шла вслед за ним, более чем когда-либо похожая на одинокого ребенка, забредшего из какой-то высшей сферы. В трепете шалей и сиянии драгоценностей, под зонтиком, сидя боком на спине крошечного ослика, ехала Иолента, а позади всех, покорно толкая тележку с добром, не уместившимся за плечами, тащился тот, кого я узнал первым, — великан Балдандерс.

Если я испытывал боль, видя, как они проходят, и не имея возможности окликнуть их, то Иона, должно быть, испытывал настоящие муки. Когда Иолента почти поравнялась с ним, она вдруг повернула голову в нашу сторону. Тогда мне показалось, будто она уловила его желание. Так, говорят, нечистые духи в горах ловят запах мяса жертвенного животного. Но, несомненно, ее внимание привлекли всего-навсего цветущие деревья. Я слышал глубокий вздох Ионы, но первый звук ее имени застрял у него в горле от страшного удара, и он рухнул к моим ногам. Теперь, когда

я вспоминаю эту сцену, удар его железной руки о камни так же явственно оживает во мне, как аромат цветущих слив.

Когда актеры скрылись из виду, два стражника подняли Иону. Они несли его с такой легкостью, будто он был ребенком, но тогда я приписал это единственно их силе. Мы пересекли дорогу, по которой прошествовали бродячие труппы, и вступили в живую изгородь из роз. Кусты выше человеческого роста были усыпаны огромными белыми цветами. В них гнездилось множество птиц.

За изгородью начинался регулярный сад. Чтобы описать его, мне пришлось бы одолжить у Гефора его бредовое, спотыкающееся красноречие. Каждый холм, дерево, самый маленький цветок — все располагалось в нем в соответствии с замыслом великого садовника (Отца Инира, как я узнал позже), и от этого зрелища захватывало дух. Зритель ощущал себя центром, к которому устремлялось все, что он видел, но, пройдя сотню шагов или пол-лиги, он все равно оставался в центре. Каждая открывавшаяся взору картина, казалось, сообщает некую невыразимую истину, подобную откровению, снизошедшему на молчаливого отшельника.

Столь прекрасны были эти сады, что лишь через некоторое время я обратил внимание на отсутствие возвышающихся над кронами деревьев башен. Только птицы да облака, а еще выше — старое солнце да бледные звезды, словно мы бредем по священным небесным полям. Потом мы взобрались на гребень, более прекрасный, чем кобальтовая волна Уробороса, а под нашими ногами разверзлась пропасть. Я называю ее пропастью, но она не имела ничего общего с черной бездной, которая обычно встает перед внутренним взором, когда слышишь это слово. Скорее это был грот, полный фонтанов, ночных цветов и людей, еще более ярких, чем любой цветок, людей, которые предавались праздности у журчащих вод и беседовали под сенью деревьев.

Вдруг — будто рухнула стена и темницу залил поток света, в мой разум хлынула волна воспоминаний об Обители Абсолюта — те, что перетекли из жизни Теклы и стали теперь моими воспоминаниями. Я понял то, что прежде вызывало мое недоумение в пьесе доктора Талоса и подразумевалось во многих рассказах Теклы, хоть она и ни разу не говорила об этом прямо. Весь огромный дворец лежал под землей или, вернее, его крыши и стены были засыпаны почвой и засажены рас-

тениями, так что все это время мы прогуливались над священным троном Автарха, который, как мне представлялось, должен был находиться еще далеко впереди.

Мы не стали спускаться в грот, без сомнения, переходивший в покои, не предназначенные для узников, как не спустились и в следующий. Наконец, мы подошли к спуску, хоть и мрачному, но не менее красивому. Лестница, ведущая вниз, напоминала естественные нагромождения темных скал, неправильные, а иногда — довольно опасные. Сверху капала вода. Там, куда еще проникал солнечный свет, стены этой искусственной пещеры заросли папоротниками и темным плющом, а на тысячу ступеней ниже — были покрыты бледными грибами. Одни из них светились, другие — наполняли воздух странным затхлым запахом, третьи — наводили на мысль о фантастических фаллических фетишах.

В центре этого темного сада висело несколько бронзовых позеленевших гонгов. Мне пришло в голову, что они должны звенеть от ветра, хотя казалось невозможным, чтобы сюда могло долететь хотя бы слабое дуновение.

Я думал так до тех пор, пока один их преторианцев не открыл тяжелую дверь из бронзы и

источенного червями дерева в мрачной каменной стене. Оттуда донесся порыв сухого холодного воздуха, и все гонги разом завибрировали и зазвенели. Они были так хорошо подобраны по тонам, что этот звон казался настоящей музыкой — творением композитора, чьи мысли, как изгнанники, блуждали теперь меж здешних стен.

Разглядывая гонги (что не вызывало возражений у моих стражей), я обратил внимание на собравшихся наверху, которые прежде сопровождали нас. Их было не меньше сорока, они стояли на краю пропасти и смотрели вниз, застыв в неподвижности, как на фризе кенотафа.

Я ждал, что окажусь в маленькой одиночной камере — наверное, бессознательно проецировал представление о нашем подземелье на это незнакомое место. Трудно было даже вообразить что-либо менее похожее на наши казематы, чем то, что я увидел. Вход открывался не в узкий коридор с маленькими дверцами по обе стороны, а в просторное, устланное коврами помещение, на противоположном конце которого была другая дверь. У нее на страже стояли хастарии с сияющими копьями. По приказу одного из сопровождавших нас преторианцев они распахнули створы. За дверью открылся огромный полу-

темный зал с очень низким потолком. Я увидел десятки мужчин и женщин и несколько детей — парами или целыми группами, а больше по-одиночке. По-видимому, семьи занимали ниши, иногда отгороженные матерчатыми ширмами от остального пространства.

В этот огромный зал нас и втолкнули. Вернее, втолкнули меня, а Иону бросили. Я попытался поймать его в падении, и отчасти мне это удалось. По крайней мере, я не дал ему удариться головой об пол. Потом я услышал, как дверь за нами захлопнулась.

Глава 15
Призрачное свечение

Меня окружали лица. Две молодые женщины унесли куда-то Иону, пообещав позаботиться о нем. Остальные тут же принялись засыпать меня вопросами. Как меня зовут? Что это на мне за одежда? Откуда я? Знаю ли я такого-то, такого-то и такого-то? Бывал ли я когда-нибудь в таком-то городе? А в таком-то? Может быть, я из Обители Абсолюта? Или из Нессуса? С восточного берега Гьолла или с западного? Из какого квартала? Жив ли еще Автарх? А Отец Инир? Кто сейчас в городе архоном? Как идет война? Не слыхал ли я что-нибудь о таком-то — он начальник отряда? А о таком-то — он в кавалерии? А о таком-то — хилиархе? Умею ли я петь, читать стихи, играть на музыкальных инструментах?

Не составляет труда вообразить, что этот поток вопросов не позволял мне ответить ни на один из заданных. Когда первая волна всеобщего возбуждения схлынула, седобородый старик и женщина, на вид почти такая же старая, успокоили остальных и заставили их разойтись довольно

необычным способом, который вряд ли оказался бы действенным где-либо в другом месте. Они похлопывали каждого по плечу, указывали в самую отдаленную часть помещения и внятно произносили: «Впереди масса времени». Постепенно все замолчали и стали разбредаться по углам, пока, в конце концов, в зале с низким потолком не настала та же сонная тишина, которую взбаламутило наше появление.

— Я Ломер, — представился старик. Потом он громко, прочистил горло и добавил:

— А ее зовут Никарет.

Я назвал ему себя и Иону.

Пожилая женщина, должно быть, уловила тревогу в; моем голосе.

— Ему не причинят вреда, не беспокойся. Эти девушки сделают для него все возможное в надежде, что он потом будет с ними разговаривать. — Она рассмеялась, и нечто в движении, которым она откинула голову, подсказало мне, что когда-то эта женщина была красавицей.

Я тоже хотел их кое о чем расспросить, но старик прервал меня:

— Идем в наш угол. Там нам не будут мешать. У нас есть вода.

Только услышав слово «вода», я понял, как хочу

пить. Он повел нас в угол рядом с входом, отгороженный матерчатой ширмой, и налил мне воды из глиняного кувшина в изящную фарфоровую чашку. На полу лежали подушки и стоял низкий столик, не больше пяди в высоту.

— Вопрос за вопрос, — сказал старик, — таково старое правило. Мы назвали тебе свои имена, а ты нам свое, теперь снова наша очередь. Почему вас схватили?

Я стал объяснять, что и сам не знаю — разве что просто за нарушение границы.

Ломер кивнул. Его лицо имело тот особенный оттенок бледности, свойственный людям, никогда не видевшим солнечного света. Если прибавить к этому клочковатую бороду и кривые зубы, то его внешность показалась бы отталкивающей в любом другом месте, но здесь он смотрелся такой же естественной частью обстановки, как выщербленные плиты пола.

— А я оказался здесь по злой воле шатлены Леокадии. Я судил ее тяжбу с шатленой Нимфой, и когда мы с ней приехали сюда, чтобы я мог проверить счета в ее поместье, пока она участвует в обрядах филомата Фокаса, шатлена Леокадия завлекла меня в ловушку с помощью Санхи, которая…

Пожилая женщина по имени Никарет перебила его, воскликнув:

— Смотри-ка, он ее знает!

Так оно и было. В моей памяти возникла комната: что-то пунцовое, слоновая кость, стены — почти сплошь стекло в изысканных рамах. Там горело пламя на мраморных плитах, тусклое по сравнению с ярким солнечным светом, который проникал в комнату через огромные окна, но наполнявшее воздух теплом и благоуханием сандалового дерева. Старуха, закутанная во множество шалей, восседала на стуле, больше похожем на трон. Хрустальный графин и несколько чаш темного стекла стояли на столе.

— Женщина преклонных лет с крючковатым носом, — припомнил я. — Вдова Форса.

— Ты и впрямь ее знаешь. — Ломер медленно кивнул, как будто мои слова были ответом на его вопрос. — Первый за многие годы.

— Вернее будет сказать — я ее помню.

— Да. — Старик снова кивнул. — Говорят, она умерла. Но тогда она была молода и красива. Ее подбила на это шатлена Леокадия, а потом сделала так, чтобы нас застали. И Санха о том знала. Но ей было всего четырнадцать, и обвинить ее не могли. Да я ничего ей и не сделал — она только

начала меня раздевать.

Я заметил:

— Вы сами тогда, верно, были совсем молоды. Он промолчал. За него ответила Никарет:

— Ему было двадцать восемь.

— А вы? — спросил я. — Как вы оказались здесь?

— Я добровольно.

Мой взгляд выразил несказанное удивление.

— Кто-то должен брать на себя вину за все грехи Урса, иначе Новое Солнце никогда не придет. И кто-то должен привлекать внимание к этому месту и ему подобным. Я из семьи армигеров, которая, может быть, еще помнит обо мне, потому-то надзирателям приходится обращаться со мной с осторожностью — и со всеми остальными, пока я здесь.

— Вы хотите сказать, что можете выйти на волю и не делаете этого?

— Нет, — ответила она и покачала головой. Волосы у нее были совсем седые, но она носила их распущенными, как молодые женщины. — Я выйду отсюда, но только при условии, что всех, кто за давностью лет позабыл свое преступление, выпустят вместе со мной.

Я вспомнил столовый нож, который украл

на кухне для Теклы, и красную струйку, выползавшую из-под двери ее камеры в нашем подземелье.

— Правда ли, что преступники забывают здесь о том, что совершили?

При этих словах Ломер встрепенулся:

— Нечестно! Вопрос за вопрос — это правило, старое правило. Мы все еще держимся за них. Мы последние из старшего поколения — Никарет и я, но пока живы, со старыми обычаями не расстанемся. Вопрос за вопрос. Есть ли у тебя друзья, которые могут способствовать твоему освобождению?

Конечно же, Доркас — если бы она только знала, что со мной. Доктор Талое так же изменчив, как причудливые формы облаков, и как раз поэтому может возжелать моей свободы, хотя никакой особой причины желать этого у него нет. Больше надежды на то, что я посланец Водалуса, а у него есть, по крайней мере, один человек в Обители Абсолюта — тот, кому я должен передать послание. По дороге я дважды пытался избавиться от огнива, но что-то меня удерживало — похоже, альзабо сковал своими чарами мою волю. Теперь я был этому только рад.

— Есть у тебя друзья? Родственники? Если да, то

ты можешь что-нибудь сделать для остальных.

— Друзья, может быть, — ответил я. — Они могут попробовать помочь мне, если только каким-нибудь образом узнают, где я. Как вы думаете, это возможно?

Так мы говорили очень долго. Если все это передать на бумаге, то моей истории не будет конца. В той комнате нечего было больше делать, как только разговаривать да играть в некоторые простенькие игры. Узники так и поступают, пока не теряют к игре последний интерес, и тогда они отбрасывают ее, как хрящ, который многие дни жевал голодающий. В некотором смысле этим заключенным приходится лучше, чем нашим клиентам: они не живут в постоянном ожидании боли и не испытывают одиночества. Но зато наши клиенты обычно находятся в заточении недолго, а потому они полны надежд, тогда как большинство узников Обители Абсолюта потеряли свободу много лет назад и уже давно отчаялись.

Минуло десять страж или чуть больше, и свет стал меркнуть. Я признался Ломеру и Никарет, что валюсь с ног от усталости. Они отвели меня в самый дальний от дверей конец, где было совсем темно, и объяснили, что это и будет моим местом,

пока кто-нибудь из узников не умрет. Тогда я смогу занять лучшее.

Когда они уходили, я слышал, как Никарет спросила: «Они придут сегодня?» Ответа я не расслышал, а задавать новые вопросы у меня не было сил. Ногами я почувствовал тонкую подстилку на полу; тогда я сел и уже собирался вытянуться во весь рост, как вдруг рука наткнулась на что-то живое.

Голос Ионы произнес:

— Что ты так дергаешься? Это всего лишь я.

— Почему ты молчал? Я видел, как ты проходил мимо, но никак не мог оставить двух стариков. Почему ты не подошел?

— Я молчал, потому что думал. А не подошел, потому что сначала тоже не мог отделаться от тех женщин, которые меня увели, а потом, наоборот, они не могли отделаться от меня. Северьян, я должен выбраться отсюда.

— Кто бы этого не хотел! — ответил я. — И я — не исключение.

— Но я должен.

Он сжал мою руку своей узкой и твердой рукой — левой, настоящей. — Если не смогу, я убью себя или сойду с ума. Я был тебе верным другом, ведь правда? — Его голос понизился до еле слышного

шепота. — Этот талисман, который ты носишь… этот голубой камень… не сможет ли он освободить нас? Я знаю, что преторианцы не нашли его, когда тебя обыскивали. Я следил за ними.

— Мне не хотелось бы доставать его, — сказал я. — Он так сияет в темноте.

— Я приподниму подстилку и прикрою тебя. Я подождал, пока прикрытие не было готово, и достал Соготь. Свет его был так слаб, что я мог бы заслонить его ладонью.

— Он умирает? — прошептал Иона.

— Нет, он часто бывает таким. Но когда действует — например, когда он превратил воду в вино в нашем кувшине или заворожил обезьянолюдей — тогда светит очень ярко. Если он вообще способен помочь нам спастись, то, о всяком случае, не сейчас.

— Давай поднесем его к двери. Вдруг он откроет замок. — Голос Иона дрожал.

— Позже, когда все заснут. Я освобожу и их, если мы сами сумеем выбраться, но в противном случае — а я не думаю, что дверь откроется, — им лучше не знать о Когте, теперь скажи, почему ты должен выйти отсюда прямо сейчас, немедленно?

— Пока ты говорил со стариками, — начал Ио-

на, — меня расспрашивала целая семья. Там были несколько старых женщин, мужчина лет пятидесяти, другой мужчина лет тридцати, еще три женщины и целый выводок детей. Они привели меня в собственную нишу в стене. Другие узники не могли туда зайти, не получив приглашения, а такового не последовало. Я ждал, что мне станут задавать вопросы о друзьях на воле, о политике или же о войне в горах. Но оказалось, что им нужно от меня просто что-то вроде развлечения. Они желали послушать о реке, о том, где я побывал, и многие ли одеваются так же, как я. И еда — они очень много говорили о еде на свободе. Некоторые вопросы просто поражали своей нелепостью. Видел ли я когда-нибудь скотобойню? И просят ли животные не убивать их? И правда ли, что те, кто делает сахар, держат при себе отравленные мечи, чтобы охранять свой товар?..

Они никогда не видели пчел. Считают, что пчелы размером с кролика…

Потом я сам стал их расспрашивать и выяснил, что никто из них, даже старухи, никогда не были на воле. Просто мужчин и женщин держат здесь вместе. По закону природы они производят на свет детей. И хотя некоторых потом забирают, большинство остаются здесь на всю жизнь. У них

нет ни собственности, ни надежды на освобождение. Они даже и не знают, что такое свобода. Только старик и одна из девушек совершенно серьезно заявили о своем желании побывать наверху, но мне показалось, что они не имели при этом в виду остаться там. Старые женщины — по их заверениям, седьмое поколение узников, но одна из них обмолвилась, что ее мать тоже из седьмого поколения.

В некоторых отношениях они довольно примечательные существа. Внешне они плоть от плоти этого подземелья, где провели всю жизнь. А все же… — .

Иона умолк, и я почувствовал, как давит на нас наступившая тишина.

— Наверное, это можно назвать фамильной памятью. Традиции, передаваемые из поколения в поколение от вольных предков. Они уже даже не понимают значения некоторых слов, но продолжают цепляться за традиции, предания, потому что предания и имена — это все, что у них есть.

Наступило молчание. Я погрузил тусклую искорку Когтя в голенище. Вокруг нас сгустилась непроглядная тьма. Затрудненное дыхание Ионы было похоже на звук мехов в кузне.

— Я узнал имя первого узника — того, от кото-

рого они ведут свой род. Это был Кимлисунг. Тебе приходилось слышать такое имя?

Я ответил, что не приходилось.

— Или какое-нибудь похожее? Представь себе, что это не одно, а три слова.

— Нет, ничего похожего, — ответил я. — У большинства из известных мне людей имя состоит из одного слова, как у тебя, если только другая часть имени не титул или что-то вроде клички, которая прижилась, потому что слишком уж много развелось Болканов, или Альтосов, или прочих.

— Ты однажды сказал, что у меня как раз необычное имя. Так вот, имя Ким Ли Сунг было самым что ни на есть обычным в те времена, когда я был… мальчиком. Ты слыхал что-нибудь о моем корабле, Северьян? Он назывался «Счастливое Облако».

— Поисковый корабль? Нет, но…

Мой взгляд уловил зеленоватое мерцание, такое слабое, что даже в полной тьме оно было едва различимо. Сразу же послышались бормочущие голоса, многократно отражавшиеся от стен огромного низкого зала. Я почувствовал, что Иона вскочил на ноги. Последовав его примеру, я едва успел выпрямиться, как глаза пронзила вспышка голубоватого пламени. Никогда в жизни я не

ощущал такой боли — казалось, все лицо рвется на куски. И если бы не стена, я не удержался бы на ногах.

Где-то дальше темноту снова прорезала вспышка, закричала женщина.

Иона изрыгал сдавленные проклятия — во всяком случае, судя по интонации, потому что слов я не понимал. Его башмаки скребли пол. Снова ослепительный блеск. Я узнал те похожие на блеск молний лучи, которые видел, когда мастер Гурло, Рош и я пытали Теклу на «революционизаторе». Несомненно, Иона кричал так же, как и я, но в это время начался такой бедлам, что я не различил его голоса.

Зеленоватое мерцание усилилось. Я смотрел на него, парализованный болью и охваченный таким ужасом, которого мне никогда больше не доводилось испытывать. Свет постепенно обретал форму чудовищного лица, вперившего в меня свои гигантские глаза-блюдца, а потом снова потускнел и растворился в темноте.

Все это было неизмеримо страшнее, чем способно передать мое перо, и мне предстояло на всю жизнь остаться рабом пережитого ужаса. То был ужас перед болью и перед слепотой, хотя мы и так уже были слепы ко всему мало-мальски

разумному. Стояла кромешная тьма, а никто из нас не мог ни зажечь свечи, ни даже высечь огня. Вся огромное помещение вопило, стенало и молило о помощи. И сквозь дикий вой я явственно услышал чистый молодой женский смех. Потом он умолк.

Глава 16
Иона

Я жаждал света, как умирающий от голода жаждет куска мяса. Наконец, я вспомнил о Когте, или скорее это он будто бы вспомнил обо мне, потому что рука моя сама собой просунулась в голенище и извлекла его.

И сразу боль утихла, все озарилось потоком чистого лазурного света. Крики стали еще громче, потому что для злосчастных обитателей темницы это сияние могло означать лишь новый кошмар. Я спрятал Коготь, стал ощупью искать Иону.

Он лежал скорчившись, шагах в двадцати от нашего места, но был в сознании. Я оттащил его назад (он показался мне удивительно легким) и, укрыв нас обоих своим плащом, коснулся камнем его лба.

Через непродолжительное время он сел. Я сказал, что тот ужас в камере, чем бы он на самом деле ни являлся, развеялся, и мы должны отдохнуть.

Иона выпрямился и стал бормотать скороговоркой:

— Надо запустить компрессоры, пока еще можно дышать.

— Все хорошо, — попытался я успокоить его. — Все хорошо. Иона. — Сам презирая себя за это, я разговаривал с ним, будто с самым младшим из учеников, как когда-то, давным-давно, говорил со мной мастер Мальрубиус.

Что-то холодное и твердое коснулось моего запястья, оно двигалось, как живое. Я схватил его — это оказалась железная рука Ионы. Потом я понял, что он пытается стиснуть ею мою руку.

— Я чувствую тяжесть! — Его голос становился все громче. — Должно быть, это сигнальные огни. — Он повернулся на бок. Я услышал скрежет его руки на полу.

Потом он стал гнусаво выкрикивать односложные слова. Этого языка я никогда не слышал.

С великой надеждой я достал Коготь и снова приложил его ко лбу Ионы. Камень был тусклым, как в первый раз, когда мы смотрели на него этой ночью, а Ионе не стало легче, но постепенно мне кое-как удалось успокоить его. Наконец, когда самые неспокойные из наших соседей — и те уже давно затихли, мы тоже провалились в сон.

Когда я проснулся, снова горели тусклые светильники, но я каким-то образом чувствовал,

что на улице все еще ночь или, по крайней мере, самое раннее утро.

Иона лежал со мной рядом. Он все еще спал. Платье на груди было разорвано, открывая страшный ожог от голубого луча. Мне пришла на память отрубленная рука обезьяночеловека, поэтому, убедившись, что никто за нами не наблюдает, я достал Коготь и стал водить им над раной.

Он светился теперь гораздо ярче. Рана не затянулась, но стала заметно уже, края ее казались менее воспаленными. Чтобы добраться до нижнего конца раны, я слегка приподнял одежду. Просунув под нее руку, я услышал слабый звук — камень ударил по металлу. Я еще больше задрал одежду и увидел, что кожа моего друга на груди обрывается, как трава вокруг камня — дальше начиналось сияющее серебро.

Сначала я предположил, что на нем кольчуга, но сразу же понял, что это не так. Просто здесь металл заменял живую плоть так же, как на его правой руке. До какого места он доходил, не было видно, а пощупать ноги я боялся — Иона мог проснуться.

Я спрятал Коготь и поднялся. Нужно было побыть одному и хорошенько все обдумать. Я ото-

шел от Ионы в центр зала. Помещение казалось необыкновенно странным даже вчера, когда все бодрствовали, ходили и разговаривали. Теперь подобное впечатление лишь усилилось — Уродливое подобие зала с неправильными углами, придавленное низким потолком. Надеясь работой мускулов привести в движение разум (как это часто случалось), я решил измерить шагами длину и ширину зала, ступая помягче, чтобы не будить спящих.

Не прошел я и сорока шагов, как заметил предмет, казавшийся совершенно неуместным в этом скопище оборванных людей и драных полотняных подстилок. Это был женский шарф из тонкой дорогой материи абрикосового цвета. От него исходил неизъяснимый аромат, непохожий ни на один из запахов цветов или плодов Урса, но тонкий и приятный.

Я уже складывал эту красивую вещицу, собираясь положить ее в свою ташку, как вдруг услышал детский голосок:

— Это к несчастью. Большое несчастье. Разве ты не знаешь?

Я огляделся по сторонам, потом опустил взгляд и увидел девочку с бледным лицом и сияющими полуночными глазами, которые казались слиш-

ком большими. Я спросил:

— Что приносит несчастье, юная госпожа?

— Подбирать находки. За ними потом приходят. А почему на тебе такая черная одежда?

— Не черная, а цвета сажи — чернее черного. Протяни мне руку, и ты увидишь, как она исчезнет, когда я накину на нее плащ.

Девочка серьезно кивнула маленькой и все же слишком крупной для тщедушного тела головкой.

— На похоронах всегда одеваются в черное. Ты хоронишь людей? Когда хоронили мореплавателя, там были черные повозки, а за ними шли люди в черной одежде. Ты когда-нибудь видал такие похороны?

Я нагнулся, чтобы ее серьезное личико оказалось на одном уровне с моим.

— Такую одежду, как моя, на похороны никто не надевает, юная госпожа, — из опасения, чтобы его не приняли за одного из членов моей гильдии, а это было бы оскорбительно для умершего — почти всегда оскорбительно. Видишь этот шарф? Правда, красивый? Вот это вы и называете «находками»?

Она кивнула:

— Их иногда оставляют хлысты. Если что-ни-

будь найдешь, надо просунуть под дверь — они приходят и забирают свои вещи.

Ее взгляд устремился на шрам, пересекавший мою правую щеку. Я коснулся его рукой.

— Вот это хлысты? Те, кто это делает? Кто это? Я видел зеленое лицо.

— И я тоже. — Она засмеялась, как будто зазвенели маленькие колокольчики. — Я думала, оно хочет меня съесть.

— А теперь, похоже, ты уже не боишься?

— Мама сказала, то, что мы видим в темноте, это ерунда — они каждый раз разные. Бояться надо хлыстов. Это от них больно. Она прижала меня к стене и заслонила от них. Твой друг просыпается. А почему у тебя такой смешной вид?

(Я вспомнил, как смеялся вместе с другими — тремя юношами и двумя девушками. Гвиберт протягивал мне бич с тяжелой ручкой и кнутовищем из плетеной медной проволоки. Лолиан готовил шутиху, которую собирался раскрутить на длинной веревке.) — Северьян! — раздался голос Ионы. Я поспешил к нему. — Как я рад, что ты здесь. Мне показалось, ты куда-то исчез.

— Куда ж тут исчезнешь? Сам знаешь.

— Да, — сказал он, — теперь я все вспомнил. Знаешь, как называется это место? Мне вчера

сказали. Оно называется «вестибюль». Впрочем, я вижу, тебе это известно и без меня.

— Нет.

— Но ты кивнул.

— Я просто вспомнил это слово, когда ты его произнес. Я… Текла бывала здесь. Ей никогда не казалось, что это странное место для тюрьмы — наверное, потому, что других тюрем она не видала… пока не попала к нам в башню. А мне кажется. Одиночные камеры или, по крайней мере, несколько отдельных помещений гораздо удобнее. А может быть, я думаю так, потому что привык…

Иона кое-как подтянулся на локтях и сел, прислонившись к стене. Его лицо побледнело под загаром и было покрыто испариной. Он сказал:

— А ты не понимаешь, откуда взялась эта тюрьма? Оглянись-ка вокруг.

Я посмотрел по сторонам, но увидел лишь то, что уже видел раньше — уродливый с тусклым светильником зал.

— Сначала это были обычные дворцовые покои — быть может, несколько помещений. Потом стены между комнатами снесли, а поверх старых полов настелили новый. А это, уверен, то, что называется фальшивым потолком. Наверняка,

если приподнять одну из панелей, можно будет увидеть прежнюю конструкцию.

Я встал и попытался это проделать, но, хотя пальцы касались прямоугольной панели, моего роста не хватало, чтобы приложить нужное усилие. Вдруг раздался голосок девочки, которая, несомненно, наблюдала за нами и слышала каждое наше слово:

— Поднимите меня — я попробую.

Она подбежала к нам. Я обхватил ее за талию и легко поднял над головой. Несколько секунд маленькие ручки сражались с деревянной плитой, потом плита приподнялась, посыпалась пыль. Над ней я увидел переплетение железных балок, а сквозь них — сводчатый потолок, расписанный облаками и птицами. Руки девочки ослабли, панель шлепнулось на место, обдав нас еще большим количеством пыли. Все исчезло из виду.

Осторожно спустив девочку на пол, я обратился к Ионе:

— Ты прав. Над этим потолком еще один — для помещения гораздо меньших размеров. Как ты догадался?

— Потому что я говорил с этими людьми. Вчера. — Он поднял руки — и железную, и руку из плоти и крови, будто для того, чтобы потереть

ими лицо. — Отошли ребенка, ладно?

Я велел девочке возвращаться к матери, хотя, как я подозреваю, она пересекла комнату, а потом прокралась вдоль стены и подслушивала.

— Я чувствую себя так, словно все это время боролся со сном, — продолжал Иона. — Помню, я вчера сказал, что схожу с ума. — Может, наоборот, я только обретаю рассудок, и еще неизвестно, что хуже. — Он сидел, прислонившись спиной к стене, совсем как покойник, что сидел прислонившись к стволу дерева и которого мне довелось увидеть много позже. — На корабле я много читал. Однажды я прочел одну историю. Думаю, ты ничего не знаешь о ней. С той поры прошли многие тысячелетия.

— Скорее всего, не знаю, — согласился я.

— Все по-другому и в то же время так похоже. Странные обычаи и традиции… Странные учреждения. Я попросил у корабля, и он дал мне другую книгу.

Лоб его все еще был влажен, разум, казалось, блуждал где-то далеко. Я взял кусочек фланели, которым обычно протирал меч, и отер им пот со лба Ионы.

— Наследственные правители и наследственные подданные, и масса причудливых должност-

ных лиц. Воины с длинными седыми усами. — На мгновение на его лице появился призрак прежней улыбки. — «Белый Рыцарь едет вниз по кочерге. Того и гляди упадет» — вот что было в записной книжке Короля.

На дальнем конце зала происходило какое-то движение. Узники, спавшие или тихо шептавшиеся по углам, поднимались и тянулись в том направлении. Иона, который решил, что я вот-вот пойду за ними, вцепился мне в плечо левой рукой. Она казалась слабой, как рука женщины.

— Так, как сейчас, ничто и никогда не начиналось. — Его голос приобрел неожиданную силу. — Северьян, король избирался при Марчфилде. Короли назначали графов. То время называлось темными веками. Лишь свободный житель Ломбардии мог стать бароном…

Словно ниоткуда, перед нами возникла знакомая девочка:

— Там еда. Вы идете? Я встал и сказал:

— Я принесу чего-нибудь. Может, тебе полегчает.

— Прочно укоренилось… Все продолжалось слишком долго. — Продвигаясь к толпе, я слышал, как Иона бормочет:

— Люди не знали…

Узники расходились по одному, каждый — с маленькой булочкой. К тому времени, как я дошел до дверного проема, там уже почти никого не было. Я видел открытую дверь, за ней коридор, прислужника в прозрачном газовом колпаке, приглядывающего за серебряной тележкой. Люди выходили в коридор и окружали тележку. Я последовал за ними и на минуту почувствовал себя на свободе.

Иллюзия тут же рассеялась. В каждом конце коридора стояли хастарии, перегораживая его. Еще двое скрещенными копьями прикрывали дверь, ведущую в Колодец Зеленых Гонгов.

Кто-то тронул меня за руку. Я оглянулся и увидел седовласую Никарет.

— Бери поскорей, — сказала она. — Если не для себя, то для друга. Они никогда не приносят столько, чтобы хватило на всех.

Я кивнул и, перегнувшись через спины, сумел ухватить пару черствых булок.

— А часто дают еду?

— Два раза в день. Вчера вас привели как раз после второй раздачи. Все стараются брать понемногу, но все равно не хватает.

— Это сдобный хлеб. — Кончики моих пальцев стали липкими от сахарной пудры, булочки пах-

ли лимоном, куркумой и мускатным «цветом».

Старуха кивнула.

— Да, как всегда, хотя он каждый день разный. В этом серебряном кофейнике кофе, а чашки — на нижней полке тележки. Большинство местных не любят его и не пьют. Думаю, мало кто знает, что это такое.

Хлеб кончился. Все, кроме меня и Никарет, вернулись в низкий зал. Я взял с нижней полки чашку и наполнил ее. Кофе был очень крепкий, горячий и темный, щедро приправленный чем-то сладким, похожим на тимьянный мед.

— Ты выпьешь?

— Я собираюсь отнести его Ионе. Они разрешат мне взять чашку с собой?

— Наверное, — ответила Никарет, мотнув головой в сторону стражников.

Солдаты взяли копья на плечо, наконечники ярко вспыхнули. Вслед за Никарет я шагнул в вестибюль, дверь за нами захлопнулась.

Я напомнил Никарет ее слова о том, что она находится здесь по доброй воле, и спросил, не знает ли она, почему заключенных кормят сдобными булками и южным кофе.

— Ты и сам это знаешь, — ответила она. — Я слышу по твоему голосу.

— Нет, но мне кажется, что Иона знает.

— Может быть. Все потому, что эта тюрьма вовсе не настоящая тюрьма. Давным-давно — думаю, еще до правления Имара — существовал такой обычай, что Автарх должен сам судить тех, кого обвиняли в преступлении, совершенном в пределах Обители Абсолюта. Может, автархи думали, что, разбирая подобные дела, они смогут узнать о готовящихся заговорах. Или они просто надеялись, что если станут поступать по справедливости с людьми из собственного окружения, то устыдят завистников и обезоружат ненависть. Серьезные дела решались быстро, а менее важные обвиняемые должны были ждать суда здесь…

Двери, открывавшиеся совсем недавно, снова распахнулись. Внутрь втолкнули маленького, потрепанного человечка, у которого не хватало передних зубов. Он упал на четвереньки, вскочил и бросился к моим ногам. Это был Гефор.

В точности как при появлении нас с Ионой, его окружили узники. Они подняли его и стали выкрикивать вопросы. Никарет вместе с Ломером, который вскоре присоединился к ней, разогнали их и попросили Гефора назвать себя. Он схватил свою шляпу (напомнив мне то утро, когда он нашел меня отдыхающим на траве у Ктесифонского

перекрестка) и заговорил:

— Я раб своего господина, я — Гефор, с-с-странник быстролетный, владеющий картой, усыпанный дорожной пылью, п-п-покинутый и заброшенный…

Он то и дело поглядывал на меня быстрыми, яркими глазками без ресниц и был удивительно похож на одну из безволосых крыс шатлены Лелии, которые умели кружиться и кусать себя за хвост, если хлопнешь в ладоши.

Мне так противно было на него смотреть, и я так беспокоился об Ионе, что я сразу же ушел оттуда, направившись к нашему месту. Образ трясущейся серой крысы все еще стоял передо мной, когда я опустился на подстилку, потом, как будто признав, что является всего лишь картинкой, всплывшей из мертвых воспоминаний Теклы, он канул в небытие.

— Что-нибудь случилось? — спросил Иона. На вид он казался немного окрепшим.

— Меня тревожат, мысли.

— Палачу это не пристало, но я рад компании. Я протянул ему сладкие булки и поставил на пол чашку с кофе.

— Городской кофе — без перца. Ты такой любишь? Он кивнул, поднял чашку и сделал

глоток.

— А ты?

— Я свой уже выпил. Поешь хлеба, он очень вкусный. Он откусил от булки.

— Мне нужно с кем-то поговорить — с тобой, даже если после этого ты сочтешь меня чудовищем. Между прочим, ты тоже чудовище, друг мой Северьян. Тебе это известно? Чудовище — потому что ты избрал своим ремеслом то, чем другие занимаются лишь ради удовольствия.

— Ты весь в металлических заплатках. Не только рука. Я это недавно обнаружил, монстроподобный дружище Иона. А теперь поешь и выпей кофе. Следующая еда будет не раньше чем через восемь страж или около того.

— Мы потерпели аварию. На Урсе прошло столько времени, что, когда мы вернулись, там ничего не осталось — ни порта, ни доков. Потом случилось так, что я потерял лицо и руку. Товарищи подлатали меня как смогли, но под рукой ничего не оказалось, кроме биологического материала. — Железной рукой, которую я всегда считал не более чем протезом, он приподнял вторую руку — из кости и мускулов — как человек, собирающийся отшвырнуть кусок какой-нибудь мерзости.

— У тебя жар. Это из-за удара хлыста. Но ты скоро поправишься, мы выберемся отсюда, и ты найдешь Иоленту. Он кивнул.

— Ты помнишь, когда мы уже почти прошли Врата Скорби во всей этой сумятице, она подняла лицо, и солнце осветило его с одной стороны?

Я ответил, что помню.

— До той поры я никогда не любил. Ни разу с тех пор, как распалась наша команда.

— Если ты больше не можешь есть, отдохни.

— Северьян! — Он снова схватил меня за плечо, но на этот раз металлической рукой, которая держала меня крепко, как клещами. — Ты должен поговорить со мной. Я не в силах выдержать собственных мыслей.

Некоторое время я болтал обо всем, что приходило в голову, не дожидаясь ответной реакции. Потом я подумал о Текле, которая часто точно так же впадала в уныние, вспомнил, как читал ей. Я взял ее книгу в коричневом переплете и раскрыл наугад.

Глава 17
Сказка об ученом и его сыне
Часть 1
Твердыня магов

Когда-то давным-давно на берегу неукротимого моря возвышался город светлых башен. И обитали в том городе мудрые. Правил городом закон, и тяготело над ним проклятие. Закон был таков: перед всеми, кто жил в городе, лежали лишь два пути — либо взрасти вместе с мудрыми и носить пышное одеяние с клобуком всех цветов радуги, либо покинуть город и устремиться во враждебный мир.

Так вот, жил в том городе человек. Он уже много лет изучал магию, которой владели мудрецы города, а это была почти вся известная в мире магия. И приблизился он к тому времени, когда ему предстояло избрать свой путь. В разгар лета, когда даже стены, обращенные к морю, были увиты цветами с желтыми растрепанными головками, пошел он к мудрецу, лицо которого с незапамятных времен скрывал клобук всех цветов радуги и который был его учителем, и сказал:

— Как бы мне, хотя я всего лишь невежда, занять место среди мудрых? Ибо я желаю всю свою жизнь посвятить изучению заклинаний, отнюдь не священных, и не хочу идти в злой мир, чтобы потом и кровью добывать хлеб свой.

Старик рассмеялся и ответил:

— А помнишь ли ты ныне, как, когда ты едва вышел из детского возраста, учил я тебя искусству, с помощью которого мы можем творить сыновей из ткани сновидений? Как искусен ты был тогда, превосходя способностями остальных учеников моих! Так вот, теперь ступай и сотвори себе сына, и тогда ты предстанешь перед лицом облаченных в клобуки и уподобишься нам.

Но ученый ответил:

— Не сейчас. Придет другое время года, и я сделаю, как ты велишь.

Пришла осень. Сикоморы города светлых башен, огражденные от морских ветров высокими стенами, начали ронять листья, словно падало с ветвей золото, добытое магией их владельцев. Меж белыми башнями струились стаи диких гусей, а с ними летели орлы-ягнятники и скопы. Тогда старик снова послал за тем, кто был его учеником, и сказал:

— Теперь уж пришла тебе пора претворить в

плоть создание сновидений. Ибо все остальные, облаченные в многоцветные клобуки, начинают терять терпение. Кроме нас, ты самый старший в городе, и, если ты будешь проводить время в праздности, к зиме не миновать тебе изгнания.

Но ученый ответил:

— Мне еще надобно учиться, чтобы достигнуть того, к чему стремлюсь. Не можешь ли ты защитить меня от гнева облаченных в клобуки до весны?

А старик, его учитель, думал о красоте деревьев, которые долгие годы радовали его взгляд не меньше, чем обнаженные тела женщин.

И вот золотая осень улетела прочь, а на смену ей из своей закованной в лед столицы, где солнце катается по краю мира, как золотая бусина, а небо сияет разноцветным пламенем от Урса до самых звезд, крадучись явилась зима. Ее прикосновение обратило волны в сталь, и город магов приветствовал ее, вывесив на балконах ледяные знамена, а кровли увенчав искристым снегом. Старик снова призвал ученого, но ученый ответил то же, что и раньше.

Явилась весна, неся радость всему в природе, но весной город оделся в траур, и зависть к чужому могуществу, червем точащая сердцевину плода,

обуяла сердца магов. Ибо в городе правил закон, и тяготело над ним проклятие, и хотя в другие времена года царил закон, весною властвовало проклятие. Весной самые прекрасные девы города, дщери магов, облачались в зеленые одежды. Весенний ветерок развевал их золотистые волосы, а они босиком проходили через городские ворота и спускались по узкой тропе к гавани, где их ждал корабль под черными парусами. Из-за того, что волосы их золотились, как солома, а одежды были зелены, как трава, и потому, что было их так же много, что колосьев в снопе, маги называли их «Хлебными Девами».

И вот когда тот человек, что был учеником старца, но сам еще не облачился в многоцветный клобук, услышал стенания и жалобы и увидал в окно процессию дев, он отложил в сторону все свои книги и стал рисовать на бумаге фигуры, каких не видал ни один смертный, и писать на многих языках, как в прошлые времена учил его старец.

Часть 2

Явление героя

День за днем он неустанно трудился. Когда первый утренний свет проникал в окно, его перо скользило по бумаге уже многие часы; когда горбатая спина молодого месяца виднелась меж белыми башнями, его лампа еще светилась. Поначалу ему казалось, что мастерство, о котором говорил старец, покинуло его, ибо с первых лучей солнца до лунного света он по-прежнему пребывал в своей обители один. Только ночные мотыльки трепетали крылышками и выводили знаки смерти в открытом пламени свечи.

Потом, когда он засыпал, склонившись над столом, в его сны стал иногда прокрадываться кто-то еще, и ученый приветствовал его, потому что знал, кем был этот другой, хотя сны улетали прочь и скоро забывались.

Он продолжал свои труды, а тот, кого он стремился создать, витал вокруг него, как начинает клубиться дым над дровами, подброшенными в уже почти мертвое пламя. Временами, особенно когда он работал с раннего утра или же засиживался до поздней ночи и, отложив все принадлежности своего искусства, устало вытягивался на узком ложе, предназначенном для

тех, кто еще не обрел права носить многоцветный клобук, ученый слышал шаги. Эти шаги в соседней комнате принадлежали тому, кого он пытался вызвать к жизни.

Со временем подобные знаки, вначале редкие (по большей части ученый замечал их лишь в то время, когда над светлыми башнями грохотал гром), стали обычным явлением. Теперь существовали явственные свидетельства присутствия в доме кого-то другого: книга, которую не снимали с полки десятилетиями, оказывалась на стуле, окна и двери отворялись как бы сами собой, старинный кинжал, вот уже много лет не более смертоносный, чем предмет, нарисованный на холсте, вдруг очищался от ржавчины, а лезвие его становилось острым, как бритва. Однажды золотистым вечером, когда ветер играл в невинные детские игры с молодой листвой сикомор, в дверь дома постучали. Боясь обернуться, выразить в голосе хотя бы малую толику обуревавших его чувств или даже оторваться от работы, ученый произнес:

— Войдите.

Дверь приоткрылась, как иногда сама собою отворяется в полночь — на ширину пальца. Но ее движение продолжалось, и, когда она откры-

лась настолько, чтобы просунуть в щель ладонь, ученому показалось, что в комнату ворвался шаловливый ветерок, вдыхая новую жизнь в его очерствевшее сердце. Потом дверь открылась еще шире — так широко, что в нее мог бы пройти раб с подносом, а потом вдруг словно буря распахнула ее настежь, с силой ударив о стену. Он услышал за спиной шаги, быстрые и решительные, и голос — почтительный и юный, но в то же время глубокий и мужественный:

— Отец, мне не хотелось бы тревожить тебя, когда ты поглощен своим искусством, но сердце мое полно тревоги уже несколько дней. Я заклинаю тебя любовью, той что ты питаешь ко мне, принять меня и помочь советом.

Тогда ученый решился обернуться и увидел рядом с собой юношу с широкими плечами, крепкими мышцами и величественной осанкой. В твердых очертаниях рта читалась привычка повелевать, в блестящих глазах — ясный ум, а на лице лежала печать доблести. Чело его было увенчано тем невидимым венцом, который заметен и слепому, — бесценным венцом, превращающим отважного человека в доблестного воина, а трусливого — в храбреца. И ученый сказал:

— Сын мой, не бойся побеспокоить меня ни

ныне, ни впредь, ибо нет ничего под солнцем более приятного для глаз моих, чем твое лицо. Что тревожит тебя?

— Отец, — ответил юноша, — каждую ночь уже долгое время сон мой тревожит женский плач, и я часто видел, как, подобно зеленой змее, выползающей из корзины на звуки дудки, длинная процессия скользит по скалам вниз, к гавани. Иногда во сне мне дозволяется подойти к ней поближе, и я вижу молодых девушек. Они стенают, льют слезы и никнут, как поле молодой пшеницы, пригнутой к земле ураганом. Что значит сей сон?

— Сын мой, — отвечал ученый, — пришло время открыть тебе то, о чем я молчал до сих пор, опасаясь, как бы не взыграла в тебе раньше времени горячая кровь юности и не подвигла бы тебя на дело, для которого ты еще не созрел. Знай же, что над этим городом властвует великан, которому каждый год приносят в дар красивейших дев, в точности как ты видел во сне.

При этих словах глаза юноши засверкали, и он вопрошал:

— Как зовут этого великана, каков его облик и где он обретается?

— Имени его не знает никто, ибо никто не

смеет к нему приблизиться. Перед смертным он предстает в виде военного корабля, но на самом деле палуба — это его плечи, а на палубе башня, и в той башне одно окно — это его единственный глаз. А тело его погружено в морские глубины, где ходят акула и скат, а руки его длиннее, чем самая высокая мачта, ноги же подобны колоннам, достающим до самого дна морского. Гавань его — остров на западе, где проливы многократно ветвятся, изгибаются и вторгаются глубоко в сушу. И как раз на том острове — так гласит учение — и проводят в печали дни свои Хлебные Девы, а он причаливает к берегам того острова, встает на якорь среди дев и поводит своим единственным глазом вправо и влево, дабы насладиться их отчаянием.

Часть 3
Встреча с принцессой

И тогда юноша устремился прочь и набрал команду из других юношей города магов, а облаченные в многоцветные клобуки дали им крепкий корабль. Все лето он вместе с другими юношами снаряжал корабль, устанавливал по бортам самую мощную артиллерию: они учи-

лись ставить паруса, и брать рифы, и стрелять из пушек, пока судно не стало слушаться их, как послушна поводьям чистокровная кобыла.

Они окрестили корабль «Земля Девственниц», ибо были полны сочувствия к Хлебным Девам.

Наконец, когда сикоморы стали терять свои золотые листья (точно так же, как золото, добытое магией их хозяев, сыплется наземь из людских рук), а цепочки серых гусей заструились меж белых башен, а за ними с криками устремились скопы и орлы-ягнятники, юноши подняли паруса. Многое выпало на их долю, пока они следовали путями китов к великаньему острову, да всего не расскажешь. После всех приключений впередсмотрящие наконец увидели страну пологих холмов, испещренных зелеными точками, и когда они прикрыли рукой глаза, чтобы рассмотреть ее, то увидели, что зелень все прибывает и прибывает. Тогда юноша, сотворенный из снов, понял, что перед ними в самом деле остров великана, а зеленые точки — это Хлебные Девы, спешащие на берег, завидев корабль.

Тогда они зарядили огромные орудия и подняли флаги города магов — желтые с черным. Все ближе и ближе подходили они к земле, но пристать боялись, поэтому плыли вдоль берега, а Хлебные

Девы шли вслед за кораблем по кромке моря, и все новые и новые сестры присоединялись к ним, пока земля и впрямь не стала как поле молодой пшеницы. Но юноша помнил слова отца о том, что среди них может скрываться великан.

Полдня они плыли вдоль берега, потом обогнули мыс и увидели, что берег разрезан глубоким проливом, которому не видно конца. Он извивался меж пологих холмов и терялся вдали. У входа в пролив стоял дворец из белого мрамора, окруженный садом. Здесь юноша и приказал товарищам причалить к берегу, стать на якорь и выйти на сушу.

Не успел он ступить на твердую землю, как перед ним появилась дева великой красоты — смуглая, с черными волосами и глазами, подобными звездам. Он поклонился ей и проговорил:

— Принцесса или королева, я вижу, что ты не из Хлебных Дев. Их одеяния зелены, как трава, а на тебе мех соболя. И даже если бы ты была одета в зеленое, я узнал бы тебя, ибо в очах твоих нет печали, а свет их — не свет Урса.

— Твоя правда, — ответила принцесса. — Я Ноктуа, дочь Ночи. И дочь того, кого ты пришел убить.

— Тогда меж нами не может быть дружбы,

Ноктуа, — заметил юноша. — Но и врагом быть я тебе не могу. — Сам того не осознавая, он испытывал к ней влечение, ибо был порождением снов; а ту, в чьих глазах сияли ночные светила, влекло к нему.

При этих словах принцесса простерла к нему руки и молвила:

— Знай, что отец мой взял мою мать силой, а меня он держит здесь против воли, и я давно бы сошла с ума от тоски, если б только мать не являлась ко мне на исходе каждого дня. В моих глазах ты не видишь печали лишь потому, что она таится слишком глубоко, в сердце моем. И для того, чтобы обрести свободу, я с радостью научу тебя, как справиться с отцом и одержать победу.

Все юноши города магов замолчали и окружили принцессу.

— Прежде всего ты должен запомнить, что этот пролив так извилист, что его нельзя нанести на карту. Под парусом по нему не пройти — посему разжигайте топки, прежде чем соберетесь плыть дальше.

— Это сделать нетрудно, — сказал юноша, созданный из снов. — Трюм полон — на топливо повалили чуть не целый лес, а эти могучие колеса будут мерить воду великаньими шагами.

Услышав это, принцесса задрожала и испуганно прошептала:

— О юноша, не говори о великанах, ибо тебе неведомо их могущество. Немало кораблей прибывало сюда, и теперь илистое дно бесчисленных проливов стало белым от человеческих костей. Мой отец ждет, пока они, странствуя меж островков по бесконечным каналам, не израсходуют все топливо — каков бы ни был его запас, — а потом он нападает ночью, когда видит свет угасающих топок, сам оставаясь невидимым, и убивает всех до единого.

Эти слова вселили тревогу в сердце юноши, созданного из снов, но он ответил:

— Мы все равно найдем его, потому что дали клятву. Но нет ли способа избежать участи, постигшей остальных?

Принцесса прониклась к нему жалостью, потому что любой, кто сродни снам, кажется прекрасным дочерям ночи, а он был прекраснейшим из таких созданий. Она молвила:

— Чтобы найти отца, прежде чем вы сожжете последнее полено, надо всего лишь искать самую черную воду, ибо его необъятное тело поднимает со дна всю муть. По ней его можно выследить. Но всякий раз поиски следует начинать на рассвете

и прекращать к полудню, ведь, в противном случае, вы можете повстречаться с ним в сумерки, а это обернется бедою.

— Я бы отдал жизнь за твой совет, — поблагодарил ее юноша, а товарищи его восклицали:

— Теперь великан нам не страшен! Лицо принцессы опечалилось.

— Рано радоваться. Отец, как никто другой, силен в морском бою. Но я придумала хитрость, которая может вам помочь. Вы говорите, у вас нет недостатка ни в чем.

Припасена ли у вас смола, на случай если корабль даст течь?

— Много бочек, — ответил юноша.

— Тогда, вступив в бой, следите за тем, чтобы он оказался с подветренной стороны. И когда придется туго, а это произойдет очень скоро, вели своим людям подбросить смолы в топку. Не могу обещать, что это непременно принесет вам победу, но премного поможет.

И тогда все юноши горячо поблагодарили ее, а Хлебные Девы, которые застенчиво молчали, пока шел разговор между юношей, созданным из снов, и дочерью Ночи, приветствовали ее одобрительными восклицаниями, как подобает истинным девам — негромко, но радостно.

Тогда юноши стали готовиться к отплытию. В сердце корабля запылали могучие топки и явилось белое пламя, которое влечет судно вперед независимо от прихотей ветра. А принцесса смотрела на них с берега и посылала им благословения.

Но только тронулись огромные колеса, так медленно, что казалось, словно они и не движутся вовсе, принцесса позвала юношу, рожденного из снов, к борту и дала последний наказ:

— Может случиться так, что ты отыщешь отца. Может случиться и так, что твоя доблесть возобладает над его хитростью, и ты одолеешь его. Даже если это случится, ты вряд ли найдешь дорогу назад, в открытое море, ибо проливы этого острова — дивное творение магии. Но не падай духом. Ты должен добыть кончик большого пальца с правой руки отца. На нем увидишь тысячи пересекающихся линий. Не теряйся и рассмотри их повнимательнее: это план, по которому он создавал проливы, чтобы самому не заблудиться в них.

Часть 4

Битва с великаном

Корабль направился в пролив. Как и предупреждала принцесса, пролив разделился надвое, потом снова и снова, пока они не очутились среди тысяч крошечных островков, разрезаемых тысячами узких каналов. Когда тень от грот-мачты стала размером со шляпу, юноша, созданный из снов, приказал бросить якоря и загасить топки. Там они и стояли весь долгий вечер, смазывая пушки, взвешивая порох и готовя все, что могло понадобиться в грозной битве.

Наконец пришла Ночь. Они увидели, как она шагает с острова на остров со своей свитой из летучих мышей и зловещих волков, неотступно следующих за ней по пятам. Казалось, Ночь совсем близко — не далее чем на расстоянии выстрела из малой пушки, но в то же время было видно, что она не заслоняет Венеру и даже Сириус, но они шествуют перед ней. Лишь на миг она повернула лицо в их сторону, и никто не мог понять, что оно выражает. Но каждый из них в тот миг гадал, правда ли, что великан взял ее силой, как поведала ее дочь, и если правда, таит ли она еще злобу к нему или же ненависть со временем угасла.

С рассветом на палубе прозвучала труба. Огонь в топках насытился новым топливом, ожил, но, поскольку дул попутный утренний бриз, юноша приказал еще поднять все прямые паруса. И когда проснулось белое пламя, корабль полетел вперед с удвоенной скоростью.

Много лиг тот канал шел почти по прямой, так что не было нужды приспускать паруса. Сотни других каналов пересекали его. Все ждали, не покажется ли в каком мути, но везде вода была прозрачной, словно хрусталь. Чтобы описать все то, что им довелось лицезреть в этом плавании, понадобилась бы дюжина сказок, не менее длинных, чем эта. Они встречали женщин, которые росли на стеблях, как цветы, и склонялись через борт корабля, а при поцелуе с их щек осыпалась пыльца. Они видели мужчин, которым вино подарило смерть, и они лежали под виноградными лозами, все еще опьяненные настолько, что не понимали, что их жизнь давно прошла. Они проплывали мимо зверей с уродливыми членами и шерстью небывалого цвета, предвестников будущего. Те звери ждали своего часа — грядущих землетрясений, войн, цареубийств.

Наконец молодой человек, который был первым помощником у юноши, рожденного из снов,

подошел к нему и сказал:

— Мы уже так долго плывем по этому каналу, что солнце, которое еще не являло своего лика в начале пути, теперь приближается к зениту. Мы пересекли тысячи других проливов, но не нашли и следа великана. Может, мы пошли неверным курсом? Не мудрее ли повернуть и поискать другую дорогу?

Юноша отвечал:

— Как раз сейчас по правому борту мы проплываем очередной пролив. Посмотри-ка вниз и скажи, не мутнее ли в нем вода, чем в нашем.

И тот сделал, как ему было велено, и доложил:

— Нет, вода в нем чище.

— А вот впереди и другой. До какой глубины ты видишь?

Второй юноша подождал, пока они не поравнялись с каналом, а потом ответил.

— До самого дна. Я вижу обломки давно погибшего корабля далеко внизу.

— А прозрачна ли вода в том, по которому мы идем?

Первый помощник взглянул вниз, в воду под бортом корабля, и она была как чернила. Даже брызги с усердно работающего колеса казались черными как вороново крыло. И тут он все понял

и крикнул команде становиться к орудиям. Но не отдал приказа готовить орудия к бою, ибо они и так давно уже ждали своего часа.

Впереди лежал остров крупнее прочих, а на вершине его росли высокие мрачные деревья. Здесь канал делал плавный поворот, так что ветер, который прежде дул прямо в корму, изменился на четверть румба. Рулевой положил руки на штурвал, команда подняла одни паруса и убрала другие. Корабль обогнул крутой выступ скалы, и там, впереди, они увидели длинный узкий корпус судна с одной-единственной металлической башней посередине палубы и одной пушкой, во много раз больше, чем любое из их орудий, торчавшей из единственной амбразуры.

Тогда юноша, рожденный из снов, открыл было рот, чтобы отдать приказ орудийной команде открыть огонь, но еще раньше взревела пушка противника. Звук тот не был подобен грому или иному звуку, привычному человеческому уху, — они почувствовали, словно разом вокруг них рухнули стены каменной башни.

Ядро ударило в казенную часть первой пушки батареи правого борта, разбило ее на куски и взорвалось само, так что по всему кораблю, как черные листья, мчащиеся по воздуху при первых

порывах урагана, полетели обломки чугуна и поубивали многих.

Тогда рулевой, не дожидаясь приказа, развернул корабль, чтобы могла стрелять кормовая батарея. Орудия, повинуясь воле людей, взвыли одно за другим, подобно волкам при луне. Их снаряды пролетали по обе стороны от железной башни, а некоторые ударялись в нее, и удары эти отзывались колокольным звоном по только что погибшим воинам. Часть снарядов зарывалась в воду перед бортом противника, в то время как другие попадали в железную палубу и с визгом отскакивали от нее высоко в небо.

И снова заговорила пушка противника.

Так продолжалось всего несколько мгновений, но они тянулись как целые годы. Наконец, юноша вспомнил совет, данный принцессой, дочерью Ночи. Но ветер, хотя и крепкий, дул не в ту сторону, и потому для того, чтобы враг оказался с наветренной стороны, надо было развернуть корабль. Во время разворота пушки навести было нельзя, и стреляли только из погонных орудий. А когда корабль развернулся, бой стала вести батарея правого борта, на которой уже не хватало одного орудия и многих людей.

Но тут юноше пришло в голову, что они сра-

жаются так же, как сражались до них уже сотни смельчаков, а ведь всех настигла смерть — корабли их пошли на дно, а кости рассеяны теперь по протокам, рассекающим остров великана. Он отдал приказ рулевому, но не дождался ответа, ибо тот был мертв и теперь штурвал, который он прежде держал в руках, поддерживал его тело. Увидев это, юноша, рожденный из сновидений, сам взялся за штурвал и направил на великана узкий нос своего судна. И тут удача повернулась к нему лицом: первое ядро врага, которому ничего не стоило разнести все судно в щепки, от носа до кормы, не достигло левого борта на ширину весла, а второе не долетело до правого на ширину шлюпки. Теперь их противник, который доселе твердо стоял на (месте, не думая ни приближаться, ни отступать, начал (разворачиваться. Видя это мнимое отступление, матросы издали радостный клич, словно уже одержали победу. Но, к их удивлению, единственная башня, казавшаяся закрепленной намертво, повернулась в противоположную сторону, так что ее огромная пушка, превышавшая по размеру любое из их орудий, по-прежнему смотрела им в лицо.

В следующий миг ядро вылетело из ее дула и ударило в самую середину палубы. Оно снесло

с лафета одну из тушек, как отец-пьяница пинком вышвыривает младенца из люльки, и та заскользила по палубе, сметая все на своем пути. Уцелевшие орудия батареи ответили огнем. И поскольку расстояние до противника теперь стало вдвое меньше (а быть может, просто потому, что плоть врага ослабла от изъявления страха), звук при попадании ядер на его палубу изменился — словно колокол, возвещавший конец света, дал трещину. А на черной маслянистой поверхности металла появились извилистые раны.

Тогда юноша крикнул людям, добросовестно кормившим белое пламя деревянными поленьями, чтобы они вылили смолу в огонь, как наказывала принцесса. Он испугался было, что в машинном отделении не осталось ни одного живого, ибо приказа его сперва не расслышали из-за грохота сражения. Но потом он увидел, как на искрящуюся солнечными бликами поверхность воды, отделяющую его от врага, надвигается тень.

Говорят, в стародавние времена одна девчонка-оборвашка, дочка рыбака, нашла на морском берегу запечатанный сургучом сосуд и за то, что взломала печать и вынула пробку, получила власть над миром, от ледника до ледника. Так

вот, в тот миг им показалось, что то же самое первобытное существо, наделенное невиданной мощью в кузнице творения, вырвалось на волю из высоких труб их корабля, кувыркаясь в воздухе в своем мрачном торжестве и устремляясь ввысь при каждом новом порыве ветра.

Шквал налетел с новой силой, подхватил это существо и бросил его, точно сгусток, на врага. Все скрылось из виду — и длинный черный корпус с железной палубой, и страшное орудие, зев которого извергал гибельные звуки. Но люди не теряли времени даром, их пушки непрерывно палили в темноту. Время от времени они слышали ответные выстрелы, но не видели вспышек и не знали, куда летят ядра врага.

Может статься, ядра эти так и не отыскали своей цели и до сих пор кружат вокруг света в поисках жертвы.

Батарея вела огонь, пока стволы орудий не раскалились, как слиток, только что вынутый из тигля. Потом дым, который так долго валил густым столбом, стал редеть, а из машинного отделения раздался крик, что смола кончилась. Юноша, созданный из снов, приказал прекратить огонь, и люди тут же попадали на палубу как трупы среди мертвых тел своих товарищей. Так

велика была их усталость, что никто даже не молил об утолении жажды.

Черное облако рассеялось — не так, как туман тает под лучами солнца, а как стойкая армия повинуется приказу к отступлению — оставляя одну позицию, но упорно продолжая защищать другую, разбрасывая там и сям отряды стрелков, хотя все знают, что положение безнадежно.

Тщетно оглядывали они воды в поисках врага. Вокруг не было ничего: ни корпуса, ни башни, ни пушки, ни доски, ни щепки.

Медленно-медленно, словно охотник, подкрадывающийся к невидимой добыче, они приближались к месту, где прежде стоял на якоре их противник. Они заметили разбитые в щепки деревья и взрытую землю на ближнем островке, куда попадали их выстрелы. Оказавшись над местом, где прежде они видели изводы железного корпуса, юноша, рожденный из снов, приказал остановиться, и их судно замерло без движения, как прежде стоял их враг. Потом юноша перегнулся через борт и посмотрел в глубину вод. Но на лице его застыло такое выражение, что никто из людей, даже самые смелые, не решился больше взглянуть ему в глаза.

Когда он, наконец, поднял голову, лицо его бы-

ло мрачным и задумчивым. Не говоря ни слова, он удалился в свою каюту и запер за собою дверь. Тогда юноша, который был его первым помощником, приказал возвращаться к белому дворцу принцессы. Потом он велел перевязать раненых, запустить помпы и начать чинить на корабле все то, что еще можно было починить. Но мертвых они взяли с собой, чтобы похоронить их, как и подобает, в открытом море.

Часть 5
Смерть ученого

Может быть, пролив оказался не таким прямым, как им представлялось, может, они пошли не тем курсом, а может, как утверждают некоторые, волшебные каналы извивались, точно черви, когда люди их не видели. Как бы там ни было, но они плыли целый день — на паровом ходу, потому что ветер стих, — и на закате того же дня поняли, что идут меж незнакомых островков.

Всю ночь корабль дрейфовал. Наутро первый помощник призвал к себе тех, кто мог бы дать дельный совет, но никто не мог предложить ничего подходящего — разве что обратиться к

юноше, рожденному из снов (чего они все боялись), или же продолжать движение вперед, пока не достигнут открытого моря или дворца принцессы.

Так и пришлось поступить. Весь следующий день они плыли, стараясь не сбиваться с курса, но, помимо своей воли, петляя по бесчисленным изгибам каналов. И когда пришла ночь, их положение было ничуть не лучше, чем накануне.

Но наутро третьего дня юноша, рожденный из снов, появился из каюты и стал ходить по палубе, проверяя, как заделали пробоины, и обращаясь с добрым словом к раненым, которым не давала спокойно спать боль. Остальные столпились вокруг него, поведали о том, что уже делали, и спросили, как им найти выход к морю, дабы похоронить мертвых и вернуться домой, в город магов.

Взгляд юноши, рожденного из снов, устремился к небесному своду. Некоторые посчитали, что он возносит молитвы, другие — что он старается обуздать свое раздражение против них, а третьи видели в его взгляде надежду на откровение свыше. Но так долго смотрел он в небо, что товарищи испугались, как прежде, когда он не отрывал взора от мутной воды, и уже стали тихонько

расходиться. Только тогда он обратился к ним:

— Смотрите! Видите в вышине морских птиц? Со всех сторон неба они стремятся в одном направлении. Следуйте за ними.

Почти до полудня они следовали за птицами, насколько позволяли им извилистые каналы. Наконец, они увидели впереди огромную стаю морских пернатых. Птицы клубились в воздухе и ныряли в море, а их белые крылья и черные головки будто сливались в облако по ходу корабля — облако, светлое по краям, но таящее в себе грозу. Потом юноша, рожденный из снов, приказал зарядить орудие одним лишь порохом и дать залп. От грохота выстрела все птицы с криком взмыли ввысь, а на том месте, где раньше было облако, люди увидели огромный кусок гниющей плоти, который сперва показался им трупом какого-то наземного зверя, ибо у него была голова и четыре конечности. Но размером он превосходил стадо слонов.

Корабль приблизился, и юноша велел спустить шлюпку. Когда он садился в нее, многие заметили у него на поясе длинный кинжал с лезвием, на котором играло солнце. Некоторое время он трудился над трупом, а когда вернулся, при нем оказалась морская карта, такая огромная, какой

никому из них не приходилось видеть. А начерчена она была на куске невыделанной кожи.

К наступлению темноты они достигли дворца принцессы. Пока у нее гостила мать, все оставались на борту, но когда эта страшная гостья покинула остров, все, кто мог ходить, сошли на берег. Их окружили Хлебные Девы — сотня на каждого, — а юноша, рожденный из снов, подал руку дочери Ночи, и все пустились в пляс. Никто из них не забыл этой ночи до конца своих дней.

Рассвет застал их под деревьями сада принцессы, спящими среди цветов. Они отдыхали, пока полдень не отбросил назад тени мачт. Потом принцесса попрощалась с островом и поклялась, что посетит все земли, по которым странствует ее мать, но сюда не вернется никогда. И все Хлебные Девы поклялись в том же. Их было так много, что боялись, корабль не выдержит груза, но он выстоял. Все его палубы исчезли из виду под зеленью одеяний и золотом их волос.

Много приключений ожидало их на пути к городу магов. Можно было бы рассказать о том, как они с молитвами опустили тела своих убитых в морскую пучину, а потом увидели, что ночью те оказались среди снастей судна. Или о том, как некоторые Хлебные Девы вышли замуж за

принцев, которые так долго жили под чарами, что уже не желали иной участи и, обучившись волшебству, построили дворцы на полянах, среди лилий, и скрывались от людских глаз.

Но об этом — в другой книге. А здесь достаточно будет сказать, что, когда корабль подошел к скалам, где возвышался город магов, ученый, который создал сына из сновидений, стоял на башенной стене и смотрел в море. И когда он завидел вдали траурные паруса — черные от копоти, которая ослепила врага, — он подумал, что их затемнили в знак скорби по его погибшему сыну. И тогда он бросился со стены и разбился. Ибо человек не может жить долго, если мертвы его сны.

Глава 18
Зеркала

Читая вслух эту небылицу, я время от времени посматривал на Иону, но ни разу на его лице не появилось и проблеска осмысленного выражения, хотя он не спал. Закончив, я сказал:

— Непонятно, почему ученый подумал, что его сын погиб, когда увидел черные паруса. Правда, у корабля, который посылал великан, тоже были черные паруса, но ведь тот корабль приходил только раз в году, и время уже прошло.

— Я знаю, — проговорил Иона. Его голос звучал совсем вяло.

— Ты хочешь сказать, что знаешь ответ?

Он промолчал, и некоторое время мы сидели в полной тишине: я — со своей коричневой книгой (так настойчиво воскрешавшей в памяти Теклу и наши вечерние встречи), заложив указательный палец на том месте, где мы закончили чтение, и он — прислонившийся спиной к холодной тюремной стенке, а обе его руки — одна из металла, вторая из человеческой плоти — лежали по бокам, как ненужные, забытые вещи.

Вдруг молчание нарушил тоненький голосок:

— Наверное, это очень старая сказка. — Это была все та же девочка, которая поднимала для нас потолок.

Я так беспокоился за Иону, что даже рассердился, что она вклинилась в наш разговор, но Иона пробормотал:

— Да, это совсем древняя история. Герой сказал царю, своему отцу, что, если его постигнет неудача, он вернется в Афины под черным парусом.

Я не знаю, что означала его фраза. Может быть, он бредил, но, поскольку это были чуть ли не последние его слова, я хочу привести их здесь, вслед за легендой, с которой они были связаны.

Одно время мы с девочкой старались заставить его разговориться. Но он хранил молчание, и мы оставили свои попытки. Остаток дня я провел «подле него, и через стражу или около того к нам присоединился Гефор (чей скудный запас разума, как я и предполагал, был уже полностью исчерпан узниками). Я перекинулся несколькими фразами с Ломером и Никарет и попросил их выделить Гефору место в противоположном конце зала.

Что бы ни говорили, почти всех нас временами посещает бессонница. Некоторые и вправду не

засыпают, другие же спят как сурки, но потом с пеной у рта клянутся, что не могли сомкнуть глаз. Одних тревожат кошмары, а немногих счастливчиков посещают восхитительные сновидения. Есть люди, которые твердят, что одно время страдали от бессонницы, но потом «излечились», как будто бодрствование — это болезнь, каковой оно, возможно, и является в действительности.

Что касается меня, то я обычно не вижу запоминающихся снов (хотя бывали и исключения, как убедится читатель, все еще не покинувший меня) и не просыпаюсь раньше утра. Но той ночью мой сон был так необычен, что я часто гадаю, можно ли вообще назвать это сном. Вероятно, это какое-то другое состояние, маскирующееся под сон, как альзабо, наевшись человечины, подделываются под людей.

Если это было следствием естественных причин, то я склонен приписать свое состояние неудачному стечению обстоятельств. Я привык много двигаться, привык к тяжелой работе и вдруг оказался лишенным и того и другого. Сказка из книги с коричневым переплетом немало воз-; действовала на мое воображение, еще больше меня будоражила сама книга, ее связь с Теклой и то, что я теперь нахожусь в самой Обители Абсо-

люта, о которой она так часто рассказывала. Что еще важнее, меня угнетала тревога за Иону и ощущение (которое все росло и росло во мне), что это конец моего путешествия и я никогда не попаду в Траке, никогда не воссоединюсь с бедной Доркас, никогда не верну Коготь его владельцам и даже не сумею избавиться от него. Мне приходило в голову и то, что Творец, которому служил Коготь, постановил, чтобы я, ставший свидетелем гибели стольких несчастных, заключенных в темницу, окончил свои дни как один из них.

Я заснул, если это можно назвать сном, всего лишь на миг. Меня охватило ощущение падения; судорога, а затем инстинктивное оцепенение жертвы, выброшенной из окна, сковало мои члены. Я сел и не увидел вокруг себя ничего, кроме темноты. Я слышал дыхание Ионы, а пошарив рукой, понял, что он все еще сидит, прислонившись к стене. Снова лег и провалился в сон.

Вернее, я старался заснуть и находился в неопределенном состоянии полусна-полубодрствования. В другое время оно показалось бы мне приятным, но только не теперь: я осознавал потребность в сне и понимал, что не сплю. И все же это не было обычным бодрствованием, ибо я слышал слабые голоса во дворе гостиницы,

каким-то образом чувствовал, что сейчас зазвонят колокола на звоннице и наступит день. Мои члены снова дернулись, и я оказался в сидячем положении.

Мне было померещилось, что я видел вспышку зеленоватого света, но ничего не произошло. Я накрылся плащом, и мгновения, необходимого для этого действия, хватило, чтобы я вспомнил, что нахожусь в вестибюле Обители Абсолюта, а гостиница в Сальтусе осталась далеко позади, хотя Иона и лежал рядом со мной на спине, закинув за голову здоровую руку. Слабое свечение, которое я видел, оказалось белком его правого глаза, хотя дышал он как спящий. Я сам был еще слишком сонным, чтобы говорить, к тому же предчувствовал, что он все равно не станет мне отвечать.

Я снова лег и разозлился из-за того, что сон никак не идет. Я вспомнил стадо, которое проходило через Сальтус, пересчитал скот по памяти — сто тридцать семь. Потом снова увидел солдат, с песней поднимавшихся от Гьолла. Хозяин гостиницы спросил меня об их численности, а я назвал число наобум, хоть до нынешнего момента и не думал их считать. Может, он шпион…

Мастер Палаэмон учил нас чему угодно, кроме

искусства засыпать — ни один из учеников не испытывал в том нужды, потому что весь день мы отскребали грязь и работали на кухне, вдобавок нами помыкали все кому не лень. Каждый вечер перед сном мы бушевали в спальне, а потом спали не хуже обитателей некрополя, пока нас не будили, чтобы послать натирать полы и выносить помойные ведра.

На столе, где Брат Айберт нарезает мясо, — ряд ножей. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь ножей, у всех лезвие более плоское, чем у мастера Гурло. У одного отлетела заклепка на ручке, у другого ручка слегка обгорела, потому что Брат Айберт оставил его на очаге…

Я снова проснулся или думал, что проснулся, сам не зная почему. Рядом со мной дрыхнул Дротт. Я закрыл глаза и тоже постарался заснуть.

Триста девяносто ступеней от земли до нашей спальни. Сколько до площадки на башне, где стоят пушки? Раз, два, три, четыре, пять, шесть пушек. Раз, два, три этажа камер в подземелье. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь крыльев на каждом этаже. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать камер в

каждом крыле. Раз, два, три решетки на окошке в двери моей камеры.

Я вздрагиваю и просыпаюсь в холодном поту, но звук, разбудивший меня, — всего лишь лязг засова в конце коридора. Рядом со мной лежит мой возлюбленный, Северьян, объятый легким сном, свойственным юности. Я сажусь, подумав, что хорошо бы зажечь свечу, чтобы насладиться свежими красками этого точеного лица. Каждый раз, приходя ко мне, он приносит частицу свободы, сияющую на его лице. И каждый раз я беру эту частицу, и вдыхаю ее, и прижимаю это лицо к груди, и всякий раз она тускнеет и исчезает. Но иногда этого не происходит, и тогда, вместо того чтобы еще больше погрязнуть под слоем металла и земли, я взмываю через металл и землю к небу и ветру.

Или я сама себя в этом убеждала. Но даже если и так, все равно единственной моей радостью оставалось его лицо, озаренное свободой.

Но когда я потянулась за свечой, рука обнаружила пустоту, а глаза, уши и даже кожа сообщили, что вместе с нею исчезла и моя камера. Свет был тусклым, совсем ничтожным, но не таким, что исходит от свечи палача в коридоре и проникает ко мне через три прута решетки в окошке каме-

ры. Слабое эхо возвещало о том, что помещение, куда я попала, обширнее, чем целая сотня таких камер. Щеки и лоб, стершиеся от постоянной близости каменных стен, говорили о том же.

Я встала, оправила платье и двинулась вперед почти как сомнамбула…. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь шагов, затем запах скученных тел и спертый воздух… Теперь я знала, где нахожусь. Это вестибюль! Я ощутила укол в сердце. Неужели Автарх приказал перевести меня сюда, пока я сплю? Пощадят ли меня другие, когда приедут с бичами? Дверь! Дверь!

Я едва не упала, повергнутая волной смятения, захлестнувшей рассудок.

Я сжала руки, но руки не были моими. Левая рука встретила руку слишком крупную и сильную, в тот же миг правая ощутила то же самое.

Текла покинула меня, как уходит сон. Или, вернее, все время уменьшалась, пока не превратилась в ничто и растворилась во мне, и тут я снова стал самим собою.

И все же я успел поймать тот момент. В моей памяти запечатлелась дверь, через которую по ночам приходят молодые экзультанты со своими светящимися бичами из крученой проволоки. И все остальное, что я видел и слышал. Завтра я

могу бежать. Или прямо сейчас.

— Извини, — раздался шепот, — куда подевалась та дама?

Все то же дитя — темноволосая девочка с ночными глазами. Я спросил ее, о ком она говорит.

Она уцепилась за мою руку крошечными ладошками.

— Я видела даму. Высокую даму, и мне страшно. В темноте прячется ужас. Он нашел ее?

— Ты же не боишься того, что в темноте, разве не помнишь? Ты смеялась над зеленым лицом.

— Это совсем другое. Что-то темное, пыхтевшее в темноте. — В ее голосе слышался неподдельный страх, а руки дрожали.

— Какой была эта дама?

— Не знаю. Я увидела ее только потому, что она была темнее, чем тени, но сразу поняла, что это дама, по ее походке. А когда я подошла посмотреть, тут никого не было, кроме тебя.

— Теперь понятно, — ответил я, — хотя от всей души надеюсь, что тебе никогда не придется этого понимать. Возвращайся к матери и ложись спать.

— Оно бродит вдоль стены, — прошептала девочка. Потом выпустила мою руку и исчезла, но я уверен, что она не поступила, как ей было

велено. Наверняка она, в конце концов, последовала За нами с Ионой, потому что уже дважды мельком видел ее с тех пор, как вернулся сюда, в Обитель Абсолюта. Не сомневаюсь, что она питается тем, что удается украсть. (Возможно, она частенько возвращалась в вестибюль за едой, но я приказал выпустить всех заключенных, даже если придется — а я думаю, что без этого не обойтись, — выгонять их на свободу силой. Я также приказал, чтобы ко мне привели Никарет. И несколько минут назад, когда я писал о нашем пленении, вошел дворецкий и доложил, что она ожидает приема.) Иона лежал в той же позе, в какой я его оставил, и в темноте снова светились белки его глаз.

— Ты говорил, что для того, чтобы не лишиться рассудка, должен выбраться отсюда, — потормошил я его. — Пошли. Тот, кто послал ночниц, кем бы он ни был, уже взялся за другое оружие. Но я знаю выход, и мы идем немедленно.

Он не шевельнулся. Наконец я взял его за руку и поднял. Наверное, металлические части его тела были выкованы из того белого сплава, что обманчиво легок на подъем. Иона весил не больше мальчика. И металл, и плоть были влажными и скользкими на ощупь. Ту же омерзительную

слизь ощутила моя нога на полу. То, о чем предупреждала меня девочка, кем бы оно ни было, пришло и ушло, пока меня не было, но искало оно не Иону.

Дверь, через которую проникали мучители узников, оказалась поблизости от нас, в центре самой дальней стены вестибюля. Она отпиралась при помощи заклинания, как почти все древние двери. Я шепнул нужное слово, и мы прошли в тайную нишу, оставив дверь открытой. Бедный Иона ступал так скованно, словно весь целиком был сделан из металла.

Узкая винтовая лестница, затянутая паутиной — произведением бесцветных пауков, и покрытая толстым слоем пыли, вела вниз. Это я хорошо помню, но все остальное стерлось из памяти. Что бы ни ждало нас впереди, в затхлом воздухе веяло свободой, даже просто вдыхать его было великой радостью, и хотя тревога не покидала меня, хотелось громко смеяться. На многих площадках мы замечали потайные двери, но существовал шанс — и даже очень серьезный, — что за ними мы можем кого-нибудь встретить, зато сама лестница казалась безопасной. Я хотел оказаться как можно дальше от вестибюля, прежде чем мы столкнемся с кем-нибудь из обитателей Обители

Абсолюта.

Спустившись примерно на сотню ступеней, мы обнаружили дверь, на которой был начерчен ярко-красный знак — в языках Урса подобных букв я не встречал. Спустя мгновение я услышал шаги наверху. На двери не было ни замка, ни ручки, но я навалился на нее всем весом, и после непродолжительного сопротивления она открылась. Иона последовал за мной. Дверь так быстро захлопнулась за нами, что я ожидал страшного грохота, но так и не дождался.

В комнате было почти темно, но когда мы вошли, свет стал гораздо ярче. Удостоверившись, что кроме нас там никого нет, я воспользовался этим светом, чтобы хорошенько рассмотреть Иону. Лицо его все еще было неподвижным, — как тогда, в вестибюле, когда он сидел у стены, но уже не пугало своей безжизненностью. Оно стало похожим на лицо человека, пробуждающегося от сна, а по щекам пролегли влажные бороздки слез.

— Ты меня узнаешь? — спросил я, и он молча кивнул. — Иона, я должен вернуть «Терминус Эст», если смогу. Я бежал, как последний трус, но теперь у меня была возможность подумать, и я считаю, что должен возвратиться за ним. В

ножнах письмо к архону Тракса, да и все равно, я не перенесу разлуки с этим оружием. Но если ты попробуешь выбраться отсюда без меня, я тебя пойму. Ты ко мне не привязан.

Казалось, он не слышит ни единого слова.

— Я знаю, где мы, — проговорил он, вытянув руку и указывая на что-то, что я вначале принял за складную ширму.

Я был так рад, что он заговорил, что, хотя бы для того, чтобы просто еще раз услышать его голос, спросил:

— Так где же мы?

— На Урсе, — раздался ответ, и он направился к сложенным панелям. На обращенной к нам стороне имелось что-то вроде россыпи бриллиантов. Я разглядел и корявые эмалевые знаки, как тот, что я видел на двери. Но эти буквы не показались мне более странными, чем то, что произошло с Ионой, когда он раздвинул панели. Его былая скованность исчезла без следа, но прежним Ионой он не стал.

Именно тогда я все понял. Каждому из нас, наверное, приходилось видеть, как человек, потерявший руку (подобно Ионе) и заменивший ее протезом, совершает какое-нибудь действие, в котором участвуют обе руки — и настоящая и

искусственная. То же самое я наблюдал, когда Иона возился с панелями, но дело в том, что чужой казалась его рука из плоти и крови. Тогда я понял и его слова о том, что при крушении корабля было уничтожено его лицо.

Я пробормотал:

— Глаза… Они не могли заменить глаза. Верно? И дали тебе это лицо. А он был мертвым?

Взгляд Ионы ясно говорил о том, что он едва ли до этого осознавал мое присутствие.

— Он был на площадке, — после долгого молчания ответил он. — Мы убили его случайно. Мне потребовались его глаза, горло и некоторые другие части.

— Так вот почему ты терпел общество палача. Ты машина.

— Ты ничуть не хуже, чем все остальное ваше племя. Помни, что задолго до того, как мы повстречались, я стал одним из вас. Теперь я хуже, чем ты. Ты бы не бросил меня, а я тебя бросаю. У меня появился шанс, и именно к нему я стремился долгие годы, обшаривая все семь континентов этого мира в поисках иеродулов и пытаясь приспособить ваши неуклюжие механизмы.

Я вспомнил, что произошло с тех пор, как я принес нож Текле, и, хотя не вполне понимал его

слова, сказал:

— Если это твой единственный шанс, иди, и удачи тебе. Если я когда-нибудь встречу Иоленту, скажу ей, что ты любил ее, и ничего больше.

Иона покачал головой.

— Неужели ты не понял? Я вернусь за ней, когда меня исправят. Когда стану здравым и цельным.

Потом он вступил в круг панелей, и в воздухе над его головой появилось нестерпимо яркое сияние.

Как глупо называть их зеркалами. По сравнению с зеркалами они то же самое, что небесный свод — по сравнению с воздушным шариком. Конечно, они отражают свет, но это, как мне представляется, всего лишь часть их истинного назначения. А оно в том, чтобы отражать истинную реальность, метафизическую субстанцию, что лежит в основе материального мира.

Иона задвинул за собой панели и передвинулся в центр круга. Некоторое время, в течение которого можно прочесть самую короткую молитву, какие-то провода и сияющая металлическая пыль плясали над панелями, потом все исчезло, и я остался один.

Глава 19
Кладовые

Я остался один, а ведь с тех пор как я вошел в комнату полуразвалившейся городской гостиницы и увидел широченные плечи Балдандерса, не прикрытые одеялами, мне ни разу не приходилось оставаться одному. Был доктор Талое, потом Агия, потом Доркас, потом Иона. На меня снова навалилось бремя памяти, и я увидел отчетливый силуэт Доркас, великана и всех остальных, как видел их, когда меня с Ионой вели через сливовую рощу. А еще жонглеры, дрессировщики, лицедеи. Несомненно, они направлялись в ту часть сада, которая (как часто рассказывала мне Текла) предназначалась для увеселений под открытым небом.

Я принялся обыскивать комнату в смутной надежде обнаружить свой меч именно в ней, но тут мне пришло в голову, что поблизости от вестибюля, наверное, есть какое-нибудь хранилище, где держат вещи узников, — скорее всего, на том же этаже. Лестница, по которой мы спустились, могла привести меня только в сам вестибюль. Выход

из комнаты с зеркалами привел меня в другое помещение, где хранились странные предметы. Наконец, я случайно обнаружил дверь, открывавшуюся в темный тихий коридор, устланный ковром и увешанный картинами. Я надел маску и набросил плащ, решив, что, хотя стража, которая схватила нас в лесу, ничего не знала о моей гильдии, те, кого я могу встретить здесь, в залах Обители Абсолюта, могут оказаться не столь невежественны.

По воле случая никто со мной не заговорил. Мужчина в богатой и изысканной одежде отпрянул к стене, а несколько красивых женщин остановили на мне любопытные взгляды. Я чувствовал, как при виде их лиц во мне всколыхнулась память о Текле. Наконец, я набрел на другую лестницу — не узкую, потайную, а парадную, с большими пролетами и широкими ступенями.

Немного поднявшись, я обследовал один из коридоров, убедившись, что все еще нахожусь ниже вестибюля, потом снова стал подниматься, когда вдруг увидел молодую женщину, которая спешила по лестнице мне навстречу.

Наши глаза встретились.

В тот миг я был совершенно уверен — она, как и

я, поняла, что нам уже доводилось глядеть в глаза друг другу. В памяти моей звучал ее воркующий голосок: «Моя дражайшая сестрица…», а лицо сердечком заняло в ней надлежащее место. Нет, это была не Теа, супруга Водалуса, но очень похожая на нее женщина (несомненно, одолжившая и ее имя), мимо которой я прошел на лестнице в Лазурном Доме — она спускалась, я поднимался — точно так же, как сейчас. Стало быть, ни одно празднество не может обойтись не только без лицедеев, но и без шлюх.

Я нашел этаж, где находился вестибюль, лишь благодаря чистейшей случайности. Едва я сошел с лестницы, как понял, что оказался как раз в том месте, где стояли хастарии, когда мы с Никарет беседовали у серебряной каталки. Именно это место и было самым опасным, поэтому я замедлил шаг. Справа виднелось примерно с полдюжины дверей: все в резных деревянных рамах, и все при ближайшем рассмотрении оказались забитыми наглухо и посеревшими от старости. Слева была только одна дубовая, источенная жучком дверь, через которую солдаты протащили нас с Ионой. Напротив нее открывался вход в вестибюль, а за ним — тоже ряд заколоченных дверей, в конце которого виднелась вторая лестница. По-види-

мому, вестибюль занимал весь этаж этого крыла Обитатели Абсолюта.

Я бы и не подумал замешкаться, если бы коридор не оказался совершенно пустым. На мгновение я прислонился к колонне второй винтовой лестницы. Тогда меня вели два стражника, а третий нес «Терминус Эст». Резонно было бы предположить, что, когда нас с Ионой втолкнули в вестибюль, этот третий уже преодолел несколько ступеней, и направился в место, предназначенное для хранения оружия, которое отбирали у задержанных. Но память отказала мне; тот солдат остался сзади, когда мы стали спускаться по ступеням грота, и больше я его не видел. Может, он вообще не пошел за нами.

В отчаянии я вернулся к двери, источенной жучком, и открыл ее. Гниловатый запах колодца сразу же хлынул в коридор, и я опять услышал музыку зеленых гонгов. Там, наверху, царила ночь. Неровные стены были невидимы — только пятна светящихся грибов. Лишь диск, испещренный точками звезд, обозначал место, где колодец открывался наружу.

Я прикрыл дверь. Не успела она захлопнуться, как на лестнице послышались шаги. Спрятаться было некуда. Добраться до второй лестницы,

прежде чем меня увидят, я не успел бы. Можно было проскочить наружу, но я решил остаться на месте.

Появился плотный человечек лет пятидесяти, одетый в ливрею. Несмотря на длину коридора, я заметил, что при виде меня его лицо побледнело. Однако он поспешил мне навстречу, а оказавшись на расстоянии двадцати или тридцати шагов, начал отвешивать поклоны и заговорил:

— Чем могу служить, твоя честь? Мое имя Одило. Я здесь управителем. Вижу, ты с конфиденциальным поручением к… Отцу Иниру?

— Да, — не раздумывая подтвердил я. — Но сначала мне бы хотелось получить свой меч.

Я надеялся, что он уже видел «Терминус Эст» и знает, где его искать, но он ответил непонимающим взглядом.

— Когда я прибыл, меня попросили сдать оружие и сказали, что вернут его, как только мои услуги понадобятся Отцу Иниру.

Маленький человечек решительно замотал головой.

— Уверяю тебя, я занимаю такое положение, что мне немедленно сообщили бы, если бы слуги…

— Я говорил с преторианцем.

— А-а, конечно, мне следовало бы сразу дога-

даться. Их тут видимо-невидимо, и никто никому ничего не докладывает. Твоя честь, дело в том, что сбежал один из заключенных. Может, ты знаешь…

— Нет.

— По имени Бевзек. Говорят, он неопасен. Его и еще одного преступника обнаружили прячущимися в беседке. Однако этот Бевзек как-то умудрился вырваться и был таков. Стража все твердит, что его вот-вот поймают. Не знаю, не знаю. Я провел в Обители Абсолюта всю жизнь, и в нем масса очень странных уголков. Весьма странных.

— Наверное, мой меч как раз в одном из них. Не мог бы ты взглянуть?

Он отступил, как будто я замахнулся.

— Разумеется, твоя честь, разумеется. Я всего лишь хотел поддержать приятную беседу. Возможно, он прямо здесь, внизу. Если ты последуешь за мной…

Мы прошли ко второй лестнице, и тут я понял, что впопыхах проглядел под ней узенькую дверцу. Она была покрашена белой краской и почти сливалась с каменной стеной.

Управитель достал тяжелую связку ключей и открыл дверь. За ней оказалась треугольная

комната гораздо больших размеров, чем мне представлялось. В дальнем конце от двери, под потолком, имелось нечто вроде антресолей, к которым вела деревянная лесенка. Комнату освещали такие же светильники, как в вестибюле, только пользы от них было еще меньше.

— Ну как, не видать твоего меча? — спросил управитель. — Погоди-ка, где-то здесь должна быть свеча. На этих полках при таком освещении ничего не разглядишь.

Пока он говорил, я обшаривал полки. Они были завалены одеждой, среди которой вдруг попадались то пара башмаков, то карманный ножик, то флакон с духами.

— Когда я сам был еще подростком, кухонные мальчишки все время ломали запор и хозяйничали здесь. Я положил этому конец — повесил надежный замок, но поздно — самое ценное наверняка пропало.

— А что это за комната?

— Поначалу — кладовка. Нечто вроде раздевалки для просителей. Плащи, шляпы, башмаки — ну, словом, можешь себе представить. Здесь всегда была куча барахла. Те, что отсюда выходили, обычно на радостях и не вспоминали про свои вещи, а поскольку это крыло всегда принадлежа-

ло Отцу Иниру, много было и таких, кто, придя повидать его, оставались здесь на всю жизнь. Зато уж кому удалось выйти, те больше никогда не появлялись. — Он помолчал, оглядываясь по сторонам. — Мне пришлось дать солдатам ключи, чтобы они не взломали дверь, когда искали этого Бевзека, так что, я думаю, они могли занести твой меч сюда. А если не сюда, так, наверное, в караульную комнату. Этот ведь не твой, верно? — Он вытащил из угла старый эспадрон.

— Да, не очень-то похож.

— Боюсь, больше оружия здесь нет. Я могу объяснить тебе, как пройти в караульное помещение. Или, если прикажешь, разбужу одного из пажей и пошлю его.

Лестница на антресоли еле держалась, но я взял у управителя свечу и вскарабкался наверх. Не потому, что солдаты могли засунуть сюда «Терминус Эст» — просто нужно было немного подумать о перспективах, открывающихся передо мной.

Взбираясь, я услышал наверху шорох и решил, что это шмыгнул прочь какой-нибудь грызун, но когда моя голова оказалась над настилом, я при свете свечи увидел маленького человечка — того самого, что был вместе с Гефором на дороге. Он стоял на коленях, глядя на меня умоляющим

взглядом. Это, без сомнения, был Бевзек. Я вспомнил имя, только когда увидал его.

— Что там, твоя честь?

— Тряпье. Крысы.

— Так я и думал, — проговорил управитель, пока я делал шаг с последней перекладины. — Конечно, не стоило тебя утруждать, но в мои годы непросто иметь дело с такими ненадежными сооружениями. Изволишь сам пройти в караульное помещение или поднять мальчика?

— Я пойду сам.

Он кивнул с понимающим видом.

— Я тоже думаю, что так сподручней. Они могут не отдать меч пажу и даже не признаются, что он у них. Ты сейчас находишься в Крыле Правосудия, как тебе, должно быть, известно. Если не хочешь терять времени на разговоры с караульными нарядами, наружу не выходи. Потому лучше всего будет подняться по этой лестнице на три пролета и повернуть налево. Дальше пройдешь по галерее около тысячи шагов до оранжереи. Там темно, поэтому смотри хорошенько, пока не увидишь растения. Потом сверни направо в оранжерею и пройди еще двести шагов. Там всегда часовой у дверей.

Я поблагодарил его и, пока он возился с замком,

ухитрился довольно далеко проскочить вверх по лестнице. На первой же площадке я укрылся в коридоре, пропустив его вперед. Потом снова спустился в коридор перед вестибюлем.

Предположим, мой меч в какой-нибудь караулке. Тогда очень мало надежды на то, что я смогу вернуть его мирным путем. Поэтому я хотел удостовериться, что его действительно нет в более доступном месте, прежде чем пытаться выкрасть его или же добывать силой. Еще мне казалось возможным, что на него мог случайно наткнуться Бевзек, пока ползал по разным закоулкам, и не мешало бы расспросить беглеца.

Между тем меня беспокоили и узники вестибюля. К тому времени они должны были уже обнаружить потайную дверь, которую мы оставили открытой, и расползтись по всему крылу Обители Абсолюта. Значит, скоро кто-нибудь из них попадется, и тогда начнутся поиски остальных.

Добравшись до двери в кладовку, я приложил к ней ухо, надеясь услышать Бевзека. Но оттуда не доносилось ни звука. Я тихонько позвал его по имени и не получил ответа, потом надавил на дверь плечом. Она не поддалась, а ударить посильнее я боялся. Наконец, я умудрился просу-

нуть край огнива, что дал мне Водалус, в дверную щель и сломать замок.

Бевзек исчез. После непродолжительных поисков я обнаружил в задней стене кладовки дыру, которая открывалась в узкий проход между стенами. Наверное, оттуда он проник в кладовку в поисках места, где мог бы поспать, вытянув ноги, а теперь улизнул туда же. Говорят, в заброшенных лабиринтах Обители Абсолюта живут белые волки, которые давным-давно забрели из окрестных лесов и поселились там. Может быть, Бевзек стал жертвой этих существ, ибо больше я его никогда не видел.

Но той ночью я не собирался искать его. Я приладил на место дверь и как мог замаскировал взломанный замок. И только тогда я обратил внимание на то, что все это помещение было совершенно симметричным: вход в вестибюль в центре, по обеим сторонам две дубовые двери, а дальше две лестницы. Я подумал, что это крыло было отдано на откуп Отцу Иниру, как сообщил служитель и подтверждало название, именно потому, что в нем, по крайней мере отчасти, присутствовал принцип зеркального отражения. А если это так, то под второй лестницей должна находиться такая же кладовая.

Глава 20
Картины

Правда, непонятно было, почему Одило не проводил меня и туда, но я не стал над этим задумываться, а стремительно проскочил коридор. Когда я добежал до кладовой, ответ стал ясен сам собой. Дверь в нее давным-давно была сломана — не замок, а вся дверь, — так что только два куска дерева оставались висеть на ржавых петлях. Светильника внутри тоже не было. Во всем помещении безраздельно властвовали тьма и пауки.

Я уже повернул назад, как вдруг замер, охваченный чувством, что совершил роковую ошибку. Подобное ощущение часто накатывает на человека, еще до того как он понимает, в чем, собственно, состоит его оплошность. Ведь Иону и меня привели в вестибюль под вечер. Той же ночью приходили с бичами юные экзальтанты. Только на следующее утро взяли Гефора. По-видимому, тогда же удрал от преторианцев Бевзек, а управитель передал солдатам ключи, чтобы те могли обыскать все помещения подземелья. Когда Одило говорил со мной несколько мгнове-

ний назад, я сказал, что мой меч забрала охрана — стало быть, он счел, что я прибыл в Обитель Абсолюта уже после побега Бевзека.

А на самом деле все обстояло иным образом. Значит, стражник, который нес «Терминус Эст», никак не мог оставить меч в той кладовке, которую мы осматривали с управителем, потому что она была заперта.

Я вернулся к кладовой со сломанной дверью. В слабом свете из коридора было видно, что в ней некогда тоже были полки, как в комнате-близнеце. Теперь стены были голыми, а полки, наверное, отправились выполнять свое назначение в другое место. Остались лишь крюки, без дела висящие на стенах. Казалось, внутри совсем пусто, но я отлично понимал, что ни один солдат не захотел бы сделать и шагу за порог, в пыль и паутину. Даже не заглядывая внутрь, я наудачу пошарил рукой за притолокой сломанной двери и тут же испытал непередаваемое чувство узнавания с примесью торжества — моя рука нащупала любимую рукоятку.

Я снова стал полноценным человеком. Даже гораздо больше, чем простым смертным, — я был подмастерьем гильдии. Прямо в коридоре я убедился, что письмо, спрятанное в ножнах, на

месте, потом обнажил сияющий клинок, вытер его, смазал и снова вытер. На ходу я все проверял лезвие, пропуская его между большим и указательным пальцами. Теперь пусть попробует явиться ночной охотник!

Следующим ходом я собирался разыскать Доркас, но ничего не знал о докторе Талосе и его труппе, кроме того, что они должны были участвовать в некоем празднике в саду — без сомнения, в одном из многих. Если бы я вышел наружу немедленно, то был бы так же невидим для стражи, как и они для меня. Но я вряд ли нашел бы то, что искал, а как только солнце показалось бы над горизонтом, меня без труда обнаружили бы, как застигли врасплох нас с Ионой, стоило нам ступить на эту землю. Но, оставшись в Обители Абсолюта, я мог бы, как доказывал мой опыт с управителем, не только беспрепятственно перемещаться, но и получать нужные мне сведения. Я решил придерживаться версии, что приглашен на празднество (мне подумалось, что нет ничего невероятного в том, что показательные пытки входят в программу увеселений) и заблудился, выйдя из своей спальни. Тогда меня могли бы направить туда, где разместили Доркас и всех остальных.

Обдумывая свой план, я снова стал подниматься по лестнице, а на второй площадке свернул в новый коридор, длиннее и более пышно обставленный, чем прежние. На стенах висели картины в позолоченных рамах, а между ними стояли на постаментах вазы, статуи и неизвестные мне предметы. Двери отстояли друг от друга примерно на сотню шагов, что говорило о наличии за ними огромных помещений, но все они были заперты. Потрогав ручки, я почувствовал, что они сделаны из незнакомого мне металла, а их форма явно не предназначена для человеческой кисти.

Пройдя по коридору примерно с пол-лиги, я увидел впереди человека, сидящего, как мне сначала показалось, на высоком табурете. При ближайшем рассмотрении то, что я принял за табурет, оказалось лестницей-стремянкой. На ней стоял старик и расчищал картину.

— Прошу прощения, — начал я.

Он обернулся и изумленно уставился на меня.

— Кажется, мне знаком этот голос…

И тут я тоже узнал его голос, а заодно и лицо. То был смотритель Рудезинд — тот самый старик, которого я впервые увидел, когда мастер Гурло послал меня в библиотеку за книгами для шатлены Теклы.

— Тебе нужен Ультан. Все еще его ищешь?

— Нет, я нашел его, — осторожно ответил я, — но это было довольно давно.

Кажется, он рассердился.

— Я же не говорю, что это было сегодня. Но не так уж и давно. Я помню пейзаж, над которым тогда трудился, и это было недавно.

— Я тоже помню. Коричневая пустыня, отражающаяся в забрале человека, облаченного в доспехи. Он кивнул, а его злость сразу улетучилась. Придерживаясь за края стремянки и не выпуская из руки губку, он стал спускаться.

— Совершенно верно. Та самая картина. Не хочешь ли взглянуть? Получилось совсем недурно.

— Мастер Рудезинд, мы же в другом месте. Это было в Цитадели. А теперь мы в Обители Абсолюта.

Старик не обратил на мои слова никакого внимания.

— Да, совсем недурно… Она где-то здесь, внизу. Что значит старые мастера! Таланта им не занимать, только краски уже выцвели. А я, позволь заметить, в искусстве разбираюсь. Видал я здесь и экзультантов, и армигеров. Приходят, смотрят, болтают то да се, а я-то вижу, что никто из них ровным счетом ничего не понимает. Кто знает

как свои пять пальцев каждый кусочек на любом полотне? — Он ударил себя губкой в грудь, потом наклонился к моему уху и прошептал, хотя в длинном коридоре кроме нас никого не было:

— Хочешь, открою тебе один секрет? На одной из этих картин — я!

Из вежливости я сказал, что жажду взглянуть.

— Нет, я пока не нашел ее, но ищу. Я ищу, и когда найду, покажу тебе. Вот почему я все время тружусь. Да я давно мог бы уйти на отдых, но все еще здесь. Никто не пробыл здесь дольше меня, кроме разве что Ультана. Но он уже слеп, как крот. — Старик разразился хриплым каркающим хохотом.

— Не мог бы ты помочь мне? Где-то здесь должны быть артисты, которых призвали на праздник. Не знаешь, где их разместили?

И — Что-то такое я слыхал, — неуверенно пробурчал Истарик. — Зеленая Комната — вот как ее называют. И — А не мог бы проводить меня туда? И Он покачал головой.

И — Там нет картин, поэтому я там никогда не бывал. Зато есть картина, где она изображена. Идем-ка со мной. Я покажу ее тебе.

И Он потянул меня за край плаща, а мне ничего не оставалось, как последовать за ним. И — Луч-

ше бы ты отвел меня к кому-нибудь, кто покажет саму комнату.

И — Это тоже в моих силах. У старого Ультана в библиотеке есть карта. Мальчишка найдет. И — Это не Цитадель, — снова напомнил я. — Кстати, мастер Рудезинд, как ты здесь оказался? Тебя пригласили следить за картинами?

— Правильно, правильно. — Он оперся на мою руку. — Всему есть логическое объяснение, об этом нельзя забывать. Отец Инир захотел, чтобы я следил за его картинами, и вот я здесь. — Он помолчал немного, собираясь с мыслями. — Погоди-ка минутку, что-то я не о том… Талант проявился во мне уже в детском возрасте — вот о чем я должен тебе рассказать. Мои родители, знаешь ли, всегда поощряли меня и позволяли мне рисовать часами. Помню, один раз я провел весь солнечный летний день, расписывая стену нашего дома цветными мелками.

По левую сторону открылся новый коридор, поуже. Мастер Рудезинд потащил меня в него. Несмотря на слабое освещение и недостаток пространства, так что зритель никак не мог оказаться на нужном расстоянии от картины, он был увешан огромными полотнами, значительно превышавшими по размерам те, что висели в

главной галерее, — от пола до потолка в высоту и шире, чем расстояние между кончиками пальцев вытянутых в стороны рук. Насколько я мог судить, это была просто мазня. Я спросил Рудезинда, почему он вдруг решил, что должен рассказывать мне о своем детстве.

— Как почему? По велению Отца Инира, конечно, — удивился он и склонил голову набок, разглядывая мое лицо. — А почему же еще? — Он понизил голос. — Говорят, он слишком стар… Сколько автархов сменилось после Имара, а советником у всех был он… Теперь помолчи и не мешай мне рассказывать. Я найду тебе Ультана.

Однажды к нам пришел художник — настоящий художник. Мать так гордилась моими рисунками! Она показала их ему. Это был Фехин, сам Фехин. Мой портрет его кисти до сих пор где-то среди этих картин и взирает на зрителей моими карими глазами. Я сижу за столом, а на нем кисти и мандарин. Мне его обещали дать, если буду сидеть спокойно…

Я перебил его:

— Пожалуй, теперь у меня нет времени, чтобы взглянуть на него.

— Так я сам стал художником. Очень скоро я взялся расчищать и подновлять творения

великих. Так вот, уже дважды я чистил свое собственное изображение. Должен сказать, что при этом испытываешь довольно странное ощущение. Вот бы кто-нибудь пришел с губкой и снял с меня самого налет прожитых лет! Но я же собирался показать тебе совсем другое. Зеленая Комната, если я не ошибаюсь?

— Именно так, — с готовностью подтвердил я.

— Как раз здесь есть ее изображение, так что потом будет нетрудно узнать.

Он указал на одно из огромных грубо намалеванных полотен. На нем была вовсе не комната, а скорее кусок сада — лужайка, огороженная подстриженными кустами, пруд с кувшинками и несколько ив, ветви которых разметал ветер. Мужчина в фантастическом одеянии льянеро играл на гитаре, как казалось, исключительно для собственного удовольствия. За ним сердитые тучи неслись по хмурому небу.

— Вот теперь можно пойти в библиотеку и посмотреть карту старого Ультана.

Картина была написана в той раздражающей манере, когда живопись распадается на отдельные цветовые пятна, если не охватываешь ее взглядом целиком. Я сделал шаг назад, потом другой… Шагнув в третий раз, я ожидал, что

коснусь спиной стены, но не тут-то было. Вместо этого я оказался внутри картины, которая висела на стене: полутемная комната со старинными кожаными стульями и столиками из слоновой кости. Я на мгновение взглянул назад, а когда снова повернул голову, коридор, где я только что стоял вместе с Рудезиндом, исчез — там была стена с ветхой, выцветшей обивкой.

Я непроизвольно потянулся к ножнам и выхватил «Терминус Эст», но сражаться было не с кем. Только я взялся за ручку единственной двери, как она открылась, пропустив человека в желтом одеянии. Короткие белесые волосы были зачесаны назад, открывая выпуклый лоб, а его лицо могло бы принадлежать пухлой сорокалетней женщине. Шею обвивала тонкая цепочка, на которой висел памятный мне флакон в форме фаллоса.

— А-а, — проговорил он. — А я-то думал, кто бы это мог оказаться? Добро пожаловать. Смерть.

Со всем доступным мне самообладанием я ответил:

— Я подмастерье Северьян из гильдии палачей, как вы, наверное, заметили. Мое вторжение произошло помимо моей воли, и, по правде говоря, я был бы чрезвычайно признателен, если бы

мне объяснили, как это случилось. Из коридора эта комната казалась просто нарисованной, но, попробовав отойти к стене, чтобы рассмотреть другую картину, я вдруг очутился здесь. Как это возможно?

— Ничего особенного, — лениво отозвался человек в желтом. — Потайные двери известны с незапамятных времен, а создатель этой комнаты всего-навсего придумал, как скрыть дверь открытую. Комната совсем плоская, она имеет еще меньшую глубину, чем кажется сейчас, если только тебе уже не бросилось в глаза, что потолок не прямоугольный, а задняя стена меньше по высоте, чем та, у которой ты стоишь.

— Верно. Теперь вижу, — кивнул я и действительно убедился в правдивости его утверждений. Пока он говорил, эта кривая комната, которая обманывала зрение и рассудок, привыкшие иметь дело с нормальными пропорциями, стала сама собой. Наклонный потолок, как и пол, имел форму трапеции. Даже стулья, обращенные к стене, через которую я вошел, оказались довольно плоскими предметами обстановки. Вряд ли кто-нибудь умудрился бы усесться на такой стул. Столы были не шире обычной доски.

— В живописи сходящиеся линии обманывают

глаз, — продолжал человек в желтом. — Поэтому, встречаясь с ними в объемном мире, да еще когда эффект усиливается одноцветным освещением, человеку кажется, что он видит очередную картину, особенно если зрение подготовлено созерцанием обычных произведений искусства. Когда ты прошел через проем, вполне реальная стена закрыла его, потому что при тебе было оружие. Думаю, нет нужды говорить о том, что есть и настоящая картина. Она нарисована на дальней стене.

Никогда в жизни я не испытывал подобного удивления.

— Но как могла комната узнать, что у меня меч?

— Это сложнее. Гораздо сложнее, чем устройство этой несчастной комнаты. Вряд ли я смогу дать удовлетвори-; тельное объяснение. Скажу только, что проем ограничен металлическими пластинами, они-то и узнают другие металлы, своих сородичей, когда те пересекают ограниченное ими пространство.

— И все это изобрел ты?

— О нет. Все это… — Он помолчал. — Из этой и еще сотен подобных хитростей состоит то, что мы называем Второй Обителью. Она — творение

Отца Инира. Первый автарх призвал его, чтобы он создал тайный дворец в стенах Обители Абсолюта. Я или же ты, сын мой, несомненно, просто построили бы сеть потайных комнат. Но, по его замыслу, скрытые помещения должны пронизывать всю Обитель и сосуществовать с теми покоями, что доступны всем.

— Но ты не он, — сказал я. — Потому что я тебя знаю! А ты узнаешь меня? — Я сдернул маску, чтобы он увидел мое лицо.

Он улыбнулся.

— Ты посетил нас всего лишь раз. Наша девушка плохо выполняла свои обязанности?

— Она доставила мне меньше удовольствия, чем ее соперница, или, вернее, мне больше нравилась другая женщина. Сегодня я потерял друга, но, как видно, взамен мне суждено повстречать немало старых знакомых. Позволь узнать, что заставило тебя покинуть Лазурный Дом? Тебя вызвали на время празднеств? Я недавно видел здесь одну из твоих женщин.

Он равнодушно кивнул. Зеркало неправильной формы, висевшее над трюмо этой странной плоской комнаты, отразило его профиль, тонкий, как профиль на камее, и я решил, что он, должно быть, гермафродит. Когда я представил себе, как

он, ночь за ночью, открывает двери мужчинам в своем заведении в Веселом квартале, во мне всколыхнулась жалость и пришло ощущение беспомощности.

— Да, — ответил он, — я пробуду здесь праздники, а потом уеду.

Перед моим внутренним взором все еще стояла картина, которую мне показал старый Рудезинд, и я попросил:

— Тогда ты, наверное, можешь показать мне дорогу в сад.

Я сразу почувствовал, что он растерялся, может быть, впервые за много лет. В его глазах мелькнула боль, а левая рука дернулась (едва заметно) к флакону на шее.

— Значит, ты слышал… Допустим, я и вправду знаю дорогу, но с какой стати я должен открыть ее тебе? Слишком многие захотят ей воспользоваться, если морской странник завидел землю.

Глава 21
Гидромантия

Прошло несколько мгновений, прежде чем до меня наконец дошло, что же он в действительности произнес. Потом мои ноздри наполнились одуряюще сладким запахом жареной плоти Теклы, и я, казалось, снова услышал беспокойный шорох листьев. Я был так ошеломлен, что мне даже не пришло в голову, насколько нелепы какие бы то ни было предосторожности в этой комнате, которая вся — не что иное, как обман, и осмотрелся вокруг в поисках соглядатаев.

Потом я вдруг почувствовал, что рука помимо моей воли (я намеревался задать несколько вопросов, прежде чем открыть свою причастность к делам Водалуса) достает из глубины ташки огниво в форме лезвия ножа.

Гермафродит улыбнулся.

— Я чувствовал, что ты можешь оказаться тем самым человеком. Я жду уже несколько дней. Тот старик и многие другие получили распоряжение препровождать ко мне всех приезжих.

— Меня посадили в вестибюль, — ответил я. —

Отсюда и задержка.

— Но, как я вижу, тебе удалось бежать. Вряд ли тебя выпустили бы прежде, чем мой человек об этом позаботился. Хорошо, что ты выбрался сам — у нас не так много времени. Три дня празднества, а потом… Идем, я покажу дорогу в сад, хоть и не могу поручиться, что тебя туда пустят.

Он открыл дверь, через которую вошел, и на этот раз я заметил, что в ней действительно не было ни одного прямого угла. Комната за дверью оказалась не больше первой, но была нормальной формы и пышно обставлена.

— Тебе посчастливилось попасть в нужную часть Обители Абсолюта. В противном случае нам пришлось бы проделать немалый путь. Но сначала мне нужно прочесть послание.

Он подошел к предмету, который я принял за стол со стеклянной столешницей, и положил огниво на полочку под стеклом. Стекло сразу же осветилось, хотя над ним не было источника света. Огниво вдруг стало расти, пока не достигло размеров меча, а полоски, раньше воспринимавшиеся как обычные зубцы, о которые чиркают кремнем, превратились в строки отчетливых знаков.

— Отойди, — приказал гермафродит. — Если

ты не прочел этого раньше, то не должен видеть и сейчас.

Я сделал, как он велел, и некоторое время наблюдал за фигурой, склонившейся над странным предметом, который доставил сюда из лесного царства Водалуса.

Наконец он произнес:

— Ничего не поделаешь, придется сражаться на два фронта. Впрочем, к тебе это не имеет отношения. Видишь вон тот шкаф с овалом на дверце? Открой его и принеси книгу, которую там найдешь. Потом положи ее на эту подставку.

У меня мелькнуло подозрение, не заманивают ли меня в ловушку, но все же я открыл дверцу шкафа. В нем хранилась одна-единственная книга гигантских размеров — высотой чуть ли не с меня, а шириной в добрых два кубита. Перед моими глазами предстала сине-зеленая кожа, и мне вдруг показалось, что я открыл крышку поставленного стоймя гроба. Вложив меч в ножны, я обхватил огромный том обеими руками и водрузил его на подставку. Гермафродит спросил, случалось ли мне видеть эту книгу раньше. Я ответил отрицательно.

— Похоже, ты ее побаиваешься… По крайней мере, ты так старательно отворачивал лицо, пока

ее нес.

Он открыл обложку. Первую страницу покрывали красные незнакомые мне письмена.

— Это предупреждение ищущим пути. Хочешь послушать?

Я признался:

— Когда я открыл шкаф, мне показалось, что я увидел в коже мертвеца, и этот мертвец был мною самим. Он закрыл книгу и провел рукой по переплету.

— Всего лишь переливы краски — работа старинных мастеров. А линии под ней — только шрамы на шкуре замученных животных, следы шипов и бичей. Но если ты боишься, в путь отправляться не стоит.

— Открой книгу, — попросил я. — Покажи мне карту.

— А карты и нет, — усмехнулся он, переворачивая обложку и первую страницу разом. — Есть сама книга.

Я почувствовал, что ослеп. Так грозовой ночью слепит вспышка молнии. Страницы книги казались сделанными из чистого серебра, отполированного настолько, что они ловили каждый крошечный лучик света и отражали его, усиливая в сотни раз.

— Зеркала… — пробормотал я. Уже произнеся это слово, я понял, что нет никаких зеркал, а есть нечто, для чего у нас не нашлось иного слова; кроме «зеркало». То самое, что недавно вернуло Иону к его звездам. — Но откуда берется энергия, если они не обращены друг к другу?

— Подумай, как долго они смотрят друг на друга, пока книга закрыта. Теперь мощность поля какое-то время сохранится. Если решился, ступай!

Я никак не решался. Пока он говорил, в сияющем воздухе над страницами возникла удивительная форма. Не женщина и не бабочка, а нечто, в чем эти два существа сливались воедино. И так же как, глядя на изображение горы на заднем плане картины, мы отдаем себе отчет в том, что в реальности эта гора огромна, так и я твердо знал, что смотрю на это существо из беспредельной дали — крылья его держал протоновый ветер космоса, а весь Урс был не чем иным, как одной из пылинок, вздымаемых их биением. И так же как я смотрел на него, как несколько мгновений назад гермафродит смотрел сквозь стекло на письмена, начертанные на огниве, так и оно смотрело на меня. Оно замерло, потом повернулось ко мне и распахнуло крылья. Я увидел, что

они испещрены множеством глаз.

Книга с треском захлопнулась, как закрывается дверь.

— Что ты видел? — спросил гермафродит. Я лишь испытывал облегчение, что мне не надо больше глядеть на страницы.

— Благодарю, сьер. Кем бы ты ни был, я твой покорный слуга на вечные времена.

Он кивнул.

— Может статься, придет время, и я напомню тебе эти слова. Не стану больше спрашивать о том, что ты видел. Вот, возьми это, вытри лоб. Видение оставило на тебе печать.

Он протянул мне чистую салфетку. Я отер лоб, потому что чувствовал, как по нему струится влага. Салфетка стала алой от крови. Словно прочитав мои мысли, он объяснил:

— Не бойся, ты не ранен. По-моему, у врачей есть для этого какой-то ученый термин. Гематидрозис, кажется. Сильное потрясение, бурные чувства вызывают разрыв мелких кровеносных сосудов. Иногда — по всему телу. Боюсь, останется довольно безобразный синяк.

— Почему ты сделал это? — спросил я. — Я думал, ты собираешься показать мне карту. Единственное, чего я хотел, это добраться до Зеленой

Комнаты, где расположились артисты. Так назвал это место старый Рудезинд. Или послание Водалуса повелевает тебе уничтожить гонца? — С этими словами я потянулся за мечом, но, когда рука легла на знакомую рукоять, я почувствовал, что у меня не хватит сил вынуть его.

Гермафродит рассмеялся. Поначалу эти звуки казались приятными, они будто колебались между женским и мальчишеским тембром; но потом его смех перешел в пьяное хихикание. И тут память, принадлежащая Текле, ожила во мне.

— Так вот чего ты желал? — произнес он, когда сумел взять себя в руки. — Ты просил у меня огня для свечи, а я попытался дать тебе солнце. Немудрено, что ты обжегся. Виноват… Возможно, я просто искал повода для отсрочки, но даже если и так, я не дал бы тебе уйти столь далеко, если бы в послании Водалуса не говорилось, что у тебя Коготь. А теперь, прошу прощения, но ничего не могу с собой поделать — уж больно это забавно. Куда ты отправишься после того, как найдешь эту Зеленую Комнату, Северьян?

— Куда прикажешь. Как ты только что напомнил мне, я служу Водалусу. (На самом деле, я боялся Водалуса, и опасался, что гермафродит может сообщить ему о моем неповиновении.)

— А если приказа не будет? Тебе уже удалось избавиться от Когтя?

— Он со мной, — ответил я.

Наступило молчание. Гермафродит не подавал голоса.

— Доберусь до Тракса, — снова заговорил я. — У меня письмо к архону. Кажется, он должен дать мне работу. Во имя чести своей гильдии я хотел бы туда попасть.

— Хорошо. Насколько сильна в действительности твоя любовь к Водалусу?

И снова я ощутил под рукой рукоять меча. Как я уже говорил, у всех прочих память со временем угасает. Моя же — почти не тускнеет. Туман некрополя окутал мое лицо, и все, что я чувствовал, получив монету от Водалуса и глядя, как он уходит туда, куда не мог последовать за ним, я ощутил заново.

— Я однажды спас его. Он кивнул.

— Тогда вот что ты должен сделать. Добраться до Тракса, как ты и предполагал, убеждая всех, в том числе и себя самого, что ты собираешься занять обещанную тебе должность. Коготь опасен. Знаешь ли ты об этом?

— Да. Судя по словам Водалуса, если станет известно, что он у нас, мы можем потерять под-

держку простых людей.

Гермафродит некоторое время хранил молчание. Потом сказал:

— Пелерин надо искать на севере. Если представится возможность, ты должен отдать им Коготь.

— Именно так я и собираюсь поступить.

— Хорошо. Есть еще кое-что, что тебе предстоит совершить. Автарх сейчас здесь, но задолго до того, как ты попадешь в Траке, он тоже окажется на севере, с армией.

Если он, окажется, будет вблизи Тракса, ты получишь возможность встретиться с ним. В свое время ты узнаешь способ, благодаря которому сможешь лишить его жизни.

Не требовалось и воспоминаний — то, как он произнес последние слова, выдало его с головой. Я хотел было опуститься на колени, но он хлопнул в ладоши, и в комнату беззвучно скользнул сгорбленный человечек, одетый как монах — в рясу с капюшоном. Автарх отдал ему какие-то указания, но я не прислушивался, ибо меня занимало совсем другое.

В целом мире вряд ли найдется зрелище более прекрасное, чем лучи солнца на рассвете, увиденные сквозь тысячи искрящихся струй Пророческого Фонтана. Я не эстет, но, впервые

увидев их танец (о котором столько слышал), почувствовал, будто обновляюсь. До сих пор я часто вспоминаю его, просто для удовольствия, именно таким, каким он предстал передо мной, когда облаченный в рясу прислужник открыл дверь — после бесконечных тесных коридоров Второй Обители — и я увидел серебристые струи, вычерчивающие тайные знаки на солнечном диске.

— Теперь прямо, — раздалось глухое бормотание из-под капюшона. — Дорожка ведет к Древесным Вратам. Среди артистов вы будете в безопасности.

Дверь, затворившаяся за мной, слилась с травянистым склоном холма. Я, споткнувшись, шагнул к фонтану, и ветер освежил мое лицо водяной пылью. Я стоял посреди выложенной серпентином площадки, охваченный желанием узреть будущее в прихотливых формах танцующих лучей. В конце концов я полез в ташку за подношением. Преторианцы забрали все деньги, но пока моя рука ощупывала то немногое, что у меня оставалось (фланель, половинка точильного камня, флакон с маслом для «Терминус Эст», да еще гребень и коричневая книга для меня самого), я углядел монетку, завалившуюся между зеленоватыми плитами прямо у меня под ногами. Я без труда

выковырял ее — один азими, стершийся до того, что на поверхности остались лишь еле заметные следы рисунка. Шепотом загадав желание, я бросил монетку в самый центр фонтана. Струя подхватила ее и подбросила высоко в небо, так что, прежде чем упасть в воду, она ярко вспыхнула на солнце. Я стал читать символы, которые рисовала вода на фоне солнца.

Меч. Это совсем просто. Я останусь палачом.

Затем цветок розы, а под ним — река. Я отправлюсь вверх по течению Гьолла, потому что это дорога в Траке.

Сердитые волны, потом ленивая, мерная зыбь. Должно быть, море, но как попасть к морю, направляясь к истокам реки?

Скипетр, стул, множество башен. Тут я подумал, что способность фонтана к провидению, в которую я и без того не слишком верил, на самом деле — чистый вымысел. Я отвернулся, но успел поймать взглядом многоконечную звезду, быстро увеличивающуюся в размерах.

С тех пор как я вернулся в Обитель Абсолюта, я дважды приходил к Пророческому Фонтану. Один раз я навестил фонтан едва забрезжил свет, пройдя через ту же дверь, откуда в первый раз увидел его. Но я ни разу больше не осмелился

вопрошать его о будущем., Мои слуги, которые все как один признаются в том, что бросали в него свои орихальки, когда в саду не было гостей, хором утверждают, будто пророчества фонтана ложны. Но я в том не уверен, потому что помню, как зеленый человек отпугивал посетителей своими предсказаниями. Не могло ли быть так, что мои слуги, перед которыми вода рисовала будущее как нескончаемую вереницу подносов, метелок и звенящих колокольчиков, просто не желали верить пророчеству? Я расспрашивал и своих министров, которые, вне всякого сомнения, ублажали воду пригоршнями хризосов, но их ответы были путанны и невнятны.

Конечно, мне стоило больших усилий повернуться спиной к фонтану и его чудным таинственным письменам и двинуться навстречу старому солнцу. Огромное, как лик гиганта, темно-багровое, оно вырастало над уходящим горизонтом. На его фоне чернели неровные очертания земли, вызывая в памяти фигуру Ночи на крыше караван-сарая на западном берегу Гьолла, которую я так часто видел в диске восходящего солнца под конец наших пирушек с ночными купаниями.

Не сознавая, что нахожусь в самом центре вла-

дений Обители Абсолюта, вдали от пограничных караулов, я боялся, что в любое мгновение меня могут остановить и опять бросить в вестибюль, где потайную дверь наверняка уже обнаружили и заколотили. Ничего подобного не произошло. Никто кроме меня не нарушал покоя живых изгородей, бархатных лужаек, цветов и ручейков. Лилии ростом выше меня склоняли над тропинкой, совершенной поверхности которой касались лишь мои ноги, свои звездчатые лица, усеянные крупными каплями росы. Соловьи, дикие и запертые в золотых клетках, развешанных на деревьях, все еще пели.

Один раз с отголоском прежнего ужаса я увидел одну из живых статуй. Похожая на гигантского человека, но слишком медлительная и прекрасная, чтобы быть человеком, она пересекала небольшую лужайку, словно повинуясь звукам неслышимой музыки, сопровождавшей какое-то загадочное шествие. Надо признаться, я отпрянул в сторону и, пока она не прошла, стоял неподвижно, гадая, чувствует ли она мое присутствие и есть ли ей до меня дело.

Я уже совсем отчаялся найти Древесные Врата, когда увидел их впереди. Как обычные садовники создают шпалеры персиковых деревьев, так

поколения великих мастеров Обители Абсолюта трудились над суками могучих дубов, пока каждая ветка не стала отвечать требованиям чисто архитектурного замысла, и я, ступая по вершинам кровель величайшего из дворцов Урса, не встречал ни единого камня, пока вдруг перед моим изумленным взором не предстала эта величественная арка, воздвигнутая из живой зелени, словно из тесаного мрамора.

И тогда я бросился бежать.

Глава 22
Олицетворения

Через широкую, подернутую утренней росой арку Древесных Врат я выбежал на просторную травянистую поляну, в хаотическое нагромождение шатров и палаток.

Где-то взревел и загремел цепью мегатерий. Я остановился, прислушиваясь, а успокоившийся мегатерий снова провалился в подобное смерти оцепенение, свойственное его виду. Наконец, я уловил мелодичный перезвон капель, срывавшихся с листьев, и пока еще негромкий прерывистый щебет птиц.

Но не только: еще до моего слуха доносилось приглушенное «вжик-вжик» с неравномерными паузами, но явно приближавшееся. Я стал пробираться между шатрами в направлении звука, но, должно быть, промахнулся, потому что доктор Талое увидал меня первым.

— Друг мой! Собрат! Они все спят — твоя Доркас и все остальные. Все, кроме тебя и меня. Сюда!

Доктор Талое говорил и помахивал тростью. Я понял, что «вжик-вжик» раздавалось, когда он на

ходу срубал головки цветов.

— Как вовремя мы воссоединились! Как раз вовремя! Сегодня мы даем представление, и мне пришлось бы пригласить кого-нибудь на твою роль. Счастлив тебя видеть. Кстати, я задолжал тебе некоторую сумму, помнишь? Небольшую и, между нами говоря, те деньги все равно оказались фальшивыми. Но тем не менее я твой должник. А я привык платить долги.

— Что-то не припоминаю, — небрежно обронил я, — стало быть, сумма невелика. Если с Доркас ничего не случилось, я с превеликой готовностью забуду о ней, особенно если меня накормят и укажут место, где можно поспать пару страж.

Остренький носик доктора на мгновение печально поник.

— Спать-то можно сколько угодно, пока, конечно, не разбудят остальные. А вот с едой хуже — у нас ее нет. Знаешь ли, прокормить Балдандерса все равно, что насытить пламя лесного пожара. Тиазус обещал сегодня что-нибудь принести. — Он взмахнул тросточкой в сторону палаточного городка. — Но, боюсь, он появится не раньше полудня.

— Может, это даже и к лучшему. Я так устал, что и пища в горло не лезет, но если ты покажешь,

где можно лечь…

— Что это у тебя с лицом? Впрочем, неважно, наложим белила. Туда! — Он уже мелкой рысцой трусил вперед. Я последовал за ним, пробираясь через путаницу веревок. У входа в ярко-желтый шатер стояла ручная тележка Балдандерса, и я наконец-то почувствовал, что и вправду нашел Доркас.

Когда я проснулся, мне показалось, что мы никогда не разлучались. Неброская красота Доркас осталась неизменной. Как всегда, ее затмевало сияние Иоленты, и как всегда, когда мы оставались втроем, мне хотелось, чтобы Иолента исчезла, а глаз мог отдохнуть на лице Доркас. Через некоторое время после того, как все проснулись, я отвел Балдандерса в сторону и спросил, почему он бросил меня в лесу у Врат Скорби.

— Но я же шел не с тобой, — растягивая слова, проговорил он, — а с моим доктором Талосом.

— Но ведь и я тоже. Мы могли бы искать его вместе и (помогать друг другу.

Он растерялся и долго молчал. Мое лицо, казалось, ощущало тяжесть его унылого взгляда, а я думал в своем (невежестве, как ужасно было бы, если бы Балдандерсу достало воли и энергии разозлиться. Наконец, он сказал:

— А ты был вместе с нами, когда мы уходили из города?

— Конечно. Доркас, Иолента и я — мы все были с гобой.

Он опять заколебался.

— Значит, мы нашли тебя там?

— Да, разве ты не помнишь?

Он тяжело покачал головой, и я заметил, что в его зубных черных волосах пробивается седина.

— Однажды я проснулся утром и увидел тебя. Я тогда был занят своими мыслями. А потом ты ушел.

— Да, потому что обстоятельства изменились, но мы назначили место встречи. — При воспоминании о том, это я тогда вовсе не собирался сдерживать свое обещание, я ощутил нечто вроде угрызений совести.

— Вот мы и встретились, — вяло проговорил Балдандерс и, видя, что я не удовлетворен таким ответом, прибавил:

— Здесь для меня нет ничего стоящего, кроме доктора Талоса.

— Твоя преданность достойна всяческих похвал, но ты должен был помнить: он сам хотел, чтобы я был с ним, так же как и ты. — Я почувствовал, что не могу сердиться на этого добродушного,

туповатого гиганта.

— Мы насобираем денег на юге, построим дом и будем жить, как прежде.

— Мы на севере. Но это не важно. Все правильно. Ведь ваш дом разрушили?

— Сожгли. — Я почти видел языки пламени, вдруг отразившиеся в его глазах. — Жаль, если ты пришел только за тем, чтобы обидеть меня. Я так давно не думаю ни о чем, кроме убежища и работы.

Я оставил его, а сам отправился проверять имущество нашей труппы. Правда, нельзя сказать, чтобы в том была особая необходимость или что я был бы способен обнаружить какую-нибудь недостачу, кроме самой вопиющей. Вокруг Иоленты уже собралась толпа, но доктор Талое отослал Иоленту в шатер и разогнал народ. Спустя мгновение до меня из палатки донесся смачный удар трости по пышной плоти, потом оттуда появился доктор, ухмыляющийся, но все еще разгневанный.

— Она не виновата, — заметил я. — Вы же знаете, что все дело в ее внешности.

— Ее внешность слишком вызывающа. Куда как слишком. Знаешь, что мне в тебе особенно нравится, сьер Северьян? То, что ты предпочел

Доркас. Кстати, где она? Ты ее уже видел?

— Предупреждаю, доктор. Не вздумайте тронуть ее хотя бы пальцем.

— Да что ты, мне это и в голову не придет. Я просто боюсь, как бы она не заблудилась.

Его искреннее возмущение убедило меня.

— Мы едва успели немного поговорить. Она пошла за водой.

— Какая отважная, — бросил он и, заметив, что я удивился, прибавил:

— Доркас боится воды. Ты не мог этого не заметить. Она вовсе не неряха, но всегда выбирает для купания самое мелкое место, где вода от силы по колено, а когда нам случается проходить по мосту, она обычно держится за Иоленту и дрожит от страха.

В это время вернулась Доркас, поэтому, даже если доктор и говорил что-то еще, я его не слышал. Утром, при встрече, мы только улыбались и робко касались друг друга руками. Теперь она поставила на землю свою ношу и устремила на меня пламенный взгляд.

— Я так скучала по тебе, — прозвучал ее голос. — И чувствовала себя совсем одинокой.

Я рассмеялся при мысли, что кто-то мог по мне скучать, и приподнял край плаща.

— Неужели ты скучала вот по этому?

— Ты говоришь о Смерти? Нет, я скучала по тебе. — Она завладела краем плаща и потянула меня за собой к веренице тополей, образующей одну из стен Зеленой Комнаты. — Я нашла скамейку — там, где грядки с травами. Пойдем со мной. Они уже так давно обходились без тебя, что потерпят еще немного. А Иолента, когда выйдет, сама найдет воду. Это для нее.

Как только мы вышли за пределы поляны, где жонглеры бросали в воздух свои ножи, а акробаты — своих детей, нас окутала тишина садов. Сады Обители Абсолюта — наверное, самый большой участок земли, возделанный единственно с целью созидания красоты, не считая, разумеется, тех диких мест — садов Творца, — которые культивируются садовниками, невидимыми человеческому глазу. Живые изгороди смыкались, оставляя между собой узкие проходы. Мы вошли в рощу благоухающих деревьев, чьи белые цветы навеяли на меня грустные воспоминания о сливовой роще, в которую затащили нас с Ионой преторианцы, хотя те плодовые сажались только для красоты, а эти, похоже, для того, чтобы собирать урожай. Доркас сорвала густую кисть и воткнула ее в свои волосы цвета бледного зо-

лота.

За фруктовым садом начинался огород, такой старый, что о нем, наверное, все позабыли, кроме тех, кто за ним ухаживал. Каменная скамья когда-то была украшена резьбой в виде человеческих лиц, но их черты стерлись и стали почти неразличимыми. Там было только несколько клумб с самыми простенькими цветами, а все остальное пространство занимали грядки с благоухающими пряными травами: розмарином, мятой, базиликом, рутой, ангеликой. После бессчетных лет неустанного труда местная почва стала темной, как шоколад.

Был там еще и ручеек, из которого Доркас, несомненно, и набирала воду. Некогда вода поступала в фонтан, но теперь от последнего остались лишь несколько струй, бьющих со дна мелкого бассейна. Вода переливалась через край и по каменным желобам стекала к фруктовым деревьям. Мы опустились на жесткое сиденье. Я прислонил меч к спинке скамьи, и Доркас тут же взяла меня за руку.

— Я боюсь, Северьян, — начала она. — Мне снятся такие ужасные сны.

— С тех пор как я уехал?

— Все время.

— Когда мы вместе спали в поле, ты сказала, что видела хороший сон. Он был очень подробным и похожим на явь.

— Если тот сон и был хорошим, то теперь я не могу его вспомнить.

Я уже обратил внимание на то, что она старательно отводит взгляд от воды, струившейся меж развалин фонтана.

— Каждую ночь мне снится, будто я иду по улице, на которой множество лавок. Я счастлива или, по крайней мере, довольна. У меня с собой много денег и список вещей, которые нужно купить. Я снова и снова повторяю его про себя и прикидываю, в какой части города смогу купить то или иное, самого лучшего качества и по самой невысокой цене.

Но вот я захожу то в одну лавку, то в другую и постепенно начинаю понимать, что все меня ненавидят и презирают; и это потому, что они думают, будто я нечистый дух, принявший обличие женщины. Наконец, я попадаю в крошечную лавчонку. Ее хозяева — старик со старухой. Старуха плетет кружево, а он раскладывает его передо мной на прилавке. Мне слышно, как где-то позади меня трутся одна о другую нитки.

Я спросил:

— Что же ты собираешься купить?

— Крошечные платьица. — Доркас развела на полпяди узкие белые ладони. — Может, для куклы. Особенно хорошо я запомнила рубашечки из тонкой шерсти. В конце концов, я выбираю одну из них и протягиваю старику деньги. А это вовсе не деньги, а ком грязи. У нее тряслись плечи, и я обнял ее.

— Мне хочется крикнуть, что это неправда и я не злой дух, за которого они меня принимают, но я знаю — тогда, они сочтут это окончательным доказательством своей правоты, и слова застревают у меня в горле. Самое ужасное, что в это самое время нитки перестают скрипеть. — Она сжала мою свободную руку, словно для того, чтобы я лучше усвоил сказанное. — Я знаю, что никому не понятен мой страх, кроме тех, кто видел такие же сны, но это ужасно. Ужасно.

— Может быть, теперь, когда я с тобой, он не повторится.

— А потом я засыпаю, вернее, проваливаюсь в какую-то черноту. А если не просыпаюсь, вижу другой сон. Будто я в лодке, а она плывет по призрачному озеру.

— Ну уж, по крайней мере, в этом-то нет ничего таинственного. Ты плавала в такой лодке с Агией

и со мной. А хозяином лодки был человек по имени Хильдегрин. Ты наверняка помнишь наше путешествие.

Доркас покачала головой.

— Это вовсе не такая лодка, а гораздо меньше. Ею правит старик, а я лежу у его ног. Я не сплю, но не могу пошевельнуться. Руки опущены за борт, бороздят темную воду. Лодка уже вот-вот должна коснуться берега, и тут я падаю в воду, но старик этого не видит. Погружаясь все глубже, я вдруг понимаю, что он даже не знал обо мне. Скоро свет совсем гаснет, и мне становится очень холодно. Где-то далеко наверху раздается любимый голос. Он зовет меня по имени, но я не могу вспомнить, чей это голос.

— Это мой голос. Я хочу разбудить тебя.

— Может быть. — След от удара плети, полученного у Врат Скорби, клеймом горел на ее щеке.

Некоторое время мы сидели молча. Соловьи уже смолкли, но на всех деревьях пели канарейки, и я заметил попугая, мелькнувшего меж ветвей, как крошечный посыльный в пунцово-зеленой ливрее.

Наконец, Доркас снова заговорила:

— Какая страшная вещь — вода. Мне надо было бы привести тебя в какое-нибудь другое место, но

я просто не могла ничего придумать. Лучше бы мы сели на траве вон под теми деревьями.

— Почему ты так боишься воды? Посмотри, как это красиво!

— Да — на солнце. Но по природе своей вода всегда стремится вниз и вниз, подальше от света.

— Но ведь она поднимается снова, — проговорил я. — Дождь, который ты видишь весной, — это та же вода, что бежала по канавам прошлой осенью. По крайней мере, так учил нас мастер Мальрубиус.

Она улыбнулась — словно в небе вспыхнула звезда.

— Хотелось бы в это верить. Даже если это и неправда. Северьян, с моей стороны глупо говорить, что я не встречала человека лучше тебя. Потому что ты единственный хороший человек, которого я знаю. Но мне кажется, что, если бы я знала тысячи других, все равно ты был бы лучшим из них. Вот о чем я хотела с тобой поговорить.

— Если ты нуждаешься в защите, можешь на меня рассчитывать. Ты это знаешь.

— Дело совсем не в этом, — возразила Доркас. — В каком-то смысле я сама хочу защитить тебя. Вот это уже действительно звучит глупо, правда?

У меня нет даже семьи — никого, кроме тебя, — а все же мне кажется, что смогу тебя защитить.

— Но у тебя есть Иолента, доктор Талое, Балдандерс…

— Они никто. Северьян, неужели ты сам этого не чувствуешь? Я тоже никто, но они значат еще меньше, чем я. Прошлой ночью в палатке нас было пятеро, и все же ты был один. Как-то ты сказал мне, что тебе недостает воображения, но не почувствовать этого ты не мог.

— Значит, вот от чего ты хочешь спасти меня — от одиночества? Я был бы счастлив.

— Тогда я дам тебе все, что смогу, и так долго, как смогу. Но больше всею мне хотелось бы защитить тебя от мирских пересудов. От того, что о тебе думают. Северьян, ты помнишь мой сон? Как все эти люди в лавках и на улице считают меня каким-то нечистым духом? А может, они правы?

Она дрожала. Я крепче прижал ее к себе.

— Отчасти потому тот сон и причиняет такую боль. А отчасти — потому, что я знаю: они не совсем правы. Да, во мне сидит нечистый дух, но во мне есть и нечто другое — и это тоже я.

— Как ты можешь быть злым духом? В тебе нет ни капли дурного.

— Нет есть. — Она подняла на меня серьезные

глаза. Никогда прежде я не видел в этом точеном лице, освещенном утренним солнцем, такой прелести и чистоты. — Есть, Северьян. Ведь и ты можешь быть таким, каким видят тебя люди. Да, иногда ты бываешь именно таким, как говорят. Помнишь, мы видели, как собор взвился в воздух и сгорел в мгновение ока? И как мы потом блуждали в лесу, пока не увидели свет, а там оказались доктор Талое с Балдандерсом. Они готовились к представлению вместе с Иолентой.

— Ты держала меня за руку, — подхватил я. — Мы разговаривали о философии. Разве я могу это забыть?

— Мы вышли на свет. Ты помнишь, что сказал доктор Талое, увидев нас?

Мой разум вернулся в тот вечер, завершивший день казни Агилюса. Я снова услышал рев толпы, крик Агии, затем удары Балдандерсова барабана.

— Он сказал, что теперь все в сборе. И назвал тебя Невинностью, а меня — Смертью. Доркас с серьезным видом кивнула.

— Правильно. Но ты же не Смерть, как бы часто он так тебя ни называл. Тогда уж и мясника, который каждый день забивает скот, можно назвать смертью. Для меня ты — Жизнь. Ты юноша по имени Северьян, и в твоей власти сменить

одежду и сделаться рыбаком или плотником.

— У меня нет желания покидать гильдию.

— Но ты мог бы это сделать. Хоть сегодня. Людям не нравится считать других просто за людей. Они придумывают для них названия и этим связывают их по рукам и ногам. Но больше всего мне бы не хотелось, чтобы связывали тебя. Доктор Талое будет похуже большинства. Он по-своему лжец…

Она не закончила фразы, и я осмелился заметить:

— Однажды я слышал от Балдандерса, что доктор почти никогда не лжет.

— Я же сказала: «по-своему». Балдандерс прав. Доктор Талое редко говорит неправду — в том смысле как это принято понимать. Назвать тебя Смертью — это не ложь. Это…

— Метафора, — предложил я.

— Но это опасная, нехорошая метафора. Она направлена против тебя и потому ничуть не лучше лжи.

— Стало быть, ты считаешь, что доктор Талое меня ненавидит? Должен сказать, что, с тех пор как я оставил Цитадель, он один из немногих людей, которые проявили ко мне доброту. Ты, Иона, которого больше нет, одна старая женщина, с которой я познакомился в тюрьме, человек в

желтом — между прочим, он тоже назвал меня Смертью — и доктор Талое. Как видишь, не много набирается.

— Не думаю, что он может ненавидеть кого-нибудь в том смысле, в каком понимаем это мы, — мягко ответила Доркас. — Или любить. Он хочет распоряжаться всем, с чем сталкивается, и изменять по собственной воле. А поскольку разрушать легче, чем созидать, именно это он и делает чаще всего.

— Тем не менее Балдандерс его любит, — возразил я. — Когда-то у меня был хромой пес. Так вот, я заметил, что Балдандерс смотрит на доктора Талоса точно так же, как Трискель смотрел на меня.

— Я понимаю, но это меня не удивляет. А ты когда-нибудь думал о том, какое лицо у тебя, когда ты смотришь на своего пса? Что тебе известно об их прошлом?

— Только то, что они жили вместе на озере Диутурна. Потом люди сожгли их дом и прогнали прочь.

— Тебе не приходило в голову, что доктор Талое мог бы быть сыном Балдандерса?

Это предположение казалось настолько нелепым, что я с облегчением рассмеялся.

— Посмотри, — продолжала Доркас, — как они себя ведут. Точно тяжелодум и работяга отец с блестящим и беспутным сыном. По крайней мере, мне так кажется.

Мы встали со скамьи и направились к Зеленой Комнате (теперь она была не более похожа на картину, показанную мне Рудезиндом, чем любой другой парк). Только тогда я задался вопросом: не было ли имя «Невинность», данное Доркас доктором Талосом, такой же метафорой?

Глава 23
Иолента

В старом фруктовом саду среди грядок с пряными травами царили такая тишина и запустение, что я вспомнил Атриум Времени и Валерию с ее тонким личиком, обрамленным меховой накидкой. Зато в Зеленой Комнате было настоящее столпотворение. Теперь уже все были на ногах. Вдобавок казалось, что каждый вопит во все горло. Ребятишки карабкались на деревья и выпускали птиц из клеток. Матери пытались усмирить их ручками метел, а отцы — камнями. Шатры начали разваливаться уже во время репетиций, так что на моих глазах прочная на вид пирамида из полосатого полотна вдруг обрушилась, как спущенный флаг, явив взгляду травянисто-зеленого мегатерия, который стоял на задних лапах, а на его лбу танцор завершал пируэт.

Наша палатка куда-то подевалась вместе с Балдандерсом, правда, тут же появился доктор Талое и погнал нас по извилистым тропинкам мимо балюстрад, водопадов и гротов, украшенных

неограненными топазами и цветущим мхом, к стриженому газону, где великан трудился, воздвигая подмостки на глазах у дюжины белых оленей.

Сооружение это было задумано гораздо более сложной конструкции, чем сцена, на которой я играл в Нессусе. Челядь Обители Абсолюта приволокла доски и гвозди, инструменты, краски и одежду в таком количестве, что всему этому трудно было найти применение. Такая щедрость подстегнула тягу доктора к грандиозному (которая всегда была ему присуща), и он разрывался на части, пытаясь помочь нам с Балдандерсом управиться с особо тяжелыми предметами и в то же время лихорадочно строча дополнения к рукописи пьесы.

Великан занимался плотницкой работой. Хотя ему недоставало проворства, он с лихвой компенсировал этот недостаток упрямством и неимоверной силой. Одним-двумя движениями он ломал планки в палец толщиной, и единственным ударом топора расчленял доски, над которыми я с пилой корпел бы чуть ли не полдня. Он один заменял собою десяток рабов, гнущих спину под бичом надсмотрщика.

К моему удивлению, у Доркас обнаружился

художественный талант. Вдвоем мы воздвигли черные плиты, поглощавшие солнечные лучи — не только для того, чтобы запастись энергией для вечернего представления, но и для необходимого в тот момент освещения. Эти конструкции служат прекрасным фоном: с их помощью на сцене можно изобразить и пространство глубиной в тысячи лиг, и крошечную лачугу, хотя самая полная иллюзия достигается лишь в темноте. Впечатление усиливается, если на заднем плане что-нибудь нарисовано, и вот Доркас искусной рукой создавала такие изображения. Она стояла высоко над нами, а ее кисть выводила сумеречные образы.

От Иоленты и меня проку было куда меньше. Рисовать я не умел и настолько мало разбирался в самой пьесе, что даже не мог помочь доктору расставить наш реквизит. А что касается Иоленты, то ее тело, так же как и душа, упорно не принимало никакого труда. Эти длинные ноги, такие тонкие ниже колен, и пышные округлые бедра просто не были приспособлены носить какой-либо груз, кроме веса ее собственного тела. Торчащая грудь подвергалась бы постоянной опасности: ведь соски можно было чем-нибудь прищемить или измазать краской. Тем более что

Иоленте не передавалось ни капли настроения, воодушевляющего остальных членов группы, стремящихся к общей цели. Доркас говорила, что я оставался один, когда мы все вместе ночевали в палатке, и, быть может, она была не так уж далека от истины, как мне представлялось, но одиночество Иоленты всегда было неизмеримо полнее. У меня была Доркас, а у нее я, у Баландерса с доктором существовала их странная дружба, а все вместе мы участвовали в пьесе. Но у Иоленты была только она сама, а единственная цель ее собственной вечной игры состояла в том, чтобы вызывать восхищение.

Она молча коснулась моей руки, указав огромными изумрудными глазами на вершину естественного амфитеатра, где белые свечи каштановых деревьев поднимались меж бледной листвы.

Убедившись, что на нас никто не смотрит, я кивнул. По сравнению с Доркас Иолента, которая сейчас шла со мною рядом, казалась почти такой же высокой, как Текла, хотя ее мелкие шажки никак не походили на размашистую поступь Теклы. Она была по крайней мере на голову выше Доркас, а из-за сложной прически и высоких каблуков казалась еще выше.

— Хочу посмотреть на все это, — объяснила она. — Другого случая не представится.

Я сделал вид, что верю в эту явную ложь.

— Для них это случай еще более счастливый. Сегодня и только сегодня Обитель Абсолюта имеет возможность лицезреть Иоленту.

Она удовлетворенно кивнула: я изрек глубочайшую истину.

— Мне нужен кто-нибудь. Кто-нибудь, кого бы боялись те, с кем я не желаю говорить. Я имею в виду всех этих шутов и фигляров. Когда ты исчез, меня всегда сопровождала Доркас. Но разве кто-нибудь может испугаться Доркас? Ты можешь вынуть меч и положить его на плечо?

Я сделал, как она просила.

— Если я не улыбнусь, они должны убраться. Тебе понятно?

Среди каштанов росла трава, более высокая, чем в амфитеатре, но мягкая, как папоротник. Дорожка была вымощена белой галькой с золотистыми блестками.

— Если бы меня увидал Автарх, он возжелал бы меня. Как ты думаешь, он будет на нашем спектакле?

Чтобы доставить ей удовольствие, я кивнул, прибавив:

— Я слыхал, он не особенно жалует женщин, даже самых красивых. Разве что — в качестве советниц, шпионок и горничных.

Она остановилась и с улыбкой повернула ко мне лицо.

— Вот именно. В том-то все и дело. Только я одна могу заставить любого желать меня. И он, Автарх, чьи сны — наша явь, а память — наша история, будет желать меня, даже если он лишен мужской силы. Ты вожделел к другим женщинам, кроме меня? Ты хотел их?

Пришлось признаться.

— И потому ты думаешь, что меня желают так же, как их. — Она повернулась и снова двинулась вперед. Походка Иоленты всегда казалась слегка неуклюжей, но сейчас воодушевление придавало ей твердости. — Нет. При виде меня не только любой мужчина, но и каждая женщина — все испытывают непреодолимое желание. Знаешь ли ты, что женщины, которые никогда не проявляли склонности к женщинам, хотят любить меня? Одни и те же приходят на каждое представление, присылают мне фрукты, цветы, шали, шарфы и вышитые платочки. А их послания! О, они полны такой сестринской, такой материнской любовью! Они собираются защищать меня. Защищать от

доктора, от его великана, от своих мужей, сыновей и соседей. А уж мужчины! Балдандерсу приходилось просто вышвыривать их в реку.

Я спросил, почему она прихрамывает. Когда мы вышли из каштановой рощи, я огляделся в поисках чего-либо, на чем ее можно было бы повезти, но ничего не нашел; — Бедра изнутри натираются от ходьбы. У меня есть мазь, которая немного помогает, а какой-то мужчина подарил мне ослицу, но я не знаю, где она сейчас. По-настоящему комфортно мне только тогда, когда я могу развести ноги.

— Хочешь, я понесу тебя?

Она снова улыбнулась, показав безупречные зубы.

— Это доставит удовольствие нам обоим. Не так ли?

Но, боюсь, может умалить мое достоинство. Нет, я пойду. Надеюсь, мне не придется идти далеко. Да я и не пойду далеко, как бы там ни было. Все равно поблизости нет никого, кроме этих фигляров. Думаю, все важные люди будут сегодня спать долго, чтобы приготовиться к ночному празднеству. Мне самой еще придется поспать по меньшей мере четыре стражи.

Я услышал плеск воды о камни и, не видя перед

собой лучшей цели, направился туда. Мы прошли через живую изгородь из боярышника, чьи белые кисти складывались в преграду, издали казавшуюся непреодолимой. За изгородью лежала речка шириною не больше городской улицы, а по ней, словно ледяные изваяния, плавали лебеди. На берегу стояла беседка, к которой были привязаны три лодки в форме цветков кувшинки. Ступив на толстые шелковые подушки, устилавшие дно, я ощутил пряный аромат.

— Чудесно, — обрадовалась Иолента. — Я думаю, никто не станет возражать, если мы возьмем эту лодку. А если станут, мне придется предстать перед каким-нибудь важным лицом — совсем как в пьесе. Один взгляд — и он меня уже никогда не отпустит. Я оставлю при себе доктора Талоса и тебя, если хочешь. Для тебя у них тоже найдется какое-нибудь дельце.

Я сказал, что собираюсь продолжить путь на север. Йотом я обхватил Иоленту за талию, такую же тонкую, как у Доркас, и посадил ее в лодку.

Она без промедления улеглась на подушки в том месте, где приподнятые лепестки лодки-кувшинки выгодно оттеняли ее лицо. Я сразу вспомнил Агию. Мы вместе спускались по солнечным ступеням Адамнианской Лестницы,

а она смеялась и говорила, что на следующий год непременно купит себе шляпу с широкими полями. Во внешности Агии не было ни единой черты, которая могла бы сравниться с красотой Иоленты: ростом она была не выше Доркас, со слишком широкими плечами и недоразвитой по сравнению с пышной плотью Иоленты грудью. Ее раскосые карие глаза и широкие скулы выражали скорее решимость и твердость, чем страсть и готовность к подчинению. Но Агия вызывала во мне здоровое желание. Ее шутки часто бывали ядовитыми, но смеялась она по-настоящему, а ее тело горело неподдельной страстью. Желание Иоленты было не более чем желанием быть желанной. И мое вожделение к ней не было ни жаждой утешить ее в ее одиночестве, как я утешал Валерию, ни выражением разрывающей сердце любви, которую я испытывал к Текле. Я не хотел оградить ее от невзгод, как хотел защищать Доркас. Мне хотелось унизить и наказать ее, растоптать ее самомнение. Я желал, чтобы ее глаза наполнились слезами, мне не терпелось вырвать ее локоны, как сжигают волосы покойника в наказание покинувшему его тело духу. Она похвалялась тем, что превращала женщин в лесбиянок. Я уже был готов превратиться в

садиста.

— Думаю, я играю в последний раз. Я это чувствую. Среди публики окажется кто-нибудь… — Она зевнула и потянулась. При этом ее плоть так откровенно проступила под тонкой тканью одеяния, что я отвел свой взгляд. Когда я снова посмотрел на нее, она уже спала.

Я взял в руки тонкое весло, пристроенное на корме, и понял, что у лодки есть киль. Довольно сильное течение позволяло мне лишь слегка подправлять веслом наше медлительное скольжение по прихотливо извивающимся протокам. Почти так же бесшумно, как недавно облаченный в рясу слуга сопровождал меня через ниши, альковы и проходы по тайным путям Второй Обители, мы со спящей Иолентой лигу за лигой плыли по садам Обители Абсолюта. В шелковистой траве или в более укромном уединении беседок возлежали пары, которые, наверное, взирали на наше суденышко, как на украшение, пущенное по течению для услаждения их взора. А если даже они и видели мою голову над загнутыми лепестками, то воспринимали это как должное. На каменных скамьях в одиночестве предавались размышлениям философы, а на вершинах лесистых склонов происходили групповые увеселения (не только

эротического свойства).

Тем временем вид спящей Иоленты стал вызывать во мне злость. Я бросил весло и опустился на колени рядом с ней. Во сне ее лицо приобрело не свойственное ему в ином состоянии выражение чистоты, хотя и несколько нарочитой. Я поцеловал ее. Огромные глаза лишь слегка приоткрылись, став похожими на узкие глазки Агии, а волосы цвета червонного золота в тени казались каштановыми. Я расстегнул платье. То ли причиной тому был дурман, который источали шелковые подушки, то ли просто усталость от прогулки по свежему воздуху, во время которой ей пришлось нести непомерный груз переразвитой плоти, но она не просыпалась. Моему взгляду открылись груди — каждая размером чуть ли не с ее голову — и эти необъятные бедра, заключавшие между собою то, что, казалось, смахивало на едва вылупившегося цыпленка.

* * *

Еогда мы вернулись, стало ясно, что все осведомлены о причине нашей отлучки, хотя Балдандерсу это, по-видимому, было все равно. Доркас рыдала где-то в укромном уголке, чтобы потом появиться с воспаленными глазами и геройской

улыбкой на устах. А доктор Талое, я думаю, испытывал одновременно и ярость и удовольствие. Именно в тот день у меня сложилось впечатление, что ему никогда не нравилась Иолента, но из всех мужчин Урса лишь ему одному она отдалась бы с радостью и неподдельной готовностью.

Оставшееся до заката время мы провели, слушая переговоры доктора Талоса с официальными представителями Обители Абсолюта и репетируя пьесу. Поскольку я уже упоминал о ее содержании, хочу привести здесь и приблизительный текст. Но не в том виде, в каком он существовал на клочках бумаги, которые мы передавали друг другу, из рук в руки, тем вечером, и где часто не было ничего, кроме посылок для импровизации, а так, словно он вышел из-под пера усердного писаря, присутствовавшего на представлении. Так, в сущности, запечатлел все слова потусторонний свидетель, неотлучно находящийся внутри моего существа и следящий за постановкой моими глазами.

Но сначала вы должны представить себе наш театр. Вновь край Урса прикрыл красный диск. Над головой шныряют длиннокрылые летучие мыши, а тонкий зеленый серп висит над самым горизонтом. Вообразите узкую долину, не более

тысячи шагов от края до края, расположенную между пологими холмами, поросшими нежнейшим мхом. В холмах двери — одни узкие, как вход в жилую комнату, а другие просторные, как врата базилики. Двери открыть!. Из них струится рассеянный в вечернем тумане свет. Огражденные флажками дорожки вьются к небольшой арке нашего просцениума. По ним спускаются мужчины и женщины в фантастических одеяниях. Это маскарадные костюмы — одежды давних предков, но я, обладая лишь крохами исторических сведений, почерпнутых от мастера Палаэмона и Теклы, не могу определить, из какой эпохи взято то или иное платье. Между масками скользят слуги с подносами, уставленными блюдами с ароматным мясом и сладостями. Перед сценой расставлены изящные, как богомолы, кресла из слоновой кости с черными бархатными сиденьями, но большинство публики предпочитает оставаться на ногах. Во время представления зрители приходят и уходят — некоторые, не прослушав и дюжины строк. Трещат цикады, поют соловьи, а на вершинах холмов медлительно перемещаются, то и дело застывая в совершенных позах, белые статуи.

Все роли в пьесе исполняют доктор Талое, Бал-

дандерс, Иолента, Доркас и я.

Глава 24
Пьеса доктора Тапоса

Эсхатология и генезис

(По утверждению доктора Талоса, драматургическое воплощение отдельных частей утерянной Книги Нового Солнца)

Действующие лица:

Габриель

Статуя

Великан Нод

Пророк

Месхия, Первый Мужчина

Генералиссимус Месхиана, Первая Женщина

Два Демона Яхи

Автарх

Его Помощник

Контесса

Ее Горничная

Два Стражника

Инквизитор

Его Помощник

Задник сцены затемнен. Появляется ГАБРИЕЛЬ в луче желтого света с хрустальным рогом.

ГАБРИЕЛЬ: Приветствую вас. Я пришел, чтобы пояснить сцену — это входит в мои обязанности. Сейчас ночь последнего дня, ночь, предшествующая дню первому. Старое Солнце скрылось навсегда. Больше оно не появится на небе. Завтра взойдет Новое Солнце, и мы — братья и сестры — будем приветствовать его. А сейчас… Никто не знает, что произойдет сейчас. Все спят.

Тяжелые, размеренные шаги. Входит НОД.

ГАБРИЕЛЬ: Всеведущий! Спаси раба твоего!

НОД: Так ты служишь ему? А мы служим Нефилиму. Если он не прикажет, я не причиню тебе вреда.

ГАБРИЕЛЬ: Так ты из его челяди? Как же он сообщается с тобой?

НОД: По правде говоря, никак. Мне приходится догадываться, чего он от меня хочет.

ГАБРИЕЛЬ: Вот этого-то я и боялся.

НОД: Ты видел сына Месхии?

ГАБРИЕЛЬ: Видел ли я его? Послушай, простофиля здоровый, он же еще не родился. Зачем он тебе?

НОД: Он должен прийти и жить со мной в землях, лежащих к востоку от этого сада. Я отдам ему в жены одну из своих дочерей.

ГАБРИЕЛЬ: Ты ошибся, дружок. Опоздал по

меньшей мере на пятьдесят миллионов лет.

НОД (медленно наклоняет голову, не понимая). Если ты его увидишь…

Появляются МЕСХИЯ и МЕСХИАНА, следом за ними ЯХИ. Все обнажены, но на ЯХИ надеты украшения.

МЕСХИЯ: Какое прекрасное место! Цветы, фонтаны, статуи! Разве это не замечательно!

МЕСХИАНА (робко): Я видела ручного тигра. У него клыки длиннее, чем моя рука. Как мы его назовем?

МЕСХИЯ: Как он захочет, так и назовем. (ГАБРИЕЛЮ.) Кому принадлежит этот восхитительный уголок?

ГАБРИЕЛЬ: Автарху.

МЕСХИЯ: И он разрешил нам жить здесь. Какое великодушие!

ГАБРИЕЛЬ: Все не так хорошо, как кажется. Кто-то преследует тебя, друг мой. Тебе это известно?

МЕСХИЯ (не оглядываясь): Тебя тоже.

ГАБРИЕЛЬ (с торжеством выставляет напоказ рожок, который является знаком его полномочий): Да! За мной идет ОН!

МЕСХИЯ: И он уже совсем близко. Если ты собираешься протрубить в этот рог, чтобы позвать на помощь, то лучше сделать это поскорее.

ГАБРИЕЛЬ: Надо же, какой догадливый! Но у меня еще есть время.

Золотистый свет меркнет, и ГАБРИЕЛЬ исчезает. НОД недвижим. Стоит, опершись на свою булаву.

МЕСХИАНА: Я начну разводить огонь, а тебе, пожалуй, стоит заняться постройкой какого-нибудь жилища. Здесь, наверное, часто бывает дождливая погода — посмотри, какая зеленая трава.

МЕСХИЯ (разглядывая НОДА): Да это же просто-напросто статуя. Неудивительно, что его не боятся.

МЕСХИАНА: Но он может и ожить. Я когда-то слышала, что люди умеют творить из камня себе подобных.

МЕСХИЯ: Когда-то! Да ты же только-только появилась на свет. Вчера, я полагаю.

МЕСХИАНА: Вчера?.. Не знаю… Месхия, я же еще совсем дитя. Помню только, как я вдруг увидела свет и тебя. Ты говорил с солнечным лучом.

МЕСХИЯ: Не с солнечным лучом! Это было… По правде говоря, я еще не придумал этому названия.

МЕСХИАНА: И тогда я полюбила тебя.

Появляется АВТАРХ.

АВТАРХ: Кто вы такие?

МЕСХИЯ: Если уж на то пошло, кто ты такой?

АВТАРХ: Хозяин этого сада.

МЕСХИЯ кланяется, а МЕСХИАНА делает реверанс, хота на ней нет юбки, чтобы ее приподнять.

МЕСХИЯ: Мы только что имели беседу с одним из твоих подданных. Теперь, когда я об этом думаю, меня поражает, до чего же он похож на Твое Августейшее Величество. Только он был…

АВТАРХ: Помоложе?

МЕСХИЯ: Во всяком случае — на вид.

АВТАРХ: Что ж, это неизбежно. Но все равно, я ему этого не прощу. Я тоже был молод, и хотя, конечно, гораздо менее хлопотно иметь дело с теми женщинами, что ближе тебе по своему положению… Но, молодой человек, — я думаю, ты мог бы меня понять, если бы оказался на моем месте. Какая-нибудь молоденькая горничная или (деревенская девчонка, которую можно купить за пригоршню серебра или кусок бархата — ей и не придет в голову в самый неподходящий момент требовать казни соперницы или места посла для любимого мужа… Так вот, такая крошка иногда становится гораздо привлекательнее любой знатной дамы.

Во время монолога АВТАРХА сзади подкрадыва-

ется ЯХИ и кладет руку на плечо МЕСХИИ.

ЯХИ: Вот теперь ты видишь, что тот, кого ты считаешь божеством, одобряет и предлагает тебе то же самое, что и я. Давай начнем, пока не явилось Новое Солнце.

АВТАРХ: Что за прелестное создание! Почему, дитя, твои глаза горят, будто свечи, в то время как глаза твоей сестры тусклы, точно пепел?

ЯХИ: Никакая она мне не сестра!

АВТАРХ: Ну, тогда твоя соперница. Но идем же со мной. Пусть эти двое с моего соизволения остаются здесь. А тебя нынешней ночью облачат в богатое одеяние, твои уста познают вкус дорогого вина, а эта тоненькая талия, быть может, слегка пополнеет, когда ты вкусишь начиненных миндалем жаворонков и засахаренных фруктов.

ЯХИ: Поди прочь, старикашка!

АВТАРХ: Что! Да ты хоть знаешь, кто я такой?

ЯХИ: Только я одна и знаю. Ты всего лишь призрак. Даже более того — горстка праха, которую разметает ночной ветер.

АВТАРХ: По-моему, она не в своем уме. Друг мой, чего она от тебя хочет?

МЕСХИЯ (с облегчением): Стало быть, ты не гневаешься на нее. Ты добрый человек.

АВТАРХ: Вовсе нет! А что, помешанная любов-

ница — это может оказаться весьма интересным. Поверь, я сгораю от нетерпения, а я столько всего успел повидать и провернуть за свою жизнь, что давно уже не испытывал ни к чему интереса. Она не кусается? То есть не очень сильно?

МЕСХИАНА: Еще как. А зубы у нее ядовитые.

ЯХИ бросается на нее. МЕСХИАНА убегает, ЯХИ за ней.

АВТАРХ: Придется отправить наряд, чтобы их разыскали.

МЕСХИЯ: Не беспокойся, они скоро вернутся сами. Признаться, я рад, что нам никто теперь не может помешать. У меня к тебе большая просьба.

АВТАРХ: После шести я не принимаю просителей. Пришлось ввести такое правило, иначе я сошел бы с ума. Надеюсь, это понятно.

МЕСХИЯ (слегка ошарашенный): Я понимаю, но ведь мне нужен всего лишь совет — божественная мудрость.

АВТАРХ: Ну, это другое дело. Давай, я тебя слушаю. Но предупреждаю, тебе придется заплатить. Предоставить мне на ночь этого помешанного ангела.

МЕСХИЯ (встав на колени): Разум мой бессилен. Зачем я говорю с тобой, когда ты и так читаешь

каждую мысль мою? Принимая во внимание то, что она из проклятого тобою рода, должен ли я все же отказаться от ее предложений? Ибо она догадывается о моей осведомленности, и я всем сердцем чувствую — она домогается меня лишь потому, что надеется быть отвергнутой.

АВТАРХ (в сторону): Он, как видно, тоже не в своем уме. И из-за моего желтого одеяния принимает меня за божество. (Обращаясь к МЕСХИИ.) Неверность только украшает мужчину. Если, конечно, речь не идет о неверности его собственной жены.

МЕСХИЯ: Значит, моя неверность причинила бы ей боль? Я…

Появляются КОНТЕССА и ГОРНИЧНАЯ.

КОНТЕССА: Мой господин! Что ты здесь делаешь?

МЕСХИЯ: Совершаю молитву, дочь моя. Сними свою обувь, ибо земля эта священна.

КОНТЕССА: Правитель, что это еще за дурачок?

АВТАРХ: Да какой-то сумасшедший. Бродит тут с двумя женщинами. Они тоже не в своем уме.

КОНТЕССА: Значит, их больше, чем нас. Хотя, если моя горничная не сумасшедшая…

ГОРНИЧНАЯ: Твоя милость…

КОНТЕССА: В чем я сомневаюсь. Сегодня она

приготовила мне пурпурную накидку к зеленому платью. Представляю, на кого я была бы похожа в таком виде. На рассыльного.

МЕСХИЯ, который, слушая КОНТЕССУ, постепенно приходит в гнев, внезапно ударяет ее. Она падает. АВТАРХ незаметно исчезает.

МЕСХИЯ: Мерзкое отродье! Не смей издеваться над тем, что свято, и впредь ты будешь делать только то, что я велю. ГОРНИЧНАЯ: Кто ты, господин?

МЕСХИЯ: Я прародитель человечества, дитя мое. Ты в самом деле мое дитя. И она тоже.

ГОРНИЧНАЯ: Надеюсь, ты простишь ее. И меня. До нас дошла весть, что ты умер.

МЕСХИЯ: Тут не за что просить прощения. В конце концов умирают все. Но, как ты видишь, я снова здесь, чтобы приветствовать Новое Солнце.

НОД (впервые заговорив и шевельнувшись после долгого молчания и неподвижности): Мы пришли слишком рано. МЕСХИЯ (указывая на него пальцем): Великан! Великан!

КОНТЕССА: О! Соланж! Кинебурга!

ГОРНИЧНАЯ: Я здесь, ваша милость. Я, Либия.

НОД: И все же время Нового Солнца еще не настало.

КОНТЕССА (всхлипывает): Новое Солнце идет! А мы все растаем, как сны.

МЕСХИЯ (сообразив, что НОД неопасен): Да, как дурные сны. Но для тебя так будет только лучше. Разве ты этого не понимаешь?

КОНТЕССА (успокаиваясь): Вот чего я точно не понимаю, так это того, что ты, эдакий мудрец, спутал Автарха с Универсальным Разумом.

МЕСХИЯ: Я знаю, что вы все мои дочери в прошлом творении. Потому что в нынешнем у меня их еще не было.

НОД: Его сын возьмет в жены мою дочь. Это незаслуженная честь для нашей семьи, потому что мы простые люди — дети Геи. Но мы будем вознесены. Я стану… Кем я стану, Месхия? Тестем твоего сына. Может быть, в один и тот же день мы придем навестить свою дочь, а ты — своего сына. Ты ведь не откажешь нам в месте за своим столом. Разумеется, мы будем сидеть на полу.

МЕСХИЯ: Ни в коем случае. Это уже прерогатива собаки. Или станет таковой, когда мы повстречаемся. (КОНТЕССЕ.) А тебе не приходит в голову, что я могу знать о так называемом Универсальном Разуме больше, чем Автарх знает сам о себе? Не только Универсальный Разум, но и многие менее могущественные силы по собственному жела-

нию набрасывают на себя наш, человеческий, облик, будто плащ. Иногда даже облик нескольких людей. И мы кажемся себе самими собой, а для других людей можем предстать Демиургом, Параклетом или же Дьяволом.

КОНТЕССА: Запоздалая мудрость, если мне суждено исчезнуть с восходом Нового Солнца. Полночь уже миновала?

ГОРНИЧНАЯ: Почти, твоя милость.

КОНТЕССА (указывая на публику): А все эти добрые люди. Что ожидает их?

МЕСХИЯ: А что происходит с опавшей листвой, которую уносит ветер?

КОНТЕССА: Если…

МЕСХИЯ: Если что?

КОНТЕССА: Если бы в моем теле оказалась часть твоего — капля прозрачной жидкости в моем чреве…

МЕСХИЯ: Если бы это случилось, ты странствовала бы по Урсу лишь немногим дольше — бесприютной скиталицей, которой никогда не суждено обрести дома. Но я не возлягу с тобой. Не надейся; ты всего-навсего труп. Даже ничтожней, чем труп.

ГОРНИЧНАЯ падает в обморок.

КОНТЕССА: Говоришь, ты отец всего челове-

ческого. Наверное, так оно и есть, потому что женщине ты несешь смерть.

Сцена погружается в темноту. Когда свет загорается снова, МЕСХИАНА и ЯХИ лежат под рябиной. В склоне холма, позади них, — дверь. У ЯХИ разбиты губы. Кровь стекает по подбородку.

МЕСХИАНА: У меня еще хватило бы сил найти его, если бы только ты от меня отстала.

ЯХИ: Мною движут силы Нижнего Мира. Если потребуется, я буду преследовать тебя до второго конца Урса. Но попробуй только еще раз ударить меня. Ты за это поплатишься.

МЕСХИАНА замахивается, и ЯХИ отшатывается.

МЕСХИАНА: К тому времени, как мы решили здесь передохнуть, у тебя ноги дрожали больше, чем у меня.

ЯХИ: Конечно, я страдаю гораздо больше, чем ты. Но Нижний Мир дает силу выносить невыносимое. Конечно, я не только красивее тебя, но и гораздо чувствительнее.

МЕСХИАНА: Вот именно!

ЯХИ: Еще раз предупреждаю тебя, но третьего предупреждения не будет. Попробуй тронь меня!

МЕСХИАНА: Ну и что же ты сделаешь? Призовешь Эриний отомстить мне? Если бы это было

в твоей власти, ты уже давно могла бы это сделать.

ЯХИ: Хуже. Если ты еще раз ударишь меня, тебе станет доставлять удовольствие причинять боль.

Появляются ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК и ВТОРОЙ СТРАЖНИК, вооруженные пиками.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Смотри! Вот они!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК (женщинам): Лежать! Не сметь подниматься! Или насажу на вертел, как цапля лягушку. Вы отправитесь с нами.

МЕСХИАНА: На четвереньках?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Не дерзить!

Он бьет ее пикой, и в ответ на это раздается почти непереносимый для человеческого слуха глубокий стон. Сцена вибрирует, а земля содрогается.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Что это?

ЯХИ: Конец Урса, недоумок! Давай, прикончи ее! Самому-то тебе так и так конец.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Много ты понимаешь! Для нас все только начинается. Нам приказали обыскать сад, а тому, кто найдет и приведет вас обеих, обещана награда. Десять хризосов — вот чего ты стоишь! И я их получу.

Он хватает ЯХИ, и в то же мгновение МЕСХИАНА

пускается наутек. ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК бежит за ней.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Не смей кусаться!

Он бьет Яхи рукоятью пики. Они начинают драться.

ЯХИ: Идиоты! Она сбежала!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Это уж забота Айво. Я свою поймал и притащу. А его сбежала, и если он ее не поймает, ему же хуже. Идем к хилиарху!

ЯХИ: А не желаешь ли предаться со мной любви, пока мы не покинули это очаровательное местечко?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Чтобы мое мужское естество отрезали и запихнули в мой же собственный рот? Ну, уж нет!

ЯХИ: Если там, конечно, есть что резать. ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Что ты сказала!? (Трясет ее за плечи.) ЯХИ: Все силы Урса придут ко мне на помощь. Вот погоди, отпусти меня лишь на мгновение, и я покажу тебе кое-что удивительное.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Я и так вижу довольно привлекательные вещицы, за что весьма благодарен луне.

ЯХИ: Я сделаю тебя богачом. Десять хризосов покажутся тебе ничем. Но я бессильна, пока ты меня держишь.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Ноги у тебя подлиннее, чем у прочих женщин, но, как я заметил, ты не очень-то охотно ими пользуешься. По-моему, ты едва держишься на ногах.

ЯХИ: Да, мне трудно даже стоять.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Я буду придерживать тебя за ожерелье. Цепочка на вид достаточно прочная. Если ты и вправду что-то можешь, валяй! А если нет, пошли. Все равно удрать тебе не удастся.

ЯХИ поднимает руки с расставленными пальцами. Некоторое время стоит тишина, потом слышится странная музыка. Мягкими хлопьями начинает падать снег.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Прекрати это!

Он хватает ее за руку. Музыка прекращается, а на его голову падает несколько последних снежинок.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Это не золото!

ЯХИ: Но ты видел?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: У нас в деревне была одна старуха, так она тоже умела управлять погодой. У нее, правда, это получалось не так быстро, как у тебя, но ведь она была совсем старая и дряхлая.

Появляется СТАТУЯ. Она двигается медленно, словно ничего не видит.

?ХИ: Что это?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Один из маленьких любимцев Отца Инира. Он тебя не видит и не слышит. Не уверен даже, что он вообще живой.

ЯХИ: Я тоже не уверена.

Когда СТАТУЯ проходит мимо нее, она слегка шлепает ее свободной ладонью по щеке.

ЯХИ: Любимый… любимый… любимый. Разве ты не хочешь приветствовать меня?

СТАТУЯ: Э-э-э-э-йо!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Что это? Перестань! Женщина, ты же говорила, что не имеешь силы, пока я тебя держу.

ЯХИ: Взгляни-ка на моего раба! Можешь сразиться с ним? Давай — сломай свое копье об эту широкую грудь!

СТАТУЯ опускается на колени и целует ноги ЯХИ.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК: Нет уж! — Зато бегаю я быстрее.

Он перекидывает ЯХИ через плечо и бежит. Дверь в холме отворяется и тут же захлопывается за ними. СТАТУЯ пытается ее сломать, но дверь не поддается. По лицу СТАТУИ катятся слезы. Потом она начинает раскапывать холм руками.

ГАБРИЕЛЬ (за сценой): Вот так каменные идолы, покинутые человеком, оставшись в одиночестве

в пустыне, продолжают хранить свою веру.

СТАТУЯ продолжает копать. Свет гаснет. В следующей сцене АВТАРХ сидит на троне. Силуэты по обе стороны от него указывают на то, что он находится в окружении придворных.

АВТАРХ: И вот я восседаю здесь, будто владею тысячами миров. А между тем я даже этому-то не хозяин.

За сценой — шаги марширующих людей и голос, отдающий приказания.

АВТАРХ: Генералиссимус!

Входит ПРОРОК. Он в овечьей шкуре. С посохом, увенчанным грубо вырезанным непонятным символом.

ПРОРОК: Повсюду удивительные знамения. В Инкусе родился безголовый теленок, а рот у него — на ноге. Достойная женщина видела во сне, что понесла от кобеля. Прошлой ночью на ледяные просторы юга выпал звездный дождь. И по всему свету бродят пророки.

АВТАРХ: А вот и один из них.

ПРОРОК: Сам Автарх их видел!

АВТАРХ: Мой архивариус — а он располагает обширными сведениями касательно сего предмета — как-то докладывал мне, что здесь было умерщвлено более сотни пророков. Их замуро-

вывали в стены, сжигали, отдавали на съедение диким зверям, топили. С некоторых даже сдирали живьем кожу и приколачивали ее к дверям. А теперь я хочу узнать от тебя о приходе Нового Солнца. Это давнее пророчество. Как это должно произойти? Что это означает? Говори, или архивариусу придется внести новую пометку в свой список, а палку, которую ты держишь в руках, скоро обовьют бледные побеги луноцвета.

ПРОРОК: Мой ответ не удовлетворит тебя, но я попробую.

АВТАРХ: Скажи лучше, ты просто не знаешь.

ПРОРОК: Знаю. Но я знаю также, что ты практическая натура. Тебя занимает только жизнь этого мира, а взгляд твой почти никогда не устремляется в высшие сферы.

АВТАРХ: Именно это и составляет предмет моей гордости вот уже более тридцати лет.

ПРОРОК: Но даже ты должен знать, что сердце старого солнца пожирает червь. Материя внутри его сама себя поглощает и исчезает, как в бездонной яме.

АВТАРХ: Мои астрономы уже давно твердят то же самое.

ПРОРОК: Представь себе яблоко с гнильцой внутри. Снаружи оно кажется целым до тех пор,

пока вдруг не обращается в прах.

АВТАРХ: Любому смертному, если силы не оставили его на закате жизни, приходит в голову этот образ.

ПРОРОК: Вот то же самое и происходит со старым солнцем. Но что есть этот червь? Известно ли нам что-нибудь о нем, кроме того, что он лишает Урс тепла, света и, в конце концов, самой жизни?

За сценой — звуки борьбы. Крик боли и треск, как если бы с постамента свалилась большая ваза.

АВТАРХ: Мы очень скоро выясним, что там случилось. А пока продолжай, Пророк.

ПРОРОК: Мы знаем, что это — нечто большее. Точка разрыва в постоянстве вселенной, прореха в ее ткани, сплетенной неизвестными нам законами. Из этой прорехи ничего не выходит, напротив — все поглощается ею. И все же из нее может что-то появиться, ибо она одна не является рабом своей природы.

Появляется НОД. Его подталкивают пиками, по телу его струится кровь.

АВТАРХ: А это еще что за урод?

ПРОРОК: Одно из подтверждений моих предзнаменований. Как уже давно известно, со смертью

старого солнца погибнет Урс. А из его могилы выйдут на свет чудовища, новые люди и Новое Солнце. Старый Урс преобразится, как бабочка, выпорхнувшая из куколки, а Новый Урс будет именоваться Ушас.

АВТАРХ: Значит, все, что мы сейчас видим, исчезнет? Это древнее здание? И я сам? И ты?

НОД: Сам я не обладаю мудростью, но слышал от одного мудреца — скоро моя семья породнится с ним, — что все это только к лучшему. Мы всего лишь сны, а у снов нет собственной жизни. Смотрите, я ранен (показывает руку). Если исцелить рану, она исчезнет. Разве эта рана произнесет своими кровавыми губами, что не хочет исцеления? Я только пытаюсь объяснить, что он говорил, но мне кажется, что он подразумевал нечто подобное.

За сценой раздается колокольный звон.

АВТАРХ: Что это? Ты, Пророк, пойди и узнай, кто велел устроить этот шум и почему.

ПРОРОК уходит.

НОД: Уверен, колокола приветствуют Новое Солнце. Я и сам за этим пришел. У нас такой обычай: когда прибывает почетный гость, мы ревем, бьем себя в грудь, вырываем из земли деревья и швыряем в пропасть скалы в его честь. Все это

я и проделаю наутро, если ты отпустишь меня на волю. И я знаю, что весь Урс присоединится ко мне. Сами горы бросятся в море, когда завтра взойдет Новое Солнце.

АВТАРХ: Откуда ты? Отвечай, и я освобожу тебя.

НОД: Как откуда? Из моей страны. Она лежит к востоку от Рая.

АВТАРХ: А где это?

НОД указывает на восток.

АВТАРХ: А Рай где? Там же?

НОД: Как это где? Да ведь мы же в Раю. Или, по крайней мере, под ним.

Входит ГЕНЕРАЛИССИМУС. Приближается к трону и отдает честь.

ГЕНЕРАЛИССИМУС: Автарх, мы обыскали все вокруг Обители Абсолюта, как вы приказали. Нашли Контессу Карину, а поскольку ее состояние не внушает опасения, мы препроводили ее в личные покои. Нашли также колосса, который сейчас перед вами, женщину в украшениях, соответствующую твоему описанию, и двух торговцев.

АВТАРХ: А еще двое — голый человек и его жена?

ГЕНЕРАЛИССИМУС: Не обнаружены.

АВТАРХ: Продолжайте поиски, да на этот раз ищите получше.

ГЕНЕРАЛИССИМУС (отдает честь): Будет исполнено, мой повелитель.

АВТАРХ: А женщину в украшениях привести ко мне.

ІОД пробует двинуться, но его сдерживают копьями.

ГЕНЕРАЛИССИМУС хватается за пистолет.

НОД (АВТАРХУ): Я же сказал тебе, где моя земля. Прямо на восток от твоей.

ГЕНЕРАЛИССИМУС: Он лжет! Я хорошо знаю этот район.

АВТАРХ (устало): В его понимании, это правда. Может, это и есть единственная правда.

НОД: Значит, я свободен?

АВТАРХ: Полагаю, то, что ты явился встречать, придет вне зависимости от того, свободен ты или нет. Но все же, кто его знает… Во всяком случае, нельзя допускать, чтобы такое существо, как ты, шаталось, где ему вздумается. Нет, я не отпускаю тебя и никогда не отпущу.

НОД

бросается со сцены, за ним — ГЕНЕРАЛИССИМУС. Выстрелы, крики, треск. Фигуры, окружающие АВТАРХА, меркнут. Снова начинает звонить ко-

локол. Опять появляется НОД. На его щеке след лазерного ожога. АВТАРХ бьет его скипетром — от каждого удара раздается взрыв и разлетаются искры. НОД хватает АВТАРХА и собирается обрушить его на сцену, как вдруг появляются два ДЕМОНА, переодетые торговцами, опрокидывают НОДА и водворяют АВТАРХА на трон.

АВТАРХ: Примите мою благодарность. Вас наградят. Я уже потерял надежду, что меня спасет охрана, и оказался прав. Могу я спросить, кто вы?

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Вся охрана перебита. Этот гигант размозжил их черепа о стены, а хребты переломал об колено.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Мы простые торговцы. Нас взяла стража.

АВТАРХ: Лучше бы все они были торговцами, а вы — моими охранниками. Странно, на вид вы не очень-то сильны.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН (отвешивая поклон): Истоки нашей силы в том, кому мы служим.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Ты, наверное, задаешься вопросом, почему простые торговцы низкого звания бродят поздней ночью в твоих садах. Дело в том, что мы пришли с предупреждением. Не так давно дорога привела нас в непроходимые леса севера.

Там, в храме, древнем, как само человечество, в древесном святилище, которое представляется взгляду курганом, воздвигнутым из зелени листьев, мы имели беседу со старцем-шаманом, и он предсказал великую невзгоду твоему царству.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: И мы поспешили сюда с этим известием. Бедствие еще можно предотвратить, и мы успели как раз вовремя.

АВТАРХ: Что от меня требуется?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Мир, столь ценимый нами, уже столько раз обернулся вокруг солнца, что основа его ткани истлела, а нить времени оборвалась, превратившись в прах.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Его земли износились, подобно дряхлой женщине, давно утратившей красоту и плодовитость. Грядет Новое Солнце…

АВТАРХ: Все это я уже слышал сотни раз!

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: И когда оно взойдет, земли старого мира поглотит море, как уходят на дно потерпевшие крушение суда.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Но из моря поднимутся новые земли, полные золота, серебра, меди и железа. Земли, сияющие алмазами, рубинами, бирюзой, которые накопило море за неисчислимые миллионы столетий.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Те земли готовы принять

новых людей. Нынешнее человечество падет, как уходит под плуг сорная трава, что так долго занимала поле, чтобы уступить место пшенице.

ВТОРОЙ ДЕМОН: Но если семя пшеницы спалить огнем… Что тогда? Высокий мужчина и худая женщина, с которыми вы недавно повстречались, и есть то самое семя. Была надежда, что семя удастся уничтожить, пока оно не попало в землю, но призванная осуществить это деяние потеряла их из виду, не нашла меж сухой травы и комьев глины. Теперь ее хитростью предали в руки Инквизитора для сурового допроса. Но семя все равно можно предать огню.

АВТАРХ: Эта мысль уже приходила мне в голову.

ОБА ДЕМОНА (хором): Несомненно!

АВТАРХ: Но разве смерть тех двоих предотвратит приход Нового Солнца?

ПЕРВЫЙ ДЕМОН: Нет, а зачем? Новые земли будут принадлежать тебе.

Экраны, огораживающие сцену, загораются. На них — лесистые холмы и шпили городских домов. АВТАРХ разглядывает их. Непродолжительная пауза. Потом он вынимает из мантии переговорное устройство.

АВТАРХ: Только бы Новое Солнце не узрело того,

что я делаю. Кораблям! Огонь по окрестностям! Все сровнять с землей!

Оба ДЕМОНА исчезают. Появляется сидящий НОД. Города и холмы бледнеют. Вместо них на экранах — многократно повторенное изображение АВТАРХА. Сцена погружается в темноту.

Когда свет зажигается снова, в центре ИНКВИЗИТОР сидит за высоким столом. Его ПОМОЩНИК в одежде палача и в маске стоит рядом. По обеим сторонам разнообразные орудия пытки.

ИНКВИЗИТОР: Брат, приведи женщину, обвиняемую в ведьмовстве.

ПОМОЩНИК: Контесса ожидает в приемной, а поскольку она принадлежит к знатному роду и фаворитка нашего правителя, я просил бы тебя принять ее первой.

Входит КОНТЕССА.

КОНТЕССА: Я слышала, что здесь говорилось, и, решив, что ты. Инквизитор, не мог бы не внять моей просьбе, взяла на себя смелость войти, не дожидаясь приглашения. Считаешь ли ты мой поступок проявлением смелости?

ИНКВИЗИТОР: Ты играешь словами. Но, должен признаться, я действительно так считаю.

КОНТЕССА: И ошибаешься. Уже восемь лет

моего девичества я обитаю в Обители Абсолюта. Когда из моего чрева впервые заструилась кровь, мать привела меня сюда. Она наказывала мне никогда не приближаться к твоим покоям, где кровь множества людей струится независимо от фаз луны. До сего дня я не бывала здесь, а теперь пришла и дрожу от страха.

ИНКВИЗИТОР: Тем, в ком нет зла, здесь нечего бояться. И все же твое признание — проявление смелости.

КОНТЕССА: А есть ли во мне зло? А в тебе? А в нем? Мой исповедник сказал бы, что во мне — есть. Что говорит твой? Или он боится? А твой Помощник? Не лучше ли он тебя?

ПОМОЩНИК: Мне бы это пришлось не по душе.
КОНТЕССА: Нет, я не так уж храбра и знаю, что здесь мне угрожает опасность. Но именно страх и привел меня в эти мрачные покои. Тебе известно об обнаженном мужчине, который ударил меня? Его нашли?

ИНКВИЗИТОР: Нет, его не приводили ко мне.
КОНТЕССА: Не прошло еще и стражи с тех пор, как солдаты нашли меня в саду. Я плакала, а моя горничная пыталась меня утешить. Я боялась оставаться там, в темноте, поэтому они отвели меня в мои покои через галерею, которую назы-

вают Воздушной Дорогой. Ты бывал на ней?

ИНКВИЗИТОР: Разумеется.

КОНТЕССА: Тогда ты знаешь, что она вся состоит из окон, а свет проникает сквозь них в примыкающие помещения и коридоры. Так вот, в одном из окон я увидела фигуру мужчины. Он был высок, со стройными членами, широкими плечами и узкими бедрами.

ИНКВИЗИТОР: На свете немало таких мужчин.
КОНТЕССА: Сперва и я так подумала. Но в скором времени та же фигура появилась в другом окне, и еще в одном, и еще. Тогда я велела стражникам стрелять в него. Они решили, что я сошла с ума, и отказались, но послали людей на поиски. Те вернулись с пустыми руками. А он продолжал глядеть на меня из каждого окна. При этом казалось, что его тело качается в воздухе.

ИНКВИЗИТОР: И ты думаешь, что это тот самый человек, который тебя ударил?

КОНТЕССА: Хуже. Я боюсь, что это не тот, хотя они похожи. Кроме того, я уверена, что тот не причинил бы мне зла, если бы я с уважением отнеслась к его сумасшествию. Нет, в эту странную ночь, когда мы, как уходящие под снег сухие стебли старого человеческого племени, оказались перемешанными с семенами, которые вскоре

дадут новую поросль, я боюсь, что это нечто большее — чего мы не знаем.

ИНКВИЗИТОР: Может быть, и так, но здесь ты его не найдешь, так же как и человека, который тебя ударил. (К ПОМОЩНИКУ.) Приведи женщину-ведьму, брат.

ПОМОЩНИК: Все они ведьмы, только некоторые хуже прочих.

Ін удаляется и возвращается, ведя на цепи МЕСХИАНУ.

ИНКВИЗИТОР: Тебя обвиняют в том, что ты наложила чары на семерых воинов нашего суверенного правителя, из-за чего они нарушили присягу и обратили оружие против товарищей и начальников. (Он поднимается и зажигает большую свечу на краю стола.) Я призываю тебя покаяться в этом грехе и, если ты это сделала, поведать, какие силы помогали тебе и кто научил тебя взывать к их мощи.

МЕСХИАНА: Просто солдаты поняли, что я не замышляю ничего дурного. Они испугались за меня. Я…

ПОМОЩНИК: Молчать!

ИНКВИЗИТОР: Заявления обвиняемого не имеют веса, если они не сделаны под пыткой. Мой помощник приготовит тебя.

ПОМОЩНИК хватает МЕСХИАНУ и привязывает ее к одному из орудии пыток.

КОНТЕССА: При том что до конца нашего мира осталось так немного времени, вряд ли мне стоит тратить его на подобные зрелища. Скажи, ты подруга того голого мужчины? Я собираюсь поискать его и скажу ему, что с тобой стало.

МЕСХИАНА: О! Сделай это! Я надеюсь, он вернется, пока еще не слишком поздно.

КОНТЕССА:

— А я надеюсь, что он примет меня вместо тебя. Несомненно, и та и другая надежда равно беспочвенны, и вскоре нам суждено стать сестрами по несчастью.

КОНТЕССА уходит.

ИНКВИЗИТОР: Я тоже ухожу. Мне надо расспросить тех солдат, которые ее нашли. Приготовь обвиняемую, а я скоро вернусь.

ПОМОЩНИК: Но есть еще и другая, инквизитор. Она совершила сходное преступление, но, кажется, менее опасна.

ИНКВИЗИТОР: Почему же ты мне сразу не сказал? Я мог бы произнести наставление обеим одновременно. Веди ее.

ПОМОЩНИК уходит и возвращается с ЯХИ. ИНКВИЗИТОР роется в бумагах на столе.

ИНКВИЗИТОР: Тебя обвиняют в том, что ты наложила чары на семерых воинов нашего суверенного правителя, из-за чего они нарушили присягу и обратили оружие против товарищей и офицеров. Теперь я призываю тебя покаяться в этом грехе и, если ты это сделала, поведать, какие силы помогали тебе и кто научил тебя взывать к их мощи.

ЯХИ (гордо): Я совершила все, в чем ты меня обвиняешь, и еще многое другое, о чем тебе неизвестно. Я не смею назвать эти силы, иначе здешняя роскошная крысиная нора разлетится вдребезги. Кто научил меня? Кто учит ребенка взывать к своему отцу?

ПОМОЩНИК: Мать?

ИНКВИЗИТОР: Откуда мне знать? Готовь ее. Я скоро вернусь.

ИНКВИЗИТОР уходит.

МЕСХИАНА: И за тебя тоже сражались? Жаль — столько народу зря погибло.

ПОМОЩНИК (запирая ЯХИ в пыточную машину с другой стороны от стола): Он просто перепутал бумаги — снова зачитал твою. Когда он вернется, я укажу ему на ошибку. Разумеется, как нельзя более дипломатично.

ЯХИ: Ты наложила заклятие на солдат? Тогда

сделай то же самое с этим идиотом и освободи нас.

МЕСХИАНА: Я не знаю никаких заклинаний. К тому же за меня вступились только семеро из пятидесяти.

Входит НОД. Он связан.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК подталкивает его острием пики.

ПОМОЩНИК: А это еще что?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Ну, это такой преступник, которого у тебя еще никогда не бывало. Он расправился с целой сотней, как с кучей щенков. У тебя найдутся кандалы ему под стать?

ПОМОЩНИК: Придется соединить несколько пар, но я как-нибудь справлюсь.

НОД: Я не мужчина. Я и больше и меньше чем человек. Я рожден из глины, от Матери Геи, владычицы диких зверей. Если ты повелеваешь людьми, то должен отпустить меня.

ЯХИ: Мы тоже. Отпустите и нас!

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК (со смехом): Уж вы-то точно не мужчины. На этот счет никаких сомнений быть не может.

МЕСХИАНА: Она и не женщина. Не позволяй ей провести себя.

ПОМОЩНИК (защелкивая последний запор на

цепях Нода): Ей это не удастся. Поверь, сейчас ей будет не до шуточек.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Ты тут неплохо позабавишься, когда я уйду, верно?

Он протягивает руку к ЯХИ. Она шипит, как кошка.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК: Не будешь ли ты столь любезен отвернуться на некоторое время?

ПОМОЩНИК (собираясь приступить к пытке). Если бы я оказался столь любезен, то вскоре очутился бы на собственной дыбе. Но если ты подождешь, пока вернется мой хозяин, Инквизитор, то твое желание исполнится: будешь лежать с ней рядышком.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК застывает в нерешительности, потом, осознав смысл произнесенного ПОМОЩНИКОМ, тут же исчезает.

НОД: Эта женщина станет матерью моего зятя. Не трогай ее. (Натягивает цепи.) ЯХИ (подавляя зевок). Всю ночь на ногах… И хотя духом я, как всегда, бодра, плоть моя нуждается в отдыхе. Ты не можешь поскорее закончить с ней и взяться за меня?

ПОМОЩНИК (не оборачиваясь). Здесь не отдыхают.

ЯХИ: Неужели? А мне казалось, здесь так уют-

но.

ЯХИ снова зевает, и, когда она поднимает руку, чтобы прикрыть рот, наручник спадает.

МЕСХИАНА: Держи ее! Неужели ты не понимаешь: в ней нет земных частиц, поэтому железо не имеет над ней власти?

ПОМОЩНИК (по-прежнему пытает МЕСХИАНУ и не оборачивается). Не бойся, никуда она не денется.

МЕСХИАНА: Гигант! Неужели ты не можешь вырваться? От этого зависит судьба мира!

НОД натягивает цепи, но не может разорвать их.

ЯХИ (освобождаясь от цепей): Верно! Я отвечаю вместо него, потому что в мире реальности я во много раз сильнее, чем любой из вас. (Она огибает стол и заглядывает через плечо ПОМОЩНИКА.) Как интересно! Грубо, конечно, но занятно.

ПОМОЩНИК оборачивается, вытаращив глаза, а она со смехом убегает. Он неуклюже бежит за ней и вскоре возвращается с удрученным видом.

ПОМОЩНИК (отдуваясь): Сбежала.

НОД: Да. Она на свободе.

ПОМОЩНИК: Разве вам понять, что это значит для меня? Скоро вернется хозяин, и мне конец.

НОД: Миру конец. Она же тебе говорила.

МЕСХИАНА: Палач, послушай меня. Еще не все пропало. Ты должен отпустить великана.

ПОМОЩНИК: Могу себе представить! Он убьет меня и освободит тебя. Что ж, по крайней мере, это будет быстрая смерть.

МЕСХИАНА: Он ненавидит Яхи и, хотя не особенно умен, знает ее уловки. Вдобавок он обладает огромной силой. Более того, я знаю клятву, которую он никогда не нарушит. Отдай ему ключ от наручников, а сам приставь свой меч к моему горлу. Заставь его поклясться моей жизнью, что он поймает Яхи, приведет ее сюда и сам себя закует.

ПОМОЩНИК в нерешительности.

МЕСХИАНА: Ты ничего не потеряешь. Твой хозяин даже не знает, что он должен быть здесь. Но если он вернется и увидит, что ее iao…

ІОМОЩНИК: Согласен! (Снимает ключ с кольца на поясе.) НОД: Клянусь надеждой породниться с человеческим племенем, дабы нас, гигантов, могли именовать Сынами Отца, пленить дьявола в образе женщины, привести ее сюда и держать, чтобы она не исчезла снова, и заковать себя так, как я закован ныне.

ПОМОЩНИК: Это та самая клятва?

МЕСХИАНА: Да!

ПОМОЩНИК бросает ключ Ноду, вынимает меч и держит его наготове.

ПОМОЩНИК: А он сможет ее найти?

МЕСХИАНА: Он должен ее найти!

НОД (освобождаясь от цепей): Я поймаю ее. Как она говорила, тело слабеет. Она может мчаться быстро и далеко, но ей никогда не догадаться, что спасение не в бегстве.

ПОМОЩНИК: Мне придется продолжить. Надеюсь, ты понимаешь…

ІОМОЩНИК мучает МЕСХИАНУ. Она кричит.

ПОМОЩНИК (понизив голос): Как она красива! Хотелось бы мне встретиться с ней где-нибудь в другом месте.

Свет гаснет. Слышен легкий топот бегущей ЯХИ. Через некоторое время в слабом свете появляется НОД, пробирающийся по коридорам Обители Абсолюта. Этот эффект достигается при помощи движущихся изображений урн, картин, мебели на заднем плане. Среди них — изображение ЯХИ. Она появляется на сцене, вслед за ней, по пятам — ВТОРОЙ ДЕМОН.

ЯХИ: Куда он мог подеваться? Весь сад спален дотла. Твое тело — лишь видимость. Обратись в сову и поищи его!

ВТОРОЙ ДЕМОН (насмешливо): Кого?

ЯХИ: Месхию! Вот подожди, Отец узнает, как ты обращаешься со мной, как из-за тебя пошли прахом все наши старания!

ВТОРОЙ ДЕМОН: От кого узнает? От тебя? Да это же ты упустила Месхию, позволила женщине соблазнить его. И что же ты скажешь? «Меня обманула женщина?» Как-то раз эта выдумка имела успех — так давно, что, кроме нас с тобой, об этом никто и не помнит. А теперь ты все испортила: ложь стала правдой.

ЯХИ (бросаясь на ДЕМОНА): Жалкий доносчик! Подлиза! Только и умеешь, что ныть да подглядывать.

ВТОРОЙ ДЕМОН (отскакивая от нее): Теперь тебя сошлют в землю Нода, что лежит к востоку от Рая.

За сценой слышится тяжелая поступь НОДА. ЯХИ прячется за клепсидрой, а ВТОРОЙ ДЕМОН сотворяет пику и встает в позу часового.

НОД: Как долго ты тут стоишь?

ВТОРОЙ ДЕМОН (отдавая честь): Сколько тебе будет угодно, сьер.

НОД: Что нового?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Все, что пожелаешь, сьер. Великан ростом с колокольню перебил всю охрану. Автарх пропал. Мы уже столько раз обыскивали

сад, что если бы У нас при себе был навоз вместо копий, то маргаритки уже стали бы размером с зонтик. Утки линяют, а надежды растут — также пошла в рост и репа. Завтра ожидается сухая, теплая солнечная погода… (бросает многозначительный взгляд на клепсидру), а по залам дворца пробегала раздетая женщина.

НОД: Что это такое?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Водяные часы, сьер. Видишь ли, если знать, который час, можно сказать, сколько воды утекло.

НОД (осматривая клепсидру): У нас таких не бывает. Значит, этих кукол приводит в движение вода?

ВТОРОЙ ДЕМОН: Кроме той большой, сьер.

ЯХИ бросается со сцены, НОД за ней, но, прежде чем он скрывается из виду, она ныряет у него между ногами, возвращается и успевает спрятаться в сундук. За это время ВТОРОЙ ДЕМОН исчезает.

НОД (появляясь на сцене): Эй! Стой! (Добегает до противоположного конца сцены и возвращается.) Горе мне! Горе! Там, в саду, она один раз проскочила так близко. Я мог бы дотянуться до нее и раздавить, как кошку, как червя, как мышь, как змею! (В публику.) Не смейте смеяться надо

мной! Я перебью вас всех! Все ваше поганое племя! Вся земля будет усеяна вашими костями! Но я жив! Я жив, а Месхиану, которая верила в меня, ждет гибель.

НОД сшибает клепсидру. По сцене летят медные чаши и льется вода.

НОД: Что толку в даре речи, если единственное, что я могу — это проклинать самого себя. Добрая мать всех зверей, отбери его у меня! Пусть я стану таким, как прежде, и пусть холмы огласятся моим звериным ревом. Разум не приносит ничего, кроме боли, — так не разумнее ли утратить его и вновь обрести счастье!

НОД опускается на сундук, в котором прячется ЯХИ. Он сидит, опершись локтями о колени и закрыв лицо руками. Свет постепенно меркнет, а сундук начинает трещать под тяжестью его тела. Свет загорается. На сцене снова кабинет ИНКВИЗИТОРА. МЕСХИАНА на дыбе. ПОМОЩНИК поворачивает колесо. Она кричит.

ІОМОЩНИК: Ну как, теперь лучше? Я же говорил! Пускай соседи слышат, что мы тут не дремлем. Ты не поверишь: все это крыло полным-полно пустых помещений и бездельников. Только мы с хозяином трудимся. Мы делаем свое дело, и на том покоится Содружество. И мы хотим,

чтобы они почаще об этом вспоминали.

Входит АВТАРХ в разорванном и запятнанном кровью одеянии.

АВТАРХ: Где я? (Он садится на пол, закрыв лицо руками. Его поза похожа на позу НО ДА.) ПОМОЩНИК: Где? Это Палата Милосердия, августейший осел. Как же ты сюда попал, если даже не знаешь, где находишься?

АВТАРХ: Сегодня меня так гоняли по собственному дому, что я мог оказаться где угодно. Принеси вина — или воды, если здесь нет вина, — и запри дверь.

ПОМОЩНИК: Вина нет, есть кларет. А дверь запереть никак не могу, потому что жду хозяина.

АВТАРХ (более настойчиво): Делай, что тебе сказано.

ПОМОЩНИК (очень мягко): Ты пьян, дружище. Выметайся-ка отсюда.

АВТАРХ: Я… Хотя какая разница? Всему конец. Я такой же человек, как и ты.

Издали слышны тяжелые шаги НОДА.

ПОМОЩНИК: У него ничего не вышло! Так я и знал! МЕСХИАНА: Нет, вышло! С пустыми руками он не вернулся бы так скоро. Мир еще можно спасти! АВТАРХ: О чем это вы?

Появляется НОД. Разум покинул его, как он и

молил, но он тащит за собой ЯХИ. Помощник бросается к нему с кандалами.

МЕСХИАНА: Держите ее, иначе она опять убежит.

ПОМОЩНИК надевает цепи на НОДА так, что одна из его рук обхватывает ЯХИ. НОД сильнее прижимает ее к себе.

ІОМОЩНИК: Он раздавит ее! Эй ты, дурень здоровый! Перестань!

ПОМОЩНИК хватает железный прут и лупит НОДА. НОД испускает рев, пытается дотянуться до него и выпускает ЯХИ. Ее бесчувственное тело соскальзывает на землю. Помощник берет ее за ногу и подтаскивает к АВТАРХУ.

ПОМОЩНИК: Вот и ты пригодился.

Он рывком сажает АВТАРХА прямо и быстро заковывает его так, что рука Автарха обхватывает запястье ЯХИ. Потом он возвращается к МЕСХИАНЕ и продолжает ее пытать. За его спиной НОД освобождается от цепей.

Глава 25
Нападение на иеродулов

Мы играли пьесу под открытым небом, где звук так легко растворяется в бесконечности воздуха, но, несмотря на это, я хорошо слышал, как Балдандерс гремит железками, изображая, что разрывает оковы. Я слышал и разговоры в публике — в одном из них речь шла о пьесе, в коей, к моему искреннему удивлению, собеседники находили глубокий смысл, который, должен заметить, доктор Талое вряд ли намеревался в нее вложить. Другая беседа шла о судебном деле: мужской голос с ленивыми интонациями экзультанта выражал уверенность в том, что Автарх чуть было не вынес неверного решения.

Занято было не более десятка кресел, но со всех сторон их окружали величавые фигуры стоящих. Я заметил нескольких дам в придворных платьях, очень похожих на те, что носили женщины в Лазурном Доме: с глубоким вырезом и длинными юбками с разрезами или кружевными вставками. Простые прически были украшены цветами, бриллиантами и светлячками.

Однако большую часть публики составляли мужчины, причем их число продолжало увеличиваться. Почти все были ростом с Водалуса, а то и выше. Они зябко кутались в плащи, словно боялись простудиться на мягком весеннем ветерке. Их лица скрывали широкополые шляпы с низкой тульей.

Цепи Балдандерса звякнули о сцену, а Доркас вскрикнула, дав мне сигнал, что он вырвался на свободу. Я повернулся к нему, потом испуганно отпрянул в сторону, схватил ближайший ко мне светильник, чтобы удержать великана на расстоянии. Пламя задрожало и едва не потухло, залитое маслом, но вспыхнуло вновь, коснувшись серы и минеральных солей, которые доктор Талое насыпал на обод чаши.

Великан изображал безумие, как того требовала роль. Его грубые волосы ниспадали на лицо, но за этой завесой я видел дико горящие глаза. Из разверстого рта с желтоватыми зубами сочилась слюна. Руки вдвое длиннее моих тянулись ко мне.

Меня испугало — а я, надо признать, действительно был напуган и от всего сердца желал, чтобы у меня в руке оказался «Терминус Эст», а не бесполезный светильник, — то, что я мог бы

назвать выражением, скрывающимся за отсутствием выражения на его лице. Так иногда мы видим темную воду, текущую под прозрачной поверхностью льда замерзающей реки. Судя по всему, Балдандерс испытывал величайшую радость. Ему нравилось быть таким, каким он предстал сейчас, и, взглянув в его лицо, я впервые осознал, что он не столько играет безумие на сцене, сколько изображает его отсутствие и туманное смирение в жизни. Мне стало интересно, принимал ли Балдандерс участие в создании пьесы, или просто доктор Талое (как скорее всего оно и было) гораздо лучше меня понимал своего подопечного.

Разумеется, мы не собирались нагонять особого страху на придворных Автарха, как обычно поступали с сельскими жителями. Балдандерс должен был вырвать у меня светильник, сделать вид, что ломает мне спину и закончить сцену. Но финал был совсем иным. Я до сих пор не знаю, что с ним случилось: то ли он по-настоящему потерял рассудок, то ли пришел в неистовую ярость при виде все прибывающих и прибывающих зрителей. Возможно — и то и другое.

Как бы там ни было, он выхватил у меня светильник и резко обернулся к публике, так что

масло расплескалось вокруг него огненными брызгами. Жестяной меч, которым я недавно угрожал Доркас, валялся у меня под ногами, и я бессознательно потянулся за ним. Когда я выпрямился, Балдандерс уже бушевал в толпе. Пламя погасло, но он размахивал светильником как дубинкой.

Прозвучал выстрел. На великане запылал костюм, но пуля, по-видимому, не задела тела. Несколько экзультантов обнажили шпаги, а у кого-то оказалось редчайшее оружие — дрема. В мгновение ока Балдандерса окутал пурпурный дым. Казалось, он стоит, запутавшись в сетях своего реального прошлого и того, чего никогда с ним не бывало: к его боку прилепилась седовласая женщина, над головой качалась на волнах рыбачья лодка, а ледяной ветер сбивал языки пламени с горящей одежды.

Но видения, которые, как говорят, одурманивают солдат, делают их совершенно беспомощными и недееспособными, казалось, не имели власти над Балдандерсом. Он шел вперед, расчищая путь сокрушительными ударами светильника.

Потом, в те несколько мгновений, в которые я не мог оторвать взгляда от этого зрелища (потому что вскоре я обрел самообладание и бросил-

ся прочь от безумной схватки), я увидел, что несколько закутанных в плащи фигур сбросили свое одеяние. Вместе с лицами. И под этими масками, которые казались теперь сгустками призрачной субстанции, столь же нематериальными, как тела ночниц, обнаружились такие чудовищные формы, что разум отказывался верить в их реальность. Я видел огромные круглые пасти, усаженные игольчатыми зубами, глаза, напоминавшие сосновую шишку, на которой каждая чешуйка тоже представляла собой зрачок, языкообразные челюсти. Эти создания навсегда укоренились в моей памяти. Глухими ночами они вновь и вновь встают у меня перед глазами. И когда, наконец, удается перевести взгляд на звезды и пронизанные лунным светом облака, я каждый раз радуюсь, что мне довелось увидеть лишь тех, кто был ближе всего к нашей сцене.

Я уже говорил, что бросился прочь. Но эта кратковременная отлучка, во время которой я добрался до «Терминус Эст», издалека наблюдал за сумасшедшей атакой Балдандерса, дорого мне стоила: когда я вернулся за Доркас, ее уже не было.

И тогда я снова помчался оттуда — не из страха перед яростью великана, какогенами, оказав-

шимися среди публики, или преторианцами Автарха, которые, как я предполагал, вот-вот должны были появиться. Я искал Доркас. Я бежал и бежал, выкрикивая ее имя, но не видел ничего, кроме рощ, фонтанов и глубоких лощин этих бесконечных садов. Наконец, задыхаясь и ощущая боль в ногах, я перешел на шаг.

Невозможно передать чувство горечи, которое охватило меня. Едва обрести Доркас и тут же снова потерять ее — это было выше моих сил. Женщины думают или, во всяком случае, делают вид, что думают, будто наша нежность к ним происходит от желания, что мы любим лишь поначалу, когда не имеем возможности обладать женщиной, и пренебрегаем ею, удовлетворив или, вернее, исчерпав свою страсть. В представлении нет ни капли истины, хотя при желании его можно выдать за правду. Будучи одержимы вожделением, мы стараемся изображать нежность в надежде на удовлетворение, но именно в это время мы, как никогда, склонны к жестокости по отношению к женщине и менее всего способны испытывать к ней какое-либо иное, глубокое чувство. Блуждая по ночным садам, я не ощущал физического влечения к Доркас (хотя я не обладал ею с той самой ночи в крепости близ Кровавого

Поля), потому что многократно излил мужскую силу в лодке-кувшинке с Иолентой. И все же, найди я Доркас, я задушил бы ее поцелуями, а к Иоленте, которую всегда недолюбливал, теперь испытывал истинную привязанность.

Однако ни Доркас, ни Иолента не объявлялись. Не видно было также ни спешащих к месту побоища отрядов, ни даже участников празднества. И поныне мне неведомо, как далеко простираются покои Обители Абсолюта. Существует несколько карт, но они недостаточно подробны и противоречат друг другу. Планов Второй Обители нет вообще, и даже Отец Инир говорил мне, что не помнит всех ее тайн. Странствуя по узким коридорам, я ни разу не встретил белых волков, но обнаружил лестницы, ведущие к храмам под руслом реки, и колодцы с люками, выходящие в первозданный лес. (Одни из таких выходов отмечены полуразвалившимися, заросшими травой мраморными стелами, другие — нет.) Когда я закрывал люк и с сожалением погружался в искусственную атмосферу, в которой еще некоторое время оставались намеки на живые запахи увядающей листвы, я часто задумывался, не идет ли часть подземных переходов к самой Цитадели. Ведь не зря же старый Ультан намекал, что

хранилища его библиотеки простираются вплоть до Обители Абсолюта. Разве это не означает, что сама Обитель Абсолюта тянется до хранилищ библиотеки? Некоторые закоулки Второй Обители так похожи на те слепые коридоры, в которых я когда-то искал Трискеля. Может, это те же самые коридоры, а если так, тогда я подвергался большей опасности, чем предполагал.

Я и сейчас не знаю, есть ли серьезные основания для подобных предположений, но в то время, о котором я пишу, мне ничего такого даже в голову не приходило. В своем невежестве я предполагал, что Обитель Абсолюта, которая как в пространстве, так и во времени простирается гораздо дальше, чем может вообразить неосведомленный человек, имеет четкие границы, и я приближаюсь к ним, а возможно, уже оставил их позади. Так я шел всю ночь на север, держа путь по звездам. А в пути передо мной проходила моя собственная жизнь, в точности как бывало всегда, когда я пытался заснуть, а сон никак не шел. Снова я плавал с Дроттом и Рошем в холодных водах под Колокольной Башней, снова я подменял игрушечного чертика Жозефины лягушкой и в очередной раз протягивал руку, чтобы перехватить рукоять топора, которой должен

был обрушиться на шею великого Водалуса, и тем самым спасал Теклу, еще не заключенную в тюрьму. Я видел ручеек крови, вытекающий из-под ее двери, видел мастера Мальрубиуса, склонившегося надо мной, Иону, исчезающего в бесконечности между измерениями. Я опять играл с камушками во дворе под рухнувшей стеной, а Текла увертывалась от удара копыт лошади, на которой сидел охранник моего отца.

Даже миновав последнюю балюстраду, я все еще боялся наткнуться на стражников Автарха, но за весь путь ни разу не повстречал ни единого дозорного отряда, и постепенно страх сменился презрением. Я решил, что их бездеятельность — это часть общего беспорядка, столь обычного для Содружества. Было ясно, что и без моей помощи Водалус легко мог бы справиться с кучкой этих растяп. Прямо сейчас, если бы он только вздумал нанести удар.

Тем не менее гермафродит в желтом одеянии, знавший пароль Водалуса и явно ожидавший его послания, без сомнения, и был самим Автархом, повелителем армии и, если уж на то пошло, всего Содружества — по крайней мере, в тех пределах, в которых оно вообще подчинялось какой-либо власти. Текла много раз видела его, а поскольку

воспоминания Теклы стали частью моей памяти, я мог с уверенностью сказать, что то был именно он. Если Водалус уже одержал верх, то почему он до сих пор скрывается? Или Водалус всего-навсего приспешник Автарха? (Но если так, то почему он сообщается с ним, как будто Автарх должен выполнять его распоряжения?) Я старался убедить себя, что все происходившее в комнате с фальшивой картиной просто приснилось мне. Но я тщетно обманывал свой разум: это было наяву, а огниво Водалуса больше не лежало в моей ташке.

Думая о Водалусе, я вспомнил о Когте. Автарх сам настаивал на том, чтобы я вернул его ордену Пелерин. Я достал Коготь. Теперь он светился ровным мягким светом — не сиял, как в пещере обезьянолюдей, и не был тусклым, как когда мы с Ионой смотрели на него в вестибюле. Хотя камень просто лежал у меня на ладони, он казался огромной чашей, заполненной голубой водой — несравненно более чистой, чем вода водохранилища или Гьолла. Я мог бы нырнуть в эту чашу, но погружение каким-то необъяснимым образом обернулось бы движением вверх. Я ощущал успокоение и тревогу одновременно. В конце концов, я снова сунул камень в голенище

сапога и продолжил свой путь.

Рассвет застал меня на узкой тропе, которая, казалось, с трудом пробиралась через лес, где все дышало роскошью упадка, еще более пышной, чем в старом лесу за Стеной Нессуса. Здесь в отличие от тамошних мест не было прохладных арок папоротника, но мясистые виноградные лозы льнули к огромным стволам красного дерева, как гетеры, простирая гибкие побеги в облака зеленой листвы и ниспадающие до самой земли пышные завесы, усеянные цветами. Над головой перекликались незнакомые птицы, а однажды я заметил обезьянку. Она подглядывала за мной с ветки дерева, уходящего ввысь, как шпиль, и, если бы не четыре лапы, ее можно было принять за мудрого рыжебородого человечка, укутанного в меха. У меня больше не было сил двигаться, поэтому я нашел сухое, укромное место меж толстых, как колонны, корней и завернулся в плащ.

Мне часто приходится гоняться за сном, словно это самая неуловимая из химер — полулегенда, полупризрак. Но на этот раз сон пришел сразу. Не успел я закрыть глаза, как оказался лицом к лицу с потерявшим рассудок великаном. В руке я сжимал «Терминус Эст», но вдруг он превратился в тоненький прутик. Мы стояли не на сцене, а

на узком парапете. С одной стороны светились факелы какой-то армии. С другой — крутой обрыв вел к разлившемуся озеру, которое и было и не было лазурной чашей Когтя. Балдандерс взмахнул своим чудовищным светильником, а я съежился и стал той детской фигуркой, которую как-то раз видел на дне моря. Я чувствовал приближение огромных женщин. Великан обрушил свою дубинку.

Был полдень. Рыжие муравьи проложили торную дорожку по моей груди. Еще две или три стражи я шел сквозь бледную листву этого величавого, но обреченного на смерть леса, пока не наткнулся на более широкую тропу, а еще по прошествии стражи (тени уже стали длиннее) остановился, потянул носом и удостоверился, что чувствую запах костра. К тому времени у меня уже сводило внутренности от голода, и я поспешил на запах.

Глава 26
Расставание

Неподалеку от пересечения двух тропинок вокруг крошечного костерка сидели четверо. Первой я узнал Ио-ленту — из-за ореола красоты, всегда окружавшего ее, полянка казалась поистине райским уголком. Почти в то же самое мгновение меня увидела Доркас и бросилась мне навстречу, а я разглядел лисью мордочку доктора Талоса, высунувшуюся из-за массивного плеча Балдандерса.

Облик великана изменился до неузнаваемости — в противном случае я, несомненно, первым узнал бы именно его. Голова гиганта была обмотана грязными тряпками, а вместо потертого черного сюртука, который он всегда носил, его могучий торс скрывался под толстым слоем мази, похожей на глину и источавшей запах тухлой воды.

— Вот так встреча! — воскликнул доктор Талое. — А мы тут как раз гадаем, что с тобой случилось. — Легким движением головы Балдандерс дал мне понять, что в действительности беспоко-

илась обо мне одна Доркас, о чем я догадался бы и без его намека.

— Я сбежал, — сказал я. — Как и Доркас. Удивительно, как вы все остались в живых.

— Да, нас едва не убили, — подтвердил доктор. Иолента повела плечами так, что это простое движение казалось изысканной церемонией.

— Я тоже убежала. — Она приподняла ладонями огромные груди. — Но, кажется, я не приспособлена к бегу, как вы думаете? Потом в темноте я столкнулась с экзультантом. Он сказал, что мне не нужно больше бежать, и обещал защитить меня. Но тут же подъехали несколько верховых. Надеюсь, когда-нибудь у меня будет карета, запряженная такими же лошадьми — они были очень красивы. Среди них оказалось какое-то высокопоставленное лицо из тех, что не интересуются женщинами. Я надеялась, что меня отведут к Автарху, чьи поры источают звездный свет, — как это едва не случается в пьесе. Но эти люди прогнали моего экзультанта, а меня привезли обратно к театру, где оказались он, — она указала на Балдандерса, — и доктор. Доктор накладывал повязки на Балдандерса. Солдаты чуть было не убили нас, хотя я видела, что убивать меня им совсем не хотелось. Все-таки они нас отпустили,

и вот мы здесь. Доктор Талое добавил:

— Доркас мы нашли на рассвете. Вернее, это она нашла нас, потому что мы продвигались очень медленно. Медленно — из-за того, что Балдандерс — единственный, кто может нести наши пожитки, а ему совсем плохо. Мы и так бросили часть вещей, оставив лишь самое необходимое.

Я выразил удивлением тем, что Балдандерсу всего лишь «плохо», ибо я был уверен, что он мертв.

— Доктор Талое остановил его, — объяснила Доркас. — Правда, доктор? Поэтому их и схватили. Удивительно, что их не убили.

— И все же, — с улыбкой проговорил доктор, — как видите, пока мы обретаемся среди живых. Конечно, нам здорово досталось, но зато теперь мы богаты. Балдандерс, покажи Северьяну деньги.

С гримасой боли великан переменил позу и достал кожаный кошель. Когда он развязал тесемки, в его громадную ладонь хлынул поток новеньких хризосов.

Доктор Талое взял одну монету и повернул ее так, чтобы она заблестела на солнце.

— Как ты думаешь, сколько времени какой-нибудь рыбак из деревушки на озере Диутурна

согласится возводить стены вот за это?

Я ответил:

— Мне представляется, не меньше года.

— Два! Изо дня в день, зимой и летом, в солнцепек и в дождливую погоду, если выплачивать мелкой медью, как мы и сделаем. Мы сможем нанять полсотни людей, чтобы отстроить дом. Вот увидите!

Балдандерс вставил глухим басом:

— Если они и вправду станут работать.

— Станут! — взвился рыжеволосый человечек. — Еще как станут! Смею тебя уверить, за последнее время я кое-чему научился.

Я перебил его:

— Полагаю, часть этих денег принадлежит мне, а часть — женщинам.

Доктор уже успокоился:

— Ах да, я совсем забыл… С ними я уже расплатился. А половина этих — твоя. В конце концов, без тебя мы бы их не получили. — Он забрал монеты у великана, высыпал их на землю и принялся делить на две кучки. Я думал, что доктор имеет в виду мое участие в пьесе. Но Доркас, которая, должно быть, уловила нечто большее, скрывавшееся за словами доктора, спросила:

— Почему ты так считаешь, доктор Талое?

Лисья мордочка оскалилась в ухмылке.

— У Северьяна есть высокопоставленные друзья. Должен признаться, я уже давненько об этом подумываю. Палач, странствующий по дорогам как бесприютный скиталец, — согласитесь, такое даже Балдандерс вряд ли проглотит, а моя глотка много уже, чем его.

— Если у меня и есть такие друзья, — возразил я, — то мне о них неведомо.

Теперь две кучки монет стали равными по величине. Доктор подтолкнул одну из них ко мне, а другую вернул великану.

— Сначала, когда я увидел тебя спящим рядом с Балдандерсом, я подумал, что тебя прислали, чтобы предотвратить постановку моей пьесы. Ты, наверное, не мог не заметить, что в ней легко усмотреть критическое отношение к автархии.

— В некотором роде, — саркастически пробормотала Иолента.

— Однако посылать палача из Цитадели только для того, чтобы напугать кучку странствующих комедиантов, — это было бы слишком нелепо. Тогда до меня дошло, что участие в пьесе само по себе должно служить тебе прекрасным прикрытием. Вряд ли кому-нибудь придет в голову, что верный слуга Автарха может ввязаться в

подобное предприятие. Между прочим, сочиняя роль Помощника, я позаботился о том, чтобы она соответствовала твоему облику, то есть как можно более надежно обосновал твое прикрытие.

— Я об этом ничего не знал, — сказал я.

— Разумеется. У меня не было ни малейшего желания злоупотреблять твоим доверием. Но когда вчера мы сооружали сцену, явился посланец из Обители Абсолюта. Как мне показалось, кастрат, а такие всегда пользуются особым доверием властителей. Он спросил, принадлежишь ли ты к нашей труппе. Тебя и Иоленты тогда не было, но я ответил утвердительно. Потом он спросил, какую долю ты должен получить, и, услышав мой ответ, заявил, что ему поручено заплатить нам вперед за вечернее представление. Теперь я бы назвал это большой удачей, поскольку какой-то здоровый дурень едва не перебил всю публику.

Это был один из тех редких случаев, когда Балдандерс обиделся на язвительное замечание доктора. Несмотря на боль, он отодвинулся от костра и отвернулся от нас.

По словам Доркас, когда я спал в палатке доктора Талоса, я был совершенно одинок. Теперь я чувствовал, что гигант испытывает то же самое. По мнению Балдандерса, на поляне не осталось

никого, кроме него, да, может быть, нескольких наскучивших ему зверушек.

— Он дорого заплатил за свой гнев, — заметил я. — Кажется, на нем живого места нет. Доктор кивнул.

— В сущности, больше всех повезло именно Балдандерсу. Иеродулы направили лучи ему под ноги и пытались удержать на расстоянии, хотя могли сразу убить его. Благодаря их милосердию он жив и скоро поправится.

Доркас пробормотала:

— Значит, ты его вылечишь? Хорошо бы. Не могу выразить, как мне его жалко.

— У тебя мягкое сердце. Пожалуй, даже слишком. Но ведь Балдандерс все еще растет, а дети выздоравливают быстро.

— Растет? — удивился я. — Но ведь у него уже заметна седина.

Доктор залился смехом.

— Стало быть, у него растут седые волосы. А теперь, друзья мои, — он поднялся с земли и отряхнул штаны, — теперь настал час, когда, как говорят поэты, судьба разлучает людей. Северьян, мы устроили привал на этом месте не только потому, что устали, но и из-за близости к развилке: здесь расходятся дороги к Траксу, куда держишь

путь ты, и к нам на родину — к озеру Диутурна. Мне претила сама мысль миновать это место — во всяком случае, пока у меня оставалась надежда встретиться с тобой и отдать твою долю. Но теперь дело сделано. Надеюсь, ты подтвердишь, что я честно обошелся с деньгами, если тебе придется вступить в сношения с твоими покровителями из Обители Абсолюта?

Кучка хризосов все еще лежала передо мной на земле.

— Здесь в сто раз больше, чем я когда-либо рассчитывал получить, — удивился я. — Да, конечно. — Я сгреб монеты и положил их в ташку, а Женщины обменялись взглядами, и Доркас сказала:

— Если Северьян идет в Траке, я отправляюсь вместе с ним.

Иолента протянула руку доктору, явно рассчитывая, что он поможет ей подняться.

— Мы с Балдандерсом пойдем одни, — объявил он. — Придется провести в пути всю ночь. Нам будет не хватать всех вас, но пришло время расстаться. Доркас, дитя мое, я счастлив, что ты нашла защитника. (Рука Иоленты легла ему на бедро.) Балдандерс, нам пора.

Великан с трудом встал, и, хотя он не издал

ни звука, я видел, как он мучается. Его повязки насквозь пропитались потом и кровью. Я знал, что должен сделать.

— Нам с Балдандерсом надо поговорить с глазу на глаз. Могу я попросить вас отойти шагов на сто?

Женщины послушались: Иолента пошла по одной тропинке, Доркас — по другой. Но доктор Талое не тронулся с места, и я повторил свою просьбу.

— Ты хочешь, чтобы я тоже оставил вас? Но это бессмысленно. Балдандерс расскажет мне все, как только я вернусь. Иолента! Иди сюда, дорогая.

— Она ушла по моей просьбе, и я хочу, чтобы ты сделал то же самое.

— Да, но она пошла не той дорогой, а мне этого не нужно. Иолента!

— Доктор, я только хочу помочь твоему другу… рабу, или кем там он тебе приходится…

Неожиданно раздался низкий, заглушенный повязками голос Балдандерса:

— Я его хозяин.

— Совершенно верно, — согласился доктор, собирая монеты. Кошель он опустил в карман великана.

Иолента, прихрамывая, вернулась. По ее пре-

красному лицу ручьем текли слезы.

— Доктор, неужели мне нельзя пойти с тобой?

— Конечно, нет, — ответил тот холодно, словно отказывая ребенку, который попросил лишний кусок сладкого пирога.

Я взглянул на великана.

— Балдандерс, я могу облегчить твои страдания. Недавно я помог своему другу, а у него были такие же ожоги, как у тебя. Но я не могу сделать этого на глазах у доктора Талоса и Иоленты. Давай отойдем немного — на тропу, которая ведет в Обитель Абсолюта.

Великан медленно покачал головой.

— Он знает, какое лекарство ты для него приготовил, — захихикал доктор. — Ему не раз приходилось испытывать его на других, но он слишком любит жизнь.

— Я предлагаю жизнь, а не смерть.

— Неужели? — Доктор поднял бровь. — А где же тот твой друг?

Великан собирал пожитки.

— Балдандерс, — снова обратился я к нему, — ты знаешь, кто такой Миротворец?

— Это было давно, — угрюмо отвечал Балдандерс. — И неважно. — Он тронулся по тропинке — не по той, по которой ушла Доркас. Доктор Та-

лое вместе с Иолентой, уцепившейся за его руку, догнали. Потом доктор остановился.

— Северьян, судя по тому, что ты мне рассказывал, ты умеешь сторожить заключенных. Придержи-ка вот это существо, пока мы не отойдем на приличное расстояние, за один хризос.

На меня навалилось ощущение неимоверной усталости — и от страданий Балдандерса, и от собственной неудачи. Я выдавил из себя:

— Как член гильдии я имею право работать лишь по приказанию лиц, облеченных законной властью.

— Тогда мы убьем ее, как только ты скроешься из виду.

— Это твое дело, — сказал я и двинулся вслед за Доркас. Не успел я догнать ее, как раздались вопли Иоленты. Доркас встала как вкопанная и вцепилась в мою руку, спросила, что это было. Я передал ей слова доктора.

— И ты оставил ее?

— Я ему не поверил.

Мы бросились назад. Не успели мы сделать и дюжины шагов, как крики смолкли. Наступила столь глубокая тишина, что был слышен шелест увядающей листвы. Мы побежали дальше. К тому времени, как мы достигли перекрестка, я

почувствовал, что уже слишком поздно, и, по правде говоря, поспешил дальше лишь для того, чтобы Доркас не разочаровалась во мне. Я ошибся. Иолента бежала нам навстречу. Колени она держала сомкнутыми, будто ей мешали пышные бедра, скрещенными руками она придерживала груди. Великолепные золотисто-рыжие волосы разметались по лицу, тонкий шелк платья висел клочьями. Бросившись в объятия Доркас, она потеряла сознание.

— Эти негодяи ее избили, — в ужасе пролепетала Доркас.

— Еще мгновение назад мы думали, что они ее прикончили. — Я осмотрел кровоподтеки на спине красавицы. — Похоже на следы докторовой трости. Ей еще повезло, что он не натравил на нее Балдандерса.

— Что же нам делать?

— Можно попробовать вот это. — Я достал из сапога Коготь и показал ей. — Помнишь, мы нашли его в моей ташке? Ты еще сказала, что это не настоящий драгоценный камень. Вот что это было. Он способен залечивать раны — иногда. Я хотел полечить им Балдандерса, но он отказался.

Я подержал Коготь над головой Иоленты, потом провел им по ссадинам на спине, но камень не

засветился ярче, а Иоленте не стало лучше.

— Не действует, — разочарованно произнес я. — Придется ее нести.

— Перекинь ее через плечо. Чтобы не касаться самых больных мест.

Доркас взяла «Терминус Эст», а я взвалил Иоленту на плечи и почувствовал, что она весит не меньше мужчины. Мы успели проделать немалый путь под пологом бледно-зеленой листвы, прежде чем Иолента наконец открыла глаза. Но и тогда она не могла ни идти, ни стоять без посторонней помощи, ей трудно было даже поднять руку, чтобы откинуть с заплаканного лица свои удивительные волосы.

— Доктор не хочет брать меня с собой, — прошептала она.

Доркас кивнула.

— Похоже, действительно не хочет. — Она говорила с Иолентой так, будто та была гораздо моложе ее самой.

— От меня ничего не останется.

Я спросил, почему она так говорит, но Иолента только покачала головой. Через некоторое время она попросила:

— Можно мне остаться с тобой, Северьян? У меня нет денег — Балдандерс забрал все, что дал мне

доктор. — Она искоса взглянула на Доркас. — У нее тоже есть деньги, она получила больше, чем я, — столько же, сколько и ты.

— Он знает, — проговорила Доркас. — А еще он знает, что все, что у меня есть, будет принадлежать ему, если понадобится.

Я сменил тему:

— Думаю, мне следует предупредить вас обеих, что я могу направиться и не в Траке. То есть не прямо в Траке, если мне удастся разузнать, где искать Орден Пелерин.

Иолента взглянула на меня так, будто я повредился в уме.

— Я слышала, что они странствуют по всему свету. Кроме того, они принимают одних женщин.

— Я не собираюсь вступать в Орден — просто хочу найти их. В последний раз мне говорили, что сейчас они продвигаются на север. Но я должен встретиться с ними любой ценой — даже если для этого придется повернуть обратно на юг.

— Я пойду за тобой куда угодно, — заявила Доркас. — Мне все равно, в Траке или нет.

— А мне идти некуда, — вздохнула Иолента. Теперь она достаточно окрепла, чтобы идти самой, но заметно отставала от нас. Через некоторое время я оглянулся: она больше не плакала, но я с

трудом узнал в ней красавицу, которая когда-то сопровождала доктора Талоса. Та всегда шествовала, расправив плечи, гордо, даже надменно, откинув голову, а ее поразительные глаза сияли, как изумруды. Сейчас ее плечи поникли от усталости, взгляд не отрывался от земли.

— О чем ты разговаривал с доктором и великаном? — спросила меня Доркас.

— Я же тебе говорил, — отозвался я.

— Нет, один раз, когда ты заговорил громче, я расслышала: «Ты знаешь, кто такой Миротворец?» Только я не поняла, спрашивал ли ты потому, что сам не знаешь, или же хотел выяснить, знают ли они.

— Лично я знаю совсем немного — почти что ничего. Мне приходилось видеть картины, на которых он будто бы изображен, но эти изображения были слишком уж не похожи одно на другое.

— Есть еще легенды.

— Да, но чуть ли не все, что я слышал, — это какая-то нелепица. Жаль, что здесь нет Ионы. Он бы позаботился об Иоленте, и он уж наверняка знает о Миротворце. Иона — это тот человек, с которым мы повстречались у Врат Скорби, верхом на мерихипе. Все это время он был мне верным

другом.

— А где он теперь?

— Тот же вопрос мне задал доктор Талое. Я не знаю и не хочу об этом говорить. Расскажи мне лучше о Миротворце.

Это, наверное, прозвучит глупо, но как только я произнес слово «Миротворец», тишина леса вдруг стала тяжелой и зловещей. Легкий шелест ветра в самых верхушках ветвей вызывал в воображении вздохи умирающего, а бледно-зеленые от недостатка света листья напоминали истощенные личики вечно голодных детей.

— О нем никто не знает много, а я, может быть, знаю еще меньше, чем ты. И даже не помню, откуда. Одни говорят, что это был почти ребенок. Другие — что он вообще не человек, но не какоген, а овеществленная мысль некоего великого разума, для которого наше существование не более реально, чем жизнь игрушечного картонного театра. В одной истории говорится, что однажды он одной рукой коснулся руки умирающей женщины, а другой — звезды и с той поры стал обладателем силы, способной примирить вселенную с человечеством и человечество со вселенной, чтобы положить конец извечной вражде между ними. Он любил исчезать, а потом

снова появляться, когда все думали, что он умер. Иногда он появлялся после того, как его хоронили. Его можно было встретить в облике животного, говорящего человеческим языком, а благочестивым женщинам он являлся в виде розы.

Я вспомнил ритуал возложения на меня маски.

— Наверное, Святой Катарине перед казнью.

— Есть и мрачные легенды.

— Расскажи.

— Нет, раньше они меня пугали, — отказалась Доркас. — А теперь я и не помню их как следует. Разве в твоей коричневой книге о нем ничего нет?

Я достал книгу. Доркас оказалась права. Читать на ходу было неудобно, поэтому я убрал книгу в ташку, решив прочитать это место на привале, который и так пришлось бы устраивать довольно скоро.

Глава 27
К Траксу

Дорожка бежала перед нами по увядающему лесу до самого вечера. С момента наступления темноты прошла целая стража, когда мы вышли на речной берег. Река была уже и быстрее, чем Гьолл, а на другом берегу в лунном свете ночной ветер колыхал стебли тростника. Иолента давно всхлипывала от усталости, и мы наконец решили остановиться. Я ни за что не отважился бы испробовать благородный клинок «Терминус Эст» на жестких суках лесных деревьев, а трухлявые мертвые ветви под ногами были пропитаны влагой, как губка, поэтому в лесу мы остались бы без топлива. Зато на берегу валялись кучи корявых сучьев — легких и сухих.

Мы уже разложили костер, когда я вспомнил, что мне нечем его разжечь, ведь огниво осталось у Автарха, который, уверен, и был тем самым «посланцем из Обители Абсолюта», осыпавшим доктора Талоса хризосами. К счастью, среди пожитков Доркас оказались и кремень, и огниво, и трут, и скоро ревущее пламя обдало нас

приятным жаром. Как ни силился я втолковать Иоленте, что в лесу, примыкающем к садам Обители Абсолюта, не может быть ничего опасного, она все равно боялась диких зверей. Для ее спокойствия мы положили одним концом в костер три толстые ветки, чтобы в случае опасности можно было быстро выхватить их из огня и отпугнуть страшных пришельцев.

Однако никаких диких зверей поблизости не оказалось, дым разогнал москитов, и мы спокойно лежали, глядя, как искры нашего костра улетают в небо. На неизмеримо большей высоте время от времени мелькали сигнальные огни флайеров. Их яркие точки на мгновение озаряли небосвод поддельным призрачным рассветом. Это министры и генералы Автарха возвращались в Обитель Абсолюта или отправлялись к местам боевых действий. Мы с Доркас рассуждали о том, что им приходит в голову, когда они глядят вниз и — в кратчайший миг перед тем, как уносятся прочь, — замечают нашу красную звездочку. Нам хотелось верить, что они, так же как и мы при виде их огней, гадают, кто мы такие, зачем и куда держим путь. Доркас спела мне песню о девушке, которая бродит по весенней роще и тоскует о пропавших друзьях — прошлогодних листьях.

Иолента лежала между костром и рекой — я думаю, для большей безопасности. Мы с Доркас расположились по другую сторону костра. Не только из желания, чтобы она нам не мешала, но и потому, что Доркас был неприятен вид и плеск холодного, темного потока.

— Как червяк, — говорила она. — Огромная эбеновая змея. Сейчас она сыта, но знает, что мы здесь, и постепенно сожрет всех нас одного за другим. Ты боишься змей, Северьян?

Змей боялась Текла. Вопрос всколыхнул во мне отголоски воспоминаний о ней, и я утвердительно кивнул.

— Я слыхала, что в жарких северных лесах живет Автарх всех змей, Уроборос, брат Абайи. Охотники, которые находят его нору, принимают ее за огромный туннель под морским дном. Они входят туда, и, сами того не замечая, попадают ему прямо в пасть, а потом — в глотку, и думают, что живут, хотя уже умерли. Правда, говорят еще, что Уроборос — это просто большая река, которая впадает в собственный исток, или та река вытекает из моря, и там же лежит ее конец.

Доркас придвинулась ко мне поближе. Я понял, что она хочет любви, и, хотя мы оба были не уверены, что Иолента спит, обнял ее. Иолента

время от времени шевелилась. Из-за пышных бедер, тонкой талии и волнистых волос казалось, что она извивается по земле, точно змея. Доркас подняла ко мне маленькое личико, отмеченное печатью почти трагической чистоты. Я поцеловал ее и почувствовал, как ее тело, сотрясаемое дрожью желания, прижимается к моему.

— Я так замерзла, — шепнула она.

На ней ничего не было, хотя я не заметил, когда она успела раздеться. Я накинул на нее плащ. Кожа ее, как и моя, горела от жара костра. Маленькие руки скользнули под одежду, лаская мое тело.

— Как хорошо. Так спокойно, — сказала она. А потом (хотя я уже обладал ею раньше), как ребенок:

— А я не слишком маленькая?

Когда я проснулся, луна (трудно было представить себе, что это та же самая луна, сопровождавшая меня через сады Обители Абсолюта) спустилась к вершинам гор на западе. Ее берилловый свет скользил по реке, подчеркивая рябь на поверхности воды черными тенями.

Я ощущал беспричинное смутное беспокойство. Страхи Иоленты перед диким зверями уже не казались такими глупыми. Я встал, удостове-

рился, что ни с Иолентой, ни с Доркас ничего не случилось, и принес охапку дров для потухающего костра. Мне вспомнились ночницы, которых, как говорил Иона, посылают по ночам на поиски жертв, и загадочное существо в вестибюле. Над головой пролетали ночные птицы. Не только совы, которые в изобилии гнездились в разрушенных стенах Цитадели. Их было легко узнать по круглой голове, коротким широким крыльям и бесшумному полету. Но были и другие — с раздвоенными хвостами, которые плавно скользили над самой поверхностью воды и щебетали на лету. Иногда между деревьями пролетали ночные бабочки небывалой величины. Их резные крылья были длиной с человеческую руку, и они переговаривались, как люди, только такими тоненькими голосами, что их едва улавливало человеческое ухо.

Я разворошил угли и проверил, на месте ли меч. Потом я долго любовался невинным лицом Доркас, ее длинными нежными ресницами, сомкнутыми во сне. Наконец я снова лег и, наблюдая за птицами, странствующими меж созвездий, углубился в мир воспоминаний — горьких и сладких, — который никогда не бывает закрыт для меня наглухо.

Мне хотелось вызвать в памяти день Святой Катарины в тот год, когда я стал капитаном учеников, но едва начались приготовления к празднику, как это воспоминание обступила толпа других, непрошеных. Я будто бы поднес к губам чашу с украденным вином, но она обратилась в грудь, сочащуюся теплым молоком. Это была грудь моей матери. Я с трудом сдержал восторг (который мог унести прочь воспоминание) от того, что наконец-то, после стольких бесплодных попыток, сумел приблизиться к ней. Руки тянулись обнять ее. Если бы я только мог поднять глаза и увидеть ее лицо! Это, без сомнения, была моя мать, хотя дети, которых забирают палачи, не знают материнской груди. Значит, то серое по краям поля зрения — это железные стены камеры. Скоро ее уведут, и она будет исходить криком в «Аппарате» и задыхаться в «Ожерелье Аллоуна». Я жаждал удержать ее, запечатлеть это мгновение, чтобы возвращать его вновь и вновь по своему желанию. Но она растаяла, несмотря на то что я пытался привязать ее к себе. Исчезла, как рассеивается туман при дуновении ветра.

Я снова был ребенком… девочкой… Теклой. Я стояла в великолепной комнате с зеркалами вместо окон. Зеркалами, которые и источали, и

отражали свет. Меня окружали красивые высокие полуодетые женщины. Воздух был насыщен ароматом духов. Я искала кого-то, но глядя на накрашенные лица женщин, исполненные совершенной красоты, я испугалась, что не смогу узнать ее. По моим щекам покатились слезы. Три женщины подбежали ко мне, а я переводила взгляд с одного лица на другое. Потом их глаза сузились, превратившись в точки света, а мушка в форме сердечка на щеке ближайшей ко мне женщины распахнула перепончатые крылья.

— Северьян.

Я сел, пытаясь сообразить, в какой момент воспоминание перешло в сон. Голос, который я только что слышал, был нежным и в то же время очень глубоким. Я был уверен, что слышал его прежде, только не мог вспомнить где. Луна уже почти скрылась за горизонтом, а костер умирал во второй раз. Во сне Доркас сбросила с себя ветхие покрывала. Вид ее овеваемого ночным воздухом тела, похожего на тело эльфа, бледной кожи, еще более осветленной меркнущей луной, а местами подсвеченной красными отблесками тлеющих углей, пробудил во мне такое неистовое желание, какого я прежде никогда не испытывал — ни когда прижимал к себе Агию на Адамниан-

ской Лестнице, ни когда впервые увидел Иоленту на сцене, ни когда спешил на свидание с Теклой в ее камеру. И все же я желал не Доркас. Я лишь совсем недавно обладал ею и, хотя не сомневался в ее любви, подозревал, что она не отдалась бы мне с такой готовностью, если бы не знала про мои похождения с Иолентой в день празднества и не представляла, как Иолента, проснувшись, смотрит на нас через костер.

Я не вожделел и к Иоленте, которая лежала на боку и слегка похрапывала. Скорее, я хотел их обеих, а вместе с ними и Теклу, и безымянную блудницу, что подделывалась под Теклу в Лазурном Доме, и ее подругу, изображавшую Теа, которую я встретил на лестнице в Обители Абсолюта, Агию, Валерию, Морвенну и тысячи других. Я вспоминал дикие пляски ведьм в дождливые ночи на Старом Дворе, холодную, девственную красоту Пелерин, облаченных в пурпурные мантии.

— Северьян.

То был не сон — встрепенулись сонные птицы, примостившиеся на ветках деревьев близ лесной опушки. Я вынул «Терминус Эст» из ножен и повернул клинок так, чтобы его стальная поверхность поймала холодный предутренний свет.

Кому бы ни принадлежал этот голос, пусть он знает, что я не безоружен.

И снова наступила тишина, еще более глубокая, чем ночью. Я ждал, медленно поворачивая голову и пытаясь понять, откуда доносился голос, хотя отдавал себе отчет, что было бы гораздо лучше, если бы я уже знал направление. Доркас пошевелилась и застонала во сне, но ни она, ни Иолента не проснулись. Слышалось лишь потрескивание костра, шелест предрассветного ветерка в ветвях деревьев да журчание воды.

— Где ты? — шепнул я, но никто не ответил. В реке серебряной вспышкой плеснула рыбка, и снова все стихло.

— Северьян.

Каким бы низким и глубоким ни казался голос, это был голос женщины, вздрагивающий от страсти, влажный от нетерпения. Я вспомнил Агию и не вложил меч в ножны.

— Отмель…

Я боялся, что меня просто хитростью хотят заставить повернуться спиной к лесу, но все же обвел взглядом реку и увидел ее — песчаную отмель примерно в двух сотнях шагов от костра.

— Подойди ко мне…

Значит, если мне и собирались устроить ловуш-

ку, но не ту, которой я опасался вначале: голос доносился от реки.

— Подойди, прошу тебя. Мне тебя не слышно отсюда. Я проговорил:

— Но я молчал.

Ответа не было. Я подождал еще немного. Очень не хотелось оставлять Иоленту и Доркас одних.

— Прошу тебя. Когда солнце коснется воды, мне придется уйти. Другого случая не будет.

У отмели речка расширялась. Не замочив ног, я прошел по сухому песку почти до ее середины. Теперь, слева от меня, русло постепенно сужалось, а зеленоватая вода ускоряла течение. Справа же лежала глубокая заводь, шириной шагов в двадцать, из которой вода изливалась быстро, но плавно. Я стоял на песке, обеими руками сжимая рукоять меча.

— Я здесь, — сказал я. — Где ты? Теперь ты меня слышишь?

И словно мне ответила сама река, три рыбки разом выпрыгнули из воды, еще раз, еще… оставив на гладкой поверхности цепочку легких всплесков. Мокасиновая змея, чье коричневое тельце украшали золотые и черные кольца, прошелестев по песку чуть ли не у самых моих ног, повернула голову и зашипела, будто угрожая

играющим рыбкам, потом скользнула в воду и, плавно извиваясь, уплыла. Тело ее было толщиной с мое предплечье.

— Не бойся. Смотри. Ты видишь меня? Я не причиню тебе зла.

И без того зеленоватая вода позеленела. В ней, не выходя на поверхность, извивались тысячи нефритовых щупалец. Я не мог оторвать глаз от этого зрелища, слишком завороженный им, чтобы испытывать страх. Наконец среди щупалец показался медленно всплывающий белый диск.

Только когда он поднялся к самой поверхности, я понял, что это такое, — и то лишь потому, что увидел, как открываются глаза. Сквозь воду на меня глядело лицо — лицо женщины, которая могла бы нянчить Балдандерса на руках, как игрушку. Глаза ее были рубиновыми, а рот обведен полными губами такого темно-пунцового цвета, что сначала я даже не понял, что это губы. За ними открывался ровный ряд конических зубов, а зеленые щупальца были ее волосами.

— Северьян, я пришла за тобой, — вновь услышал я ее голос. — Нет, ты не спишь.

Глава 28
Наложница Абайи

Я проговорил:

— Однажды я видел тебя во сне. — Сквозь воду виднелись размытые очертания ее огромного мерцающего тела.

— Мы следили за великаном и так нашли тебя. Но, увы, мы слишком скоро потеряли тебя из виду — когда ты расстался с ним. Ты думал, что ненавидим, не ведая, что любим. Все моря мира бушевали, когда мы рыдали по тебе, а волны смывали соленые слезы и в отчаянии швыряли их о скалы.

— Чего вы хотите от меня?

— Только любви. Только твоей любви.

Ее правая ладонь вынырнула на поверхность и поплыла, как плот, связанный из пяти белых бревен. Не это ли великанья рука, на кончике пальца которой умещается карта его владений?

— Разве я не прекрасна? Где еще ты увидишь такую чистую кожу, такие красные губы?

— От твоего вида захватывает дух, — признал я. — Но позволь узнать, почему вы следили за

Балдандерсом? И почему не искали меня, если, как ты говоришь, стремились ко мне?

— Мы следили за великаном, ибо он растет. И потому что он сродни нам и нашему отцу-супругу Абайе. Когда-нибудь ему придется спуститься в море, ведь земля не в силах будет держать его. А ты можешь сделать это и сейчас, если пожелаешь. Ты станешь дышать — благодаря нашему дару — так же легко, как вдыхаешь здесь тонкий хилый ветер, а когда захочешь, вернешься на землю, чтобы принять свой венец. Эта река по имени Цефисс впадает в Гьолл, а тот течет в мирное море. Там ты будешь кататься верхом на дельфинах среди колеблемых течением коралловых и жемчужных садов. Мы с сестрами покажем тебе позабытые города, построенные в глубокой древности, где сотни поколений твоих пленных сородичей рождались и умирали, давно забытые здесь, наверху.

— О каком венце ты говоришь? Вы принимаете меня за кого-то другого.

— И все мы будем принадлежать тебе. Ты будешь обладать нами на красных и белых лужайках, где пасутся стада радужных рыб.

Ундина медленно поднимала подбородок, слегка запрокидывая голову, пока все ее лицо не

оказалось лежащим на одной глубине, совсем близко от поверхности. Потом я увидел белую шею, вслед за этим огромные груди с пурпурными сосками вспороли водную гладь, и мелкие волны, лаская, заплескались вокруг них. Вода вскипела мерцающими пузырьками. И вот она во всю длину вытянулась в струях потока — по меньшей мере сорок кубитов от алебастровых ступней до кончиков нефритовых волос.

Вряд ли найдется читатель, который поймет, как могло меня тянуть к этакому чудовищному созданию природы. И все же мне хотелось верить ей, хотелось пойти с ней — так же неудержимо, как тонущему человеку хочется вдохнуть воздуха. И если бы я полностью доверял ее обещаниям, я тут же бросился бы в заводь, позабыв обо всем на свете.

— Венец у тебя есть, хотя ты сам еще об этом не знаешь. Неужели ты думаешь, что мы, обитающие во всех водах мира и плавающие меж звезд, ограничены пределами времени? Мы видели, чем ты был, и знаем, чем ты станешь. Лишь вчера ты лежал во впадине моей ладони, и я подняла тебя, иначе ты утонул бы в Гьолле. Это я спасла тебя.

— Дай мне силу дышать водой, — попросил я. — Я испытаю твой дар там, по другую сторо-

ну отмели. И если ты сказала правду, я пойду с тобой.

Я смотрел, как шевелятся ее огромные губы. Трудно представить, насколько громко ей приходилось говорить под водой, чтобы я слышал ее, но из воды снова выпрыгнула рыба.

— Этого я не могу сделать. Ты должен мне довериться. Идем!

Она протянула ко мне руку, и в тот же самый миг я услышал безумный крик Доркас. Она звала на помощь.

Я бросился к берегу. И все равно, если бы ундина подождала меня, думаю, я вернулся бы. Но она не стала ждать. Казалось, вся река с ревом бушующего прибоя разом покинула русло. На мою голову обрушилось целое озеро воды. Поток сбил меня с ног и потащил как щепку. Мгновение спустя вода отступила, а я оказался далеко на берегу, оглушенный, промокший до нитки и без меча. В полусотне шагов белое тело ундины до пояса вздымалось над рекой. Без поддержки воды ее плоть повисла на костях — казалось, она вот-вот лопнет от собственной тяжести. Волосы лежали на влажном песке, а вода вокруг смешалась с кровью, струившейся из ее ноздрей.

Я пустился бежать. Когда я добежал до костра,

ундина уже исчезла во взбаламученной воде ниже по течению.

Лицо Доркас было таким же белым, как песок отмели.

— Что это? — прошептала она. — Где ты был?

— Значит, ты ее видела? Я боялся…

— Как страшно! — Доркас бросилась в мои объятия и прижалась ко мне всем телом. — Просто ужасно.

— Но ведь ты кричала не из-за этого, правда? Тебе не было ее видно, пока она не поднялась из воды.

Доркас молча показала на другую сторону костра. Земля под Иолентой была пропитана кровью.

На ее левом запястье виднелись две узкие ранки длиной с палец. Я коснулся их Когтем, но кровотечение не прекращалось. Когда все повязки, оторванные от платьев Доркас, промокли от крови, я прокипятил нитку и иглу в маленьком котелке и стянул края ран. Все это время Ио-лента находилась в полубессознательном состоянии. Время от времени она открывала глаза, но было ясно, что она никого не узнает, и глаза тут же закрывались снова. Только один раз она заговорила:

— Вот, теперь ты видишь, что тот, кого ты счи-

таешь божеством, одобряет и предлагает тебе то же самое, что и я. Давай начнем, пока не явилось Новое Солнце.

Тогда до меня даже не дошло, что это слова из ее роли.

Когда кровь остановилась, мы переложили Иоленту на чистую землю и обмыли ее. Потом я сразу же вернулся на то место, где меня оставила отступившая вода. Через некоторое время мне удалось разыскать «Терминус Эст», почти занесенный песком — только рукоять выступала на два пальца.

Пока я чистил и смазывал клинок, мы с Доркас обсуждали, что делать дальше. Я рассказал ей о своем сне накануне встречи с доктором Талосом и Балдандерсом, о том, как услышал голос ундины и что она мне говорила.

— Как ты думаешь, она все еще здесь? Ты же был там, когда искал меч. Можно ли ее разглядеть, если она лежит на самом дне?

Я покачал головой:

— Не думаю, чтобы она осталась: Ведь то, что она пыталась выйти из воды, чтобы остановить меня, не могло не причинить ей вред. А потом, у нее такая бледная кожа, что она вряд ли захочет оставаться в водах менее глубоких, чем, скажем,

Гьолл, когда светит солнце. Но если она еще там, я все равно не смог бы ее увидеть — вода слишком мутная.

Доркас, сидя на земле и уткнув подбородок в колени, казалась очаровательной, как никогда. Некоторое время она молчала, будто просто наблюдала за облаками, воспламененными извечной тайной надеждой восхода. Наконец она заговорила:

— Наверное, она очень хотела тебя.

— Ты думаешь так, потому что она выскочила из воды? Мне кажется, когда-то она жила на земле, пока не стала такой огромной, и на мгновение просто забыла, что теперь ей это не под силу.

— Но перед этим она поднялась вверх по грязному Гьоллу, а потом — по этой узкой речке. Я уверена, она надеялась поймать тебя, когда мы станем переправляться на тот берег, но не смогла протиснуться выше отмели, и тогда позвала тебя. Нельзя сказать, чтобы в целом такая прогулка могла показаться приятной тому, кто привык плавать меж звезд.

— Так ты ей веришь?

— Когда ты ушел, а я осталась с доктором Талосом, они с Иолентой все время твердили, что я слишком простодушна, поскольку верю всему

услышанному от людей, которых мы встречали по дороге, от Балдандерса, да и от них самих. А я все равно думаю, что даже лжецы гораздо чаще говорят правду, чем лгут. Это же намного проще! Если то, что она спасла тебя, — неправда, то зачем об этом говорить? Неприятные воспоминания могли лишь напугать тебя. И уж совсем бессмысленно лгать, что плаваешь меж звезд. Но тебя что-то беспокоит. Я вижу. Что?

Мне не хотелось в подробностях описывать встречу с Автархом, поэтому я ответил:

— Недавно я видел изображение — в книге — существа, обитающего меж звезд. У него были крылья, но не как у птицы, а бесконечно огромные — из какого-то тончайшего радужного материала. Крылья, которые поддерживает звездный свет.

Доркас взглянула на меня с интересом.

— В твоей коричневой книге?

— Нет, в другой. Ее здесь нет.

— Все равно я вспомнила, что мы собирались почитать о Миротворце. Коричневая книга у тебя с собой?

Я достал ее. Она была влажной после моего купания, и я положил ее в такое место, где солнце могло бы коснуться ее страниц, а ветерок, ожив-

ший, как только Урс снова взглянул ему в лицо, поиграть ими. Пока мы разговаривали, он нежно переворачивал страницы, а мой глаз ловил изображения мужчин, женщин и чудовищ. Они так и остались навсегда у меня в памяти. Вспыхивали и гасли блестки серебристых чернил, когда солнечный луч скользил по строке, высвечивая фразы и целые отрывки: «бездушный воитель!», «прозрачно-желтый», «посредством утопления». А потом: «Эти времена — времена древности, когда мир был древним». Или: «У Ада нет пределов и границ, ибо Ад там, где мы, и там, где Ад, должны мы пребывать».

— Тебе сейчас не хочется читать? — спросила Доркас.

— Нет. Я хочу узнать, что случилось с Иолентой.

— Не знаю. Я спала, и мне снилось… то, что снится всегда. Я была в лавке, где продают игрушки. Вдоль стен на полках и на крышке колодца в центре комнаты сидели куклы. Я думала о том, что мои ребенок еще слишком мал для кукол. Но они были такие хорошенькие, а я так давно не играла в куклы, что мне очень хотелось купить хотя бы одну. Я решила, что сберегу ее для ребенка, а пока буду иногда любоваться на нее и ставить перед

зеркалом у себя в комнате. Я указала на самую красивую, одну из тех, что сидели на колодце, а когда хозяин протянул ее мне, я увидела, что это Иолента. Вдруг она выскользнула у меня из рук. Я видела, как она летит куда-то вниз и вниз, в темную воду. Тут я проснулась. Разумеется, я сразу же захотела посмотреть, не случилось ли чего с Иолентой…

— И увидела, что она истекает кровью? Доркас кивнула, и ее светло-золотистые волосы вспыхнули на солнце.

— Потому-то я тебя и позвала. Дважды. А потом увидела у отмели тебя и это существо, поднимающееся за тобой из воды.

— Ты совсем бледная, — сказал я. — Но тревожиться особенно не из-за чего. Иоленту укусил какой-то зверь — это ясно. Не знаю, какой именно, но, судя по укусу, совсем маленький, и не стоит его бояться больше, чем любого другого зверька с острыми зубками и дурным нравом.

— Северьян, я помню, мне говорили, что на севере водятся летучие мыши, которые пьют кровь. Когда я была маленькая, меня часто пугали рассказами о них. А потом, когда я стала постарше, к нам в дом залетела обыкновенная летучая мышь. Кто-то убил ее, а я спросила отца,

пьет ли она кровь и есть ли на самом деле такие летучие мыши. Он ответил, что есть, но они водятся только далеко на севере, в жарких лесах, которые раскинулись в центре мира. По ночам они кусают спящих людей и животных, а от их ядовитой слюны ранки не заживают и кровь не останавливается Доркас помолчала, вглядываясь в лес.

— Отец рассказывал, что город, который вначале был просто деревушкой в устье Гьолла, постепенно смещается вдоль реки к северу. Представь себе, какой будет ужас, когда он дойдет до тех мест, где живут кровососы. Они будут гнездиться в опустошенных смертью и брошенных людьми домах. Наверное, они уже наводят страх на Обитель Абсолюта. Ведь мы не так далеко ушли от нее.

— Я сочувствую Автарху, — сказал я. — Но ты еще никогда не говорила так много о своем прошлом. Теперь ты помнишь отца и дом, где убили летучую мышь?

Доркас встала. Она старалась набраться мужества, но я видел, что она дрожит.

— После своих снов я с каждым днем вспоминаю все больше и больше. Но, Северьян, надо идти. Иоленте потребуется еда и чистая вода.

Здесь оставаться нельзя.

Я и сам был страшно голоден. Я положил коричневую книгу в ташку, вложил в ножны только что смазанный клинок «Терминус Эст», а Доркас связала свои пожитки в маленький узелок.

Мы тронулись в путь, переправившись через реку гораздо выше отмели. Иолента не могла идти сама, и мы поддерживали ее с двух сторон. Лицо ее осунулось, и, хотя она пришла в сознание, когда мы поднимали ее, она почти не говорила. Если и открывала рот, то произносила лишь одно-два слова. Впервые я заметил, какие у нее тонкие губы. Нижняя губа отставала от зубов, обнажая бескровную десну. Мне почудилось, будто все ее тело, еще вчера такое упругое, размякло, как воск. Теперь она не смотрелась (как это было всегда) женщиной рядом с Доркас-ребенком, но казалась растением, слишком затянувшим свое цветение. Если Иолента подошла к самому концу лета, то время Доркас вступало в пору ранней весны.

Пока мы шли по узкому пыльному проходу среди высоких — выше человеческого роста — стеблей сахарного тростника, я поймал себя на том, что непрестанно думаю, как сильно было мое влечение к Иоленте на протяжении всего нашего непродолжительного знакомства.

В памяти возникали картины, более яркие и подробные, чем видения курильщика опиума. Я видел эту женщину такой, какой увидел ее в первый раз, когда мы с Доркас ночью обогнули рощу и далеко в поле заметили сцену доктора Талоса, сиявшую огнями. И как странно было убедиться на следующее утро, что при дневном свете красота Ио-ленты столь же совершенна, какой казалась при мигающем пламени факелов минувшей ночью.

Говорят, что любовь и желание — не более чем двоюродные сестры. Я тоже так думал. Но когда я шел по тропинке, а слабая рука Иоленты обвивала мою шею, я понял, что это неправда. Скорее любовь к женщине была темной стороной женского идеала, созданного мною в мечтах о Валерии, Текле и Агии, об Иоленте и Доркас, наконец, о подруге Водалуса с личиком в форме сердца и воркующим голосом — сводной сестре Теклы по имени Теа. Так вот, когда мы пробирались между стенами тростника, желание отступило, и я мог взирать на Иоленту лишь с жалостью, я осознал, что, хоть мне и казалось, будто мне нужна лишь ее пышная, розовая плоть и неловкая грация, тем не менее я любил ее.

Глава 29
Пастухи

Почти все утро мы продирались сквозь тростники и не встречали по пути никого. Судя по всему, Иоленте не становилось ни лучше, ни хуже. На мне самом, кажется, начали сказываться голод и усталость от непрерывной необходимости поддерживать Иоленту. К тому же безжалостно палило солнце. В итоге два-три раза, когда я поглядывал краем глаза на Иоленту, мне казалось, что это не она, а какая-то другая женщина, которую я смутно помню, но не могу признать окончательно. Но если я поворачивал голову и смотрел на нее прямо, это впечатление (и так совсем слабое) рассеивалось.

По пути мы почти не разговаривали. В первый раз с тех пор, как мастер Палаэмон вручил мне «Терминус Эст», я чувствовал его тяжесть, и плечо ныло под перевязью.

Чтобы утолить голод, мы жевали сладкие стебли тростника. Иоленте все время хотелось пить, а поскольку она не только не могла идти без нашей помощи, но и сжимать в руке стебель,

нам приходилось часто останавливаться. Удивительно, насколько беспомощными оказались эти длинные, совершенные по форме ноги с узкими коленями и пышными бедрами.

К середине дня мы вышли из тростника и погрузились в травяное море пампы. Здесь еще встречались одинокие деревья, стоящие так далеко друг от друга, что каждое из них могло видеть всего двух или трех соседей. К каждому дереву сыромятными ремнями было привязано тело какого-нибудь хищника с раскинутыми, как человеческие руки, передними лапами. Больше всего было пятнистых тигров, обычных для тех мест, но мы встречали и атроксов с шерстью, подобной человеческим волосам, и саблезубых смилодонов. От многих остался один скелет, хотя некоторые еще не погибли. Они издавали слабые звуки, которые, по мнению местных жителей, отпугивают других хищников и защищают от них скот.

Этот скот представлял для нас гораздо большую опасность, чем хищные кошки. Быки не раздумывая бросаются на все, что появляется вблизи их пастбищ, и потому нам приходилось обходить каждое стадо, держась на таком расстоянии, чтобы их близорукие глаза не заметили нас, да

вдобавок — с подветренной стороны. Тогда Доркас как могла поддерживала Иоленту, а я шел впереди, несколько ближе к животным. Однажды мне пришлось отпрыгнуть в сторону, а бык остался без головы. Мы сложили костер из сухой травы и поджарили кусок мяса.

В следующий раз я вдруг вспомнил о том, как Коготь остановил яростное нападение обезьянолюдей. Я достал его, и тогда несшийся на нас разъяренный бык подбежал ко мне мелкой рысцой и лизнул руку. Я посадил ему на спину Иоленту и Доркас, а сам пошел впереди, чтобы зверь все время видел голубое сияние камня.

На последнем из встреченных нами деревьев был распят еще живой смилодон. Я подумал, что бык может испугаться его, но мы спокойно прошли мимо. Спиной я чувствовал взгляд его янтарных глаз величиной с голубиное яйцо, а мой язык вдруг распух от его жажды. Я передал камень Доркас, подошел к дереву и перерезал ремни. При этом меня не покидала мысль, что он непременно нападет на меня. Но смилодон сполз на землю и даже не мог подняться на ноги от слабости, а мне нечем было напоить его, и нам ничего не оставалось, как уйти.

Ближе к вечеру я заметил, что над нами кружит

птица-падальщик. Говорят, они чуют смерть. Я тут же вспомнил, что раз или два, когда у подмастерьев бывало особенно много работы, учеников посылали во двор гонять камнями этих птиц, рассевшихся на разрушенной стене, — иначе они лишь усугубляли и без того зловещую репутацию Цитадели. Сама мысль о возможной смерти Ио-ленты была настолько отвратительна, что я многое отдал бы за лук, из которого, наверное, мог бы подстрелить птицу; но лука взять было неоткуда, и мне оставалось только сожалеть об этом.

Еще через некоторое время, показавшееся мне бесконечным, к ней присоединились еще две, гораздо меньших размеров. По яркой окраске головы, заметной, несмотря на расстояние, я понял, что это белоголовые сипы. Значит, первая птица, с размахом крыльев в три раза большим, была горным тераторнисом. Я слыхал, что в горах они нападают на людей, раздирают их лица ядовитыми когтями и сталкивают в пропасть ударами могучих крыльев. Иногда сипы приближались к нему, а он бросался на них. Тогда мы слышали пронзительный крик, доносившийся из их воздушной обители. Один раз, в каком-то затмении, я поманил их рукой. Тут же все трое ринулись вниз. Я отогнал их взмахом меча и впредь следил

за своими жестами.

Когда западный горизонт подобрался к солнцу, мы увидели низенькую земляную хижину. На пороге сидел изможденный старик в кожаных штанах, потягивая мате и делая вид, что любуется вечерними облаками. В действительности он наверняка уже давно наблюдал за нами, потому что сам он, маленький и смуглый, сливался с хижиной, а наши силуэты хорошо вырисовывались на фоне неба.

Заметив пастуха, я убрал Коготь, хотя и не был уверен, что без него бык не выкинет чего-нибудь. Но он продолжал все так же шагать с двумя женщинами на спине. У хижины я ссадил Иоленту и Доркас. Бык поднял морду и шумно потянул носом, косясь на меня одним глазом. Я махнул рукой в ту сторону, откуда мы пришли и где колыхалось под ветром море пампы, показав этим жестом, что бык свободен и в руке у меня ничего нет. Тогда он повернулся и помчался прочь.

Пастух вынул соломинку изо рта.

— Это ведь вол, — изрек он. Я кивнул.

— Нам нужно было довезти эту бедную женщину. Она больна, вот мы и взяли его на время. Он твой? Мы ведь не причинили ему никакого вреда.

— Нет, нет. — Пастух протестующе поднял руку. — Я спросил потому, что сначала подумал — это конь. Глаза уже не те. — Он поведал, какое удивительное зрение у него было в юности. — Так ты говоришь, это вол?

На сей раз мы с Доркас кивнули вместе.

— Вот что значит Старость. Я готов был лизнуть это лезвие, — он похлопал по железной рукоятке ножа, торчавшей из-за широкого пояса, — направить его на солнце и поклясться, что между ногами у него кое-что болтается. Но не будь я таким бестолковым, мне сразу же пришло бы в голову, что никому не под силу оседлать быка пампы. Разве что рыжей пантере, но она держится за спину когтями, да и той это частенько стоит жизни. Конечно, это вымя, которое вол унаследовал от своей матери. Знавал я его мать — у нее точно такое было.

Я сказал, что я городской житель и не разбираюсь в животных.

— А-а. — Он снова присосался к мате. — Я тоже мало в чем разбираюсь. Тут живет самый что ни на есть невежественный народишко. Ты не поверишь — сама невежественность. Разве от таких соседей чему-нибудь научишься? Доркас прервала его:

— Прошу тебя, позволь нам положить эту женщину в доме. Я боюсь, она вот-вот умрет.

— Я же сказал, что ничего не знаю. Спрашивай вон его. За ним вол — чуть было не сказал «бык» — бегает, как собака.

— Но он не может ей помочь! А ты можешь. Пастух покосился на меня, и я понял, что, к его полному удовлетворению, он убедился, что быка приручил я, а не Доркас.

— Мне жаль твою подругу, — продолжал он. — Видно, когда-то она была красотка хоть куда. Вот я сижу тут с вами да пошучиваю, а у меня у самого друг помирает. Там, в доме. Ты только думаешь, что твоя подруга может умереть. А он точно умирает, и я хочу, чтобы его не беспокоили.

— Понятно, но мы его не побеспокоим. Может быть, даже поможем.

Пастух перевел взгляд с Доркас На меня, потом снова на Доркас.

— Вы странные люди. Что я могу знать? Я просто невежественный бедняк. Входите. Только без шума. И помните, что вы здесь гости.

Он встал и открыл дверь, такую низкую, что мне пришлось пригнуться, ступая через порог. В доме была только одна комната, темная и прокопченная. На циновке перед очагом лежал

мужчина гораздо моложе меня и, как мне показалось, гораздо выше ростом, чем наш хозяин. У него была такая же смуглая кожа, но под ней словно совсем не было крови, а на щеках и на лбу я заметил следы глины. В хижине больше не было ни одной подстилки, поэтому мы положили Иоленту прямо на земляной пол, предварительно расстелив потрепанное одеяло Доркас. На миг Иолента приоткрыла глаза, но взгляд ее по-прежнему оставался бессмысленным, а их некогда чистая зелень выцвела, как крашеная материя, забытая на солнце.

Наш хозяин покачал головой и прошептал:

— Да, видно, она проживет ненамного дольше, чем этот бедняга Манахен. Может, и раньше помрет.

— Ей нужна вода, — обратилась к нему Доркас.

— На заднем дворе, в бочке. Я принесу.

Услышав, что за ним захлопнулась дверь, я достал Коготь. На сей раз он вспыхнул таким ослепительно синим светом, что я испугался, как бы сияние не проникло сквозь стены. Юноша глубоко вздохнул, потом выдохнул со слабым стоном и задышал ровнее. Я сразу же спрятал Коготь.

— А ей не помогло, — огорченно проговорила Доркас.

— Может, ей станет легче, когда она попьет. Она ведь потеряла много крови.

Доркас нагнулась и стала приглаживать растрепанные волосы Иоленты. Наверное, они выпадали, как у старух или людей, больных лихорадкой, — так много их осталось на влажной ладони Доркас.

— Я думаю, она всегда была больна, — прошептала Доркас. — Сколько я ее знала, она держалась на каких-то лекарствах, которые ей давал доктор Талое. А теперь он бросил ее. Она стала требовать слишком многого, и вот он ей отомстил.

— Не верится, чтобы он предвидел такой оборот дела.

— И мне тоже. Послушай, Северьян, они с Балдандерсом теперь наверняка перестанут давать представления и шпионить по всей стране. Их можно будет разыскать на новом месте.

— Шпионить? — По-видимому, на моем лице отразилось неподдельное изумление.

— Мне всегда казалось, что они странствуют, не столько зарабатывая деньги, сколько разнюхивая, что происходит в мире. Доктор Талое однажды почти признался в этом, только я так и не поняла, что они ищут.

Вернулся пастух с тыквенной бутылью. Я по-

садил Иоленту, а Доркас поднесла бутыль к ее губам. Большая часть воды пролилась, замочив изодранное платье Иоленты, но все-таки немного попало ей в горло. Когда бутыль опустела и пастух опять сходил за водой, Иолента сама сделала несколько глотков. Я спросил, знает ли он, где озеро Диутурна.

— Я бедный невежа, — ответил он. — В такую даль ни разу не заезжал. Говорят, где-то там. — Он махнул рукой. — На север и запад. Ты что, туда собираешься?

Я кивнул.

— Тогда тебе придется миновать дурное место. А может, и много дурных мест, но каменный город уж наверняка.

— Значит, где-то здесь есть город?

— Город-то есть, да людей в нем нет. Как поговаривают местные, куда бы человек ни направился, каменный город передвинется так, что окажется у него на пути. — Пастух негромко засмеялся, потом помрачнел. — Не так, конечно. Но каменный город умеет кривить путь. Тебе кажется, что ты его объезжаешь стороной, а глядишь, прямо в нем и очутился. Понятно? Наверное, нет.

Я вспомнил Ботанические Сады и кивнул.

— Я понимаю. Продолжай.

— А если тебе надо на север и запад, то его никак не миновать. Тут ему и кривить нет нужды. Одни не видят в нем ничего, кроме развалин, другие, как мне приходилось слышать, находили сокровища. Некоторые возвращаются с новыми россказнями, а некоторые и вовсе не возвращаются. Думаю, обе эти женщины уж никак не девственницы…

У Доркас перехватило дыхание. Я покачал головой.

— Это хорошо. Те-то как раз чаще всего и пропадают. Постарайся проехать его днем, чтобы утром солнце стояло над правым плечом, а потом светило в левый глаз. Если вас застанет ночь, не останавливайтесь и не сворачивайте в сторону. Держите путь на звезды Ихуавулу, когда они загорятся.

Я кивнул и только собирался продолжить расспросы, как больной вдруг открыл глаза и сел. Одеяло сползло, и я увидел окровавленную повязку на его груди. Он вздрогнул, уставился на меня, потом что-то крикнул. В то же мгновение пастух приставил холодное лезвие ножа к моему горлу.

— Он не за тобой, — сказал он больному. Пастух говорил на том же диалекте, что и юноша, но медленно, поэтому я его понял. — Я уверен, он не

знает, кто ты такой.

— Отец, я же говорю тебе, это новый ликтор Тракса. За ним посылали, а клавигеры говорят, что он давно в пути. Убей его! Или он перебьет всех, кто еще не погиб.

Меня поразило его упоминание о Траксе, который находился так далеко от этих мест. Я хотел было расспросить юношу и уверен, что мне удалось бы договориться с ним, но тут Доркас ударила старика по голове тыквенной бутылью. Удар был истинно женский — неточный и хилый. Бутыль треснула, а старик, скорее всего, почувствовал лишь слабую боль. Он бросился на Доркас со своим кривым обоюдоострым ножом, но я перехватил его руку, сломав ее. Потом каблуком сломал и нож. Манахен, его сын, попытался встать, но Коготь, вернувший его к жизни, не снабдил парня прежней силой: от толчка Доркас юноша рухнул на циновку.

— Теперь мы умрем с голоду, — выдавил из себя пастух. Его смуглое лицо перекосилось от усилий сдержать крик боли.

Я сказал ему:

— Ты заботился о сыне, а он позаботится о тебе. Скоро он совсем поправится. Что он сделал?

Ни тот, ни другой не ответили.

Я вправил смещенную кость и наложил шину. Потом мы с Доркас поели и устроились на ночлег на улице, предупредив отца с сыном, что если только дверь откроется или же кто-нибудь причинит вред Иоленте, то я убью обоих. Утром, пока они еще спали, я коснулся сломанной руки Когтем. Неподалеку от дома пасся привязанный конь, а верхом я без труда поймал еще одну лошадь для Доркас и Иоленты. Подводя скакунов к дому, я обнаружил, что за ночь его сложенные из сухого дерна стены зазеленели.

Глава 30
Снова торговец

Несмотря на рассказы пастуха, я надеялся набрести на какое-нибудь селение вроде Сальтуса, где можно было бы найти чистую воду и за несколько аэсов купить пищу и место для отдыха. То, что мы нашли взамен, трудно было назвать даже останками города. Между крепких камней, которые когда-то были мостовыми, проросла трава, так что на расстоянии они ничем не выделялись из окружающей пампы. В траве, как стволы деревьев в опустошенном яростной бурей лесу, лежали колонны. Другие все еще стояли — потрескавшиеся и ослепительно белые. Ящерицы с яркими глазами и зазубренными гребнями грелись на солнце, застыв в полной неподвижности. От домов остались только небольшие возвышения, где на нанесенной ветром почве трава разрослась еще гуще.

Я не видел причины менять направление, поэтому мы так и продолжали ехать на северо-запад, подгоняя уставших лошадей. Здесь я в первый раз увидел впереди горы. В рамке по-

луразрушенной арки они казались всего лишь тонкой голубоватой полоской на горизонте, но я ощутил их присутствие, как в нашем подземелье постоянно ощущалось присутствие безумных клиентов, заключенных на нижнем ярусе, хотя они не только никогда не поднимались ни на одну ступень вверх, но даже ни разу не переступали порога своих камер. Где-то в тех горах лежало озеро Диутурна. Там же был и Траке. И Пелерины, насколько мне было известно, странствовали меж их ущелий и пиков, помогая бесчисленным жертвам нескончаемой войны с асцианами. Война тоже шла в тех горах. Сотни тысяч погибали, чтобы удержать какой-нибудь один перевал.

Но сейчас мы вошли в город, где не раздавалось ни единого звука, кроме карканья ворон. Хотя в доме пастуха мы запаслись кожаными бурдюками с водой, она была почти на исходе. Иоленте становилось все хуже, и мы решили, что, если к вечеру не найдем воду, она, скорее всего, умрет. Когда Урс уже начал накатываться на диск солнца, нам попался разбитый жертвенный стол. В углублении, куда должна была стекать кровь, сохранилось немного дождевой воды. Она протухла и дурно пахла, но в отчаянии мы дали Иоленте несколько глотков, и ее тут же стош-

нило. Вращение Урса явило убывающую луну, подарившую нам свой зеленоватый свет вместо утраченного дневного.

Набрести здесь на обычный походный костер казалось равносильным настоящему чуду. Но нам встретилось нечто более странное, хоть и не столь желанное. Доркас показала рукой налево. Я взглянул туда и в следующее мгновение увидел, как мне показалось, метеор.

— Это падающая звезда, — объяснил я. — А ты видела другую? Иногда они проливаются дождем.

— Нет, там было здание. Разве ты не заметил? Найди темное пятно на фоне неба. Это здание с плоской крышей, а наверху кто-то чиркает железом о кремень.

Я хотел было сказать, что у нее слишком разыгралось воображение, но неожиданно там, куда упала искра, зарделась крошечная, с булавочную головку, тусклая красная точка. Еще два моих вздоха — и появился тонкий язычок пламени.

До здания было довольно близко, но мы так медленно пробирались в темноте между камнями, что, когда подъехали, огонь уже достаточно разгорелся, чтобы осветить три фигуры, сидящие возле него на корточках.

Я крикнул:

— Нам нужна помощь! Эта женщина умирает. Все три фигуры подняли головы. Потом прозвучал старушечий скрипучий голос:

— Кто говорит? Я слышу мужской голос, а мужчины не вижу. Кто вы такие?

— Я здесь, — отозвался я, распахивая плащ и откидывая капюшон. — Слева от вас. Просто я одет в черное.

— Так-так, в черное. Кто умирает? Не маленькая со светлыми волосами… Крупная, с золотисто-рыжими. У нас только вино и огонь. Других лекарств нет. Обойдите с той стороны — там лестница.

Я сделал, как она велела. Каменная стена закрыла низкую луну, оставив нас в полной темноте, но я наткнулся на грубые ступени, должно быть, сложенные из обломков других зданий. Я привязал коней и понес Ио-ленту наверх. Доркас шла впереди, нащупывая дорогу и предупреждая меня в опасных местах.

Крыша оказалась не плоской. Наклон был достаточно сильным, так что на каждом шагу я боялся свалиться. Судя по всему, эту неровную поверхность покрывала черепица — одна вдруг отскочила, и я слышал, как она гремела и скрежетала о другие, покуда не упала на землю и не

разбилась.

Когда я ходил в учениках и был еще слишком мал, чтобы выполнять какие-либо поручения, кроме самых элементарных, мне однажды велели передать письмо в башню ведьм. Она стояла недалеко от нашей — на другой стороне Старого Двора. (Только потом я выяснил, что существовали веские причины посылать туда — а наша пространственная близость с ведьмами требовала обмена посланиями — только мальчиков, которым было еще далеко до возмужания.) Теперь, когда я знаю, какой ужас внушала наша башня не только всему кварталу, но и остальным обитателям Цитадели, мой страх перед ведьмами кажется неуместным и глупым. Но для маленького, некрасивого мальчика этот страх был вполне оправданным. Старшие ученики рассказывали жуткие истории, и я видел, что самые храбрые из нас боятся ведьм не меньше других. В этой самой причудливой из множества башен Цитадели всю ночь горели странные огни. Визги, которые мы слышали в дортуаре, доносились не из подземного помещения для допросов, как у нас, а с верхних ярусов, и мы знали, что это вопят сами ведьмы, а не их клиенты, ибо в том смысле, в каком у нас бытовало это слово, у ведьм клиентов не было. И

эти звуки не были похожи ни на вой помешанных, ни на крики боли, к которым мы привыкли.

Меня заставили вымыть руки, чтобы не запачкать конверта. Пока я вилял между замерзающими лужами двора, я все время думал, какие у меня распухшие, красные руки, представляя себе встречу с высокопоставленной ведьмой и собственное унижение. Конечно, она не откажет себе в удовольствии наказать меня за такие руки каким-нибудь особенно отталкивающим способом, да еще сообщит о своем неудовольствии и презрении ко мне мастеру Мальрубиусу.

Наверное, я действительно тогда был еще очень мал: мне пришлось несколько раз подпрыгнуть, чтобы дотянуться до дверного молотка. Я до сих пор слышу, как шлепают мои тонкие подошвы об изъеденную временем каменную ступеньку.

— Да? — Лицо, выглянувшее из-за двери, отстояло от земли ненамного выше, чем мое. Это лицо — единственное в своем роде из всех сотен тысяч виденных мною лиц — с первого взгляда поражало красотой и говорило о смертельном недуге. Ведьма, отворившая дверь, показалась мне немолодой. На самом деле ей было лет двадцать или даже меньше. Но ростом она не вышла и ковыляла согнувшись, как старуха. Лицо ее

— такое прекрасное и совершенно бескровное — больше всего напоминало маску, вырезанную великим мастером из слоновой кости.

Я молча протянул письмо.

— Идем со мной, — проговорила она. Это были те самые слова, которых я боялся, и теперь, произнесенные вслух, они звучали неотвратимо, как смена времен года.

Я вошел в башню, совсем не похожую на нашу. Наша подавляла своей незыблемостью. Строители так хорошо подогнали одну к другой толстые металлические пластины, что с течением времени они слились, образовав монолит, а на нижних ярусах всегда было тепло и сыро. В башне ведьм ничто не казалось прочным, и так оно и было на самом деле. Уже много позже мастер Палаэмон объяснил мне, что ее воздвигли гораздо раньше, чем остальные постройки Цитадели. В те времена в неживом материале еще пытались имитировать строение человеческого тела: металлический скелет должен был служить опорой для менее прочных материалов. По прошествии многих веков почти весь этот скелет съела ржавчина. С тех пор все последующие поколения накладывали там и сям бесчисленные железные заплаты и скрепки, так что теперь только на

них и держалось все сооружение. Слишком большие комнаты разделялись стенками толщиной с портьеру, в башне не было ни одной ровной поверхности и ни одной прямой лестницы. Мне все время казалось, что перила и поручни того и гляди останутся у меня в руках. Стены, разрисованные меловыми красками, светились белизной, зеленью и пурпуром, но я заметил почти полное остутствие мебели, а внутри башни было холоднее, чем на улице.

Поднявшись на несколько этажей и напоследок вскарабкавшись по приставной лестнице, сколоченной из неструганых стволов какого-то пахучего дерева, я предстал перед лицом старухи, которая сидела в единственном на всю комнату кресле. Она смотрела сквозь стеклянную столешницу на то, что показалось мне искусственным ландшафтом, населенным крошечными безволосыми зверьками. Ей-то я и вручил письмо. Меня тут же увели, но один раз старуха все же подняла глаза, и ее лицо, как и лицо сопровождавшей меня молодой женщины, навеки врезалось в память.

Я рассказываю об этом только потому, что, когда я положил Иоленту на черепичную крышу у огня, мне почудилось, будто женщина, склонив-

шаяся над нею, — та самая старуха. Разумеется, я ошибался: та ведьма, которой я отдал письмо, должна была давно умереть, а молодая если и жила еще, то изменилась вместе со мной до неузнаваемости. И все же обращенные ко мне лица оказались именно теми, которые я так хороша запомнил. Может быть, во всем мире существуют всего две ведьмы, и они рождаются снова и снова?

— Что с ней случилось? — спросила молодая. Мы с Доркас объяснили как смогли. Задолго до того, как мы закончили, старуха приподняла голову Иоленты и влила ей в рот вино из глиняной бутыли.

— Крепкий напиток ей бы повредил, — заметила она, — но здесь две трети чистой воды. Вы, как я вижу, не хотите, чтобы она умерла. Тогда вам повезло, что встретились с нами. Только вот не знаю, повезло ли ей.

Я поблагодарил старуху и спросил, куда подевался тот, третий, кого мы видели у костра.

Старуха вздохнула, на мгновение подняла на меня глаза и тут же снова сосредоточила все внимание на Ио-ленте.

— Нас только двое, — ответила мне молодая. — А вы видели троих?

— Вполне отчетливо. Ваша бабушка — если она приходится вам бабушкой — ответила мне. Вы же и кто-то еще подняли головы, а потом снова их опустили.

— Она кумеана.

Мне приходилось слышать это слово, но я никак не мог вспомнить, что оно означает, а неподвижное, как лик ореады на картине, лицо молодой женщины не предлагало разгадки.

— Провидица, — подсказала Доркас. — А ты?

— Я помогаю и прислуживаю ей. Меня зовут Меррин. Наверное, есть особый смысл в том, что вы, будучи втроем, увидели здесь троих, в то время как мы, двое, сначала заметили лишь двоих из вас. — Она посмотрела на кумеану, как бы ища подтверждения своим словам, а потом, словно получив его, опять обратилась к нам, хотя я не заметил, чтобы женщины обменялись взглядами.

— Но я совершенно уверен, что здесь был третий. Он показался мне намного крупнее, чем вы обе, — возразил я.

— Сегодня странный вечер, а те, кто носится верхом на ночных ветрах, часто принимают человеческий облик. Вопрос в том, почему подобные силы пожелали явиться именно тебе.

Ее черные глаза и безмятежное лицо произ-

водили такое убедительное впечатление, что я, наверное, поверил бы ей, если бы не Доркас, которая едва заметным движением головы дала мне понять, что третий мог легко спрятаться за гребнем крыши, на краю другого ската.

— Она может жить, — заговорила кумеана, не отрывая взгляда от лица Иоленты. — Но не хочет.

— Хорошо, что у вас оказалось гораздо больше вина, чем требуется двоим, — заметил я.

Старуха не приняла вызова и спокойно ответила:

— Да, хорошо. Хорошо для вас, а может, и для нее. Меррин разворошила угли веткой.

— Смерти нет.

Я рассмеялся. Пожалуй, слишком громко, но в тот миг я чувствовал невероятное облегчение. Ведь Иоленте больше не грозила смерть.

— Те, кто занимается моим ремеслом, думают иначе.

— Те, кто занимается твоим ремеслом, ошибаются. Иолента пробормотала:

— Доктор…

— Врач тебе не нужен, — сказала Меррин. — Она знает больше врача.

Кумеана буркнула под нос:

— Она зовет любовника.

— Значит, это не тот, кто в черном, Мать моя? Я сразу подумала, что он для нее простоват.

— Он всего-навсего палач. Тот, к кому она стремится, гораздо страшнее.

Меррин удовлетворенно кивнула сама себе, потом обратилась к нам:

— Вам, конечно, будет тяжело сейчас же отправиться в путь, но мы просим вас поступить именно так. По другую сторону развалин вы найдете сотню гораздо более удобных мест для ночлега, а здесь оставаться опасно.

— Ты говоришь о смертельной опасности? — улыбнулся я. — Но ты же только что сказала, что смерти нет. Если я поверил тебе, то чего же мне опасаться? А если не поверил, то почему должен верить теперь? — С этими словами я встал, собравшись уходить.

Кумеана посмотрела мне в лицо.

— Она права, — раздалось ее хриплое карканье. — Она права, хотя ничего не знает, а просто повторяет заученные слова, как скворец в клетке. Смерть — это ничто. Именно по этой причине ее и следует бояться. Что может быть страшнее, чем ничто?

Я снова рассмеялся.

— Мне не под силу вести спор с мудрецами. Вы сделали все, что смогли, чтобы нам помочь. А мы выполним ваше желание и уйдем.

Кумеана не препятствовала, когда я взял на руки Ио-ленту, но при этом сказала:

— Я этого не хотела. Меррин все еще думает, что властна распоряжаться вселенной, как будто это не более чем дощечка, из которой можно выпилить любую форму по своему усмотрению. Маги-ясновидцы поместили мое имя в краткий перечень им подобных, но я не удостоилась бы этой чести, если бы не знала, что люди — даже такие, как мы, — всего лишь мелкая рыбешка, которая должна жить в согласии с невидимыми течениями, если не хочет погибнуть без пищи. А теперь заверни это несчастное создание в свой плащ и положи к огню. Когда тень Урса минует это место, я осмотрю ее еще раз.

Я так и остался стоять с Иолентой на руках, не зная, что, предпринять — уходить или не торопиться. Кумеана казалась довольно доброжелательной, но ее метафора воскресила неприятное воспоминание об ундине. И чем больше я смотрел на ее лицо, тем меньше оно походило на лицо старой женщины. Это слишком явственно напомнило мне чудовищные физио-

номии какогенов под масками, сброшенными, когда на них ринулся Балдандерс.

— Ты услышала меня, Мать, — сказала Меррин. — позвать его?

— Он все слышал и придет сам. Она оказалась права. Я уже уловил шарканье башмаков по черепице за коньком крыши.

— Ты забеспокоился? Так не лучше ли положить эту бедную женщину, как я тебе велела, и взяться за меч, чтобы защитить возлюбленную? Но он тебе не понадобится.

Под конец ее фразы я уже ясно различал на фоне неба высокую шляпу, крупную голову и широкие плечи. Я положил Иоленту поближе к Доркас и вынул «Терминус Эст».

— В этом нет нужды, — послышался низкий глубокий голос. — Нет нужды, юноша. Мне следовало бы выйти чуть пораньше, чтобы мы могли возобновить знакомство, но я не знал, угодно ли это шатлене. Мой хозяин — и он — шлет тебе приветствия.

Это был Хильдегрин.

Глава 31
Очищение

— Можешь передать своему хозяину, что я вручил его послание, — сказал я. Хильдегрин улыбнулся.

— А получил ли ты ответное послание, армигер? Помни — я из лесной обители.

— Нет, — ответил я, — не получил.

Доркас подняла голову.

— Я получила. Один человек в садах Обители Абсолюта сказал, что, если мне повстречается кто-нибудь, кто произнесет эти слова, я должна передать ему: «Когда листья раскроются, лес тронется на север».

Хильдегрин почесал пальцем нос.

— Весь лес? Так он сказал?

— Он сказал именно то, что я произнесла, и ничего больше.

— Доркас, — вмешался я, — почему я ничего об этом не знаю?

— У нас ведь почти не было возможности поговорить наедине с тех пор, как мы встретились у перекрестка. А кроме того, я поняла, что это

опасное поручение. И мне не хотелось перекладывать эту опасность на твои плечи. Это был тот же самый человек, который заплатил доктору Талосу. Но доктору он ничего такого не говорил. Я знаю — слышала всю их беседу. Он только сказал, что он твой Друг.

— И велел тебе передать эти слова мне? Доркас упрямо покачала головой. Смешок, вырвавшийся из широкой глотки Хильдегрина, казалось, донесся из-под земли.

— Ну, теперь это уже на так важно, верно? Поручение выполнено, а что до меня, то я не стал бы возражать, если бы это случилось чуть погодя. Но не страшно — здесь все друзья, кроме разве что той больной девушки, а она, сдается мне, все равно ничего не слышит, а если и слышит, так не понимает. Как, ты говоришь, ее зовут? Я оттуда не расслышал.

— Это потому, что я и не называл ее имени, — объяснил я. — Ее зовут Иолента. — Произнося «Иолента», я взглянул на ее лицо, освещенное ярким светом костра, и вдруг понял, что передо мной уже не Иолента: в этой изможденной женщине не осталось ничего от красавицы, которую полюбил Иона.

— И все это от одного укуса летучей мыши?

Стало быть, в последнее время яду у них поприбавилось. Ведь меня самого пару раз кусали. — Перехватив мой взгляд, он добавил:

— Да, я видел ее раньше, молодой сьер, так же как и тебя, и крошку Доркас. Уж не думаешь ли ты, что я мог допустить, чтобы вы с той девушкой ушли из Ботанических Садов без сопровождения. Да еще когда ты твердил, что идешь на север, и затеял биться с офицером Серпентрионов. Я видел тебя в бою, я смотрел, как ты помогал одному парню расстаться с головой. Между прочим, это я, способствовал его поимке — думал, что он и вправду из Обители Абсолюта. И я той ночью стоял в толпе у помоста, только в самом заднем ряду. Я упустил тебя только на следующий день после заварухи у ворот. Так что я видел тебя, и видел ее, хотя от нее мало что осталось, кроме волос, да и волосы уже не те. Меррин обратилась к кумеане:

— Мать, рассказать им? Старуха кивнула.

— Если можешь, дитя мое.

— Все ее тело было пропитано особыми средствами, которые наделяли ее красотой. Теперь эта красота исчезает, потому что женщина потеряла много крови и испытала большие нагрузки. К утру от нее останутся лишь следы.

Доркас отпрянула.

— Это колдовство?

— Колдовства нет. Есть только знание, более или менее тайное.

Хильдегрин задумчиво разглядывал Иоленту.

— Никогда не думал, что можно так сильно изменить внешность. Это может пригодиться. Твоя хозяйка умеет это делать?

— Она могла бы больше, если бы пожелала. Доркас прошептала:

— Но как это возможно?

— Ей ввели в кровь вытяжки из желез животных, чтобы изменить строение тела. От этого у нее талия стала тонкой, груди огромными, наросла плоть на бедрах и так далее. Очищением и целительными мазями омолодили кожу. Зубы тоже очистили, а некоторые загнали в десны, а на них посадили новые коронки — одна, если посмотрите, уже выпала. Волосы выкрасили и сделали гуще, вшив шелковые нити в кожу черепа. Несомненно, вытравили почти все волосы на теле, и уж это, по крайней мере, при ней останется. Но что важнее всего, ее погрузили в транс и обещали красоту. После такого внушения люди верят с неистовой силой — как дети. А ее вера в то, что она прекрасна, завораживала и вас.

— Неужели для нее ничего нельзя сделать? —

спросила Доркас.

— Я ничего не могу, а кумеаны не берутся за такие дела, разве что в случае крайней необходимости.

— Но она будет жить?

— Да, как вам и сказала Мать — только она этого не захочет.

Хильдегрин прочистил горло, сплюнул.

— Ладно, с этим покончено. Мы вроде как сделал для нее все, что могли. Так вот что я скажу: давайте-ка приступим к делу, ради которого собрались. Как ты сказала, кумеана, совсем неплохо, что эти трое здесь объявились. Я получил весточку, и они друзья Повелителя Листьев — прямо как я. Армигер поможет мне словить этого Апу-Пунхау. Моих-то двух парней убили по дороге. Так что может помешать нам действовать?

— Ничего, — пробормотала кумеана. — Звезда восходит.

Доркас сказала:

— Если мы должны в чем-то тебе помогать, то хоть скажи, что ты собираешься делать.

— Вернуть прошлое, — торжественно объявил Хильдегрин. — Вернуть мир во времена величия старого Урса. На этом самом месте, где мы сейчас сидим, жил некто, знавший много важного для

нашего дела. Вот я и собираюсь добыть его. Это будет высшей точкой, если можно так выразиться, карьеры, которую знающие люди и так уже считают очень и очень впечатляющей.

Я спросил:

— Так ты собираешься вскрыть гробницу? Но ведь даже с помощью альзабо…

Кумеана протянула руку и отерла лоб Иоленты.

— Можно назвать это гробницей, но не его. Скорее это был его дом.

— Видишь ли, как все получилось, — стал объяснять Хильдегрин. — Я оказывал этой шатлене кой-какие услуги, если можно так выразиться. Не раз и не два. В конце концов я решил, что мне пора пожинать плоды. Будь уверен, я посвятил Хозяина Леса в свой нехитрый план. И вот мы здесь. Я заметил:

— Мне дали понять, что кумеана служит Отцу Иниру.

— Но долги-то надо платить, — самодовольно усмехнулся Хильдегрин. — Как подобает достойным людям. А потом, необязательно быть столь мудрой женщиной, чтобы понимать, как мудро иметь нескольких друзей на другой стороне, особенно на случай, если другая сторона выиграет.

Доркас обратилась к кумеане:

— Кто такой был этот Апу-Пунхау и почему его дворец все еще стоит, когда от остального города остались одни руины?

Старуха промолчала. Вместо нее ответила Меррин:

— Его имя не упоминается в легендах, а потому даже ученые ничего о нем не знают. Мать говорила нам, что «Апу-Пунхау» означает «Глава Дня». В древнейшие зоны он появлялся в этих краях и открывал людям много удивительных тайн. Он часто исчезал, но всегда возвращался. Но настало время, когда он не вернулся, и тогда захватчики разрушили его города. Теперь мы вернем его в последний раз.

— Без помощи колдовства?

Кумеана взглянула на Доркас глазами, сиявшими как звезды.

— Слова — это всего лишь символы. Меррин предпочитает считать, что колдовства не существует… и в этом случае его не существует. Если тебе хочется назвать то, что мы собираемся сделать, колдовством, то тогда колдовство будет жить, пока мы это делаем. В древние времена в одной дальней стране были две державы, разделенные горами. В одной воины одевались в

желтые одежды, в другой — в зеленые. И сто поколений эти державы враждовали. Я вижу, что мужчина, который пришел с тобой, знает эту историю.

— Пришел туда раз отшельник, — подхватил я, — и посоветовал предводителю желтой армии одеть своих людей в зеленое, а повелителю зеленой, чтобы он одевал воинов в желтое. Но война между ними продолжалась, как и прежде. У меня в сумке книга, которая называется «Книга Чудес Урса и Неба», и в ней есть эта история.

— Это мудрейшая из всех книг, написанных людьми, — сказала кумеана, — хотя лишь немногие извлекают пользу из прочитанного. Дитя, объясни этому человеку, который в свое время станет мудрецом, что мы должны сделать этой ночью.

Молодая ведьма согласно кивнула:

— Прошлое, настоящее и будущее сосуществуют. Эта истина заложена во всех легендах, которые рассказывают посвященные в великие таинства. Если бы будущее не существовало в настоящем, то как могли бы мы приблизиться к нему? А если прошлого нет, то как можно войти из него в настоящее? Во сне разум разрывает оковы настоящего — вот почему спящие так часто

слышат голоса умерших и получают известия о грядущем. Те, кто, как Мать, умеет приходить в такое же состояние во время бодрствования, живут в непрерывном потоке собственных жизней — так Абракс воспринимает все время как единый непреходящий миг.

Той ночью ветра почти не было, но теперь он совсем стих. В воздухе повисла гробовая тишина, и мягкий голос Доркас прозвучал в ней как удар колокола:

— Значит, женщина, которую ты зовешь кумеаной, войдет в это состояние и будет говорить с тем человеком голосами мертвых?

— Этого она не может сделать. Она очень стара, но этот город пришел в упадок задолго до того, как она появилась на свет. Ей подвластно лишь время ее собственной жизни, а для того, чтобы оживить этот город, нам понадобится помощь разума, существовавшего во времена его расцвета.

— Неужели в этом мире найдется столь древнее существо?

Кумеана покачала головой.

— В этом мире? Нет. Но все же такой разум существует. Посмотри, дитя мое. Вон там, за облаками. Та красноватая звезда называется «Рыбья Пасть». Как раз на одном из ее доныне уцелевших

миров и обретается тот древний разум. Меррин, возьмись за мою руку, а ты, Хильдегрин, за другую. Палач, дай руку больной, а другой возьмись за руку Хильдегрина. Пусть твоя возлюбленная возьмется за руки больной подруги и Меррин… Вот теперь мы слились в кольцо — женщины по одну сторону, мужчины — по другую.

— Если что-то делать, то хорошо бы поскорее, — пробурчал Хильдегрин.

— По-моему, вот-вот начнется буря.

— Постараемся успеть. Сейчас мне понадобится сила каждого сознания, а от больной не много проку. Вы почувствуете, как я направляю ваши мысли. Делайте, как я велю.

Отпустив на мгновение руку Меррин, старуха (если она и вправду была женщиной) извлекла из-за корсажа хлыст. Его концы растворялись в ночной тьме, словно выходили за пределы зрения, хотя сам хлыст был размером с небольшой нож. Когда старуха открыла рот, я решил, что она собирается взять его в зубы, но она проглотила его. Мгновение спустя я увидел сквозь сморщенную кожу ее горла расплывчатые очертания ножа, тронутые по краям пурпуром.

— Все закройте глаза… Здесь есть незнакомая женщина, высокая, в цепях… Неважно, палач,

теперь я ее знаю… Не размыкайте рук. Не размыкайте рук…

После Водалусовой трапезы я знал, что значит разделить свой разум с другим разумом. Но теперь все было по-другому. Кумеана не явилась мне ни в своем нынешнем облике, ни как молодая женщина. Скорее я чувствовал, что ее мысли окружают мои собственные, как рыбка окружена не видимым человеку водным потоком. Текла тоже была со мной, но и ее я не видел — мне только казалось, что она стоит за спиной, положив руку мне на плечо, а на своей щеке я чувствовал ее дыхание.

Потом она исчезла, и все остальное исчезло вместе с ней. Мои мысли ринулись в темноту и затерялись меж развалин.

Очнувшись, я понял, что лежу на черепичной крыше у огня. Рот был полон слюны и крови, сочившейся из прикушенных губ. В ногах ощущалась безмерная слабость, но все же я сел и огляделся вокруг.

Сначала мне показалось, что все остальные исчезли. Крыша подо мной была твердой, но люди стали прозрачными, словно привидения. Справа от меня лежал прозрачный Хильдегрин: положив ладонь на его грудь, я убедился, что

в ней бьется сердце — неровно, как мошка за стеклом. Глядя на туманные очертания тела Иоленты, я понял, что с ней сделали больше, чем предполагала Меррин: сквозь прозрачную плоть просвечивали железные проволоки и пластинки, хотя и они казались расплывчатыми. Я перевел взгляд на собственные ноги и увидел яркий свет Когтя под толстой кожей сапога. Но не хватало сил достать его.

На губах спящей Доркас не было пены, а тело на вид казалось более плотным, чем тело Хильдегрина. Меррин превратилась в куклу, одетую в черное, почти лишенную плоти. Тоненькая Доркас рядом с ней выглядела крупной и тяжелой. Теперь, когда в лицо Меррин сознание не вдыхало жизнь, я видел перед собой всего лишь маску из слоновой кости или гипсовую лепнину на костях черепа.

Как я уже давно подозревал, кумеана оказалась не женщиной. Но она не была и одним из тех чудовищ, которых мне довелось лицезреть в садах Обители Абсолюта. Вокруг светящегося хлыста клубилось нечто, отдаленно напоминавшее рептилию. Как ни искал я голову у этого существа, ее не было — зато спина пресмыкающегося казалась составленной из множества лиц, а в глазах

каждого из этих лиц читалось отчаяние.

В это время проснулась Доркас.

— Что с нами случилось? Хильдегрин пошевелился во сне.

— Я думаю, мы смотрим на себя издалека — из другого времени.

Она открыла рот, но не издала ни звука. Сгустившиеся облака не принесли с собой ветра, хотя внизу, под нами, по улицам клубилась пыль. Не знаю, как лучше описать то, что происходило: словно бесчисленное множество мельчайших насекомых скрывалось в трещинах мостовых, а теперь, по воле лунного света, пробудилось к загадочной ночной жизни. Глаз не улавливал регулярности в их бесшумных перемещениях, но время от времени они сбивались в подобие роя, мечущегося, увеличивающегося в размерах и уплотняющегося, пока он снова не рассыпался по выщербленным камням мостовой. Тогда насекомые больше не пытались взлететь — они переползали друг через друга, и каждое стремилось пробраться в центр роя.

— Они живые, — сказал я. Но Доркас шепнула в ответ:

— Смотри, они мертвы.

Она оказалась права.

Насекомые, еще мгновение назад полные жизни, замерли, выставив напоказ белые прожилки брюшек. Неведомая сила соединяла пылинки друг с другом — так усердный художник складывает обломки старинного стекла, чтобы возродить к жизни многоцветный витраж, разбитый несколько тысячелетий назад. Они складывались в человеческие черепа, отливавшие зеленью в лунном свете. Звери — элуродоны, неуклюжие спелей и скользящие тени, названия которым я не знал, — появились среди мертвых. По сравнению с нами все они казались бесплотными.

Один за другим стали подниматься мертвые, а звери исчезали. Мертвецы, сначала медленно и неуверенно, принялись восстанавливать свой город: камни громоздились друг на друга, прах превращался в деревянную обшивку воздвигаемых стен. Люди уже не казались ожившими трупами — они крепли и с каждым мгновением набирались сил. Теперь внизу ходили вразвалку, как моряки, низкорослые кривоногие мужчины, без усилий толкая гигантские валуны своими широченными плечами. Город восстал из праха. Мы ждали, что будет дальше.

Тишину ночи разорвал грохот барабанов. По их тону я понял, что, когда они били в последний

раз, город был окружен лесом — подобное эхо могли создавать только стволы могучих деревьев. По улице шествовал бритоголовый шаман. Его обнаженное тело было разрисовано цветными текстами на незнакомом языке, но форма каждой буквы, казалось, вопила о смысле слова.

За ним шла цепочка из сотни или более людей. Руки каждого из танцоров лежали на голове впереди идущего, их лица были запрокинуты к небу, и тогда мне пришло в голову (я и сейчас думаю об этом), что в их танце воплотился образ стоглазого змея, которого мы называли кумеаной. Они медленно скользили и извивались вокруг шамана, потом вернулись к дому, с высоты которого мы наблюдали за ними, и остановились перед входом. Со звуком, подобным грому, отвалилась каменная плита. Повеяло ароматами мирта и роз.

Из двери вышел мужчина и поднял руки, приветствуя танцоров. Будь у него сотня рук или неси он голову под мышкой, я не удивился бы больше, потому что я знал его лицо с самого детства. Это было лицо бронзовой фигуры из мавзолея, где я играл ребенком. Его руки украшали тяжелые золотые браслеты, украшенные гиацинтами, опалами, сердоликами и сверкающими изумрудами.

Мерными шагами он продвигался вперед, до тех пор пока не оказался в центре процессии. Потом он повернулся к нам и воздел руки. Он смотрел прямо на нас, и я понял, что он — единственный из всей толпы — видит нас.

Я был настолько заворожен происходящим внизу спектаклем, что не заметил, когда Хильдегрин успел спуститься вниз. Теперь он смешался с толпой — если это слово применимо к такому крупному человеку — и пробирался к Апу-Пунхау.

Я не знаю, как описать то, что последовало затем. В некотором роде это походило на маленькую драму, которая разыгралась на моих глазах в деревянном домике в Ботанических Садах. Но тогда я знал, что та женщина, ее брат и дикарь зачарованы. А теперь мне казалось, что это мы — Хильдегрин, Доркас и я — находимся во власти неведомого колдовства. Я уверен, что танцоры не могли увидеть Хильдегрина, но они каким-то образом ощущали его присутствие — выкрикивали угрозы и размахивали дубинками, усаженными каменными зубьями.

А вот Апу-Пунхау видел его, так же как он видел всех нас на крыше или как Исангома видел Агию и меня. И все же, мне кажется, он видел Хильде-

грина не таким, каким его видел я: может быть, тот казался ему столь же странным, сколь странной казалась мне кумеана. Хильдегрин держал его, но не мог справиться. Апу-Пунхау боролся, но не мог освободиться. Хильдегрин взглянул на меня и позвал на помощь.

Не знаю, почему я откликнулся на его призыв. Ведь я уже давно сознательно не желал служить Водалусу и его делу. Возможно, продолжал действовать альзабо, а может быть, просто сработала память о том, как Хильдегрин перевозил меня с Доркас через Птичье Озеро.

Я попытался растолкать кривоногих, но один из наносимых наобум ударов дубинкой пришелся мне по голове. Я упал на колени. Когда я снова встал на ноги, Апу-Пунхау исчез среди визжащих, подпрыгивающих танцоров. Вместо него передо мною возникли два Хильдегрина: один вцепился в меня, другой сражался с кем-то невидимым. Я бешеным движением отшвырнул первого и бросился на выручку ко второму.

— Северьян!

Я очнулся от того, что на мое запрокинутое лицо падали капли дождя — крупные, холодные, жалящие капли. Над пампой грохотал гром. На мгновение мне показалось, что я ослеп, но сле-

дующая вспышка молнии озарила примятую ливнем траву и выщербленные камни.

— Северьян!

Меня звала Доркас. Я начал подниматься, и тут рука наткнулась на кусок материи, втоптанной в глину. Я сжал пальцы и вытащил узкую длинную шелковую полоску, украшенную кисточками.

— Северьян!

В ее голосе звучал ужас.

— Я здесь! — отозвался я. Новая вспышка высветила силуэт Доркас на краю крыши. Я обогнул глухую стену и нашел ступеньки. Наши лошади исчезли. На крыше не было никого, кроме Доркас, склонившейся над телом Ио-ленты. В свете молнии я увидел мертвое лицо официантки, которая прислуживала доктору Талосу, Балдандерсу и мне в маленькой харчевне в Нессусе. Дождь смыл с этого лица остатки былой красоты. В конце пути с нами остается только любовь, и только этот дар небес и идет в расчет. То, что мы способны быть лишь тем, что мы есть, навсегда остается нашим неискупимым грехом.

Здесь, мой читатель, я вновь сделаю паузу. Мы прошли с тобой вместе от одного города к другому — от маленького селения рудокопов Сальтуса до разоренного каменного города, само название

которого давным-давно затерялось в вихре лет. Как Сальтус был для меня воротами в новый мир, лежащий за пределами Града Несокрушимого, так и каменный город — врата, ведущие в горы, очертания которых я узрел в рамках его обвалившихся арок. И мне еще предстоит долгий путь среди ущелий и скал, суждено заглянуть в слепые глаза и пустые лица горных вершин.

Здесь, у их подножий, самое время сделать привал. И если ты, читатель, откажешься следовать за мною дальше, я не могу винить тебя. Дорога сия — нелегка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Нациальные отношения в Содружестве

Одна из наиболее сложных задач, встающих перед переводчиком, заключается в точной передаче сведений касательно сословий и социальных позиций, в терминах, понятных в его собственном обществе. В случае с «Книгой Нового Солнца» отсутствие вспомогательного материала делает нашу задачу вдвойне сложной, и в итоге мы в состоянии представить вам не более чем самый беглый очерк.

Насколько можно определить из рукописей, общество Содружества, по-видимому, состоит из семи основных социальных групп. Из них, по крайней мере, одна представляется совершенно замкнутой. Мужчина или женщина должны родиться экзультантами и по праву рождения остаются экзультантами всю свою жизнь. Хотя внутри данного класса вполне возможны некие градации, рукописи умалчивают о них. Женщины этой социальной группы зовутся «шатленами», а мужчины носят различные титулы. За пределами города, который я предпочел

назвать Нессусом, экзультанты ведают административными делами повседневного характера. Присвоение ими власти по праву наследства серьезно противоречит духу Содружества и вполне объясняет то напряжение, что очевидно между экзультантами и автархией; однако неясно, может ли власть на местном уровне иметь более предпочтительную организацию при существующих условиях — демократия неизбежно привела бы к обыкновенному разброду, а назначаемая сверху бюрократия невозможна при отсутствии необходимого резерва образованных, но относительно безденежных исполнителей, способных занять соответствующие должности. Как бы то ни было, мудрость автархов, несомненно, включает в себя и принцип, что любое проявление полного согласия с правящим классом является наиболее опасной болезнью государства. Судя по рукописям, Текла, Теа и Водалус — вне всяких сомнений, экзультанты.

Армигеры, по-видимому, имеют много общего с экзультантами, но в социальной системе находятся ступенью ниже. Само наименование указывает на их принадлежность к военному классу, и все же нельзя сказать, что они монополизировали основные позиции в армии;

несомненно, их можно сравнить с самураями, находившимися на службе у феодалов в средневековой Японии. Ломер, Никарет, Рахо и Валерия принадлежат к армигерам.

Оптиматы — скорее всего, более или менее зажиточные торговцы. Из семи упомянутых социальных групп представители оптиматов реже всего упоминаются в рукописях. Однако есть некоторые косвенные указания, что Доркас первоначально принадлежала именно к оптиматам.

Как и во всяком обществе, подавляющее большинство населения составляют простолюдины. В основном довольные своей участью, невежественные, поскольку их страна слишком бедна, чтобы дать им образование, они возмущаются высокомерием экзультантов и испытывают благоговейный трепет перед Автархом, который в конечном счете является их собственным апофеозом. Иолента, Хильдегрин и жители Сальтуса принадлежат к простолюдинам, как и бесчисленное множество других персонажей, встречающихся в рукописях.

Окружение Автарха — который вполне обоснованно не доверяет экзультантам — это слуги трона. Эти люди исполняют официальные обязанности и являются советниками Автарха, как

военными, так и гражданскими. Судя по всему, это выходцы из простонародья, и следует отметить, что они высоко ценят полученное ими образование. (Для сравнения: подмечено у Теклы.) Самого Северьяна и других обитателей Цитадели, за исключением Ультана, можно отнести к этой социальной группе.

Жрецы почти столь же загадочны, как и божество, которому они служат, то есть божество в основе своей солярное, но не относящееся к культу Аполлона. (Поскольку Миротворец снабжен Когтем, сама собой напрашивается параллель с орлом Юпитера и солнцем; не исключено, что подобная ассоциация вполне уместна.) Подобно священнослужителям римской католической церкви в наши дни, упомянутые жрецы, похоже, являются членами различных орденов, но в отличие от первых не подчинены никакой единой власти. Временами, несмотря на их очевидный монотеизм, в них проглядывают отдельные черты индуизма. Пелерины, занимающие в рукописях больше места, чем любая другая религиозная община, очевидно, представляют собой сестринскую общину жриц, которых сопровождает вооруженная мужская прислуга (что неудивительно для странствующей группы в по-

добное время и при известных обстоятельствах).

Наконец, **какогены** олицетворяют (к сожалению, они оставляют у нас лишь смутное представление) тот чуждый элемент, который благодаря именно своей инородности является наиболее универсальным, существуя практически во всех известных нам обществах. Их распространенное наименование, по-видимому, демонстрирует, что простолюдины боялись или, по крайней мере, испытывали к ним ненависть. Появление какогенов на празднестве Автарха указывает на то, что их принимали (вероятно, по принуждению) при дворе. Хотя во времена Северьяна народные массы рассматривают их в качестве однородной группы, не исключено, что на самом деле они отличаются друг от друга. В рукописях данный элемент представляют кумеана и Отец Инир.

Почтительное обращение, переведенное мною как сьер, по-видимому, относится лишь к представителям высших классов, однако им часто злоупотребляют и на нижних ступенях общественной лестницы. Хозяином, в узком смысле этого слова, называют главу семьи.

Деньги, меры и время

Я посчитал невозможным выяснить точную цену монет, упомянутых в оригинале «Книги Нового Солнца». За отсутствием прямых аналогий всякий кусок золота с оттиснутым профилем автарха мне пришлось назвать **хризосом**; несомненно, несколько отличаясь весом и пробой, они тем не менее, похоже, имеют приблизительно равную цену.

Еще более разнообразным серебряным монетам этого периода я дал общее название **азими**.

Крупные медные монеты (которые, судя по рукописям, являются главным средством обмена среди простого люда) я назвал **орихальками**.

Несметное число мелких медных и бронзовых денежных знаков (не чеканившихся центральным правительствам, но при необходимости выпускавшихся местными властями и предназначенных лишь для хождения в провинции) я назвал **аэсами**. Один аэс — стоимость куриного яйца; **орихальк** — дневной оклад чернорабочего; на **азими** можно приобрести пристойно сшитое верхнее платье, подходящее для оптимата; на **хризос** — хорошего скакуна.

Нелишне напомнить, что меры длины или

расстояния, строго говоря, сами по себе несоизмеримы. В этой книге лига обозначает расстояние примерно в три мили; данной мерой правильно исчислять расстояние между населенными пунктами и в рамках таких крупных городов, как Нессус.

Пядь — расстояние между оттопыренным большим и указательным пальцами, то есть приблизительно восемь дюймов. Чейн — длина мерной цепи в сто звеньев, где каждое звено составляет пядь; таким образом, чейн — это примерно семьдесят футов.

Эль представляет традиционную длину боевой стрелы — пять пядей, или приблизительно сорок дюймов.

Шаг, приведенный в рукописях, — это примерно два с половиной фута. При упоминании широкого шага указанную длину следует помножить на два.

Наиболее распространенную здесь меру — расстояние от мужского локтя до кончика среднего пальца (приблизительно восемнадцать дюймов) я назвал **кубитом**. (Нетрудно заметить, что в процессе перевода, стараясь передать — посредством латинского алфавита — оригинальные термины, я выбирал современные слова, понятные

каждому читателю.) Термины, обозначающие временнее отрезки редко встречаются в рукописях; периодически приходит на ум что ощущение течения времени, присутствующее у автора и в обществе, к которому он принадлежит, притупилось из-за общения с интеллектуалами, попавшими под влияние или же преодолевшими временной парадокс Эйнштейна. Там, где эти термины все-таки появляются хилиад означает период в тысячу лет. Век — интервал между истощением какого-либо минерала или других ресурсов в их естественном состоянии (например сера) и принятием ими следующей формы. Под месяцем имеется в виду лунный месяц из двадцати восьми дней, и неделя таким образом, в точности совпадает с нашей неделей — то есть четверть лунного месяца, или семь дней Страха — период дежурства часового: одна десятая ночи или приблизительно час и пятнадцать минут.

Дж. В.

Меч ликтора

Уходят вдаль людских голов
бугры:
Я уменьшаюсь там, меня уж не
заметят,
Но в книгах ласковых и в играх
детворы
Воскресну я сказать, что солн-
це светит.

1. ХОЗЯИН ДОМА ЦЕПЕЙ

— Я едва сдерживалась, Северьян, — вздохнула Доркас и встала под струи воды в каменной парной, — на мужской половине, наверное, есть такая же; впрочем, я не знаю. И всякий раз, стоило мне шагнуть наружу, я слышала, что они обо мне говорят. Называют тебя гнусным мясником — я даже повторять не хочу, как еще.

— Ничего удивительного, — ответил я. — В городе целый месяц не было ни одного приезжего, ты первая; пошли толки — этого и следовало ожидать. Кое-кому из женщин известно, кто ты такая, и они будут только рады посудачить и рассказать пару баек. Сам я давно привык, а ты по дороге сюда наверняка не раз слышала, как меня величают; я, во всяком случае, слышал.

— Ты прав, — призналась она и уселась на внутренний выступ бойницы. Внизу простирался город, и огни многочисленных лавочек и мастерских уже заливали Ацисову долину желтым, как лепестки нарцисса, светом; однако Доркас, казалось, ничего этого не замечала.

— Теперь ты понимаешь, почему устав гильдии запрещает мне жениться, но я уже повторял тебе

множество раз, что готов нарушить его ради тебя — только пожелай.

— Иными словами, мне было бы лучше жить где-нибудь в Другом месте, а сюда приходить только раз или два в неделю. Или ждать, пока ты сам ко мне наведаешься.

— Именно так все обычно и устраиваются. Рано или поздно тем женщинам, которые сегодня распускали о нас сплетни, станет ясно, что их сыновья, мужья или они сами в один прекрасный день могут оказаться в моей власти.

— Но ведь дело совсем не в этом, неужели ты не понимаешь? Дело в том, что… — Доркас осеклась и, поскольку я тоже молчал, вскочила и принялась мерить шагами комнату, скрестив на груди руки. Я никогда не видел ее такой и почувствовал раздражение.

— Так в чем же? — спросил я.

— Прежде это действительно были сплетни. А теперь — правда.

— Я упражнялся в своем искусстве всякий раз, как находилась работа. Нанимался в городские и сельские органы правосудия. Несколько раз ты наблюдала за мной из окна — никогда не любила стоять в толпе, хотя я и не вправе упрекать тебя в этом.

— Я не наблюдала.

— Но я помню, что видел тебя.

— Я не смотрела. В тот момент, когда все свершалось, я не смотрела. Ты бывал так поглощен своим занятием, что не мог видеть, отходила ли я от окна или закрывала глаза. Когда ты первым вспрыгивал на эшафот — вот тогда я действительно смотрела и махала тебе рукой. Ты был таким гордым, стоял прямой, как твой меч, — ты был очень хорош. Ты был честен. Помню, как однажды рядом с тобой стояли какой-то судейский служащий, иеромонах и осужденный; и только у тебя было честное лицо.

— Ты не могла его видеть. Я наверняка был в маске.

— Северьян, мне не обязательно было видеть его. Я ведь так хорошо его знаю.

— Разве я с тех пор изменился?

— Нет, — неохотно ответила она. — Но я побывала в подземелье. Видела в галереях людей, закованных в цепи. И сегодня вечером, когда мы уляжемся спать в нашу мягкую постель, они будут там, внизу, под нами. Сколько, говоришь, их было, когда ты водил меня туда?

— Около тысячи шестисот. Неужели ты искренне веришь, что эти шестнадцать сотен

гуляли бы на свободе, если бы меня здесь не было? Вспомни, когда мы сюда прибыли, они уже сидели там.

Доркас избегала моего взгляда.

— Это похоже на общую могилу, — пробормотала она. Я заметил, что плечи ее дрожат.

— Так и есть, — сказал я. — Архон мог бы выпустить их, но кто воскресит тех, кого они погубили? Ты, верно, никогда никого не теряла? Она не ответила.

— Спроси жен, матерей, сестер тех людей, кого наши теперешние узники отправили гнить на кладбище, следует ли Абдиесу их отпустить?

— Я могу спросить только саму себя, — сказала Доркас и задула свечу.

Тракс кривым кинжалом вонзается в самое сердце горной страны. Он лежит в тесном ущелье, что занимает Ацисова долина, и простирается до самого Замка Копья. Арена, пантеон и прочие общественные постройки занимают всю ровную местность между замком и крепостной стеной (называемой Капулюс), замыкающей узкую часть долины. Жилые дома города облепили крутые горные склоны по обе стороны, многие просто высечены в скалах, за что Тракс получил одно из своих прозвищ: Град Без Окон.

Благополучием своим он обязан тому, что расположен в верховье судоходной части реки. В Тракс все товары, направляемые на север от Ациса (причем немалая их часть уже преодолела девять десятых Гьолла, прежде чем достичь устья речушки, из которой Гьолл скорее всего и берет начало), должны быть выгружены; дальнейшее путешествие, если таковое необходимо, им предстоит проделать на спинах вьючных животных. И наоборот, если вожди горных племен и местные землевладельцы пожелают отправить зерно и шерсть на юг, им придется свезти свой товар в Тракс и погрузить на корабль, потому что выше по течению река с ревом ударяется в выгнутый гребень склона, увенчанного Замком Копья.

Отправление правосудия заботило местного архона более других дел, что, вероятно, типично для районов, где сильная городская власть навязывает свои законы окрестным землям. Чтобы утвердить свою волю над теми, кто находился вне городских укреплений и мог ей воспротивиться, в его распоряжении было семь эскадронов димархиев, каждый — под предводительством особого командира. Суд созывался ежемесячно, в новолуние, и распускался, когда луна достигала полного диска. Заседания открывались со второй

утренней стражей и заканчивали работу лишь после того, как все намеченные на день процессы бывали рассмотрены. Мне как главному исполнителю приговоров архона предписывалось посещать эти заседания, дабы он мог быть уверен, что установленные им наказания не будут ни смягчены, ни усугублены по воле тех, кому в противном случае поручалось бы передавать их мне; кроме того, я должен был присматривать за всей, до последней мелочи, внутренней жизнью Винкулы, где содержались узники. Возложенная на меня ответственность в некоторой степени сопоставима с той, что в нашей Цитадели приходится нести мастеру Гурло, и в первые недели моего пребывания в Траксе она чрезвычайно тяготила меня.

Мастер Гурло любил повторять, что идеальных по расположению тюрем не существует. Подобно большинству мудрых мыслей, изреченных в назидание юношеству, эта сентенция столь же неоспорима, сколь и бесполезна. Все побеги можно свести лишь к трем разновидностям: украдкой, с применением насилия или же благодаря подкупу охранников. Удаленное расположение тюрем серьезно затрудняет побег украдкой и по этой причине представляется предпочтительным тем,

кто долго размышлял над данным вопросом.

Сколь ни прискорбно, пустыни, вершины гор и отдаленные острова особенно благоприятствуют насильственному побегу — если товарищи узников затеют осаду, то получить своевременное известие об их предприятии довольно трудно, всякая же попытка усилить тюремные гарнизоны почти неосуществима; буде же узники поднимут бунт, возможность подвести войска прежде, чем исход дела решится, весьма сомнительна.

Густонаселенная и надежно охраняемая местность служит для крепости хорошей защитой от подобных осложнений, однако здесь возникает иная, возможно, еще более серьезная опасность. Узнику уже не требуются сотни товарищей — достаточно одного или двух; и это не должны быть непременно воины — справится даже уборщица или уличный торговец, достало бы только ума и решимости. И далее: стоит узнику покинуть стены тюрьмы, он немедленно смешивается с безликой толпой, и его поимка становится делом уже не охотников с собаками, но сыщиков и осведомителей.

В нашем случае и думать было нельзя строить тюрьму особняком, в удалении от города. Даже если приставить к ней достаточно войска, помимо

собственно охраны, для отражения атак автохтонов, зоантропов и культелариев, что рыщут за городской чертой, не говоря уж о вооруженных свитах мелких экзультантов (которым никогда нельзя доверять), и тогда было бы невозможно обеспечивать безопасность караванов с провиантом, не прибегая к помощи армии. Посему Винкула Тракса по необходимости расположена в черте города, а именно — посередине его западной горной стены, в полулиге от Капулюса.

Она построена в духе древних времен, и я всегда полагал, что ее первоначальный замысел отвечал нынешнему содержанию; однако существует легенда, согласно которой здесь когда-то была гробница, и лишь несколько веков назад она была расширена и перестроена в соответствии со своим новым назначением. Наблюдателю, расположившемуся на более просторном, восточном, валу, она кажется выступающей из скалы четырехгранной башней в четыре этажа с плоской зубчатой крышей, упирающейся в стену горы. Эта доступная взору часть сооружения, которую многие иноземцы принимают за целое, на деле есть ничтожная и по величине, и по значению доля. В бытность мою ликтором в ней размещались только хозяйственные службы, казармы

стражников и мое жилище.

Узников помещали в выдолбленную в скале наклонную шахту. Содержали их не в отдельных отсеках, подобных тем, что ждали наших клиентов в подземелье на моей родине, и не в общей камере, в какую я сам был заключен в Обители Абсолюта. Здесь узникам надевали толстые железные ошейники и приковывали цепями вдоль стен шахты таким образом, чтобы по центру оставалось достаточное пространство и двое стражников могли разойтись, не опасаясь, что у них выхватят ключи.

Шахта тянулась примерно на пятьсот шагов в длину и могла вместить более тысячи узников. Вода подавалась из резервуара, выдолбленного в камне на вершине скалы, а нечистоты удалялись путем опорожнения того же резервуара, когда количество воды в нем становилось угрожающим. Труба, пробитая в нижней оконечности шахты, доставляла сточные воды в канал у подножия скалы, который сквозь отверстие в Капулюсе выносил их в Ацис далеко за городом.

Примыкающая к скале четырехгранная башня и сама шахта, должно быть, и составляли первоначальную основу Винкулы. Впоследствии ее структура была дополнена хитроумной сетью

переплетающихся галерей и параллельных шахт, появившихся в результате безуспешных попыток освободить узников через ходы, прорытые из жилых домов на склоне горы, которые были соединены со встречными туннелями, пробитыми для предотвращения подобных авантюр; ныне все они приспособлены для размещения наших постояльцев.

Наличие этих ответвлений, плохо спланированных, а зачастую и вовсе не имевших никакого плана, доставляло мне лишнюю головную боль, поэтому в числе первых моих предприятий было уничтожение лишних и бесполезных проходов, для чего их засыпали смесью речного камня, песка, воды, извести и гравия, что вкупе с расширением и соединением оставшихся переходов обещало придать структуре определенную целесообразность. Однако, несмотря на необходимость таких работ, продвигались они крайне медленно, поскольку к ним могло быть единовременно привлечено лишь несколько сотен узников, которые к тому же по большей части были больны и немощны.

Когда мы с Доркас прибыли в Тракс, первые несколько недель работа поглощала все мое время без остатка. Доркас обследовала город, что

было важно для нас обоих, я же со своей стороны настоятельно просил ее собрать сведения о Пелеринах. Весь долгий путь из Нессуса меня угнетала мысль, что Коготь Миротворца до сих пор находится при мне. Теперь же, когда путешествие было окончено, он сделался бременем почти невыносимым, ибо я мог оставить попытки отыскать следы Пелерин по пути, более не надеясь, что следую направлению, которое может привести меня к ним. Если ночь застигала нас в дороге и звезды сияли над моей головой, я прятал камень за голенище сапога, когда же выпадала редкая удача заночевать под крышей, засовывал его в носок. Теперь я обнаружил, что вовсе не могу без него спать: всякий раз, просыпаясь среди ночи, я должен был удостовериться, что он все еще со мной. Доркас сшила из оленьей кожи мешочек, чтобы я мог хранить в нем камень, и я носил его на шее день и ночь. В те первые недели я много раз видел во сне этот камень, зависший надо мной и объятый пламенем, подобно храму, из которого был взят, и, пробудившись, находил его свечение столь ярким, что оно легким ореолом пробивалось сквозь тонкую кожу. Каждую ночь я раз или два просыпался, лежа на спине с мешочком на груди, и он казался таким тяжелым

(хотя я по-прежнему мог без усилий поднять его одной рукою), что я боялся быть раздавленным насмерть.

Доркас помогала мне чем могла и по мере сил утешала меня; и все же я видел, что резкая перемена в наших отношениях от нее не укрылась и причиняла ей беспокойство куда более сильное, нежели мне. Как подсказывает мне опыт, подобные перемены всегда неприятны — уже хотя бы потому, что таят в себе вероятность дальнейших перемен. Во время совместного путешествия (а скитались мы, то поспешая, то позволяя себе отдых, с того самого дня в Саду Непробудного Сна, когда Доркас помогла мне, нахлебавшемуся воды и полумертвому, выкарабкаться на поросшую осокой плавучую тропинку) мы были равноправными товарищами и лигу за лигой преодолевали пешком или каждый в своем седле. Пусть мои мускулы служили порой защитой для Доркас, зато у нее я всегда находил моральную поддержку, ибо лишь немногие могли долго оставаться беспристрастными к ее непорочной красоте или пребывать в страхе перед моим родом занятий — ведь, глядя на меня, нельзя было не видеть также и ее. Она была моей советчицей в беде и товарищем в бесприютной пустыне.

Когда же мы наконец достигли Тракса и я вручил архону письмо мастера Палаэмона, всему этому настал неминуемый конец. Мне, облаченному в свои угольно-черные одеяния, толпа уже была не страшна — это я был страшен ей, я, верховное лицо самой грозной ветви государственной власти. Теперь Доркас жила в Винкуле, в выделенных мне покоях, не как равная, но, по выражению Кумена, в качестве любовницы. Ее советы уже не могли быть мне полезны — по крайней мере, большинство их, — поскольку затруднения, столь угнетавшие меня, были связаны с законами и управлением, в коей стихии я за многие годы привык сражаться и о которой она не имела представления; более того, у меня почти не оставалось ни времени, ни сил разъяснять ей мои трудности, чтобы мы могли поговорить по душам.

И вот, пока я выстаивал при дворе архона одно присутствие за другим, Доркас привыкла бродить по городу, и мы, всю вторую половину весны не разлучавшиеся ни на миг, с наступлением лета едва виделись: делили вечернюю трапезу и, утомленные, забирались в постель, чтобы тут же уснуть в объятиях друг друга.

Наконец воссияла полная луна. С какой ра-

достью я смотрел на нее с верхушки башни — зеленую, как изумруд, в обрамлении лесов, и круглую, точно ободок чашки! Я еще не был свободен, поскольку мелкие хозяйственные и следственные дела, накопившиеся за время заседаний у архона, еще ждали моих распоряжений; но теперь я наконец-то мог посвятить им себя всецело, что было равнозначно обретению свободы. На следующий же день я пригласил Доркас с собой на обход подземелий Винкулы.

Я допустил ошибку. Смрад и страдания узников довели ее до дурноты. Вечером того же дня, о чем я уже упоминал, она пошла в общественные бани (неожиданный с ее стороны поступок: ведь она так боялась воды, что мылась всегда частями, окуная губку в миску, где воды было не больше, чем супа в тарелке), желая избавиться от пропитавшего кожу и волосы запаха шахты. Там она и услыхала, как служительницы судачат о ней.

2. НАД ВОДОПАДОМ

Наутро, прежде чем покинуть башню, Доркас обрезала волосы, да так коротко, что теперь напоминала мальчишку; в кольцо, которым они прежде были схвачены, она вдела белый пион. Я же до наступления дня разбирал бумаги, а потом, позаимствовав у начальника стражи плащ, какой носят горожане, вышел в надежде на случайную встречу с ней.

В коричневой книге, с которой я не расстаюсь, говорится, что нет ощущения более необычного, чем то, которое испытываешь, бродя по городу, не похожему ни на один из виденных ранее, — ибо это означает открывать в собственной душе новые, неожиданные закоулки. Мне, однако, довелось изведать нечто еще более странное: я бродил по городу, в котором уже прожил некоторое время, так и не узнав о нем ничего.

Я не имел представления, где находятся бани, о которых говорила Доркас, хотя из слышанных мельком разговоров в суде подозревал, что они действительно существуют. Не знал я, и где находится базар, куда она ходила покупать наряды и косметические средства; к тому же базаров в

городе могло быть и несколько. Короче говоря, Тракс оставался мне совершенно неизвестным — я знал лишь панораму, открывавшуюся из бойницы, да несколько улиц, ведущих от Винкулы к палатам архона. Возможно, я был излишне самоуверен, полагая, что не потеряюсь в городе, столь уступающем Нессусу размерами; тем не менее, шагая по извилистым улицам, в беспорядке разбегавшимся по склону горы и нелепо плутающим между домами-пещерами и домами — ласточкиными гнездами, я то и дело поглядывал, виден ли еще знакомый четырехгранник с крепостными воротами и черной хоругвью.

В Нессусе богачи живут в северной части города, где воды Гьолла чище, а бедняки — в южной, где река уже сильно засорена. Здесь, в Тракс, этого обычая больше не придерживались: бег Ациса так стремителен, что экскременты, сбрасывавшиеся выше по течению (где не набралось бы и тысячной доли жителей, населяющих северную оконечность Гьолла), не наносили реке ощутимого вреда; кроме того, для богатых домов и городских фонтанов воду забирали над порогом и доставляли по специальным каналам, так что река сама по себе не имела особого значения; исключение составляли производственные цехи

и общественные бани, где требовалось большое количество воды.

В Траксе, таким образом, о состоятельности горожанина можно было судить по расположению его жилища — у подножия горы или на ее вершине. Самые богатые селились у ее основания, поближе к реке, откуда до торговых рядов и присутственных учреждений было рукой подать, а небольшая аллея вела прямо на набережную, где они могли нанять каик, и рабы возили их на прогулку вдоль города. Те, у кого денег было поменьше, строили дома повыше; жители среднего достатка — еще выше, и так далее, до самых крепостных стен на вершине горы, где лепились лачуги самых последних бедняков — зачастую просто логова из глины и соломы, забраться в которые можно было лишь по длинной приставной лестнице.

Я намеревался в свое время осмотреть и эти убогие хибары, но в этот раз решил не удаляться от реки и пройти по торговым кварталам. На их узких улочках царила такая толчея, что мне показалось, будто в городе праздник, или же война, представлявшаяся мне в Нессусе такой далекой, но ощущавшаяся тем живее, чем дальше мы с Доркас продвигались на север, пригнала сюда

потоки беженцев.

Нессус так огромен, что о нем говорят, будто на одного жителя там приходится по пять зданий. О Траксе, несомненно, можно сказать обратное, и в тот день мне порой думалось, что под каждой крышей обитает человек пятьдесят. Нессус к тому же — город-космополит, но, хотя иноземцы на его улицах встречаются на каждом шагу, попадаются даже прибывшие из иных миров какогены, для коренных жителей они именно иноземцы, далеко оторвавшиеся от родных краев. Здесь же улицы пестрели выходцами из самых разнообразных народов, но это говорило лишь о разнообразии населявших горы племен. Когда я, к примеру, видел человека в шапке из птичьего оперения со свисающими на уши крыльями, или же прохожего, одетого в косматую шкуру, или вдруг мужчину с татуировкой на лице, я мог не сомневаться, что, завернув за угол, столкнусь с сотней таких же дикарей.

Эти люди были эклектики, потомки южных переселенцев, перемешавшихся с коренастыми темнокожими автохтонами и отчасти воспринявших их уклад, к которому добавились обычаи амфитрионов, обитавших еще дальше на север, и иных, еще менее известных народов, кочевых

торговцев и мелких племен.

Многие эклектики питают пристрастие к изогнутым кинжалам, или, как здесь иногда говорят, «свернутым набок»: клинок состоит из двух относительно прямых лезвий и резко уходит вбок у самого острия. Считается, что кинжал такой формы легко прокалывает сердце, если вонзить его под грудную кость; лезвия скреплены посередине осью и заточены с обеих сторон чрезвычайно остро. Рукоять, как правило, костяная, ножен нет вовсе. (Я так подробно описываю эти кинжалы потому, что они составляют, пожалуй, самую характерную особенность здешних мест, к тому же именно им Тракс обязан другим своим прозвищем: Город Кривых Кинжалов. Общие очертания города также напоминают лезвие подобного кинжала: изгиб ущелья словно повторяет изгиб клинка, река Ацис осью прорезает Тракс посередине, а Капулюс играет роль основания рукояти.)

Один из смотрителей Медвежьей Башни сказал мне как-то, что если скрестить боевого пса с волчицей, то получится опасный, свирепый и непокорный зверь, равного которому не сыскать. Мы привыкли считать лесных и горных зверей дикими и, как о дикарях, думать о людях, едва

оторвавшихся от земли и пришедших в города. На самом же деле некоторых домашних животных отличает еще более лютая злоба — как было бы для нас очевидно, не будь мы столь привычны к ней, — и это несмотря на то что они прекрасно понимают человеческую речь и порой сами способны воспроизводить отдельные слова; так же и в душах мужчин и женщин, чьи предки жили в больших и малых городах еще на заре человечества, гнездится еще худшая скверна. Водалус, в чьих жилах текла чистая кровь тысяч экзультантов — экзархов, этнархов и старейшин, — был способен на жестокость, немыслимую у автохтонов, заполонивших улицы Тракса и не знавших иной одежды, кроме гуанаковых плащей.

Подобно псам, рожденным волчицей (видеть которых мне не приходилось, поскольку они слишком злобны, а потому бесполезны), эти эклектики в результате столь разнокровного родства наследовали исключительную жестокость и необузданность: они становились либо угрюмыми, вероломными и вздорными союзниками, либо свирепыми, хитрыми и мстительными врагами. Во всяком случае, именно так мои подчиненные в Винкуле расписывали мне эклектиков, а ведь последние составляли более

половины наших узников.

Ни разу не случалось, чтобы я, встретив мужчину, чья Речь, платье или обычай выдавали в нем иноземца, не задумывался о том, каковы должны быть женщины его народа. Родство всегда существует, поскольку их взрастила единая культура, как дерево едино для листьев, доступных взору, и плодов, спрятанных в его листве. Однако наблюдатель, осмеливающийся предсказывать наружность и вкус плодов на том лишь основании, что видел (на расстоянии) несколько покрытых листьями веток, должен многое знать и о листьях, и о плодах, если не хочет сделаться посмешищем.

Воинственных мужчин порой рождают слабые женщины, но у них могут быть сестры, готовые сравняться с ними в силе и превосходящие их по твердости характера. И вот я, пробиваясь сквозь толпу, в которой почти не замечал иных людей, кроме эклектиков и траксийцев (не сильно, по моему мнению, отличавшихся от жителей Нессуса, разве только меньшей изысканностью манер и одежды), поймал себя на том, что мечтаю о темноглазых, смуглых женщинах, женщинах, чьи гладкие блестящие волосы так же густы, как гривы пегих лошадей, на которых ездят их

братья; женщинах, чьи лица одновременно и суровы, и нежны; женщинах, способных яростно сопротивляться и мгновенно уступать; женщинах, которых можно только завоевать и никогда — купить, если на свете еще встречаются такие женщины.

Покинув их объятия, я двинулся в своем воображении туда, где, как я предполагал, находились их жилища — низкие уединенные хижины подле источников, бьющих из каменных расщелин, укромные юрты среди высокогорных пастбищ. Вскоре я почувствовал, что пьянею при мысли о горах, как когда-то пьянел при мысли о море, еще до того, как мастер Палаэмон сообщил мне точное расположение Тракса. Сколь они величественны, эти бесстрастные идолы Урса, вырезанные неведомыми умельцами во времена, древность которых не подвластна разумению; и по сей день они возносят над миром гордые головы, увенчанные блистающими снежными митрами, тиарами и диадемами, глядят на него глазами огромными, как города, и плечи их, словно мантиями, укутаны лесами.

Так я, переодетый горожанином, пробирался по улицам, кишащим людьми и густо пропахшим экскрементами и дешевой стряпней, в то время

как мысли мои полнились видениями камня и хрустальных потоков, подобных драгоценным ожерельям.

Теклу, думал я, должно быть, увозили к самым подножиям этих вершин — без сомнения, для того, чтобы спасти от жары в какое-нибудь особенно знойное лето; ведь многие картины, рождавшиеся в моем сознании (казалось бы, сами по себе), могли явиться лишь ребенку. Я видел цветущие цикламены и созерцал их девственно чистые лепестки с непосредственностью, которой взрослому никогда не достичь, если он не опустится на колени; видел пропасти, наводящие такой леденящий ужас, словно само их существование было противно законам природы; видел горные пики столь немыслимой вышины, что казалось, они вовсе не имеют вершин, и мир вечно пребывал в падении с неких недоступных человеческому воображению Небес, которые благодаря этим горам удерживают его в своей власти.

Наконец, пройдя почти весь город насквозь, я приблизился к Замку Копья. Я подождал, пока привратники установят мою личность, после чего мне было позволено взойти на главную башню — как когда-то я поднялся на нашу Башню Сообразности перед расставанием с мастером

Палаэмоном.

Тогда я желал попрощаться с единственным известным мне городом и стоял на самой высокой башне Цитадели, которая, в свою очередь, располагалась на самом возвышенном участке Нессуса. Подо мной, насколько хватал глаз, простирался город, а Гьолл зеленел подобно липкому следу, оставленному на карте слизняком; и даже Стена виднелась где-то на горизонте. Тогда я испытал ни с чем не сравнимое высшее блаженство.

Теперешнее мое впечатление было совершенно иным. Я стоял прямо над Ацисом, который скачками несся прямо на меня по скалистым уступам в два, а то и в три раза выше самого высокого дерева. У основания замка он разбивался белоснежной, искрящейся на солнце пеной и исчезал подо мной, чтобы явиться с другой стороны серебряной лентой, — такой спокойный в плавном своем течении, что напомнил мне о кукольных деревеньках в ящике, который я получил когда-то (это во мне говорила Текла) на день рождения.

И все-таки меня не покидало ощущение, будто я стою на дне огромной чаши. Со всех сторон высились каменные стены, и, когда я глядел на них, в иные минуты казалось, что некий чародей

разрушил законы гравитации, перемножив таинственные числа, и мир повернулся под прямым углом к себе прежнему, а эти высоты были на самом деле его поверхностью.

Одна стража сменялась другой, а я все смотрел на горные стены, наблюдал за тонкими, как паутина, нитями водопадов, устремлявших вниз свои гремящие воды, чтобы в порыве слепой страсти слиться с Ацисом; я смотрел на заплутавшие среди скал облака, которые кротко прижимались к их неподатливым краям, словно напуганные, встревоженные овцы на каменном пастбище.

Наконец великолепие вершин и мои горные грезы утомили меня или скорее одурманили; у меня закружилась голова, и, даже закрывая глаза, я продолжал видеть эти безжалостные пики. Я понял, что отныне обречен каждую ночь падать во сне в эти пропасти и, царапая в кровь пальцы, карабкаться по бесконечным скалам.

Я ощутил искреннее желание увидеть город и повернулся; зрелище крепостной башни Винкулы, казавшейся отсюда пристроенным к скале маленьким безобидным кубиком, крапинкой среди мощных каменных валов, успокоило меня. Я разглядывал линии центральных улиц, задавшись целью (игра помогала мне очнуть-

ся от долгого созерцания гор) отыскать те, по которым я шел к замку, и рассмотреть в новой перспективе здания и базарные площади, виденные мною по дороге. Взглядом я отыскал базары — их, обнаружил я, было в городе два, по одному на каждом берегу реки; знакомые объекты, которые я привык видеть из бойницы в Винкуле, — арена, пантеон, палаты архона смотрелись отсюда совсем по-другому. Когда я со своей новой, выгодной позиции обозначил для себя все, что видел на улицах, и убедился, что уяснил для себя пространственное отношение места, в котором находился, к известному мне плану города, я принялся изучать мелкие улочки: следовал глазами по их запутанным лабиринтам, вьющимся до самых горных вершин, вглядывался в узкие аллеи — темные полосы между рядами домов.

Наконец они вывели меня назад, к набережной Ациса, и я принялся рассматривать пристань: склады, пирамиды бочек, ящиков и тюков, ожидающих погрузки на борт какого-нибудь судна. Здесь река текла спокойно и только у границы с пирсом слегка пенилась. Цвет воды был густо-синий, и, подобно таким же синим бликам на снегу в морозный вечер, она скользила, зябко извиваясь в мнимом смирении; однако поспешное

движение каиков и груженых фелюг свидетельствовало о стремительных потоках, таившихся под безмятежной поверхностью, и команды гребцов размахивали веслами, как фехтовальщики рапирами, сражаясь с водоворотами, а суда, подобно крабам, упрямо разворачивались поперек реки.

Когда я осмотрел ниже по течению все, что было доступно взору, я перегнулся через парапет, чтобы взглянуть на верхний участок реки и на верфь, находившуюся не далее сотни шагов от крепостных ворот. Наблюдая за портовыми рабочими, разгружавшими речную баржу, я заметил неподвижно сидящее неподалеку от них белокурое хрупкое существо. Я было подумал, что это ребенок, — рядом с мощными, почти нагими телами грузчиков оно казалось таким маленьким; но нет, это была Доркас. Она сидела у самой кромки воды, закрыв лицо руками.

3. У ЛАЧУГИ НИЩЕГО

Приблизившись к Доркас, я тщетно попытался заставить ее произнести хотя бы слово. Не оттого, что она на меня сердилась, хотя поначалу я именно так и думал. Молчание сошло на нее, как недуг; имея язык и губы, она утратила волю к речи и само желание говорить — так некоторые болезни лишают нас стремления к удовольствиям и даже способности сочувствовать радостям других. Я не коснулся ее лица, не попытался перехватить ее взгляд: это был взгляд в никуда; она сидела, то тупо уставившись в землю под ногами, но не видя (я был уверен) даже ее, то пряча лицо в ладони. В такой позе я и нашел Доркас.

Я хотел заговорить с ней, надеясь — как оказалось, напрасно, — что смогу найти слова, которые приведут ее в чувство. Но не мог же я утешать ее прямо на верфи, под взглядами портовых грузчиков? А куда ее вести? Я не мог придумать. На узкой улочке, уводящей вверх по склону восточного берега реки, я заметил вывеску какого-то постоялого двора. В тесной общей зале сидели постояльцы и ели, но за несколько аэсов я мог снять комнатушку на этаже, где кровать

составляла единственный предмет обстановки, а на оставшемся пространстве едва можно было разойтись; потолок же висел так низко, что в одном из углов я даже не мог позволить себе выпрямиться. Хозяйка решила, что нам нужна комната для свидания, — мысль, с ее стороны, вполне естественная. Видя отчаяние Доркас, она подумала также, что я имею над ней какую-то власть либо купил ее у сутенера. Женщина ласково-снисходительно улыбнулась ей (Доркас не воспринимала ровным счетом ничего), а мне послала осуждающий взгляд.

Я закрыл дверь на засов и уложил Доркас на кровать, потом сел рядом и попытался склонить ее к разговору: спрашивал, что с ней и чем я могу помочь ее несчастью. Поняв, что все мои потуги тщетны, я заговорил о себе; возможно, думал я, она уклоняется от объяснений из-за ужаса, пережитого в подземельях Винкулы.

— Все презирают нас, — говорил я. — Стоит ли поэтому удивляться, что и ты презираешь меня? Не то удивительно, что ты возненавидела меня именно теперь, а то, что так долго медлила, прежде чем воспылала чувством, владеющим остальными. Но я люблю тебя и потому намерен отстаивать честь моей гильдии, а следователь-

но, и свою честь; надеюсь, впоследствии ты не будешь терзаться мыслью, что когда-то любила палача, пусть даже сейчас твоя любовь ко мне и угасла.

— В нас нет жестокости, — продолжал я. — Само по себе ремесло не приносит нам радости, наша единственная забота — исполнять его хорошо, то есть быстро и в соответствии с законом, не менее, но и не более того. Мы подчиняемся судьям, которые существуют лишь потому, что народ так желает. Находятся люди, которые утверждают, будто мы не должны делать того, что делаем, да и никто не должен этого делать. Они считают, что хладнокровно творимая казнь есть худшее преступление, чем любое злодейство, совершенное нашими узниками. Их убеждения по-своему справедливы, но такая справедливость приведет Содружество к гибели. Никто не будет чувствовать себя в безопасности, да никто и не будет в безопасности, и придет день, когда люди восстанут — сначала против воров и убийц, затем против всякого, кто оскорбит их представления о приличиях, и, наконец, просто против чужестранцев и отверженных. Тогда они вернутся к прежним ужасам, когда людей забивали насмерть камнями и сжигали на кострах и каждый

стремился попрать ближнего своего из страха, что завтра он будет заподозрен в симпатиях к тем несчастным, которых казнят сегодня.

Есть и другие: они говорят, что лишь некоторые из тех, что попадают к нам, заслуживают самой суровой кары; приговор же, назначенный остальным, не следует приводить в исполнение. Возможно, это и правда и одни наши узники более виновны, нежели другие; правда и то, что многие из них вообще не совершали преступлений — ни тех, в которых их обвиняют, ни каких-либо иных. Но те, кто так утверждает, на деле ставят себя над судьями, назначенными Автархом, хотя не имеют ни юридической подготовки, ни законного права привлекать свидетелей. Они требуют, чтобы мы не подчинялись настоящим судьям, а слушались бы именно их. Однако они не способны доказать, что более достойны нашего повиновения.

Но и это еще не все; по мнению третьих, узников не следует ни пытать, ни казнить, но нужно привлекать к работам на благо Содружества, а именно: рытью каналов, строительству сторожевых башен и тому подобному. Но деньги, которые уйдут на плату охранникам и изготовление цепей, могли бы пойти на хлеб для честных работников. Так почему же люди с чистой совестью

должны голодать ради того, чтобы сохранить жизнь убийцам и уберечь от пыток воров? Более того, эти убийцы и воры, не уважающие закон и не ждущие награды за труды, без кнута работать не будут. А что такое кнут, как не пытка, получившая другое название?

И, наконец, существует группа людей, которые убеждены, что узников следует в течение долгого времени, возможно — пожизненно, содержать со всеми удобствами и отменить пытки. Но с удобствами и без пыток узники живут долго, а ведь каждый орихальк, потраченный на них, мог бы получить лучшее применение. Я мало знаю о войне, однако этого достаточно, чтобы понимать, какие огромные средства тратятся на покупку оружия и вербовку солдат. Война идет на севере, в горах, и мы воюем, словно находясь за сотнею стен. Но что, если она достигнет долины? Удастся ли сдержать натиск асциан, если у них появится возможность маневра? И чем кормить Нессус, если стада попадут в их руки?

Итак, если осужденных не содержать с удобствами и не пытать, что для них остается? Если же установить для них одинаковую казнь, то в сознании людей сотрется разница между нищей воровкой и матерью, отравившей собственного

Ребенка, подобно Морвенне из Сальтуса. Ты бы хотела этого? В мирные времена многих преступников можно просто изгнать; но изгнать их сейчас означает предоставить асцианам армию шпионов, которых обучат, снабдят деньгами и зашлют обратно к нам. И вскоре никому нельзя будет доверять, даже тем, кто говорит на одном с нами языке. Ты бы хотела этого?

Доркас лежала так тихо, что я было подумал, не спит ли она. Но ее глаза, огромные, небесной синевы глаза, были открыты, и, когда я склонился над ней, они ожили и посмотрели на меня, как смотрели бы, наверное, на расходящиеся по воде круги.

— Ну, хорошо, — сказал я, — пусть мы злодеи, если тебе угодно так думать. Но мы необходимы. Даже Небесная власть пользуется услугами дьяволов.

Ее глаза наполнились слезами, но я не мог знать наверняка, что их вызвало: стыд за причиняемую мне боль или мое назойливое присутствие. В надежде вернуть ее былые чувства ко мне я заговорил о наших скитаниях на пути в Тракс: напомнил о нашей встрече на поляне после побега из пределов Обители Абсолюта, о беседе в великолепных садах, прогулке среди цветущих

деревьев в ожидании представления доктора Талоса; напомнил о том, как мы сидели на старой скамье, и о словах, сказанных друг другу.

Мне показалось, что ее скорбь начала понемногу рассеиваться, пока я не упомянул о фонтане, из разбитой чаши которого просачивалась тонкой струйкой вода, по воле неизвестного садовника вилась между деревьями, даря им свою влагу, и, иссякнув, терялась в грунте; на ее лицо, несмотря на дневной свет, легли тени, неожиданно напомнившие тех странных существ, которые преследовали Иону и меня в кедровых зарослях. Теперь Доркас не смотрела на меня и спустя некоторое время уже крепко спала.

Стараясь не шуметь, я поднялся, отодвинул засов и спустился по винтовой лестнице. Хозяйка по-прежнему суетилась в общей зале, но постояльцы уже разошлись. Я объяснил ей, что женщина, которую я привел, больна, отдал плату за комнату на несколько дней вперед и обещал вернуться, на случай если возникнут новые расходы. Я попросил хозяйку иногда заглядывать к Доркас и кормить ее, если та согласится принимать пищу.

— Ах, да для нас просто счастье заполучить жильца в комнату, — защебетала хозяйка. — Но

если твоя милая больна, то «Утиное гнездышко» не самое подходящее для нее место. Подыскал бы ты что-нибудь другое, а еще лучше — забирай-ка ее домой.

— Боюсь, она заболела именно оттого, что жила в моем доме. Не стало бы ей по возвращении хуже — во всяком случае, рисковать я не хочу.

— Бедняжка! — Женщина покачала головой. — Такая красивая, такая молоденькая — совсем дитя. Сколько ей лет? Я ответил, что не знаю.

— Ну что ж, поднимусь к ней и покормлю супом, когда она согласится поесть. — Хозяйка взглянула на меня, словно желая сказать, что чем скорее я уберусь, тем быстрее наступит выздоровление. — Но предупреждаю: держать ее здесь взаперти ради тебя я не стану. Она вольна уйти, когда захочет.

Покинув постоялый двор, я вознамерился вернуться в Винкулу кратчайшим путем, но ошибся, предположив, что, поскольку улочка, на которой стояло «Утиное гнездышко», вела прямо на юг, я скорее приду на место, если пройду по ней дальше и пересеку Ацис ниже по течению, чем если буду возвращаться по прежней дороге мимо крепостной стены Замка Копья.

Будь я лучше знаком с особенностями Тракса,

улочке не удалось бы меня обмануть. Ведь все его улицы, которые, извиваясь, расползлись по горным склонам, на самом деле ведут только в двух направлениях: снизу вверх и сверху вниз. Поэтому, чтобы добраться от одного висящего на скале дома к другому (если только они не соседние и не расположены непосредственно один над другим), необходимо спуститься в центр города на набережную и подняться обратно. Очень скоро я очутился высоко на восточном берегу, в то время как Винкула находилась столь же высоко на западном, и надежда добраться до нее была так же мала, как и в ту минуту, когда я покинул постоялый двор.

Признаюсь, это открытие не слишком меня огорчило. В Винкуле меня ждала работа, делать которую не было ни малейшего желания, потому что все мысли были заняты Доркас. Я надеялся, что на ходу мне будет легче развеять отчаяние, и отправился петлять вверх по улице, коль скоро я все равно по ней шел, чтобы, дойдя до вершины, взглянуть на Винкулу и Замок Копья и, предъявив местной охране идентифицирующий меня знак, спуститься вдоль крепостной стены к Капулюсу, дабы перейти реку в самом нижнем ее участке.

Я сражался с этой улицей около полустражи,

пока не выяснилось, что дальше идти некуда. Улица обрывалась пропастью высотою в три или четыре чейна и скорее всего кончалась еще раньше, потому что теперь я шел по тропинке в несколько десятков шагов в длину, которой, по-видимому, пользовались лишь обитатели убогой лачуги из глины и хвороста. Я остановился перед ней.

Удостоверившись, что обойти пропасть никак нельзя, и не видя вокруг ни одной дороги, ведущей к вершине скалы, я собрался было с отвращением повернуть назад, как вдруг из лачуги показался ребенок и бочком двинулся ко мне, пугаясь и храбрясь одновременно и не спуская с меня правого глаза; приблизившись, он протянул маленькую очень грязную ручонку, как это делают все нищие попрошайки. Не будь я столь подавлен, я, возможно, и посмеялся бы над несчастным оборвышем, таким робким и таким назойливым; но в ту минуту я бросил в перепачканную землей ладошку несколько аэсов.

Малыш осмелел.

— Моя сестра больна, сьер, — сказал он. — Очень, очень больна. — По голосу я определил, что это мальчик; когда, обратившись ко мне, он повернул голову, я увидел на его левом глазу

опухоль, отчего глаз был накрепко закрыт; гной струйкой сочился из него и пересыхал на щеке. — Очень, очень больна, сьер.

— Понимаю.

— Нет, сьер, так ты не поймешь. Но, если хочешь, загляни в дверь. Ты ее не потревожишь.

Вдруг появился мужчина в потертом кожаном фартуке, какой носят каменщики, и закричал:

— Что здесь происходит, Йадер? Что ему нужно?

С этими словами он начал взбираться к нам по тропинке.

Мальчик, как и следовало ожидать, насмерть перепугался и не произнес ни звука. Тогда заговорил я:

— Я хотел узнать, как быстрее пройти в нижнюю часть города.

Каменщик не ответил; он остановился в четырех шагах от меня и скрестил на груди руки с мускулами покрепче тех камней, с которыми они привыкли работать. Он был рассержен и явно не доверял мне, хотя я и не мог понять, почему. Может быть, мой акцент выдавал во мне южанина, а может, ему просто не понравилась моя одежда, которая, не будучи ни вычурной, ни богатой, все же указывала на мое более высокое

общественное положение.

— Я нарушил границы твоих владений? — осведомился я. — Ты — хозяин этой земли?

Ответа не последовало. Каким бы ни было его мнение на мой счет, разговаривать со мной он не собирался. Мои слова, обращенные к нему, с тем же результатом могли быть адресованы к зверю, причем не к разумному животному, а к скоту, понимающему лишь язык кнута. В его же глазах зверем был я, поскольку моя речь оборачивалась для него бессмысленным потоком звуков.

Я не раз замечал, что в книгах не встречаются безвыходные положения подобного рода; авторы с таким рвением гонят вперед сюжет (лишенный зачастую гибкости, напоминающий в своем упрямом движении базарную телегу со скрипучими, но беспрестанно вращающимися колесами, знающими лишь грязь проселочных дорог и не ведающими о деревенских красотах и очаровании городов), что не остается места ни для недоразумений, ни для пауз. Книжный злодей, приставивший нож к горлу жертвы, всегда рад побеседовать с нею по душам, и разговор будет длиться столько, сколько достанет терпения у жертвы и желания у автора. Любовники в страстных объятиях друг друга просто счаст-

ливы отложить соитие, если не вовсе от него отказаться.

В жизни все иначе. Я вперил неподвижный взгляд в каменщика, а он — в меня. Я чувствовал, что, пожалуй, мог бы убить его, но не был уверен в этом: во-первых, выглядел он неправдоподобным силачом, а во-вторых, я опасался, не прячет ли он какого-нибудь оружия и не скрываются ли в соседних лачугах его товарищи. Мне показалось, что он собрался плюнуть на тропинку между нами; если бы он сделал это, я накинул бы ему на голову свой плащ и задушил. Однако этого не случилось. Еще несколько мгновений мы сверлили друг Друга взглядами, но тут мальчик, в полном неведении о происходящем, снова обратился ко мне:

— Можешь заглянуть в дверь, сьер. Ты не потревожишь сестру.

Он даже осмелился слегка потянуть меня за рукав, желая доказать, что не солгал, и не отдавая себе отчета в том, что его собственный вид с лихвой оправдывал просьбы о подаянии.

— Я и так верю тебе, — сказал я и тут же пожалел о нанесенном ему оскорблении: он мог подумать, что я не хочу проверить его правоту именно в силу своего недоверия. Тогда я нагнулся

и заглянул в хижину, но поначалу яркий солнечный свет мешал мне разглядеть что-либо в темном помещении.

Солнце стояло в зените, и я чувствовал его лучи на своем затылке; опасался я и каменщика, к которому теперь стоял спиной, и он мог безнаказанно напасть на меня.

Несмотря на малые размеры, лачуга внутри оказалась опрятной. У стены напротив двери на соломе лежала девушка. Ее состояние было уже безнадежно: больной в такой стадии больше не вызывает сострадания, но становится страшен. Голый череп был плотно обтянут тонкой, прозрачной кожей. Губы не закрывали зубов даже во сне; лихорадка косой прошлась по ее голове, оставив от волос лишь редкие жесткие клочки.

Я оперся о глиняный косяк и выпрямился.

— Ну вот, сьер, ты же видишь, моя сестра очень больна, — снова сказал мальчик, протягивая руку.

Да, я видел; эта картина и сейчас стоит у меня перед глазами, но тогда впечатление еще не охватило меня всего. В ту минуту мною владела лишь мысль о Когте, и мне казалось, будто он не просто оттягивает мне шею, но впивается мне в грудь, словно костяшки невидимого кулака. Я

вспомнил мертвого улана, который ожил, стоило мне приложить Коготь к его губам; казалось, это было в далеком прошлом. Я вспомнил обезьяночеловека с культей вместо руки, вспомнил, как исчезали ожоги Ионы, когда я проводил по ним Камнем. Я не дотрагивался до него и даже не пытался применять лишь с тех пор, как он оказался бессилен спасти Иоленту.

Я так долго держал в секрете его силу, что не решился воспользоваться им снова. Возможно, я и коснулся бы им умирающей девушки, если бы рядом не стоял ее брат; я бы коснулся и его пораженного глаза, не наблюдай за мной угрюмый каменщик. Но я ничего этого не сделал; тяжело дыша из-за сдавившей грудь тяжести, я повернулся и двинулся вниз, не разбирая дороги. Я услышал, как каменщик плюнул мне вслед и его слюна тяжело шлепнулась на голые камни; но что это был за звук, я понял, лишь добравшись до Винкулы, где разум и чувства мало-помалу возвратились ко мне.

4. В БАШНЕ ВИНКУЛЫ

— Тебя ожидают, ликтор, — предупредил караульный и, когда я ответил всего лишь коротким кивком, прибавил: — Будет лучше, если ты прежде переоденешься.

Не было нужды спрашивать, что за гость ко мне пожаловал: только присутствие архона могло быть причиной столь почтительно-вкрадчивого голоса.

В жилую часть моих апартаментов можно было легко пройти, минуя рабочий кабинет, где я занимался делами Винкулы и хранил документы. Я сорвал чужой плащ и облачился в свои угольно-черные одежды, а мысли мои тем временем занимал вопрос: зачем архону, который прежде никогда ко мне не приходил и которого по этой причине я редко видел вне стен его палат, понадобилось являться сюда, причем одному, ибо никаких признаков свиты я не замечал?

Эти размышления оказали мне добрую услугу, освободив ненадолго от иного рода мыслей. В спальне стояло огромное, покрытое тонким слоем серебра стекло, служившее куда лучшим зеркалом, чем привычные мне маленькие

пластинки из отшлифованного металла. Я остановился перед ним, чтобы окинуть себя взглядом, и вдруг обнаружил небрежно написанные мелом четыре строчки из песенки, что когда-то пела мне Доркас:

Рожок Урса, ты поешь небесам.
Там покойней душе, зелень гуще.
Спой же здесь, где милее леса.
Унеси меня в опавшую пущу!

В кабинете стояло несколько больших кресел, и я ожидал найти архона расположившимся в одном из них (хотя я вполне допускал, что он мог позволить себе порыться в моих бумагах: при желании он имел на это полное право). Однако он стоял у бойницы и смотрел на принадлежавший ему город подобно тому, как я недавно смотрел на него с крепостных высот Замка Копья. Сцепленные за спиною руки словно жили своей, обособленной жизнью: игра пальцев выдавала напряженные раздумья архона. Спустя некоторое время он обернулся и заметил меня.

— А, вот и ты, мастер Палач. Я и не слышал, как ты вошел.

— Я всего-навсего подмастерье, архон.

Он улыбнулся и сел на выступ спиной к щели бойницы. Черты его лица были грубы — большие

глаза с нависшими темными веками, крючковатый нос, — но мужественности в них не ощущалось; такое лицо могло принадлежать уродливой женщине.

— Я облек тебя всею полнотой власти в этом городе, а ты считаешь себя лишь подмастерьем?

— Возвысить меня могут только мастера моей гильдии.

— И тем не менее представленное тобою письмо, тот факт, что именно тебя они прислали сюда, наконец, сама твоя деятельность здесь со дня появления — все говорит о твоем превосходстве над другими подмастерьями. Во всяком случае, никто не догадается о твоем ранге, если ты будешь держаться с достоинством, подобающим твоему положению. Сколько мастеров в твоей гильдии?

— Я и сам хотел бы это знать, архон. Если никто не был возвышен после моего ухода, то всего двое.

— Я напишу им и испрошу для тебя возвышения in absentia.

— Благодарю, архон.

— Не благодари. — Он отвернулся словно в замешательстве и устремил взгляд в бойницу. — Полагаю, что через месяц мы получим ответ.

— Они не удостоят меня возвышения. Но масте-

ру Палаэмону будет приятно узнать, что ты мною так доволен. Он резко развернулся и взглянул на меня в упор.

— Нам вовсе не обязательно придерживаться этикета, Северьян, — вас ведь так зовут, не правда ли? А мое имя Абдиес, и я не вижу причин, почему бы тебе не называть меня так, когда мы одни.

Я молча кивнул. Он снова повернулся к бойнице.

— Какое низкое отверстие! Я осматривал его, ожидая тебя: оно расположено почти на уровне моих колен. А ведь из него так просто выпасть.

— Только человеку столь же высокого роста, как ты, Абдиес.

— А не назначались ли в прошлом такие казни — когда приговоренного выбрасывали из высокого окна или сталкивали в пропасть?

— Да, применялись оба эти способа.

— Не тобою, разумеется. — Он снова повернулся ко мне.

— Я вообще не припоминаю, чтобы так казнили в наше время, Абдиес. Я рубил головы — на плахе и на стуле. Это все, что я делал.

— Но ты не стал бы возражать, если бы при иных обстоятельствах тебе пришлось воспользоваться ими? Если бы тебе поручили?

— Я здесь для того, чтобы приводить в исполнение приговоры архона.

— В одни времена, Северьян, публичные казни полезны для общества. В другие они приносят лишь вред, провоцируя народ на бунт.

— Я понимаю тебя, Абдиес, — сказал я. Мне не раз случалось замечать, как в глазах ребенка таятся его будущие взрослые заботы. Так и теперь на лице архонта залегла тень его грядущей вины (о чем сам он, возможно, не подозревал).

— Вечером я жду у себя в палатах гостей. Надеюсь увидеть среди них и тебя, Северьян. Я поклонился.

— Среди различного рода государственных должностей существует одна — а именно моя, — исполнителям которой традиционно запрещается появляться в обществе.

— И ты полагаешь, что это неправильно; что ж, вполне естественно. Сегодня вечером, если это действительно тебя оскорбляет, мы и займемся восстановлением справедливости.

— Представители нашей гильдии никогда не жалуются на несправедливость закона. Напротив, мы гордимся своим особым положением. И сегодня вечером другие гости будут вправе возмутиться твоим поступком.

На губах архона мелькнула кривая усмешка.

— Их возмущение меня не волнует. Вот, возьми, это тебя вразумит.

Он вытянул вперед руку, и я увидел, что его пальцы сжимают — с осторожностью, словно он боялся выронить, — кружочек жесткой бумаги, не больше хризоса, с тиснеными золотом и изукрашенными виньетками письменами; я слышал о таких из рассказов Теклы (ее образ всплыл в моей памяти, стоило мне прикоснуться к кружку), но видеть их мне не приходилось.

— Благодарю тебя, архон. Сегодня вечером, ты сказал? Я постараюсь найти подобающие случаю одежды.

— Приходи как есть. Я устраиваю бал-маскарад; твоя одежда послужит тебе костюмом. — Он поднялся и расправил плечи с видом человека, исполнившего утомительную и неприятную обязанность. — Минуту назад мы обсуждали некоторые, не столь трудоемкие, приемы исполнения твоей работы. Было бы весьма уместно, если бы ты захватил с собой необходимые приспособления.

Я все понял. Кроме рук, мне не понадобится ничего — так я ему и сказал; затем, чувствуя, что уже успел нарушить долг хозяина дома, пригла-

сил его отобедать.

— Не утруждай себя, — сказал он. — Если бы ты знал, сколько я вынужден есть и пить, чтобы только соблюсти приличия, ты бы понял, сколь драгоценно для меня общество человека, чьи гостеприимные предложения ни к чему меня не обязывают. Надеюсь, твое братство не пытает людей пищей вместо пытки голодом?

— Это называется насильственным кормлением, архон.

— Когда-нибудь непременно расскажешь. Я уже понял, что успехи гильдии намного опережают мое воображение. По древности твой род занятий, полагаю, уступает лишь охоте. Однако мне пора. Итак, вечером мы тебя увидим?

— Уже вечереет, архон.

— В таком случае приходи к окончанию следующей стражи. Он вышел. Лишь когда за ним закрылась дверь, я ощутил легкий аромат мускуса, которым была пропитана его одежда.

Я повертел в руках бумажный кружок; на обороте были изображены маски — скопление обманчивых личин, — среди которых я узнал рот с торчащими из него клыками, ужаснувший меня в саду Автарха, когда какогены показали свои истинные «лица», а также морду обезьяночеловека

из заброшенной шахты на окраине Сальтуса.

Скитания по городским улицам и работа (я встал рано и успел переделать многое из намеченного на день) сильно утомили меня; поэтому, прежде чем уйти, я скинул одежду и вымылся, поел холодного мяса и фруктов и выпил пряного чая, какой готовят здесь, на севере. Стоит какой-нибудь неприятности глубоко взволновать меня, она живет в моем сознании независимо от того, помню я о ней или нет. Так и теперь: мысль о Доркас, оставшейся в тесной, с низким потолком комнатушке на постоялом дворе, и воспоминание об умирающей на охапке соломы девушке занимали меня настолько, что я почти ничего не видел и не слышал. Думаю, именно по этой причине я и не заметил начальника караула и не осознавал, пока он не вошел, что сижу у камина и ломаю в пальцах щепки для растопки. Он осведомился, не собираюсь ли я снова уходить, и, поскольку он нес ответственность за все работы в Винкуле в мое отсутствие, я сообщил ему, что должен выйти, но не знаю, когда вернусь. Потом поблагодарил его за плащ и сказал, что он может забрать его, поскольку мне плащ больше не нужен.

— Он всегда в твоем распоряжении, ликтор. Но

меня заботит другое. Я бы посоветовал, когда ты в следующий раз соберешься в город, взять с собой пару наших стражников.

— Благодарю. Но в городе достаточно полиции, и мне ничто не угрожает.

Начальник караула откашлялся.

— Дело в престиже Винкулы, ликтор. Ты наш начальник, и при тебе должна быть свита.

Я видел, что он лжет; но я видел также, что эта ложь — для моего же блага, поэтому ответил:

— Я подумаю, тем более что, насколько мне известно, у тебя всегда найдется пара надежных людей. Он тут же просиял.

— Однако при них не должно быть оружия. Я направляюсь в палаты архона и не хочу оскорбить его, явившись в сопровождении охраны.

Он что-то забормотал, и я с напускной яростью швырнул на пол щепку так, что она разлетелась на кусочки.

— Что ты себе позволяешь? Если, по-твоему, я в опасности, изволь объясниться внятно.

— Ничего особенного, ликтор. Лично тебе ничего не угрожает. Только…

— Только — что?

Я знал, что теперь он все скажет, поэтому подошел к буфету и налил два бокала виноградной

наливки.

— В городе совершено несколько убийств. Три — сегодняшней ночью и два — вчерашней. Спасибо, ликтор. Твое здоровье.

— Твое. Но ведь убийства — обычная вещь, не правда ли? Эклектики всегда резали друг друга.

— Тех людей сожгли, ликтор. Я почти ничего об этом не знаю, и, кажется, не знает никто. Возможно, тебе известно больше.

Лицо начальника караула было непроницаемым, будто камень, однако я заметил, как он метнул взгляд к нерастопленному камину и, увидев груду изломанных щепок (грубых и жестких, но я, пока он не вошел, совершенно не чувствовал этого, как и Абдиес долго не сознавал, что размышляет о собственной смерти, когда я наблюдал за ним из дверей), решил, что архон сообщил мне какую-то страшную тайну, хотя я всего лишь предавался воспоминаниям об отчаянии Доркас, которое смешалось в моей памяти со страданиями умирающей нищенки.

— Я тут привел пару надежных ребят, ликтор; они у входа. Готовы следовать за тобой везде и будут ждать тебя до тех пор, пока ты не пожелаешь вернуться.

Я похвалил его, и он тут же направился к двери;

мне так и не удалось ни выяснить, ни догадаться, сообщил ли он мне все, что знал. Однако его крепкие плечи, морщинистая шея и быстрый шаг были красноречивее его непроницаемого взгляда.

Моей охраной оказались двое здоровяков, избранных именно благодаря своим мускулам. Поигрывая огромными железными дубинками, они сопровождали меня по лабиринту города; когда я, положив на плечо «Терминус Эст», шагал по широким улицам, они шли рядом, на улицах поуже — становились спереди и сзади. На берегу Ациса я их отпустил, а чтобы они скорее оставили меня, разрешил использовать остаток вечера по своему усмотрению; потом нанял маленький узкий каик (его пестро расписанный балдахин уже не представлял для меня никакого интереса, поскольку последняя дневная стража была окончена) и приказал везти меня вверх по реке к палатам архона.

Я впервые отправлялся в плавание по Ацису. Усевшись на корму между владельцем каика, исполнявшим обязанности рулевого, и четырьмя гребцами, я глянул на чистую ледяную воду, несущуюся так близко, что при желании я мог бы погрузить в нее обе руки, и удивился, как это

утлое деревянное суденышко, которое из бойницы Винкулы напоминает скачущее насекомое, посмеет вступить в борьбу с течением. Рулевой отдал команду, и мы отчалили, придерживаясь для верности берега; лодочка прыгала по воде, как брошенный по волнам камень. Удары четырех пар весел были так быстры и слаженны, а каик так узок, покорен и легок, что казалось, мы летели над водой, а не плыли по ней. На корме, на штевне, покачивался пятигранный фонарь лилового стекла; в тот самый момент, когда я в своем неведении испугался, что мы вот-вот вклинимся между двумя лодками, разобьемся и течение отнесет нас, тонущих, к Капулюсу, кормчий оставил румпель висеть на крыже и зажег фитиль.

Он, конечно же, знал, что делал, а я ошибался. Как только дверца фонаря скрыла масляно-желтое пламя, осветившее путь лиловыми лучами, водоворот подхватил нас, закружил и выбросил вперед шагов на сто; гребцы тем временем сложили весла, и мы очутились в небольшом заливе, спокойном, как мельничный пруд, наполовину заполненном безвкусно разукрашенными прогулочными лодками. Прямо из воды поднималась лестница, очень похожая на ту, с которой я маль-

чишкой прыгал в Гьолл, только гораздо грязнее; она вела к изысканным воротам палат архона, освещенным ослепительным светом факелов.

Я часто смотрел на эти палаты из бойницы Винкулы и потому знал, что передо мной не полуподземное сооружение, построенное по образцу Обители Абсолюта, как можно было бы предположить при иных обстоятельствах. Не походили они и на нашу мрачную Цитадель — очевидно, и сам архон, и его предшественники считали такие мощные крепости, как Замок Копья и Капулюс, соединенные протянувшейся вдоль горных гребней двойной стеной со сторожевыми башнями, верным залогом безопасности города. Вместо крепостных валов палаты окружала обычная изгородь, назначение которой сводилось к тому, чтобы скрыть их от любопытных взглядов и остановить случайных воров. Разбросанные в изящном беспорядке уютные постройки с позолоченными куполами ласкали взор приятной расцветкой; из моей бойницы они казались раскатившимися по узорному ковру самоцветами.

У филигранного литья ворот стояли стражники — пешие кавалеристы в стальных латах и шлемах, вооруженные сверкающими пиками; однако они производили впечатление статистов

из любительского театра — этакие грубоватые добряки, в отсутствие зорких патрулей наслаждающиеся передышкой от постоянных боев. Я предъявил им свой разрисованный кружок, но они просто скользнули по нему взглядом и кивком пропустили меня в палаты.

5. КИРИАКА

Я прибыл в числе первых. Чаще гостей на глаза попадались слуги, которые сновали туда-сюда, словно только сейчас начали приготовления и намерены завершить их в кратчайший срок. Они возжигали развешанные по верхушкам деревьев светильники из гнутого хрусталя со сверкающими венцами, приносили яства и напитки, расставляли и переставляли их, уносили обратно в один из купольных павильонов — причем каждое из перечисленных действий исполнялось специальным слугой и лишь иногда одним и тем же: последнее, несомненно, потому, что двое других были слишком заняты иными обязанностями.

Некоторое время я бродил по саду и любовался цветами, окутанными густыми сумерками уходящего дня. Потом, заметив среди колонн одной из беседок людей в маскарадных костюмах, направился к ним.

Однажды я уже описывал собрания подобного рода в Обители Абсолюта. Здешнее же общество, будучи провинциальным, напоминало скорее детей, потехи ради нарядившихся в старые ро-

дительские платья; я видел мужчин и женщин, одетых автохтонами, с размалеванными кирпичной и белой краской лицами; видел даже настоящего автохтона в своем же собственном одеянии, ничем, таким образом, не отличавшегося от прочих; я собрался было посмеяться над ним, но вовремя понял, что, пусть знаем об этом только мы двое, его костюм оригинальнее прочих — костюм переодетого траксийца. Среди всех этих автохтонов, ряженых и неподдельных, попадались личности еще причудливей: офицеры, одетые женщинами, и женщины, одетые солдатами; эклектики, столь же фальшивые, сколь и автохтоны, гимнософисты, аблегаты и их прислужники, отшельники, призраки, зоантропы — полулюди-полузвери, деоданды и ремонтады в живописном тряпье и с нарочито бешеным раскрасом глаз.

Я поймал себя на мысли, что, появись здесь сейчас Новое Солнце (сама Дневная Звезда), подобно тому как в давние времена оно явилось нам и получило имя Миротворец, его приход показался бы странным и неуместным, — а оно всегда предпочитало являться в наименее подобающих местах, чтобы посмотреть на людей свежим взглядом, на что мы сами уже не способны; и если бы оно,

появившись здесь, обрекло своим божественным словом всех этих людей (неизвестных мне и не знающих меня) вечно играть их нынешние роли, повелев автохтонам сидеть над дымными кострами в горных каменных хижинах, настоящим автохтонам остаться горожанами на маскараде, женщинам с мечами в руках сражаться с врагами Содружества, офицерам склоняться над шитьем и вздыхать, глядя в северные окна на безлюдные дороги, деодандам изрыгать в пустыне свои мерзкие проклятия, ремонтадам сжечь свои жилища и устремиться в горы, — я один остался бы неизменным, подобно тому как скорость света, говорят, нельзя изменить путем математических преобразований.

Пока я усмехался своим мыслям под защитой маски, спрятанный в мягком кожаном мешочке Коготь вонзился мне в грудную кость, словно напоминая, что Миротворец действительно существовал и я носил при себе частицу его могущества. И в этот миг, взглянув поверх голов — простоволосых, в перьях и шлемах, — я увидел одну из Пелерин.

Я опрометью бросился к ней, расталкивая всех, кто не желал уступать мне дорогу. (Таких оказалось немного, ибо, пусть ни один из гостей не

догадывался, что я есть именно тот, за кого себя выдаю, меня из-за роста принимали за экзультанта, хотя ни одного настоящего экзультанта поблизости не было.)

Ее возраст я определить не мог; тонкое благородное лицо, полускрытое узким домино, казалось нездешним, как у верховной жрицы, пропустившей меня и Агию в шатровый храм, после того как мы разрушили алтарь. Бокал с вином, который она держала в руке, явно не вызывал у нее интереса, и, когда я опустился перед ней на колени, она тут же поставила его на стол и протянула мне пальцы для поцелуя.

— Исповедуйте меня, Домницелла, — взмолился я, — ибо я повинен перед тобой и твоими сестрами в тягчайшем злодеянии.

— Смерть есть зло для всех нас, — отвечала она.

— Но я не Смерть. — Я поднял на нее глаза, и первое сомнение поразило меня.

Сквозь шум толпы я услышал, как она со свистом вздохнула.

— Нет?

— Нет, Домницелла. — И хотя я уже усомнился в ней, я испугался, что она обратится в бегство, и поймал ее за ремешок, стягивавший талию. —

Прости меня, Домницелла, но правда ли, что ты принадлежишь Ордену?

Она молча покачала головой и упала без чувств.

Для узников нашей темницы обморок обычное дело, поэтому распознать обман мне ничего не стоит. Притворщик намеренно закрывает глаза и держит их плотно сомкнутыми. При настоящем же обмороке жертва, будь то мужчина или женщина, сначала теряет контроль над глазами, и взгляд некоторое время бессмысленно блуждает; иногда жертва закатывает глаза. Веки при этом почти никогда не закрываются совсем, поскольку это вызвано не волей, но расслаблением мускулов. Обычно между верхним и нижним веком остается узкое полукружье склеры — что я и увидал, когда эта женщина упала.

Мужчины помогли мне перенести ее в альков, после чего началась нелепая болтовня о тепловом ударе и неврозе; ни то, ни другое не соответствовало действительности. Некоторое время все мои попытки разогнать зевак были тщетны; однако, когда интерес к происшествию поиссяк, удержать их рядом, пожелай я этого, было бы столь же затруднительно. Пока женщина в красном приходила в себя, я успел узнать от другой жен-

щины, примерно одних с нею лет и наряженной в детское платье, что это была супруга армигера, жила она на вилле неподалеку от Тракса, а ее муж отбыл по какому-то дену в Нессус. Я вернулся к столу, взял ее бокал с напитком красного цвета и поднес к ее губам.

— Не надо, — еле слышно проговорила она, — я не хочу… Это сангари, я терпеть его не могу. Я выбрала его только ради цвета — он подходит к моему костюму.

— Почему ты потеряла сознание? Потому что я принял тебя за посвященную?

— Нет. Я догадалась, кто ты, — ответила она, и мы оба умолкли; она все еще полулежала на кушетке, куда с моей помощью ее перенесли; я опустился к ее ногам.

Я снова вызвал в памяти минуту, когда стоял перед ней на коленях; как я уже упоминал, мой мозг обладает способностью воспроизводить любой момент моей жизни. Наконец я вынужден был заговорить:

— Как тебе это удалось?

— Будь на твоем месте другой человек — обычный ряженый, — он бы ответил, что он действительно Смерть, — именно потому, что такова его маска. Неделю назад, когда мой муж выдвигал

против одного из наших пеонов обвинение в воровстве, я присутствовала на суде архона и видела тебя. Ты стоял немного в стороне, положив руки на ножны меча, который сейчас с тобой, и когда я услыхала твой ответ, когда ты поцеловал мои пальцы, я узнала тебя и подумала… О, я даже не знаю, что подумала тогда! Наверное, что ты опустился (передо мной на колени, потому что решил убить меня. Когда я видела тебя в суде, ты показался мне человеком, снисходительным к своим жертвам, особенно к женщинам. — Я опустился перед тобой на колени единственно из-за страстного желания найти Пелерин, и мне показалось, что твои одежды, подобно моим, не являются лишь маскарадным костюмом.

— Но это действительно так. То есть я не вправе носить их при иных обстоятельствах, но и не заказывала прислуге. Это настоящие одежды. — Она помолчала. — Но ведь я даже не знаю твоего имени.

— Северьян. А тебя зовут Кириака — одна из женщин назвала тебя так, пока мы хлопотали над тобой. Позволь мне, однако, задать один вопрос: откуда у тебя эти одежды и где сейчас Пелерины? Конечно, если последнее тебе известно.

— Надеюсь, ты любопытствуешь не по долгу

службы. — Она мельком, но пристально посмотрела мне в глаза, потом тряхнула головой. — Нет, это личный интерес. Видишь ли, я была послушницей, они воспитали меня. Мы странствовали по всему континенту, и наблюдать за цветами и деревьями, мимо которых мы проходили, было для меня чудесней всяких уроков ботаники. Я до сих пор вспоминаю те времена, и мне порой кажется, что мы за неделю пересекали материк из конца в конец, хотя на самом деле так, разумеется, не могло быть. Я готовилась принять окончательный обет; за год до посвящения они шьют одежду, чтобы ее можно было примерить и подогнать и чтобы она была на виду всякий раз, как разбираешь вещи. Сходные чувства, наверное, испытывает девочка, примеряя свадебное платье, доставшееся от матери, и зная, что и ей придется выходить замуж в этом наряде, — если она вообще выйдет замуж. Только носить эту одежду мне не пришлось, и, уходя домой после долгого ожидания момента, когда мы окажемся достаточно близко от дома и мне не нужны будут провожатые, я забрала ее с собой.

Я совсем забыла о ней, — продолжала она, — и, лишь получив приглашение архона, вспомнила и решила надеть. Я горжусь своей фигурой, и одеж-

ды пришлось лишь слегка распустить. По-моему, они мне идут, и лицо у меня, как у Пелерины, только глаза другие. По правде говоря, я никогда не могла похвастаться глазами; надеялась, что они изменятся, когда я приму обет или спустя некоторое время. У нашей наставницы был такой вид: она могла сидеть за шитьем, но, глядя на нее, легко было представить, что она пронзает взглядом Урс до самых его пределов, где обитают ушедшие, смотрит сквозь старые, потрепанные полы и стенки шатра — все видит насквозь. Нет, я не знаю, где сейчас Пелерины; сомневаюсь, что и они это знают, кроме, возможно, самой Матери.

— Но ведь у тебя среди них должны остаться подруги, — сказал я. — Разве никто из послушниц, готовившихся к посвящению вместе с тобой, не остался в Ордене?

Кириака пожала плечами.

— Никто из них ни разу не писал мне. Я и вправду ничего не знаю.

— Как ты себя чувствуешь? Вполне ли ты оправилась, чтобы вернуться и потанцевать? — В нашу беседку стали просачиваться звуки музыки.

Она не повернула головы, но ее глаза, еще минуту назад устремленные в лабиринты времени,

проведенного среди Пелерин, искоса посмотрели в мою сторону.

— Ты действительно хочешь вернуться?

— Честно говоря, нет. Мне всегда неловко среди людей, если эти люди не мои друзья.

— Как, у тебя есть друзья? — с неподдельным изумлением воскликнула она.

— Не здесь… хотя нет, здесь у меня есть один друг. В Нессусе я оставил братьев по гильдии.

— Понимаю. — Она поколебалась. — Нам нет причин возвращаться к гостям. Праздник будет продолжаться всю ночь напролет, а на рассвете, если архону будет угодно веселиться дальше, слуги опустят шторы или даже растянут над садом темную сетку. Мы можем оставаться здесь сколько пожелаем, а если нам захочется чего-нибудь съесть или выпить, просто кликнем слугу. Если же кто-нибудь, с кем бы нам хотелось побеседовать, будет проходить мимо, мы подзовем его и развлечемся.

— Боюсь, что наскучу тебе еще задолго до рассвета, — сказал я.

— Тебе не удастся, поскольку я не дам тебе много говорить — это я возьму на себя, а ты должен будешь слушать. Итак, я начинаю. Тебе известно, что ты очень красив?

— Мне известно, что я некрасив. Но, поскольку тебе ни разу не приходилось видеть меня без маски, ты не можешь судить о моей внешности.

— Напротив.

Она подалась вперед, словно желая рассмотреть мое лицо сквозь прорези для глаз. Ее собственная маска, под цвет ее костюма, была очень маленькая, чистая условность — две узкие миндалевидные полоски ткани вокруг глаз; и все же она придавала ее облику экзотичность, которой сама эта женщина, возможно, была лишена, и таинственность, освобождавшую ее от всякой ответственности.

— Ты чрезвычайно умен, не сомневаюсь в этом; но ты не владеешь некоторыми известными мне приемами, иначе искусство судить о внешности людей, не видя лиц, было бы тебе знакомо. Труднее всего, конечно, если человек, на которого ты смотришь, носит деревянную маску, чей рисунок не соответствует чертам его лица, но даже в этом случае можно многое узнать. У тебя острый, слегка раздвоенный подбородок; я права?

— Права насчет острого подбородка, — ответил я, — но не права насчет раздвоенного.

— Лжешь; нарочно хочешь поколебать мою уверенность — либо сам никогда не обращал на

него внимания. О подбородках я сужу по талиям, особенно это касается мужчин: в основном именно они меня и интересуют. При тонкой талии непременно бывает острый подбородок, а твоя кожаная маска вполне позволяет в этом удостовериться. У тебя глубоко посаженные глаза, но, несмотря на это, они большие и подвижные, что говорит о раздвоенности подбородка, особенно если лицо узкое. Скулы у тебя высокие — их очертания чуть-чуть просматриваются через маску, а благодаря твоим слегка впалым щекам они кажутся еще выше. Черные волосы — о них я сужу по кистям твоих рук; узкие губы — они видны сквозь прорезь в маске. Поскольку мне не видно их целиком, они у тебя изогнутые — самое привлекательное качество мужских губ.

Я не нашелся, что ответить, и, по правде говоря, дорого бы дал, чтобы поскорее избавиться от нее; наконец я сказал:

— Если пожелаешь, я сниму маску, и ты сможешь удостовериться в точности своих суждений.

— О нет, не стоит. Во всяком случае, пока не отыграют утреннюю зарю. Кроме того, тебе следует щадить мои чувства. Если ты снимешь маску и я не найду тебя красивым, праздник для

меня будет безнадежно испорчен. — Она снова откинулась на кушетке, и ее волосы рассыпались темным ореолом. — Нет, Северьян, не открывай лица; открой мне лучше свою душу. Позже ты расскажешь мне, что бы ты делал, будь ты волен делать все, что пожелаешь; а сейчас удовлетвори мое любопытство и расскажи о себе. Пока я знаю о тебе лишь то, что прибыл ты из Нессуса. Почему же ты так упорно разыскиваешь Пелерин?

6. БИБЛИОТЕКА ЦИТАДЕЛИ

Только я собрался ответить на ее вопрос, как мимо нашего алькова прошествовала парочка — мужчина в санбенито и женщина, одетая шляпницей. Проходя, они всего лишь кинули в нашу сторону взгляд, но что-то — в одинаковом ли повороте двух голов, выражении ли глаз — подсказало мне, что они знают или, по крайней мере, догадываются, что я не маска. Я, однако, притворился, будто ничего не заметил, и сказал:

— В мои руки случайно попала вещь, принадлежащая Пелеринам. Я хочу вернуть им ее.

— Значит, зла ты им не причинишь. А что это за вещь? Правду я ответить не посмел, к тому же знал наверняка, что сразу последует требование показать названный предмет.

Поэтому я сказал:

— Это книга, старинная книга с чудесными иллюстрациями. С моей стороны было бы дерзостью выдавать себя за знатока, но я уверен, что книга очень дорогая и представляет большую культовую ценность. — С этими словами я извлек из сумки коричневую книгу из библиотеки мастера Ультана, ту, что унес с собой, покидая

камеру Теклы.

— Действительно, старинная. — Кириака с интересом посмотрела на нее. — И изрядно попорчена водой. Ты позволишь взглянуть на нее?

Я подал ей книгу, и она принялась листать страницы, с интересом разглядывая картинки.

— Я тоже ничего в этом не понимаю, — улыбнулась она, возвращая мне книгу. — Но у меня есть дядя, большой знаток, и я не сомневаюсь, он заплатил бы за нее немалые деньги. Жаль, что его сегодня здесь нет, он бы взглянул на нее; но это, возможно, и к лучшему, потому что иначе я бы попыталась отобрать ее у тебя. В поисках старинных книг он путешествует по самым отдаленным уголкам — дальше, чем я, когда жила у Пелерин. Он даже ездил за утраченными архивами. Ты слыхал о них? — Я покачал головой. — Я знаю только то, что он сам однажды рассказал мне, когда выпил нашего фамильного вина немного больше, чем обычно; подозреваю, что он рассказал не все: во время разговора я чувствовала, что он опасается, как бы я сама не отправилась в путь. Но я так никогда и не решилась, хотя порой и сожалею об этом. Так вот, в южной части Нессуса, куда люди заходят редко, в низовьях великой реки, где, по мнению многих, город должен

был давным-давно закончиться, стоит старая крепость. О ней никто уже не помнит — кроме, наверное, самого Автарха, да пребудет его дух во многих поколениях наследников. Считается, что в ней поселились привидения. Дядя говорил, что она стоит на холме на берегу Гьолла, над разрушенным кладбищем, и охраняет это пустое, мертвое поле.

Она умолкла и провела в воздухе рукой, изображая холм и твердыню; мне пришло на ум, что она уже рассказывала эту историю много раз — возможно, своим детям. И я понял, что она уже в том возрасте, когда ее дети достаточно подросли и успели неоднократно выслушать эту и другие сказки. Годы не оставили следов на ее гладком чувственном лице; но искра юности, столь лучезарная в Доркас и озарявшая ровным неземным светом даже Иоленту, щедрый и неиссякаемый источник силы для Теклы, огонек, осветивший туманные тропинки некрополя, когда ее сестра Теа взяла у могилы пистолет Водалуса, — эта искра угасла в ней так давно, что от былого ореола не осталось и следа. Мне стало жаль ее.

— Тебе, должно быть, известно, как люди древней расы достигли звезд и как они продали за бесценок все, что было в них от дикой природы,

за эту возможность: они стали безразличны к вкусу прохладного ветра, утратили способность любить и желать, разучились петь старые песни и слагать новые — вообще растеряли многие животные свойства, которые, по их мнению, они вынесли с собой из влажных лесов на заре времени, хотя, на самом деле, как говорил мне дядя, только благодаря этим свойствам они и смогли покинуть леса. И ты наверняка знаешь, должен знать, что те, кому они продали все это, были творениями их же собственных рук и всем сердцем ненавидели их. Да, у них были сердца, хотя их создатели никогда с этим не считались. Как бы то ни было, они решили погубить сотворившее их человечество, что и сделали, возвратив, когда люди расселились по тысячам солнц, все, что им было оставлено. Это по меньшей мере тебе должно быть известно. Мне рассказал обо всем дядя, как я сейчас рассказала тебе; сам же он нашел эти и многие другие сведения в одной из книг своей коллекции. Он считает, что эту книгу столетиями никто не раскрывал.

Но как именно они это сделали, известно хуже. Помню, в детстве я воображала злые машины: они копали и копали, ночь за ночью, пока наконец не удалили сплетенные корни старых

деревьев, и тут показался железный ларец, зарытый ими, когда мир был еще очень молод; и когда они сбили с того ларца замок, все вещи, о которых мы сейчас говорили, вылетели наружу, подобно рою золотых пчел. Глупо, конечно, но я и сейчас не смогу представить, какой была подлинная сущность тех мыслящих механизмов.

Я вспомнил Иону и его поясницу в том месте, где вместо человеческой кожи блестел металл, но я и вообразить не мог, чтобы он был способен выпустить чуму на погибель человечеству, и покачал головой.

— Но мой дядя говорил, что в его книге все подробно объяснено; те вещи, которым они дали свободу, явились не роем насекомых, но потоком разнообразных артефактов, созданных с расчетом возродить заложенные в них когда-то людьми идеи, которые было невозможно зашифровать цифрами. В руках этих машин оказалось все — начиная от строительства зданий и кончая производством пирожных с кремом; на протяжении тысяч поколений они строили города-механизмы, потом принялись за строительство городов, напоминающих скопление туч перед грозой, и других — похожих на скелеты драконов.

— Когда это было? — спросил я.

— Очень много лет назад — задолго до того, как был заложен первый камень Нессуса.

Я обнял ее за плечи, она положила руку на мое колено; ее Рука была горяча и беспокойна.

— Что бы они ни делали, они во всем следовали единому принципу. В образцах мебели, в покрое одежды. И, поскольку вожди, некогда считавшие, что людям следует пренебрегать идеями, выраженными в одежде, мебели и градостроительстве, давным-давно умерли, а их лица и учение забылись, люди обрадовались новым вещам. Так прекратила существование империя, построенная единственно на порядке.

— Но, — продолжала Кириака, — хотя империя и развалилась, общества умирали медленной смертью. Прежде всего, не желая, чтобы вещи, возвращаемые людям, снова оказались ими отвергнутыми, машины задумали устроить пышные празднества и фантасмагории, которые вдохновили бы зрителей на мечтания о богатстве, мести или незримых мирах. Позже они приставили к каждому человеку невидимого глазу спутника-советчика. Дети уже давно имели таких.

Силы машин продолжали иссякать — такова была их воля, — и они уже не могли поддержи-

вать эти иллюзии в сознании своих владельцев; строить города они тоже не могли, ибо и те, что еще оставались, почти опустели.

Они достигли предела и, как говорил дядя, ожидали, что люди восстанут против них и разрушат. Однако ничего подобного не произошло, потому что к этому времени люди, которые ранее презирали их, как рабов, или молились на них, как на демонов, глубоко полюбили их.

Тогда они созвали самых преданных и на протяжении многих лет передавали им все накопленные знания; спустя некоторое время они умерли.

И тогда избранные приверженцы, собравшись, держали совет, как сохранить их учение, ибо знали, что никогда больше подобная цивилизация не придет на Урс. Но между ними разгорелись жаркие споры. Их обучение было раздельным: каждый, будь то мужчина или женщина, слушал свою машину, словно в мире, кроме них двоих, никого не существовало. И, поскольку знаний было так много, а учеников так мало, машины передали каждому различные сведения.

Тогда ученики начали делиться на группы, но и в них не было единства, и наконец каждый оказался в одиночестве, не способный понять

прочих и сам непонятый и отвергнутый. И они разошлись в разные стороны: кто подальше от городов, некогда населенных машинами, кто, наоборот, заперся в городских стенах, но лишь немногие остались во дворцах погибших машин, чтобы бдеть над их останками…

Нам поднесли чаши с вином, чистым и прозрачным, как вода, и столь же невозмутимым, пока неосторожное движение не растревожит его. Оно распространяло аромат цветов, такой тонкий, что уловить его способен лишь человек, лишенный зрения; пьющий его набирался необычайной силы. Кириака нетерпеливо схватила чашу и, осушив ее, швырнула в угол.

— Расскажи мне еще об утраченных архивах, — попросил я.

— Когда последняя машина замерла и остыла, а те, кто учился у них отвергнутым людьми, запретным наукам, разошлись, покинув друг друга, в сердце каждого из них поселился ужас. Ибо все они знали, что смертны и давно не молоды. И каждый понимал, что с его смертью знания, трепетно лелеемые им всю жизнь, тоже умрут. И вот каждый, кому пришла такая мысль, считая себя неповторимым, взялся записать то, чему научился за долгие годы, — тайные знания о

дикой природе, открытые им машинами. Много сведений было безвозвратно утеряно, но большая их часть сохранена; кое-что прошло через руки переписчиков, то оживлявших тексты собственными вставками, то губивших все различными упущениями… Поцелуй меня, Северьян.

Моя маска мешала, но все же наши губы встретились. Когда Кириака подалась назад, во мне всколыхнулись смутные воспоминания о давних любовных интрижках Теклы, разыгрываемых за потайными дверьми и в скрытых от глаз будуарах Обители Абсолюта, и я прошептал:

— Чтобы так шутить, надо быть уверенной во всецелом внимании мужчины. Кириака улыбнулась.

— Для этого я и попросила — хотела знать, слушаешь ли ты меня. Итак, на протяжении многих лет — сколько их миновало, я думаю, теперь уже не знает никто, ведь до заката солнца оставалось еще очень много времени, и годы были длиннее, — эти записи переходили из одних рук в другие или ветшали в сенотафиях, куда авторы упрятали их для пущей сохранности. Они содержали отрывочные, противоречивые, но доступные всякому уму сведения. Но пришел день, когда некий автарх (правда, тогда правителей

не называли автархами) возжелал такой же власти, какая была при первой империи; его слуги, одетые в белое люди, собрали эти записи; они перевернули чердаки и низвергли андросфинксов, воздвигнутых в память о машинах, вторглись в гробницы давно умерших женщин. Добычу собрали в огромную кучу и свезли для сожжения в Нессус, тогда еще совсем недавно отстроенный.

Однако в ночь перед сожжением автарху, до сих пор грезившему лишь наяву и только о власти, наконец приснился сон. Ему привиделось, как из его рук навсегда утекают неукротимые царства жизни и смерти, камней и потоков, лесов и зверей.

Наутро он отдал приказ не зажигать факелы, но возвести хранилище и поместить туда все свитки и фолианты, что были собраны слугами в белых одеждах. Ибо, надеялся он, если новая, задуманная им империя отринет его, он удалится под своды этого хранилища и вступит в миры, которые, в подражание предшественникам, некогда презирал.

Империя отринула его, иначе и быть не могло. Нельзя искать в будущем прошлого, там его нет и не будет, пока метафизический мир, который гораздо обширнее и неспешнее нашего, не

завершит свой кругооборот и не явится Новое Солнце. Но стать затворником этого хранилища, удалиться за крепостные стены, возведенные по его повелению, ему было не суждено, ибо стоило людям однажды пренебречь первозданным, оно навсегда отвернулось от них, и обрести его вновь невозможно.

Однако говорят, будто, прежде чем наложить печать на свое собрание, автарх поставил стража охранять его. Когда время, отпущенное на Урсе этому стражу, истекло, он нашел следующего, потом еще одного, и все они преданно служат своему автарху, ибо вскормлены среди первозданных идей, почерпнутых из сбереженного машинами знания, и эта преданность — одна из них.

Пока она говорила, я раздевал ее и целовал ее грудь; но все же спросил:

— Значит, все эти идеи покинули мир, когда автарх запер их у себя? Не мог ли я что-нибудь слышать о них?

— Нет, они не ушли из мира вовсе, потому что слишком долгое время передавались от человека к человеку и вошли в плоть и кровь всех людей. Кроме того, говорят, страж иногда выпускает их, и, пусть они каждый раз, рано или поздно, воз-

вращаются обратно, ими успевает проникнуться хотя бы один человек, прежде чем они снова потонут во тьме.

— Это замечательная история; но я, пожалуй, знаю о ней больше тебя, хоть слышать ее мне и не приходилось, — сказал я.

У нее были длинные ноги, плавно сужающиеся от мягких шелковистых бедер к стройным лодыжкам. Ее тело было поистине создано для наслаждений.

Пальцы ее коснулись пряжки, скрепляющей плащ на моих плечах.

— Тебе необходимо снимать это? — пробормотала она. — Может, его хватит, чтобы накрыть нас?

— Да.

7. СОБЛАЗНЫ

Волна наслаждения захлестнула меня, грозя потопить. Я не любил Кириаку так, как некогда любил Теклу и как сейчас любил Доркас, в ней не было красоты Иоленты, и все же я испытывал к ней нежность — отчасти потому, что вино взволновало меня, но и сама она принадлежала к типу женщин, о которых я оборванным мальчишкой мечтал в Башне Сообразности еще до того, как, стоя у края открытой могилы, увидел сердцеобразное лицо Теа; и об искусстве любви она знала гораздо больше тех троих.

Поднявшись, мы пошли омыться к серебряному бассейну с фонтаном. Там были две женщины — как и мы, предававшиеся любовным утехам; заметив нас, они расхохотались, но, когда поняли, что я не стану их щадить только потому, что они женщины, с визгом убежали.

Мы омыли друг друга. Я знаю, Кириака была уверена, что я тут же покину ее, как и я не сомневался в ее поспешном уходе. Однако этого не произошло (хотя, возможно, нам было бы лучше расстаться); мы вышли в маленький тихий сад, напоенный ночной темнотой, и остановились у

одиноко стоящего фонтана.

Мы держались за руки, словно дети.

— Тебе приходилось бывать в Обители Абсолюта? — спросила она, устремив взгляд на наши отражения в пронизанной лунными лучами воде. Ее голос звучал так тихо, что я едва расслышал вопрос.

Я ответил утвердительно, и ее рука сжала мою.

— Ты посещал Кладезь Орхидей?

Я покачал головой.

— Я тоже была в Обители Абсолюта, но никогда не видела Кладези Орхидей. Говорят, когда Автарх вступает в брак — что у нас не принято, — двор его супруги размещается именно там, в красивейшем месте на свете. Даже сейчас туда допускают лишь самых прекрасных. Когда мы были в Обители — мой господин и я, — мы занимали маленькую комнатку, подобавшую нашему рангу. Однажды вечером, когда я была одна и не знала, где мой господин, я вышла в коридор; пока я осматривалась, показался какой-то высокопоставленный придворный. Ни имя его, ни звание не были мне известны, но все же я остановила его и осведомилась, нельзя ли мне пройти в Кладезь Орхидей.

Кириака умолкла; несколько мгновений была

слышна только музыка, доносившаяся из павильонов, и журчание воды.

— Он остановился и посмотрел на меня, как мне показалось, с удивлением. Тебе неизвестно, каково жене простого армигера из северной провинции, одетой в сшитое собственной прислугой платье, в отставших от столичной моды украшениях под взглядом человека, всю жизнь прожившего среди экзультантов Обители Абсолюта. Потом он улыбнулся.

Она крепко вцепилась в мою руку.

— И сказал, что идти надо по такому-то коридору, свернуть у такой-то статуи, подняться по такой-то лестнице и следовать дальше по дорожке из слоновой кости. О, Северьян, возлюбленный мой!

Ее лицо светилось, как сама луна. Я понимал, что она рассказывает о самом ярком и значительном событии своей жизни, а любовь, которую я ей подарил, имела ценность лишь постольку, поскольку напомнила тот день, когда ее красоте воздал должное некто, имевший, по ее мнению, право судить и при этом не пожелавший ее. Разум подсказывал, что мне следовало оскорбиться, но я не испытывал негодования.

— Он удалился, и я отправилась по указанно-

му пути; пройдя шагов десять или двадцать, я встретила моего господина, и он приказал мне вернуться в нашу комнатку.

— Понимаю, — кивнул я и поправил меч.

— Надеюсь. Мне ведь не следовало предавать его? Как ты думаешь?

— Это не мне решать.

— Все осуждают меня… все друзья… любовники, из которых ты не первый и не последний; даже эти женщины вокруг.

— Мы с детства приучены не судить, мы только приводим в исполнение приговоры Содружества. Я не стану судить ни тебя, ни его.

— А я сужу, — прошептала она и обратила лицо к пронзительно ярким звездам. Я только сейчас понял, почему, заметив ее в маскарадной толпе, принял за отшельницу ордена, в одежды которого она нарядилась. — Или хочу себя уверить, что сужу. И обвиняю себя, но не могу остановиться. Мне кажется, я притягиваю мужчин, подобных тебе. Скажи, тебя ведь потянуло ко мне? Хотя я знаю, у тебя были женщины красивее меня.

— Я не уверен, — ответил я. — По дороге сюда, в Тракс…

— Значит, и в твоей жизни была история? Расскажи мне, Северьян. Ты уже знаешь чуть ли

не единственное значительное событие моей жизни.

— По дороге сюда мы — я не буду сейчас называть моих спутников — повстречали ведьму; с нею были ее прислужница и клиент. Она явилась в одно заповедное место, чтобы вдохнуть душу в тело давно умершего человека.

— Вот как? — Глаза Кириаки загорелись. — Удивительно! Я слышала, что такое бывает, но сама не видела ни одной ведьмы. Расскажи, расскажи мне все, но смотри, это должна быть чистая правда!

— Но мне особенно нечего рассказывать. Наш путь пролегал через заброшенный город, и, заметив костер, мы направились к нему, ибо один из нас был болен. Когда ведьма оживила того человека, я поначалу решил, что она собиралась восстановить весь город. И лишь спустя несколько дней я понял…

Оказалось, я не могу объяснить, что же именно тогда понял; в сущности, это был смысловой уровень, который не властен выразить наш язык, та ступень, которую мы с радостью сочли бы несуществующей, несмотря на постоянное стремление к ней в наших мыслях, постоянно обуздываемое натренированным разумом.

— Продолжай.

— Это, конечно, нельзя назвать пониманием. Я по сей день размышляю, но понять не могу. Но я почему-то знаю, что, в то время как она возвращала его к жизни, он притягивал за собой каменный город, все свое окружение. Порой мне кажется, что город был реален лишь настолько, насколько реален был тот человек, и, когда мы проезжали по мостовым среди шершавых каменных стен, мы на самом деле ехали меж его костей.

— И он действительно возродился? — воскликнула она. — Скажи скорее!

— Да, он вернулся. Но как только это свершилось, умерли клиент и та больная женщина, что была с нами. Апу-Пунхау — так звали мертвеца — снова покинул мир. Ведьмы разбежались или, может быть, разлетелись. Но я о другом хотел сказать. Весь следующий день мы шли пешком и остановились на ночлег в хижине бедняков. В ту ночь, пока моя спутница спала, я беседовал с человеком, который многое знал о каменном городе, хотя его настоящее название было ему неизвестно. И с его матерью я также беседовал; очевидно, она знала больше, чем он, но не захотела рассказывать мне всего.

Я умолк, обуреваемый сомнениями; мне было

трудно говорить с этой женщиной о подобных вещах.

— Сначала я предположил, что эта семья ведет свой род из каменного города. Но они сказали, что город был разрушен задолго до появления в тех местах их народа. И все же им было известно немало его обычаев: тот бедняк еще мальчиком ходил туда искать сокровища, хотя, по его словам, ему никогда не удавалось что-либо найти, кроме осколков камней и посуды да следов пребывания других кладоискателей, наведывавшихся в город задолго до него.

«В стародавние времена, — рассказывала его мать, — люди верили, что можно выманить из земли золотые клады, если зарыть несколько своих монет и произнести какое-то заклинание. Многие зарывали, а потом забывали место или что-то мешало им вернуться и откопать свои деньги. Эти-то монеты мой сын и находит. На них мы и живем».

Я хорошо помнил ту ночь и старуху, ветхую и скрюченную; она сидела у торфяного костра и грела руки. Может быть, она напоминала мне одну из старых нянек Теклы, ибо что-то в ней разбередило мою память; впервые после нашего с Ионой заключения в Обители Абсолюта я так жи-

во ощутил Теклу в своем сознании, что, взглянув случайно на свои руки, был удивлен толщиной пальцев, смуглым оттенком кожи и отсутствием кандалов.

— Продолжай, Северьян, — повторила Кириака.

— Затем старуха рассказала, что было в мертвом городе нечто притягивающее к нему ему подобных. «Ты ведь слышал истории о колдунах-некромантах, которые охотятся за душами мертвецов. А знаешь ли, что среди самих мертвецов встречаются вивиманты, привлекающие живых, чтобы снова обрести жизнь? В каменном городе есть один такой; однажды или дважды в сарос тот, кого он к себе вызывает, приходит к нам ужинать». Она обратилась к своему сыну: «Ты наверняка помнишь того молчуна, что заснул подле своего посоха. Ты был тогда совсем мальчишкой, но вряд ли забыл его. Этот пока последний». И я понял, что и меня призвал к себе вивимант Апу-Пунхау, хотя я ничего и не почувствовал.

Кириака бросила на меня косой взгляд.

— Так что же, я, по-твоему, мертва? Ты это хочешь сказать? Ты же сам говорил, что там была ведьма-некромантка, а ты просто случайно на-

брел на ее костер. Я думаю, ты сам был колдуном, больная — твоей клиенткой, а женщина, о которой ты говорил, — прислужницей.

— Это оттого, что я опустил в своем рассказе все важные подробности, — заметил я. Я чуть не расхохотался, когда она сочла меня колдуном; но Коготь впился мне в грудь, напоминая, что благодаря его могуществу, украденному мною, я обладал силою колдуна, не владея, однако, соответствующим знанием; и я понял — это «понимание» было того же порядка, что и раньше, — что, хотя Апу-Пунхау притянул камень к себе, но забрать его у меня не смог (или не захотел).

— Самое важное, — продолжал я, — когда призрак исчез, в грязи осталась лежать алая накидка с капюшоном — такая, как сейчас на тебе. Она у меня в ташке. Разве Пелерины балуются некромантией?

Ответа я так и не дождался, ибо, не успел я закончить свою речь, как на узкой тропинке, ведущей к фонтану, возникла рослая фигура архона. Он был в маске и костюме пса-оборотня, и, встреть его при ярком свете, я не узнал бы его; но густые сумерки сада с легкостью, словно руки человека, сорвали с него маску, и я, лишь только

заметил его высокий силуэт и походку, тотчас понял, кто перед нами.

— Ага, так ты ее нашел, — произнес он. — Мне следовало опередить тебя.

— Я так и думал, — ответил я. — Но до этой минуты еще сомневался.

8. НА СКАЛЕ

Я покинул палаты через ворота, обращенные к берегу. Их охраняло шестеро воинов, в облике которых не было и следа вялой безмятежности, присущей тем двоим, что я видел на речной стороне всего несколько стражей назад. Один из них, учтиво, но непреклонно заступая мне путь, осведомился, действительно ли мне необходимо уходить так рано. Я назвал себя и ответил, что, к сожалению, это и вправду необходимо: у меня еще остается работа на ночь (это была правда), да и завтра мне предстоит трудный день (и здесь я отнюдь не лгал).

— Да ты герой. — Голос стражника звучал несколько дружелюбнее. — Но разве ты без охраны, ликтор?

— Со мной было двое сопровождающих, но я их отпустил. Я и сам вполне смогу найти дорогу к Винкуле.

Другой стражник, молчавший до сих пор, обратился ко мне:

— Ты мог бы остаться в палатах до утра. Тебе найдут покои, где ты хорошо отдохнешь.

— Да, но тогда я не закончу работу. Боюсь, мне

все же придется уйти.

Воин, заслонявший мне путь, отступил.

— Я, пожалуй, пошлю с тобой двоих. Если бы ты согласился подождать, я бы мигом все устроил. Мне только необходимо получить разрешение начальника стражи.

— Не беспокойся, — сказал я и, не дожидаясь ответа, пошел прочь. В городе явно что-то происходило — возможно, снова объявился убийца, о котором предупреждал мой сержант; я почти не сомневался, что, пока я пребывал в палатах архона, разыгралась новая трагедия. Эта мысль привела меня в приятное волнение — я, конечно, был не так глуп, чтобы воображать себя неуязвимым против любого нападения, но сама возможность нападения, смертельный риск, которому я подвергал себя в ту ночь на темных улицах Тракса, не давали мне впасть в уныние, что при иных обстоятельствах вполне могло произойти. Неясная угроза, безликая опасность, притаившаяся в ночи, была самым ранним из моих детских страхов; и теперь, когда все они давно изжиты, в моем взрослом сознании сохранилось лишь ощущение уюта от всего детского.

Я уже шел по тому берегу реки, где днем набрел на нищую лачугу, и лодка была мне не нужна; но

улицы казались незнакомыми и в темноте напоминали лабиринт, специально созданный, чтобы свести меня с ума. Я несколько раз сворачивал не туда, прежде чем нашел нужную мне узкую улочку, ведущую к вершине скалы.

Дома по обе ее стороны, такие молчаливые в ожидании, чтобы громадная каменная стена поднялась и закрыла собою солнце, наполнились теперь журчанием голосов, многие окна озарились изнутри неровным пламенем сальных светильников. Пока Абдиес пировал в своих палатах у самой реки, его смиренные подданные на горных склонах тоже веселились, с тою лишь разницей, что в их празднествах размаху было поменьше. Я слышал вздохи и стоны любовников, как слышал их и в саду, когда в последний раз оставил Кириаку, приглушенные разговоры мужчин и женщин, взрывы хохота. Дворцовый сад полнился ароматами цветов, воздух там был свеж благодаря многочисленным фонтанам и могучим холодным водам Ациса. Здесь же от этих приятных запахов не осталось и следа; ветер, разгуливая меж лачуг из глины и хвороста и пещер с заткнутыми ртами, приносил то зловоние экскрементов, то запах свежезаваренного чая и нехитрой похлебки и лишь изредка чистый

горный воздух.

Забравшись высоко на скалу, где жилища освещались только огнем очага, я обернулся и взглянул на город подобно тому, как днем осматривал его с крепостных высот Замка Копья, однако видел его совершенно иными глазами. Говорят, в горах есть расщелины столь глубокие, что со дна их видны звезды, и, следовательно, расщелины эти пронизывают весь мир насквозь. И вот, как мне казалось, я нашел такую. Я словно всматривался в некое созвездие, будто Урс умчался прочь, и я остался один посреди звездной бездны.

В палатах меня, вероятно, уже хватились. Я представил, как по пустынным улицам рыщут димархии архона, может быть, даже с факелами, наспех подхваченными в саду. Гораздо больше беспокоила мысль об отпущенных мною латниках из Винкулы, которые до сих пор слонялись где-то по городу. Однако никаких движущихся огней я не видел, и до меня не доносились грубые окрики; если в Винкуле и была тревога, то сумрачные улицы, паутиной опутавшие склон противоположного берега, оставались к ней совершенно безучастны. Если бы открыли главные ворота, чтобы выпустить поднятых по тревоге

стражников, я бы увидел на их месте вспышку света, потом темноту и снова вспышку; но ничего такого я не заметил. Наконец я повернулся и отправился выше по крутой улице. Тревогу еще не объявили. Но ждать оставалось недолго.

В бедняцкой лачуге было темно; ни единый звук не нарушал тишины. Я достал из мешочка Коготь еще у двери, опасаясь, что, когда войду, у меня не хватит духу. Иногда он сверкал, подобно фейерверку, — так было на постоялом дворе в Сальтусе. Порой света от него было не больше, чем от осколка стекла. Той ночью блеск его не был ярок; но от него исходила такая глубокая синева, что казалось, это сама темнота, очищаясь, преображалась в свечение. Среди имен Миротворца есть одно, редко употребляемое; значение его всегда оставалось для меня загадкой: Черное Солнце. В ту ночь я почувствовал, что почти приблизился к постижению его смысла. Я не мог зажать камень в пальцах, как часто делал прежде и впоследствии; я положил его на ладонь правой руки, чтобы не осквернить его касанием больше, чем того требовала необходимость. Держа его так перед собой, я нагнулся и вошел в лачугу.

Девушка лежала на том же месте, где я видел ее днем. Если она и дышала, я не слышал ее ды-

хания. Она не шевелилась. Мальчик с больным глазом спал в ее ногах на голой земле. Очевидно, на те деньги, что я ему подал, он купил еды: всюду на полу были разбросаны кожура и кукурузные листья. На миг я замер в надежде, что никто из них не проснется.

В таинственном сиянии Когтя девушка казалась еще более больной и страшной, чем днем: оно лишь подчеркивало ее запавшие глаза и ввалившиеся щеки. Наверное, я должен был что-то сказать, вызвать Предвечного и его посланников неким заклинанием, но губы мои пересохли, и я оказался нем, словно бессловесная тварь. Я медленно опустил к ней руку, пока тень от нее не заслонила весь падавший на девушку свет. Затем я поднял руку, но ничего не изменилось; я вспомнил, что Коготь не помог Иоленте, и задумался, распространяется ли вообще его сила на женщин или, может быть, необходимо, чтобы женщина сама взяла его в ладони? Затем я коснулся им лба девушки, и долю секунды камень казался третьим глазом на этом жутком, осененном смертью лице.

Результат ошеломил меня: сколько я прежде ни применял Коготь, я никогда не был так уверен, что полученный эффект не есть следствие ка-

кого-нибудь неожиданного совпадения. Вполне могло оказаться, что обезьяночеловек остановил кровотечение силою собственной веры, улан на дороге около Обители Абсолюта был просто оглушен и пришел бы в чувство без моей помощи; наконец, то, что я принял за исцеление ран Ионы, возможно, было лишь обманчивой игрой света.

Но сейчас словно некая непостижимая сила вторглась между двумя хронами и сбила вселенную с пути. Глаза девушки, темные, как озера, распахнулись; ошибки быть не могло. Ее лицо уже не было, как прежде, мертвой маской, но обернулось изможденным лицом молодой женщины.

— Кто ты, господин в ясных одеждах? — спросила она и вздохнула: — О нет, это мне снится.

Я сказал, что бояться нечего, ибо я — друг.

— Я не боюсь, — покачала головой девушка. — Если бы я не спала, я бы испугалась, но ведь я сплю. Ты словно сошел с неба, но я знаю, ты всего лишь крыло бедной птички. Это Йадер тебя поймал? Спой мне песенку…

Ее глаза снова сомкнулись, но теперь я слышал ее мерное дыхание. Лицо ее не изменилось, оно оставалось таким же худым и измученным, только печать смерти стерлась.

Я снял камень с ее чела и коснулся им лба мальчика, как только что коснулся его сестры; однако в этом не было необходимости. Глаз оказался здоровым еще до того, как камень осенил его своим поцелуем, — возможно, он уже успел победить заразу. Мальчик пошевелился и что-то прокричал, словно во сне бежал впереди ватаги других мальчишек и криком увлекал отставших за собой.

Я спрятал Коготь обратно в мешочек, сел на земляной пол среди кожуры и листьев и прислушался. Через некоторое время он успокоился. Звезды высвечивали у самой двери мутное пятно; внутри хижины стояла кромешная тьма. Я слышал ровное дыхание девушки и посапывание ее брата.

Она сказала, что я — я, не снимавший угольно-черной мантии с того дня, как был произведен в подмастерья, и серых отрепьев до этого, — облачен в ясные одежды. Ее, конечно, ослепило сияние камня; все, на что бы она ни посмотрела, любая одежда показалась бы ей сверкающей. И все же, чувствовал я, она в известном смысле была права. Я чуть было не написал, что с тех пор возненавидел свой плащ, штаны и сапоги, — нет, это не так; скорее я теперь видел в них маска-

радное одеяние, таковым и воспринимавшееся в палатах архона, или костюм, в котором я участвовал в пьесе доктора Талоса. Даже палач остается человеком, а для человека неестественно всегда одеваться в один и тот же цвет — темнее самой черноты. Я презирал себя за лицемерие, когда надел коричневую накидку в лавке Агилюса; но, возможно, угольно-черные одежды под ним были лицемерием еще большим.

Наконец ростки правды начали пробиваться в моем сознании. Если я и был когда-нибудь палачом, в том смысле, в каком палачами были мастер Гурло или даже мастер Палаэмон, с этим покончено. Здесь, в Траксе, мне представилась еще одна возможность. Я и во второй раз не оправдал ожиданий, и третьего шанса не будет. Благодаря своему облачению и мастерству я еще мог рассчитывать на работу, но не более того. Я не сомневался, что лучше всего мне при первом же удобном случае вовсе от них отказаться и поискать себе места среди солдат, сражавшихся на севере, — как только возвращу Коготь.

Мальчик заворочался и позвал кого-то по имени — вероятно, сестру. Она, не просыпаясь, пробормотала что-то в ответ. Я поднялся и, взглянув на них еще раз, выскользнул из хижины,

опасаясь, как бы мое суровое лицо и длинный меч не напугали их.

9. САЛАМАНДРА

Звезды засияли для меня ярче, и Коготь впервые за много недель отпустил мою грудь.

Я спускался по узкой тропинке, и теперь, чтобы увидеть город, не нужно было ни останавливаться, ни оглядываться. Он раскинулся передо мной как на ладони, мерцая тысячами огней, от сигнального костра на Замке Копья до окон караульных помещений, отраженных в рвущемся через Капулюс потоке.

К этому часу все ворота были для меня уже закрыты. Если димархии архона еще не высыпали на городские улицы, они, несомненно, будут там прежде, чем я доберусь до берега реки; однако я решил не покидать города, не повидавшись с Доркас, и почему-то был уверен, что мне это удастся. Я было принялся изобретать план бегства, поскольку мне предстояло пройти через охрану крепостной стены, как вдруг заметил вспыхнувший далеко внизу новый огонь.

На расстоянии он казался совсем крошечным, не больше булавочной головки, и все же он не был похож на прочие; в моем сознании он запечатлелся как огонек лишь потому, что соотнести его

было больше не с чем. Однажды мне пришлось видеть мощный пистолетный выстрел — той ночью в некрополе, когда Водалус поднимал из могилы мертвую женщину, — насыщенный поток энергии подобно молнии, расколовший сумрак. Огонь, который я видел сейчас, был иным, и все же память моя сближала их. На краткий миг он вспыхнул и угас, и, не успел я дождаться следующего удара сердца, как жаркая волна хлынула мне в лицо.

В темноте я не смог отыскать постоялый двор «Утиное гнездышко». Может быть, я свернул не на ту улицу, а может, просто прошел мимо забранных ставнями окон и не заметил над головой вывески — не знаю. Как бы то ни было, вскоре я очутился гораздо дальше от реки, чем мне следовало: я шагал по улице, ведущей прямо в гору — во всяком случае, пока я по ней шел, — и мои ноздри разъедал запах горелого мяса, словно рядом клеймили скот. Я уже собирался повернуть назад, но в этот миг столкнулся с темноте с женщиной. Мы ударились друг о друга так неожиданно и сильно, что я чуть не упал, и, отлетая в сторону, услышал, как ее тело рухнуло на камни мостовой.

— Я не заметил тебя, — сказал я и протянул руку в ее сторону.

— Беги, беги! — задыхалась она. — Ох, помоги мне встать! — Ее голос показался мне знакомым.

— Почему я должен бежать? — Я поднял ее на ноги. В тусклом свете я едва мог разглядеть черты ее лица, как мне показалось, искаженные ужасом.

— Оно убило Юрмина. Он сгорел заживо. Когда мы его нашли, его посох еще догорал. Он… — Рыдания заглушили ее слова.

— Что сожгло Юрмина? — Она не отвечала. Я тряхнул ее за плечи, но она разрыдалась еще пуще. — Да я тебя знаю. Ты будешь наконец говорить, женщина? Ты хозяйка «Утиного гнездышка». Веди меня туда!

— Не могу, — всхлипывала она. — Я боюсь. Дай мне твою руку, сьер. Нам нельзя оставаться на улице.

— Прекрасно. Мы пойдем к «Утиному гнездышку». Оно, должно быть, недалеко — но что это?

— Слишком далеко! — стенала она. — Слишком далеко! Мы были не одни на улице. Не знаю, проглядел ли я приближение этого существа или оно незримо присутствовало все это время, только вдруг оно возникло рядом. Мне приходилось слышать о людях, которые панически боятся крыс и чувствуют их присутствие в доме с момента появ-

ления, даже если самих крыс не видно. Похожее чувство овладело теперь и мной. Меня бросило в жар, но не согрело; и, хотя в воздухе отсутствовал какой-либо запах, я ощутил, как убывает из него животворящая сила.

Женщина как будто ничего не замечала.

— Прошлой ночью около арены оно сожгло троих, — говорила она, — а сегодня, недалеко от Винкулы, еще одного. А теперь вот и Юрмина. Оно кого-то ищет — так говорят.

Я припомнил ночниц и существо, шмыгнувшее вдоль стен вестибюля Обители Абсолюта, и сказал:

— Похоже, оно нашло, что искало.

Я отпустил женщину и принялся озираться по сторонам, пытаясь обнаружить его местонахождение. Жар усиливался, но света не было видно. Я потянулся за Когтем, чтобы осмотреться в его сиянии, но вовремя вспомнил, как в его присутствии пробудилось нечто спящее под шахтой, где жили обезьянолюди, и испугался, что существо — чем бы оно ни было — только обнаружит меня благодаря новому источнику света. Я также не был уверен, что мой меч не окажется столь же бессилен против него, как против ночниц, когда мы с Ионой мчались от них через кедровые за-

росли; и все-таки Коготь я достал.

Почти тотчас раздался топот копыт и гиканье: не далее чем в ста шагах от меня из-за угла вылетели двое димархиев. Я даже не успел улыбнуться при мысли, сколь сильно они походили на образы, вызванные моей памятью. Яркое пламя их факелов высветило между нами нечто темное, свернувшееся кольцами у самой земли.

Оно обернулось на свет и стало разворачиваться, точно распускающийся цветок, увеличиваясь так стремительно, что взгляд не успевал следить за его ростом; оно становилось прозрачнее и наконец предстало существом с телом, подобным мерцающей вуали, жарким, однако же напоминающим рептилию, одну из тех пестроцветных змей из северных джунглей, которые так похожи на эмалевые игрушки, и все же они настоящие.

Лошади поднялись на дыбы и громко заржали; один из димархиев, более меня владевший собой, метнул копье прямо в сердце повернувшегося к нему чудовища. Тьму прорезал ослепительный всполох света.

Хозяйка «Утиного гнездышка» тяжело навалилась на меня, и я, не желая упустить ее, поддержал женщину свободной рукой.

— Кажется, оно ищет живое тепло, — успо-

каивал я ее. — Оно наверняка последует за лошадьми, и мы убежим. Пока я говорил, существо оборотилось к нам. Я уже упоминал, что сзади, раскрываясь навстречу димархиям, оно походило на змеевидный цветок. Это впечатление сохранилось и теперь, когда чудовище предстало перед нами во всем своем пугающем великолепии, но к нему примешивались два других. Первым пришло ощущение сильнейшего, словно исходившего из иного мира зноя; существо оставалось рептилией, однако эта рептилия дышала неведомым на Урсе пламенем, будто привыкшая к жаркому солнцу пустынь змейка под снегопадом. Вторым — образ рваной, трепещущей на ветру плоти, однако ветер тот не был потоком воздуха. Существо по-прежнему напоминало цветок, но лепестки этого цветка — белые, бледно-желтые и пламенные — были искалечены неким жестоким ураганом, поднимавшимся из самого сердца чудовища.

Сильнее этих ощущений был вездесущий, всепроникающий, не поддающийся человеческому описанию ужас. Он выжал из меня все силы, лишил воли, и я был не в состоянии ни атаковать, ни спасаться бегством. Чудовище и я словно застыли во временной матрице, где все, что было, и все,

что будет, теряло смысл, где мы, ее единственные обитатели, стояли недвижимы, и потому всякие перемены исключались.

Внезапный крик разрушил чары. Второй отряд димархиев на полном скаку вылетел на улицу позади нас: увидав чудовище, они принялись нахлестывать коней, чтобы ринуться в атаку. Не успел я и глазом моргнуть, как они уже сгрудились вокруг нас, и только благодаря вмешательству Святой Катарины мы не оказались затоптаны в землю. Если я когда-нибудь и сомневался в отваге воинов Автарха, теперь все сомнения рассеялись — оба отряда накинулись на чудовище, как свора на матерого оленя.

Напрасно. Явилась ослепительная вспышка света, и нас обдало волной невыносимого жара. Не выпуская полумертвую от страха женщину, я бросился вниз по улице.

Я намеревался свернуть за угол, откуда появились димархии, но в панике (порожденной не только моим собственным страхом, это Текла кричала в моем сознании) я поторопился свернуть либо, напротив, пропустил поворот. Вместо ожидаемого крутого спуска в нижнюю часть города я увидел перед собой тупик — дворик, приютившийся на выступающей из скалы плос-

кой плите. Пока я сообразил, в чем моя ошибка, чудовище, будто стелющееся кольцами существо, источающее невидимую глазу страшную энергию, появилось у входа во дворик.

При свете звезд его можно было принять за скрюченного старика в черном, но никогда я не испытывал ужаса, равного тому, что ощутил при взгляде на него. В глубине дворика была хижина — побольше той лачуги, где ютились больная девушка и ее брат, но тоже построенная из глины и хвороста. Я ударил в дверь ногой и вбежал внутрь, в это муравьиное скопление гнусных комнатенок; я опрометью промчался из одной в другую, из другой в третью, где спали с полдюжины мужчин и женщин, потом в четвертую — и очутился у окна, откуда открывался вид на город, как из моей бойницы в Винкуле. Дальше пути не было; последняя комната в хижине нависала над обрывом, подобно ласточкину гнезду, и обрыв этот казался бездонным.

Из комнатушки, которую мы только что пробежали, доносились злые голоса разбуженных мною людей. Дверь распахнулась, но явившийся изгнать нарушителя спокойствия увидал, должно быть, мерцание «Терминус Эст»; вошедший остановился как вкопанный, выругался и повер-

нул назад. Через миг раздался чей-то вопль, и я понял, что огненное существо явилось в хижину.

Я было попытался поставить женщину на ноги, но она грузно повалилась на пол. За окном зияла пустота — оно было прорезано в сплетенной из прутьев стене всего в нескольких кубитах от пола, который ничем извне не поддерживался. Прогнившая соломенная крыша также была не надежней осенней паутинки. Пока я пытался ухватиться за нее, в комнатушку ворвался поток света, изгнал все краски, разбросал черные, как сажа, тени, подобные космическим дырам. И тут я понял, что должен вступить в бой и погибнуть, как димархии, или же выпрыгнуть из окна. Я повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с явившимся убить меня чудовищем.

Оно все еще находилось в соседней комнате, но я видел его сквозь дверной проем — раскрывшимся, как тогда, на улице. Перед ним на каменном полу догорал труп какой-то жалкой старухи, и, пока я наблюдал за ними, оно склонялось над нею и, готов поклясться, исследовало останки. Труп пузырился и потрескивал, словно жир на сковородке, потом распался на части. Через миг не осталось даже костей — они рассыпались бледным пеплом, а продвигавшееся чудовище

развеяло и его.

Я считал, что еще никому не удавалось выковать лучшего клинка, чем «Терминус Эст», однако и он не смог бы противостоять силе, обратившей в бегство столь многочисленный отряд всадников; поэтому я отбросил его к стене, смутно надеясь, что когда-нибудь он отыщется и возвратится к мастеру Палаэмону, и достал из мешочка Коготь.

Коготь был моей последней слабой надеждой, и я сразу понял, что проиграл. Хотя этот мир был доступен только ощущениям чудовища (по его телодвижениям я догадался, что здесь, на Урсе, оно почти слепо), камень оно распознало сразу и не убоялось его. Его медленное наступление сменилось резким и целенаправленным броском вперед. Вот оно достигло дверей, раздался треск, поднялись клубы дыма, и оно пропало. Из дыры, которую оно прожгло в шатком полу, в том месте, где заканчивался каменный выступ, пробивался свет: сначала прозрачное свечение чудовища, потом быстрая смена переливчатых красок — пронзительно синего, лилового, розового. Наконец остался лишь слабый красноватый отсвет скачущих огненных язычков.

10. СВИНЕЦ

На миг мне показалось, что и я сейчас провалюсь в эту зияющую посреди комнатушки дыру и мне не суждено ни подобрать «Терминус Эст», ни отвести в безопасное место хозяйку «Утиного гнездышка», потом я почти уверился, что провалится все — и содрогающаяся комнатенка, и мы вместе с ней.

И все-таки нам удалось выбраться наружу. Когда мы выбежали на улицу, она была пуста — ни димархиев, ни горожан; солдаты, несомненно, погибли в огне, а люди тряслись от страха по домам. Женщина опиралась на мою руку; она не вполне оправилась от потрясения и была не способна отвечать на вопросы, тем не менее я позволил ей самой выбирать дорогу. Как я и предполагал, она без труда отыскала свой постоялый двор.

Доркас спала. Я не стал ее будить, а просто уселся в темноте на табурете у ее кровати рядом со столиком, где только и достало места, что для бутылки да стакана, которые я прихватил внизу в общей зале. Не знаю, что за вино было в бутылке, но, обжигая рот, оно опьяняло сильнее воды. Когда Доркас проснулась, бутылка была

наполовину пуста, а я чувствовал себя так, словно наелся шербета.

Доркас подалась вперед, но снова уронила голову на подушку.

— Это ты, Северьян. Впрочем, кто же еще?

— Я не хотел тебя пугать. Я только пришел тебя проведать.

— Ты очень добр. Мне кажется, так было всегда — я просыпаюсь, а ты сидишь, склонившись надо мной. — На минуту она снова закрыла глаза. — В этих сапогах на толстой подошве ты ступаешь очень тихо, ты знаешь об этом? Это одна из причин, почему люди тебя боятся.

— Ты говорила, что как-то раз я показался тебе похожим на вампира — когда ел гранат и перепачкал губы в соке. Помнишь, как мы тогда смеялись? (Это было в поле, за Стеной Нессуса; мы спали около театра доктора Талоса, а проснувшись, вдоволь полакомились фруктами, оставленными минувшей ночью нашими бежавшими в страхе зрителями.)

— Помню, — ответила Доркас. — Хочешь снова меня рассмешить? Боюсь, я уже никогда не смогу смеяться.

— Может, выпьешь вина? Оно досталось мне бесплатно. Право же, оно недурно — я даже не

ожидал.

— Чтобы развеселиться? Нет. По-моему, пить нужно тогда, когда тебе уже весело. Иначе найдешь в бокале лишь новую порцию тоски.

— Ну сделай хоть глоток. Хозяйка сказала, что тебе нездоровилось и ты весь день ничего не ела.

В темноте я увидел, как золотоволосая головка шевельнулась на подушке; Доркас повернулась и посмотрела на меня. Решив, что она вполне проснулась, я отважился зажечь свечу.

— Ты в своем обычном облачении. Наверное, напугал ее до смерти.

— Нет, она меня не боялась. Она из тех, кто наполняет свой бокал, не обращая внимания на содержимое бутылки.

— Она была очень внимательна ко мне и очень добра. Не сердись на нее, если она предпочитает пить в столь поздний час.

— Я вовсе не был с ней суров. Но, может быть, ты все таки поешь? В кухне наверняка найдется еда, скажи только, чего бы тебе хотелось, и я тебе принесу.

Мои слова вызвали у Доркас слабую улыбку.

— Напротив, пищу из меня сегодня весь день выносило, хотела я того или нет. Именно это

хозяйка и имела в виду, когда сказала, что мне нездоровилось. Ты уже знаешь? Меня тошнило. Запах наверняка еще держится, хотя бедняжка так старалась, вытирала за мной.

Доркас умолкла, принюхиваясь.

— Чем это пахнет? Паленой тканью? Это, должно быть, от свечи, но твоим огромным мечом фитиль все равно не подрезать.

— Это, наверное, от плаща, — сказал я. — Я стоял слишком близко к огню.

— Я хотела попросить тебя открыть окно, но, вижу, оно уже открыто. Тебе не мешает? В комнате сквозняк, и пламя свечи пляшет. По стенам скачут тени. У тебя не кружится голова?

— Нет, — ответил я. — Если не смотреть на пламя, то не кружится.

— Судя по твоему лицу, у тебя сейчас такое же настроение, как у меня около воды.

— А сегодня днем я нашел тебя у реки, на самом берегу.

— Я помню, — прошептала Доркас и замолчала. Пауза тянулась так долго, что я начал опасаться, будет ли она вообще говорить и не вернулось ли к ней то болезненное безмолвие (а теперь я уверился, что именно так и было), которое охватило ее днем.

Наконец я произнес:

— Я был очень удивлен, когда увидел тебя там; я долго вглядывался, все не мог поверить, что это ты, хотя искал именно тебя.

— Меня тошнило, Северьян, ведь я тебе говорила?

— Да.

— И знаешь, чем?

Она, не мигая, смотрела на низкий потолок, и у меня родилось ощущение, что существует другой Северьян, добрый, даже благородный, — он живет лишь в сознании Доркас. Я думаю, все мы, обращаясь к кому-то с самой задушевной беседой, на самом деле адресуем свои слова созданному нами образу человека, с которым, как нам кажется, мы разговариваем. Однако в этот раз все было гораздо серьезнее: Доркас, пожалуй, продолжала бы говорить, даже если бы я покинул комнату.

— Нет, — ответил я. — Водой?

— Грузилами.

Я решил, что это всего лишь метафора, и осторожно произнес:

— Наверное, было очень неприятно.

Она снова повернула голову на подушке, и теперь я уже мог разглядеть ее голубые глаза с огромными, расширенными зрачками. Пустые,

они напоминали двух маленьких призраков.

— Грузила, Северьян, дорогой мой. Маленькие, тяжелые кусочки металла, толщиной с орех и длиной с мой большой палец, и на каждом стоит клеймо: «улов». Они с грохотом вывалились из моей глотки в ведро, и я наклонилась, сунула руку в месиво, которое вышло вместе с ними, и вытащила их на свет. Женщина, хозяйка этого постоялого двора, унесла ведро, но я их обтерла и сохранила. Две штуки. Они сейчас в ящике стола. Хозяйка принесла стол, чтобы поставить на него обед. Хочешь взглянуть? Открой ящик.

Я никак не мог взять в толк, о чем она говорит, и спросил: не подозревает ли она, что кто-то хотел ее отравить?

— Нет, вовсе нет. Так ты не хочешь открыть ящик? Ты ведь такой смелый. Неужели не хочешь посмотреть?

— Я тебе верю. Если ты говоришь, что в ящике грузила, значит, так оно и есть.

— Но ты не веришь, что это я их выплюнула. Я не виню тебя. Есть предание об одной девушке, дочери охотника, которую благословил странствующий монах: когда она открывала рот, с ее губ сыпались гагатовые бусинки. А жена ее брата похитила благословение, и, когда она говорила, с

ее губ спрыгивали жабы. Я слышала эту историю, но никогда не верила.

— Но как можно выплевывать свинец? Доркас рассмеялась, однако в ее смехе не было ни тени веселья.

— Очень просто. Проще некуда. Знаешь, что я сегодня видела? Знаешь, почему не могла говорить, когда ты меня нашел? А я не могла, Северьян, клянусь тебе. Я знаю, ты решил, что я злилась и упрямилась. Но это неправда: я словно окаменела, лишилась дара речи, потому что все вокруг неожиданно показалось таким бессмысленным; я до сих пор не уверена, что в мире существует какой-нибудь смысл. Прости, что я сказала, будто в тебе нет смелости. Ты смелый, я знаю. Это только кажется, что нет, когда ты казнишь несчастных узников. Ты был так храбр, когда сражался с Агилюсом, и потом, когда собирался биться с Балдандерсом, потому что мы решили, будто он хотел убить Иоленту… Она снова замолчала, потом вздохнула.

— Ах, Северьян, я так устала!

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить, — сказал я. — Об узниках. Даже если ты не можешь меня простить, хотя бы пойми. Это моя работа, я с детства был ей научен. — Я наклонил-

ся и взял ее руку в свою; рука была хрупка, как певчая птичка.

— Ты нечто подобное уже говорил. Я все понимаю. Правда.

— И я мог делать ее хорошо, вот чего ты никак не поймешь. Пытки и казнь суть искусства, а у меня есть чутье, талант, благословенный дар. Этот меч — и все орудия, которыми мы пользуемся, — они оживают в моих руках. Останься я в Цитадели, я мог бы стать мастером. Ты слушаешь меня, Доркас? Это хоть что-нибудь для тебя значит?

— Да, — ответила она. — Да, хотя немного. Но я хочу пить. Если ты сам больше не хочешь, налей мне, пожалуйста, этого вина.

Я исполнил ее просьбу, наполнив стакан не более чем на четверть из опасения, что она прольет вино на кровать.

Она привстала, хоть я совсем не был уверен, что ей это удастся, и, проглотив последнюю алую каплю, швырнула стакан в окно. Я услышал на улице звон осколков.

— Я не хочу, чтобы ты пил после меня, — сказала она. — А ты стал бы пить, не разбей я стакан, я знаю.

— Значит, ты считаешь, что твоей странной

болезнью можно заразиться?

Она снова рассмеялась.

— Да, но ты уже заразился. От твоей матери. Смертью. Северьян, ты так и не спросил, что я сегодня видела.

11. ДЕСНИЦА ПРОШЛОГО

Как только Доркас произнесла: «Ты так и не спросил, что я сегодня видела», я вдруг понял, что все время уходил от этой темы. Мне заранее казалось, что это будет нечто совершенно бессмысленное для меня и исполненное глубокого смысла для Доркас, подобно тому как умалишенный видит в ходах червей под корой поваленных деревьев письмена потустороннего мира.

— Что бы это ни было, я думаю, тебе лучше забыть об этом.

— Безусловно, если бы только мы могли. Это было кресло.

— Кресло?

— Старое кресло. И стол, и еще другие вещи. По-моему, на улице Токарей есть лавка, где продают старую мебель эклектикам и тем автохтонам, которые достаточно приблизились к нашей культуре, чтобы интересоваться подобными вещами. Поскольку здесь негде взять мебель, чтобы удовлетворить спрос, хозяин с сыновьями два-три раза в год ездят в Нессус — в его южную часть, в заброшенные кварталы — и там нагружают свое судно. Как видишь, я разговаривала с ним; я все

узнала. Там десятки тысяч пустых домов. Некоторые давно разрушились, а некоторые до сих пор стоят, как их оставили хозяева. Большинство домов разорено, но все же в них порой находят серебро и драгоценности. И хотя мебели почти не осталось, кое-какие вещи хозяева, уезжая, бросили.

Почувствовав, что она вот-вот разрыдается, я склонился к ней и погладил по голове. Она бросила на меня взгляд, давая понять, что это ни к чему, и снова легла на кровать.

— Есть и такие, где вся обстановка сохранилась. Он сказал, что это самые лучшие дома. Он считает, что, когда квартал вымер, в нем все-таки осталось несколько семей или несколько одиноких жителей. Они были слишком стары, чтобы уехать, или слишком упрямы. Я размышляла над этим и уверена, что у многих в городе существовало что-то такое, что они не находили сил бросить. Например, чья-нибудь могила. И вот они заколотили окна, чтобы защитить дома от мародеров, а для собственной безопасности у них были собаки или еще что пострашнее. Но в конце концов удалились и они, а может, просто ушли из жизни, и их животные, пожрав трупы, вырвались на свободу; но к тому времени город

был уже пуст — не заглядывали даже грабители и старьевщики, пока не прибыл хозяин лавки с сыновьями.

— Старых кресел там, должно быть, полным-полно.

— Не таких, как это. Все в нем мне было так знакомо — форма резных ножек и даже рисунок древесины на ручках. Память оглушила меня. А потом, когда меня вырвало этими кусочками свинца, похожими на твердые жесткие семена, я все поняла. Помнишь, Северьян, как мы уходили из Ботанического сада? Ты, Агия и я — мы вышли из огромного стеклянного вивария, и ты нанял лодку, чтобы перевезти нас с острова на берег; вся речная гладь была покрыта ненюфарами — голубыми цветами с глянцевыми зелеными листьями. И семена у них точно такие — твердые, жесткие и темные; я слыхала, что они опускаются на дно Гьолла и лежат там веками до скончания света. Но стоит им случайно оказаться у поверхности, они дают ростки, даже самые старые из них, и цветы из тысячелетнего прошлого распускаются.

— Я тоже слыхал об этом, — кивнул я. — Но какое отношение это имеет к нам с тобой?

Доркас лежала неподвижно, но голос ее дро-

жал.

— Что за сила возвращает их к жизни? Ты можешь объяснить?

— Наверное, солнечный свет… хотя нет, я не могу объяснить.

— А у солнечного света нет другого источника, кроме солнца?

Теперь я понял, что у нее на уме, однако что-то во мне восстало против.

— Когда тот человек — Хильдегрин, которого мы второй раз встретили на надгробной плите в разрушенном городе, — перевозил нас через Птичье Озеро, он рассказывал о миллионах умерших людей, людей, чьи тела потонули в водах того озера. Но как же они могли утонуть, Северьян? Ведь тела легче воды. Их как-то утяжелили, но как? Я не знаю. А ты?

Я знал.

— Им в горло проталкивают свинцовую дробь.

— Я так и думала. — Ее голос был так слаб, что я едва слышал его даже в тишине маленькой комнатки. — Нет, я это знала. Поняла, когда увидела их.

— Ты думаешь, что это Коготь вернул тебя назад? Доркас кивнула.

— Нельзя не признать, что иногда он и впрямь

действует. Но только когда я достаю его, да и то не всегда. Когда ты вытащила меня из воды в Саду Непробудного Сна, он лежал у меня в ташке, и я даже не знал, что он со мной.

— Северьян, ты однажды позволил мне подержать его. Можно мне еще раз на него взглянуть?

Я вынул Коготь из мягкого мешочка и поднял вверх. Синие лучи казались сонными, однако в центре его был хорошо заметен устрашающего вида крюк, из-за которого камень и получил свое имя. Доркас протянула к нему руку, но я покачал головой, памятуя, что сталось со стаканом.

— Ты боишься, я причиню ему зло? Не беспокойся. Это было бы святотатством.

— Если ты сама веришь в то, что говоришь, а я в этом не сомневаюсь, то должна ненавидеть его за свое избавление от…

— Смерти. — Она опять уставилась в потолок и улыбнулась, словно делила с ним некую сокровенную и нелепую тайну. — Ну же, скажи это слово. Тебе оно вреда не принесет.

— От сна, — сказал я. — Ведь если возможно вывести человека из этого состояния, это не смерть — не смерть, как мы всегда понимали ее, какой она рисуется в нашем сознании при слове «смерть». Однако, признаюсь, я до сих пор с тру-

дом верю, что Миротворец, которого уже многие тысячелетия нет в живых, может воскрешать других посредством этого камня.

Доркас не отвечала. Я даже не мог поручиться, что она слушала.

— Ты вспомнила Хильдегрина, — продолжал я, — и день, когда он перевез нас через озеро, чтобы сорвать аверн. А ты помнишь, что он сказал о смерти? Что она добрый друг птицам. Возможно, нам тогда следовало уяснить, что такая смерть не может быть смертью в нашем понимании.

— Если я скажу, что поверила твоим словам, ты дашь мне подержать Коготь?

Я снова покачал головой. Доркас не смотрела на меня, но она, должно быть, видела, как качнулась моя тень, а может быть, просто ее воображаемый Северьян на потолке тоже ответил отказом.

— Ты прав. Я бы разбила его, если б смогла. Сказать, во что я действительно верю? В то, что я была мертва, — не спала, а именно была мертва. И жила я давным-давно, в доме с маленькой лавочкой, с мужем и ребенком. А этот твой Миротворец, явившийся так много лет назад, был авантюристом из древнего племени, пережившим всемирную смерть. — Ее пальцы впились в одеяло. — Ответь мне, Северьян, не назовут ли его

Новым Солнцем, когда он явится снова? Похоже, что так и будет, правда? А еще я верю, что, когда он приходил, он принес с собой нечто, имеющее над временем такую же власть, какую, говорят, зеркала Отца Инира имеют над пространством. И это твой камень.

Она замолчала и, повернув голову, дерзко взглянула на меня; поскольку я не отвечал, она продолжала:

— Ты вернул к жизни улана, и это стало возможным потому, что Коготь прокрутил для него время назад, к тому моменту, когда он был еще жив. Ты почти залечил раны своего друга, и это удалось потому, что Коготь повернул время к тому моменту, когда они должны были почти зажить. А провалившись в болото в Саду Непробудного Сна, ты, наверное, коснулся или почти коснулся меня, и для меня наступило время, когда я еще жила, вот я и ожила снова. Но до этого я была мертва. Долго, долго мертва — сморщенный труп под бурыми водами. Во мне и сейчас есть что-то мертвое.

— Во всех нас постоянно присутствует что-то мертвое, — возразил я. — Хотя бы потому, что мы знаем — в один прекрасный день мы умрем. Во всех, за исключением младенцев.

— Я хочу вернуться, Северьян. Теперь я это поняла и давно уже собираюсь втолковать тебе. Мне необходимо вернуться и выяснить, кто я, где жила и что со мной случилось. Ты, я знаю, не можешь пойти со мной…

Я кивнул.

— Я и не прошу. И даже не хочу, чтобы ты шел со мной. Я люблю тебя, но ты тоже смерть, только другая — смерть, которая была подле меня и стала мне другом, подобно той, прежней смерти в озере, но все же ты смерть. В поисках своей жизни я не хочу брать смерть в попутчики.

— Понимаю.

— Может быть, еще жив мой сын — наверное, он уже старик, но еще жив. Мне нужно это знать. — Конечно, — согласился я, но, не сдержавшись, прибавил: — А ведь было время, когда ты говорила иначе. Что я не смерть и не должен допустить, чтобы другие убедили меня в обратном. Это было за фруктовым садом, в парке Обители Абсолюта. Помнишь?

— Для меня ты всегда был смертью, — сказала она. — Или, если угодно, я попалась в ловушку, о которой предупреждала тебя. Возможно, ты не смерть, но ты останешься самим собой — мучителем и палачом, с твоих рук всегда будет капать

кровь. Ты ведь так хорошо помнишь все, что случилось тогда в Обители Абсолюта, может быть, ты… нет, не могу. Это Миротворец, или Коготь, или Предвечный учинил это надо мной. Не ты, нет. — Так в чем же дело?

— Тогда, на рассвете, доктор Талос дал нам с тобой денег. Те деньги он получил за нашу пьесу от какого-то придворного. Когда мы отправились в путь, я все отдала тебе. Можно мне взять их назад? Они мне понадобятся. Если не все, то хотя бы часть.

Я высыпал на стол все деньги из ташки. Их было столько же, сколько Доркас дала мне, или немного больше.

— Спасибо, — сказала она. — А тебе они не понадобятся?

— Тебе они нужны больше. Кроме того, это ж твои деньги.

— Я хотела бы уйти завтра, если наберусь сил. Но послезавтра уйду в любом случае. Ты, наверное, не знаешь, как часто отсюда отправляются лодки вниз по реке?

— Все зависит от твоего желания. Лодку спускают на воду, а дальше дело за рекой.

— Не в твоих привычках так говорить, Северьян. Во всяком случае, на тебя это не похоже.

Так, пожалуй, сказал бы твой друг Иона, судя по тому, как ты о нем отзывался. Кстати, ты не первый, кто зашел меня проведать. Здесь был наш Друг Гефор — твой друг, по крайней мере. Тебе не кажется это забавным? Прости, я только хотела переменить тему.

— Он получает от этого удовольствие. Получает удовольствие, глядя на меня.

— Как и тысячи других, когда ты вершишь публичную казнь. Да и ты сам.

— Они приходят испытать ужас, чтобы потом иметь возможность поздравлять себя с тем, что еще живы. А еще потому, что любят щекотать себе нервы и пребывать в напряженном неведении, не отменят ли смертный приговор и не случится ли что-нибудь непредвиденное. Я же получаю удовольствие, демонстрируя свое мастерство — это единственное, что я действительно умею, — мне нравится исполнять все с таким совершенством. Но Гефор приходит за другим.

— Увидеть боль?

— Боль, да, но и кое-что еще.

— А знаешь, ведь он готов молиться на тебя. Мы с ним долго беседовали, и я думаю, он пойдет в огонь, стоит тебе только приказать. — Наверное, я переменился в лице, потому что она добавила:

— Я вижу, тебе делается нехорошо от всех этих разговоров о Гефоре. Хватит нам и одного больного. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Тебе сейчас хуже, чем мне. Но, думая о Гефоре, я всегда вижу его таким, каким однажды видел с эшафота: рот открыт, а глаза…

Она нервно поежилась.

— Да-да, эти глаза, я видела их сегодня. Мертвые глаза, хотя, наверное, мне бы не пристало так говорить. Глаза трупа. Когда в них смотришь, кажется, что они неподвижны и сухи, как камни.

— Вовсе нет. Когда я стоял на эшафоте в Сальтусе, я глянул вниз и заметил Гефора: взгляд его беспокойно метался. Но тебе его взгляд показался безжизненным и напомнил глаза трупа. Неужели ты никогда не смотрелась в зеркало? Твои глаза не похожи на глаза мертвой.

— Наверное. — Доркас помолчала. — Когда-то ты говорил, что они прекрасны.

— Разве тебя не радует жизнь? Даже если мертв твой муж, даже если умер ребенок, и дом, в котором ты жила, превратился в груду камней, — даже если все это так, неужели для тебя не счастье снова оказаться здесь? Ты ведь не призрак, не дух, подобно тем, что мы видели в разрушенном городе. Взгляни же в зеркало. Или посмотри мне

в лицо, в лицо любого мужчины, и ты увидишь, какая ты на самом деле.

Доркас медленно села на кровати; это стоило ей больших усилий, чем когда она приподнималась выпить вина, но в этот раз она спустила ноги на пол, и я увидел, что под тонким одеялом на ней ничего нет. Кожа Иоленты до болезни была безупречна — гладкая и эластичная, как сливочный крем. Кожа Доркас была испещрена крошечными золотыми веснушками, а сама она была так худа, что я всегда чувствовал ее кости; и все же, в своем несовершенстве, она была желанней Иоленты со всеми соблазнами ее плоти. Сознавая, сколь непростительно было бы взять ее, даже просить ее отдаться мне сейчас, когда она так больна, а я вот-вот ее покину, я все же чувствовал, как растет во мне желание. Сколь сильно ни любил бы я женщину — или сколь мало, — жажда обладания особенно велика во мне тогда, когда обладание уже невозможно. Но мои чувства к Доркас были и глубже, и сложнее. Она стала, пусть на короткое время, моим самым близким другом — ближе я никогда не имел, и наша близость, от неистовой страсти в переоборудованной под жилище кладовой в Нессусе до бесконечно долгих ленивых игр в спальне Винкулы, превратилась в особое

проявление дружбы, а не только любви.

— Ты плачешь, — сказал я. — Хочешь, я уйду? Она покачала головой и, словно не в силах сдержать слова, рвущиеся наружу, прошептала:

— Пойдем вместе, Северьян! Я все не то говорила. Пойдем! Пойдем со мной!

— Не могу.

Она откинулась на узкую кровать и теперь казалась совсем маленькой, почти ребенком.

— Я знаю. У тебя долг перед гильдией. Ты не можешь снова предать ее и мучиться совестью. Я тебя и не прошу. Просто я всегда чуть-чуть надеялась, что мы могли бы уйти вместе.

Я снова покачал головой.

— Мне придется бежать из города…

— Северьян!

— На север. А ты едешь на юг, и, если я поеду с тобой, нас очень скоро настигнут скоростные суда, набитые солдатами.

— Северьян, что случилось? — Лицо Доркас было все так же бесстрастно, и только глаза широко распахнулись.

— Я освободил женщину. Мне было приказано задушить ее, а тело бросить в Ацис; я вполне мог это сделать — я не испытывал к ней никаких чувств, и все обошлось бы без последствий. Но,

оставшись с ней наедине, я вспомнил Теклу. Мы стояли в обсаженной кустами маленькой беседке у самой воды. Мои руки обнимали ее шею, а я думал о Текле — вспоминал, как хотел спасти ее. И не знал, что должен предпринять. Я не рассказывал тебе?

Доркас едва заметно покачала головой.

— Кругом были братья; если бы мы пошли кратчайшей дорогой, то наткнулись бы по меньшей мере на пятерых, знавших меня и знавших все о ней. (Где-то в дальнем уголке сознания я слышал крики Теклы.) Все, что мне нужно было сделать тогда, это сказать им, что мастер Гурло приказал мне привести ее к нему. Но в этом случае мне пришлось бы уйти вместе с нею, а я тогда еще пытался найти способ остаться в гильдии. Я просто мало ее любил.

— Теперь все в прошлом, — отвечала Доркас. — И знаешь что, Северьян? Смерть вовсе не так ужасна, как ты думаешь.

Мы поменялись ролями, словно заблудившиеся дети, по очереди утешающие друг друга.

Я пожал плечами. Призрак, проглоченный мною на пиру у Водалуса, снова разволновался. Я чувствовал, как длинные холодные пальцы проникают в мой мозг, и, хотя не мог взглянуть

внутрь собственного черепа, знал, что ее бездонные фиолетовые глаза смотрят сейчас из моих. Мне стоило немалых усилий не заговорить ее голосом.

— Как бы то ни было, я был там, в беседке, с женщиной. Наедине. Ее звали Кириака. Я знал, подозревал, по крайней мере, что ей известно местонахождение Пелерин, — она жила среди них некоторое время. Существует несколько бесшумных способов пытки, которые не требуют особых орудий, но тем не менее весьма действенны. Нужно как бы проникнуть в тело клиента и непосредственно воздействовать на его нервную систему. Я собрался было применить прием, который называется у нас «палочкой Хумбабы», но, не успел я ее коснуться, она сама мне все рассказала. Пелерины сейчас у перевала Орифии — ухаживают за ранеными. Женщина сказала, что только неделю назад получила письмо из Ордена…

12. ВНИЗ ПО ВОДОСТОКУ

Беседка могла похвастаться прочной крышей, но стенки были собраны из решеток, и высокие древовидные папоротники, посаженные у их основания, служили лучшим укрытием, чем узкие планки. Сквозь ветви пробивались лунные лучи. Больше света проникало через портал — света, преломленного о воды стремительного потока. Я видел ужас на лице Кириаки и слабую надежду на спасение, если удастся вызвать во мне хоть искру любви; я же знал, что никакой надежды для нее быть не могло, ибо я ничего не чувствовал к ней.

— В лагере Автарха, — повторила она. — Так писала Айнхильдио. В Орифии, у порогов Гьолла. Но если ты отправишься туда возвращать книгу, будь осторожен: она также писала, что где-то на севере обосновались какогены.

Я пристально посмотрел на нее, силясь определить, лжет она или говорит правду.

— Все это сообщила мне Айнхильдио. Возможно, они пожелали укрыться от зеркал Обители Абсолюта и не попадаться на глаза Автарху. Говорят, он им подчиняется, но иногда ведет себя так, словно они подвластны ему.

Я схватил ее за плечи и встряхнул.

— Ты шутишь! Автарх им подчиняется?

— Пусти! Пожалуйста, пусти…

Я выпустил ее.

— Все… О Эребус! Прости меня. — Она всхлипнула, и, хотя лежала в тени, я догадался, что она вытирает глаза и нос краем своего алого одеяния. — Все знают об этом, кроме пеонов, крестьян и их жен. Все армигеры, все оптиматы и, разумеется, экзультанты — все они всегда знали об этом. Я никогда не видела Автарха, но мне рассказывали, что он, Венценосный Наместник Нового Солнца, ростом едва выше меня. Неужели ты думаешь, что наши гордецы экзультанты терпели бы власть такого коротышки, не будь у него столько пушек?

— Я видел его, — сказал я, — и сам удивлялся. В поисках подтверждения словам Кириаки я рылся в памяти Теклы, но находил лишь сплетни.

— Расскажи мне о нем! Прошу тебя, Северьян, прежде чем… — Нет, не теперь. Но почему я должен опасаться какогенов?

— Потому что Автарх непременно вышлет своих шпионов на их поиски, и здешний архон, думаю, сделает то же самое. Всякого, кто будет обнаружен подле них, сочтут соглядатаем либо,

что еще хуже, агентом, явившимся склонить их к какому-нибудь заговору против Трона Феникса.

— Понимаю.

— Не убивай меня, Северьян. Умоляю тебя. Я не порядочная женщина — никогда не была порядочной с тех пор, как ушла от Пелерин, но я не готова встретить смерть прямо сейчас.

— Но что ты совершила? — спросил я ее. — Почему Абдиес приказал тебя убить? Ты знаешь?

Как просто задушить человека с такой слабой шеей, а я уже разминал руки, готовясь исполнить поручение; но в то же время я сожалел, что мне не дозволено употребить в дело «Терминус Эст».

— Я просто любила слишком многих мужчин, слишком многих — но только не моего мужа.

И словно воспоминания о тех объятиях проснулись в ней, она встала и приблизилась ко мне. Луна снова осветила ее лицо; в ее глазах стояли слезы.

— Он был жесток, так жесток со мной после свадьбы… вот я и взяла любовника, чтобы только досадить ему… а потом еще одного… (Ее голос звучал все тише, пока не стал едва уловим.) И наконец менять любовников вошло у меня в привычку, помогало остановить время и доказать себе, что жизнь еще не утекла сквозь пальцы,

что я еще достаточно молода, чтобы мужчины дарили подарки и играли моими волосами. Разве не для того я ушла от Пелерин? — Она умолкла и, кажется, собиралась с духом. — Ты знаешь, сколько мне лет? Я говорила тебе?

— Нет.

— Тогда и не скажу. Но еще немного, и я могла бы быть твоей матерью. Если бы зачала в течение года или двух с того момента, как это стало возможным. Мы были далеко на юге, где великие льды, отливающие то белизной, то синевой, покоятся на черных морских водах. Там находился небольшой холм, где я частенько стояла и смотрела вокруг; я мечтала одеться потеплее и пуститься в путь на льдине, взяв с собой еду и певчую птичку, — правда, ее у меня никогда не было, но очень хотелось иметь, — и так бы я плыла на своем ледяном острове на север, к другому острову, где растут пальмы и где я нашла бы руины замка, построенного на заре жизни. Наверное, и ты бы тогда родился — пока я жила одна на льдине. Разве не может ребенок, которого я себе придумала, родиться во время столь же фантастического странствия? Ты бы рос, ловил рыбу и купался в воде, теплой, как молоко.

— Ни одна женщина не может быть убита за

неверность — только собственным мужем, — сказал я.

Кириака вздохнула, и вместе со вздохом отлетели и ее мечты.

— Из здешних армигеров он один из немногих, кто поддерживает архона. Прочие же неповиновением, степень которого зависит от личной дерзости каждого, и разжиганием беспорядков среди эклектиков надеются убедить Автарха сместить его. Но я выставила своего мужа на посмешище, а вместе с ним — его друзей и архона.

Благодаря присутствию во мне Теклы я увидал загородный дом, напоминавший одновременно и особняк, и крепость, со множеством комнат, которые за двести лет не претерпели сколь-нибудь заметных изменений. Я слышал хихиканье дам и тяжелую поступь охотников, призывный звук рога и басовитый лай гончих. Это был мир, в котором Текла надеялась обрести убежище; и я пожалел женщину, силой загнанную в это убежище и не видавшую ничего за его пределами.

Подобно тому как кабинет Инквизитора из пьесы доктора Талоса с его верховным судом прятался в нижних этажах Обители Абсолюта, так каждый из нас таит в самых грязных закоулках сознания прилавок, за которым надеется

рассчитаться с долгами прошлого обесцененной монетой настоящего. За этим прилавком я и предложил жизнь Кириаки в уплату за Теклу.

Когда я вывел ее из беседки, она, конечно, решила, что я намерен убить ее у воды. Вместо этого я показал ей на реку.

— До впадения в Гьолл она течет довольно быстро; Гьолл, Уже медленнее, несет свои воды к Нессусу, а потом впадает в южное море. Найти беглеца в лабиринтах Нессуса невозможно, если он сам того не захочет, потому что там бессчетное число улочек, двориков, построек и постоянно мелькают самые разные лица из самых разных стран. Решишься ли ты отправиться туда немедленно, в этой одежде, без друзей и без денег?

Она кивнула, прикрывая горло побелевшей рукой.

— Кордона для судов у Капулюса пока нет: Абдиес знает, что до середины лета ему можно не опасаться нападения отсюда — против течения никто не пойдет. Однако тебе придется проплывать под арками, и ты рискуешь утонуть. И даже если ты попадешь в Нессус, ты будешь вынуждена сама зарабатывать себе на хлеб — наймешься прачкой или кухаркой.

— Я умею шить и причесывать. Северьян, я

слыхала, что иногда, в качестве последней и самой ужасной пытки, ты обещаешь осужденной освободить ее. Если в этом истинный смысл твоих слов, умоляю тебя, замолчи. Ты и так далеко зашел. Довольно.

— Так поступают калуеры и прочие храмовые служители. Нам же ни один клиент не поверит. Я только хочу знать наверняка, что ты не совершишь какой-нибудь глупости — не вернешься домой и не станешь просить архона о помиловании.

— Я действительно глупа, — сказала Кириака, — но не настолько. На такое безумство даже я не способна. Клянусь.

Мы двинулись вдоль реки и вышли к лестнице, где гостей архона приветствовали стражники и швартовались пестро украшенные прогулочные лодки. Я предупредил одного из солдат, что мы хотим покататься, и осведомился, возможно ли будет нанять гребцов, чтобы потом поднять нас вверх по течению. Он ответил, что лодку можно оставить у Капулюса и вернуться назад в фиакре. Когда он отвернулся, чтобы продолжить разговор с товарищем, я притворился, будто осматриваю лодки, и откинул носовой канат у той, что находилась дальше всех от сторожевого поста…

— Итак, — сказала Доркас, — ты бежишь на север, а я забрала у тебя все деньги.

— Много мне не требуется, а заработать я сумею.

Я поднялся.

— Возьми назад хотя бы половину, — упрашивала она и, когда я покачал головой, прибавила: — Тогда возьми два хризоса. Если будет совсем невмоготу, я могу продавать себя или воровать.

— Если будешь воровать, тебе отрубят руку. Лучше уж я буду рубить руки, зарабатывая на пропитание, чем ты лишишься своих за кусок хлеба.

Я шагнул к двери, но она соскочила с кровати и вцепилась в мой плащ.

— Будь осторожен, Северьян. По городу бродит какое-то чудовище, Гефор назвал его саламандрой. Чем бы оно ни было на самом деле, оно сжигает своих жертв.

Я ответил, что больше саламандры мне следует остерегаться солдат архона, и вышел, не дожидаясь, пока она скажет еще что-нибудь. Однако, взбираясь по узкой улочке западной части города, которая, как уверял владелец лодки, вела к вершине скалы, я задумался, не разумнее ли больше опасаться горного холода и диких зверей,

чем солдат и чудовища. Думал я и о Гефоре — как ему удалось зайти следом за мной так далеко на север и зачем он вообще за мной шел? Но больше всего я думал о Доркас — чем она была для меня и чем был для нее я? Немало воды утечет, прежде чем я снова — может быть! — смогу хотя бы увидеть ее, а смутное предчувствие встречи во мне все же осталось. Совсем как в тот раз, когда я впервые уходил из Цитадели и надвинул капюшон, чтобы скрыть от прохожих улыбку, так и сейчас я спрятал лицо, чтобы скрыть бегущие по щекам слезы.

Резервуар, из которого в Винкулу доставлялась вода, мне приходилось видеть дважды, но то было днем, а теперь стояла ночь. Днем он казался маленьким — квадратный бассейн площадью не больше основания жилого дома и не глубже могилы. Но при тусклом свете луны он казался настоящим озером, глубоким, как цистерна под Колокольной Башней.

От него до стены, оборонявшей западную границу Тракса, было не более ста шагов.

Над стеной возвышались башни — одна из них совсем рядом с резервуаром, и, несомненно, к этому времени гарнизоны уже получили приказ задержать меня, если я попытаюсь бежать из

города. Пробираясь вдоль скалы, я то и дело замечал стражников, совершавших обход стены; их копий во мраке не было видно, но увенчанные гребнями шлемы были заметны при свете звезд, а иногда и слабо отражали его.

Я припал к земле, глядя сверху на город и надеясь, что мой угольно-черный плащ скроет меня от их глаз. Решетки на арках Капулюса были приспущены; до меня доносился рев бьющегося о них Ациса. Сомнений быть не могло: Кириаку задержали либо, что более вероятно, просто заметили и доложили архону. Абдиес, конечно, мог поднять на ноги всю страну и послать за ней, но это мало вероятно; скорее всего он позволит ей ускользнуть, таким образом, не привлекая к ней внимания. Но меня он, несомненно, попытается арестовать, если сможет, и казнит как предателя его законов — кем я на самом деле и был.

Я перевел взгляд с одних вод на другие — со стремительного потока Ациса на неподвижную гладь резервуара. Пароль, открывающий ворота шлюза, был мне известен, и я применил его. Древний механизм со скрежетом отомкнулся, словно под напором мускулов рабов, и неподвижные воды хлынули вниз, хлынули стремительней яростного Ациса у подножия Капулюса. Глубоко

под землей узники услышат их рев, и те, кто ближе всех к выходному отверстию желоба, увидят белую пену потока. Через мгновение те, кто стоит, окажутся по щиколотку в воде, а те, кто спал, будут с трудом подниматься на ноги. Еще миг — и вода дойдет им до пояса; но каждый прикован к своему месту, и те, кто посильней, будут поддерживать слабых — никто, я надеялся, не захлебнется. Стражники при входе оставят посты и поспешат вверх по крутым коридорам на скалу посмотреть, кто посмел тронуть резервуар.

Когда исчезла последняя капля, я услыхал стук камней, срывавшихся из-под ног. Я снова закрыл ворота шлюза и пополз вниз по скользкой почти вертикальной трубе, в которую только что ушла вода. Я продвигался бы с куда большей легкостью, не будь со мной «Терминус Эст». Упереться спиной в стенку извилистой, похожей на дымоход трубы можно было, только отстегнув его; но, чтобы удержаться, мне нужны были обе руки, нести меч я не мог. Поэтому я просунул голову в перевязь, позволив лезвию и ножнам свободно свисать вдоль тела, и весь путь, как мог, боролся с его тяжестью, удерживая равновесие. Дважды я срывался, но каждый раз меня спасал поворот во все сужающемся водостоке. И вот наконец,

когда прошла целая вечность и я был уверен, что стражники вернулись, я увидел красные огни факелов и достал Коготь.

Он засиял так ярко, что я чуть не остолбенел. Камень источал ослепительный свет, и, неся его над головой по длинному подземелью Винкулы, я дивился, как моя рука до сих пор не обратилась в пепел. Думаю, ни один узник не видел меня. Коготь околдовал их, как фонарь в ночном лесу зачаровывает оленя; они стояли недвижимы, разинув рты и подняв головы, я видел их измученные, поросшие бородами лица; их тени были четко обрисованы, словно вырезанные из металла, и черны как уголь.

В самом конце подземелья, где вода вытекала в длинный наклонный желоб, который выводил ее за Капулюс, содержались самые слабые и больные узники; именно там я яснее всего увидел, какою силой их одаривал Коготь. Мужчины и женщины, которых самые старые стражники не помнили здоровыми, теперь смотрелись сильными и стройными людьми. Я помахал им рукой, но никто из них, кажется, не заметил моего приветствия. Потом я спрятал Коготь Миротворца в мешочек, и мы окунулись в ночь, по сравнению с которой ночь на поверхности Урса показалась

бы ясным днем.

Поток воды хорошо прочистил сток, и при спуске я испытывал меньше неудобств, чем раньше в трубе, потому что, хотя спуск и был более узким, он оказался очень покатым, и я мог быстро ползти головой вперед. В самом низу находилась решетка; но, как я заметил во время одного из обходов, она вся насквозь проржавела.

13. В ГОРАХ

Серыми утренними сумерками я выбрался за пределы Капулюса. Весна уже миновала, и наступило лето, но даже в это время года высоко в горах не бывает тепла, только в полуденный час, когда солнце в зените. Однако я не осмелился спуститься в долину, где частые деревушки теснились одна к другой; весь день я шел вверх, в горы, перекинув через плечо плащ, чтобы он был похож на одеяние эклектика, а не палача. Я также отделил рукоять «Терминус Эст» от лезвия, а потом собрал меч снова, но уже без гарды эфеса, дабы, вложенный в ножны, он на расстоянии походил на посох.

К полудню у меня под ногами уже были одни камни, и дорога стала такой неровной, что я не столько шел, сколько карабкался вверх. Дважды я замечал далеко внизу блеск доспехов и, присмотревшись, видел небольшие отряды димархиев, галопом скачущих по горным тропинкам, по которым большинство людей предпочли бы идти пешком; их алые форменные плащи пышно развевались у них за спинами. Съедобных растений я не находил, дичь мне тоже не попадалась, кро-

ме парящих высоко в небе хищных птиц. Но даже если бы я и обнаружил дичь, мне все равно не удалось бы добыть ее, ведь, кроме меча, никакого оружия у меня не было.

Все это звучит довольно плачевно, однако, по правде говоря, я был сражен великолепием горных пейзажей, безбрежным царством воздушной стихии. Мы, как дети, не способны оценить природу, ибо, не имея в воображении соответствующих картинок с сопутствующими им переживаниями и ситуациями, мы не находим в душе подобающего ей глубокого отклика. Я смотрел на увенчанные облаками вершины, а перед моим взором возникал Нессус, каким я видел его с выступа Башни Сообразности, и Тракс, каким он предстал передо мной с зубчатой стены Замка Копья, и в ничтожестве своем я был бы рад от счастья лишиться сознания.

Ночь я провел, прижавшись головой к скале с подветренной стороны. Я ничего не ел с тех пор, как в последний раз побывал в Винкуле, чтобы переодеться, и мне казалось, что с тех пор прошло много недель, даже лет. В действительности всего несколько месяцев назад я тайком принес несчастной Текле ржавый кухонный нож и видел, как из-под двери ее камеры робко вилась

багровая змейка — тонкая струйка ее крови.

Камень, по крайней мере, я выбрал правильно. Он служил хорошей преградой ветру, и я чувствовал себя так, словно прилег отдохнуть в ледяной пещере с ее неподвижным холодным воздухом. Шаг или два в сторону — и я оказался бы на пронизывающем ветру, и одного мига на морозе хватило бы, чтобы я продрогло костей.

Я проспал около стражи без всяких сновидений, давно оставивших меня, потом проснулся с ощущением — которое само по себе не сон, а некое ни на чем не основанное знание или псевдознание, посещающее нас в минуты усталости и смятения, — что надо мной склонился Гефор. Я чувствовал на лице его дыхание — ледяное и зловонное; его глаза, отнюдь не безжизненные, пронзали мои, словно два кинжала. Сбросив остатки сна, я увидел, что светящиеся точки, которые я принял за его зрачки, на самом деле были двумя звездами, и чистый разреженный воздух не скрадывал ни их величины, ни яркости.

Я попытался заснуть снова, закрыл глаза и стал призывать воспоминания о самых теплых и приятных местах, какие знал: о квартирке в нашей башне, которую получил, став подмастерьем. После ученического дортуара она казалась

настоящим дворцом: там имелись мягкие одеяла и можно было посидеть в уединении. Я думал о кровати, которую мне однажды пришлось разделить с Балдандерсом, горячей, как печка, от его широкой спины; о жилище Теклы в Обители Абсолюта; об уютной комнате в Сальтусе, где мы останавливались с Ионой.

Ничто не помогало. Уснуть я не мог, а двигаться дальше не осмеливался, боясь в темноте свалиться в пропасть. Остаток ночи я провел, глядя на звезды; впервые в жизни я по-настоящему постиг величественную красоту созвездий, о которых рассказывал нам мастер Мальрубиус, когда я был самым младшим из учеников. Как странно, что небо, днем являющее собой неподвижную поверхность, по которой летят облака, ночью преображается в пространство для полета самого Урса, и мы чувствуем под ногами его вращение, как моряки чувствуют наступление прилива. Той ночью ощущение его неизменного кругового хода было так сильно, что у меня помутилось в голове.

Столь же неотвязным было и другое чувство: небо — это бездонная яма, в которую вселенная может рухнуть навсегда. Я слышал от людей, что, если глядеть на звезды слишком долго, человека

может охватить страх быть утянутым прочь. Мой собственный страх — а мне действительно было страшно — был навеян не далекими светилами, но зияющей бездной; и временами на меня накатывал такой ужас, что я хватался онемевшими от холода пальцами за камень. Мне казалось, что я вот-вот упаду с Урса. Подобные чувства в той или иной степени присущи, несомненно, каждому человеку, поскольку считается, что нигде нет достаточно мягкого климата, чтобы люди могли спокойно спать в домах без крыши.

Я уже описал свое пробуждение и владевшую мной уверенность, что Гефор пристально смотрит мне в лицо (возникшую, видимо, оттого, что я много думал о Гефоре после разговора с Доркас), и как, открыв глаза, я обнаружил, что от его облика остались лишь две яркие звезды. Так же было со мною, когда я на первых порах пытался различить созвездия, о которых не раз читал, имея лишь смутное представление о той части неба, где каждое из них следовало искать. Поначалу звезды казались мне скоплением огней, беспорядочным, но прекрасным, как искры, взлетающие ввысь от костра. Вскоре я, разумеется, разглядел, что некоторые из них сияют ярче прочих, и цветом они отнюдь не сходны. И вот, когда я уже

довольно долго смотрел на них, произошло нечто неожиданное: очертания одного из звездных скоплений проступили так же явственно, как если бы некую птицу осыпали бриллиантовой пылью. Через миг видение исчезло, но вскоре вернулось, явив новые контуры, иные из которых соответствовали известным мне созвездиям, прочие же, боюсь, были порождены собственным моим воображением. Амфисбена, или змея, имеющая по обе стороны туловища по голове, была особенно хорошо различима.

Когда моему взору открылось это царство животных-небожителей, я исполнился священного благоговения перед их красотой. Когда же они стали так навязчиво отчетливы (а это произошло очень быстро), что разогнать их усилием воли я уже не мог, меня охватил страх перед ними, тот же страх, какой я испытывал перед первозданным хаосом, над которым они кишели; но, в отличие от последнего, это не был инстинктивный, животный страх — скорее философский ужас перед пространством, которое пылающие светила грубо размалевали картинками зверей и монстров.

Покрыв голову плащом, чтобы не лишиться рассудка, я погрузился в размышления о мирах,

окружающих эти светила. Все мы знаем, что они существуют. Многие представляют собой бесконечные каменные равнины, иные покрыты льдом, а некоторые — шлаковыми горами со стекающими по ним потоками лавы, таков, как утверждают, Абаддон. Но многие другие, будучи более благоприятными для жизни мирами, населены или выходцами из человеческого рода, или же, по крайней мере, существами, не особенно отличными от нас. Мое детское воображение рисовало зеленые небеса, синие травы и прочую экзотику, которая всегда лезет в голову, когда пытаешься постичь миры за пределами Урса. Но со временем мои ребяческие фантазии утомили меня, и я стал размышлять о совершенно иных, чем существуют у нас, цивилизациях и понятиях, о мирах, где все люди, зная, что произошли от одной-единственной пары колонистов, живут как братья и сестры. То были миры, где нет звонкой монеты, зато есть достоинство, и каждый трудится для того, чтобы получить право мысленно ставить себя рядом с теми, кто спасал общество; миры, где завершилась долгая война между человечеством и дикими тварями. За этими раздумьями последовали сотни других — например, как могло бы вершиться правосудие

в обществе, где царит всеобщая любовь; как нищий, сохранивший лишь обличье человека, мог бы просить в качестве милостыни человеческое достоинство; и как люди будут добывать одежду и пропитание, не чиня насилия над животными.

Когда я, еще мальчишкой, впервые узнал, что зеленый кружок луны — это на самом деле что-то вроде острова, зависшего в небе, а зелень — это леса, населенные в незапамятные времена первыми отпрысками рода человеческого, я вознамерился отправиться туда, мечтал повидать все миры вселенной, открывшиеся моему уму. Я оставил эти мечты, как полагал, вместе с детством, когда узнал, что только люди, положение которых в обществе представлялось мне недосягаемо высоким, имели возможность покинуть Урс.

Теперь прежние устремления вспыхнули с новой силой, и, какими бы нелепыми они ни казались спустя столько лет (ибо скорее малыш-ученик мог вознестись к звездам, чем затравленный изгнанник, каким я стал теперь), время лишь укрепило и закалило их во мне — ведь я уже успел изведать тщетность всякой попытки обуздать тягу к возможному. Я был твердо уверен, что отправлюсь туда. Всю оставшуюся жизнь я

посвящу бдительному ожиданию любой, даже самой малой возможности. Однажды я уже оказался перед зеркалами Отца Инира; тогда Иона, будучи безусловно мудрее меня, не колеблясь, кинулся в поток фотонов. Кто сказал, что я снова не предстану перед теми зеркалами?

С мыслью о них я сорвал плащ с головы, исполненный решимости взглянуть на звезды еще раз, и увидел, что солнце прорезало лучами небо над горными пиками и звезды, потускнев, лишились всего своего величия. Титаны, чьи неясные лица смотрели на меня с высоты, оказались лишь давно почившими правителями Урса, ветхими стариками с ввалившимися, обвислыми щеками.

Я встал и потянулся. Было ясно, что еще один день без еды я не выдержу и тем более не выдержу еще одну ночь без иного укрытия, кроме собственного плаща. Поэтому, все еще не решаясь спуститься в населенную людьми долину, я свернул к высокому лесу, который заметил под собой на склонах.

Дорога отняла у меня все утро. Когда же я наконец подошел к лесу и очутился среди авангарда из карликовых березок, я увидел, что, хотя склон здесь был круче, чем я предполагал, в самом

лесу деревья росли очень высокие, особенно в гуще, где почва была поровнее и, следовательно, побогаче: там они стояли так близко друг к другу, что просветы между стволами казались едва ли шире самих стволов. Конечно, это были не те покинутые нами тропические джунгли южного побережья Цефисса с глянцеволистной растительностью. То был косматый, ветвистый хвойный лес, деревья по большей части прямые и рослые, но, несмотря на высоту и мощь, они словно стремились отшатнуться от отбрасываемой горою тени, а каждое четвертое было изранено в битве с ветром и молнией.

Я спустился к лесу в надежде встретить дровосеков или охотников и просить их оказать мне гостеприимство; которым, по искреннему убеждению горожан, дети природы одаривают всякого встречного. Мне пришлось надолго разочароваться в своих чаяниях. Я то и дело останавливался и прислушивался, не стучит ли где топор, не залают ли собаки. Кругом стояла тишина, и, хотя дров здесь можно было заготовить сколько угодно, я не встречал никаких следов порубки.

Наконец я набрел на петлявший между деревьями ручеек с холодной как лед водой; с берегов в него смотрелись нежные низкорослые папо-

ротники и тонкие, как волосы, травы. Я напился и с полстражи шел вниз по берегу мимо игрушечных водопадиков и запруд и, подобно людям всех поколений минувших бесчисленных тысячелетий, с восторженным удивлением наблюдал, как ручей постепенно ширился, хоть я и не видел, чтобы он вбирал в себя чужие воды. В конце концов он так разбух, что сами деревья оказались в опасности; впереди я заметил ствол одного из них, которому течение подмыло корни, толщиной по меньшей мере в четыре локтя, лежащий поперек ручья. Я приблизился без особых предосторожностей, ибо не слышал характерных звуков, (которые могли бы предупредить меня об опасности, ухватился за большой сук и вскочил на ствол. Я чуть не упал в воздушную бездну. Зубчатая стена Замка Копья, с которой я смотрел на оцепенелую Доркас, казалась обычной балюстрадой в сравнении с этой высотой. Стена Нессуса была, несомненно, единственным творением рук человеческих, способным поспорить с ней. Ручей бесшумно падал в пропасть, где рассеивался на тончайшие водные пылинки и падал радужным полукружьем. Деревья внизу стояли, словно игрушки, которые любящий отец смастерил для (баловня-сына, за лесом начиналась лужайка, а

у самых деревьев я приметил домик величиной с наперсток и белый дымок над ним, вьющийся вверх, чтобы раствориться в пустоте, — призрак ручья, который лентой кружил по лесу, а потом падал со скалы и исчезал в небытии. Прыгнув на ствол упавшего дерева, которое само вполовину нависало над обрывом, я по инерции чуть не перелетел через него и, таким образом, едва не спустился со скалы самым незатейливым способом. Когда же я обрел равновесие, я понял, что спуститься почти невозможно. Насколько хватало зрение, скала была абсолютно отвесной; будь у меня веревка, я, возможно, и полез бы вниз и тогда добрался бы до домика (задолго до наступления ночи. Но ничего подходящего у меня, (разумеется, не было, да я скорее всего и не доверился бы веревке такой неимоверной длины. Некоторое время я исследовал вершину скалы и в конце (концов обнаружил тропинку, которой, несмотря на опасную крутизну и узость, явно пользовались. Не стану воспроизводить подробности спуска, поскольку он имеет очень мало отношения к повествованию, хотя, как это легко представить, (потребовал от меня полной самоотдачи. Скоро я приноровился сосредоточивать внимание только на тропинке и поверхности

скалы, к которой поворачивался то правым, то левым боком, потому что тропинка была очень извилистой. Большая ее часть представляла собой крутой спуск шириной в кубит или несколько меньше. Время от времени она сменялась рядом выбитых в живой породе ступеней, а один отрезок ее был просто чередой углублений для рук и ступеней, и я лез, как по стремянке. Если судить непредвзято, то эти выбоины были куда удобней, чем трещины, за которые в темноте мне приходилось цепляться в устье шахты обезьянолюдей, и, разумеется, сейчас я мог не бояться арбалетных стрел, свистевших у моего уха; но страшнее была сама головокружительная высота, в сотни раз превышавшая глубину шахты. Наверное, именно потому, что мне приходилось прилагать максимум усилий, чтобы не обращать внимания на обрыв с противоположной стороны скалы, в мое сознание вошло острое ощущение гигантского планетного разлома, вниз по которому я карабкался. В стародавние времена, как говорилось в одном из текстов, заданных мне мастером Палаэмоном, сердце Урса еще билось, и пульсация этого живого ядра фонтанами взрывало равнины, за одну ночь вскрывала моря, кроша континенты на острова так, что солнце поутру

не узнавало мир. Теперь, говорят, Урс мертв; он остывает и съеживается под своей каменной оболочкой, подобно трупу древнего старика из заброшенного города, о котором рассказывала Доркас; окутанный неподвижным сухим воздухом, он превращается в мумию, пока его покровы не падут. Вот что, по слухам, происходит с Урсом; а в этом месте от скалы оторвалась добрая половина и рухнула вниз на целую лигу.

14. В ДОМЕ ВДОВЫ

В Сальтусе, где мы с Ионой останавливались на несколько дней и где я исполнил второе и третье усекновение головы в своей карьере, рудокопы достают из земли металлы, камни для строительства и даже артефакты, захороненные цивилизации, о которых еще за тысячи лет до возведения Стены в Нессусе никто не помнил. Они прорубают в склонах гор узкие шахты, пока не натыкаются на богатый захоронениями пласт или (если расположение тоннеля окажется удачным) на частично сохранившееся сооружение, которое служит им уже готовым проходом.

То, что стоило им такого труда в Сальтусе, на скале, по которой я спускался, могло быть достигнуто без особых усилий. Прошлое восставало у моего плеча, нагое и беззащитное, как все отжившее, словно упавшая гора явила миру само время. Кое-где наружу торчали скелеты могучих ископаемых животных и человеческие кости. Лес также оставил здесь своих мертвецов — пни и ветви, обращенные временем в камни, и я, спускаясь, вопрошал себя, действительно ли мы правы, предполагая, что Урс старше своих

детей — деревьев, и представлял, как они растут в пустом пространстве перед солнечным ликом, прижимаясь друг к другу, сплетаясь кронами, свободно опустив корни, и как потом их скопление стало нашим Урсом, а сами они — только ворсом на его одеянии.

Еще глубже залегали созданные человечеством постройки и механизмы. (Вполне возможно, там были и творения иных рас, ибо в некоторых главах моей коричневой книги косвенным образом говорится, что раньше здесь обитали колонии существ, которых мы называем какогенами, хотя состоят они из великого множества племен, столь же отличающихся одно от другого, как и от нас.) Я видел и металлы, цвета которых можно было определить как зеленый и синий — в том смысле, в каком мы называем медь красной, а серебро белым; эти цветные металлы имели столь причудливые формы, что я недоумевал, не произведения ли это искусства, не части ли неведомых машин; и очень может быть, что между некоторыми из тех неизвестных народов не существует никаких различий.

Когда я преодолел чуть больше половины пути, линия сдвига породы совпала с облицованной плитами стеной какого-то большого дома, и

моя извилистая тропа прорезала ее поперек. Рисунка, в который складывались эти плиты, я так и не разгадал: при спуске я находился слишком близко к скале, а когда наконец достиг ее подножия, стена оказалась чересчур высоко и, кроме того, была скрыта за дрожащим туманом падающих брызг. Пока я был в пути, я видел этот рисунок, как насекомое могло бы видеть лицо на портрете, по которому ползет. Плиты были разнообразных форм, хотя и прилегали друг к другу очень плотно, и поначалу я принял их за изображения птиц, ящериц, рыб и прочих тварей — звеньев единой жизненной цепи. Теперь мне кажется, что я ошибался, и плиты были некими геометрическими формами, содержания которых я так и не понял, диаграммами столь сложными, что в них проступали очертания одушевленных существ, подобно тому как формы существующих животных проступают в замысловатой структуре сложных молекул.

Как бы то ни было на самом деле, формы этих плит не связывались у меня в цельную картину или схему. Они были испещрены разноцветными линиями, словно их обжигали много эр назад, но в то же время так ярки и своеобычны, что казалось — их только что расписала кисть художника-

титана. Цвета были, по большей части, белый и оттенки берилла, но, сколько бы я ни останавливался, сколько бы ни пытался понять, что же там изображено (письмена, лица, узор из черточек и углов или орнамент из переплетенных листьев), я ничего не мог разобрать. Вероятно, там можно было увидеть все, что угодно, или не увидеть ничего — в зависимости от того, где стоит зритель, а также от пристрастий последнего.

Когда загадочная стена осталась позади, спускаться стало намного легче. Мне больше не приходилось карабкаться вниз по отвесному склону, и, хотя предстояло преодолеть еще несколько ступенчатых отрезков, путь уже не был так узок и крут, как прежде. Я и не заметил, как достиг подножия, и теперь с изумлением смотрел на свою тропинку, словно моя нога никогда не ступала по ней, — и действительно, некоторые участки оказались разрушенными из-за обвалов, отколовших от горы целые куски, и на вид совершенно непроходимыми.

Домик, который я заметил сверху, теперь был скрыт за деревьями, однако дым из его трубы четко виднелся на фоне неба. Я двинулся через лес, гораздо более пологий, чем тот, где протекал ручей. Темноствольные деревья, пожалуй, казались

несколько старше. Огромные южные папоротники мне не попадались, да я и не встречал их нигде севернее Обители Абсолюта, разве что в садах Абдиеса, где их специально выращивали. Зато здесь у корней деревьев росли лесные фиалки с глянцевитыми листьями и цветами, живо напомнившими мне глаза несчастной Теклы, и мхи, подобные богатейшему зеленому бархату, ковром застелившие землю и укутавшие стволы дорогой тканью.

Прежде чем я увидел домик или иное свидетельство присутствия людей, до меня донесся собачий лай. Тишина и очарование леса мгновенно рассеялись — не полностью, но непосредственность созерцания уже была утрачена. Я почувствовал, как некая тайная жизнь, древняя и чуждая мне, но в то же время благосклонная, уже собиравшаяся поведать мне свое сокровенное знание, в последний момент отступила, словно выдающийся мастер, например, музыкант, которого я многие годы тщился привлечь в свой дом и который в конце концов пришел, но, постучав, услыхал голос другого гостя, неприятного ему человека, опустил руку, повернулся и удалился, чтобы никогда больше не возвращаться. И все-таки какое облегчение я испытал! Два долгих дня я

был совершенно один, сначала — на изрезанных трещинами каменных пространствах, потом — среди холодного великолепия звезд, а после — под баюкающим дыханием древнего леса. Теперь же этот резкий знакомый звук напомнил мне об уюте человеческого жилища — не просто напомнил, но заставил вообразить его так живо, словно я уже был там. Еще не видя пса, я уже знал, что он будет похож на Трискеля; так и вышло: правда, у него было четыре лапы вместо трех, узкий, слегка вытянутый череп и окрас темно-палевый, а не львиный, но зато знакомые живые глаза, виляющий хвост и свисающий из пасти язык. Сначала пес принял боевую стойку, но я заговорил с ним, и война не состоялась. Через двадцать шагов мне уже было позволено почесать его за ухом. Когда я вышел на поляну к домику, пес, играя, прыгал вокруг меня. Каменные стены домика были едва выше моего роста. Такой крутой соломенной крыши я еще не видал; плоские камни удерживали солому, чтобы ее не сдуло горным ветром. Короче, это был дом одного из крестьян-первопроходцев — гордости и отчаяния нашего Содружества: они могли целый год кормить население Нессуса излишками своего продукта, но потом их самих приходилось кормить, чтобы не умерли с голоду.

Если к дому не ведет мощеная дорожка, то по траве на топтанной земле можно определить, часто ли по ней ступает нога человека. Здесь же я заметил лишь маленький, не больше косынки, квадрат обнаженной земли у самого крыльца. Я решил, что обитатель этой хижины (одиночка — судя по моим наблюдениям) может испугаться, если я появлюсь в дверях без предупреждения; пес давно перестал лаять, и потому я, остановившись на краю поляны, громко выкрикнул приветствие.

Звук моего голоса затерялся в небе и среди деревьев, и опять воцарилась тишина.

Я крикнул еще раз и в сопровождении пса направился к дому. Только я приблизился, в дверях появилась женщина. У нее было нежное лицо с тонкими чертами, красивое, если бы не затравленный взгляд, но платье такое потрепанное, что отличалось от нищенского только чистотой. Вскоре из-за ее юбки выглянул круглолицый мальчик с огромными, больше, чем у матери, глазами.

— Прости, я не хотел пугать тебя, — сказал я. — Я заблудился в горах.

Женщина кивнула и, поколебавшись, шагнула назад, пропуская меня в дом. За толстыми

стенами жилище оказалось еще меньше, чем я предполагал; над очагом был подвешен за крючок котел, из которого шел густой запах овощного супа. Окон было мало, их размеры невелики, а сидели они так глубоко в стенах, что казались скорее средоточиями тени, чем источниками света. На шкуре пантеры, повернувшись спиной к очагу, сидел старик; взгляд его был не рассеян, не бессмыслен, и я сначала решил, что он слеп. Посреди комнаты стоял стол с пятью стульями, два из которых были детскими. Я вспомнил, как Доркас рассказывала мне, что мебель из заброшенных домов Нессуса вывозится на север для продажи эклектикам, усвоившим более высокую культуру, однако предметы обстановки в этом доме явно были изготовлены на месте.

Женщина проследила за моим взглядом и сказала:

— Скоро придет мой муж. К ужину.

— Не волнуйся, — успокоил я ее, — я не причиню вам зла. Если мне будет позволено разделить с вами трапезу и укрыться на ночь от холода, если утром вы укажете мне дорогу, я с радостью выполню для вас любую работу.

Женщина кивнула, и вдруг раздался тонкий голосок мальчика:

— Ты видел Северу?

Мать тут же набросилась на него, да так стремительно, что я не мог не вспомнить мастера Гурло, демонстрирующего захваты для усмирения узников. Я и увидеть не успел подзатыльника, только услышал шлепок и визг мальчишки. Мать (загородила собою дверь, а он спрятался в дальний угол за сундук. Я догадался — и тогда был уверен в своей правоте, — что Севера — это девочка или женщина, которую она считает слабее себя и потому отослала (скорее всего на чердак, под крышу), прежде чем впустить меня в дом. Я заключил, что продолжать уверять эту женщину в моих добрых намерениях бесполезно, ибо она, несмотря на невежество, была далеко не глупа, и заслужить ее доверие можно было лишь делом. Для начала я попросил у нее воды умыться и сказал, что буду рад сам принести воду из источника, если мне разрешат согреть ее над очагом. Женщина дала мне котел и показала, где найти родник.

За свою жизнь я успел побывать во многих местах, которые принято считать романтическими: на вершинах высоких башен, в самых глубоких недрах Урса, во дворах, в лесных дебрях, на корабле, — но нигде я не чувствовал того волнения,

какое охватило меня в этой бедной каменной хижине. Я видел в ней архетип тех пещер, в которые, как уверяют ученые, (человечество всегда забивается в конце каждого витка цивилизации. Всякий раз, как мне приходилось читать или слышать об идиллическом сельском уголке (образ, столь любимый Теплой), он не мыслился без порядка и чистоты. У окна всегда постлано ложе из мяты, у подветренной стены сложена поленница, пол вымощен блестящими каменными плитами и так далее. Здесь ничего подобного не было, никакой идиллии; и все же домик был совершенен именно благодаря своему несовершенству; я увидел, что в такой глуши люди могут жить и любить, не имея возможности создать произведение искусства из собственного жилища. — Ты всегда бреешься мечом? — спросила женщина. Впервые за все это время она обратилась ко мне без опаски. — Таков обычай, традиция. Если меч недостаточно остер, чтобы я мог им побриться, мне было бы стыдно его носить. Если же он достаточно остер, то зачем мне бритва?

И все-таки неудобно, наверное, держать на весу такой тяжелый клинок: тебе ведь приходится все время остерегаться, как бы не порезаться.

— Это хорошее упражнение для мускулов. Кро-

ме того, мне полезно почаще брать его в руки, чтобы действовать им так же легко, как собственными членами.

— Значит, ты солдат. Я так и подумала.

— Я мясник. Разделываю людей. Она опешила.

— Я не хотела тебя оскорбить.

— Ты меня нисколько не оскорбила. Каждый в своем роде убийца: ты, например, убиваешь коренья, когда бросаешь их в кипящий котел. Когда же я убиваю человека, я спасаю тысячи жизней, которые он мог бы разрушить, останься он в живых, жизни многих людей — мужчин, женщин, детей. А чем занимается твой муж?

Женщина слегка улыбнулась. Я впервые видел улыбку на ее лице, и она очень молодила ее.

— Всем. Здесь, в горах, мужчине приходится делать все.

— Следовательно, ты родилась не здесь.

— Нет, — отвечала она, — только Северьян… Улыбка слетела с ее лица.

— Ты сказала: Северьян?

— Так зовут моего сына. Ты видел его, когда вошел, он и сейчас подсматривает. Иногда его глупость просто несносна.

— Меня тоже так зовут. Я мастер Северьян.

— Ты слышал? — крикнула женщина сыну. —

Этого господина зовут так же, как и тебя! — Потом она снова обратилась ко мне: — Как ты думаешь, это хорошее имя? Тебе оно нравится?

— Пожалуй, хоть я никогда не задумывался над этим. Мне кажется, оно мне подходит.

Я кончил бриться и сел на стул почистить лезвие.

— Я родилась в Траксе, — продолжала женщина. — Ты там бывал?

— Я только что оттуда.

Если после моего ухода димархии будут допрашивать ее, ей будет достаточно описать мою одежду.

— Ты там не встречал женщину по имени Гераис? Это моя мать.

Я покачал головой.

— Впрочем, Тракс большой город. Ты долго в нем прожил?

— Нет, совсем не долго. Не приходилось ли тебе слышать здесь, в горах, о Пелеринах? Это женский Орден, все его жрицы носят красное.

— Нет, не приходилось. Мы здесь вообще ничего не знаем.

— Я ищу их, а если не найду, то примкну к армии Автарха, сражающейся против асциан.

— Муж лучше знает дорогу, он тебе покажет.

Но тебе не стоило забираться так высоко. Бекан — так зовут мужа — говорит, что патрули не трогают солдат, идущих на север, даже если встречают их на старых дорогах.

Когда она говорила об идущих на север солдатах, до меня донеслись другие шаги, гораздо ближе. Наверху кто-то ходил, да так осторожно, что треск очага и свистящее дыхание старика почти заглушали этот шорох, но ошибиться я не мог. Чьи-то босые ноги, устав стоять неподвижно — а только так и можно было добиться тишины, — легко скользнули по половицам, и они прогнулись под тяжестью нового веса.

15. ОН НАСТИГ ТЕБЯ!

Муж, который должен был прийти к ужину, так и не явился, и мы вчетвером — женщина, старик, мальчик и я — сели за вечернюю трапезу без него. Я было решил, что его жена умышленно солгала мне, дабы помешать преступлению, которое я в ином случае мог бы совершить; но когда гнетущая атмосфера дня сгустилась до предвещавшего бурю молчания, стало очевидно, что она сама верила собственным словам и теперь была не на шутку встревожена.

Ужин был весьма скромным, да ничего другого и ожидать не приходилось, но я зверски проголодался и никогда еще не испытывал такой благодарности за угощение. Мы ели вареные овощи, не сдобренные ни солью, ни маслом, грубый хлеб и мясо — самую малость. Ни вина, ни фруктов, ничего освежающего и никакого десерта; но я один, наверное, съел больше, чем они втроем.

Когда мы поужинали, женщина (ее, как я выяснил, звали Касдо) взяла длинный посох с железным наконечником и отправилась на поиски мужа, предварительно заверив меня, что сопровождать ее не нужно, и предупредив

старика, который, казалось, и не слышал ее, что не будет далеко заходить и скоро вернется. Видя, что он так и остался сидеть с безучастным видом у очага, я подозвал мальчика и показал ему «Терминус Эст», позволив подержаться за рукоять и даже попытаться поднять клинок. Когда доверие было завоевано, я спросил, почему бы Севере не спуститься и не присмотреть за ним, пока мать отсутствует.

— Она вернулась вчера вечером, — сказал мальчик. Я решил, что он говорит о матери, поэтому снова обратился к нему:

— Не сомневаюсь, что она и сегодня вернется, но до тех пор Севере следовало бы побыть с тобой.

Мальчик пожал плечами, как делают дети, которым не хватает слов, чтобы спорить, и попытался уйти. Я поймал его за плечи.

— Послушай-ка, малыш, сходи наверх и скажи ей, чтобы спустилась. Я ее не трону.

Он кивнул и направился к лестнице, но как-то медленно и неохотно.

— Она плохая, — буркнул он.

И в эту минуту, впервые с тех пор, как я появился в доме, заговорил старик:

— Бекан, подойди сюда! Я хочу рассказать тебе

про Фехина. Я не сразу понял, что он обращается ко мне, принимая меня за своего зятя.

— Он был хуже нас всех, этот Фехин. Рослый такой и грубый, а на руках у него росли рыжие волосы, даже на пальцах. Обезьяньи руки, и если он тянулся за чем-нибудь из-за угла, можно было подумать, что это обезьяна тянется, только большая. Однажды он взял нашу медную сковороду — на ней мать обыкновенно жарила колбасу, — я видел его руку, но никому не сказал, что это он сделал, ведь он был мне другом. Сковороду я так и не нашел, никогда больше ее не видел, хоть с ним я бывал тысячу раз. Вот я и подумал, что он сделал из нее кораблик и пустил по реке — это я потому так подумал, что и сам всегда хотел приспособить ее под кораблик. Я пошел вниз по реке искать ее и не заметил, как наступила ночь, а я был еще далеко от дома. Может быть, он натер до блеска ее дно, чтобы смотреться: он иногда рисовал свои портреты. А может быть, наливал в нее воду, чтобы глядеть на свое отражение.

Я подошел к нему поближе, чтобы послушать, отчасти потому, что говорил он невнятно, отчасти — из уважения, ибо его старческое лицо слегка напоминало лицо мастера Палаэмона, только глаза были другие.

— Мне довелось однажды встретить человека твоего возраста, который позировал Фехину, — сказал я.

Старик поднял голову и посмотрел на меня; на его лице промелькнуло быстрое, как птичья тень по выброшенной из дома на траву серой тряпице, понимание, что я не Бекан. Но он не прервал рассказа, да и вообще никак не выдал себя. Как будто рассказывал что-то чрезвычайно важное, то, что необходимо излить перед кем угодно, только бы не унести с собой навсегда.

— Но лицо у него вовсе не было обезьяньим. Фехин был красив, красивее его никого в округе не было. Он всегда мог получить у женщин еду и деньги. От женщин он мог получить все, что угодно. Помнится, шли мы однажды по тропинке, которая вела к старой мельнице, — ее уж теперь нет. У меня был с собой листок бумаги, мне его учитель школьный дал. Это была настоящая бумага, не то чтоб совсем белая, а коричневая с пятнышками, как форель в молоке. Учитель дал мне ее, чтобы я написал письмо матери, — в школе мы чертили на дощечках, а потом, когда надо было написать что-нибудь новое, вытирали их губками. Когда никто не смотрел, мы подбрасывали губку и ударом дощечки запускали ее в стену

или кому-нибудь в голову. Но Фехин любил рисовать, и по дороге я все думал, каков был бы его портрет, имей он бумагу, чтобы хранить рисунки. А только рисунки он и хранил, — продолжал старик, — все остальное терял, раздаривал или выбрасывал. Все, что мне хотела сказать мать, я и так прекрасно знал, а потому решил, что если не буду особенно расписывать, половины листа мне хватит. Фехин не знал, что у меня есть бумага; я достал свой листок и показал ему, а потом сложил и разорвал пополам.

Над головой я слышал писклявый голосок мальчика, но слов разобрать не мог.

— Это был самый светлый день в моей жизни. Солнце вдохнуло в него свежие силы; так человек, который был болен вчера и будет болен завтра, сегодня гуляет и смеется, и посторонний мог бы подумать, что никакой болезни нет, что постель и лекарства существуют для других. В молитвах всегда говорится, что Новое Солнце явится слишком ярким и на него нельзя будет смотреть; вплоть до того дня я считал, что это только так говорят, — все равно что сказать «дитя прелестно» или похвалить любое творение рук человеческих, но что явись в небе хоть два солнца, на оба можно будет смотреть. Но в тот

день я узнал, что это правда; и лицо Фехина светилось так, что я не мог вынести этот свет. Из моих глаз потекли слезы. Он поблагодарил меня, мы двинулись дальше и вышли к дому, где жила одна девушка. Имени ее я не помню, но она была настоящая красавица — такими порой бывают самые скромные. Я и не знал, что Фехин с ней знаком. Он попросил меня подождать, и я сел на нижнюю ступеньку у входа.

У меня над головой тяжело заскрипели половицы: кто-то шел к лестнице, и это был явно не мальчик.

— Он пробыл в доме недолго, но, когда вышел, а девушка выглянула в окно, я понял, чем они занимались. Я взглянул на него, а он раскинул длинные обезьяньи руки. Но как он мог поделиться тем, что получил? Наконец он попросил девушку вынести для меня полбуханки хлеба и фруктов. На одной стороне листа бумаги он нарисовал меня, а на другой — девушку, но сохранил портреты у себя.

Лестница скрипнула, и я обернулся. Как я и предполагал, по ней спускалась женщина. Она была невысокая, полная, но с тонкой талией. Платье на ней было почти таким же рваным, как и на матери мальчика, только гораздо грязнее.

Великолепные каштановые волосы закрывали всю спину. Я узнал ее прежде, чем она обернулась и я мог увидеть ее высокие скулы и раскосые карие глаза, — это была Агия.

— Итак, ты знал, что все это время я была здесь, — сказала она.

— То же самое я мог бы сказать и тебе. Ведь ты пришла сюда раньше меня.

— Просто догадалась, что ты сюда явишься. Я пришла незадолго до тебя и рассказала хозяйке дома, что ты со мной сделаешь, если она меня не укроет.

(Думаю, это был намек на то, что у нее здесь есть союзница, пусть и не очень надежная.)

— Ты пыталась убить меня с того самого дня, когда я заметил тебя в толпе в Сальтусе?

— Это что, обвинение? Да, пыталась.

— Лжешь.

Мне не часто приходилось видеть Агию разъяренной.

— Что это значит?

— А то, что ты пыталась убить меня и до Сальтуса.

— При помощи аверна. Да, конечно.

— И после. Агия, я знаю, кто такой Гефор. Я ждал ответа, но она молчала.

— В тот день, когда мы встретились, ты рассказала мне о старом моряке, который принуждал тебя к сожительству. Ты назвала его безобразным нищим стариком, и я не мог понять, почему тебя, прелестную молодую женщину, вообще должно заботить его предложение, ведь ты совсем не бедствовала. Защитой тебе был твой брат-близнец, и лавочка приносила мало-мальский доход.

Теперь настала моя очередь удивляться. Она сказала:

— Я должна была пойти к нему и сделать своим рабом. Теперь же он мне подчиняется.

— Я думал, что ты только обещала ему себя, если он меня убьет.

— Я обещала ему себя и многое другое и тем самым подчинила его. Он настиг тебя, Северьян, и ждет лишь моего приказа.

— Со своей сворой? Спасибо, что предупредила. Ведь это было предупреждение? Он угрожал тебе и Агилюсу теми милыми зверюшками, что навез из других планет?

Она кивнула и сказала:

— Он пришел продавать одежду, такую, что носили на старинных кораблях, много лет назад ходивших за пределы мира; то были не костюмы, не латы, не задубевшие от времени древние

одеяния, века пролежавшие во тьме, но почти новая одежда. Он сказал, что его корабли — все эти корабли — затерялись в черном пространстве между солнцами, где годы прекращают свой круговорот. Так затерялись, что даже Время не может их разыскать…

— Знаю, — перебил я. — Иона рассказывал мне.

— Я пошла к нему, когда узнала, что ты собираешься убить Агилюса. У него много сильных сторон, но слабостей гораздо больше. Если бы я ему отказала, я ничего не смогла бы с ним поделать, но я исполняла все его безумные прихоти и убедила, что люблю его. Теперь он сделает все, чего бы я ни попросила. Ради меня он последовал за тобой после того, как ты убил Агилюса; на его серебро я наняла людей, которых ты убил у старой шахты, и ради меня подвластные ему существа прикончат тебя, если я сама здесь этого не сделаю.

— Ты хотела подождать, пока я усну, а потом спуститься и убить меня?

— Я бы сначала приставила тебе нож к горлу и разбудила. Но ребенок сказал: ты знаешь, что я здесь, и так мне будет даже приятней. Однако скажи, как ты догадался про Гефора?

В узкие окна ударил ветер. Комната наполнилась дымом из очага, я услыхал, как притихший старик закашлялся и сплюнул на угли. Мальчик, спустившийся с чердака, пока мы с Агией вели разговор, смотрел на нас большими непонимающими глазами.

— Мне бы давно следовало догадаться, — сказал я. — Мой друг Иона когда-то был таким же моряком. Ты наверняка его помнишь — он был со мной около шахты, и ты о нем знала.

— Мы знали.

— Возможно, они были даже с одного корабля. А может, существовал некий знак, по которому они могли узнать друг друга, или, по крайней мере, Гефор боялся, что будет узнан. Как бы то ни было, он редко приближался ко мне, когда я путешествовал с Ионой, хотя раньше он просто горел желанием находиться рядом со мной. Я заметил его в Сальтусе — он стоял в толпе, когда я казнил мужчину и женщину, однако присоединиться и не попытался. На пути к Обители Абсолюта мы с Ионой видели, как он шел за нами, но не пытался догнать, пока Иона был со мной, хотя, должно быть, и рвался получить назад свою ночницу. Когда его бросили в вестибюль Обители Абсолюта, он не сел рядом с нами, даже несмотря

на то что Иона был при смерти. Однако когда мы вышли, гам рыскало существо, оставлявшее за собой склизкий след.

Агия не отвечала и в молчании своем напомнила мне ту молодую женщину, которая утром, когда я покидал нашу башню, отпирала ставни окон своей грязной лавчонки.

— По дороге в Тракс вы скорее всего потеряли нас из виду, — продолжал я, — или вас что-то задержало. Но, даже выяснив, что мы в городе, вы не знали, что я получил должность в Винкуле, поскольку Гефор выслал свое огненное чудище рыскать по городу в поисках меня. Потом вам удалось найти Доркас в «Утином гнездышке»...

— Мы сами там остановились, — сказала Агия. — Мы прибыли несколькими днями раньше, и, когда вы явились, мы как раз искали вас в городе. Потом я обнаружила, что женщина в мансарде была той самой безумной девчонкой, которую ты подобрал в Ботаническом саду. Но мы и представить не могли, что это ты ее туда привел. Ведь эта карга-хозяйка заявила, что мужчина был одет в обычное платье. Мы, однако, решили, что она может знать, где ты находишься, а с Гефором она скорее разговорится. Кстати, на самом деле его зовут не Гефор. Настоящее имя у него гораздо

более древнее; он говорит, что сейчас такого уже никто и не знает.

— Он рассказал Доркас про огненное чудовище, — заметил я, — а она рассказала мне. Я и раньше слышал про эту тварь, но у Гефора было для нее имя — он звал ее саламандрой. Когда Доркас упомянула его, я не придал этому значения, но позже вспомнил, что Иона назвал по имени и то черное существо, что гналось за нами около Обители Абсолюта. Он назвал ее ночницей, и, по его словам, люди на кораблях дали ей такое имя за то, что во тьме она выдает себя сильными тепловыми волнами. Если у Гефора нашлось имя и для огненной твари, вполне возможно, что это название тоже дано моряками, да и сам он имеет отношение к чудищу.

На губах Агии заиграла тонкая улыбка.

— Итак, тебе все известно, и ты можешь одолеть меня, где захочешь, — при условии, что здесь тебе хватит места, чтобы размахнуться своим огромным мечом.

— Я и без меча тебя одолею. Один раз ты уже лежала у моих ног — у входа в шахту. Но у меня есть нож.

В этот миг на пороге появилась мать мальчика, и мы замолчали. Она перевела изумленный

взгляд с меня на Агию; затем, словно никакое удивление не могло ни пересилить ее печаль, ни изменить намерений, она закрыла дверь и задвинула тяжелый засов.

— Он услышал, что я наверху, — сказала ей Агия, — и велел спуститься. Он собирается меня убить.

— И как же я этому помешаю? — устало спросила женщина и повернулась ко мне. — Я потому ее спрятала, что, по ее словам, ты желал ей зла. Меня ты тоже убьешь?

— Нет. Я и ее не собираюсь убивать, и ей это хорошо известно.

Лицо Агии перекосилось от гнева, подобно раскрашенному восковому изваянию другой прекрасной женщины работы самого Фехина, которое, будучи охвачено пламенем, теряло бы форму, одновременно и плавясь, и обгорая.

— Ты убил Агилюса и гордился этим! Разве я не столь же достойна смерти? Ведь мы с ним одной крови!

Я не вполне поверил, что у нее есть нож, и даже не заметил, как она выхватила его — кривой траксийский кинжал.

В воздухе уже давно висела тяжесть приближавшейся бури. Меж горных пиков прогремел

гром. Когда замерли отзвуки его раскатов, словно в ответ раздался странный голос. Я не в силах его описать: в нем было что-то и от человеческого вопля, и от звериного рыка.

Усталость с Касдо как рукой сняло, она опрометью бросилась к окнам. Под каждым оконным проемом, прислоненные к стене, стояли тяжелые деревянные ставни; она подхватила ближайший, словно это был всего лишь противень, и с грохотом обрушила его в скобы ставней. Во дворе бешено залаял пес и внезапно затих; было слышно лишь, как стучат первые капли дождя.

— Ну вот, уже здесь! — кричала Касдо. — Уже здесь! — И, обернувшись, напустилась на сына: — Прочь с дороги, Северьян!

Сквозь одно из оставшихся открытыми окон я услыхал детский голос:

— Отец, помоги мне!

16. АЛЬЗАБО

Я как мог старался помочь Касдо и случайно оказался спиной к Агии и ее кинжалу. Эта оплошность едва не стоила мне жизни: как только я поднял тяжелый ставень, она тут же набросилась на меня. Говорят, что женщины и портные держат нож лезвием вниз, однако Агия, словно закоренелый убийца, нанесла удар снизу вверх, чтобы вскрыть внутренности и достать до сердца. Я повернулся как раз вовремя и успел загородиться ставнем; нож пробил дерево, и стальное острие вышло наружу с обратной стороны.

Ее подвела сама сила удара. Я вывернул ставень и отбросил его подальше вместе с торчащим из него кинжалом. Агия и Касдо кинулись к нему. Я поймал Агию за руку и оттолкнул назад, а Касдо со стуком задвинула ставень, оставив кинжал торчать рукоятью наружу, где вот-вот готова была разразиться буря.

— Сумасшедшая, — тихо, почти виновато, произнесла Агия. — Оставляешь оружие тому, кого сама боишься, неужели не понимаешь?

— Тому, кто там, за дверью, ножи не нужны, — бросила в ответ Касдо.

Дом был погружен во мрак; единственным источником света остался ярко-красный огонь очага. Я огляделся в поисках свечей или фонаря, но не заметил ни того, ни другого; как я узнал после, то немногое, что имелось в доме, было унесено на чердак. За окнами сверкнула молния, высветив контуры ставней и прерывистую линию порога, — и я мгновенно сообразил, что эта линия должна была быть цельной.

— Там кто-то есть, — сказал я. — Там, у двери.

Касдо кивнула.

— Я вовремя загородила окно. Эта тварь никогда не являлась так рано. Наверное, ее разбудил дождь.

— А вдруг это твой муж?

Прежде чем она успела ответить, раздался тонкий голос — тоньше, чем у мальчика:

— Пусти меня домой, мама!

Даже я, не ведая, кто это говорит, почувствовал в простых словах ужасное несоответствие. Да, возможно, голос принадлежал ребенку, но не человеческому ребенку. — Мама, — послышалось снова, — дождь начинается. — Нам лучше подняться наверх, — сказала Касдо. — Если мы уберем за собой лестницу, оно не достанет нас, даже если ворвется в дом.

Я подошел к двери. В темноте между вспышками молний я не мог разглядеть стоящих на пороге ног. Но сквозь стук дождевых капель я услышал хриплое размеренное дыхание и скрежет, словно притаившееся во мраке существо переступало с лапы на лапу. Я обернулся к Агии.

— Твоя работа? Очередная тварь Гефора?

Она затрясла головой, карие глаза лихорадочно блестели.

— Нет. Таких много в здешних горах, ты лучше меня знаешь. — Мама!За дверью раздалось шарканье: капризно окликнув женщину, чудовище сошло с порога. Скрипнул ставень, и я попытался разглядеть что-нибудь сквозь щель. За окном стояла непроглядная темень, но до моих ушей донеслась мягкая, но тяжелая поступь, какую мне доводилось слышать дома из забранных решетками окон Медвежьей Башни.

— Оно сожрало Северу три дня назад, — сказала Касдо, пытаясь поднять старика со стула; он вставал медленно и неохотно, не желая отходить от теплого очага. — Я никогда не позволяла ей с Северьяном гулять в лесу, но оно явилось на поляну за целую стражу до наступления сумерек. С тех пор оно приходит сюда каждую ночь. Собака не смогла его выследить, и Бекан сам отправился

на охоту.

Я начал догадываться, что это был за зверь, хотя до сих пор ни одного такого не встречал.

— Похоже, это альзабо. Ведь это из его желез добывают аналептик?

— Да, альзабо, — кивнула Касдо. — Но про аналептик я ничего не знаю.

Агия расхохоталась.

— Зато Северьян знает. Он вкусил премудрости этого чудища и теперь носит в себе свою возлюбленную. Они небось даже шепчутся по ночам в самый разгар любовной страсти.

Я замахнулся на нее, но она ловко увернулась и выдвину-да стол между нами.

— Ты должен радоваться, что среди животных, явившихся на смену тем, кого истребили наши предки, оказались и альзабо. Без них ты бы навсегда потерял свою Теклу. Расскажи-ка лучше Касдо, как тебя осчастливил альзабо.

— Я искренне опечален гибелью твоей дочери, — обратился я к Касдо, — и обещаю защитить твой дом от чудовища, если на то есть воля свыше.

Мой меч стоял у стены, и я взял его, дабы доказать свою готовность подтвердить слова действием. И вовремя, ибо в этот самый миг за

дверью раздался мужской голос:– Дорогая, открой мне!Агия и я кинулись перехватить Касдо, но опоздали: она уже отодвинула засов. Дверь распахнулась.

Чудовище, ожидавшее за дверью, стояло на четырех лапах, и, несмотря на это, его горбатые плечи находились на уровне моей головы. Его собственная голова сидела низко, над кончиками ушей громоздился косматый загривок. Огонь очага высвечивал белые клыки; глаза горели красным пламенем. Мне доводилось смотреть в глаза многим пришельцам, явившимся из-за края света. По утверждению некоторых мудролюбов, их привлекает вымирание местных родов, когда племена дикарей с каменными ножами и факелами заполняет местности, разоренные войной или эпидемией; но их глаза — это глаза диких зверей, не более. Огненный взгляд альзабо был иным, в нем не хватало ни человеческой осмысленности, ни животного простодушия. Так, думал я, мог смотреть дьявол, восставший наконец из бездны на какой-нибудь черной звезде; однако я помнил и обезьянолюдей: их и вправду называли дьяволами, но глаза у них были человеческие. На миг почудилось, что дверь еще можно успеть закрыть. Касдо, которая сначала в ужасе

отпрянула, теперь опомнилась и попыталась ее захлопнуть. Альзабо наступал медленно, почти лениво, и все же он оказался проворней, и край двери ударился о его ребра, словно о камень.

— Оставь дверь открытой! — крикнул я. — Пусть хоть какой-нибудь свет проходит.

Я вынул из ножен «Терминус Эст», пламя очага заиграло на его лезвии, словно я сжимал в руке пылающий факел.

Служивший оружием приспешникам Агии арбалет, стрелы которого возгорались при трении о воздух и вспыхивали при попадании, как брошенные в огонь угли, был бы здесь, несомненно, сподручнее; однако «Терминус Эст» давно стал продолжением моей руки, и к тому же альзабо получил бы возможность наброситься на меня, если бы я промахнулся и принялся перезаряжать оружие.

Длинное лезвие моего меча также не гарантировало избавления от этой опасности. Его незаостренная квадратная оконечность не пронзила бы зверя, если б тот прыгнул. Мне бы пришлось поразить альзабо в воздухе, и хотя я не сомневался, что у меня хватит сил отсечь голову с его могучей шеи, в случае промаха смерть бы последовала незамедлительно. К тому же, чтобы

ударить, надо было как следует размахнуться, а места в тесной комнате явно не хватало, да и очаг угасал, а я остро нуждался в свете.

Старик, мальчик Северьян и Касдо исчезли; я не знал наверняка, поднялись ли они на чердак по приставной лестнице, пока я смотрел в глаза зверя, или проскочили в дверь за его спиной. Осталась одна Агия; она забилась в угол, прижавшись спиной к стене, и сжимала в руках принадлежавший Касдо посох с железным наконечником, чтобы при случае воспользоваться им как оружием: так отчаявшийся моряк пытается оттолкнуть багром вражеский галеас. Я понимал, что, заговорив с нею, привлеку к ней внимание; с другой стороны, если зверь хотя бы повернул голову в ее сторону, я бы успел разрубить ему позвоночник.

— Агия, — обратился я к ней, — мне очень нужен свет. В темноте зверь меня убьет. Однажды ты сказала своим людям, что встретишь меня лицом к лицу, если они нападут на меня сзади; я встречусь лицом к лицу с чудовищем, если только ты принесешь мне свечу.

Она кивнула, давая понять, что смысл моих слов до нее дошел, и в тот же миг зверь двинулся на меня. Вопреки ожиданиям, он не прыгнул,

но наступал справа ленивой и вместе с тем проворной походкой, подбираясь все ближе, но не решаясь подойти на расстояние вытянутого меча. Я быстро понял, что, заняв позицию около стены, он ограничивал для меня возможность атаки, и если он успеет обойти меня (что ему почти удалось) и встать между мною и очагом, я лишусь всех преимуществ, которые мне давал свет.

Итак, мы начали осторожную игру, в которой альзабо пытался сделать своими союзниками стол, стулья и стены, а я старался выгадать как можно больше пространства для своего меча.

И вот я прыгнул вперед. Альзабо увернулся от удара, меч просвистел на расстоянии пальца от его головы; потом он рванулся ко мне и отступил — как раз вовремя, чтобы не попасть под мой ответный выпад. Его челюсти, в которых поместилась бы человеческая голова, щелкнули у самого моего лица, обдав меня гнусным зловонным дыханием. За стенами дома снова загрохотало, да так близко, что после громовых раскатов я услыхал треск — то упало огромное дерево, гибель которого эти раскаты и огласили; вспыхнула молния, озарив страшным светом все — до последней мелочи, и от этой вспышки я онемел и ослеп. Я обрушил «Терминус Эст» в на-

ступившую затем черноту, услыхал, как лязгнуло о кость лезвие, потом отскочил в сторону и под новые раскаты грома рубанул еще, на этот раз лишь разнеся в щепки что-то из мебели. Зрение вернулось ко мне. Пока альзабо и я обманными выпадами пытались выбить друг друга с занятых позиций, Агия тоже не ждала и, когда сверкнула молния, рванулась к лестнице. Она уже была на полпути к спасительному чердаку, и я видел, как Касдо протягивает вниз руки, чтобы помочь ей подняться. Альзабо стоял передо мной на первый взгляд целый и невредимый, однако у передней лапы темнела лужа крови. При свете очага его всклокоченная шерсть казалась красной, а когти, тоже красные, были больше и крепче медвежьих, они словно светились насквозь. И снова послышался тот самый голос, что произнес: «Дорогая, открой мне!», и снова я испытал омерзение посильнее, чем если бы заговорил труп. — Да, я ранен. Однако боль ничтожна, и я могу стоять и передвигаться, как раньше. Тебе не удастся навсегда разлучить меня с семьей.

Из звериной пасти доносился голос сурового и, несомненно, честного мужа. Я достал Коготь и положил на стол, но он лишь мерцал слабой синей искоркой.

— Свет! — крикнул я Агии.

Но свет так и не зажегся, и я услышал стук убираемой наверх лестницы. — Путь к бегству для тебя отрезан, — произнес зверь голосом мужчины. — Так же, как и твой путь к наступлению. Ты не сможешь прыгнуть высоко с раненой лапой.

Голос резко переменился, и зверь жалобно захныкал, как маленькая девочка:– Но я могу влезть на стол. Неужели, по-твоему, я не догадаюсь подвинуть стол под люк в потолке? Я, способный говорить? — В таком случае ты все-таки принимаешь себя за зверя.

Снова заговорил мужской голос:– Мы считаем, что находимся внутри зверя, как когда-то находились в оболочках из плоти, которые зверь пожрал. — И ты согласишься, чтобы он пожрал твою жену и сына, Бекан?

— Я буду управлять его действиями. Я уже управляю им. Я хочу, чтобы Касдо и Северьян отправились к нам, сюда, как я сегодня пришел к Севере. Когда свет погаснет, ты тоже умрешь — соединишься с нами, — а потом и они.

Я засмеялся.

— Ты, видно, забыл, что я даже в темноте сумел тебя ранить? — Не опуская «Терминус Эст», я прошел по комнате к обломкам стула, схватил

то, что осталось от спинки, и швырнул в очаг, взметнув облако искр. — Хорошо высушенное дерево, да еще натертое пчелиным воском чьей-то заботливой рукой, будет ярко гореть. — Все равно потом наступит темнота. — Голос зверя-Бекана был безгранично спокоен. — Наступит темнота, и ты придешь к нам. — Нет. Когда стул догорит и станет темно, я брошусь на тебя и убью. А сейчас я жду, пока ты истечешь кровью.

Наступило молчание, тем более жуткое, что на морде чудовища не отражалось ни малейшего признака мысли. Как остатки нервных структур Теклы с помощью вытяжки из органов вот такой твари поселились в ядрах клеток лобной части моего мозга, так мужчина и его дочь блуждали где-то в темных лабиринтах звериного мозга и верили, что живы; но какова была их призрачная жизнь, какие мысли и желания их посещали, я и представить себе не мог. Наконец мужской голос произнес:– Значит, через одну-две стражи я убью тебя или ты — меня. Либо мы погибнем оба. Если я сейчас уйду в темноту и дождь, станешь ли ты меня выслеживать, когда Урс повернется к свету? Не спрячешься ли в доме, чтобы уберечь от меня женщину и ребенка, которые принадлежат мне? — Нет.

— Слово чести? Можешь поклясться на мече, хоть его и нельзя обратить к солнцу?

Я отступил назад и, перевернув «Терминус Эст», взял его за лезвие так, что его оконечность почти касалась моего сердца.

— Клянусь этим мечом, знаком моего искусства, что не стану выслеживать тебя завтра, если сегодня ночью ты сюда не вернешься. И в этом доме я также не останусь.

Альзабо повернулся стремительно, словно змея. В какой-то миг я, наверное, мог бы нанести удар по его мощной спине. Но он исчез, и ничто не напоминало о нем, кроме распахнутой двери, разнесенного в щепки стула и лужи крови (которая показалась мне темнее, чем кровь животных нашего мира), просачивающейся в щели между старыми половицами.

Я подошел к двери и заложил засов, потом вернул Коготь в мешочек, который носил на шее, и, по совету альзабо, придвинул стол к люку, чтобы легче было залезть. Касдо и старик в испуганном ожидании притаились в дальнем углу, маленький Северьян был с ними, и в его глазах я прочел, что воспоминания о сегодняшней ночи будут преследовать его еще лет двадцать. Фонарь, подвешенный за стропило, освещал их неровным

светом.

— Как видите, я остался жив, — обратился я к ним. — Вы слышали, о чем мы говорили внизу? Касдо кивнула.

— Если бы вы принесли мне свет — я ведь просил вас об этом, — я не сделал бы того, что сделал. Теперь же я ничем вам не обязан. На вашем месте я бы с рассветом покинул дом и спустился в долину. Решайте сами.

— Нам было страшно, — пробормотала Касдо.

— Мне тоже. А где Агия?

К моему удивлению, старик вытянул руку, указывая куда-то; я поглядел в ту сторону и обнаружил, что густо набросанная на крышу солома раскидана, образовав щель, достаточно широкую для гибкого тела Атии.

Остаток ночи я проспал у очага, предупредив Касдо, что убью всякого, кто спустится с чердака. Утром я обошел дом кругом: как и следовало ожидать, кинжал Агии был вытащен из ставня.

17. МЕЧ ЛИКТОРА

— Мы уходим, — сказала мне Касдо, — но прежде я приготовлю завтрак. Если не хочешь, можешь не садиться с нами за стол.

Я кивнул и остался ждать на пороге; она вынесла деревянную миску каши, сваренной на воде, и деревянную же ложку. Я пошел к ручью и присел. С обеих сторон ручей скрывали заросли камыша: я не спешил себя обнаруживать. Пожалуй, я нарушил данную альзабо клятву, но я остался в зарослях и наблюдал за домом.

Вскоре показались Касдо, ее отец и малыш Северьян. В руках у женщины был узел и мужнин посох; старик и мальчик несли по мешочку. У их ног вертелся пес, который, по-видимому, при появлении альзабо забился под дом и сидел там, пока зверь не ушел. Я не виню его за это, хотя Трискель поступил бы иначе. Касдо оглянулась, ища меня взглядом. Не заметив меня, она положила на порог какой-то сверток.

Я смотрел, как они шли по краю неширокого поля, вспаханного и засеянного не более месяца назад. Теперь урожай с него достанется птицам. Ни Касдо, ни ее отец не кинули назад ни единого

взгляда, и только мальчик Северьян остановился у первой горной гряды и обернулся, чтобы еще раз увидеть единственный дом, который он знал в своей жизни. Каменные стены хижины стояли, как всегда, надежно, а над трубой все еще вился дымок от очага, над которым мать готовила завтрак. Наверное, она окликнула мальчика, потому что он поспешил за ней и скрылся из виду.

Я вышел из своего укрытия и направился к дому. В оставленном на пороге свертке я обнаружил два мягких одеяла из шерсти гуанако и кусок сушеного мяса, завернутый в чистую ветошку. Мясо я положил в ташку, а одеяла связал вместе и перебросил через плечо.

Воздух после дождя был прозрачен и чист, и я радовался мысли, что сейчас покину каменную хижину, пропахшую дымом и снедью. Я заглянул внутрь и увидел на полу черное пятно от крови альзабо и сломанный стул. Касдо передвинула стол на прежнее место, и Коготь, так слабо мерцавший вчера, не оставил на нем никакого следа. В доме не оказалось ничего, что могло бы пригодиться в дороге. Я вышел и захлопнул дверь.

Я отправился вслед за Касдо и ее спутниками. Нет, я не простил ей то, что она не посветила мне вчера во время схватки с альзабо, — ей ничего

не стоило опустить фонарь из люка. И все же я не мог особенно винить ее за то, что она приняла сторону Агии, — ее, оставшуюся в одиночестве под неподвижными взглядами гор, под их ледяными венцами; что же до старика и ребенка, то о какой-либо вине здесь вообще говорить не приходилось, а уязвимы они были не меньше женщины.

Тропа была не каменистой, а земляной, поэтому я следовал за ними в буквальном смысле слова: я видел отпечатки маленьких ног Касдо, совсем крошечные — мальчика, делавшего два шага на каждый шаг матери, и следы старика с вывернутыми наружу носками. Я двигался медленно, чтобы не настичь их, и, зная об опасности, которая с каждым шагом все больше угрожала мне, я в глубине души надеялся, что патрули архона, учинив им допрос, тем самым предупредят меня. Касдо не могла меня выдать: любые, самые достоверные сведения, которые она представила бы димархиям, только сбили бы их с толку, а если рядом рыскал альзабо, я надеялся услышать или почуять его прежде, чем он нападет, — я ведь не обещал ему оставить его добычу без охраны, а лишь покинуть дом и не преследовать его самого.

Скорее всего дорога представляла собой обычную звериную тропу, которую Бекан протоптал несколько шире; вскоре и она исчезла. Здешние пейзажи были не столь безжизненны, как за верхней границей леса. Южные склоны покрывали мхи и низкорослые папоротники, из каменных расщелин пробивались сосны и пихты. И постоянно слышался шум падающей воды. Текла во мне припомнила, как ходила на этюды в очень похожее место в сопровождении учителя и двух угрюмых телохранителей; я был почти уверен, что вот-вот наткнусь на мольберт, палитру и коробку перепачканных красками кистей, брошенные в сердцах подле какого-нибудь водопада, в котором более не отражалось солнце.

Ничего такого я, конечно же, не увидел; за несколько стражей пути мне не встретилось ни единого свидетельства пребывания человека. Следы Касдо, мальчика и старика мешались со следами оленей, да дважды я заметил осторожные следы кравшейся за стадом желтой дикой кошки. Все они, несомненно, были оставлены на восходе, когда прекратился дождь.

Вдруг я увидел ряд следов, оставленных босой ногой, которая была больше ноги старика. Следы превосходили по размерам и те, что оставляли

мои обутые в сапоги ноги, да и шаг идущего был явно шире. Они тянулись по правую сторону от тех, по которым шел я, но один из них смял отпечаток ноги мальчика: значит, оставивший его побывал здесь после Касдо. Я поспешил вперед.

По моим предположениям, новые следы принадлежали автохтону, хотя длина шагов оставляла меня в недоумении — ведь дикие жители гор обычно низкорослы. Если это действительно был автохтон, то Касдо и ее спутникам не угрожала серьезная опасность, хотя вещи он, конечно, мог и украсть. Судя по тому, что я знал об автохтонах, они были умелыми охотниками, но воинственностью не отличались.

Тем временем следов босых ног стало больше. К первому чужаку присоединились еще двое или трое.

Будь это дезертиры, дело приняло бы другой оборот: эти люди и их женщины составляли около четверти узников Винкулы, и многие из них были повинны в совершении самых гнусных злодеяний. Дезертиры хорошо вооружены, но я не сомневался, что они так же хорошо обуты, во всяком случае — не босы.

Передо мною поднимался крутой уступ. Я увидел выбоины, оставленные посохом Касдо, и

поломанные ветки кустов, за которые Касдо и старик хватались, чтобы не соскользнуть вниз, — и их преследователи, вероятно, тоже. Я подумал, что старик, должно быть, уже выбился из сил, и удивительно, как его дочери удавалось его подгонять; возможно, он или же все путники уже знали, что за ними гонятся. Добравшись до гребня, я услыхал собачий лай и сразу за ним — дикий бессловесный вопль, словно прошедшая ночь теперь отзывалась эхом.

Но это был не жуткий, нечеловеческий рев альзабо. Раньше я часто слышал этот звук: когда я лежал в своей койке по соседству с Рошем, он едва достигал моих ушей, когда же я разносил еду дежурным подмастерьям и их клиентам в подземелье, он звучал постоянно. А именно то был крик одного из обитателей третьего уровня, не владевших членораздельной речью, и потому, из практических соображений, их никогда не приводили в зал для допросов.

Это были зоантропы, чьи маски я видел на балу у Абдиеса. Взобравшись на вершину, я увидел их; увидел и Касдо с отцом и мальчиком. Людьми их нельзя было назвать, но на расстоянии их можно было принять за людей — девятеро голых существ приседали и подпрыгивали вокруг троих

путников. Я бросился к ним, но в этот миг один из них взмахнул дубинкой, и старик упал.

Я остановился в сомнении, и то был страх не Теклы, но мой собственный.

С обезьянолюдьми я сражался, может быть, и храбро, но у меня не было другого выхода. Я до последнего противостоял альзабо, но и там бежать было некуда: в темноте он, разумеется, убил бы меня.

Теперь же я мог выбирать и потому колебался.

Живя в горах, Касдо не могла не знать о них, хотя, вполне возможно, никогда не встречала их раньше. Пока мальчик цеплялся за ее юбку, она размахивала посохом, словно саблей. Сквозь вопли зоантропов до меня донесся ее крик — пронзительный, невнятный, далекий. Я ощутил прилив ужаса, который всегда испытываешь при виде подвергающейся нападению женщины, но помимо него, а возможно, и глубоко под ним жила обида: она не захотела сражаться на моей стороне, так пусть теперь сама выпутывается.

Конечно, долго это не могло продолжаться. Эти твари либо сразу пугаются и бегут, либо не бегут вовсе. Один из них выхватил у Касдо из рук посох; я обнажил «Терминус Эст» и бросился вниз по склону к ней на подмогу. Голое животное толк-

нуло ее на землю и приготовилось совершить насилие.

И вдруг из леса слева от меня вырвалось нечто огромное. Оно было так велико и двигалось так стремительно, что я поначалу принял его за рыжего жеребца, сбросившего где-то и седло, и седока. И только когда сверкнули клыки и бешено закричал зоантроп, я понял, что это альзабо.

Остальные зоантропы тут же накинулись на него. Головки их палиц, вытесанных из железного дерева, в неком гротескном преломлении напоминали головы кур, клюющих с земли рассыпанные для них зерна. Один зоантроп взлетел в воздух и, мгновение назад нагой, теперь казался завернутым в алый плащ.

Когда я добежал до места побоища, альзабо уже лежал на земле, и я мог не обращать на него внимания. «Терминус Эст» кругами рассекал воздух над моей головой. Вот упало одно голое тело, потом другое. У самого моего уха пронесся камень величиной с кулак, так близко, что я даже расслышал свист; попади он в цель, я тут же рухнул бы замертво.

И все же это были не обезьянолюди, жители шахты, которых собралось такое множество, что разбить их окончательно просто не представля-

лось возможным. Я рассек одного зоантропа от плеча до пояса, почувствовав при ударе, как ломается и крошится о лезвие каждое ребро, потом обрушил меч на другого, расколов ему череп.

В наступившей тишине я слышал только всхлипывания мальчика. Семь зоантропов лежали на траве; четверых, наверное, сокрушил «Терминус Эст», а троих прикончил альзабо. Из его пасти свисало тело Касдо, ее голову и плечи чудовище уже успело сожрать. Старик, знавший Фехина, лежал недвижим, словно кукла; великий художник наверняка создал бы из его гибели произведение искусства, выбрав перспективу, какую никому не удалось бы найти; изобразив бесформенные останки головы, он передал бы величие и тщету человеческой жизни. Но Фехина рядом не было. Пес с окровавленными челюстями валялся подле старика.

Я оглянулся в поисках мальчика и с ужасом увидел его свернувшимся у самой спины альзабо. Чудовище, несомненно, позвало его голосом отца, и он пришел. Лапы зверя судорожно подергивались, глаза были закрыты. Когда я взял малыша за руку, из пасти альзабо показался язык, широкий и толстый, как у быка, словно он хотел лизнуть мальчику ладонь, но в этот миг его плечи затряс-

лись с такой силой, что я отпрянул. Язык так и остался лежать на траве, как тряпка. Я оттащил мальчика в сторону. — Ну-ну, малыш, не плачь, все позади. Ты цел? Он кивнул и разрыдался, и я еще долго укачивал его на руках.

Некоторое время я раздумывал, не достать ли Коготь, хоть он и не помог мне в доме Касдо, да и раньше не всегда помогал. Если бы, однако, его сила подействовала, то предугадать результат было почти невозможно. Мне вовсе не хотелось дарить новую жизнь альзабо или зоантропам, а какая новая жизнь может ждать обезглавленный труп Касдо? Что же до старика, он и так стоял на краю могилы; теперь он умер, и смерть его была быстрой. Будет ли он мне благодарен, если я верну его назад, чтобы через год-два ему снова пришлось умирать? Камень лучился на солнце, но этот блеск был лишь игрой солнечного света, а не сиянием Миротворца, отражением Нового Солнца, и я убрал его. Мальчик смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

«Терминус Эст» был перепачкан кровью по самую рукоять. Я сел на поваленное дерево и, размышляя, что делать дальше, принялся обтирать его о начинавшее гнить древесное волокно, потом наточил и смазал маслом клинок. Меня не

интересовало, что станется с трупами зоантропов и альзабо, но оставлять тела Касдо и старика на поругание диким зверям было бы низко.

Кроме того, поступить так означало бы проявить неблагоразумие. Что, если явится другой альзабо и, изглодав тело Касдо, отправится на поиски ее сына? Я подумал, не отнести ли оба трупа назад, в хижину. Но хижина была далеко, оба тела сразу я нести не мог, а любое оставленное здесь наверняка окажется растерзанным к моему возвращению. Привлеченные столь богатой кровавой добычей, над головой уже кружили падальщики-тераторны, чьи крылья в размахе достигали длины главной палубы каравеллы.

Я исследовал грунт, ища место с достаточно мягкой почвой, чтобы ее можно было копать посохом; наконец оттащил оба тела к ручью на каменистую косу и сложил над ними нечто вроде склепа. Я надеялся, что под ним они пролежат почти год, вплоть до начала таяния снегов, приходившегося на праздник Святой Катарины, а талые воды смоют останки отца и дочери.

Малыш Северьян поначалу лишь наблюдал за мной, но спустя некоторое время стал сам подносить мелкие камушки для пирамиды. Когда мы смывали в ручье пот с песком, он спросил:

— Ты кто, мой дядя?

— Я твой отец, — ответил я, — по крайней мере, на время. Если у ребенка умирает папа, кто-то должен его заменить. Вот я и стал тебе отцом.

Мальчик задумчиво кивнул, а я неожиданно для себя вспомнил, как мечтал позапрошлой ночью о мире, в котором все люди будут связаны кровным родством, являясь потомками одной пары колонистов. Так я, не ведающий даже имен своих отца и матери, вполне мог оказаться родным этому ребенку, носящему одно со мной имя, — ему и любому встречному. Мир, о котором я грезил, стал для меня ложем, где я мог приклонить голову. Я не в силах описать ту серьезность, с которой мы носили камни к ручью, как невинно и торжественно было лицо мальчика и как были огромны его глаза с искрящимися каплями воды на ресницах.

18. ДВА СЕВЕРЬЯНА

Я припал к ручью и пил сколько мог; мальчику я велел делать то же самое, ведь в горах много безводных мест и вполне могло случиться, что до утра мы не встретим ни одного источника. Он спросил, не вернемся ли мы домой; я действительно собирался идти назад, к домику Касдо и Бекана, но теперь передумал и ответил отрицательно. Я понял, как тяжело будет ему снова увидеть эту крышу, поле и садик, а потом опять покинуть родные места. Такому малышу, пожалуй, могло показаться, что его папа, мама, сестренка и дедушка все еще где-то рядом.

Но дальше спускаться мы тоже не могли — мы и так находились ниже той границы, за которой мое путешествие становилось опасным. Власть архона Тракса распространялась более чем на сотню лиг, а теперь еще и Агия могла пустить его димархиев по моему следу.

К северо-востоку от нас поднимался горный пик, выше которого мне не доводилось видеть. Не только голову его, но и плечи обнимал снежный покров; снег лежал и на его груди. Я не мог разглядеть, да и никто, наверное, не знал, чье

горделивое чело было обращено на запад поверх столь многих менее значительных вершин; несомненно было одно: он царствовал в самые ранние и славные дни человечества и управлял силами, способными придавать форму граниту, как нож резчика — дереву. Я смотрел и думал, что даже упрямые димархии, так хорошо знавшие дикие высокогорные края, наверное, остановились бы перед ним в благоговении. И вот мы направились прямо к нему, вернее, к возвышенному переходу, соединявшему его складчатую мантию с горой, на склоне которой Бекан когда-то выстроил дом. Подъемы не были особенно тяжкими, так что поначалу ходьба отнимала у нас больше сил.

Малыш Северьян часто брал меня за руку, даже когда в моей поддержке не было необходимости. Я плохо определяю возраст детей, но он, по-видимому, был в тех летах, когда, окажись он одним из наших учеников, он вошел бы в класс мастера Палаэмона — то есть он хорошо ходил и речь его была достаточно развита, чтобы понимать других и объясняться самому.

За целую стражу, если не больше, он не произнес ни слова, за исключением того вопроса, о котором я уже упоминал. Когда же мы спускались по широкому поросшему травой и окаймленно-

му соснами склону, напоминавшему место, где погибла его мать, он спросил:

— Северьян, а кто были те люди? Я понял, о ком он говорил.

— Это не люди, хотя когда-то были людьми и до сих пор их напоминают. Это зоантропы, то есть звери, похожие на людей. Понимаешь?

Мальчик с серьезным видом кивнул и снова спросил:

— А почему они без одежды?

— Потому что, как я уже сказал, они перестали быть людьми. Собака родится собакой, птица — птицей, но быть человеком — это достижение, об этом постоянно нужно размышлять. Вот ты, малыш, размышляешь об этом последние три-четыре года, хотя, наверное, и не подозреваешь об этом.

— Собака просто ищет еду, — заметил мальчик.

— Верно. Но вот вопрос: следует ли принуждать человека думать? Давным-давно некоторые люди решили, что им это не нужно. Собаку еще можно заставить вести себя, как человек, — ходить на задних лапах, носить ошейник вроде воротника и делать много других подобных трюков. Но невозможно и не должно заставлять человека вести

себя по-человечески. Тебе доводилось засыпать по собственной воле? Когда глаза не слипаются и нет ни капли усталости?

Он кивнул.

— Это потому, что тебе хотелось сбросить бремя мальчика, хотя бы на время. Иногда я пью слишком много вина — это оттого, что мне хочется ненадолго перестать быть мужчиной. Некоторые люди для этого лишают себя жизни. Ты знал об этом?

— Или делают себе больно.

Тон, которым Северьян произнес эти слова, многое мне объяснил: скорее всего именно таким и был Бекан, иначе он не увел бы свою семью в столь далекое и опасное место.

— Да, — ответил я, — так тоже бывает. Но случается, что люди, и среди них есть женщины, исполняются ненавистью к обременительному размышлению, но смерть при этом они вовсе не любят. Они видят животных и хотят стать, как они: знать только инстинкт и ни о чем не думать. А ты, Северьян, знаешь, где у тебя рождаются мысли?

— В голове, — не задумываясь, ответил мальчик, обхватив голову руками.

— У животных тоже есть голова — даже у таких

глупых, как раки, быки и клещи. А мысли родятся в небольшой части головы — той, что находится над глазами. — Я дотронулся до его лба. — Если тебе зачем-то понадобится отрезать себе руку, существуют люди, которые умеют это делать. Например, твоя рука сильно болит и никогда не пройдет. Они смогут так искусно ее отнять, что остальному телу никакого вреда не будет.

Мальчик кивнул.

Вот и хорошо. Эти же люди могут вынуть из твоей головы ту самую частицу, благодаря которой ты думаешь. И обратно, как ты понимаешь, вложить уже не в состоянии. А если бы и смогли, ты сам не сумеешь их попросить, поскольку лишишься ее. Случается, однако, что некоторые все-таки просят тех людей удалить эту часть и даже платят им. Они хотят навсегда перестать думать и заявляют о желании отказаться от всего, что создано человечеством. Поэтому к ним уже нельзя относиться как к людям: они сделались животными, хотя внешне похожи на людей. Ты спрашиваешь, почему они не носят одежды? Просто они не понимают, что это такое, и уже никогда не смогут одеваться, даже в холод, хотя лечь на одежду или завернуться в нее они еще способны.

— А сам ты не такой — хотя бы немножко? — спросил мальчик, указывая на мою обнаженную грудь.

Я даже опешил: ничего подобного у меня никогда и в мыслях не было.

— Таково правило моей гильдии, — ответил я. — Мне ничего из головы не удаляли, если ты это имеешь в виду. Когда-то и я носил рубашку… Но ты прав; наверное, я чуть-чуть похож на них, потому что ни разу о ней не вспоминал, даже в самый жгучий холод.

Судя по его взгляду, я только подтвердил его подозрения.

— И поэтому ты убегаешь?

— Нет, не поэтому. Если уж на то пошло, я убегаю по обратной причине. Та часть моей головы, похоже, чересчур разрослась. Но насчет зоантропов ты прав — они бежали в горы именно поэтому. Когда человек становится зверем, этот зверь очень опасен, в населенных местах, например, на фермах, где много людей, таких не терпят. Вот их и оттесняют в горы, а иногда их приводят сюда старые друзья или люди, которым они заплатили, прежде чем лишиться дара человеческой мысли. Они, конечно, могут еще немного думать, как и все животные, — достаточно, чтобы

искать пищу в диких лесах и горах, хотя каждую зиму многие из них погибают. Достаточно, чтобы кидаться камнями, как обезьяны орехами, чтобы драться дубинками и даже добывать себе подруг, поскольку, как я сказал, среди них есть и женские особи. Их сыновья и дочери долго не живут, да оно и к лучшему: ведь рождаются они, как мы с тобой, обремененными разумом.

Когда я кончил говорить, это бремя обрушилось на меня с неимоверной силою, и я впервые воистину осознал, что для других оно может быть таким же проклятьем, каким иногда становится для меня память.

Я никогда не был чувствителен к красоте, но красота гор и неба подчинила себе мои размышления, и я, казалось, приблизился к постижению непостижимого. Когда после первого представления пьесы доктора Талоса передо мной появился мастер Мальрубиус — что было выше моего понимания тогда, да и сейчас тоже, хотя теперь во мне возросла уверенность в реальности происшедшего, — он заговорил со мной о кольцевой структуре власти, хотя к управлению я никакого касательства не имел. Сейчас я внезапно осознал, что и сама воля управляема если не разумом, то чем-то низшим либо, напротив, высшим по

отношению к нему. Но которым из двух, сказать было чрезвычайно сложно. Инстинкт есть, разумеется, нечто низшее; а вдруг он одновременно располагается и на более высокой ступени, чем разум? Когда альзабо бросился на зоантропов, его инстинкт повелевал ему отобрать у других свою добычу; когда то же самое сделал Бекан, его инстинкт направлял его на спасение жены и ребенка. Двое предприняли единое действие и в едином теле. Что это: согласие высшего и низшего начал где-то в глубинах разума? Или существует только инстинкт, стоящий за всеми действиями разума, так что тот со всех сторон видит лишь направляющую его руку?

Прав ли мастер Мальрубиус, и действительно ли инстинкт есть та «преданность персоне правителя», которая составляет одновременно и высшую, и низшую основу правления? Инстинкт сам по себе не мог возникнуть из ничего — это ясно; крылатые хищники, парившие у нас над головами, строили гнезда, повинуясь инстинкту; но наверняка когда-то было время, когда гнезда не строили, и первая птица, свившая гнездо, не могла унаследовать этот инстинкт от родителей, поскольку те не знали его. Подобный инстинкт не мог развиться и постепенно; навряд ли тысячи

поколений птиц приносили в клюве одну веточку, пока какой-то из них не пришло в голову принести две: ведь из одной-двух веток гнезда не совьешь. Возможно, впереди инстинкта идет высший и одновременно низший принцип управления волей. Возможно, и нет. Парившие в небе птицы чертили в воздухе свои письмена, но не мне было их читать.

Дорога, ведущая к седловине, которая соединяла нашу гору с еще более высокой и уже описанной мною, казалось, пролегала над ликом всего Урса, соединяя полюс с экватором; поверхность, над которой мы карабкались, как муравьи, поистине походила на наш вывернутый наизнанку шар. Позади и впереди, насколько хватал глаз, простирались сверкающие снежные поля. Под ними тянулись каменные склоны, подобные берегам скованного льдом южного моря. Еще ниже раскинулись высокогорные луга, поросшие дикими злаками, сквозь которые пестрели пятна полевых цветов; я хорошо помнил другие луга, те, что видел под собой позавчера, и из-под синей дымки, обвивавшей грудь высившейся впереди горы, словно аксельбант, проглядывала их зеленая лента; темный сосновый лес под нею казался черным.

Седловина, к которой мы спускались, представляла собой совсем иное зрелище: бескрайние широколиственные леса, где высокие, в тридцать кубитов, деревья тянулись чахлыми кронами к умирающему солнцу. Их погибшие собратья, поддерживаемые живыми, стояли прямо, завернутые в лиановые саваны. У ручейка, где мы остановились на ночлег, растительность имела не столь болезненный вид и пышностью напоминала долину. Мы подошли к седловине достаточно близко, и мальчик мог хорошо ее рассмотреть. Когда необходимость идти и карабкаться по камням уже не отнимала все его внимание и силы, он спросил, указывая вниз, будем ли мы еще туда спускаться.

— Будем, но завтра, — ответил я. — Скоро стемнеет, а по этим дебрям лучше ходить днем.

При слове «дебри» его глаза расширились.

— Это опасно?

— Точно не знаю. Когда я жил в Траксе, я слыхал, что насекомые в здешних лесах не опасней тех, что обитают в низинах, да и летучие мыши-кровососы нас не потревожат — одна такая мышь укусила моего друга: ничего приятного в этом нет. Но здесь водятся большие обезьяны, дикие кошки и прочие звери.

— И волки.

— Да, и волки тоже. Волки есть и там, еще выше. На такой же высоте, как твой дом, и даже дальше.

Я сразу пожалел, что обмолвился о его доме: стоило мне произнести это слово, с его лица исчезла радость жизни, которая только-только начала возвращаться к нему. На миг он, казалось, погрузился в раздумье, потом спросил:

— Когда эти люди…

— Зоантропы. Он кивнул.

— Когда зоантропы пришли и напали на маму, ты сразу побежал на помощь?

— Да. Я побежал сразу, как только смог. В некотором смысле это была правда, но она вызывала болезненное неудобство.

— Это хорошо, — вздохнул он. Я расстелил одеяло, и он лег. Я обернул одеяло вокруг него. — Звезды стали ярче; правда? Они всегда ярче, когда солнце уходит.

Я лег рядом с ним и взглянул вверх.

— Оно на самом деле не уходит. Просто Урс отворачивает от него лицо, вот мы и думаем, что его нет. Ведь если ты на меня не смотришь, это не значит, что я ушел, хоть ты меня и не видишь.

— Но если солнце там, почему звезды горят

сильнее? Судя по голосу, он был горд своей рассудительностью, да и мне она нравилась; я вдруг понял, почему мастер Палаэмон с таким удовольствием беседовал со мной, когда я был ребенком.

— Пламя свечи при ярком солнечном свете почти незаметно, — пояснил я, — так гаснут и звезды — ведь они на самом деле тоже солнца. Глядя на картины, написанные в древности, когда солнце светило ярче, мы узнаем, что в те времена звезд не было видно вплоть до наступления сумерек. Старые легенды — в моей ташке есть коричневая книга, в ней их много записано — кишат волшебными существами, которые умеют медленно исчезать и так же медленно появляться. Все эти истории возникли, несомненно, тогда, когда люди обратили внимание на звезды.

Он вытянул руку.

— Вон Гидра.

— Верно, — сказал я. — А какие еще ты знаешь? Он показал мне Крест и Большого Тельца, а я ему — Амфисбену и еще несколько созвездий.

— А вот и Волк — вон он, над Единорогом. Где-то должен быть и Малый Волк, только я никак не найду его. Мы отыскали его вместе над самым горизонтом.

— Они — как мы, правда? Большой Волк и

Малый Волк. А мы — большой Северьян и маленький Северьян.

Я согласился, и он надолго уставился в небо, жуя кусок высушенного мяса, что я ему дал. Потом сказал:

— А где книжка со сказками? Я показал ему.

— У нас тоже была книжка, и мама всегда читала ее нам с Северой.

— Севера была твоей сестрой?

— Мы были близнецами, — кивнул он. — Послушай, большой Северьян, а у тебя была сестра?

— Не знаю. У меня нет семьи — все умерли. Давно, я тогда был совсем маленький. А какую сказку ты хочешь?

Он попросил меня показать книгу, и я протянул ее ему. Полистав страницы, он вернул книгу мне.

— У нас была не такая.

— Я и не сомневался.

— Тогда поищи сказку про мальчика, у которого есть большой друг и близнец. И чтобы про волков тоже было.

Я выбрал легенду и начал читать. Читал я быстро, стараясь опередить наступление темноты.

19. СКАЗКА О МАЛЬЧИКЕ ПО ПРОЗВИЩУ ЛЯГУШОНОК
Часть первая. Юное Лето и ее сын

За тридевять земель на вершине горы жила-была прекрасная женщина по имени Юное Лето. Она была королевой той страны, но король, муж ее, был сильным и безжалостным человеком. Он мстил ей ревностью за ревность и убивал любого, кого подозревал в связи с нею.

Однажды Юное Лето гуляла в саду и увидала неизвестный цветок, прекрасней которого никогда не встречала. Он был алее и душистее любой розы, но стебель был гладкий, как слоновая кость, и совсем без колючек. Она сорвала его и унесла в укромное место, но когда, любуясь, она склонилась над ним, он показался ей вовсе не цветком, но возлюбленным, о котором она давно мечтала, — могучим и нежным, как поцелуй. Соки растения вошли в нее, и она понесла. Однако королю она сказала, что ребенок — его, и, поскольку охрана при ней была надежная, король ей поверил.

Вскоре родился мальчик, и нарекли его, по

желанию матери, Вешним Ветром. Когда он появился на свет, все звездочеты горы явились, чтобы составить его гороскоп; собрались даже величайшие маги Урса. Долго трудились они, все рассчитывали да чертили карты; девять раз сходились они на священный совет и наконец объявили, что в битвах Вешний Ветер не будет знать равных и все его дети доживут до зрелых лет. Эти пророчества пришлись королю весьма по душе.

Вешний Ветер подрастал, и мать его с тайной радостью замечала, что сердцем сын больше тянется к полям, цветам и плодам. Всякое растение пышно распускалось от его прикосновения, и он охотнее брался за садовый нож, чем за меч. Но когда он вырос, разразилась война, и пришлось ему взять копье и щит. Поскольку нрава он был кроткого и во всем повиновался королю (которого почитал своим отцом и который сам считал себя таковым), многие полагали, что пророчество не сбудется. Но они ошибались. В самый разгар сражения он оставался хладнокровен, и отвага его была тщательно выверена, а осторожность благоразумна. Никто из генералов не изобретал таких хитростей и уловок, никто из офицеров не исполнял поручений так ревностно. Солдаты,

которых он вел на врагов короля, были так хорошо вымуштрованы, что казались выкованными из закаленной бронзы, их преданность ему не знала границ: они были готовы следовать за ним в Царство Теней — самую далекую от солнца страну. И люди говорили, что Вешний Ветер рушит их башни и топит их корабли, хотя Юное Лето совсем не того хотела.

С тех пор военные походы часто приводили Вешний Ветер на Урс, и там он спознался с двумя братьями-королями. У старшего росли сыновья, у младшего же была единственная дочь, и звали девочку Лесная Птичка. Когда девочка повзрослела, ее отца убили, а дядя, не желавший, чтобы она рождала сыновей, наследников дедова престола, внес ее имя в свиток жриц-девственниц. Вешний Ветер опечалился, ибо принцесса сияла красотой, а ее отец был его другом. Однажды он явился на Урс один и у ручья увидел спящую Лесную Птичку, и она пробудилась от его поцелуев.

От их союза родились двое сыновей-близнецов, но хотя жрицы ее Ордена помогали Лесной Птичке скрывать беременность от дяди-короля, прятать младенцев они уже не могли. Не успела Лесная Птичка увидеть своих детей, жрицы уложили их в корзину для зерна на пуховые

одеяльца, унесли на берег того самого ручья, где Вешний Ветер застал ее врасплох, спустили корзину на воду и ушли.

Часть вторая. Лягушонок находит новую мать

Долго плыла корзина — плыла по соленым водам и пресным. Другие дети давно бы умерли, но сыновья Вешнего Ветра умереть не могли, ибо еще не достигли зрелости. Закованные в чешуйчатую броню водяные чудища плескались вокруг корзины, и обезьяны бросались в нее палками и орехами, а она все плыла и плыла, пока не прибило ее к берегу, где две бедные женщины-сестры стирали одежду. Добрые женщины увидели корзину и закричали, однако от этого было мало проку; тогда они подоткнули юбки, вошли в воду и вытащили корзину на берег.

Поскольку мальчиков нашли в реке, их назвали Рыбка и Лягушонок; сестры показали их своим мужьям, и когда те увидели, что младенцы наделены замечательной красотой и силой, каждая взяла себе одного. Та, что выбрала Рыбку, была женой пастуха, а та, что выбрала Лягушонка, — женой лесоруба.

Женщина окружила Лягушонка лаской и заботой, держала его у своей груди, ибо недавно потеряла собственное дитя. Когда же муж уходил в дикие леса за дровами, она привязывала ребенка на спину платком, и потому сказители, певцы Древней мудрости, называли ее сильнейшей из всех женщин, ведь за спиной она держала целую империю.

Миновал год. Лягушонок научился стоять и даже делал первые шаги. Однажды вечером лесоруб и его жена сидели у костра на поляне среди дикого леса. Пока женщина готовила ужин, голенький Лягушонок подошел к костру погреться и остановился совсем рядом. Лесоруб, простой и добрый человек, спросил:

— Ну как, нравится?

Лягушонок кивнул и, хотя прежде никто не слыхал от него ни слова, промолвил:

— Алый цветок.

Говорят, при этих словах Юное Лето заметалась в своей постели за тридевять земель на вершине горы.

Лесоруб и его жена застыли в изумлении, но не успели ни поделиться друг с другом услышанным, ни попросить Лягушонка сказать еще что-нибудь, ни даже решить, что расскажут при

встрече пастуху и его жене. Потому что все вокруг внезапно загудело — знающие люди говорят, что ничего ужасней на Урсе не слыхали. Те немногие, до кого он донесся, не могли подобрать для него названия; он походил на гул пчелиного роя, на кошачий вой, как если бы кошка была размером с корову, и на звук, который издает глашатай, когда только учится своему ремеслу, — монотонное горловое пение, раздающееся со всех сторон одновременно. Это был охотничий клич смилодона, близко подкравшегося к добыче, вопль, повергающий в смятение даже мастодонтов, и они, бывает, бросаются прочь, не разбирая дороги, и получают удар клыков в спину.

Воистину, Панкреатору ведомы все тайны. Сама вселенная наша есть его долгое слово, и лишь малая толика происходящего остается вне этого слова. И значит, такова была его воля, что недалеко от костра возвышался холм, где в далекие времена находился склеп; лесоруб и его жена и не подозревали, что двое волков устроили там себе жилище, дом с низким потолком и толстыми стенами, с освещенными гнилушками галереями, уходящими вниз между обветшавших надгробий и разбитых урн, — именно такой, что нравится волкам. Там лежал волк и грыз бедренную кость

корифодона; волчица, его жена, кормила щенков молоком. Они услыхали вблизи клич смилодона и прокляли его на своем волчьем Мрачном Наречии, ибо ни один почитающий закон зверь не станет охотиться подле жилища другого зверя-охотника, а волки дружны с оной. Когда проклятие было завершено, волчица сказала:

— Какую добычу мог отыскать Мясник, этот безмозглый пожиратель бегемотов, если ты, о мой супруг, ты, способный учуять ящериц, шныряющих между камней в горах за пределами Урса, остаешься спокоен и безмятежен?

— Какое мне дело до падали? — огрызнулся волк. — Червей из утренней травы я тоже не вытаскиваю, и на лягушек на мелководье не охочусь.

— Но ведь и Мясник не стал бы ради них петь охотничью песнь, — возразила волчица.

Волк поднялся и понюхал воздух.

— Он охотится на сына Месхии и дочь Месхианы; от такой добычи добра не жди.

Волчица кивнула, ибо знала, что сыновья Месхии — единственные из живых тварей, кто истребляет всех и вся, если хоть один из их рода оказывается убит. Потому что Панкреатор отдал им Урс, а они отвергли дар.

Охотничья песнь смолкла, и Мясник издал такой рев, что с деревьев посыпались листья; а вслед за тем раздался его крик, ибо испокон веку проклятия волков были сильны.

— От чего он пострадал? — осведомилась волчица, вылизывая лицо одной из дочерей. Волк снова понюхал воздух.

— Пахнет горелым мясом! Он прыгнул и попал в костер. Волк и его жена рассмеялись — беззвучно, как смеются волки, обнажив зубы; уши их стояли торчком, подобно шатрам кочевников в пустыне: они прислушивались, как пробирался сквозь чащу Мясник в поисках добычи.

Вход в волчье логово был открыт, ибо, если хотя бы один из взрослых волков находился дома, можно было не беспокоиться, что кто-нибудь войдет: выбиралось всегда меньшее. Луна ярко освещала его — она всегда желанный гость в жилище волка, — но внезапно стало темно. У входа стоял ребенок. Темнота, должно быть, пугала его, но он чувствовал сильный запах молока и не уходил. Волк оскалился, однако волчица ласково заговорила:

— Входи, дитя Месхии. Здесь тебя ждет еда, тепло и уют. Здесь ты найдешь лучших на свете товарищей для игр — ясноглазых и быстроногих.

Заслышав такие речи, мальчик вошел, и волчица, потеснив своих насытившихся детей, пустила его к своим сосцам.

— Какой нам прок от этого создания? — удивился волк. Волчица рассмеялась.

— Грызешь старую кость и еще спрашиваешь! Разве ты забыл время, когда вокруг бушевала война и армии принца Вешнего Ветра прочесывали поля и леса? Тогда сыновья Месхии не охотились на нас — они охотились друг на друга. А после сражений выходили мы — ты, я, и весь Волчий Совет, и даже Мясник, и Тот Кто Смеется, и Черный Убийца, — рыскали среди мертвых и умирающих и вдоволь лакомились чем хотели.

— Это правда, — ответил волк, — принц Вешний Ветер на славу нам удружил. Но то был принц, а это просто щенок Месхии.

Волчица улыбнулась.

— Его шкура и шерсть на голове пахнут дымом сражений. (То был дым от Алого Цветка.) Когда первые колонны воинов выйдут из ворот его города, мы с тобой давно будем прахом, но они произведут на свет тысячи других, которые послужат пищей нашим детям и детям наших детей.

Волк кивнул, он понимал, что жена мудрее его, что, хотя его нюху и было доступно все лежавшее

за пределами Урса, она умела видеть сквозь пелену грядущих лет.

— Я буду звать его Лягушонком, — решила волчица. — Потому что, как ты и сказал, о мой супруг. Мясник и впрямь охотился на лягушек.

Ей хотелось польстить своему мужу, ибо он всегда с готовностью откликался на ее прихоти; на самом же деле в жилах Лягушонка текла кровь людей, что жили на вершине горы за пределами Урса, людей, чьи имена не могут долго храниться в тайне.

Снаружи раздался неистовый хохот. Это был голос Того Кто Смеется:

— Он там, господин! Он там, там, там! Вот следы, вот, вот они! Он вошел в эту дверь.

— Видишь, что получается, когда называешь зло по имени, — заметил волк. — Легок на помине. Таков закон.

Он вынул меч и пощупал острие.

В дверях снова потемнело. Дверь была узкой, но лишь в храмах и в домах глупцов двери делают широкими, а волки глупцами не были, в нее свободно проходил только Лягушонок. Мясник же занял собою весь проход; наклонив голову и ворочая плечами, он протискивался внутрь. Стены дома были так толсты, что дверной проход

напоминал коридор.

— Что тебе нужно? — спросил волк, вылизывая лезвие меча.

— То, что принадлежит мне и только мне, — отвечал Мясник. В схватке смилодоны пользуются двумя кривыми ножами — по одному в каждой руке, — да и крупнее они волков, однако Мясник не осмеливался вступать в бой с волком на столь тесном пространстве.

— Он не твой и никогда твоим не был, — зарычала волчица. Она посадила Лягушонка на пол и подошла к непрошеному гостю почти вплотную — он мог бы ударить ее, если б посмел. Ее глаза метали молнии. — Ты не имел права охотиться, и дичь твоя противозаконна. А теперь я накормила его своим молоком, и он навсегда стал волком, луна тому свидетель.

— Что ж, я и мертвых волков видел, — усмехнулся Мясник.

— Да, и жрал их трупы, когда ими даже мухи гнушались. Возможно, когда-нибудь ты и мой сожрешь, если меня придавит упавшее дерево.

— Так ты говоришь, он волк? Тогда его надо представить Совету. — Мясник облизнул губы, но язык его был сух. В поле он еще, пожалуй, и встретился бы с волком, но столкнуться с обоими

сразу не решался; к тому же он знал, что, стоит ему перекрыть дверь, они схватят Лягушонка и отступят в подземелье, в лабиринт между поваленными камнями могильника, где волчица очень скоро обойдет его и ударит со спины.

— А тебе-то что за польза от Совета Волков? — рявкнула волчица.

— Может, не меньшая, чем ему, — проворчал Мясник и пошел искать более легкой добычи.

Часть третья. Золото Черного Убийцы

Совет Волков собирается каждое полнолуние. Являются все, кто в силах ходить, ибо всякий уклонившийся считается предателем; на него может пасть подозрение, что он нанялся за объедки стеречь скот сыновей Месхии. Волк, пропустивший два Совета, обязан предстать перед судом, и, если суд признает его виновным, волчицы убивают его.

Волчата также должны быть показаны Совету, и любой взрослый волк, если пожелает, может осмотреть их, дабы убедиться, что их отец истинный волк. (Случается, что волчица по злобе ложится с псом, но, хотя щенки часто похожи на волчат, на них всегда можно отыскать белое

пятнышко, поскольку белый был цветом Месхии, хранившего в памяти чистое сияние Панкреатора; его сыновья по сей день оставляют белую метку на всем, к чему прикасаются.)

И вот в полнолуние волчица предстала перед Советом Волков; волчата резвились у ее ног, а Лягушонок — и впрямь похожий на лягушонка, ибо лившийся в окна лунный свет окрашивал его кожу зеленью — жался к ее меховой юбке. Вожак Стаи восседал на самом высоком месте; если появление на Совете сына Месхии и удивило его, у него и ухо не дрогнуло. Он обратился к Стае:

Смотрите, волки! Вот их пять,
И каждый волком хочет стать.
Свидетели пускай придут,
И праведный свершится су-у-уд!

На Совете родители не имеют права защищать своих детей, буде кто-либо бросит им вызов; но в другое время всякая обида, причиненная волчатам, приравнивается к убийству.

«И праведный свершится су-у-уд!» — отзывались стены, и в долине сыновья Месхии позакрывали на засовы двери своих жилищ, а дочери Месхианы крепче прижали к груди детей.

Тогда из-за последнего волка поднялся Мясник и выступил вперед.

— Тут и думать нечего! — заревел он. — Ума у меня, конечно, маловато, я слишком силен, чтобы быть умным, это понятно, но здесь, перед вами, четверо волчат, а пятый не волчонок вовсе, а моя добыча.

— А по какому праву он подал голос? — возмутился волк-отец. — Сам-то он уж точно не волк.

— Выступить на Совете может всякий, если волки потребуют его свидетельства, — раздались протестующие голоса. — Говори, Мясник!

Тогда волчица выхватила из ножен меч и приготовилась к последней схватке, если дело дойдет до драки. Глаза ее зловеще сверкали — сущий демон, ибо ангел часто оказывается лишь демоном, встающим между нами и нашим противником.

— Не волк, говоришь? — продолжал Мясник. — Это точно, не волк. Все мы знаем волчий запах, и облик, и повадки. Эта волчица выдает сына Месхии за своего, но всем известно, что если у кого мать волчица, тот еще не волк.

— Волк тот, у кого отец и мать волки! — воскликнул волк. — Я признаю, что этот детеныш мой сын!

Все захохотали, а когда хохот унялся, чей-то чужой смех еще долго раздавался среди присутствующих. Это был Тот Кто Смеется, он явился

подсказывать Мяснику, как отвечать перед Советом Волков.

— Многие говорили так! — внушал он. — Только после их щенки доставались на обед Стае! Хо-хо-хо!

— Их убивали за белую шерсть, — сказал Мясник, — а у этого щенка и ее нет, только шкура, на которой шерсть растет. Как он может остаться в живых? Отдайте его мне!

— За детеныша должны заступиться двое, — объявил Вожак, — так гласит закон. Кто из вас защитит его? Он сын Месхии, но вправе ли мы назвать его также и волком? Помимо родителей за него должны заступиться двое.

И вот поднялся Нагой; его почитали членом Совета, ибо он был наставником юных волков.

— Мне никогда не приходилось учить сына Месхии, — сказал он. — Может быть, я и сам узнаю что-нибудь новое. Я вступаюсь за него.

— Нужен еще голос, — сказал Вожак. — Кто еще выскажется в пользу детеныша?

Воцарилось молчание. И тогда из глубины зала выступил Черный Убийца. Все трепетали перед ним, ибо, хотя его мех был нежнее меха самого маленького волчонка, глаза его грозно сверкали во мраке ночи.

— До меня здесь говорили двое, и они не были волками, — молвил он. — Почему бы и мне не сказать свое слово? У меня есть золото.

Он показал кошель.

— Говори! Говори! — закричали все.

— Закон также гласит, что жизнь детеныша можно купить, — сказал Черный Убийца и высыпал золото в ладонь; и так была выкуплена империя.

Часть четвертая. Рыбкина борозда

Если пересказать все приключения Лягушонка — как он жил среди волков, учился искусству охоты и боя, — это займет множество книг. Но те, в чьих жилах течет кровь людей, — что живут на вершине горы за пределами Урса, в конце концов слышат голос этой крови. В один прекрасный день он принес на Совет Волков огонь и молвил: «Вот Алый Цветок. Его именем я всхожу на царство». И никто ему не возразил, и он повел волков за собой и назвал их своим народом; приходили к нему и люди, и волки, сам же он, будучи еще отроком, казался выше мужчин своего окружения, ибо кровь Юного Лета текла в его жилах.

Однажды ночью, в час, когда зацветает ши-

повник, она явилась к нему во сне и поведала о матери, Лесной Птичке, о ее отце и дяде, и о том, что у него есть брат. Он разыскал брата — тот стал пастухом, — и вдвоем они отправились к королю требовать наследства, а с ними шли волки, Черный Убийца и много людей. Король уже состарился, его сыновья умерли, не оставив потомства, поэтому он отдал братьям все; Рыбка забрал себе город и угодья, а Лягушонок — поросшие девственными лесами холмы.

Однако число людей, последовавших за ним, все росло. Они воровали женщин из окрестных селений, у них рождались дети, и когда ставшие ненужными волки ушли в леса, Лягушонок решил, что его народу требуется город с домами, где люди могли бы жить, и крепостной стеной, которая защищала бы их от врагов в военное время. Он пошел к стадам Рыбки, выбрал белую корову и белого быка, запряг их в плуг и пропахал борозду, вдоль которой намеревался выстроить стену. Когда же Рыбка явился с просьбой вернуть ему скот, все уже было готово к строительству. Увидев борозду и узнав, что это будущая стена, он рассмеялся и перепрыгнул через нее; люди же Лягушонка, решив, что насмешка над замыслом губит дело в зародыше, убили его. Ведь он к тому

времени уже достиг зрелости, поэтому предсказание, сделанное при рождении Вешнего Ветра, сбылось.

Когда Лягушонок увидел мертвого брата, он похоронил его в борозде, дабы земля обильней плодоносила. Ибо так учил его Нагой, который звался также Жестоким.

20. КОЛДОВСКОЙ КРУГ

С первым утренним лучом мы вошли в заросли горного леса, словно в дом. Позади нас в траве, на ветвях кустов и на камнях играли солнечные зайчики; мы пробрались сквозь занавес из переплетенных лиан, такой густой, что мне пришлось разрубать его мечом, и увидели перед собой лишь колонны стволов в полумраке. Не слышно было ни птичьей трели, ни жужжания насекомых. Ни единый порыв ветра не нарушал молчаливого покоя. Голая почва под ногами была поначалу столь же каменистой, как и склоны гор, но не прошли мы и лиги, как она стала мягче, и наконец мы набрели на невысокую лестницу, ступени которой были, несомненно, прорублены лопатой.

— Посмотри туда! — Мальчик тыкал пальцем во что-то красное непонятной формы, торчавшее из самой верхней ступени.

Я остановился и пригляделся. Это была петушиная голова; из птичьих глаз высовывались спицы из какого-то темного металла, а в клюв была вдета сброшенная змеиная кожа.

— Что это? — прошептал мальчик, широко раскрыв глаза.

— Наверное, какая-то ворожба. — Ведьмина? А что она значит?

Я задумался, припоминая то немногое, что знал о черной магии. У Теклы в детстве была кормилица, которая завязывала и распускала узлы, чтобы ускорить роды, и утверждала, что в полночь видела лицо будущего мужа Теклы (уж не мое ли?) в блюде из-под свадебного пирога.

— Петух возвещает наступление будущего дня, — объяснил я мальчику, — и колдуны верят, что его крик на заре вызывает солнце. Его ослепили, думаю, для того, чтобы он не знал, когда наступит заря. Если змея сбрасывает кожу, это считается символом очищения или новой юности. Ослепленный петух удерживает старую кожу.

— И что это значит? — повторил мальчик.

Я ответил, что не знаю, но в глубине души не сомневался, что здесь ворожили против пришествия Нового Солнца. У меня защемило сердце: кто-то пытался помешать обновлению, на которое я так надеялся в детстве и в которое сейчас верил с трудом. В то же время меня не оставляла мысль о том, что я хранитель Когтя. Враги Нового Солнца непременно уничтожат его, попади он к ним в руки.

Не прошли мы и сотни шагов, как увидали свисающие с деревьев полоски красной материи: иногда простой, но порой испещренной черными письменами, разобрать которые я не смог; скорее всего это были символы и идеограммы, которыми особенно любят пользоваться шарлатаны, подражая языку астрономов, дабы приписать себе больше знаний, чем они имеют на самом деле.

— Нам лучше вернуться, — шепнул я, — либо пойти в обход.

Не успел я произнести эти слова, как позади послышался шорох. На мгновение мне показалось, что существа на тропинке — демоны с огромными глазами и черно-бело-красными полосами; но потом я разглядел, что это всего лишь люди с разрисованными телами. Они вытянули вперед руки с железными когтями. Я обнажил «Терминус Эст».

— Мы тебя не тронем, — сказал один из них. — Уходи. Оставь нас, если хочешь.

Мне показалось, что под краской у него была белая кожа и светлые волосы южанина.

— Только попробуйте меня тронуть. У меня длинный меч, и я убью вас обоих, прежде чем вы сделаете хоть шаг.

— Тогда уходи, — сказал светловолосый. — Ес-

ли, конечно, согласен оставить ребенка у нас.

Я оглянулся, ища взглядом Северьяна. Он исчез.

— Однако, если хочешь, чтобы его тебе возвратили, отдай мне свой меч и следуй за нами.

Без тени страха раскрашенный человек приблизился ко мне и протянул обе руки. Стальные когти мелькнули между пальцами: они были прикреплены к узким железным пластинам на ладонях.

— Я не стану просить дважды.

Я вложил меч в ножны, расстегнул перевязь и отдал все ему.

Он закрыл глаза. Веки были покрыты черными точками, подобно раскраске некоторых гусениц, из-за которой птицы принимают их за змей.

— Выпил много крови.

— Это правда, — ответил я.

Он открыл глаза и устремил на меня долгий немигающий взгляд. Его разрисованное лицо, как и лицо другого, стоявшего позади, было бесстрастно, словно маска.

— Новый меч был бы здесь бессилен, но этот может принести беду.

— Надеюсь, он будет мне возвращен, когда я и мой сын покинем вас. Что вы сделали с маль-

чиком?

Ответа не последовало. Люди обошли меня с двух сторон и двинулись по тропинке в том же направлении, в каком шли мы с Северьяном. Я немного помедлил и отправился следом за ними.

Место, куда меня привели, можно было назвать деревней, но не в обычном смысле — оно не походило ни на Сальтус, ни даже на скопления лачуг автохтонов, которые иногда нарекают деревнями. Деревья здесь были больше и стояли друг от друга дальше, чем в лесах, виденных мною ранее, а кроны их сплетались в нескольких сотнях кубитов над головой, образуя непроницаемую крышу. Поистине деревья эти были столь огромны, что казалось, их возраст исчислялся веками; в стволе одного из них были пробиты окна, а к двери вела лестница. На ветвях другого виднелось жилище в несколько этажей; к сучьям третьего было подвешено нечто напоминавшее громадное гнездо иволги. Отверстия-люки под ногами не оставляли сомнении в наличии подземных ходов.

Меня подвели к одному из люков и велели спуститься в темноту по грубо сколоченной лестнице. На миг во мне всколыхнулся неведомо откуда взявшийся страх; казалось, лестница уходит очень глубоко, в подземелья, подобные

тем, что скрывались под мрачной сокровищницей обезьянолюдей. Но я ошибся. Спустившись на глубину не более моего собственного роста, взятого четырехкратно, и пробравшись сквозь какие-то рваные циновки, я очутился в подземной комнате.

Люк над моей головой захлопнулся, и все погрузилось в темноту. Я ощупью обследовал комнату и обнаружил, что она всего три шага в длину и четыре — в ширину. Пол и стены были земляными, а потолок сложен из необструганных бревен. Никакой мебели не было и в помине.

Когда мы попали в плен, близился полдень. Через семь стражей стемнеет. Не исключено, что к тому времени меня уже проводят к какому-нибудь представителю здешней власти. В этом случае я сделаю все возможное, чтобы убедить его в нашей безобидности, и упрошу отпустить меня и ребенка с миром. Если же нет, я взберусь по лестнице наверх и попытаюсь высадить люк. Я уселся на землю и стал ждать.

Уверен, что я не спал; но я пустил в ход все свое умение воскрешать прошлое, и мне удалось хотя бы в воображении покинуть это зловещее место. Некоторое время я, как в детстве, наблюдал за животными в некрополе за крепостной стеной

Цитадели. Вот в небесах караваны гусей; вот лиса преследует зайца; вот они снова мчатся передо мной в траве, а вот отпечатки их лап на снегу. За Медвежьей Башней на куче отходов лежит Трискель — как будто мертвый; я приближаюсь к нему, он вздрагивает и поднимает голову, чтобы лизнуть мне руку. Вот я сижу рядом с Теклой в ее тесной камере; мы читаем друг другу и прерываемся, чтобы обсудить прочитанное.

«Мир стремится к концу, словно вода в часах», — говорит она. «Предвечный мертв, кто же воскресит его? Кто сможет?» — «Часы неминуемо останавливаются, когда умирает их владелец». — «Это только предрассудок». Она отнимает у меня книгу и берет мои руки в свои. Ее длинные пальцы очень холодны. «Когда их владелец лежит на смертном одре, некому налить свежей воды. Он умирает, и сиделки смотрят на циферблат, чтобы заметить время. Потом часы находят остановившимися, а время на них — неизменным». — «Ты говоришь, что часы умирают раньше их владельца; следовательно, если вселенная стремится к концу, это не значит, что Предвечный мертв; это значит, что он никогда не существовал». — «Но он же болен. Оглянись вокруг. Посмотри на эти башни над головой. А знаешь, Северьян, ведь ты

никогда их не видел!» — «Но ведь он еще может попросить кого-нибудь наполнить механизм водой», — предполагаю я и, осознав смысл своих слов, заливаюсь краской. Текла смеется.

«С тех пор как я впервые сняла перед тобой одежды, не замечала за тобой этого. Я положила твои ладони себе на грудь, и ты покраснел, как ягодка. Помнишь? Значит, говоришь, он может кого-то попросить? И где же наш юный атеист?»

Я кладу руку ей на бедро.

«Смущен, как и в тот раз, в присутствии божества». «Значит, ты и в меня не веришь? Пожалуй, ты прав. Должно быть, о такой, как я, мечтают все молодые палачи — о прекрасной узнице, еще не изуродованной пытками, призывающей вас насытить томление ее плоти». Я стараюсь быть галантным. «Моя мечта не в силах воспарить так высоко». «Неправда. Ведь я сейчас целиком в твоей власти». В камере, кроме нас, был еще кто-то. Я окинул взглядом забранную решеткой дверь, фонарь Теклы с серебряным отражателем, потом все углы. В камере потемнело, Текла и даже я сам растворились во мраке, однако то, что вторглось в мою память, не исчезало.

— Кто ты, — спросил я, — и что хочешь сделать с нами?

— Ты хорошо знаешь, кто мы, а мы знаем, кто ты, — ответил бесстрастный голос, самый властный из всех, что мне приходилось слышать. Сам Автарх так не говорил.

— И кто же я?

— Северьян из Нессуса, ликтор Тракса.

— Да, я Северьян из Нессуса, — подтвердил я, — но я больше не ликтор Тракса.

— Допустим.

Голос умолк, и постепенно я догадался, что мой собеседник не намерен меня расспрашивать: скорее он принудит меня, если я желаю свободы, самому открыться перед ним. У меня руки чесались схватить его — он явно находился не дальше нескольких кубитов от меня, — но я знал, что он, вне всякого сомнения, вооружен теми стальными когтями, какие мне продемонстрировала его охрана. Мне также хотелось, как не раз прежде, достать из кожаного мешочка Коготь, хотя ничего глупее в этот момент нельзя было придумать. Я сказал:

— Архон Тракса приказал мне убить одну женщину. Вместо этого я позволил ей бежать и был вынужден покинуть город.

— Миновав охрану с помощью магии.

Я всегда считал всех самозваных чудотворцев

шарлатанами; теперь же я уловил в голосе моего собеседника нечто такое, что навело меня на новую мысль: пытаясь обмануть других, они в первую очередь обманывали себя. В голосе звучала насмешка, но не над магией, а надо мной.

— Может, и так, — ответил я. — Что тебе известно о моей власти?

— Что она недостаточна, чтобы ты мог освободиться.

— Я не пытался освободиться и тем не менее был свободен. Он забеспокоился.

— Ты не был свободен. Ты просто вызвал дух этой женщины!

Я вздохнул, стараясь, чтобы он этого не услышал. Как-то раз в вестибюле Обители Абсолюта одна девочка приняла меня за высокую женщину — это Текла на время заменила собой мою личность. Теперь же, по-видимому, Текла, о которой я вспоминал, говорила моими устами.

— В таком случае я некромант и повелеваю душами усопших, ибо та женщина мертва.

— Ты сказал, что освободил ее.

— Не ее, а другую, лишь отчасти напомнившую мне ее. Что вы сделали с моим сыном?

— Он не называет тебя отцом.

— Он капризный мальчик.

Ответа не последовало. Подождав немного, я встал и еще раз ощупал стены своей подземной тюрьмы; как и прежде, я наткнулся на сырую почву. Вокруг не было ни искорки света, ни единый звук не долетал до моих ушей, но я допускал, что люк можно накрыть каким-нибудь переносным сооружением, а если крышка еще и мастерски сделана, она могла подниматься бесшумно. Я ступил на нижнюю перекладину лестницы. Она заскрипела.

Я поднялся на следующую перекладину, потом еще на одну, и каждый раз раздавался скрип. Я попробовал ступить на четвертую, но почувствовал, как что-то острое, похожее на лезвие кинжала, впилось мне в голову и плечи. Струйка крови из правого уха потекла на шею.

Отступив на третью перекладину, я поднял руку. То, что я принял за рваную циновку, когда спускался в подземелье, оказалось парой дюжин бамбуковых щепок, остриями вниз закрепленных на стенках люка. Спустился я без труда, потому что отклонил их в сторону своим телом; но теперь они мешали мне подняться, подобно тому как зазубрины на гарпуне мешают рыбе ускользнуть. Взявшись за одну из них, я попробовал сломать ее, но там, где требовались усилия обеих рук, одна

оказалась беспомощна. Будь у меня время и достаточно света, я бы, возможно, сумел преодолеть преграду; свет я еще мог добыть, но рисковать был не вправе. Я спрыгнул на пол.

Я обследовал комнату еще раз, но ничего нового не обнаружил. Тем не менее мне казалось совершенно невероятным, чтобы мой собеседник сошел по лестнице, не издав ни звука, хотя я и допускал, что он мог пройти сквозь бамбук, обладая специальными знаниями. Опустившись на четвереньки, я ощупал пол. Ничего.

Я попробовал сдвинуть лестницу, но она была прочно закреплена на своем месте; тогда я встал в ближайший к люку угол, подпрыгнул как можно выше и провел рукой по стене. Потом отступил на полшага в сторону и снова подпрыгнул. Когда я оказался примерно напротив того места, где недавно сидел, я нашел то, что искал: прямоугольный лаз, в кубит высотой и два кубита шириной, расположенный чуть выше моей головы. Мой собеседник, вероятно, тихонько вылез из него по веревке и вернулся тем же способом; однако более правдоподобным мне показалось предположение, что он просто просунул в лаз голову и плечи, чтобы его голос звучал так, будто он сам находится со мною в комнате. Я покрепче

ухватился за края лаза, подпрыгнул и втянул себя внутрь.

21. ПОЕДИНОК МАГОВ

Комната, в которую я попал, спасаясь из заточения, очень напоминала предыдущую, хотя и находилась выше. Разумеется, в ней также царила непроглядная тьма; однако теперь я был уверен, что за мной не наблюдают. Я достал из мешочка Коготь, и он озарил помещение неярким светом, которого тем не менее было достаточно, чтобы осмотреться.

Лестницы в комнате не было, но имелась узкая дверь, ведущая, как я предложил, в третье подземное помещение. Спрятав Коготь, я вошел в нее, но оказался в тесном, не шире дверного проема, тоннеле, столь запутанном, что я успел свернуть дважды, не пройдя и шести шагов. Сначала я решил, что тоннель представляет собою просто преграду для света — чтобы скрыть отверстие в стене комнаты, куда меня поместили. Однако в этом случае трех поворотов было бы достаточно. Тоннель, казалось, то уходил вглубь, то разветвлялся, и повсюду был кромешный мрак. Я снова достал Коготь.

Свет его показался мне несколько ярче, но, наверное, потому, что пространство было тем-

ным; однако все, что мне удалось разглядеть, я уже знал на ощупь. Вокруг — ни души. Я стоял в лабиринте с земляными стенами и потолком из необструганных поленьев (нависавшим теперь прямо над головой), его частые повороты быстро убивали свет.

Я хотел спрятать Коготь, но в этот миг почувствовал резкий враждебный запах. Мне было далеко до чутья волка из сказки — по правде говоря, остротой обоняния я уступаю и многим людям. Запах показался мне знакомым, но лишь некоторое время спустя я вспомнил, что точно такой же стоял в вестибюле в утро нашего побега, когда я вернулся за Ионой после разговора с девочкой. Она сказала, что кто-то чужой рыскал среди заключенных; а потом я обнаружил на полу и на стенах рядом с лежащим Ионой какое-то липкое вещество.

Коготь я убирать не стал; блуждая по лабиринту, я несколько раз натыкался на зловонный след, но встретить существо, которое его оставило, мне так и не пришлось. Целую стражу, если не больше, я плутал по запутанным переходам и наконец вышел к лестнице, выводившей в неглубокую открытую шахту. В квадратное отверстие наверху лился дневной свет, который ослепил меня и

несказанно обрадовал. Какое-то время я просто стоял под его струей, не торопясь поставить ногу на первую перекладину. Ведь если я поднимусь, меня, наверное, тут же схватят, и все же голод и жажда так истомили меня, что удержаться я не мог, а при мысли о мерзкой твари, которая рыскала в поисках меня, — я не сомневался, что это была одна из зверюшек Гефора, — мне сразу захотелось ринуться наверх.

Наконец я со всеми предосторожностями вскарабкался и высунул голову наружу. Я думал, что окажусь в деревне, но ошибся: подземный лабиринт привел меня к потайному выходу за ее пределами. Высокий безмолвный лес был здесь гораздо гуще, а свет, показавшийся мне из подземелья столь ослепительным, на самом деле обернулся зеленым переливом листвы. Я выбрался и обнаружил оставленную за собой нору, столь ловко упрятанную в корнях, что я мог бы пройти от нее в двух шагах и не заметить. Я бы с удовольствием завалил ее чем-нибудь тяжелым, чтобы преградить выход преследовавшему меня чудовищу, но поблизости не было ни камня, ни другого подходящего предмета.

Следуя старой испытанной привычке искать подходящий склон и всегда идти под гору, я вско-

ре обнаружил ручеек. Над ним в листве виднелся просвет, и я смог приблизительно определить, что провел под землей восемь-девять страж. Исходя из посылки, что поселение не может располагаться далеко от источника пресной воды, я отправился вдоль ручья и вскоре вышел к самой деревне. Оставаясь в кромешной тьме леса, я завернулся в свой угольно-черный плащ и некоторое время внимательно осматривал селение. Вот по поляне прошел человек — на нем не было краски, как на тех двоих, что остановили нас на тропинке. Вот еще один вылез из укрепленной на ветвях хижины, спустился к ручью, напился и вернулся назад.

С наступлением темноты странный поселок пробудился. Из древесной хижины появилось около дюжины мужчин; они принялись складывать в кучу поленья посередине поляны. Еще трое, облаченные в длинные мантии, с вилкообразными посохами в руках вышли из дома-дерева. Когда костер запылал, из темноты возникли и другие, должно быть, охранявшие лесные тропы, и расстелили перед огнем кусок ткани.

Один из людей в мантиях повернулся к костру спиной, а двое других опустились перед ним на колени; в них было нечто такое, что выделяло их

из общей толпы, но их повадка напоминала мне скорее экзультантов, чем иеродулов в садах Обители Абсолюта, — под ней скрывалось сознание превосходства, даже если за это превосходство приходилось платить разрывом с обычными людьми. Мужчины, в краске и без нее, расселись, скрестив ноги, вокруг костра лицом к этим троим. До моего слуха доносились гул голосов и четкая речь стоявшего, однако слов я не различал, поскольку расстояние между нами было слишком велико. Прошло немного времени, и двое согбенных поднялись. Один из них распахнул мантию наподобие шатра, и из-под нее вышел сын Бекана, которого я называл своим. Второй таким же образом достал «Терминус Эст» и вытянул вперед, демонстрируя всем сверкающее лезвие и черный опал на рукояти. Затем поднялся один из раскрашенных людей и направился в мою сторону (я даже испугался, что он меня заметит, хотя мое лицо и было спрятано под маской). Он поднял крышку люка и исчез под землей. Вскоре он появился из другого люка, расположенного ближе к костру, и суетливо побежал к троим в мантиях, желая им что-то сообщить.

В содержании его слов сомневаться не приходилось. Я расправил плечи и выступил из темноты.

— Там меня уже нет, — произнес я. — Я здесь. Раздался общий вздох удивления, доставивший мне истинное удовольствие, хоть я и понимал, что могу скоро умереть.

Один из облаченных в мантию людей — тот, что стоял посередине, — сказал:

— Как видишь, уйти от нас ты не можешь. Ты был свободен, но мы заставили тебя вернуться.

Я узнал этот голос — он допрашивал меня в подземной комнате.

— Если ты прошел достаточно далеко по Пути, — возразил я, — тебе должно быть известно, что твоя власть надо мной не так сильна, как может показаться непосвященным. (Подражать речи таких людей совсем не трудно, ибо и сами они подражают речи аскетов или жриц, подобных Пелеринам.) Ты похитил моего сына, который также приходится сыном Говорящему зверю, и это тебе должно быть известно, если ты успел его допросить. Ради его возвращения я отдал свой меч твоим рабам и на время отдал себя в твои руки. Теперь я забираю меч назад.

На плече у человека есть одна точка; если сильно нажать на нее большим пальцем, вся рука оказывается парализованной. Я положил руку на плечо человека, державшего «Терминус Эст», и

он уронил меч к моим ногам. Проявив большую смекалку, чем я мог ожидать от ребенка, малыш Северьян подхватил меч и подал мне. Средний в мантии поднял посох и крикнул: «К оружию!», и его свита поднялась в едином порыве. У многих на руках были когти, которые я уже описывал, другие выхватили кинжалы.

Я повесил «Терминус Эст» на полагающееся ему место на перевязи и сказал:

— Надеюсь, вы не допускаете мысли, что этот древний меч служит мне оружием? У него более высокое предназначение, и вам лучше других следовало бы это знать.

— Именно так нам и говорил Абундантий, — поспешил ответить человек в мантии, который привел маленького Северьяна. Второй стоял, потирая плечо.

Я взглянул на среднего, о котором скорее всего и шла речь. В его холодных как камень глазах читался недюжинный ум.

— Абундантий мудр, — сказал я, размышляя, нельзя ли изловчиться и убить его так, чтобы нас не успели атаковать остальные. — Полагаю, ему также известно и о проклятии, которое падет на голову всякого, кто причинит зло магу.

— Так, значит, ты маг, — произнес Абундан-

тий.

— Я вырвал из рук архона его добычу и прошел невидимым сквозь самую гущу его войска, и ты еще сомневаешься? Да, меня называют магом.

— Тогда докажи, что ты маг, и мы будем почитать тебя как брата. Если же ты потерпишь поражение или откажешься от состязания — нас много, а у тебя только меч.

— Поражение немыслимо, если испытание будет честным, — сказал я. — Хотя ни у тебя, ни у твоих людей нет права меня испытывать.

Он был слишком умен, чтобы позволить втянуть себя в спор.

— Условия испытания известны всем собравшимся, кроме тебя, и каждый знает, что они справедливы. Все, кого ты здесь видишь, или выдержали их, или надеются выдержать.

Меня привели в прочное бревенчатое сооружение, которое я раньше не заметил, поскольку оно было скрыто среди деревьев. Вход был только один, окна вовсе отсутствовали. Когда внесли факелы, я увидел, что в единственной комнате не было ничего, кроме сплетенного из трав ковра, длина же ее настолько превосходила ширину, что помещение напоминало коридор.

Абундантий обратился ко мне:

— Здесь тебе предстоит сразиться с Декуманом. — Он указал на человека, которому я пережал руку, а тот был слегка удивлен, что его так отличили. — У костра ты одолел его. Теперь же он должен победить тебя, если сможет. Если хочешь, сядь здесь, ближе к двери, чтобы не опасаться, что мы придем к нему на помощь. Он сядет в дальнем конце. Вам запрещено сближаться, а также прикасаться друг к другу, как ты коснулся его у костра. Вы должны читать заклинания, а утром мы явимся посмотреть, кто одержал победу.

Я взял малыша Северьяна за руку и пошел в дальний темный конец помещения.

— Я сяду здесь, — сказал я. — Я полностью доверяю вам и не сомневаюсь, что вы не станете помогать Декуману, однако и вам неведомо, есть ли у меня союзники в окрестных лесах. Вы обещали доверять мне, и я взамен обещаю доверять вам.

— Ребенка тебе лучше оставить у нас, — сказал Абундантий.

Я покачал головой.

— Он пойдет со мной. Он мой, и, когда вы украли его на лесной тропе, вы лишили меня половины моей волшебной силы. Больше я с ним не расстанусь.

Поразмыслив, Абундантий кивнул.

— Воля твоя. Нас заботит только его безопасность.

— Ему ничто не грозит, — сказал я.

На стенах были закреплены железные скобы, и, прежде чем удалиться, четверо нагих людей вдели в них факелы. Декуман уселся, скрестив ноги, у двери с посохом на коленях. Я тоже сел и усадил мальчика рядом с собой.

— Мне страшно, — прошептал он, зарывшись личиком в мой плащ.

— Неудивительно. За последние три дня тебе много пришлось пережить.

Декуман начал медленно и ритмично читать заклинание.

— Расскажи-ка мне, малыш, что случилось с тобой на тропинке? Я искал тебя, но ты куда-то пропал.

Лаской и увещеваниями мне удалось успокоить его; он перестал плакать.

— Это все они, раскрашенные люди с когтями, они вышли, а я испугался и убежал.

— И все?

— Нет, пришли другие раскрашенные люди и поймали меня, заставили залезть в темную нору. А потом они меня разбудили, подняли на землю,

один человек накрыл меня плащом, но тут ты пришел и спас меня.

— Тебя о чем-нибудь спрашивали?

— Меня расспрашивал какой-то человек, когда я сидел в темноте.

— Все ясно. Маленький Северьян, ты не должен от меня убегать, как тогда на тропинке, понимаешь? Бежать можно только тогда, когда я побегу. Если бы ты не убежал, когда мы встретили раскрашенных людей, мы бы сейчас здесь не сидели.

Мальчик кивнул.

— Декуман, — позвал я, — нам нужно поговорить.

Он не обратил на меня внимания, и лишь бормотание его сделалось громче. Он сидел, подняв голову, и, казалось, неотрывно смотрел на потолочные балки, только глаза его были закрыты.

— Что он делает? — спросил мальчик.

— Читает заклинание.

— А оно не навредит нам?

Я покачал головой.

— Нет, такое колдовство не более чем шарлатанство, так же как и сцена с твоим появлением из-под мантии того, другого, — тебя и в нору-то посадили, чтобы потом незаметно поднять.

Произнося все эти слова, я чувствовал, что

имею дело отнюдь не с шарлатаном. Декуман сосредоточивал на мне свое сознание, обнаруживая при этом редкий дар концентрации, и я был словно голый в ярко освещенном зале под взглядами тысяч людей. Пламя одного из факелов задрожало, вспыхнуло и погасло. В комнате стало темнее, но незримый свет разгорался все ярче.

Я встал. Существует несколько способов убийства, при которых не остается следов, и, мысленно перебирая их, я шагнул вперед.

В мгновение ока стены ощетинились пиками — по элю[1] с каждой стороны. Конечно, это были не копья, которыми вооружены солдаты, — энергетическое оружие с головками, испускающими молнии, а обычные деревянные жерди с железными наконечниками, похожими на те, что используют уроженцы Сальтуса. Но на близком расстоянии и они могли убить, поэтому я сел обратно.

— Наверное, они стоят с той стороны и смотрят на нас сквозь щели в стене, — сказал мальчик.

— Да, теперь я и сам это понял.

— И что же нам делать? — спросил он и, не услышав ответа, спросил снова: — Кто эти люди,

---

[1] notes: 1
эль (истор.) равен 45 дюймам, или 1,14 метра

отец?

В первый раз он назвал меня отцом; я крепче прижал его к себе, и путы, которыми Декуман оплетал мой мозг, ослабли.

— Это только догадка, но скорее всего мы с тобой попали в школу магов — это такие колдуны, которые верят, будто познали тайные науки. Принято считать, что у них повсюду есть последователи — хотя я предпочитаю в это не верить, — и они очень жестоки. Ты когда-нибудь слышал о Новом Солнце? Это такой человек, о котором было пророчество, что он явится, чтобы растопить льды, и мир опять станет добрым.

— Он убьет Абайю, — к моему изумлению, прибавил мальчик.

— Да, он должен сделать это и еще многое. Говорят, он уже приходил однажды, но это было давно. Ты знал об этом? Он покачал головой.

— В тот раз он явился, чтобы установить мир между человечеством и Предвечным. Поэтому ему дали имя Миротворец. После себя он оставил знаменитую реликвию, драгоценный камень, который прозвали Коготь.

Моя рука непроизвольно потянулась к нему, и сквозь мягкую кожу, из которой был сшит мешочек, я ощутил его присутствие, хоть и не

развязывал тесемки. Стоило мне коснуться его, как невидимое марево, которым Декуман окутал мое сознание, бесследно исчезло. Не понимаю, почему я так долго пребывал в уверенности, что Коготь непременно нужно достать из потайного места, чтобы он проявил силу. Той ночью я понял, что заблуждался, и от души расхохотался.

Декуман оборвал заклинание и открыл глаза. Маленький Северьян еще крепче прижался ко мне.

— Ты больше не боишься?

— Нет, — ответил я. — А ты заметил, что мне было страшно? Он серьезно кивнул.

— Так вот, — продолжал я свой рассказ, — зная о существовании той реликвии, некоторые люди решили, что когти были оружием Миротворца. Сам я порой сомневаюсь, что этот человек вообще существовал; но если он когда-нибудь и жил, то использовал свое оружие по большей части против себя. Понимаешь?

Сомневаюсь, что мальчик действительно понял, однако он снова кивнул.

— Когда мы шли по тропинке, то видели следы ворожбы против пришествия Нового Солнца. Раскрашенные люди — это, наверное, те, кто прошел испытание, — вооружены железными когтями.

Думаю, они хотят помешать приходу Нового Солнца, чтобы занять его место и узурпировать власть. Если…

За стеной послышался крик.

22. У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ

Мой смех лишь на краткий миг нарушил сосредоточенность Декумана. Крика же за стеной он как будто и не слышал. Тенета, спавшие с меня, стоило мне схватиться за Коготь, заплетались снова, медленнее, но прочнее.

О таких ощущениях всегда есть соблазн сказать, что они невыразимы, однако это редко бывает правдой. Я чувствовал себя голым, подвешенным между двумя наделенными разумом светилами, и почему-то знал, что светила эти суть полушария Декуманова мозга. Свет лился на меня со всех сторон, но этот свет словно исходил от раскаленных печей, уничтожая и парализуя меня. В этом сиянии все казалось никчемным и сам я был мал и ничтожен.

Моя сосредоточенность, таким образом, в определенном смысле не пострадала. Во мне зрело неясное предчувствие, что крик мог означать некий поворот событий в мою пользу. Позже, много позже, чем следовало, я поднялся на ноги.

Что-то рвалось сквозь дверь. Сначала, пусть это и покажется абсурдным, мне пришла в голову мысль, что это грязь — будто некая стихия

сотрясла Урс, и мы проваливаемся на дно зловонного болота, и вязкая жижа вот-вот затопит нас. Неумолимо, беззвучно она растекалась вокруг дверного проема, и в этот миг погас еще один факел. Еще немного, и она достала бы Декумана. Я окликнул его, предупреждая об опасности.

Не знаю, подействовал ли мой окрик или же чудовище коснулось его, но он очнулся. Я снова почувствовал, как чары отпустили меня, сеть, державшая меня меж двух одинаковых светил, лопнула. Источники света распались и медленно померкли, а я точно увеличился в объеме, затем меня закружило без смысла и направления, пока я не осознал себя прочно стоящим на ногах в зале испытаний с цепляющимся за мой плащ маленьким Северьяном.

На руке Декумана сверкнули когти. Я и не заметил, что они у него были раньше. Что бы собой ни представляло это почти бесформенное чудовище, коготь Декумана отсек кусок его плоти легко, словно масло. Хлынула кровь, тоже черная или, может быть, исчерна-зеленая. Но Декуман также истекал кровью — красной, и, когда чудовище захлестнуло его, он растаял под ним словно воск.

Я поднял мальчика, и он обхватил меня руками за шею, а ногами за талию. Я собрался с силами и

подпрыгнул, но мои пальцы лишь скользнули по потолочной балке, ухватиться за нее я не сумел. Чудовище слепо, но целенаправленно разворачивалось к нам. Возможно, оно шло на запах, однако я давно подозревал, что оно улавливало мысли — вот почему оно не могло обнаружить меня в вестибюле, где я мысленно уподобился Текле, и так быстро нашло меня в зале испытаний, где мозг Декумана сосредоточился на моем.

Я снова подпрыгнул и на этот раз промахнулся по меньшей мере на пядь. Чтобы достать хотя бы один из двух горящих факелов, нужно было подбежать к чудовищу. Так я и сделал: схватил факел, но, когда я вынимал его из скобы, он погас.

Держась за скобу одной рукой, я подпрыгнул в третий раз и подтянулся; теперь мне удалось левой рукой ухватиться за гладкую тонкую балку. Балка прогнулась, но я, с мальчиком за плечами, ухитрился подтянуться еще выше и поставить на скобу ногу.

Внизу темное бесформенное существо вздымалось, опадало и надувалось снова. Не отпуская балку, я выхватил «Терминус Эст». Удар был глубок, но не успел я вытащить лезвие из вязкой плоти, как рана закрылась и затянулась. Тогда я ткнул мечом в соломенную кровлю — уловка,

признаюсь, позаимствованная у Агии. Кровля была плотной, из толстых листьев, перетянутых прочными волокнами. Первые отчаянные попытки разрушить ее ни к чему не привели, но с третьего раза мне удалось сбить большую связку. Одним концом она задела последний факел и, ярко вспыхнув, загасила его. Через образовавшуюся брешь я выпрыгнул в ночную темноту.

Не разбирая дороги, с обнаженным мечом в руке, я ринулся вниз, и остается лишь удивляться, как я не разбился сам и не погубил ребенка. Оказавшись на твердой земле, я Уронил и меч, и мальчика и упал на колени. Красное зарево от загоревшейся крыши с каждым мигом все разрасталось. Мальчик всхлипнул; я приказал ему не убегать, потом одной рукой поднял его на ноги, другой схватил «Терминус Эст» и побежал сам.

Всю ночь напролет мы вслепую продирались сквозь лесные дебри. Насколько мог, я старался двигаться в гору — не только потому, что наш путь лежал на север, а следовательно, вверх, но и во избежание опасности свалиться в пропасть. Начинало светать, а мы так и не выбрались из леса и не имели ни малейшего представления о том, где находимся. Я взял мальчика на руки, и он уснул.

Спустя еще стражу я понял, что чем дальше мы будем идти, тем круче окажется склон, и наконец перед нами возник занавес из переплетенных лиан, точь-в-точь как тот, который я изрубил два дня назад. Я хотел было осторожно уложить спящего мальчика на землю и достать меч, но в этот самый миг заметил слева от себя яркий поток дневного света, льющийся сквозь дыру в занавесе. Торопливо, почти бегом, я устремился к ней и вышел на каменистое плато, поросшее колючей травой и кустарником. Еще несколько шагов, и я оказался у чистого ручья, поющего между камней, — сомнений быть не могло: это был тот самый ручей, у которого мы с малышом ночевали два дня назад. Я не знал и даже думать не хотел о том, преследовало ли нас еще бесформенное чудовище. Просто лег на берегу ручья и уснул.

Я видел лабиринт, похожий и в то же время не похожий на темные подземелья магов. Ходы были шире и порой образовывали галереи, величественные, как в Обители Абсолюта. Некоторые и впрямь были обставлены стенными зеркалами, и я видел в них себя, с изможденным лицом и в разорванном плаще, а рядом Теклу, полупрозрачную, в прелестном струящемся платье. Мимо со свистом проносились планеты, следуя кри-

вым, запутанным, им одним ведомым орбитам. Голубой Урс, как младенца, нес зеленую луну, не касаясь ее. Красный Вертанди превратился в Декумана: кожа его облезла, и он плавал в луже собственной крови.

Меня несло, я падал, руки и ноги судорожно дергались. На миг передо мною открылись истинные звезды в залитом солнцем небе, но сон тянул меня все дальше, неумолимый, как силы гравитации. Я шел мимо зеркальной стены; сквозь нее я видел бегущего в страхе мальчика, одетого в старую, заплатанную серую рубаху, какую я носил в ученичестве: он, мне казалось, бежал с четвертого уровня в Атриум Времени. Держась за руки, прошли Доркас и Иолента; они улыбались друг другу, но меня не заметили. Хлынул дождь, и автохтоны, меднокожие и кривоногие, в перьях и каменьях, заплясали вокруг своего шамана. Огромная, как туча, в воздухе проплыла ундина, заслоняя собою солнце.

Я пробудился. Теплый дождь капал мне на лицо. Малыш Северьян лежал рядом; он еще спал. Я поплотнее закутал его в плащ и отнес назад к тому месту, где в занавесе из сплетающихся лиан мною была прорублена дыра. За этим занавесом, под могучими кронами деревьев дождь не мог

нас достать. Мы легли и снова уснули. На этот раз никаких снов я не видел, а когда очнулся, занималась бледная заря, возвещая, что мы проспали целый день и целую ночь.

Мальчик был уже на ногах и гулял поблизости между стволов. Он показал мне ручей, я умылся и побрился, насколько мог тщательно, не имея горячей воды, — последний раз я брился в доме у подножия скалы. Затем мы разыскали знакомую тропу и снова двинулись на север.

— А вдруг мы опять встретим разноцветных людей? — забеспокоился мальчик, но я ободрил его и велел никуда не убегать, потому что теперь я смогу справиться с разноцветными людьми. На самом же деле меня больше тревожили Гефор и та тварь, которую он послал по моему следу. Если чудовище не сгинуло в огне, оно, возможно, двигалось сейчас нам навстречу: хоть оно, очевидно, и боялось солнца, сумрака лесных дебрей ему вполне бы хватило.

На тропу вышел всего один раскрашенный человек, но не для того, чтобы загородить нам путь: он пал на землю и распростерся ниц. Я хотел было убить его и разом со всем покончить; нас строго наставляли, что убивать и наносить тяжкие телесные повреждения мы имеем право

только по приказу судьи, но чем дальше я уходил от Нессуса и чем ближе подступал к театру военных действий в горах, тем больше ослабевали во мне прежние убеждения. Некоторые мистики утверждают, что испарения, поднимающиеся над полем брани, оказывают влияние на мозг даже вдали от сражений — везде, куда их занесет ветер. Возможно, они и правы. Тем не менее я просто велел ему встать на ноги и убраться с дороги.

— О Великий Маг! — воскликнул он. — Что сделал ты с ползучей тьмою?

— Отослал ее назад, в бездну, из которой вызвал, — ответил я, будучи уверен (ведь чудовище так и не повстречалось нам), что Гефор его отозвал. Если, конечно, оно не погибло.

— Души пятерых из нас переселились в мир иной, — сказал раскрашенный человек.

— В таком случае вы могущественнее, чем я предполагал. За одну ночь оно способно убить многие сотни.

Я был далек от уверенности, что он не накинется на нас сзади, но он не сделал этого. Тропа, по которой я еще вчера шел узником, была теперь свободна. Никто из охраны нас не окликал; полоски красной материи были частично оборваны и валялись под ногами — я не мог понять, почему.

Тропа была вся истоптана, но следы кто-то уже успел разровнять — возможно, граблями.

— Что ты ищешь? — спросил мальчик. Я отвечал тихо, ибо опасался, что за деревьями прячутся соглядатаи:

— След животного, от которого мы бежали прошлой ночью.

— Ну и как, нашел?

Я покачал головой. Мальчик помолчал немного, потом снова спросил:

— Послушай, Большой Северьян, а откуда оно взялось?

— Помнишь легенду? Оно явилось с одной из запредельных гор.

— С той, где жил Вешний Ветер?

— Не думаю, чтобы именно с той.

— А как оно сюда попало?

— Его привез один злой человек. А теперь, малыш Северьян, помолчи немного.

Если я и обошелся с мальчиком резко, то лишь потому, что меня очень беспокоила одна мысль. Гефор, должно быть, тайно вывез своих зверюшек на корабле, где служил сам, это ясно; и когда он гнался за мной по дороге из Нессуса, он вполне мог держать ночниц при себе, в каком-нибудь запечатанном ящичке: при всем внушаемом ими

ужасе они были не плотнее паутины — Иона хорошо знал об этом.

Но как он управлялся с чудовищем, напавшим на нас в зале испытаний? Оно появлялось и в вестибюле Обители Абсолюта вскоре после прихода Гефора, но каким образом? Не могло же оно, как пес, последовать за Гефором и Агией, когда они направились на север, в Тракс! Я вызвал в памяти его образ, каким увидел его, когда оно расправлялось с Декуманом, и попытался прикинуть, сколько же оно могло весить: как несколько человек и уж не меньше, чем боевой конь. Чтобы его спрятать и перевезти, несомненно, потребовалась бы большая повозка. И Гефор волок эту повозку через горы? Верилось с трудом, как и в то, что это вязкое страшилище ехало в повозке вместе с саламандрой, которая погибла в Тракс на моих глазах.

Наконец мы вошли в селение. Жители, казалось, покинули его. Обгорелые останки зала испытаний еще дымились. Я поискал тело Декумана — тщетно, конечно; однако я обнаружил его наполовину сгоревший посох. Он оказался полым и гладким внутри; я сообразил, что, если снять набалдашник, из него получалась неплохая трубка для метания отравленных стрел. Не

приходилось сомневаться, что, окажись я в силах до конца противостоять заклинаниям Декумана, посох был бы использован по назначению.

Мальчик, должно быть, проследил за моим взглядом и по выражению лица догадался, о чем я думал.

— А тот человек взаправду был колдун. Он почти заколдовал тебя. Я кивнул.

— А ты говорил, что он ненастоящий.

— Есть вещи, малыш Северьян, о которых я знаю не больше тебя. Я и не думал, что он настоящий. Я повидал здесь слишком много мошенничества — потайная дверь в подземной комнате, куда меня посадили, и то, как они «явили» тебя из-под мантии. И все-таки на свете есть много загадочного, и если хорошенько поискать, обязательно что-нибудь да обнаружишь. И тогда можно стать, как ты сказал, настоящим колдуном.

— Если бы они и в самом деле умели колдовать, они могли бы научить всех, что надо делать.

Я лишь покачал головой, но с тех пор немало думал о словах мальчика. Будь его мысль облечена в более зрелую форму, она бы выглядела еще убедительней, и все-таки я предвижу два возражения.

Во-первых, из поколения в поколение колдуны

передают слишком мало знаний. Сам я прошел подготовку в одной из тех прикладных наук, которые, можно сказать, рождены в нас самой природой; мне известно, что научный прогресс гораздо меньше зависит от теоретических рассуждений и систематических исследований, как принято считать, чем от передачи надежной информации, добытой случайно или благодаря озарению. Смысл существования охотников за тайными знаниями — хранить их даже после смерти или же передавать, но, передавая, они намеренно искажают и затемняют их, так что знания теряют почти всю свою ценность. Говорят, что иногда эти люди сообщают все накопленные познания своим возлюбленным или детям, однако сама их природа такова, что ни тех, ни других они почти никогда не имеют, а если и имеют, то утрачивают свое искусство.

Во-вторых, само существование подобного искусства подразумевает наличие противодействия. Силы первого рода мы зовем темными, хотя порой их обладатели пользуются неким смертным сиянием, как Декуман; силы второго рода мы называем светлыми, хотя временами их действие сопровождается тьмою, подобно тому как добрый человек, ложась спать, задергивает

полог кровати. И все-таки во всех этих толках о свете и тьме есть свой резон, ибо становится ясно, что одно подразумевает другое. В легенде, прочитанной мною маленькому Северьяну, говорилось о том, что вселенная есть не что иное, как бескрайнее слово Предвечного. Таким образом, мы суть слоги этого слова. Однако любое произнесенное слово бессмысленно, если нет других слов — тех, что не произнесены. Если зверь кричит однообразно, его крик никому ничего не скажет; даже у ветра есть множество голосов, и, сидя дома и прислушиваясь, мы знаем, дождь на дворе или ведро. Силы, что мы зовем темными, представляются мне словами, которых Предвечный, если он вообще существует, не произносил; эти слова, должно быть, пребывают в некой квазиреальности, дабы их можно было отделить от слова произнесенного. Невысказанное может быть важно, но не важнее того, что высказано. Так, одного сознания существования Когтя мне было достаточно, чтобы противостоять чарам Декумана.

Если искатели темных знаний находят искомое, разве не возможно, что и искатели знаний светлых обретают свое? Не им ли более подобает передавать свою мудрость потомкам? Так

Пелерины из поколения в поколение хранили Коготь; при этой мысли моя решимость найти их и вернуть сокровище неизмеримо возросла; ибо в ночь, когда я встретил альзабо, я осознал как никогда ясно, что когда-нибудь неминуемо наступит смерть, и, может быть, очень скоро.

Поскольку гора, к которой мы направлялись, стояла севернее и, следовательно, отбрасывала тень на покрытую густым лесом седловину, лианы по ту сторону не росли. Неяркая зелень листьев сделалась еще бледнее, погибшие деревья встречались все чаще, лес становился более низкорослым. В куполе из переплетенных крон, под которым мы шли целый день, появился просвет, шагов через сто — еще один, и вот наконец открылось небо.

Затем перед нами предстала гора, да так близко, что ее уже трудно было принять за гигантского человека. Но склоны тяжелыми складками ниспадали из-под густых облаков — и то были высеченные из камня складки его одежды. Как часто, поднимаясь ото сна, он, наверное, надевал их, не подозревая, что они будут запечатлены здесь на века — столь огромными, что человеческий взгляд окажется не способным охватить их разом.

23. ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОД

Назавтра около полудня мы снова обнаружили воду, и больше на этой горе вода нам не встречалась. От мяса, оставленного мне Касдо, осталось всего ничего. Я поделил эти жалкие остатки, и мы напились из ручья, вытекавшего из-под земли тоненькой струйкой, не шире моего большого пальца. Отсутствие воды показалось мне странным: ведь на вершине и склонах горы я видел так много снега; позже я обнаружил, что там, где снежный покров кончался и откуда с приходом лета могли бы устремиться талые воды, снег был начисто сметен ветром. Но выше белые сугробы накапливались веками.

Наши одеяла пропитались росой, и мы расстелили их на камнях для просушки. Хотя день был пасмурный, сухой горный ветер высушил их за стражу-другую. Я знал, что ночь нам предстояло провести высоко на склонах — как я уже ночевал, когда бежал из Тракса. Грядущее наступление ночи ничуть не угнетало меня. Не столько потому, что мы уходили от опасностей, с которыми пришлось столкнуться в лесах, сколько из-за ощущения оставленной позади мерзости. Я чув-

ствовал скверну на себе и надеялся, что холодный ветер гор очистит меня. Некоторое время я не осознавал причины этого чувства; позже, когда начался крутой подъем, я догадался, что меня мучили воспоминания о том, как я лгал колдунам, вслед за ними притворяясь, будто обладаю огромным могуществом и посвящен в великие таинства. Эта ложь была оправданной — она помогла мне спасти свою жизнь и жизнь малыша Северьяна. И все же, прибегнув к ней, я уронил свое достоинство. Мастер Гурло, которого я возненавидел незадолго до ухода из гильдии, лгал часто; и теперь я не знал, была ли его *лживость* причиной моей ненависти, или же я ненавидел ложь потому, что лгал он.

И все же у мастера Гурло было надежное оправдание, наверное, более надежное, чем у меня. Он лгал во имя сохранения гильдии, ради расширения ее казны: в отчетах, представляемых разным чиновникам, он преувеличивал наши заслуги и скрывал ошибки. Поступая так, он, по сути будучи главою гильдии, ратовал за упрочение собственного положения — это не вызывало сомнений, — но также и за мое продвижение, и Дротта, и Роша, и Эаты, и всех учеников и подмастерьев, которым предстояло унаследовать более

высокий пост. Если б он был просто тем ограниченным, жестоким человеком, за которого себя выдавал, я знал бы наверняка, что он использует ложь исключительно в личных целях. Но я понимал, что это не так; возможно, многие годы он, как я теперь, занимался самокопанием.

Я не мог с уверенностью сказать, что действовал ради спасения маленького Северьяна. Когда он убежал, мне, наверное, следовало не сдавать меч, а вступить в бой — так было бы лучше для него. Я единственный, кому моя послушная капитуляция принесла непосредственную выгоду: вступи я в бой, я мог быть убит. И когда я бежал из подземелья, меня в равной мере заботило и возвращение «Терминус Эст», и спасение маленького Северьяна; за мечом я возвращался и в шахту обезьянолюдей, когда мальчика со мною не было. Без меча я бы превратился в обычного бродягу.

Минула стража, оставив мои размышления позади, и теперь я карабкался по отвесной скале с мечом и мальчиком на спине, так и не решив для себя, насколько каждый из них мне нужен. К счастью, я был бодр, а подъем не особенно труден, и, добравшись до вершины, мы оказались на старой дороге.

Мне приходилось бывать во многих странных

местах, но нигде я не испытывал столь сильного ощущения аномалии. По левую руку, шагах в двадцати, эта широкая дорога обрывалась, срезанная оползнем; перед нами она простиралась безупречно ровная, как в тот день, когда была построена, — гладкая черная каменная лента вилась наверх по колоссу, чье лицо было скрыто за облаками.

Я опустил мальчика на землю, и он крепко вцепился мне в руку.

— Мама говорила, что по дорогам ходить нельзя, тут солдаты.

— Права твоя мама, — ответил я. — Но она собиралась спускаться под гору, где находятся солдаты. Когда-то они наверняка были и здесь, но умерли задолго до того, как самое крупное дерево этой чащобы пустило росток.

Мальчик продрог, я дал ему одеяло и показал, как в него заворачиваться и придерживать края, чтобы получился плащ. Случайному очевидцу мы бы показались одной маленькой серой фигуркой с непропорционально огромной тенью.

Мы вошли в туманное марево, и я удивился, что на такой высоте вообще может быть туман. Лишь когда мы поднялись выше и сверху поглядели на залитую солнцем пелену, я увидел, что это

было облако, одно из тех, что казались такими далекими с седловины.

Да и сама седловина, что лежала теперь внизу, на тысячи кубитов возвышалась над Нессусом и устьем Гьолла. Как же Далеко я забрел, что в здешних краях леса могли расти на такой высоте; я был почти у пояса Урса, где всегда стоит лето и лишь в горах меняется климат. Если бы я отправился на запад, прочь от этих гор, то, по словам мастера Палаэмона, я очутился бы в таких тлетворных тропических джунглях, насыщенных влажными испарениями и кишащих насекомыми, что лес, оставленный нами позади, в сравнении с ними показался бы раем. Но и там я обнаружил бы печать смерти, ибо хотя солнце и посылало на них свои лучи столь же обильно, как на любой другой участок Урса, их мощь была все же не той, что в прежние времена. Ледник полз на юг, и растительность умеренного пояса отступала; тропические же деревья вымирали, освобождая пришельцам пространство.

Пока я смотрел вниз на облако, мальчик шел вперед. Потом он обернулся и, глядя на меня сияющими глазами, крикнул:

— Кто построил эту дорогу?

— Несомненно, те же рабочие, что высекли на

горе изображение человека. Они наверняка были весьма многочисленны и имели более мощные машины, чем те, что известны нам. И все-таки нужно же им было как-то увозить сколотый камень. Когда-то по этой дороге грохотали тысячи телег и повозок.

Я недоумевал: ведь железные колеса таких телег режут даже прочные мостовые Тракса и Нессуса, а эта дорога были гладкой, словно отшлифованной. По ней гуляли только солнечные лучи да ветер.

— Смотри, Большой Северьян! Там рука!

Мальчик указывал на отрог высоко над нашими головами. Я вытянул шею, но поначалу ничего нового не увидел все та же серая стена недружелюбных скал. Вдруг в конце с на солнце что-то сверкнуло. Все сомнения рассеялись: я видел золото, и золото это, как я сразу же понял, было кольцом Под ним я увидел большой палец, мертвым камнем лежащим вдоль скалы; этот палец в длину достигал сотни шагов, прочие же возвышались над ним словно горы.

Денег у нас не было, и я понимал, сколь важно нам их иметь, когда в конце концов нам придется спуститься на обитаемые земли. Если меня все еще разыскивали, золото могло направить

преследователей по ложному пути. К тому же золото поможет купить малышу Северьяну место ученика какой-нибудь хорошей гильдии, ибо бродить со мной все время он, разумеется, не мог. Я предположил, что огромное кольцо было каменным и лишь сверху покрыто пластинками золота; но и в этом случае площадь этих пластинок была такова, что если их сорвать и скатать вместе, кусок получился бы немалый. Тщетно я гнал от себя мысль, что не могли тоненькие пластинки сохраниться через столько веков. Они давно должны были отстать, отвалиться. Если же кольцо представляло собой цельный кусок чистого золота, то это могло стоить целое состояние; однако за все богатства Урса нельзя было купить это могучее изваяние, а тот, кто заказал его, вероятно, владел несметными сокровищами. Даже если кольцо и не было золотым до самого пальца, толщина металла все равно поражала воображение.

С этой мыслью я устремился наверх, и вскоре мальчик на своих маленьких ножках уже не поспевал за мною. Порой дорога становилась такой крутой, что я с трудом представлял, как спускались по ней груженные камнем телеги. Дважды мы натыкались на трещины: одна из них

была такой широкой, что мне пришлось сначала перебросить через нее мальчика, а потом уже перепрыгнуть самому. Я надеялся отыскать воду, прежде чем мы остановимся на ночлег, но не смог, а когда стемнело, мы не нашли лучшего укрытия, чем каменная расщелина; мы завернулись в одеяла и в мой плащ и крепко уснули.

К утру мы оба изнывали от жажды. Сезон дождей ожидался не раньше осени, однако я сказал мальчику, что сегодня, пожалуй, может пойти дождь, и мы двинулись в путь в приподнятом настроении. Он научил меня приглушать жажду, положив в рот камешек, — неизвестная мне ранее хитрость горных жителей. Ветер становился все холоднее, а воздух — разреженнее. Дорога то и дело сворачивала, и временами нам удавалось ловить несколько солнечных лучей.

Петляя, дорога уводила нас все дальше и дальше от нашей Цели, пока наконец гора вовсе не скрыла от нас и солнце, и кольцо: мы оказались где-то на уровне колен сидящего изваяния. Дорога в последний раз круто взяла вверх — настолько круто, что здесь кстати пришлись бы ступеньки. И вдруг впереди взвился целый лес башен с тонкими шпилями — они словно парили в чистом, прозрачном воздухе.

— Тракс! — радостно воскликнул мальчик; очевидно, мать Рассказывала ему о городе чудесные истории и, когда они со Стариком покинули родной дом, обещала отвести его туда.

— Нет, — ответил я, — это не Тракс. Этот город скорее похож на мою Цитадель — на Башню Сообразности, Башню Ведьм, Медвежью Башню и Колокольную Башню.

Он вытаращил глаза.

— Нет, конечно же, это не Цитадель. Я был в Траксе — это каменный город. А эти башни из металла, как и наши.

— У них есть глаза, — заметил малыш Северьян. Он был прав. Поначалу я думал, что у меня разыгралось воображение, тем более что они были не на всех башнях. Потом я понял, что некоторые лица просто смотрели в другую сторону и, кроме глаз, у башен были плечи и руки; в действительности же они оказались металлическими статуями катафрактов, вооруженных до зубов воинов.

— Это не настоящий город, — сказал я мальчику. — Мы наткнулись на охрану Автарха, которая ждет лишь одного его слова, чтобы сокрушить всякого, кто посмеет его тронуть.

— А на нас они не нападут?

— Что, страшно? Они могли бы раздавить нас с тобой словно мышат. Но они ничего нам не сделают, я уверен. Это всего лишь статуи, идолы, поставленные здесь в память о его могуществе.

— А вон большие дома! — сказал мальчик, указывая вперед.

Действительно, здания едва доходили башням-статуям до пояса, и поначалу мы их не заметили. Мне снова вспомнилась Цитадель, где жилые строения, никогда не бросавшие вызова звездам, перемежались башнями. Возможно, это было всего лишь воздействие разреженного воздуха, но мне внезапно почудилось, будто эти металлические люди медленно поднялись, а потом, вскинув руки к небу, исчезли в вышине, как мы когда-то при свете факелов ныряли в темные воды резервуара.

Сметенный ветром на дорогу щебень, должно быть, хрустел под моими сапогами, но память моя не сохранила никаких звуков. Наверное, все терялось перед величием горной вершины, и мы приближались к статуям бесшумно, словно ступали по мхам. Наши тени, которые после восхода тянулись сначала за спиной, а потом по левую руку, превратились теперь в темные лужицы под ногами. Я обратил внимание, что на нас устрем-

лены глаза всех башен — видимо, некоторые я просто не заметил сразу (сказал я себе), хоть они и сверкали на солнце.

Наконец мы выбрались на дорожку, которая вилась между башнями и окружавшими их домами. Я ожидал увидеть руины, как в покинутом городе Апу-Пунхау. Все дома были заперты, таинственны и безмолвны; но казалось, построены они были всего лишь несколько лет назад. Ни одной проваленной крыши; ползучие стебли лиан не вытеснили из стен ни одного серого квадратного камня. Окон не было, и архитектурой эти дома не напоминали ни замки, ни крепости, ни склепы, ни иные привычные мне постройки. Они были начисто лишены украшений и внешнего изящества, но сработаны были на совесть, а разнообразие форм говорило о различном предназначении зданий. Сверкающие фигуры стояли меж ними, словно скованные внезапным леденящим ветром, и вовсе не походили на памятники.

Я выбрал дом наугад и сказал мальчику, что мы ворвемся внутрь и, если нам повезет, найдем там воду, а может быть, даже пищу. Глупое бахвальство! По прочности двери не уступали стенам, а крыша — фундаменту. Будь у меня даже топор, я и то не смог бы пробиться внутрь, а пускать в

дело «Терминус Эст» я не решился. Мы потеряли несколько страж, пытаясь отыскать дверь послабее. Второй и третий дома оказались столь же неприступны, как и первый.

— Вон круглый дом, — сказал наконец мальчик. — Пойду взгляну на него.

Ничуть не сомневаясь, что в этом безлюдном месте мальчику ничего не грозит, я отпустил его одного. Вскоре он вернулся.

— Дверь открыта!

24. ТРУП

Мне так и не удалось выяснить, каким целям служили Другие здания. Предназначение же этого, круглого, с куполом, было столь же непонятно. У него были металлические стены, но не из глянцевито-темного металла, как на башнях Цитадели, а из какого-то светлого сплава, похожего на шлифованное серебро.

Это сверкающее здание стояло на ступенчатом пьедестале, и я с восхищенным изумлением смотрел на него в окружении катафрактов во всем великолепии древнего вооружения, открыто стоящих посреди улиц. В нем было пять дверей по периметру (ибо мы не отважились войти сразу, а обошли его сначала кругом), и все они были распахнуты. Я внимательно осмотрел двери и пол перед ними, пытаясь определить, давно ли они открыты; однако на такой высоте пыли никогда не бывает много, и я ничего не смог выяснить наверняка. Окончив осмотр, я сказал мальчику, что войду первым, и шагнул внутрь.

Ничего не произошло. Даже когда мальчик последовал за мной, двери не захлопнулись, никакой неведомый враг не накинулся на нас,

воздух не насытился энергией, и пол не ушел из-под ног. И все же у меня возникло чувство, что мы попали в ловушку, будто, карабкаясь по горе, измученные голодом и жаждой, мы были свободны, а сейчас потеряли свободу. Не будь со мной мальчика, я бы, пожалуй, повернулся и убежал. Но в нынешней ситуации я не мог обнаружить страха или суеверия; я был обязан найти еду и воду.

В здании мы увидели множество устройств, которые я не берусь даже назвать. Это не были ни предметы мебели, ни ящики, ни машины в моем понимании этого слова. Почти все они имели самые причудливые формы: у некоторых были ниши для сидения, хотя сидящему пришлось бы согнуться в три погибели и лицезреть какой-нибудь выступ устройства вместо собеседников; другие были снабжены альковами, где когда-то, возможно, отдыхали здешние обитатели.

Эти устройства стояли по краям широких, стремивших к центру здания коридоров, прямых, словно оси колеса. Бросив взгляд вдоль коридора, в котором мы стояли, я увидел смутные очертания чего-то красного, а поверх него что-то коричневое, гораздо меньших размеров. Поначалу я не обратил на них внимания, но, удо-

стоверившись, что описанные мною устройства не представляют для нас ни ценности, ни опасности, взял мальчика за руку и направился к ним.

Красный предмет оказался чем-то вроде ложа очень замысловатой конструкции, снабженным ремнями, которыми можно было бы пристегнуть узника. Его окружали механизмы, предназначенные, как я решил, для освещения и подачи питания. Ложе помещалось на небольшой платформе, а на нем лежали останки человека о двух головах. Сухой разреженный воздух гор давно иссушил тело — оно, как и таинственные здания, могло находиться здесь и год, и тысячу лет. Человек, возможно, даже экзультант, был высокого роста и мощного сложения. Теперь же я мог бы, пожалуй, играючи вырвать его руку из сустава. На нем не было ни набедренной повязки, ни иной одежды, и, хотя мы привыкли к внезапным изменениям детородных органов, было странно видеть их такими сморщенными. На головах еще оставались волосы, и мне показалось, что на правой они были когда-то черными, а на левой соломенного цвета. Глаза на обеих головах были сомкнуты, а рты раскрыты, обнажая сохранившиеся зубы. Я заметил, что ремни, предназначенные для удержания этого существа на ложе, не были

застегнуты.

Как бы то ни было, в тот момент меня более всего занимал механизм, подававший ему некогда пищу. Я сказал себе, что старинные машины отличались зачастую удивительной долговечностью, а этой, несмотря на длительный простой, повезло с условиями хранения. Я принялся крутить все диски и нажимать на все рычаги, которые только мог найти, пытаясь заставить машину выдать нам хоть какую-нибудь пищу. Мальчик некоторое время наблюдал, как я дергаю там и сям за разные ручки, а потом спросил:

— Мы будем голодать?

— Нет, — отвечал я. — Без еды мы способны продержаться гораздо дольше, чем ты можешь предположить. Куда важнее достать воду, но если мы здесь ничего не найдем, то дальше в горах наверняка есть снег.

— А почему он умер?

Не знаю, отчего, но я не решался дотронуться до трупа; мальчик же провел пухлым пальчиком по высохшей руке.

— Все люди умирают. Удивительно другое — как же такое чудище вообще жило на свете? Обычно они погибают при рождении.

— А может быть, его просто бросили здесь, ко-

гда уходили из этого города?

— То есть бросили его здесь живым? Пожалуй, могло быть и так. Возможно, он не прижился бы в дальних землях. А может быть, он просто не захотел уходить. Вероятно и то, что его привязали к этому ложу за какое-то преступление. Может, он был склонен или к сумасшествию, или к приступам ярости. Если одно из этих предположений справедливо, то он, должно быть, провел последние дни в скитаниях по горам, сюда же возвращался за едой и питьем, а когда запасы иссякли, он умер.

— Тогда воды здесь нет, — резонно заметил мальчик.

— Верно. Но мы не знаем, так ли это произошло на самом деле. Он мог умереть и по другой причине, прежде чем кончились запасы. В этом случае правильно было бы предположить, что он служил забавой или талисманом людям, которые высекли на горе изображение. Очень уж мудрено здесь все устроено, чтобы содержать игрушку. По-моему, я никогда не смогу запустить эту машину.

— Пожалуй, нам лучше спуститься, — заявил мальчик, когда мы вышли из круглого дома.

Я обернулся, посмотрел назад и мысленно по-

смеялся над своими прежними страхами. Двери были по-прежнему открыты, ничто не стронулось с места, все оставалось неизменным. Если когда-нибудь здесь и была ловушка, ее потайные механизмы покрыла ржавчина много веков назад.

— Да, ты прав, — сказал я. — Но уже вечер — смотри, какие длинные у нас тени. Я бы не хотел, чтобы ночь застигла нас, когда мы будем спускаться по другому склону, поэтому я намерен добраться до кольца, которое мы видели утром. Может быть, мы найдем не только золото, но и воду. Мы заночуем в круглом доме — он спасет нас от ветра, — а утром, с первым лучом солнца, начнем спускаться по северному склону горы.

Мальчик кивнул, давая понять, что мои намерения ему ясны, и с готовностью засеменил следом за мной. Я же отправился искать дорогу к заветной цели. Кольцо было надето на южной руке, поэтому нам пришлось вернуться на склон, по которому мы взбирались, хотя на статуи катафрактов и здания мы вышли с юго-востока. Я боялся, что восхождение будет нелегким, но у основания широкой груди и предплечья обнаружил то, о чем давно мечтал: узкую лестницу. Она уходила вверх на сотню ступеней, так что подъем

все равно был изнурительным, и большую часть пути я нес мальчика на себе.

Рука представляла собой гладкий камень, но была достаточно широкой, чтоб я мог не опасаться, что мальчик соскользнет вниз, коль скоро мы придерживались центра. Я приказал ему не выпускать мою руку и нетерпеливо зашагал вперед. Ветер рвал за спиной мой плащ.

Слева под ногами виднелся подъем, который мы преодолели вчера, еще ниже тянулась седловина между горами в зеленом покрывале лесов. За нею в туманной дымке вдалеке высилась гора, на которой Бекан и Касдо когда-то построили себе дом. На ходу я старался разглядеть их хижину или хотя бы место, где она стояла, и наконец мне удалось найти взглядом скалу, по которой я спускался, прежде чем ее обнаружил, — крошечный цветной мазок на склоне той, не столь высокой, горы с радужным пятнышком водопада в середине.

Я остановился и, обернувшись, взглянул на вершину горы, по склону которой мы шли. Лицо и снежная митра были теперь хорошо видны; видел я и левое плечо, столь огромное, что на нем могла проводить учения тысяча кавалеристов под командованием своего хилиарха.

Мальчик опередил меня и теперь указывал куда-то и кричал; указывал он вниз, на дома и металлические статуи стражей. Я не сразу разобрал слова, но спустя мгновение понял, что их лица на три четверти оборотились в нашу сторону; на те же три четверти они были повернуты к нам и нынешним Утром. Значит, статуи ворочали головами. Впервые я догадался проследить за их взглядом — они смотрели на солнце.

Я кивнул мальчику и крикнул:

— Вижу!

Мы стояли на запястье, оставалось миновать сравнительно небольшую поверхность кисти: она была и шире, и безопаснее руки. Я двинулся с места, а мальчик рванулся вперед. Кольцо блестело на указательном пальце — этот палец был больше ствола самого толстого дерева. Малыш Северьян взбегал на него, без труда удерживая равновесие, потом я увидел, как он вытянул ручонки, чтобы коснуться кольца.

Последовала вспышка — не столь, правда, яркая в послеполуденном солнечном свете; окрашенная фиолетовыми тенями, она показалась всполохом тьмы.

Мальчик почернел и упал замертво. Какую-то долю секунду он еще жил: голова дернулась

назад, руки широко раскинулись. Взвился клуб дыма и тут же был рассеян ветром. Тело упало, теряя конечности, словно мертвое насекомое, покатилось и исчезло в расщелине между указательным и средним пальцами.

Я, насмотревшийся на своем веку и на сожжения, и на четвертования, лично применявший пыточное клеймо (я очень живо помнил волдыри на щеках Морвенны), с трудом заставил себя подойти к нему.

В узкой расщелине между пальцами лежали кости, но то были старые кости, рассыпавшиеся у меня под ногами, когда я спрыгнул вниз, подобно тем, которыми были усеяны тропинки в нашем некрополе; я не стал даже нагибаться к ним. Я достал Коготь. Когда на пиру у Водалуса вынесли тело Теклы, я не применил его, а потом бранил себя за это; Иона упрекнул меня тогда в сумасбродстве, сказал, что, каким бы могуществом ни обладал Коготь, вернуть жизнь куску жареного мяса он бы все равно не смог.

Если бы только он подействовал сейчас и возвратил мне маленького Северьяна, я почел бы за счастье отвести малыша в безопасное место, а потом выхватить «Терминус Эст» и перерезать себе глотку. Ведь если бы Коготь оказался властен

сделать это, он вернул бы и Теклу, догадайся я тогда пустить его в ход. Текла же была частью меня самого, и уже ничто не могло ее воскресить.

Мне показалось, что камень источал слабое свечение, ясную прозрачную ауру; затем тело мальчика осыпалось золой и развеялось по ветру.

Я поднялся, спрятал Коготь и двинулся прочь, спрашивая себя, скольких трудов мне будет стоить выбраться из этого узкого места и добраться до основания руки. (В конце концов мне пришлось установить «Терминус Эст» лезвием вниз и поставить ногу на поперечину рукоятки, а потом, оказавшись наверху, отползти назад вниз головой, чтобы ухватить за эфес и втянуть меч за собою.) Сознание мое помутилось, и, хотя память мне не изменила, малыш Северьян смешался с другим мальчиком, Йадером, который жил с умирающей сестрой в лачуге на скале в Траксе. Того, кто был мне так дорог, я спасти не смог; другого, который почти ничего не значил для меня, я излечил. Оба мальчика слились в единый образ. То была, несомненно, некая защитная реакция моего сознания, предоставившего мне убежище от безумия; но мною владело странное чувство, что, пока жив Йадер, не мог до конца исчезнуть и

мальчик, которого мать нарекла Северьяном.

Я хотел было задержаться на кисти руки и обернуться, но не смог — по правде говоря, я испугался, что подойду к краю и брошусь вниз. Я не останавливался до тех пор, пока не достиг узкой длинной лестницы, ведущей вниз к широкому выступу горы. Там я сел и снова отыскал взглядом цветное пятно — скалу, под которой стоял дом Касдо. Мне вспомнился лай бурого пса, встретившего меня в лесу на подходе к дому. Он сыграл труса, этот пес, когда появился альзабо, но он же погиб, вонзив клыки в зоантропа, когда я, тоже струсив, стоял поодаль в нерешительности. Мне вспомнилось милое усталое лицо Касдо и личико мальчика, осторожно выглядывавшего из-за ее юбки; вспомнился старик, сидевший, скрестив ноги, спиной к очагу, и его рассказ о Фехине. Все они были мертвы: Севера и Бекан, которых я даже не видел, старик, пес, Касдо, а теперь и малыш Северьян; даже Фехин. Все умерли, все затерялись во мгле, окутывающей дни нашей жизни. Время представляется мне непроницаемой оградой из железных прутьев — нескончаемым частоколом лет; и мы несемся мимо, подобно Гьоллу, пока не впадаем в море, откуда возвращаемся лишь каплями дождя.

Там, на руке гигантской статуи, я испытал дерзновенное желание подчинить себе время, желание столь сильное, что по сравнению с ним стремление к далеким солнцам казалось не более существенным, чем мечта мелкого вождя с перьями на голове завоевать соседнее племя.

Там я и сидел, пока горы на западе не закрыли собою солнце. Я ожидал, что спуск по лестнице окажется менее утомительным, чем подъем, но жажда вконец изнурила меня, а при каждом шаге болели колени. Сумерки быстро сгущались, ветер обдавал ледяным холодом. Одно из одеял сгорело вместе с мальчиком; я развернул то, что осталось, и обернул им плечи и грудь под плащом.

Преодолев половину спуска, я остановился передохнуть.

От дневного света остался лишь узкий багровый серп. Он становился все тоньше, потом и вовсе исчез, и, пока он таял, металлические гиганты катафракты разом подняли руки в прощальном салюте. Они стояли внизу, молчаливые и непреклонные, и я был готов поверить, что их так и изваяли с поднятыми руками, как предстали они пред моим взором теперь.

Восхищение на время вытеснило из моей души горечь потери, я стоял недвижим и любовался

ими, не смея пошевелиться. Ночь стремительно спускалась на горы, и в последних мутных сумерках я увидел, как огромные руки опустились.

Ошеломленный, я вернулся в безмолвный город, раскинувшийся на коленях высеченной в горе фигуры. Одно чудо на моих глазах не оправдало ожиданий, зато я узрел другое; даже если чудо кажется бессмысленным, в нем кроется неисчерпаемый источник надежды, ибо оно свидетельствует, что при всей скудности наших знаний наши поражения — а их всегда больше, чем мелких, незначительных побед, — могут иметь такую же ценность.

Возвращаясь к круглому зданию, где мы с мальчиком должны были заночевать, я умудрился, как последний глупец, сбиться с дороги. Сил на поиски у меня не осталось. Поэтому я отыскал защищенное от ветра место, подальше от металлического стража, растер усталые ноги, закутался в одеяло и сразу же заснул. Однако вскоре меня разбудила чья-то осторожная поступь.

25. ТИФОН И ПЬЯТОН

Заслышав шаги, я поднялся и обнажил меч. Так, с мечом наперевес, я простоял под покровом темноты по меньшей мере стражу — так мне, во всяком случае, показалось, хотя наверняка гораздо меньше. Еще дважды слышал я эти мягкие быстрые шаги, однако в моем уме они вызвали образ человека крупного: какой-то мужчина атлетического телосложения, мощный, но проворный, куда-то торопился, почти бежал.

Небо пышно блистало звездами; такими яркими их видит мореплаватель и сверяет по ним свой путь, когда они раскидывают над континентами бескрайнее, сверкающее золотом покрывало. Неподвижные фигуры стражей и здания купались в разноцветных огнях десяти тысяч солнц и были видны как днем. Нас охватывает ужас при одной лишь мысли о ледяных равнинах Диса, антипода нашего солнца, — но скольким солнцам мы представляемся антиподами? Жители Диса (если таковые существуют) знают лишь вечную звездную ночь.

Пока я стоял в звездном сиянии, я несколько раз чуть не заснул; в полудреме я тревожился о

мальчике — не разбудил ли я его, когда вставал, и где искать ему пищу, когда взойдет солнце. Потом в мои беспокойные мысли вторглось воспоминание о его гибели, подобно тому как ночь нахлынула на горы черной волною безысходности и отчаяния. Я понял тогда, что должна была чувствовать Доркас после смерти Иоленты. В отличие от Доркас и Иоленты, между мною и мальчиком не было чувственного влечения, но их плотская любовь никогда не возбуждала во мне ревности. Конечно, мое чувство к мальчику было столь же глубоко, как и чувство Доркас к Иоленте (и, несомненно, глубже привязанности Иоленты к Доркас). Если бы Доркас об этом знала, если бы ее любовь ко мне была столь же сильна, как моя к ней, ее ревность не знала бы границ.

Больше не слыша шагов, я завернулся поплотнее в одеяло, лег и заснул. Я был почти уверен, что на этот раз вообще не проснусь или проснусь от удара ножом в горло, однако ничего такого не произошло. Во сне я видел воду, а когда пробудился, солнце уже стояло высоко, я был один и едва мог пошевелиться от холода.

Меня больше не заботили ни таинственные шаги, ни стражи, ни кольцо, — ничто в этом проклятом месте. Я желал одного — поскорее его

покинуть и, сам не знаю почему, был рад, что на пути к северо-западному склону горы мне не придется идти мимо круглого здания.

Меня не раз посещало чувство, будто я схожу с ума, ибо на мою долю выпало множество великих приключений, а величайшее приключение есть то, что сильнее всего воздействует на сознание. Так вышло и на этот раз. Между ступнями катафракта появился человек, он был крупнее и гораздо шире меня в плечах — будто одно из чудовищных созвездий пало с ночного неба на Урс и облачилось в человеческую плоть. Ибо у этого человека было две головы, как у великана-людоеда в забытой сказке из «Книги чудес Урса и Неба».

Я машинально потянулся к рукояти меча. Одна из голов расхохоталась; пожалуй, это был первый и последний раз, когда кто-то смеялся при виде моего обнаженного меча.

— Тебе нечего бояться, — сказал человек. — Ты, как я погляжу, вооружен не хуже меня. Как зовут твоего друга?

Сколь ни был я удивлен, его дерзость привела меня в восхищение.

— «Терминус Эст», — ответил я и развернул к нему лезвие, чтобы он мог прочесть надпись.

— «Се Есть Черта Разделяющая». Прекрасно ска-

зано, тем более что изречение прочитано здесь и сейчас, ибо наше время есть граница между старым и новым, и грянут невиданные в нашем мире перемены. Моего друга зовут Пьятон, но это имя, боюсь, значит не особенно много. Твоему он годится разве только в слуги, хотя как воин он, может, и превосходит твоего.

Услыхав свое имя, вторая голова широко раскрыла глаза, которые до сих пор были полуприкрыты, и уставилась на меня. Губы шевельнулись, словно она хотела что-то сказать, но не издали ни звука. Я решил, что эта голова страдает идиотизмом.

— Можешь спрятать свой меч. Я, как видишь, безоружен, хоть и имею лишнюю голову; как бы то ни было, я не желаю тебе зла.

С этими словами он поднял руки и повернулся сначала в одну сторону, потом в другую, дабы я мог убедиться, что он совершенно наг, что, впрочем, и без того было видно.

— Не сын ли ты того мертвого человека, которого я видел в круглом доме? — осведомился я, убирая «Терминус Эст» в ножны.

Он шагнул ко мне.

— Ничуть не бывало. Я и есть тот самый человек. Из глубины моей памяти, словно из бурых

вод Птичьего Озера, возникла Доркас, и я ощутил, как ее мертвая рука хватает мою.

— И я вернул тебя к жизни? — вырвалось у меня.

— Скажем лучше, что ты меня разбудил. Ты думал, что я мертв, а я лишь высох от жажды. Я напился и, как видишь, ожил. Вода дает жизнь, выкупаться — значит, возродиться.

— Все это замечательно, коли ты не лжешь, однако я сам умираю от жажды и не в состоянии думать ни о чем другом. Ты сказал, что напился, и говоришь со мной, как друг. Прошу тебя, докажи свою дружбу. Я очень давно не ел и не пил.

Та голова, что говорила со мной, улыбнулась.

— Твое желание самым чудесным образом совпадает с моими намерениями, в тебе уместно все, даже одежда, и мне это нравится. Я как раз собирался пригласить тебя туда, где еда и питье в изобилии. Следуй за мной.

В тех обстоятельствах я последовал бы куда угодно за всяким, кто пообещал бы мне воду. Теперь же я пытаюсь себя убедить, что пошел из любопытства, в надежде раскрыть тайну гигантских катафрактов; но, роясь в воспоминаниях о том дне, не нахожу ничего, кроме отчаяния и жажды. Перед мысленным взором струились

серебряные нити водопада у дома Касдо, бил Пророческий Фонтан Обители Абсолюта и несся поток из открытого мною шлюза Винкулы на вершине скалы в Траксе.

Двуглавый человек шествовал впереди меня спокойно и уверенно, нимало не сомневаясь в том, что я следую за ним и не собираюсь атаковать его сзади. Повернув за угол, я впервые обнаружил, что мы находимся вовсе не на знакомой радиальной улице, ведущей к круглому зданию. Но теперь оно возникло прямо перед нами. Дверь — не та, в которую входили мы с малышом Северьяном — была, как и прежде, открыта. Мы вошли внутрь.

— Вот мы и пришли, — сказала говорящая голова. — Залезай.

Мой провожатый махнул рукой в сторону похожего на лодку предмета, обтянутого изнутри тканью наподобие лотосовидной лодки в саду Автарха; только эта была предназначена для плавания не по воде, а по воздуху. Когда я дотронулся До планшира, лодка затряслась и закачалась, хотя я едва коснулся ее.

— Это, должно быть, флайер, — сказал я. — Мне никогда не доводилось видеть его так близко.

— Против настоящего флайера этот все равно

что, скажем, воробей против стрижа. Или крот, или игрушечная птичка, которую ребятня гоняет ракетками. Учтивость, однако, требует, чтобы ты сел в него первым. Уверяю, никакой опасности нет.

Несмотря на его увещевания, я отпрянул. В этом судне было что-то таинственное, и я не мог заставить себя занести в него ногу.

— Я пришел из Нессуса, с восточного берега Гьолла, — сказал я, — и там нас учили, что почетный член любого экипажа ступает на борт последним и первым покидает его.

— Именно, — отвечала говорящая голова, и, прежде чем я сообразил, что происходит, двуглавый человек обхватил меня за талию и закинул в лодку, как я мог бы закинуть ребенка. Лодка слегка осела и закачалась под тяжестью моего тела, а через миг отчаянно заскрипела — это двуглавый вскочил в нее позади меня. — Или ты возомнил себя выше меня?

Он прошептал какие-то слова, и судно двинулось с места. Поначалу оно скользило медленно, но постепенно начало набирать скорость.

— Истинная учтивость, — рассуждал он, — должна быть достойна своего имени. Ибо лишь в ней заключена правда. Когда плебей преклоняет

колени перед монархом, он отдает свою голову во власть последнего. Он знает, что его властелин может отсечь ее, если пожелает. Простолюдины говорят — или скорее говаривали в старые добрые времена, — что во мне нет любви к правде. Правда, однако, в том, что именно правду я и люблю: открытое признание факта.

Все это время мы лежали, растянувшись, на дне лодки, почти вплотную друг к другу — расстояние между нами было не шире ладони. Голова-идиот по имени Пьятон таращила на меня глаза и бормотала что-то нечленораздельное.

Я попытался сесть. Двуглавый схватил меня железной хваткой и потянул назад.

— Это опасно. Такие суда рассчитаны на то, чтоб в них лежали. Ты же не хочешь потерять свою голову? Поверь мне, это ничуть не лучше, чем иметь лишнюю.

Лодка наклонилась вперед и нырнула в темноту. На миг я испугался, что мы вот-вот разобьемся, но это ощущение сменилось опьянением скорости, напомнившим мне детство, когда мы катались зимой на еловых лапах между мавзолеями. Привыкнув к стремительному движению, я спросил:

— Ты и родился таким, каков сейчас? Или Пья-

тон каким-то образом очутился на тебе позднее?

Я начинал понимать, что моя жизнь будет зависеть от того, много ли мне удастся узнать об этом странном существе. Говорящая голова расхохоталась.

— Меня зовут Тифон. Можешь так меня и называть. Ты слыхал обо мне? Когда-то я правил этой планетой и многими другими.

Я был уверен, что он лжет, и ответил:

— Слухи о тебе все еще живы… Тифон.

Он снова расхохотался.

— А ты был готов назвать меня Владыкой или иным подобным именем? Тебе это еще предстоит. Нет, я не был рожден таким, я вообще не был рожден в том смысле, какой ты вкладываешь в это слово. И Пьятон не был приращен ко мне. Это я был привит к нему. Что ты на это скажешь?

Лодка неслась так стремительно, что воздух свистел у нас над головами, однако спуск уже не казался таким крутым, как раньше. Когда я снова заговорил, лодка уже шла ровно.

— Ты сам пожелал этого? — Таков был мой приказ.

— Но это странно. Зачем тебе это понадобилось?

— Чтобы жить, разумеется. — Хотя Тифон на-

ходился менее чем в кубите от меня, я не мог разглядеть в темноте ни одного лица. — Всякая жизнь борется за свое сохранение — это мы называем Законом Существования. Видишь ли, наши тела умирают задолго до нас. Справедливо было бы утверждать, что мы умираем только потому, что умирают они. Мои врачи — разумеется, это были лучшие врачи многих миров — сказали мне, что я мог бы получить новое тело, и их первоначальное намерение состояло в том, чтобы вложить мой мозг в другой череп, предварительно очищенный от прежнего содержимого. Замечаешь порочность такого решения?

Я искренне сомневался в серьезности его слов, однако ответил, что ничего такого не замечаю.

— Лицо, мое лицо! Я бы утратил свое лицо, то, перед которым люди привыкли склоняться! — В темноте его рука схватила мою. — Я сказал врачам, что не согласен. Тогда один из них предложил пересадить всю голову целиком. Он сказал, что это даже упростит им задачу, поскольку сложная нервная система, управляющая зрением и речью, не будет затронута. Я обещал ему палатинат в случае успеха.

— Рискну предположить… — начал я. Тифон опять рассмеялся.

— Что разумнее было бы снять с нового тела прежнюю голову. Да я и сам так считал. Но технология создания нервных соединений оказалась весьма сложной, и поэтому мой врач предложил лучший выход — я обеспечил ему проведение всех экспериментов, — а именно: перенести хирургическим путем лишь сознательные функции. Впоследствии бессознательные перенеслись ко мне сами собой. После этого можно было ампутировать старую голову. Конечно, остался бы шрам, но его можно было скрыть под рубашкой.

— Однако была допущена какая-то оплошность? Я успел отодвинуться от него, насколько позволяло узкое дно лодки.

— Дело было за временем. — Жесткая, неумолимая энергия, звучавшая в его голосе, постепенно ослабевала. — Пьятон был одним из моих рабов — не самым крупным, но никто не мог сравниться с ним силой. Мы всех подвергли испытаниям. Мне и в голову не пришло, что у человека с его физической мощью столь же мощной окажется связь функций всего организма с сердцем.

— Понимаю, — вставил я, хотя не понял ровным счетом ничего.

— То были времена великих смут. Мои астрономы доложили мне, что солнечная активность

начнет постепенно сходить на нет. Но затухание будет происходить так медленно, что человек за свою жизнь его не заметит. Они ошиблись. За несколько лет температура мира упала на две тысячные доли, а потом стабилизировалась. Урожаи снизились, начался голод, люди взбунтовались. Тогда мне и следовало их покинуть.

— Почему ты этого не сделал?

— Я чувствовал необходимость сильной власти. Сильная власть может быть только единоличной, и не важно, рука ли это правителя или чья-нибудь еще… И вдруг откуда ни возьмись появился некий кудесник — такие всегда сваливаются как снег на голову. Бунтовщиком-то он, собственно, не был, хотя некоторые министры уверяли меня в обратном. Я к тому времени уже обосновался-здесь до полного излечения, и, поскольку он мог исцелять болезни и исправлять уродства, я приказал привести его к себе.

— Это был Миротворец, — догадался я, а мгновение спустя был готов вырвать свой болтливый язык.

— Да, таково было одно из его имен. Ты знаешь, где он сейчас?

— Он умер много тысячелетий назад.

— И все-таки, как мне представляется, он не

покинул мир?

Это замечание чрезвычайно встревожило меня, и я опустил глаза к мешочку, чтобы проверить, не пробивается ли сквозь него лазоревый свет.

В этот миг нос нашего судна поднялся, и мы устремились наверх. Свист ветра над нами сменился ураганным ревом.

26. ОЧИ МИРА

Не исключено, что лодка управлялась светом — как только вокруг стало светло, она тут же остановилась. На склоне горы я умирал от холода, но это было ничто по сравнению со здешней стужей. Ветер стих, но я не помню, чтобы самой лютой зимой стоял такой мороз. Когда я попытался сесть, у меня закружилась голова.

Тифон выпрыгнул из лодки.

— Давно я здесь не был. Как хорошо снова оказаться дома!

Мы находились в огромном, как бальная зала, пустом помещении, выдолбленном в цельном камне. Свет проникал через два круглых окна в противоположной стене. Тифон поспешно зашагал к ним. Окна располагались шагах в ста друг от друга, а в диаметре достигали примерно десяти кубитов. Я шел за ним, пока не заметил, что его босые ноги оставляют четкие темные следы. Из окон на каменный пол намело много снега. Я опустился на колени, сгреб его целую горсть и набил им рот.

В жизни не ел я ничего вкуснее. Соприкоснувшись с моим воспаленным языком, снег таял,

превращаясь в нектар. В тот миг я свято верил, что почел бы за счастье провести остаток дней вот так, на коленях, с набитым снегом ртом. Тифон оглянулся и, увидев меня, рассмеялся.

— Я и забыл, что ты умираешь от жажды. Пей вволю. Времени у нас предостаточно. Я хотел показать тебе кое-что, но это может подождать.

Пьятон тоже пошевелил губами, и мне показалось, что на лице идиота мелькнуло сострадание. Это привело меня в чувство — может быть, лишь потому, что я уже успел съесть несколько горстей снега. Проглотив еще одну, я, не вставая с колен, сгреб новую и спросил с набитым ртом:

— Ты рассказывал мне о Пьятоне. А почему он не может говорить?

— Ему, бедняге, не хватает дыхания. — У него наступила эрекция, и он помог себе рукой. — Как я уже говорил, я управляю всеми сознательными функциями своего организма, а вскоре смогу управлять и бессознательными. Посему, хоть Пьятон и в состоянии пока шевелить губами и языком, он подобен музыканту, нажимающему на клапаны трубы, играть на которой не в силах. Скажи мне, когда ты утолишь жажду, и я провожу тебя туда, где есть пища.

Я проглотил очередную порцию снега.

— Жажда больше не мучит меня. И я действительно очень голоден.

— Прекрасно, — сказал он и, повернувшись к окнам спиной, подошел к боковой стене комнаты. Я тоже приблизился к ней и увидел, что она вовсе не каменная, как мне до сих пор казалось. Стена была сделана из хрусталя или толстого дымчатого стекла; сквозь нее я увидел хлеба и множество невиданных яств, застывших в идеальной гармонии, словно на натюрморте.

— Ты владеешь талисманом власти, — сказал Тифон. — Дай его мне, и мы сможем открыть шкаф.

— Я что-то не понимаю, о чем ты. Тебе нужен мой меч?

— Мне нужно то, что висит у тебя на шее, — ответил он и протянул руку. Я отпрянул.

— Он не имеет никакой власти.

— В таком случае ты ничего не теряешь. Дай его мне.

Пока Тифон говорил, голова Пьятона едва заметно качнулась из стороны в сторону.

— Это всего лишь бесполезная побрякушка, — сказал я. — Когда-то я думал, что она наделена большой властью, но однажды я попытался вернуть жизнь одной прекрасной женщине, и эта

штуковина оказалась бессильна. А вчера мне не удалось воскресить мальчика, с которым я путешествовал. Откуда ты знаешь об этой вещи?

— Я все время за тобой следил. Я забрался повыше, и мне было хорошо вас видно. Когда мое кольцо убило ребенка и ты к нему подошел, я заметил священный огонь. Тебе, собственно, не обязательно отдавать камень мне в руки — не хочешь, не надо, — просто сделай то, что я тебе скажу.

— Ты мог бы нас предупредить, — заметил я.

— А зачем? Тогда вы ничего для меня не значили. Ты хочешь есть или нет?

Я достал камень. Ведь в конце концов его уже видели и Доркас, и Иона, да и Пелерины, говорят, выносили его на обозрение по большим праздникам. Он лежал у меня на ладони, померкший, как простой осколок синего стекла.

Тифон с любопытством склонился над ним.

— Ничего особенного. А теперь встань на колени. Я повиновался.

— Повторяй за мной: «Клянусь могуществом моего талисмана, что в благодарность за пищу, которая будет мне дарована, я навечно стану рабом того, чье имя Тифон…»

Меня затягивало в тенета, по сравнению с ко-

торыми сеть Декумана была робкой пробой руки. Тифон опутывал меня столь искусно, что я почти не чувствовал ловушки, однако ощущал тяжесть каждой стальной петли.

— «…и сложу к его ногам все, чем владею теперь и буду владеть в грядущие дни, и себя самого, нынешнего и грядущего, живого или мертвого, ему в угоду».

— Я уже нарушал клятвы раньше, — сказал я. — Если я поклянусь сейчас, то непременно нарушу свой обет.

— В таком случае тебе лучше все-таки поклясться, — ответил он. — Это не более чем формальность. Прими клятву, и я освобожу тебя от нее, как только ты насытишься.

Я не сдавался.

— Ты говорил, что любишь правду. Теперь я понимаю, почему: правда связывает людей.

Я положил Коготь обратно в мешочек. Не сделай я этого, миг спустя камень был бы безвозвратно потерян. Тифон схватил меня, прижав мои руки к бокам так, что я не мог вытащить «Терминус Эст», и бросился со мною к окнам. Я сопротивлялся изо всех сил, но был беспомощен, как щенок в руках силача.

Вблизи огромное окно казалось чем-то совсем

иным: в комнату словно врывалась часть внешнего мира, но, вопреки ожиданиям, я увидел не поля и деревья, составлявшие пейзаж подножия горы, но просто кусок неба. Каменная стена комнаты, меньше кубита толщиной, проплыла мимо меня, едва попадая в поле зрения, как смутная демаркационная линия между воздухом и водой, заметная, если плыть с открытыми глазами.

В следующий миг я оказался за стеной. Тифон держал меня за лодыжки, и то ли мои сапоги были слишком толсты, то ли я просто-напросто перепугался, но мне казалось, что меня вообще никто не держит. Спиной я был повернут к телу горного массива. Мягкий мешочек с Когтем болтался у меня под головой, зацепившись за подбородок. Я отчетливо помню глупый минутный страх, что «Терминус Эст» выскользнет из ножен.

Я напряг мышцы живота и приподнялся, как гимнаст, висящий на перекладине, зацепившись за нее ступнями. Тифон опустил одну мою голень, чтобы нанести мне удар кулаком в зубы, отчего я с криком откинулся вниз. Изо рта, застилая глаза, хлынула кровь, и я попытался обтереть ее рукой.

Мною овладело сильнейшее искушение выхватить меч, подняться снова и обрушить его на Тифона; однако я понимал, что у него будет

достаточно времени, чтобы разгадать мои намерения и выпустить меня. Даже если бы моя затея удалась, я бы все равно погиб.

— Я повелеваю тебе, — раздался надо мной голос Тифона, показавшийся таким далеким в этом золотом безбрежье, — испросить у твоего талисмана помощь, которую только он способен тебе оказать.

Он умолк, и каждый миг казался мне вечностью.

— Он может тебе помочь?

Я собрался с мыслями и выкрикнул:

— Нет!

— Понимаешь ли ты, где находишься?

— Вижу. На лице. На лице горы-автарха.

— Это мой лик — разве ты не видел? Это я был автархом. И я иду снова. Ты находишься у моих глаз, спиной к радужной оболочке правого глаза. Постигаешь? Ты всего лишь слеза, одна-единственная моя слезинка. Если я захочу, то через миг уроню тебя, и ты запятнаешь мое одеяние. Кто может спасти тебя, владелец Талисмана?

— Ты, Тифон.

— Только я?

— Только Тифон.

Он подтащил меня назад, и я уцепился за него,

как когда-то мальчик цеплялся за меня, и держался, пока снова не оказался в огромной зачерепной полости горы.

— А теперь, — сказал Тифон, — предпримем еще одну попытку. Ты должен снова подойти вместе со мною к глазу, но на этот раз — добровольно. Может быть, тебе будет легче, если мы подойдем не к правому глазу, а к левому.

Он взял меня за руку. Думаю, в известном смысле я шел добровольно, коль скоро я переставлял ноги; но еще никогда я не ходил с такой неохотой. От прямого отказа меня удерживала лишь память о только что пережитом унижении. Мы остановились у самого края глаза; Тифон жестом приказал мне выглянуть наружу. Под нами колыхался океан облаков, синий в тени и розовый в солнечном свете.

— Автарх, — спросил я, — как мы оказались здесь? Ведь судно, в котором мы летели, так долго неслось вниз по туннелю.

Он только пожал плечами.

— А почему гравитация должна служить Урсу, если она может служить Тифону? И все-таки Урс красив. Взгляни! Перед тобою мантия мира. Прекрасна, не правда ли?

— Воистину прекрасна, — согласился я.

— Она может стать твоей мантией. Я уже говорил тебе, что был автархом над многими мирами. И снова стану автархом, но на этот раз мои владения будут гораздо обширнее. Я сделал этот мир, старейший из всех, своей столицей. То была моя ошибка, ибо я слишком долго медлил и наступила катастрофа. Когда пришло время бежать, путь к побегу был для меня закрыт: те, кого я поставил командовать кораблями, способными достичь звезд, уже улетели на них, и эта гора стала моей западней. Подобная ошибка не повторится. Моя столица будет в другом месте, а этот мир я дарую тебе, и ты будешь править им как мой вассал.

— Но я не совершил ничего, чтобы заслужить столь высокую честь.

— Никто, даже ты, владелец Талисмана, не вправе требовать от меня оправдания моим поступкам. Лучше взгляни на свою империю.

Пока он говорил, далеко под нами родился ветер. Облака вскипели под его напором, выстроились, словно ратники, в шеренги и поплыли на восток. Под ними я увидел горы и прибрежные равнины, а за равнинами еле различимую синюю полоску моря.

— Смотри! — Там, в горах на северо-востоке, куда Тифон указывал пальцем, что-то блеснуло. —

Там применили какое-то мощное энергетическое оружие. Наверное, один из нынешних правителей или его противники. Кто бы то ни был, его местонахождение теперь обнаружено, и он будет повержен. Армии нынешнего века слабы. Наши цепы разобьют их словно мякину.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился я. — Ты же был мертв, пока мы с сыном не обнаружили тебя.

— Верно. Но с тех пор я прожил без малого день и успел объять мыслью далекие страны. В морях тоже обитают силы, которые будут править. Но они станут нашими рабами, а северные орды уже сейчас служат им.

— А жители Нессуса? — Меня бросило в дрожь, и я едва стоял на ногах.

— Нессус будет твоей столицей, если ты этого захочешь. Со своего престола в Нессусе ты будешь присылать мне дань прекрасными женщинами и мальчиками, древними книгами и приборами и всеми ценностями, производимыми на Урсе.

Он снова указал куда-то. Я увидел сады Обители Абсолюта, словно брошенный на траву золотисто-зеленый платок, а за ними Стену Нессуса и сам великий город. Вечный город раскинулся на многие сотни лиг, и даже башни Цитадели

терялись в бесконечной череде крыш и извилистых улиц.

— Таких высоких гор не бывает, — сказал я. — Будь сия высочайшей в мире и стой она на вершине другой, столь же высокой, я и то не смог бы увидеть столько, сколько вижу сейчас.

Тифон положил руку мне на плечо.

— Высота этой горы зависит от моей воли. Или ты забыл, чей на ней лик?

Я смотрел на него в недоумении.

— Глупец, — сказал он. — Ты видишь моими глазами. А теперь достань свой талисман. На нем ты присягнешь мне.

Я вынул Коготь — в последний, как мне показалось, раз — из сшитого Доркас кожаного мешочка. Далеко внизу что-то пошевелилось. Зрелище из окна залы по-прежнему восхищало своим великолепием, но это был всего лишь вид, доступный каждому человеку, взобравшемуся на вершину могучего пика: голубая чаша Урса. Сквозь облака я видел колени горы со множеством прямоугольных домов, круглым зданием в центре и катафрактами. Последние медленно поворачивали головы от солнца к нам, наверх.

— Они приветствуют меня, — сказал Тифон. Пьятон тоже пошевелил губами, однако не в такт

Тифону. На этот раз я принял это к сведению.

— Недавно ты стоял около другого глаза, — заметил я, — но они не стали тебя приветствовать. Они салютуют Когтю. Ответь, автарх, что станется с Новым Солнцем, когда оно наконец явится? Будешь ли ты преследовать его, как преследовал Миротворца?

— Присягни мне и поверь, что, когда оно придет, я буду его господином, а оно — моим самым жалким рабом.

Я нанес удар.

Есть такой удар — нижней частью ладони в нос, — в результате которого расщепленная кость врезается в мозг. Однако действовать нужно стремительно, ибо, заметив угрозу, человек инстинктивно вскидывает руки, чтобы защитить лицо. Я был не так ловок, как Тифон, но он закрыл руками собственное лицо, я же ударил Пьятона и услышал тот легкий роковой хруст, который означает смерть. Сердце, многие тысячелетия служившее не своему хозяину, перестало биться.

Через миг я ногой столкнул тело Тифона в пропасть.

27. НА ГОРНЫХ ТРОПАХ

Летающая лодка не желала мне повиноваться, ибо я не знал нужного слова. (Мне не раз приходило в голову, что Пьятон, помимо прочего, пытался сообщить мне и заклинание, как передал просьбу отнять у него жизнь; и я пожалел, что не прислушался к нему раньше.) Наконец я смирился с необходимостью спуститься из правого глаза, и это был самый тяжелый спуск в моей жизни. В процессе своего затянувшегося повествования я не раз повторял, что ничего не забываю; но из этого эпизода я почти ничего не помню: я был так обессилен, что двигался словно во сне. Когда наконец я вступил в безмолвный загадочный город, раскинувшийся у ног катафрактов, стояла ночь, и я улегся у стены, чтобы укрыться от ветра.

Красота гор поистине поразительна, это признает даже тот, кто встретился там лицом к лицу со смертью; в этом случае она, пожалуй, в особенности очевидна; а те охотники, что отправляются вверх по склонам сытыми и добротно одетыми и такими же возвращаются, вообще редко видят горы. Там весь мир кажется чашею чистой, спокойной, ледяной воды.

В тот день я преодолел длинный спуск и выбрался на высокогорные равнины, раскинувшиеся на многие лиги, — равнины, пышно поросшие сладкой травой и цветами, которые ниже на склонах и не встретишь: маленькие, скорые в цветении, прелестные и невинные, какими розы никогда не будут.

Почти со всех сторон равнины были окаймлены скалами. Мне неоднократно казалось, что дальше пути на север нет и мне придется повернуть; но всякий раз я находил проход — вверх или вниз — и продолжал путь. Под собой я не замечал ни одного солдата, ни пешего, ни конного, что, с одной стороны, успокаивало — ибо я все еще опасался, не гонятся ли за мной патрули архона, — а с другой, тревожило, поскольку я, очевидно, удалился от дороги, по которой шло снабжение армии.

Я вспомнил альзабо, и мне сделалось не по себе: не исключено, что в здешних горах водилось много подобных тварей. Да и вправду ли он умер? Откуда мне знать, какими регенерирующими силами он был наделен? И хотя при свете дня я забывал о нем, изгонял его из памяти и заставлял себя больше тревожиться из-за солдат, хотя я пытался утешить себя созерцанием множества

великолепных горных пиков, водопадов и дальних пейзажей, по ночам он возвращался ко мне в мыслях, и я, съежившись под плащом и одеялом, дрожал как в лихорадке и, казалось, слышал его легкую поступь и скрежет когтей.

Если, как это часто говорят, мир сотворен по единой схеме (предшествовавшей ли сотворению мира или выявленной за миллионы лет его существования, по неумолимой логике порядка и развития, — неважно), тогда во всех вещах должны присутствовать как миниатюрное отображение высшего величия, так и увеличенный отпечаток мелких материй. Пытаясь отвлечься от воспоминаний об ужасе, пережитом при встрече с альзабо, я предался размышлениям о природе этого существа, а именно — о его способности вживлять в себя волю и память людей. Обнаружить сущностную связь с мелкими тварями труда не составило. Альзабо можно сравнить с некоторыми насекомыми, которые прикидываются травинками и прутиками, дабы сделаться незаметными для врагов. С одной стороны, никакого обмана здесь нет: существуют и настоящие травинки и прутики. С другой — под их видом скрываются насекомые. Таков и альзабо. Когда Бекан, вещая устами чудовища, пожелал вос-

соединиться с женой и сыном, он верил, что изъявляет собственную волю, да так оно и было. И все же его воля способствовала бы насыщению альзабо, чьи потребности и устремления скрывались за голосом Бекана.

Неудивительно, что соотнести природу альзабо с высшей истиной оказалось значительно труднее; но в конце концов я пришел к заключению, что она подобна процессу поглощения материальным миром мыслей и поступков людей, которые, покинув этот мир, оставили в нем следы своей деятельности — назовем их, в широком смысле, произведениями искусства: здания, песни, войны, открытия; они продлевают Жизнь своим творцам и после кончины последних. Именно в этом смысле маленькая Севера подала альзабо идею подвинуть стол, чтобы добраться до люка, хотя самой Северы уже не было на свете.

Моей советчицей была Текла, и хотя я не особенно рассчитывал на нее, когда обращался к ее памяти, а она была не слишком толковой советчицей, все же ее в свое время нередко предупреждали об опасностях, которые таят в себе горы; и она теперь, стоило забрезжить рассвету, направляла меня то вверх, то вперед, то вниз — чаще вниз, в долины, туда, где тепло.

Голод меня больше не мучил, ибо у того, кто долго не ест, чувство голода пропадает. На смену ему пришла слабость, а вместе с ней чистота и ясность сознания. С тех пор как я вылез из правой глазницы, минуло двое суток, и вот под вечер я набрел на пастушескую хижину, по виду напоминавшую каменный улей, и обнаружил в ней котелок с кукурузной мукой.

Всего в дюжине шагов бил горный источник, но разжечь огонь мне было нечем. Я убил весь вечер, собирая пустые птичьи гнезда с находящейся в полулиге от хижины скалы, а ночью высек огонь мечом, сварил похлебку (на такой высоте это заняло много времени) и съел ее. И как ранее в случае со снегом, теперь мне казалось, что я в жизни не ел ничего вкуснее — у похлебки был еле уловимый, но все же явственный привкус меда, словно высушенные зерна сохранили нектар живого растения; так некоторые камни хранят в сердцевине морскую соль — память Урса.

Считая своим долгом расплатиться за угощение, я перетряхнул ташку в поисках сколь-нибудь равноценной вещи, которую я мог бы оставить пастуху. Жертвовать коричневой книгой Теклы я не хотел и успокаивал совесть, убеждая себя, что пастух наверняка не умеет читать. Сломан-

ный точильный камень я тоже не мог уступить — то была память о зеленом человеке, да и какой прок от такого подарка здесь, где вокруг в траве полно камней? Денег у меня не было, — все до последней монетки я отдал Доркас. Наконец я остановился на алой накидке, которую нашел в грязи в каменном городе на пути в Тракс. Накидка была основательно перепачкана, тонкая ткань не обещала особого тепла, но я надеялся, что кисти и яркий цвет порадуют хозяина угощения.

Я так и не понял, как она оказалась в том месте, где мы ее нашли; неясно также, преднамеренно ли бросил ее тот странный человек, что вызвал нас, дабы возродиться на короткое время, или же она случайно осталась лежать, когда дождь растворил его и обратил в прах, коим он пробыл так долго. Несомненно, древняя сестринская община жриц повелевает силами, которые пускает в ход чрезвычайно редко или же никогда, и было бы естественно предположить, что помимо прочего они обладают способностью оживлять мертвых. Если это так, он вполне мог призвать их, как призвал нас, а накидка осталась по случайному стечению обстоятельств.

И все-таки, даже если мое предположение верно, все это могло произойти по воле некой

высшей власти. Именно таким образом большинство мудрецов объясняют очевидный парадокс: хотя мы вольны поступать по своему выбору, совершить преступление или из человеколюбивых побуждений похитить из Эмпиреев знак священного отличия, каждый наш шаг направляет Предвечный, и всяк служит ему равно: и тот, кто повинуется, и тот, кто идет наперекор.

Но и это не все. Из коричневой книги Теклы и из частных бесед с ней самою мне было известно мнение некоторых мудрецов, полагавших, будто настоящее кишит мириадами мельчайших существ, представляющих собой лишь краткое мгновение, — и они действительно бесконечно малы, но в глазах людей и по сравнению с ними огромны: ведь для людей их властелин столь громаден, что они его не видят. (Именно из-за необъятных размеров он становится ничтожно малым, так что, соотнося себя с ним, мы словно шагаем по континенту, а видим лишь горы, леса, болота и пески; и, хотя и чувствуем в башмаках мелкие камешки, мы никогда не осознаем, что земля, которую мы проглядели, каждый миг нашей жизни пребывает с нами, даже в дороге.)

Есть и другие мудрецы: эти, подвергая сомнению власть, которой якобы служат упомянутые

существа (назовем их амшаспандами), тем не менее признают факт их существования. Их утверждения основываются не на опыте человечества (его накопилось достаточно), к которому я присовокупляю свой собственный, ибо я видел такое существо в книге с зеркальными страницами в палатах Отца Инира, — а скорее на теории, опровергнуть которую в принципе невозможно: они говорят, что если вселенная нерукотворна (во что они предпочитают не верить по причинам не вполне философского свойства), то она должна была существовать всегда, вплоть до сего дня. А коли она существовала всегда, то само время простирается в бесконечность за пределы настоящего, и в этом безбрежном океане времени все мыслимое по необходимости является преходящим. Существа, подобные амшаспандам, мыслимы, ибо эти мудрецы и многие другие мыслили о них. Но если столь могущественные существа однажды обрели жизнь, как они могут погибнуть? Посему они живы и поныне.

Так, из парадоксальной природы знания следует, что, хотя существование Илема, праисточника всех вещей, может быть подвергнуто сомнению, существование его служителей несомненно.

И поскольку такие существа есть, они навер-

няка вторгаются в нашу жизнь (если это можно назвать вторжением) посредством «случайностей», подобных той, что принесла мне в руки алую накидку, которую я оставил в хижине. Ведь не требуется безграничного могущества, чтобы вмешаться во внутреннюю структуру муравейника, любой ребенок может разворошить его палкой. Ничего более ужасного я и помыслить себе не могу. (Ведь собственная смерть, которую принято считать столь пугающей, что она приобретает немыслимые масштабы, не особенно меня тревожит; о чем я действительно не в силах думать — возможно, благодаря моей безупречной памяти, — так это о собственной жизни.)

Но существует и другое объяснение. Не исключено, что все стремящиеся служить Теофанию и даже все те, кто служит ему лишь на словах, какими бы разными они ни казались нам и сколько бы между собой ни враждовали, тем не менее связаны единой нитью, подобно марионеткам, мальчику и деревянному человечку, что явились мне как-то раз во сне; в какие бы схватки они ни вступали, ими управляет невидимая рука, которая дергает за тесемки и того и другого. Если это так, то встреченный нами шаман мог быть другом и союзником жриц, которые, странствуя,

распространили свою культуру на те самые земли, где он, в первобытной древности, под мерную литургию барабана и кроты, приносил некогда жертвы в маленьком храме каменного города.

Под вечер следующего дня я вышел к озеру Диутурн. Именно его, а вовсе не море я видел на горизонте, прежде чем Тифон вторгся в мое сознание и сковал его, — если вообще встреча с Тифоном и Пьятоном не была видением или сном, от которого я пробудился, разумеется, в том же месте, где и заснул. Но озеро Диутурн действительно похоже на море: оно столь огромно, что мысль бессильна охватить его, а ведь именно в мыслях рождаются отклики, вызываемые этим словом; без мысли озеро было бы всего лишь участком Урса, залитым солоноватой водой. Озеро Диутурн лежит на высоте гораздо большей, чем настоящее море, однако я потратил почти всю светлую часть дня, чтобы добраться до берега.

Спуск запомнился мне надолго, и даже сейчас, когда мой разум хранит воспоминания о стольких людях, я лелею память о редкостных по красоте картинах, окружавших меня, ибо пока я шагал, одно время года сменяло другое. Когда я вышел из хижины, позади меня, справа и надо мной простирались бескрайние снежные

и ледяные пространства, темневшие еще более холодными скалами — скалами, беспрестанно обдуваемыми ветром, так что снег, не задерживаясь на них, осыпался и таял на нежной луговой траве, по которой я ступал, — первой весенней траве. Я шел дальше, травы набирали силу, и зелень их становилась сочнее. Под ногами снова зазвенели, застрекотали насекомые (я заметил это только потому, что давно их не слышал), и новый шум напомнил мне звук настраиваемых струн в Голубой Зале перед началом первой кантилены — звук, к которому я, бывало, прислушивался, лежа у открытого окна на койке в общей спальне для учеников.

Начали попадаться кусты, которые, несмотря на упругую силу ветвей, не могли жить на тех высотах, где росли нежные травы; при ближайшем рассмотрении они оказались и не кустами вовсе, а деревьями, которые я видел прежде. В ином климате они вырастают до исполинских размеров, здесь же, в условиях короткого лета и суровой зимы, чахнут, и стволы их Разветвляются на несколько самостоятельных прочных побегов. На одном из этих карликовых деревьев я обнаружил дрозда в гнезде — первую за время моих скитаний по горам птицу, если не считать

парящих над вершинами хищников. Пройдя еще лигу, я увидал кавий; грызуны высовывали пятнистые головы с зоркими черными глазами из нор, темневших меж голых камней, и тревожным свистом предупреждали сородичей о моем приближении.

Еще лига, и кролик опрометью выскочил у меня из-под ног и, петляя, в страхе бросился прочь. Я, конечно, не мог его догнать. До этого я шел очень быстрым шагом и теперь чувствовал, что совсем обессилел — не только от голода и болезни, но и от разреженного воздуха. Словно меня подтачивала другая хворь, о которой я не подозревал, пока не возвратился к целительным деревьям и кустам.

Отсюда озеро уже не казалось затуманенной голубой линией, предо мной простиралась холодная безмятежная водная гладь с редкими пятнами лодочек, которые, как я позже узнал, были по большей части построены из тростника; на краю залива чуть правее выбранного мною направления виднелась опрятная деревушка.

Подобно тому как я не чувствовал слабости, не осознавал я и одиночества, обрушившегося на меня со смертью мальчика, пока не увидел лодки и круглые соломенные крыши деревни. Это было

больше, чем просто одиночество. Прежде я никогда особенно не нуждался в людском обществе, если только это не было общество друга. Поэтому я не спешил вступать в разговор с незнакомцами и вообще не любил незнакомые лица. Оставшись один, я в некотором смысле утратил себя как личность: для дрозда и для кролика я был не Северьяном, но Человеком. Многие люди находят удовольствие в абсолютном одиночестве, особенно в одиночестве посреди пустыни, потому что им нравится исполнять эту роль. Я же снова хотел обрести индивидуальность и потому искал свое отражение в зеркале других индивидуальностей, чтобы доказать себе, что я не такой, как они.

28. УЖИН У СТАРЕЙШИНЫ

Когда я добрался до окраины селения, уже завечерело. Солнце отбрасывало на гладь озера огненно-золотую дорожку, словно в продолжение деревенской улицы, которая уходила теперь на самый край света, зовя человека в запредельные миры. Передо мной предстала деревня, маленькая и убогая, но мне, так долго скитавшемуся высоко в горах вдали от жилья, и она показалась завидным убежищем.

Постоялого двора здесь не было, а поскольку никто из жителей, выглядывавших из окон, не изъявлял желания принять меня, я спросил, где дом старейшины, оттолкнул открывшую мне дверь толстуху и расположился со всеми удобствами. Когда наконец явился старейшина посмотреть, кто ворвался к нему незваным гостем, я уже грелся у его очага, склонившись над «Терминус Эст» с точильным камнем и масленкой в руках. Он начал с почтительного приветствия, но любопытство так разбирало его, что даже в поклоне он не мог удержаться, чтобы не поднять голову и не взглянуть на меня. Я чуть было не расхохотался, однако вынужден был сдержать

себя, дабы не погубить свои планы.

— Мы рады господину оптимату, — пропыхтел старейшина, раздувая морщинистые щеки. — Очень, очень рады. Мое скромное жилище и все наше бедное селение в твоем распоряжении.

— Я не оптимат, — возразил я, — я Великий мастер Северьян из Ордена Взыскующих Истины и Покаяния, более известного как гильдия палачей. Ты, старейшина, будешь называть меня мастером. Путь мой был долог и многотруден, и если ты обеспечишь мне добрый ужин и сносную постель, обещаю до утра не беспокоить иными требованиями ни тебя, ни твоих людей.

— Я предоставлю тебе свою собственную кровать, — поспешно отвечал он, — и лучший ужин, какой только удастся собрать.

— У тебя наверняка имеется свежая рыба и водная дичь. Приготовь и то и другое. И рису в придачу. — Мне вспомнилось, как однажды, рассуждая об отношениях гильдии с остальным миром, мастер Гурло сказал мне, что самый легкий способ подчинить себе человека — это потребовать от него то, чего он не может выполнить. — Принеси меду, свежего хлеба и масла, этого, пожалуй, будет достаточно. Само собой разумеется, овощи и салат, но до них я не охотник,

поэтому разрешаю удивить меня каким-нибудь новым вкусным блюдом, чтобы было что рассказать по возвращении в Обитель Абсолюта.

Глаза старейшины округлились, а при упоминании об Обители Абсолюта, о которой сюда наверняка доходили лишь самые противоречивые слухи, они и вовсе чуть не вылезли из орбит. Он пробормотал что-то невразумительное о деревенском стаде (кажется, что на этих высотах слишком слабый скот и масла добыть не удастся), но я знаком велел ему удалиться да напоследок ухватил его за шиворот, поскольку он не сразу закрыл за собою дверь.

Когда он ушел, я отважился снять сапоги. Никогда нельзя позволять себе расслабляться при заключенных (а старейшина и жители его деревни оказались теперь моими узниками, хоть и не содержались в заточении), однако я не сомневался, что никто не осмелится войти в комнату, пока еда не будет готова. Почистив и смазав «Терминус Эст», я несколько раз провел по нему точильным камнем, чтобы подправить края.

Закончив с мечом, я достал из мешочка другое сокровище и осмотрел его при ярком свете очага. С тех пор как я покинул Тракс, он ни разу не прижимался к моей груди, подобно железному

пальцу, — в самом деле, блуждая в горах, я порой вообще о нем забывал, а один или два раза, вспомнив, в ужасе хватался за него, думая, что потерял его. Здесь, в доме старейшины, в квадратной комнате с низким потолком, где камни выставляли из стен круглые, как у городских чиновников, животы и грели их в тепле очага, его сияние было не столь ярко, как в лачуге одноглазого мальчика, но и не столь безжизненно, как под взглядом Тифона. Теперь же он испускал мерное свечение, и я представлял, как блики исходящей от него энергии играли на моем лице. Еще никогда знак в форме полумесяца, находящийся в самом его сердце, не проступал так отчетливо; и как бы темен ни был тот знак, из него звездообразно излучался свет.

Я спрятал камень, слегка устыдившись, что забавлялся с такой священной вещью, словно с игрушкой, достал коричневую книгу и собрался читать. Но, хотя нервное возбуждение утихло, я был так истощен, что старинные малоразборчивые буквы заплясали в неровном свете очага перед моими глазами, и вскоре я сдался: история, которую я читал, казалась мне то полнейшей бессмыслицей, то летописью моей собственной жизни, повествующей о бесконечных скитаниях,

бесчинствах толпы, потоках крови. Наконец мне показалось, что на странице мелькнуло имя Агии, но, приглядевшись, я понял, что это было слово «однажды»: «Агия она прыгнула, и, извернувшись между щитками панциря…»

Текст казался простым и понятным и вместе с тем не поддающимся осмыслению, словно отражение зеркала в водной глади. Я закрыл книгу и убрал в ташку, словно бы и вовсе ничего не читал. Агия, должно быть, и в самом деле прыгнула с соломенной крыши дома Касдо. И, конечно, ей пришлось изворачиваться, ибо казнь Агилюса она выставила убийством. Гигантская черепаха, которая, согласно мифу, поддерживает мир и, следовательно, воплощает собою галактику с ее законом всеобщего коловращения, а без него мы лишь бесцельно блуждали бы в пространстве; в древние времена она являла собою ныне Утраченный Универсальный Закон, по которому можно было проверять правильность своих действий. Ее спинной панцирь символизировал небесную сферу, а пластрон — плоскости всех миров. Щитки панциря становятся, таким образом, воинством Теологуменона, слабо мерцающим, наводящим ужас…

Не будучи уверен, что все это я действительно

прочитал, я достал книгу снова и попробовал отыскать ту страницу, но не смог. Умом я понимал, что слишком устал и проголодался, что свет от очага был неровен, потому-то и сбились мои мысли; но я ощущал знакомый страх, посещавший меня всегда, когда какое-нибудь незначительное происшествие пробуждало во мне предчувствие начинающегося безумия. Я сидел, неподвижно уставившись в огонь, и мне представлялось более вероятным, чем хотелось бы, что однажды вследствие удара по голове или же без всякой причины воображение и разум поменяются во мне местами — совсем как двое старых друзей, которые каждый день приходят в парк и садятся на одни и те же места и однажды, новизны ради, решают ими поменяться. Тогда все фантомы моего сознания предстали бы передо мною как живые, а люди и вещи реального мира явились бы неясными призраками, какими мы видим наши страхи и честолюбивые устремления. На нынешнем этапе повествования эти мысли, должно быть, кажутся провидческими; но да послужит мне извинением признание, что память Давно и часто терзает меня, ввергая в подобные размышления.

Мои болезненные фантазии прервал робкий

стук в дверь. Я натянул сапоги и крикнул:

— Входи!

Некто, старательно избегавший попадаться мне на глаза, хотя я и не сомневался, что это был старейшина, распахнул дверь, и вошла молодая женщина с медным подносом, заставленным едой. Она опустила поднос передо мной, и только тогда я увидел, что на ней совершенно ничего нет, кроме браслетов, которые я поначалу принял за грубо сработанные украшения. Она поклонилась, поднеся руки ко лбу, как принято у северян, и тускло сверкавшие обручи, обхватывавшие ее запястья, оказались кандалами из закаленной стали, соединенными длинной цепью.

— Вот твой ужин, Великий мастер, — произнесла она и попятилась к выходу. Ее округлые бедра прижались к двери; одной рукой она попыталась отодвинуть щеколду, раздался слабый скрежет, но дверь не поддавалась. Очевидно, тот, кто впустил девушку внутрь, придерживал дверь снаружи.

— Вкусно пахнет, — сказал я. — Ты сама это приготовила?

— Не все. Рыбу и жареные пирожки.

Я встал и, прислонив «Терминус Эст» к грубым камням стены, чтобы не испугать девушку,

подошел к подносу. Там была молодая утка, поджаренная и нарезанная кусочками, уже упоминавшаяся рыба, пирожки (приготовленные, как потом выяснилось, из тростниковой муки и рубленых моллюсков), запеченный в золе картофель и салат из грибов и зеленых овощей.

— А где же хлеб? — воскликнул я. — Где масло и мед? Они за это поплатятся.

— Мы надеялись, Великий мастер, что пирожки тебе понравятся.

— Насколько я понимаю, это не твоя вина. С тех пор как я возлег с Кириакой, прошло много времени, и я пытался не смотреть на молодую рабыню, но не мог. Длинные черные волосы до пояса, темная, почти медная кожа и тонкая талия, что редко встречается у женщин-автохтонок. Черты ее лица были весьма приятны и только слегка резковаты. У Агии, несмотря на светлую кожу и веснушки, скулы были гораздо шире.

— Благодарю тебя, Великий мастер. Мне приказано остаться и прислуживать тебе у стола. Если тебе это неугодно, скажи ему, чтобы открыл дверь и выпустил меня.

— Я скажу ему, — громко произнес я, — чтобы убирался из-под двери и не подслушивал мои разговоры. Ты ведь говоришь о своем хозяине? О

старейшине этой деревни?

— Да, о Замбдасе.

— А тебя как зовут?

— Пиа, Великий мастер.

— Сколько тебе лет, Пиа?

Она сказала, и я улыбнулся, узнав, что ей столько же лет, сколько мне.

— А теперь ты будешь мне прислуживать. Я устроюсь у огня, где сидел, когда ты вошла, а ты подашь мне еду. Тебе не приходилось прислуживать у стола?

— О да, Великий мастер, я каждый раз прислуживаю.

— В таком случае ты знаешь, что делать. Что ты посоветуешь мне в качестве первого блюда? Рыбу?

Она кивнула.

— Тогда неси ее сюда. Захвати вино и несколько твоих пирожков. Ты сама ела?

Она покачала головой, ее черные волосы заволновались.

— Нет, но мне не пристало есть вместе с тобой.

— Но у тебя все ребра наружу.

— Меня за это побьют, Великий мастер.

— Тебя никто не тронет, пока я здесь. Однако я не настаиваю. Я только хочу проверить, не подме-

шали ли в пищу чего-нибудь такого, что я не мог бы дать своему псу, будь он по-прежнему со мной. Если подмешали, то скорее всего в вино. Если это один из обычных сельских сортов, то на вкус оно будет терпким, но сладким. — Я наполнил глиняный кубок до половины и протянул ей. — Пей, и если ты не свалишься на пол в конвульсиях, я тоже выпью немного.

Ей стоило немалых трудов осушить кубок; наконец с полными слез глазами она протянула его мне. Я налил себе вина и пригубил, найдя его отвратительным, как того и ожидал.

Я усадил девушку рядом с собой и заставил съесть одну изжаренную в масле рыбу. Потом сам съел две. Они оказались настолько же вкуснее вина, насколько нежное личико девушки было приятней сморщенной физиономии старейшины. Рыба была, несомненно, поймана сегодня и в воде гораздо холоднее и чище, чем мутный поток устья Гьолла, где ловилась рыбешка, к которой я привык в Цитадели.

— Здесь всех рабов заковывают в цепи? — спросил я, когда мы разделили пирожки. — Или ты, Пиа, проявила особый норов?

— Я одна из озерных людей, — ответила она, и, будь я знаком с местными обстоятельствами,

объяснение было бы исчерпывающим.

— А я думал, что озерные люди живут здесь. — Я описал рукой в воздухе круг, имея в виду дом старейшины и его деревню.

— Нет-нет, это береговые люди. Мой народ живет на островах посреди озера. Но иногда ветер прибивает сюда наши острова, и Замбдас боится, как бы я не увидела свой дом и не уплыла. Цепь очень тяжелая — видишь, какая она длинная? — и снять ее я не могу. Она утопит меня.

— Если только ты не найдешь бревно, на которое можно ее положить, пока ты будешь работать ногами. Она притворилась, что не слышит.

— Отведай утки, Великий мастер.

— С удовольствием, но не раньше, чем ты съешь кусок. Однако прежде расскажи мне еще о своих островах. Так, значит, их прибивает сюда ветром? Признаюсь, никогда не слыхал, чтобы ветер гнал по воде острова.

Пиа не отрывала вожделеющего взгляда от утки — должно быть, в здешних краях утка считалась редкостным лакомством.

— Я слышала, что существуют неподвижные острова, но никогда их не видела. Это, наверное, очень неудобно. Наши перемещаются с места на место, а мы иногда привязываем к деревьям

паруса, чтобы плыть быстрее. Правда, поперек ветра они плавают плохо, потому что днища у них устроены не по-умному, как у лодки, а по-глупому, как у корыта. Иногда они даже переворачиваются.

— Мне бы хотелось когда-нибудь повидать твои острова, Пиа, — сказал я. — Мне бы также хотелось вернуть тебя туда, поскольку, как мне кажется, ты рвешься домой. Я кое-чем обязан человеку, имя которого очень похоже на твое, и, прежде чем покинуть эти места, я попытаюсь помочь тебе. А пока подкрепи свои силы, поешь утки.

Она взяла кусок и, пощипав его, начала отделять волокна мяса, которые собственными пальчиками отправляла мне в рот. Утка была очень вкусной, она еще не успела остыть и слегка дымилась, а мясо имело легкий привкус петрушки — наверное, из-за водорослей, которыми здесь питались утки, — было сочным и даже жирным. Уничтожив добрую половину ножки, я съел несколько листиков салата, чтобы освежить рот.

Потом я, кажется, поел еще немного, как вдруг мое внимание привлекло какое-то движение в пламени. От обгоревшего поленца отвалился кусок и, пламенея, упал в золу под решетку; однако

вместо того, чтобы лежать там спокойно, угасая и обугливаясь, он встал стоймя и обернулся Рошем — Рошем с его огненно-рыжей шевелюрой, полыхавшей настоящим пламенем, Рошем с факелом в руке, каким я помнил его, когда мы были детьми и бегали купаться в резервуаре под Колокольной Башней.

Я так удивился, увидев его здесь, уменьшенного до размеров пылающего микроморфа, что обернулся к Пиа и указал на него. Она, похоже, ничего не увидела; но на ее плече, полускрытый ее черными ниспадающими волосами, стоял Дротт, размером с мой большой палец. Когда я попытался сказать ей об этом, то вместо голоса услыхал шипение, скрежет и лязг. Страха я не почувствовал, только некое отрешенное удивление. Я точно знал, что произносимые мною звуки не были человеческой речью, и смотрел на перекошенное от ужаса лицо Пиа, как на древнее живописное полотно из галереи старого Рудезинда в Цитадели; заговорить же словами или хотя бы сдержать поток нечленораздельных звуков я не мог. Пиа вскрикнула.

Дверь распахнулась. Она так долго была закрыта, что я и думать забыл, что она могла оказаться незапертой; но теперь она была открыта, и в про-

еме стояли двое. Сначала это были люди, люди, у которых вместо лиц висели звериные шкуры, гладкие, словно мех выдры, но все-таки люди. Через миг они превратились в растения, высокие голубовато-зеленые стебли, из которых торчали острые как бритвы причудливые угловатые мертвые листья. В них прятались пауки — черные, мягкотелые, многоногие. Я попытался подняться со стула, и они прыгнули на меня, таща за собою сеть паутины, переливавшуюся в пламени очага. Я только успел взглянуть в лицо Пиа, и ее широко распахнутые глаза и искаженный гримасой рот врезались мне в память; в следующую секунду сапсан со стальным клювом обрушился на меня сверху и сорвал с моей шеи Коготь.

29. ЛОДКА СТАРЕЙШИНЫ

Меня заперли в темноте, где, как выяснилось позже, я просидел всю ночь и большую часть утра. Поначалу я даже не замечал мрака: галлюцинациям освещение не нужно. Я до сих пор помню их так же отчетливо, как и все, что со мной происходило, но не стану докучать тебе, мой далекий читатель, и описывать всю череду фантомов, хотя сделать это сейчас не составило бы большого труда. Что действительно нелегко, так это выразить охватившие меня чувства.

Конечно, я мог бы утешить себя мыслью, что всему виной проглоченный мною наркотик, а именно — грибы, подмешанные в салат (я и сам об этом догадывался, а впоследствии получил подтверждение в беседах с лекарями, пользовавшими раненых из армии Автарха); ведь мысли Теклы и сама ее личность были заключены в кусочке ее плоти, который я проглотил на пиру у Водалуса, с тех пор познав новый источник и утешения, и беспокойства. Но я не сомневался, что дело не в наркотике, ибо все мои видения — забавные, жуткие, пугающие и просто гротески — были плодом моего собственного сознания. Или

сознания Теклы, которое стало частью моего.

Либо, что вероятнее, плодом нашего общего переплетенного сознания — я понял это, наблюдая в темноте за проходящей передо мною вереницей светских дам — экзультанток, женщин непомерно высокого роста, чопорная стать которых напоминала дорогие фарфоровые вазы, с лицами, напудренными жемчужной и алмазной пылью, с глазами огромными, как у Теклы, что достигалось закапыванием в них с раннего детства вещества, содержавшего незначительное количество какого-то яда.

Северьян — я сам, только в годы ученичества, юноша, что бегал купаться под Колокольной Башней, едва не утонул однажды в Гьолле, праздно шатался в одиночестве среди руин некрополя летними днями и, находясь на самом дне отчаяния, передал украденный нож шатлене Текле, — этот Северьян исчез.

Но он не умер. Отчего же он прежде думал, что всякая жизнь должна заканчиваться смертью и никак иначе? Он не умер, но растаял, как тает навеки в пространстве звук, становясь неразличимой и неотъемлемой частицей некой импровизированной мелодии. Тот, юный, Северьян ненавидел смерть, и милостью Предвечного,

которая есть наше проклятье и погибель (как справедливо считают многие мудрецы), он не умер.

Женщины изогнули длинные шеи и глянули на меня сверху вниз. Их прекрасные овальные лица были пропорциональны, бесстрастны, но вместе с тем похотливы; внезапно на меня снизошло понимание, что они не принадлежали — или больше не принадлежали — ко двору Обители Абсолюта, но сделались куртизанками Лазурного дома.

Вереница этих соблазнительных и неживых женщин все тянулась, и с каждым ударом моего сердца (которые я чувствовал тогда острее, чем когда-либо прежде или впоследствии, словно у меня в груди стучал барабан) они меняли роли, сохраняя свою внешность до мельчайшей детали. Как это часто бывает в снах, когда тот или иной человек является на самом деле кем-то другим, на кого он ни в малейшей степени не похож, так и эти женщины сейчас знаменовали присутствие Автарха, а через миг они будут проданы на ночь за пригоршню орихальков.

Все это время, а на самом деле гораздо дольше, я страдал от острой боли по всему телу. Паутина, которая при ближайшем рассмотрении оказа-

лась обычной рыболовной сетью, так и осталась на мне; но я был связан еще и веревками, причем одна рука оказалась накрепко прижатой вдоль тела, а Другая вывернутой наверх, так что пальцы почти касались лица и уже онемели. Когда действие наркотика достигло своего апогея, я перестал контролировать естественные отправления, и теперь мои штаны были пропитаны холодной, отвратительно пахнувшей мочой. Галлюцинации являлись все реже и протекали не столь бурно, и меня охватило отчаяние при виде жалкого моего состояния; я содрогался при мысли о том, что со мной сделают, когда наконец выведут из темной кладовки, где я был заперт. Не исключено, что старейшина как-то прознал, что я не тот, за кого себя выдавал, а следовательно, и то, что я бежал от правосудия архона, — иначе он никогда не посмел бы так поступить со мною. Мне оставалось лишь гадать, сам ли он расправится со мной (скорее всего утопит), сдаст какому-нибудь местному этнарху или вернет в Тракс. Я принял решение покончить с собой, если мне предоставят такую возможность, но надежда на это едва брезжила, и в отчаянии я был готов убить себя немедленно.

Наконец дверь открылась. Хотя свет проник из

сумрачной комнаты с толстыми стенами, он чуть не ослепил меня. Двое мужчин выволокли меня наружу, словно мешок муки. Оба носили густые бороды, и скорее всего это они были людьми со звериными шкурами вместо лиц, напавшими на нас с Пиа. Они поставили меня вертикально, однако мои ноги подкашивались, и им пришлось развязать веревку и снять сети, опутавшие меня, стоило мне освободиться из сетей Тифона. Когда я снова смог стоять, они дали мне кружку воды и кусок соленой рыбы.

Через некоторое время явился старейшина. Он принял важную позу — очевидно, он всегда так стоял, когда отдавал распоряжения, — но голос его дрожал. Почему он до сих пор боялся меня, я понять не мог, но он действительно испытывал страх передо мной. Терять мне было нечего, даже наоборот, одна попытка могла вернуть мне все, поэтому я приказал освободить себя.

— Я не могу этого сделать, Великий мастер, — ответил он. — Я всего лишь подчиняюсь приказу.

— И кто же посмел отдать приказ обойтись так с представителем твоего Автарха?

Он прокашлялся.

— Приказ пришел из замка. Вчера вечером мой почтовый голубь отнес туда твой сапфир, а

сегодня утром прилетел другой с распоряжением переправить тебя туда.

Сначала я подумал, что он имеет в виду Замок Копья, где находился один из штабов димархиев, но очень скоро сообразил, что здесь, по меньшей мере в двух сотнях лиг от крепости Тракса, старейшина не мог знать таких подробностей. Я спросил:

— О каком замке ты говоришь? И не нарушу ли я приказ, если помоюсь, прежде чем явлюсь туда? Дадут мне выстирать одежду?

— Это, пожалуй, можно, — неуверенно проговорил он и обратился к одному из бородачей: — Каков нынче ветер?

Тот в ответ повел плечом, что для меня не значило ровным счетом ничего, но старейшина явно сделал какой-то вывод.

— Ладно, — сказал он мне, — освободить тебя мы не можем, но вымоем и накормим, если ты голоден.

Он собрался было уйти, но обернулся ко мне и прибавил, почти извиняясь:

— Замок близко, Великий мастер, а Автарх далеко. Сам понимаешь. В прошлом мы много страдали, но теперь живем спокойно.

Я был готов с ним спорить, но он не дал мне

такой возможности. Дверь захлопнулась за его спиной.

Вскоре пришла Пиа, одетая на этот раз в рваную робу. Мне ничего не оставалось делать, как подвергнуться новому унижению — раздеться и вымыться с ее помощью; однако я воспользовался случаем и шепнул ей на ухо, чтобы она отправила мой меч со мной, куда бы меня ни повезли, ибо я надеялся бежать даже ценой присяги таинственному владельцу замка и клятвы объединить с ним свои усилия. Как и прежде, когда я посоветовал ей доверить тяжесть кандалов бревну, она притворилась, что не слышит меня; но спустя стражу, когда меня одели и повели к лодке на виду у всей деревни, я увидал ее бегущей вслед за нашей маленькой процессией с прижатым к груди «Терминус Эст». Очевидно, старейшина хотел оставить столь замечательное оружие себе и громко протестовал, но мне удалось убедить его, пока меня втаскивали на борт, что, прибыв в замок, я непременно проинформирую хозяина о существовании моего меча, и старейшина сдался.

Мне еще не приходилось видеть лодки, подобной этой. Формой она напоминала шебеку, имела острую удлиненную корму, такой же острый, но

еще более вытянутый нос и широкую среднюю часть. Корпус же отличался неглубокой посадкой и был сделан из связанного в пучки тростника наподобие корзины. В таком неустойчивом корпусе не могло быть уступа для обычной мачты, и вместо нее возвышалась треугольная связка жердей. Узкое основание этого треугольника тянулось от планшира до планшира, а равные по длине стороны поддерживали блок, предназначенный, как выяснилось, когда мы со старейшиной забрались на борт, для подъема косого рея, к которому крепился льняной парус в широкую полоску. Меч старейшина уже держал в руках, но как только лодку оттолкнули, Пиа, звеня цепью, прыгнула на борт.

Старейшина пришел в ярость и ударил ее, однако, поскольку в таком утлом суденышке особенно не развернешься (того и гляди опрокинется), он разрешил ей остаться, и она, рыдая, удалилась на нос. Я рискнул осведомиться о причине ее желания непременно ехать с нами, хотя и сам, пожалуй, догадывался.

— Моя жена очень круто с ней обходится, когда меня нет дома, — ответил старейшина. — Бьет ее, заставляет целыми днями заниматься черной работой. Ей это, разумеется, полезно, к тому же

она тем сильнее радуется моему возвращению. Но ей больше по душе ездить со мной, и я не могу винить ее.

— Я тоже, — сказал я, отворачиваясь от его зловонного дыхания. — Кроме того, она посмотрит на замок, которого наверняка никогда не видела.

— Ну, стены-то она видела сто раз. Она родом из озерных людей, их носит по воде ветром, и они все видят.

Ветром несло и нас. Он наполнял прозрачным, как душа, воздухом полосатый парус и гнал наше широкобокое суденышко по волнам, раскачивая и подбрасывая, пока деревня не исчезла за линией горизонта. Белые горные пики по-прежнему оставались в поле зрения, теперь казалось, будто они вырастают прямо из озера.

30. НАТРИЙ

Оружие у этих рыболовов было самое примитивное — даже племена автохтонов, населявшие окраины Тракса, имели более совершенное вооружение, — я не сразу заметил, что оно вообще у них есть. Людей на борту было больше, чем необходимо для управления судном и установки паруса, но я поначалу решил, что это просто гребцы или свита старейшины — может, их прихватили для пущей важности, чтобы не ударить лицом в грязь, когда их господин предстанет перед владельцем замка. У пояса они носили кинжалы с прямым узким лезвием, как у всех рыбаков, а у носа лодки лежал пучок острозубых гарпунов, но я не обратил на это внимания. И лишь когда на горизонте появился один из тех островов, что я так жаждал увидеть, и люди схватились за дубинки с наконечниками из звериных клыков, я понял, что это охрана, а значит, старейшине есть кого опасаться.

Островок казался самым обыкновенным, пока не стало заметно, что он действительно плывет по воде. Он был почти плоским, с пышной зеленой растительностью, а на самом высоком холме

стояла маленькая хижина, выстроенная, как и наше судно, из тростника и с тростниковой же крышей. На островке виднелось несколько ив, у самой воды была привязана длинная узкая лодка. Когда мы приблизились, я разглядел, что и сам остров был из тростника, только из живого. Стебли сообщали ему характерную зеленую окраску; корни, переплетаясь, образовывали основание наподобие плота. Поверх этой спутанной массы лежал слой почвы, нанесенной ветром или руками обитателей. Корни растущих на острове деревьев волочились следом за ним по воде. Яркой заплаткой пестрел маленький огород.

Поскольку старейшина и все остальные, за исключением Пиа, бросали в сторону острова злобные взгляды, я испытывал к этому плавучему клочку земли вполне объяснимую симпатию, да и трудно было не проникнуться любовью к этой свежей зелени на фоне холодного, кажущегося безбрежным пространства Диутурна и еще более бездонной и поистине безбрежной теплой синевы небесных просторов, увенчанных солнечным диском и испещренных искрами звезд. Если бы я увидел все на полотне, то символика этой картины произвела бы на меня большее впечатление, чем произведения, символизм

которых вызывает насмешки критиков: прямая линия горизонта, разделяющая холст на две равные части, изумрудное пятно острова, зелень деревьев и коричневая хижина. Но кто бы взялся объяснить ее смысл? Ведь не может быть, чтобы символы, усмотренные нами в пейзажах, существовали только в нашем сознании. Всякий без колебаний навешивает ярлык сумасшедших на солипсистов, искренне верящих, что мир существует постольку, поскольку они созерцают его, и все здания, горы, даже мы сами (к кому они обращались секунду назад) исчезнут сразу, стоит им отвернуться. Не будет ли таким же безумием утверждать, будто смысл этих предметов исчезает сходным образом? Если Текла была символом любви, которой я считал себя недостойным, разве терялась ее символическая сила, когда я закрывал за собою дверь ее камеры? Тогда уж и содержание этой книги, над которой я тружусь уже столько стражей, расплывется багровым маревом, когда я завершу последнюю страницу и отошлю в вечную библиотеку старика Ультана.

Таким образом, великий вопрос, над которым я размышлял, устремив жадный взор на плавучий остров, досадуя на связывавшие меня веревки и проклиная в душе старейшину, состоит в следу-

ющем: что представляют собой (и для нас) эти символы? Мы подобны детям, которые смотрят на исписанную страницу и видят вместо букв то землю, то меч.

Не знаю, какой символ был заключен в простой маленькой хижине и зеленом саде, что зависли между двумя безднами. Я же прочитал в них напоминание о доме и воле и ощутил такое страстное желание свободы, возможности самому выбирать путь в верхние или нижние миры, имея при себе все необходимое, какого не знал, даже будучи узником Обители Абсолюта, даже став клиентом палачей Старой Цитадели.

Когда я сильнее всего жаждал свободы, а расстояние между лодкой и островом было практически минимальным, из хижины вышли двое мужчин и юноша лет пятнадцати. На миг они замерли у двери, пристально глядя на нас, словно оценивая экипаж. На борту, не считая старейшины, находилось пятеро сельчан, и, казалось, было ясно, что жители острова не могли тягаться с нами; однако же они спустили на воду свою легкую лодочку и устремились в погоню: мужчины гребли, а юноша ставил плетенный наподобие циновки парус.

Старейшина сидел рядом со мной, держа на коленях «Терминус Эст»; время от времени

он оборачивался в сторону преследователей. Чувствовалось, что он готов отбросить меч и поспешить к человеку, стоявшему у румпеля, или к четверке, расположившейся на носу. Мои руки были связаны спереди, и хватило бы кратчайшего мига, чтобы вытащить клинок из ножен хотя бы на дюйм и перерезать веревки, но такая возможность все не представлялась.

Показался еще один остров, и теперь нас преследовали уже две лодки; во второй сидели двое мужчин. Мы почти утратили численное преимущество, и старейшина, не выпуская из рук мой меч, подозвал к себе одного из сельчан и отступил шага на два к корме. Они открыли металлический ящик, спрятанный под мостиком рулевого, и достали незнакомое мне оружие — лук, состоявший из двух связанных между собой на расстоянии в пол-ладони и закрепленных распорками луков, каждый из которых имел свою тетиву. Обе тетивы тоже были связаны посередине, и узлы образовывали петлю для какого-то метательного снаряда.

Пока я разглядывал это хитроумное приспособление, Пиа придвинулась ближе.

— За мной наблюдают, — прошептала она, — я не могу развязать тебя прямо сейчас. Но, может

быть… — И она бросила многозначительный взгляд на следовавшие за нами лодки.

— Они нападут?

— Только если к ним присоединятся другие. У них ведь нет ничего, кроме гарпунов и пачо. — Встретив мой непонимающий взгляд, она пояснила: — Палка с зубьями — здесь у одного тоже такая есть.

Мужчина, которого подозвал к себе старейшина, тем временем достал из ящика нечто завернутое в стеганое одеяло. Из свертка он извлек несколько серебристо-серых металлических брусков маслянистого вида и разложил их на крышке ящика.

— Огненные пули, — пролепетала Пиа, еле живая от страха.

— Ты считаешь, что приплывут еще озерные люди?

— Если на пути попадутся другие острова. Если один или двое преследуют лодку с земли, присоединяются все, чтобы потом участвовать в дележе добычи. Однако скоро снова покажется берег…

Груди под ее рваной рубахой заволновались, ибо человек старейшины вытер ладонь о куртку, взял один из серебристых брусков и заложил в петлю двойного лука.

— Но ведь это все равно что тяжелый камень… — начал я.

Он натянул обе тетивы до самого уха и отпустил; брусок со свистом пролетел в промежутке между луками. Пиа так перепугалась, что я было подумал, что брусок вот-вот превратится в одного из тех пауков, которые привиделись мне в наркотическом опьянении, когда меня опутали рыбацкой сетью.

Но ничего подобного не произошло. Брусок промелькнул как молния над водой и шлепнулся в озеро в десятке шагов от носа ближайшей лодки.

Одно мгновение казалось, что на этом все и закончилось. Потом раздался грохот, и из воды вырвался дымный столп пламени. Что-то темное, очевидно тот самый снаряд, все еще целый, под воздействием им же вызванного взрыва вылетел из озера и снова упал, на этот раз между преследовавшими нас лодками. Грянул новый взрыв, несколько меньшей силы, чем первый, чуть не потопив одну из лодок. Вторая увернулась. Прогремел третий взрыв, потом четвертый, однако металлический брусок, какими бы иными возможностями он ни обладал, казалось, был не способен гнаться за лодками, как ночницы Гефора гнались за мною и Ионой. Каждый взрыв

отбрасывал брусок все дальше, и на четвертом мощность его иссякла. Лодки-преследователи безнадежно отстали, но я все равно был восхищен смелостью гребцов, продолжавших погоню до последнего.

— Огненные пули высекают пламя из воды, — сказала Пиа.

— Вижу, — кивнул я, ощупывая ногами днище в поисках устойчивой опоры среди связок тростника.

Даже с руками, связанными за спиной, плыть невелика хитрость — Дротт, Рош, Эата и я, бывало, упражнялись в плавании со сцепленными за спиной пальцами, — и я знал, что с руками, связанными спереди, продержусь на плаву столько, сколько потребуется. Я беспокоился о Пиа и приказал ей отойти как можно дальше к носу лодки.

— Но тогда я не смогу тебя развязать.

— Ты все равно не сможешь этого сделать, потому что за нами следят, — шепнул я ей. — Иди вперед. Если судно перевернется, держись за связку тростника. Тростник не тонет. Не возражай.

Ее никто не остановил, и она дошла до самого форштевня, представлявшего собою сплетенный из тростника канат. Я набрал в легкие воздуха и прыгнул за борт.

При желании я мог бы нырнуть, не поднимая брызг, однако я прижал колени к груди и обхватил их руками, чтобы вызвать как можно больший всплеск, и благодаря тяжести сапог ушел под воду гораздо глубже, чем если бы разделся для плавания. Я встревожился, ибо помнил, что когда лучник старейшины выпустил снаряд, он взорвался не сразу. Знал я и то, что, ныряя, окатил водой не только их обоих, но и все разложенные на пропитанной маслом тряпке бруски, — но не был уверен, что они взорвутся до моего появления на поверхности.

Чем глубже я погружался, тем холоднее становилась вода, которая и при первом соприкосновении с ней показалась ледяной. Открыв глаза, я увидал вокруг себя вихреобразные потоки великолепной кобальтовой сини, сгущавшейся по мере приближения ко мне. Меня охватила паника, и я чуть не сбросил сапоги, но вовремя сообразил, что без них быстро всплыву; тогда я быстро переключился на созерцание этого насыщенного цвета. Мне вспомнились неразлагающиеся трупы на кучах мусора у шахт Сальтуса — трупы, навсегда погрузившиеся в синие потоки времени.

Я медленно вращался, не предпринимая ни-

каких действий, пока не увидел над головой коричневый корпус лодки старейшины. Некоторое время мы пребывали в таком положении: я словно мертвое тело и судно словно птица-падальщик, что, распластав на ветру крылья, зависает под неподвижными звездами.

Мои легкие готовы были лопнуть, и я устремился наверх.

Вдруг я услыхал первый взрыв, прозвучавший словно некий сигнал, далекий неясный гром. Я, как лягушка, работал ногами, а взрывы не утихали: раздался второй, потом третий, и каждый был резче и ближе предыдущего.

Высунув голову из воды, я увидел, что корма лодки старейшины пробита, а тростниковые связки торчат по краю дыры, как метелки. Слева прогремел взрыв, брызги, как градины, больно ударили мне в лицо, и я на время лишился слуха. Неподалеку барахтался лучник старейшины, а сам старейшина (к моей великой радости, сжимавший в руке «Терминус Эст»), Пиа и остальные ухватились за останки корпуса лодки, еще державшегося на плаву благодаря легкости материала, из которого был сделан, хотя задняя часть полностью погрузилась в воду. Я тщетно теребил зубами связывавшие мне руки веревки, но вскоре

двое островитян втащили меня в свою лодку и перерезали их.

31. ОЗЕРНЫЕ ЛЮДИ

Мы с Пиа провели ночь на одном из плавучих островов, и я соединился с нею, хоть и в оковах, но уже свободной, как когда-то с Теклой, не скованной, но все же узницей. Потом она лежала у меня на груди и рыдала от счастья — думаю, не столько из-за полученного со мной удовольствия, сколько из-за обретенной свободы, хотя среди ее родичей, островитян, не имевших иных металлических орудий, кроме тех, что они покупали или воровали у людей с берега, не нашлось кузнеца, чтобы разбить ее кандалы.

Я слышал от мужчин, познавших многих женщин, что в конце концов они начинают замечать сходство в любви с некоторыми из них. Впервые я убедился в этом на собственном опыте, ибо жадный рот и гибкое тело Пиа напомнили мне Доркас. Но в их сходстве крылся обман; в любви Доркас и Пиа походили друг на друга, как иногда походят друг на друга лица сестер, спутать которые, однако же, невозможно.

Когда мы добрались до острова, я был слишком бессилен, чтобы сполна оценить его красоты, да и ночь уж наступила. Сейчас я помню лишь то,

как мы вытащили на берег маленькую лодочку и направились в хижину, где один из наших спасителей разжег лучину, которые здесь добывались из выловленных из воды бревен, а я смазал маслом «Терминус Эст», отнятый островитянами у взятого в плен старейшины и возвращенный мне. Когда же Урс вновь обратил к солнцу свой лик, я испытал истинное блаженство, стоя подле стройного ивового дерева, опершись рукой о его изящный ствол и чувствуя, как колышется под ногами живая плоть острова.

Гостеприимные хозяева приготовили на завтрак рыбу, и не успели мы расправиться с угощением, как появилась лодка, а в ней еще двое островитян, которые привезли с собой еще рыбы и корнеплодов, каких я раньше никогда не пробовал. Мы запекли овощи в золе и съели горячими. Вкусом они более всего напоминали каштаны. Приплыли еще три лодки, а следом остров с четырьмя деревьями, в ветвях каждого из которых пузырились квадратные паруса; увидав его издали, я принял его за флотилию. Капитаном оказался старик — похоже, вождь островного народа. Звали его Ллибио. Когда Пиа рассказала ему обо мне, он по-отечески меня обнял, а я про себя подивился, ибо еще никогда и ни у кого не

встречал такого приема.

Когда он разомкнул объятия, все, включая Пиа, отошли прочь, чтобы мы могли побеседовать с глазу на глаз, — одни скрылись в хижине, другие (всего на острове было человек десять) удалились к противоположному берегу.

— До меня дошли слухи, что ты великий воин и убийца людей, — начал Ллибио.

Я ответил, что я действительно убийца людей, но отнюдь не великий.

— Это так. Каждый отвечает ударом на удар и убивает. Но победа добывается не уничтожением других, а уничтожением определенных частей самого себя.

Желая показать, что я понял его, я ответил:

— Ты, должно быть, убил все худшие части себя. Твои люди тебя любят.

— И этому верить не стоит. — Он помолчал, глядя на воду. — Нас мало, мы бедны, и если бы в эти годы мой народ слушал кого-нибудь другого… — Он покачал головой.

— Я много странствовал, и, по моим наблюдениям, бедные люди обычно мудрее и добродетельнее богатых.

Он улыбнулся моим словам.

— Ты добр. Однако сейчас наш народ сделался

столь добродетелен и многомудр, что может вымереть. Мы никогда не были многочисленны, а в прошедшую зиму, когда большая часть озера замерзла, много людей погибло.

— Я и не задумывался, как тяжело вам должно быть зимой, ведь у вас нет ни шерстяной, ни меховой одежды. Теперь я вижу, что трудности у вас немалые.

Старик покачал головой.

— Мы натираемся салом, что хорошо спасает, а тюлени дают одежду гораздо лучшую, чем даже у береговых людей. Но когда озеро замерзает и острова не могут плавать, береговые люди приходят к нам всем скопом — ведь лодки им уже не нужны. Каждое лето мы воюем с ними, когда они приходят отнимать у нас рыбу. Но каждую зиму они убивают нас и забирают в рабство.

Я подумал о Когте, который старейшина отобрал у меня и отослал в замок, и сказал:

— Береговые люди подчиняются владельцу замка. Возможно, если бы вы заключили с ним мир, он бы запретил им нападать на вас.

— Когда я был молод, эти стычки уносили две-три жизни в год. А потом явился тот, кто построил замок. Ты знаешь легенду?

Я покачал головой.

— Он пришел с юга, откуда, как мне сказали, пришел и ты. С собою он принес вещи, которые понравились береговым людям: одежду, серебряную утварь и разные искусно выкованные орудия. Под его руководством они построили ему замок. То были отцы и деды нынешних береговых людей. Работая на него, они пользовались его орудиями, а потом он позволил им, как и обещал, забрать их себе вместе со многими другими вещами. Когда они занимались строительством, отец моей матери пришел к ним и спросил, неужели они не видят, что сажают над собою правителя: ведь он уже тогда обращался с ними как хотел, а поселившись в замке, стал бы к тому же недосягаем. Но они только посмеялись над моим дедом и сказали, что их много, а хозяин замка один. И то и другое было правдой.

Я поинтересовался, случалось ли ему видеть владельца замка и если да, то как он выглядел.

— Видел однажды. Я проплывал на лодке мимо большого камня, а он стоял наверху и разговаривал с береговыми людьми. Роста он небольшого, скажу я тебе; если вас поставить рядом, он и до плеча тебе не достанет. Такой не испугает. — Ллибио снова умолк, и его затуманенный взгляд устремился не в глубокие воды озера, но во време-

на, давно прошедшие. — Однако настало время, и страх все-таки охватил нас. Внешняя стена была закончена, и береговые люди вернулись к своим обычным занятиям: охоте, постройке плотин, скотоводству. Однажды к нам явились их вожди и обвинили нас в краже детей и скота; они сказали, что, если мы не вернем украденного, они перебьют нас.

Ллибио посмотрел мне в лицо и схватил мою руку. Его рука была жесткой как камень. Глядя на него, я тоже обозревал канувшие в небытие годы. Мрачное было время, но и будущее, что было тогда посеяно и где я сейчас сидел рядом с ним, положив на колени меч, и слушал его историю, — это будущее оказалось мрачнее, чем он мог тогда предположить. В те годы он был молод и силен, он был счастлив, и, хотя теперь он, возможно, и не думал об этом, глаза его помнили все.

— Мы им ответили, что детей мы не едим, а рабы в нашей рыболовной общине не нужны, да и скот пасти негде. Даже тогда они наверняка знали, что это не мы, потому что войной на нас не пошли. Но когда наши острова приближались к берегу, до нас доносились рыдания их женщин в ночи.

В те времена, — продолжал он, — день после

каждого полнолуния считался торговым, и любой из нас мог сойти на берег за ножами и солью. Когда наступил очередной торговый день, нам стало ясно, что береговые люди знают, куда делись их дети и где их скот, — они только об этом и шептались. Мы спросили, почему бы им не взять замок штурмом, ведь их так много. Вместо этого они стали отнимать детей у нас, забирали мужчин и женщин всех возрастов и приковывали снаружи у дверей — чтобы их людей не трогали; иногда они сгоняли пленников прямо к воротам замка и связывали там.

Я отважился спросить, долго ли это продолжалось.

— Много лет, со времен моей молодости. Иногда береговые люди вступали в схватку, но чаще обходилось без боя. Дважды с юга приходили воины — их насылал гордый народ, что живет в высоких домах на южном побережье. Пока воины были здесь, схватки прекращались, но что об этом говорилось в замке, мне неизвестно. Его хозяин, с тех пор как замок был отстроен, никому не показывался.

Он умолк, ожидая моей реакции. У меня родилось чувство, которое часто посещает меня, когда я беседую со стариками, будто слова, сказанные

им, совсем не то, что слова, услышанные мной, ибо его рассказ изобиловал намеками, догадками и скрытыми смыслами, незримыми, как его дыхание, словно само Время встало между нами, подобно белому духу, и смело длинными струящимися рукавами большую часть сказанного, прежде чем слова достигли моего слуха. Наконец я осмелился заговорить:

— А что, если он уже умер?

— В замке обитает злобный великан, но его никто не видел. Я не без труда подавил улыбку.

— Но, по-видимому, само его присутствие пугает береговых людей, и они не решаются напасть на замок.

— Пять лет назад они осадили его — столпились ночью вокруг, как рыбья молодь вокруг трупа, сожгли замок и перебили всех, кто в нем находился.

— Значит, с вами они воюют по привычке? Ллибио покачал головой.

— В этом году, когда лед растаял, возвратились те, кому удалось бежать из замка. Они навезли даров: драгоценностей и оружия — тех странных предметов, что ты обратил против береговых людей. Сюда приезжают и другие, но слуги они или господа — того я не знаю.

— С севера или с юга?

— С неба, — ответил он и поднял палец вверх, туда, где тусклые звезды едва виднелись в величавом сиянии солнца. Я, однако, решил, что упомянутые им гости прилетают на флайерах, и потому не стал расспрашивать подробнее.

Целый день к нам стекались озерные жители. Многие прибыли в лодках, подобных тем, что преследовали судно старейшины, но большинство приплыли прямо на островах, так что в конце концов мы оказались в центре плавучего континента. Меня ни разу прямо не попросили вести их на замок. Однако к вечеру мне стало ясно, что они хотят именно этого и понимают, что я им не откажу. Наверное, в книгах в подобных случаях произносятся пламенные речи, жизнь решает все иначе. Их восхищал мой рост, они любовались моим мечом, а Пиа сообщила им, что я послан самим Автархом, чтобы освободить их. Ллибио сказал:

— Мы страдаем больше всех, к тому же береговые люди сумели сговориться с хозяевами замка. В битве они сильнее нас, но сгоревшие части замка восстановлены не полностью, да и вождя с юга у них нет.

Я расспросил его и остальных об окружавших

замок землях и сказал, что до ночи атаковать нельзя, иначе часовые на стенах заметят наше приближение. Была и другая причина дожидаться темноты, хотя о ней я умолчал: ночью трудно вести прицельный огонь, а уж если хозяин замка снабдил старейшину огненными пулями, он, несомненно, хранил у себя и более мощное оружие.

Когда мы отплыли, под моим началом оказалось около сотни воинов, но все они были вооружены только гарпунами с наконечниками из плечевой кости моржа, пачо и ножами. Я не хочу льстить самому себе и утверждать, что стал во главе этого маленького войска из сострадания к бедствиям озерных людей — это неправда. Сделал я это и не из страха перед местью с их стороны в случае моего отказа, хоть и подозревал, что, не прояви я достаточно хитрости и изворотливости, выдумывая оправдание для отсрочки штурма или выгодный для островитян предлог не штурмовать замок совсем, они бы круто обошлись со мною.

Дело в том, что у меня имелись свои причины идти на замок, причем более веские, чем у них. На шее Ллибио носил вырезанное из зуба изображение рыбы; когда я поинтересовался назначением

предмета, он ответил, что это Оанн, и прикрыл амулет рукой, чтобы мой взгляд не осквернил его: он знал, что я не верю в Оанна, этого рыбьего божка, которому поклонялся здешний народ.

Я действительно в него не верил, однако знал об Оанне все, что представлялось важным. Он, должно быть, жил в глубинах озера, но во время шторма выходил на поверхность и прыгал по волнам. Он был пастырем рыб и наполнял сети островитян. Никто со злым умыслом в сердце не мог безнаказанно пуститься по воде: Оанн всегда появлялся рядом, с глазами, огромными, как две луны, и переворачивал лодку.

Я не верил в Оанна и не боялся его. Но, как мне казалось, я знал, откуда он явился, — во вселенной существует всепроникающая сила, рядом с которой все прочее только тень. Я понимал, что в конечном счете мои представления об этой силе столь же смешны (и столь же серьезны), сколь и Оанн. Я знал хозяина Когтя и чувствовал, что от Когтя исходит все мое знание, от него одного, сколько бы ни было на свете священников и алтарей. Множество раз я держал его в руках, поднимал его над головой в Винкуле, касался им улана из войска Автарха и больной девушки в нищей лачуге Тракса. Я владел бесконечностью и

распоряжался ею. Как знать, смогу ли я безропотно возвратить его Пелеринам, если когда-нибудь их разыщу, но я никогда не позволю кому-либо еще завладеть им-в этом я был твердо уверен.

Более того, я чувствовал, что избран хранить — пусть недолгое время — эту силу. Пелерины утратили ее по моей вине: это ведь я позволил Агии подгонять возницу; поэтому я считал своим долгом беречь Коготь, пользоваться им, возможно, возвратить назад, а пока я был обязан вызволить его из рук, несомненно, жестоких, в которые он попал по моей оплошности.

Когда я начинал свое жизнеописание, у меня и в мыслях не было раскрывать секреты своей гильдии, переданные мне мастером Палаэмоном и мастером Гурло на празднестве Святой Катарины перед моим посвящением в ранг подмастерья. Однако один из них я раскрою, ибо без него невозможно понять мои действия в ту ночь на озере Диутурн. Секрет прост: наш, палачей, удел — повиноваться. В колоссальной конструкции государственной иерархии, во всей пирамиде человеческих жизней, которая неизмеримо выше любого рукотворного сооружения, выше Колокольной Башни и Стены Нессуса, выше горы Тифон, в пирамиде, нисходящей от

Автарха на Троне Феникса к самому жалкому приказчику, гнущему спину на прожженного ворюгу-торговца, — что много хуже, чем просить милостыню, — мы в этом здании единственный надежный камень. Тот не повинуется, кто не исполнит самый немыслимый приказ господина, и никто, кроме нас, не свершит немыслимое.

Так мог ли я отказать Предвечному в том, в чем по доброй воле присягнул Автарху, отрубив голову Катарине?

32. НА ПУТИ К ЗАМКУ

Острова, которые мы оставляли позади, отделились один от другого, и мы плыли между ними на всех парусах, однако когда я смотрел на бегущие по небу облака, мне казалось, что мы не двигаемся с места и наш ход — всего лишь прощальная насмешка тонущей земли.

Большая часть плавучих островов, виденных мною в тот день, остались на озере, чтобы послужить убежищем женщинам и детям. На полдюжине других мы отплыли; я стоял на острове, принадлежащем Ллибио, — самом высоком из шести. Помимо нас со стариком, здесь было еще семеро воинов. На каждом из остальных разместилось по четверо-пятеро человек. Кроме того, у нас было около тридцати лодок с экипажем по два-три человека.

Я и не пытался утешать себя мыслью, что сотня людей, вооруженных ножами и гарпунами, представляет собою грозную силу: небольшой отряд димархиев Абдиеса раскидал бы их, как щенков. Но это были мои солдаты, а чувство, которое испытываешь, ведя людей в бой, ни с чем не сравнимо.

Ни искорки, ни огонька не вспыхивало на глади озера, и лишь зеленый отраженный свет Лунного Леса падал с высоты пяти тысяч лиг на его неподвижную поверхность. Воды озера напоминали мне отполированную, смазанную маслом сталь. Слабый ветерок не вспенивал их добела, а лишь пускал по воде длинную рябь, похожую на металлические барханы.

Прошло немного времени, и луна исчезла за тучей; мной овладело мимолетное беспокойство, не потопят ли озерные люди друг друга. Однако они управляли судами так, словно стоял светлый полдень, и, хотя лодки и острова нередко сближались, угроза столкновения ни разу не возникла.

Находясь посреди моего плавучего архипелага, то погруженного во мрак, то осиянного звездами, в полной тишине, нарушаемой лишь мерным плеском весел, подобным тиканью часов в абсолютном покое, когда легкое набухание волн поглощало всякое иное движение, я мог бы поддаться их Убаюкивающему эффекту, ибо, несмотря на то что перед отплытием мне удалось немного поспать, я чувствовал сильнейшую усталость, но холодный ночной воздух и мысль о том, что нас ожидало, не давали мне уснуть.

Ни Ллибио, ни другие островитяне не смогли

представить мне сколь-нибудь точных сведений о внутренней архитектуре замка, который мы собирались штурмовать. Он состоял из основного здания и крепостной стены. Я так и не получил представления о том, было ли основное здание настоящей крепостной башней — то есть оборудована ли она бойницами и достаточно ли высока, чтобы обозревать стену. Я также не знал, имелись ли там другие постройки (например, барбакан), были ли на стене вышки и орудийные надстройки и сколько человек защищало крепость. Замок возводился два-три года, причем силами непрофессиональных строителей, поэтому не мог быть так грозен, как, скажем. Замок Копья, но, окажись он даже в четверть столь мощен, нам его не взять.

Я отлично понимал, что вести подобную кампанию не мое дело. Я и не видел никогда настоящего боя и уж тем более не сражался сам. Все мои познания в военной архитектуре были почерпнуты из детства, проведенного в Цитадели, да еще я кое-что узнал во время достаточно беглых осмотров укреплений Тракса; все же мои знания о тактике — если это вообще можно назвать знаниями — пришли из книг, которые я столь же бегло пролистывал. Я вспомнил наши детские игры

в некрополе — мальчишеские схватки на деревянных мечах, — и мне чуть не сделалось худо. Не то чтобы я особенно боялся за свою жизнь, но любая моя ошибка могла привести к гибели этих доверчивых невежественных людей, избравших меня своим полководцем.

Из-за туч ненадолго показалась луна, перечеркнутая темными силуэтами летящих журавлей. На горизонте, словно сгусток мрака, показался берег. Новая туча закрыла источник света. На лицо упала капля воды, и я неожиданно и беспричинно обрадовался — вероятно, где-то за границами сознания всплыло воспоминание о дожде в ту ночь, когда мне удалось отбить нападение альзабо. А может быть, мне вспомнились холодные воды, бившие из шахты обезьянолюдей.

Но даже помимо этих случайных ассоциаций дождь был бы как нельзя кстати. У нас не было луков, а если размокнет тетива у наших противников — что ж, тем лучше. К тому же они не смогут воспользоваться огненными пулями. И, наконец, благодаря дождю мы сможем застать их врасплох — единственный способ атаки, оставлявший хоть какую-нибудь надежду на успех.

Я был погружен в размышления, когда из-за туч снова показалась луна, и я увидел, что нас несет

течением вдоль берега, поднимавшегося справа темной чередою камней. Впереди в озеро вдавался скалистый полуостров, еще более высокий. Я подошел к краю острова и спросил у часового, не там ли находится замок. Он покачал головой.

— Мы сейчас обогнем эти скалы.

Что мы и сделали. Шкотовые углы на всех парусах были распущены, а паруса перевязаны на другие ветки. Утяжеленные камнями шверты были погружены в воду по одну сторону острова, а трое мужчин налегли на боковой румпель. Я подивился мудрости Ллибио, который организовал подход к берегу так, чтобы охрана замка со стороны озера не могла нас заметить. Однако если в этом заключался его замысел, мы все равно рисковали обнаружить себя, когда между замком и нашей маленькой флотилией уже не будет заграждения в виде полуострова. Мне также пришло в голову, что раз хозяин замка не выстроил его на этой высокой скале, выглядевшей такой неприступной, значит, он подобрал для него место по-надежней.

Мы обогнули мыс, и перед нами, не дальше четырех чейнов вглубь, предстала конечная цель нашего плавания — скала, еще выше и круче прежней, увенчанная стеной и башней, по форме

напоминавшей немыслимо громадный гриб-поганку.

Я не верил своим глазам. На огромной конусообразной Центральной колонне, круглой башне из неотесанного камня, лежал металлический купол, раз в десять шире диаметром и, очевидно, столь же прочный, как сама башня.

Все, кто был на нашем острове, гребцы в лодках и воины на других островах указывали на замок и перешептывались. По-видимому, это грандиозное зрелище было так же ново для них, как и для меня.

Мутный свет луны — поцелуй, посылаемый младшей сестре ее умирающей старшей, — отражался на поверхности этого огромного диска. Под ним в густой темноте сияли оранжевые искры. Они перемещались вверх и вниз, но так медленно, что мне пришлось долго смотреть, прежде чем я заметил это движение. Наконец одна из них достигла основания диска и пропала; пока мы подплывали к берегу, две другие успели подняться на ее место.

На узкой полоске берега лежала тень отвесной скалы.

Остров Ллибио, не достигнув суши, сел на мель, и мне пришлось прыгать в воду, на этот раз дер-

жа «Терминус Эст» над головой. Прибоя, на наше счастье, не было, да и дождь еще не начался, несмотря на угрожающе нависшие тучи. Я помог озерным людям вытащить лодки на гальку, а те, что приплыли на островах, пришвартовались у валунов с помощью сплетенных из сухожилий тросов.

После скитаний в горах никакая даже самая узкая и крутая тропинка не показалась бы мне неприступной, если бы не ночь. Но, поскольку было темно, я бы скорее преодолел спуск от мертвого города к дому Касдо, хотя тот путь был раз в пять длиннее.

Когда мы наконец взобрались на вершину, до стены еще оставалось некоторое расстояние, и от нее нас отделяла густая пихтовая рощица. Я собрал вокруг себя островитян и спросил их (без всякой надежды на вразумительный ответ), не знают ли они, откуда над замком появился летательный аппарат. Они признались в своем неведении, и тогда я сказал, что это известно мне (так оно и было, ведь Доркас предупреждала меня об их существовании, хотя сам я никогда их не видал), и раз он там находится, будет лучше, если я разведаю обстановку, прежде чем мы начнем атаку.

Никто не возразил, но я чувствовал на себе их беспомощные взгляды. Они думали, что нашли себе героя-полководца, и вот теряют его перед самым боем.

— Я попытаюсь пробраться в замок, — сказал я им, — а потом, если смогу, вернусь к вам, открыв все двери, какие только удастся открыть.

— А если ты не вернешься? — спросил Ллибио. — Как мы узнаем, в какой момент браться за оружие?

— Я подам какой-нибудь знак, — ответил я, напрягая ум в поисках способа подать сигнал, если меня схватят и заточат в башню. — В такую темную ночь у них должны гореть факелы. Я посвечу факелом в окне и, если смогу, сброшу его вниз, чтобы вы видели огонь. Если сигнала не будет и я не вернусь, считайте, что меня взяли в плен, и начинайте атаку с первым лучом солнца.

Вскоре я уже стоял у ворот замка и стучал железным дверным молотком (отлитым, как мне удалось определить на ощупь, в форме человеческой головы) по плите того же металла, оправленной в дуб.

Ответа не последовало. Подождав немного, я снова постучал. На стук отозвалось лишь эхо, бессмысленный рокот, подобный пульсации сердца,

но голосов не было слышно. Гнусные личины, виденные мною в саду Автарха, заполонили мое сознание, и я с ужасом ожидал услышать выстрел, хоть знал, что если иеродулы выстрелят в меня (а все энергетическое оружие приходит именно от них), я уже ничего не услышу. Ни единый порыв ветра не нарушал тишины, словно сама природа ждала вместе со мной. На востоке ударил гром.

Наконец я уловил звук шагов, быстрых и легких, как у ребенка, и смутно знакомый голос спросил:

— Кто здесь? Что тебе нужно? И я ответил:

— Мастер Северьян из Ордена Взыскующих Истины и Покаяния. Я десница Автарха, справедливость которого — лучший хлеб для его подданных.

— Так это ты! — воскликнул доктор Талос, распахивая ворота.

Я застыл в немом удивлении, глядя на него.

— Расскажи, чего Автарх от нас хочет? Когда я видел тебя в последний раз, ты направлялся в Город Кривых Ножей. Удалось ли тебе туда добраться?

— Автарх желает знать, зачем ваши вассалы захватили в плен его слугу? То есть меня. Последнее придает делу несколько.

— Вот-вот! Именно так. Поверь, мы тоже так думаем. Я и не знал, что таинственный гость в Мюрене — это ты. Да и старина Балдандерс тоже наверняка понятия об этом не имел. Заходи, потолкуем.

Я шагнул в ворота, доктор толкнул тяжелые двери и задвинул за моей спиной железный засов.

— Толковать нам особенно не о чем, — заметил я, — но что меня действительно интересует, так это судьба драгоценного камня, который отняли у меня силой и, насколько я знаю, переслали вам.

Произнося эти слова, я не столько вдумывался в их смысл, сколько смотрел на огромный корпус корабля иеродулов, нависшего прямо над моей головой, стоило мне войти в крепость. Его вид вызывал во мне чувство некоего пространственного смещения, какое я иногда испытываю, глядя сквозь увеличительное стекло: выпуклое основание корпуса корабля казалось чужим не только для мира людей, но и для всего видимого мира вообще.

— Ах да, — вспомнил доктор Талос, — твоя безделушка у Балдандерса. То есть она была у него, но он куда-то ее засунул. Да вернет он тебе твой камень, не сомневайся.

Из круглой башни, которая, сколь это ни казалось невероятным, служила кораблю опорой, донесся приглушенный крик, жуткий и одинокий, словно волчий вой. Я не слыхал ничего подобного с тех пор, как оставил Башню Сообразности, но прекрасно знал, что это значило.

— Вы здесь держите узников, — сказал я. Он кивнул.

— Да. Я сегодня был так занят, что забыл их, бедняжек, покормить. Столько всяких дел, знаешь ли. — Он неопределенно махнул рукой в сторону корабля. — Надеюсь, ты не расстроишься, если встретишь здесь какогенов? Если ты захочешь войти и попросить у Балдандерса свой камень, боюсь, тебе придется с ними столкнуться. Он сейчас как раз с ними беседует.

Я ответил, что не возражаю, хотя с трудом сдержал дрожь отвращения.

Доктор улыбнулся, обнажив над рыжей бородой ряд острых блестящих зубов, которые я так хорошо помнил.

— Вот и отлично. К счастью, ты никогда не страдал предрассудками. Рискну предположить, что подготовка, которую ты прошел, научила тебя принимать всех такими, какие они есть.

33. ОССИПАГО, БАРБАТУС И ФАМУЛИМУС

Башни такого рода строятся примерно по одному образцу; у этой тоже не имелось входа на первом уровне. К узкой двери, находившейся на высоте в десять кубитов от основания, вела такая же узкая лестница без перил, прямая и почти отвесная. Дверь уже была открыта, и я с облегчением отметил про себя, что доктор Талос не запер ее за нами. Мы миновали короткий коридор, который скорее всего был только проходом сквозь толстую стену, и оказались в комнате, занимавшей (как и все комнаты в этой башне) всю площадь этого уровня. Комната была заставлена механизмами, на мой взгляд, такими же старинными, как те, что имелись дома, в Башне Сообразности, но их предназначение оставалось для меня загадкой. Сбоку другая узкая лестница вела на следующий этаж, а на противоположной стороне находился лестничный колодец, служивший входом в помещение (чем бы оно ни было), где содержался воющий узник, ибо его голос доносился именно из черной пасти колодца.

— Он сумасшедший, — заметил я, кивнув в сторону.

— И не он один, — подтвердил доктор Талос. — По крайней мере, почти все, кого я осматривал. Я прописываю лечебный отвар из чемерицы, но он не особенно помогает.

— Таких клиентов мы содержали на третьем уровне нашего подземелья, к этому нас принуждал закон. Их попросту сбагривали нам, и никто из властей так и не санкционировал их освобождение.

Доктор вел меня к лестнице, уходящей наверх.

— Сочувствую вашим трудностям.

— Со временем они умирали, — упрямо продолжал я. — От последствий пыток или по другим причинам. А вообще-то не имело особого смысла их держать.

— Да уж наверное. Осторожно, наш новый механизм с крючком хочет поймать тебя за плащ.

— Тогда зачем вы его держите? У вас наверняка нет законного права иметь помещение для этих целей — в том смысле, в каком мы его имели, разумеется.

— Ради запасных органов, полагаю. Ради них Балдандерс и собирает сюда весь этот мусор. — Доктор Талос поставил ногу на ступеньку и

обернулся ко мне. — Запомни, ты должен быть вежлив. Им не нравится, когда их называют какогенами. Обращайся к ним по именам — как их там сейчас зовут? А, сами скажут, — только не надо грязи. Короче, не говори им неприятного. После того, как бедняга Балдандерс вспылил в Обители Абсолюта, он столько трудился, чтобы наладить с ними дружбу. Если ты все в последний момент испортишь, ты его просто убьешь.

Я обещал, что буду сама любезность.

Поскольку корабль завис прямо над башней, я предположил, что Балдандерс с капитанами находится в самой верхней комнате. Я ошибся. Поднимаясь по лестнице на следующий этаж, я услышал приглушенное бормотание и следом за ним низкие раскаты голоса великана, напоминавшие, как я заметил еще во время наших с ним странствий, грохот камней обрушившейся вдалеке стены.

В этой комнате тоже стояли машины. По-видимому, они были такие же старые, что и те, внизу, но, судя по всему, находились в рабочем состоянии; к тому же они были расставлены в каком-то непонятном мне логическом порядке, как механизмы в зале у Тифона. Балдандерс и его гости расположились в дальнем конце комнаты; голо-

ва великана, в три раза больше головы обычного человека, возвышалась над нагромождением металла и хрусталя, как голова тираннозавра над кронами деревьев. Направляясь к ним, я увидал под блестящим колоколообразным куполом останки молодой женщины, которая могла бы приходиться Пиа сестрой. Ее брюшная полость была вскрыта острым скальпелем, часть внутренностей извлечена и разложена вокруг тела. Труп находился на ранней стадии разложения, однако губы женщины шевелились. Когда я проходил мимо, она открыла глаза и снова закрыла их.

— Привет честной компании! — воскликнул доктор Талос. — Угадайте, кто пришел.

Великан медленно повернул голову, но его взгляд, устремленный на меня, был так же невыразителен, как и в то первое утро в Нессусе, когда доктор Талос его разбудил.

— С Балдандерсом ты знаком, — продолжал доктор, обращаясь ко мне, — а наших гостей я тебе сейчас представлю.

Три человека, или существа, казавшиеся людьми, учтиво поднялись мне навстречу. Один из них, окажись он и в самом деле человеком, был бы низкорослым и плотным. Двое других были на добрую голову выше меня, почти как экзультан-

ты. Все трое носили маски благородных людей средних лет, сдержанных и задумчивых, но я заметил, что глаза высоких, смотревшие сквозь прорези, были больше человеческих, низенький же вовсе не имел глаз, и в прорезях чернела пустота. Все трое были одеты в белое.

— Ваши Милости! Перед вами наш друг, мастер Северьян из гильдии палачей. Мастер Северьян, позволь представить тебе почтенных иеродулов Оссипаго, Барбатуса и Фамулимуса. Эти благородные особы несут мудрость в мир людей, который здесь представляет Балдандерс, а теперь и ты.

В ответ заговорило существо, которое доктор Талос назвал Фамулимусом. Его голос был совсем похож на человеческий, только звонче и музыкальней, чем слышанные мною доселе настоящие человеческие голоса, словно ожил и заговорил струнный инструмент.

— Добро пожаловать, — пропел он. — Приветствовать тебя, Северьян, для нас величайшее счастье. В ответ на твой вежливый поклон мы преклоним колени.

И он быстро опустился на колени, а двое других последовали его примеру. Я был так поражен его словами и поступком, что мог лишь молча стоять и смотреть на них.

В образовавшейся паузе раздался голос другого высокого какогена, Барбатуса, который, словно учтивый придворный, поспешил загладить неловкость. Этот голос был ниже, чем у Фамулимуса, в нем слышались властные нотки.

— Мы приветствуем тебя здесь — приветствуем искренне, как уже сказал мой дорогой друг и подтвердили мы все. Однако пока мы здесь, твои друзья должны оставаться снаружи. Ты, конечно, это понимаешь. С моей стороны напомнить об этом — всего лишь формальность.

Третий какоген голосом столь низким, что смысл его слов приходилось скорее угадывать, проговорил:

— Все это не имеет значения.

И, словно испугавшись, что я замечу пустые прорези его маски, отвернулся и сделал вид, будто смотрит в узкое окно позади него.

— Может, и не имеет, — сказал Барбатус. — Оссипаго виднее.

— Так у тебя здесь друзья? — шепнул мне доктор Талос. В обществе он редко обращался ко всем сразу, как это делает большинство людей, но либо к кому-то одному, словно больше никого вокруг не было, либо ораторствовал, как перед многотысячной аудиторией.

— Это островитяне, они подвезли меня сюда, — ответил я, пытаясь представить обстоятельства в наилучшем свете. — Ты, должно быть, слышал о них. Они живут на озере, на плавучих связках тростника.

— Они восстали против тебя! — воскликнул доктор Талос, обращаясь к великану. — Я предупреждал, что так случится.

Он бросился к окну, в которое якобы смотрело существо по имени Оссипаго, оттолкнул его плечом в сторону и устремил взгляд в ночную темноту. Затем повернулся к какогену, пал на колени, схватил его руку и поцеловал. Рука представляла собой перчатку из какого-то эластичного материала, раскрашенного под плоть; однако то, что находилось в перчатке, не было рукой.

— Ты ведь поможешь нам, твоя Милость, ведь поможешь? На твоем корабле наверняка есть волны. Надо только выпустить на стену ужасы, и мы целый век будем жить спокойно.

— Победителем выйдет Северьян, — отвечал Балдандерс своим тягучим голосом. — Иначе зачем им было опускаться перед ним на колени? Так будет, даже если он умрет, а мы останемся живы. Тебе известен их обычай, доктор. Грабеж

— тоже средство распространения знаний.

Доктор Талос в ярости развернулся к нему.

— Это когда же так было? Отвечай!

— Как знать, доктор?

— Сам знаешь, что никогда этого не было. Они темные, суеверные твари и всегда такими оставались! — Он повернулся к какогенам. — Ответьте мне, досточтимые иеродулы. Если вы не знаете, не знает никто.

Фамулимус махнул рукой, и в этот миг мне явственней, чем когда-либо прежде, открылась правда, скрываемая под маской, ибо ни одна человеческая рука не могла бы совершить такой жест: в этом бессмысленном движении не содержалось ни согласия, ни возражения, ни утешения, ни гнева.

— Я не стану говорить о том, что тебе и так известно, — сказал он. — Что те, кого ты боишься, стали мудрее и могут превзойти тебя. Наверное, они так же простодушны, как и раньше. И все же, если они кое-что увезут с собою домой, они могут обрести мудрость.

Он обращался к доктору, но я больше не мог себя сдерживать и спросил:

— О чем ты говоришь, сьер?

— О тебе, Северьян, обо всех вас. Теперь мои

слова не смогут навредить тебе.

— Только если ты не станешь высказываться чересчур прямо, — вставил Барбатус.

— Существует символ некоего мира, в котором наш старый корабль когда-нибудь обретет покой. Это змей с головами на обоих концах туловища. Одна из голов мертва, вторая ее грызет.

Не поворачиваясь от окна, Оссипаго заметил:

— Пожалуй, это тот самый мир.

— Я не сомневаюсь, что Камоэна могла бы сама обнаружить свой дом. Но в таком случае уже неважно, знаешь ты об этом или нет. Тем лучше ты меня поймешь. Живая голова — это разрушение. Мертвая — созидание. Первая пожирает вторую и тем поддерживает свое существование, однако, насыщаясь сама, питает свою пищу. Ребенок мог бы предположить, что если умрет живая голова, то созидательное начало восторжествует, превратив своего собрата в себе подобного. Истина же в обратном: оба скоро умрут.

— Как обычно, мой дорогой друг изъясняется более чем туманно, — сказал Барбатус. — Вы следите за ходом его мысли?

— Я — нет! — вскипел доктор Талос. Он повернулся, словно происходящее вызывало у него отвращение, и побежал вниз по лестнице.

— Это неважно, — сказал мне Барбатус. — Достаточно того, что его хозяин все понял.

Он помолчал, словно ожидая от Балдандерса возражении, потом продолжил, обращаясь по-прежнему ко мне:

— Мы стремимся развить вашу расу, а вовсе не насадить среди вас свою доктрину.

— Развить береговых людей? — спросил я. Из окна доносился жалобный ночной шепот волн. На его фоне голос Оссипаго был едва различим.

— Всех вас…

— Так это правда! Не напрасны подозрения столь многих мудрецов: нами правят. Вы следите за нами на протяжении всей нашей истории, каждый век которой для вас все равно что день… Это вы подняли нас из дикого состояния. — Увлекшись, я выхватил коричневую книгу, все еще влажную после моего утреннего прыжка в воду, несмотря на обертку из промасленного шелка. — Послушайте, что здесь написано:

«Человек, не обладающий мудростью, все же испытывает ее воздействие. Если же мудрость находит его достойным объектом, не мудро ли с его стороны обнаружить свою глупость?» Что-то в этом роде.

— Ты ошибаешься, — сказал Барбатус. — Ваша

история для нас целая вечность. Мой друг и я работаем с вашей расой меньше, чем ты живешь на свете.

— Да они живут всего два десятка лет, как собаки, — вмешался Балдандерс.

Его тон сказал больше, чем может быть здесь написано, ибо каждое слово уподоблялось камню, брошенному в глубокий резервуар.

— Невероятно, — пробормотал я.

— Вы суть работа, ради которой мы живем, — пояснил Фамулимус. — Человек, которого ты называешь Балдандерсом, живет ради получения знаний. На наших глазах он накапливает мудрость прошлого — суровые факты, семена, которые взрастут и наделят его властью. В свое время он погибнет от рук немудрых, но его смерть принесет вам всем некоторую пользу. Подумай о дереве, что расщепляет камень. Оно вбирает в себя воду, животворящее тепло солнца… все, что ему нужно для жизни. Со временем оно умирает и сгнивает, обогащая почву, которую своими же корнями сотворило из камня. От него не остается даже тени, но прорастают его семена, и вот на том самом месте уже зеленеет лес.

Из лестничного колодца возник доктор Талос, издевательски медленно хлопая в ладоши.

— Это вы оставили им эти машины? — спросил я.

— Нет, — ответил Барбатус. — Эти он сам нашел либо сконструировал. Фамулимус сказал, что он хотел учиться, хотел, чтобы мы лишь следили за обучением, не вмешиваясь. Мы ж никого ничему не учим, а такие приспособления продаем, поскольку они слишком сложны, чтобы вы, люди, смогли их скопировать.

— Все эти чудовища, эти ужасы и пальцем для нас не пошевелят, — сказал доктор Талос. — Ты их видел и знаешь, что они собою представляют. Когда в театре Обители Абсолюта мой бедный пациент прокладывал меж ними дорогу, они чуть не убили его из пистолетов.

Великан заерзал в кресле.

— Не стоит разыгрывать сочувствие, доктор. У тебя это плохо получается. Валяешь перед ними дурака… — Он пожал громадными плечами. — Зря я тогда вспылил. Они уже согласились забыть.

— Мы вполне могли прикончить твоего создателя в ту ночь, ты сам знаешь, — сказал Барбатус. — А мы только слегка подпалили его, чтобы он поумерил свой пыл.

Я припомнил слова великана, произнесенные

им при расставании в лесу, за пределами садов Автарха. Он сказал, что он хозяин доктора. Не соображая, что делаю, я схватил доктора за руку — она была теплая и живая, как моя собственная, но странно сухая. Доктор моментально отдернул ее.

— Кто ты? — вскричал я и, не получив ответа, повернулся к существам, называвшим себя Фамулимусом и Барбатусом. — Когда-то, сьеры, я знавал человека, чье тело лишь частично состояло из человеческой плоти…

Они молча обратили взгляды на великана, и, хотя вместо лиц у них были только маски, я ощутил властную требовательность их молчаливого вопроса.

— Гомункул, — пророкотал Балдандерс.

34. МАСКИ

Стоило ему произнести это слово, как начался дождь; холодные капли ударили по грубым серым камням замка миллионами ледяных кулачков. Я сел, зажав «Терминус Эст» между коленями, чтобы скрыть их дрожь.

— Я уже понял, — произнес я, призывая на помощь все свое самообладание, — что низенький человечек, оплативший строительство замка, о котором рассказывали островитяне, был доктор. Но они также сказали, что великан, то есть ты, явился позже.

— Это я был низеньким человечком. А доктор явился позже.

В окне показалось жуткое мокрое лицо какогена и исчезло. Вероятно, он передал что-то Оссипаго, хоть я ничего и не слышал. Не оборачиваясь, Оссипаго сказал:

— Рост имеет свои недостатки, но для подобных вам это единственный способ вернуть молодость. Доктор Талос вскочил на ноги.

— Мы преодолеем эти недостатки! Он отдал себя в мои руки.

— Мне ничего другого не оставалось, — пояс-

нил Балдандерс. — Ведь больше никого не было. Я сам создал себе врача.

Я переводил взгляд с одного на другого, пытаясь вернуть мысли в спокойное русло; внешность и поведение обоих оставались прежними.

— Но он же бьет тебя, — удивился я. — Я его видел.

— Я как-то раз подслушал твой доверительный разговор с маленькой женщиной. Ты погубил другую женщину, которую любил. И тем не менее ты был ее рабом.

— Понимаешь ли, мне приходится постоянно его подстегивать, — вздохнул доктор Талос. — Он должен упражняться, и это часть моих обязанностей по отношению к нему. Я слышал, что у Автарха — да пребудет он здоров во благо своим подданным! — в спальне имеется изохрон, подарок другого автарха, что из-за края света. Может быть, даже владыки этих господ, почем мне знать. Так вот, он боится, как бы его не зарезали, и, когда спит, никого к себе не пускает, а эта штуковина сообщает ему ночные стражи. На рассвете она его будит. Как же властелин Содружества допускает, чтобы простая машина нарушала его сон? Балдандерс создал меня, как он тебе только что сказал, своим врачом. Северьян, ты же меня зна-

ешь. Вот и скажи, повинен ли я в каком-нибудь низком злодеянии или в ложной скромности?

Я выдавил улыбку и покачал головой.

— Тогда я должен тебе признаться, что в моих добродетелях, какие они есть, нет моей заслуги. Балдандерс поступил мудро, создав меня как свою противоположность, как противовес своим порокам. К примеру, я не люблю деньги. С точки зрения пациента, это замечательная черта характера в личном враче. К тому же я предан своим друзьям, ибо он первейший из них.

— И все-таки, — заметил я, — меня всегда удивляло, как он тебя не убил.

В комнате было очень холодно, и я поплотнее завернулся в плащ, хоть и не сомневался, что разговор только кажется мирным и долго этот обман не продлится.

Великан сказал:

— Тебе, должно быть, понятно, почему я сдерживаю ярость. Ты уже видел меня в припадке гнева. Когда они все сидели и смотрели на меня, словно я цепной медведь…

Доктор Талос тронул его за руку; в этом жесте было нечто женственное.

— Это все его железы, Северьян. Эндокринная система и щитовидная железа. За ними нужен

самый тщательный уход, иначе он будет расти чересчур быстро. И потом я должен следить, чтобы под его весом не поломались кости, и за массой Других вещей.

— Мозг, — прогремел великан, — вот что хуже всего. И лучше всего.

— Разве Коготь тебе не помог? — спросил я. — Если нет, то, может, в моих руках он подействует? За короткое время он сделал для меня больше, чем для Пелерин за долгие годы.

Судя по выражению лица Балдандерса, он не понял, о чем идет речь.

— Он имеет в виду драгоценный камень, что нам прислали рыбаки, — пояснил доктор Талос. — Говорят, он творит чудеса исцеления.

Заслышав это, Оссипаго наконец повернулся.

— Чрезвычайно интересно. И он у вас? Можно на него взглянуть?

Взгляд доктора беспокойно заметался от бесстрастной маски вырожденца к лицу Балдандерса и назад.

— Полно же, Ваши Милости, это сущая безделица. Так, осколок корунда.

Все время, пока я находился на этом уровне башни, ни один из какогенов не отдалялся от своего места больше чем на кубит; теперь же Оссипаго

вразвалку, короткими шажками, прошествовал к моему креслу. Я, должно быть, отшатнулся, потому что он сказал:

— Тебе не следует меня бояться, хоть мы и приносим вашему роду много зла. Я хочу услышать про твой Коготь, который этот гомункул называет обыкновенным камнем.

Сначала я испугался, как бы он и его товарищи не отняли Коготь у Балдандерса и забрали его с собой в запредельность, но потом сообразил, что они смогут это сделать, только заставив Балдандерса показать им его, а уж тогда и у меня появится возможность им завладеть, и другой скорее всего не представится. Поэтому я рассказал Оссипаго обо всем, что совершил Коготь, пока находился в моих руках: об улане на дороге, об обезьянолюдях и о других случаях, когда он являл свою силу, о чем я уже здесь поведал. Чем больше я рассказывал, тем суровее становилось лицо великана, на лице же доктора все явственней проступала печать тревоги.

Когда я закончил, Оссипаго сказал:

— А теперь мы должны увидеть это чудо. Пожалуйста, принеси его сюда.

Балдандерс встал и прошествовал через огромную комнату; все машины рядом с ним казались

игрушками. Он выдвинул один из ящичков маленького стола с белой крышкой и достал камень. Коготь лежал на его ладони тусклый, как никогда, — словно осколок синего стекла.

Какоген взял его и некоторое время держал в раскрашенной перчатке, не поворачивая, однако, к нему лица, как это сделал бы человек. Камень улавливал желтый свет ламп с потолка и в этом свете источал чистое лазурное сияние.

— Он очень красив, — сказал какоген, — и чрезвычайно интересен, хотя и не мог совершить всех деяний, которые ему приписывают.

— Несомненно, — пропел Фамулимус и снова сделал рукой движение, столь напоминавшее мне о статуях в садах Автарха.

— Он мой, — сказал я им. — Береговые люди отняли его у меня силой. Можно получить его назад?

— Если он твой, — отрезал Барбатус, — скажи, где ты его взял.

Я начал рассказывать о встрече с Агией, о разрушении алтаря Пелерин, но он оборвал меня:

— Это все твои домыслы. Ты не видел камня на алтаре и не ощутил прикосновения руки, когда та женщина отдавала его тебе, если это вообще правда. Так где ты его взял?

— Нашел в одном из отделений моей ташки.

Мне больше нечего было ответить.

Барбатус отвернулся, словно мои слова разочаровали его.

— А ты… — Он посмотрел на Балдандерса. — Сейчас Коготь у Оссипаго, и он получил его от тебя. А ты откуда взял этот камень?

— Ты видел сам, — пророкотал Балдандерс. — Из ящика стола.

Какоген кивнул, подвигав маску рукой вниз и вверх.

— Надеюсь, Северьян, ты понимаешь, что его объяснение ничуть не хуже твоего.

— Но камень мой, а не его.

— Не наше дело вас судить; вы должны договориться сами, когда мы уйдем. Однако, Балдандерс, позволь спросить тебя — просто из любопытства, которое присуще даже таким, на ваш взгляд, странным существам, как мы: намерен ли ты оставить его у себя?

Великан покачал головой.

— Я не допущу, чтобы в моей лаборатории хранился этот ископаемый источник предрассудков.

— В таком случае вам будет нетрудно достигнуть согласия, — объявил Барбатус. — Северьян,

не угодно ли взглянуть, как взлетает наш корабль? Балдандерс всегда выходит проводить нас, и, хоть он не из тех, кто будет сентиментальничать по поводу зрелищ искусственных и естественных, на мой взгляд, посмотреть все же стоит.

Он оправил белые одежды и повернулся, чтобы идти.

— Всемилостивейшие иеродулы, — поспешно обратился я к ним, — я почту за честь проводить вас, но позвольте, прежде чем вы покинете нас, спросить вас кое о чем. Когда я появился здесь, вы сказали, что видеть меня для вас величайшее счастье, и опустились на колени. Как мне понимать ваши слова? И не приняли ли вы меня за кого-то другого?

Балдандерс и доктор Талос поднялись сразу, как только какоген заговорил об уходе. Пока Фамулимус выслушивал мои вопросы, двое других уже направлялись прочь: Барбатус поднимался по лестнице на следующий этаж, Оссипаго, все еще с Когтем в руке, не отставал от него.

Я двинулся следом, поскольку боялся слишком отдаляться от Когтя; Фамулимус шел рядом со мной.

— Хоть ты и не прошел испытания, которому

мы тебя подвергли, мои слова следует понимать буквально. — Его голос разливался, подобно пению волшебной птицы, и я ощутил дыхание хаоса недостижимых миров. — Как часто мы держали совет, сеньор! Как часто исполняли волю друг друга! Ты, кажется, знаешь водяных женщин. Так неужели Оссипаго, храбрый Барбатус или я наделены меньшей мудростью, чем они?

— Я вас не понимаю, — набрав побольше воздуха, ответил я. — Но почему-то чувствую, что, несмотря на отталкивающую внешность вам подобных, вы добры. А ундины злобны, хоть и прекрасны; это чудовища, на которых я едва могу смотреть.

— Разве весь мир представляет собой борьбу добра и зла? Тебе не приходило в голову, что в нем может быть нечто большее?

Я об этом не задумывался и мог лишь молча смотреть на него.

— А теперь ты окажешь мне любезность, вытерпев мой внешний вид. Надеюсь, я не оскорблю тебя, если сниму маску? Мы ведь оба знаем, что это маска, а здесь жарко. Балдандерс ушел вперед и ничего не увидит.

Быстрым движением руки, словно испытывая от этого облегчение, Фамулимус сорвал маску.

То, что скрывалось под ней, нельзя было назвать лицом: это были глаза на полуразложившейся оболочке. Новый взмах руки, и эта личина тоже отлетела прочь. Под нею оказался холодный и отстраненный лик красавицы, подобные которому я видел у движущихся статуй в садах Обители Абсолюта, но все же это было лишь относительное сходство лица живой женщины и слепка с него.

— Разве ты не знаешь, Северьян, — произнесла она, — что тот, кто носит одну маску, может носить и другую? Я носила две маски, но третьей на мне нет. Никакой обман более не разделяет нас, клянусь тебе. Коснись моего лица, сеньор.

Меня охватил страх, но она взяла мою руку и поднесла к своей щеке. Щека была прохладной, но живой — полная противоположность сухой и горячей коже доктора.

— Все чудовищные маски, что ты видел на нас, суть маски твоих же сограждан на Урсе. Насекомое, минога, а сегодня умирающий прокаженный. Все это твои братья, сколько бы отвращения ты к ним ни испытывал.

Мы почти достигли верхнего уровня башни; то и дело приходилось перешагивать через обугленные бревна — память о разрушениях, причиненных пожаром, прогнавшим когда-то

Балдандерса и его врача. Когда я убрал руку, Фамулимус снова надела маску.

— Зачем вы это делаете? — спросил я.

— Чтобы вы, люди, ненавидели нас и боялись. Если бы не маски, то долго ли, Северьян, простые люди терпели бы иных правителей, чем мы? Мы никогда не лишим вас ваших владык; и не тем ли Автарх удерживает Трон Феникса, что не дает вам нас видеть?

Сходное чувство я иногда испытывал в горах при пробуждении, когда, поднявшись, с удивлением озирался вокруг и видел зеленую луну, приколотую к небу сосновой иголкой, и лица гор, грозно и торжественно смотрящие из-под сломанных венцов, когда ожидал увидеть милые сердцу стены кабинета мастера Палаэмона, или трапезную, или тюремный коридор, где я сиживал за столом дежурного у двери Теклы.

— Тогда почему же вы открылись мне? — только и выговорил я.

И она ответила:

— Пусть ты видишь нас, но мы больше тебя не увидим. Боюсь, что, начавшись здесь, наша дружба здесь и закончится. Прими это как прощальный знак дружеского расположения.

Впереди нас доктор распахнул дверь, и шум

дождя превратился в ураганный рев; я ощутил, как холодный, мертвый воздух башни отступает под напором ледяного, но живого ветра снаружи. Чтобы пройти в дверь, Балдандерсу пришлось наклониться и повернуться боком, и мне вдруг стало ясно, что скоро он вообще не сможет проходить в двери, как бы доктор Талос ни старался, — проемы придется расширять, да и лестницы, вероятно, тоже, ибо если великан упадет, он наверняка погибнет. Я понял, отчего так огромны комнаты и высоки потолки в этой башне, что до сих пор ставило меня в тупик. И я задумался, что собою представляют каменные подземелья, где он держит истощенных узников.

35. СИГНАЛ

Корабль, который, как казалось снизу, покоился на крыше башни, на самом деле вовсе не лежал на ней. Он висел в получейне над нашими головами — слишком высоко, чтобы служить укрытием от проливного дождя, и мягкий изгиб его корпуса сверкал черным перламутром. Глядя на него снизу вверх, я невольно задумался, каковы же должны быть паруса у такого судна — паруса, раздуваемые межмировыми ветрами. Потом, стоило мне вспомнить об экипаже и удивиться, как это до сих пор никто не заинтересовался нами, один из тритонов — странных, невиданных существ, что спускались иногда на дно под корпус корабля, — действительно сошел вниз, осиянный оранжевым светом, с головою почти как у белки; он сошел, цепляясь за корпус корабля, хоть корабль был мокрый, как речной камень, и гладкий, как лезвие «Терминус Эст». На нем была маска, какую я здесь часто описывал, но только теперь я был уверен, что это действительно маска. Увидев внизу Оссипаго, Барбатуса и Фамулимуса, он остановился, и в тот же миг откуда-то сверху ударил тонкий как нить оран-

жевый луч.

— Нам пора, — обратился Оссипаго к Балдандерсу и отдал ему Коготь. — Подумай хорошо над тем, о чем мы умолчали, и запомни все, что тебе не было показано.

— Я подумаю, — отвечал Балдандерс, и голос его был мрачен, как никогда.

Оссипаго ухватился за луч и, скользнув по нему вверх, обогнул корпус корабля и исчез из виду. Казалось, однако, что он скользил не вверх, а вниз, словно корабль был особым миром, в слепой ненасытности пожиравшим все, что ему принадлежит, — впрочем, таков и Урс. Возможно также, что Оссипаго стал легче нашего воздуха, как всплывает на поверхность нырнувший в воду моряк, как сам я всплыл, выпрыгнув из лодки старейшины.

Как бы то ни было на самом деле, Барбатус и Фамулимус последовали за ним. Прежде чем исчезнуть за бортом корабля, Фамулимус помахала рукой; доктор и Балдандерс наверняка решили, что она прощалась с ними, но я знал, что жест предназначался именно мне. В лицо, заливая глаза, ударил дождь; даже капюшон не спасал от него.

Сначала медленно, потом все быстрее и быст-

рее корабль начал подниматься вверх, уплывая все дальше и дальше, и наконец пропал, однако, как только он скрылся из глаз, я уже не мог с уверенностью сказать, в каком направлении он удалился — на север, юг, восток или запад.

Балдандерс повернулся ко мне.

— Ты слышал их.

Я его не понял и ответил:

— Я действительно говорил с ними. Доктор Талос сам открыл мне ворота замка, пригласив меня тем самым на беседу.

— Они ничего мне не сказали. И ничего не показали мне.

— Видеть их корабль, — возразил я, — беседовать с ними — разве это ничего?

— Они гонят меня вперед. Все время вперед. Они гонят меня, как быка на бойню.

Он подошел к зубчатому парапету и устремил взгляд на бескрайнее пространство озера; вспененные ливнем воды казались белыми, как молоко. Зубцы возвышались на несколько пядей над моей головой, а он оперся о них локтями, словно о перила, и я заметил, как из его сжатого кулака пробивается голубое сияние Когтя. Доктор Талос подергал меня за плащ, бормоча, что лучше бы нам вернуться в башню и не мокнуть, но я

уходить не хотел.

— Все началось, когда тебя еще на свете не было. Сначала они мне помогали, хоть вся помощь ограничивалась наводящими вопросами и подсказками. Теперь остались одни намеки. Они стали так изворотливы, что сообщают лишь о вероятных вещах, но не о действительных. Сегодня не было даже этого.

Я хотел потребовать, чтобы он больше не использовал островитян в своих экспериментах, но не знал, с чего начать. Я заговорил об огненных пулях, заметив, что это поистине великое изобретение.

— Это всего лишь натрий, — ответил он, оборачиваясь ко мне, и его огромная голова поднялась на фоне темного неба. — Ты ничего не понимаешь. Натрий — элементарное вещество, способное в воде расщепляться до бесконечности. Неужели ты думаешь, я дал бы его рыбакам, не будь он обыкновенной игрушкой? Нет, мое истинное великое изобретение — это я сам. И единственное великое изобретение!

— Оглянись вокруг, — прошептал доктор Талос, — неужели не видишь? Он ведь правду говорит!

— Что вы хотите этим сказать? — прошептал

я в ответ.

— А замок? А чудовище? А ученый муж? Я только сейчас об этом подумал. Ты не можешь не знать, что, подобно тому как случайные события прошлого бросают тени на последующие века, так и сейчас, когда солнце меркнет, наши собственные тени устремляются в прошлое, чтобы блуждать в сновидениях человечества.

— Ты безумец, — сказал я. — Или ты шутишь.

— Безумец? — прогрохотал Балдандерс. — Это ты безумец. Ты с твоими фантазиями о магии и волшебстве. Как они, должно быть, потешаются над нами! Считают нас варварами… И меня, который три жизненных срока провел в тяжких трудах.

Он вытянул руку и разжал кулак. Теперь Коготь светил для него. Я хотел было взять камень, но Балдандерс неожиданным резким движением выбросил его. Как он просверкал в пронизанной ливнем темноте! Словно сама ясная Скальд упала с ночного неба.

В тот же миг я услыхал крики озерных людей, ожидавших за крепостной стеной. Я не подавал им никакого сигнала; и все же сигнал был дан, ибо свершилось то единственное деяние, которое могло повлечь его, — кроме, пожалуй, нападения

на меня самого. Ветер еще не успел развеять их крик, а «Терминус Эст» уже покинул ножны. Я занес его для удара, но прежде чем я успел сойтись с великаном в схватке, между нами возник доктор Талос. Я было решил, что он парирует мой удар тростью; если бы мое сердце не разрывалось от потери Когтя, я бы посмеялся, разрубая ее. Но мой клинок лязгнул о сталь, и, хотя его натиск отбросил доктора назад, тому все же удалось меня сдержать. Не успел я опомниться, как Балдандерс пронесся мимо и ударом отшвырнул меня к парапету.

Доктор сделал выпад, от которого я не смог увернуться, но черный плащ обманул его, и, скользнув острием по моим ребрам, его оружие чиркнуло о камень. Я ударил его рукоятью меча, и он покатился в сторону.

Балдандерса нигде не было видно. Я быстро сообразил, что скорее всего он рванулся к находившейся позади меня двери, а ударил меня машинально — так человек, погруженный в размышления, гасит свечу, когда выходит из комнаты.

Доктор лежал распростертый на каменном полу, служившем крышей башне; при солнечном свете камни, наверное, были обычными, серыми,

но сейчас, омытые дождем, казались черными. Я разглядел его рыжие волосы и бороду: он лежал на животе, голова была свернута набок. Я и не предполагал, что ударил его так сильно, хотя я, может быть, и впрямь сильнее, чем сам о себе думаю, — по крайней мере, так мне порой говорят. Видимо, несмотря на свое бахвальство, доктор Талос был не так крепок, как считали все мы, за исключением Балдандерса. Теперь я мог бы с легкостью его прикончить, взмахнув «Терминус Эст» таким образом, чтобы лезвие погрузилось в его черепушку как в масло.

Вместо этого я поднял оружие доктора — узкий серебристый клинок, выпавший из его руки. Это был отточенный с одного края нож, не шире моего указательного пальца, — таким мог бы пользоваться хирург. Осмотрев рукоятку, я понял, что она служила набалдашником его трости, которую я так часто при нем видел. Он прятал в ней свое оружие, как Водалус — свой меч, обнаженный им однажды в нашем некрополе; и, стоя под дождем, я улыбнулся при мысли о том, сколько же лиг пути доктор пронес его вот так, а я ничего и не подозревал об этом и нес свой меч закинутым за спину. Острие было сломано при ударе о камни, когда доктор бросился на меня; я швырнул нож за

парапет, как Балдандерс — Коготь, и направился в башню на смертельную схватку.

Когда мы с Фамулимусом поднимались по лестнице, я был слишком поглощен беседой, чтобы обращать внимание на комнаты, которые мы миновали. Самую верхнюю я запомнил лишь потому, что вся она была задрапирована алым материалом. Теперь я смотрел на красные шары — лампы, горевшие без огня, как те серебряные цветы, что распускались на потолке большой комнаты, где я повстречал троих существ, которых больше не мог называть какогенами. Шары покоились на стойках из слоновой кости, тонких и легких, словно выраставших из пола, который был и не полом вовсе, но морем тканей различной текстуры и самых разнообразных оттенков красного. Через комнату был протянут полог, поддерживаемый атлантами. На его алую основу были нашиты тысячи серебряных пластин, столь гладко отшлифованных, что казались они зеркалами; нечто подобное я наблюдал, глядя на доспехи преторианцев Автарха.

Спустившись еще на полпролета, я вдруг понял, что видел спальню великана и опущенную до уровня пола саму кровать, в пять раз больше обычной, выстланную багровым ковром, по-

верх которого были в беспорядке разбросаны вишневые и карминно-красные покрывала. Внезапно меж этих смятых простыней мелькнуло лицо. Я поднял меч, и лицо исчезло, но я взлетел обратно по лестнице и сорвал одно из этих мягких покрывал. Мальчик-любовник (если это действительно был любовник) встал и взглянул мне в лицо с наивным бесстрашием, как иногда смотрят маленькие дети. Он действительно был мал, хоть ростом почти равнялся со мной, — нагой мальчик, и такой пухлый, что его отвисший живот закрывал крошечные гениталии. Руки походили на розовые подушки, увитые золотыми шнурками; золотые кольцеобразные серьги с маленькими колокольчиками оттягивали уши. Волосы тоже отливали золотом, и из-под вьющихся прядей на меня смотрели огромные голубые глаза ребенка.

Несмотря на размеры мальчика, я и сейчас не верю, что Балдандерс был педерастом в обычном смысле этого слова, хотя не исключено, что он надеялся сойтись с ребенком, когда тот подрастет еще. Скорее всего, сдерживая свой собственный рост и позволяя себе расти лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы уберечь такое громадное тело от разрушительного

воздействия лет, он как мог ускорял рост этого несчастного мальчика ради накопления антропософских знаний. Я потому берусь это утверждать, что, когда мы с Доркас путешествовали вместе с великаном и доктором Талосом, мальчика при нем еще не было, и появился он, вероятно, лишь спустя некоторое время после того, как наши пути разошлись.

(Я оставил мальчика там, где нашел, и по сей день не знаю, что с ним сталось. Не исключено, что он погиб, но возможно также, что озерные люди либо старейшина и его племя сохранили ему жизнь и выкормили его.)

Не успел я спуститься еще на этаж, как начисто забыл о мальчике. Комната была заполнена густыми клубами тумана (а я точно помнил, что, когда проходил через нее раньше, никакого тумана в ней не было), как предыдущая — красными тканями. Клубы колыхались, словно живые, и бурлили, будто логос, исходящий из уст Панкреатора, каким я его представлял. Пока я стоял и смотрел, передо мною, угрожающе размахивая острым копьем, возник туманный человек, белый, как могильный червь. Прежде чем я осознал, что это просто призрак, мой меч прошел сквозь его запястье, как сквозь дымовой столб. Он сразу

осел, словно сгусток тумана, и теперь едва доставал мне до пояса.

Я двинулся вперед и, пройдя несколько шагов, очутился среди холодной мутной белизны. Вдруг над ее поверхностью Показалось мерзкое чудовище, также из тумана, и скачками понеслось ко мне. Мне приходилось видеть гномов: у них голова и туловище обычных размеров или даже крупнее, конечности же, сколь ни сильны, напоминают детские. У этого все было наоборот: из скрюченного хилого тела росли руки и ноги куда больше моих.

Этот антигном размахивал короткой шпагой и, разинув в немом вопле рот, метнул ее в туманного человека, не обращая ни малейшего внимания на копье, уже торчащее в его собственной груди.

Раздался хохот, и я сразу узнал голос, хоть редко видел этого человека в веселом расположении духа.

— Балдандерс! — крикнул я.

Над туманом поднялась его голова, как вершины гор на заре появляются над облаками.

36. БОЙ ВО ДВОРЕ ЗАМКА

— Вот настоящий противник, — сказал я, — с настоящим оружием.

Я шагнул в туман, прокладывая себе путь обнаженным мечом.

— В моем облачном зале ты видишь и других настоящих противников, — прогрохотал Балдандерс, при этом голос его оставался совершенно спокоен. — Хоть они и снаружи, во дворе. Первый был твоим другом, второй — моим врагом.

Пока он говорил, туман рассеялся, и я увидел его почти в центре зала, сидящим в массивном кресле. Когда я повернулся к нему, он вскочил и, схватив кресло за спинку, легко, словно корзину, швырнул в меня. Кресло пролетело мимо в пяди от меня.

— Теперь ты попытаешься убить меня, — сказал он. — И все из-за какого-то глупого амулета. Мне следовало убить тебя той ночью, когда ты спал на моей кровати.

Я мог бы сказать ему то же самое. Но решил проигнорировать его слова. Было ясно, что, притворяясь беспомощным, он надеялся спровоцировать меня на неосторожное нападение,

и, хотя оружия при нем я не замечал, он был в два раза выше меня и, по моим отнюдь не безосновательным предположениям, по меньшей мере вчетверо сильнее. Приближаясь к нему, я не мог отделаться от чувства, что мы разыгрываем марионеточный спектакль, виденный мною во сне той самой ночью, о которой он мне сейчас напомнил, а в том сне деревянный великан орудовал дубинкой. Он шаг за шагом отступал, но в то же время был готов в любой миг со мной схватиться.

И вдруг, когда мы отдалились от лестницы на три четверти длины зала, он повернулся и бросился бежать. Зрелище поразило меня, словно побежало дерево.

Передвигался он очень быстро. Сколь ни был он нескладным, каждый его шаг покрывал два моих, и он оказался около стены с похожим на щель окном, в которое смотрел Оссипаго, гораздо раньше меня.

Сначала я не понял, что он задумал. Окно было слишком узким, пролезть в него он не мог. Он просунул в него обе ручищи, и я услыхал скрежет камня о камень.

Меня вовремя осенило, и я успел отскочить на несколько шагов назад. Через миг он уже держал

вывороченный из стены громадный валун. Он поднял его над головой и швырнул в меня.

Я увернулся, он вырвал следующий камень, потом еще. После третьего я в отчаянии покатился по полу, чтобы не попасть под четвертый; меч я крепко сжимал в руках. Камни летели один за другим все быстрее и быстрее, в то время как стена, лишаясь опоры, начинала разрушаться. По чистой случайности я подкатился к лежащей на полу шкатулке — в такой благопристойная мать семейства могла бы хранить кольца.

Шкатулка была украшена шишечками, формой напоминавшими те рычаги, которыми пользовался мастер Гурло, пытая Теклу. Не успел Балдандерс вырвать очередной камень, как я схватил шкатулку и повернул одну из шишечек. В тот же миг из пола снова повалил дым, быстро накрыв меня с головой, и в этом белесом море я словно ослеп.

— Нашел все-таки, — проговорил Балдандерс своим низким голосом. — Надо было ее отключить. Теперь я тебя не вижу, но и ты не видишь меня.

Я промолчал, ибо знал, что он держит в руках камень и ждет только звука моего голоса, чтобы бросить его в меня.

Помедлив немного, я начал подбираться к нему, стараясь двигаться как можно тише. Я был уверен, что при всей его ловкости он не может ходить совершенно бесшумно. Когда я сделал четыре шага, за моей спиной обрушился камень, и я услышал, как Балдандерс отрывает от стены следующий.

Этот камень оказался решающим. Раздался оглушительный грохот, и кусок стены над окном полетел вниз. Во мне сверкнула надежда, что он убил Балдандерса, но туман начал быстро рассеиваться, устремляясь в образовавшуюся брешь и растворяясь в ночной темноте и ливне, и у самой зияющей дыры я увидал великана.

Должно быть, когда стена упала, он уронил вывороченный камень, поскольку стоял с пустыми руками. Я рванулся к нему, надеясь напасть прежде, чем он успеет среагировать. Но Балдандерс опять оказался проворней. Он ухватился за остаток стены и выпрыгнул; когда же я подоспел к дыре, он уже спустился довольно низко. Казалось, он совершил невозможное; но, приглядевшись к этой части башни, освещенной из комнаты, где я находился, я понял, что камни, из которых она сложена, грубо вытесаны и уложены без цемента, так что между ними зачастую оставались

широкие щели, а сама стена, чем выше она поднималась, тем сильнее клонилась внутрь.

Меня охватило желание спрятать «Терминус Эст» в ножны и броситься вдогонку, но я понимал, что окажусь в крайне невыгодной позиции, поскольку Балдандерс, разумеется, достигнет основания башни раньше меня. Я бросил в него шкатулкой и вскоре потерял его из виду за пеленой дождя. Выбора у меня не оставалось: я зашагал к лестнице и спустился на нижний уровень, который видел, когда впервые вступил в башню.

Тогда здесь было тихо и пустынно, если не считать древних механизмов. Теперь же здесь царил ад кромешный. Повсюду кишели толпы отвратительных существ, похожих на призрака, явившегося мне в комнате, которую Балдандерс назвал облачным залом. У некоторых было по две головы, как у Тифона, некоторые имели по четыре руки; у многих были безобразные непропорциональные конечности — ноги в два раза длиннее туловища, руки толще ляжек. Все были вооружены и, насколько я мог судить, безумны, ибо набрасывались друг на друга так же охотно, как и на своих противников-островитян. Я вспомнил слова Балдандерса: двор внизу полон

моих друзей и его врагов. Он знал, что говорил: эти твари напали бы на него, едва завидев, как кидались теперь друг на друга.

Я уложил троих, пока добрался до двери, и собрал вокруг себя озерных людей, ворвавшихся в башню; им я сообщил, что враг, которого мы ищем, находится снаружи. Я заметил, что они до смерти боятся этих безумных чудовищ, продолжавших выпрыгивать из темного колодца (они не узнали в них своих обезображенных братьев и детей), и удивился, как они вообще отважились войти в замок. Мне было приятно видеть, что мое присутствие воодушевляет островитян; они поставили меня во главе и, судя по их взглядам, последовали бы за мной куда угодно. Я впервые по-настоящему понял, какое удовольствие, должно быть, получал мастер Гурло от своего положения, которое доселе представлялось мне лишь приятной возможностью навязывать другим свою волю. Я также понял, почему столь многие юноши при дворе оставляли своих невест — моих подруг в жизни, которую я вел, будучи Теклой, — и принимали назначение в самые отдаленные полки.

Дождь немного унялся, хоть его серебряная пелена по-прежнему застилала все вокруг. Ступени

были завалены телами людей и еще более многочисленными трупами великановых чудовищ — мне пришлось столкнуть несколько вниз из опасения, что упаду сам, если пойду прямо по ним. Внизу, во дворе, продолжался бой, но никто из чудовищ не нападал на нас, а тех, кто оставался в башне, успешно сдерживали озерные люди. Балдандерса нигде не было видно.

Оказывается, описать сражение не так-то просто, хотя в битве всегда забываешься, и потому она возбуждает. Когда же бой заканчивается, в памяти остаются не удары и рукопашные схватки — ибо битва слишком отвлекает сознание воина, чтобы он мог что-нибудь запомнить, — а перерывы между ними. Во дворе замка Балдандерса я отчаянно бился с четырьмя чудовищами, которых он измыслил и сотворил, но сейчас я не могу сказать, плохо или хорошо я сражался.

Из-за темноты и дождя сражение принимало беспорядочный характер, что как нельзя лучше подходило для стиля боя, навязанного мне строением «Терминус Эст». Хорошего освещения требует не только учебное фехтование, но и любая напоминающая его игра мечом или копьем, поскольку соперники должны видеть оружие друг друга. Здесь же ни о каком освещении го-

ворить не приходилось. Более того, чудовища Балдандерса бились с безоглядной храбростью, словно желали себе гибели, и этим наносили вред самим же себе. Они старались уворачиваться от прямых ударов или ныряли под меч, но неминуемо попадали под повторные удары слева. В этой бойне участвовали и озерные люди, однажды они даже прикончили моего противника. В остальных же случаях они отвлекали врагов или ранили их, прежде чем те нападали на меня. С точки зрения хорошо сработанной казни, ни одну из этих стычек нельзя было назвать даже удовлетворительной.

Четвертая схватка оказалась последней; повсюду валялись тела мертвых и умирающих. Я собрал островитян вокруг себя. Мы пребывали в том состоянии эйфории, какое сопутствует всякой победе, и мои люди были готовы биться с любым великаном, даже самым громадным; однако даже те, кто находился во дворе замка, когда вниз летели камни, клялись, что никого не видели. Я уже называл их про себя слепцами, а они, несомненно, были готовы счесть меня сумасшедшим, но в этот миг выглянула спасительная луна.

Как странно! Все обращаются за мудростью к небу — либо желают объяснить тот или иной зем-

ной расклад влиянием созвездий, либо, подобно Балдандерсу, дерзко стремятся отбить знание у существ, которых невежды зовут какогенами; крестьяне же, рыбаки и им подобные ищут в небе предсказаний погоды. И никто не обращает к нему взор, чтобы испросить сиюминутной помощи, хотя помощь приходит оттуда; так часто — вот и я получил ее в ту ночь.

Видение луны в разрыве между облаками было мимолетным. Дождь то утихал, то обрушивался с новой силой; зыбкий лунный свет, падавший с большой высоты, очень яркий (хоть луна и не была полной), ненадолго озарил двор велика-нова замка, подобно свету одного из величайших светил, посылаемому на сцену и в зал совещательного уровня Обители Абсолюта. Гладкие мокрые камни мерцали, точно темные, застывшие озера; и отраженным в них я увидел зрелище столь фантастическое, что теперь мне удивительно, как я вообще не застыл на месте и не принял смерть, которая не заставила бы себя долго ждать.

Ибо на нас падал Балдандерс, но падал он медленно.

37. «ТЕРМИНУС ЭСТ»

В коричневой книге есть картинки с изображением ангелов, которые точно так же, запрокинув голову и выставив грудь, устремляются к Урсу. Я помню смешанное чувство восхищения и ужаса, с которым смотрел во Второй Обители на величественное существо из книги, спускавшееся подобно им; однако не думаю, что их я испугался бы меньше. Когда я вспоминаю Балдандерса, перед моим мысленным взором возникает прежде всего эта картина. Застывшее лицо и поднятый жезл, увенчанный фосфоресцирующим шаром.

Мы бросились врассыпную, как воробьи, на которых с вечернего неба падает сова. Спиной я ощутил толчок сжатого воздуха от его удара и, вовремя обернувшись, увидел, как он приземлился, удерживая равновесие свободной рукой, и выпрямился, как это делают уличные акробаты. На нем был пояс, которого я прежде не замечал, — толстый, из скрепленных между собою металлических призм. Я так и не понял, каким образом он ухитрился вернуться в свою башню и взять пояс и жезл; я-то думал, что он в это время спускался по стене. Наверное, там имелось окно,

больше, чем те, что я видел, или даже дверь, через которую можно было попасть в помещение, не разрушенное пожаром, учиненным когда-то береговыми людьми. Не исключено также, что он просто запустил руку в какое-нибудь окно.

Ах, какая стояла тишина, когда он плавно опустился на землю, с какой грацией он, огромный, как дом, простер для Равновесия руку и выпрямился. Лучший способ описать тишину — это хранить молчание… но сколько грации!

Я развернулся к нему; ветер рвал за спиной плащ, и мой меч был занесен для привычного удара, ибо мне часто случалось поднимать его. И я понял в тот миг то, о чем не давал себе труда задумываться раньше, — зачем я послан судьбой в странствие, зачем исходил полконтинента и подвергался опасностям в огне, в недрах Урса и в воде, а вот теперь опасность упала на меня с воздуха, потрясая этим огромным, тяжелым оружием, идти с которым на обыкновенного человека все равно что срезать лилии топором. Балдандерс увидел меня и поднял жезл, сияющий белым золотом; я принял это за своего рода приветствие. Пятеро или шестеро озерных людей с гарпунами и острозубыми дубинками окружили его, однако вплотную приблизиться опасались.

Он словно оказался в центре сплошного кольца. Когда мы сблизились, на этот раз — мы двое, я понял причину: меня охватил ужас, который невозможно было ни уразуметь, ни обуздать. Нет, я не боялся ни его, ни смерти — ничего конкретного, это был просто страх. Я чувствовал, как волосы шевелятся на моей голове, словно некий призрак запустил в них свою руку; я и раньше слышал о такой реакции, но не придавал ей значения, считая метафорой, переросшей в ложь. Колени мои ослабли и задрожали, и я был рад, что темнота скрывала их. Мы шли друг другу навстречу. Величина жезла и сжимавшей его руки не оставляла сомнений в том, что удара мне не выдержать; я мог лишь уворачиваться и отскакивать назад. Балдандерс, в свою очередь, также опасался удара «Терминус Эст», ибо, несмотря на его величину и силу, которая выдержала бы тяжелые доспехи боевого коня, лат на нем не было, а мой увесистый, остро заточенный клинок, способный до пояса разрубить человека, мог зараз нанести ему смертельную рану.

Он это понимал, и мы стояли друг против друга, подобно актерам на сцене, размахивая оружием, но не решаясь вступить в настоящую схватку. Все это время я был скован ужасом, и мне казалось,

что, если я не обращусь в бегство, сердце мое разорвется. Мой слух улавливал какое-то пение, и, глядя на осиянный бледным нимбом набалдашник жезла, приковывавший взор именно этим сиянием, я понял, что пение исходило от него. Оружие издавало высокий монотонный звон, похожий на хрустальный замирающий звон бокала, по которому ударили ножом.

Это открытие, пусть на краткий миг, ввело меня в заблуждение. Вместо ожидаемого щадящего удара жезл с размаху опустился вниз, словно киянка на колышек для палатки. Я отскочил в сторону — и вовремя, потому что звенящий сверкающий набалдашник полыхнул у самого моего лица и врезался в камень у моих ног, расколов его на куски, будто глиняный горшок. Один осколок раскроил мне лоб, и по лицу хлынула кровь.

Балдандерс увидел это, и его тусклые глаза победно засверкали. Он начал крушить камни, и при каждом ударе в стороны разлетались осколки. Мне пришлось отступить, и пятился я до тех пор, пока не уперся спиной в сплошную стену. Я двинулся вдоль стены, великан же воспользовался преимуществом и теперь размахивал своим оружием горизонтально, нанося удар за ударом по каменной кладке. Иногда острые, как кремень,

осколки летели мимо, но слишком часто попадали в цель, и вскоре кровь уже застила мне глаза, а грудь и руки окрасились в красный цвет.

Когда я в сотый, наверное, раз уворачивался от жезла, то наткнулся на что-то каблуком и чуть не упал. Это была ступенька лестницы, что вела на стену. Я двинулся наверх, что дало мне некоторые преимущества, однако недостаточные, чтобы я мог прекратить отступление. На вершине стены имелся узкий проход. Противник теснил меня назад шаг за шагом. Теперь я бы точно бежал, если бы посмел, но я помнил, как быстро передвигался великан, когда я застал его врасплох в облачном зале, и знал, что он нагонит меня одним прыжком — так я мальчишкой гонял крыс в подземелье под башней и палкой перебивал им спины.

Однако не все обстоятельства благоприятствовали Балдандерсу. Между нами сверкнуло что-то белое, потом в огромную руку вонзилась стрела с костяным наконечником — как иголка в шею быка. Озерные люди стояли достаточно далеко от поющего жезла и были неподвластны внушаемому им ужасу, а потому ничто не мешало им метать орудия. Балдандерс на мгновение остановился и отступил, чтобы вытащить стрелу. Но тут вторая попала ему в лицо.

Надежда взыграла во мне, и я прыгнул вперед, но, прыгая, поскользнулся на мокром от дождя каменном обломке.

Я чуть не упал со стены, но в последний момент ухватился за парапет — как раз вовремя, чтобы увидеть, как светящийся набалдашник жезла обрушивается мне на голову. Я машинально вскинул «Терминус Эст», защищаясь от удара.

Раздался вопль, как если бы разом закричали все, кого мой меч когда-либо поражал, и следом громовой взрыв.

Я упал, оглушенный. Но и Балдандерс также был оглушен, и озерные люди, чувствуя, что чары, насылаемые жезлом, спали, устремились к нему по стене с обеих сторон. Возможно, стальной клинок моего меча, имевший собственную природную частоту, в чем я всегда мог убедиться, постучав по нему пальцем, — он отзывался волшебным сладостным звоном, — этот клинок превзошел жезл великана, какой бы мудреный механизм ни был в него заложен. А может быть, просто его лезвие, острое, как скальпель, и твердое, как обсидиан, прошло сквозь набалдашник жезла. Как бы то ни было, жезла больше не существовало, а я сжимал в руках лишь рукоять моего меча, из которой торчал обломок металла

длиною не более кубита. Ртуть, так долго прослужившая мне в темноте, стекала теперь с него серебряными слезами.

Я еще не нашел сил подняться, а озерные люди уже перепрыгивали через меня. Из груди великана торчала стрела, брошенная кем-то дубинка попала ему в лицо. Он махнул рукой, и два озерных воина с криками полетели вниз со стены. Другие тут же накинулись на него, но он стряхнул их с себя. Я с трудом встал на ноги, не вполне понимая, что происходит.

На миг Балдандерс задержался на парапете. Потом он прыгнул. Я не сомневался, что пояс, который он носил, немало ему помог, но и сила его ног была непомерна. Медленно и тяжело он описывал дугу над берегом, а те трое, что висели, вцепившись в него, упали на камни мыса и разбились насмерть.

Наконец упал и он, словно потерявший управление летучий корабль. Белое как молоко озеро всколыхнулось и сомкнуло над ним свои воды. На поверхность поднялось что-то змеевидное и блестящее, взвилось в небо и исчезло в низко нависающих облаках — скорее всего это был пояс. Но сколько островитяне ни стояли, держа наготове гарпуны, голова великана так и не по-

явилась над водой.

38. КОГОТЬ

В ту же ночь озерные люди обшарили весь замок и разграбили его. Я не пошел с ними и ночевать в стенах замка не остался. В пихтовой роще, где мы собирались на совет, я обнаружил укромное место, где колючие лапы разрослись так густо, что ковер из опавших иголок не намокал. Там, промыв и перевязав раны, я и уснул. Рукоять меча, некогда принадлежавшего мне, а до меня — мастеру Палаэмону, лежала рядом, и меня не покидало чувство, будто я сплю с мертвым; снов, однако же, я не видел.

Я проснулся, пропитанный ароматом пихты. Урс уже обратил свой лик к солнцу. Тело мое превратилось в сгусток жгучей боли, резаные раны от осколков камней нестерпимо саднили, но я упивался солнечным теплом — такого ласкового дня не было с тех пор, как я оставил Тракс и углубился в горы. Я вышел из рощи и увидел искрящееся на солнце озеро Диутурн и свежую зелень травы, пробивавшейся между камней.

Я сел на вдающийся в озеро камень; за моей спиной высился замок Балдандерса, у ног плескались голубые волны. В последний раз я отделил

то, что раньше было клинком «Терминус Эст», от его красивой рукояти из серебра и оникса. Ведь меч — это прежде всего клинок, а его-то у «Терминус Эст» больше не было; однако рукоять я хранил весь остаток пути и расстался лишь с ножнами из человеческой кожи — их я сжег. Ибо когда-нибудь рукоять будет держать новый клинок — пусть не столь совершенный, пусть даже не мой.

Я коснулся губами обломка клинка и бросил его в воду.

После этого я занялся поисками. У меня не было ясного представления, куда именно Балдандерс зашвырнул Коготь, и лишь одно я знал наверняка: он бросил его в сторону озера. Я видел, как камень перелетел через стену, однако даже столь мощная рука, как у Балдандерса, вряд ли могла закинуть такой маленький предмет далеко от берега.

Скоро у меня не осталось сомнений в том, что, если камень упал в воду, он потерян навсегда: даже вдоль берега глубина озера достигала нескольких элей. Но я не терял надежды, что он все-таки не долетел до воды и закатился в какую-нибудь щель, откуда не было видно его сияния.

Я все бродил и бродил в поисках камня, не

решаясь попросить озерных людей помочь мне, не осмеливаясь прервать поиски, чтобы отдохнуть и подкрепить силы, ибо опасался, как бы кто-нибудь не подобрал его. Наступила ночь, чей приход возвестил крик гагары, и озерные люди предложили мне плыть с ними к островам, но я отказался. Они боялись, что придут береговые люди и нападут на них, чтобы отомстить за Балдандерса (подозрение, что Балдандерс жив и прячется в водах озера, я оставил при себе), и наконец, подчинившись моим настоятельным просьбам, они оставили меня одного на мысе рыскать на четвереньках по острым камням.

Вскоре поиски в кромешной темноте утомили меня, и я устроился на отлогой каменной плите дожидаться рассвета. То и дело мне чудилось, будто я вижу лазурный свет, пробивающийся из какой-нибудь расщелины неподалеку или из-под воды; но всякий раз, как я протягивал руку, чтобы схватить драгоценность, или приподнимался, желая дойти до края плиты и взглянуть вниз, оказывалось, что это всего лишь сон.

Сотни раз я спрашивал себя, не нашел ли камень кто-то другой, пока я спал под соснами, и проклинал себя за слабость. И сотни раз говорил себе: пусть бы нашел его кто угодно, только бы он

не был потерян навсегда.

Подобно тому, как мухи слетаются на загнившее на солнце мясо, так ко двору правителя стекаются мудрецы — шарлатаны, псевдофилософы и акосмисты — и остаются там, покуда хватает ума и денег. На первых порах они питают надежду получить должность при Автархе, а спустя некоторое время — должность учителя в какой-нибудь высокопоставленной семье. Когда Текле было лет шестнадцать, ее, как, по-видимому, многих молодых женщин, привлекали лекции этих людей по теологии, теодицее и прочим подобным наукам; одну я помню особенно хорошо: одна фебада выдавала за непреложную истину древний софизм о существовании трех Царств: Царства города (или людей), Царства поэтов и Царства философов. Она утверждала, что с тех пор, как зародилось человеческое сознание (если такой момент вообще был), во всех трех категориях появлялось огромное количество людей, стремящихся проникнуть в сущность божественного. Если божественное не существует, они бы давно это обнаружили. Если же оно есть, то не может быть, чтобы сама Истина обманула их. И все-таки верования черни, провидения рапсодов и теории метафизиков до сего времени

столь разнятся, что лишь немногие из этих людей в состоянии воспринять идеи других; что же до человека совершенно постороннего, он может и вовсе не увидеть между ними связи.

А вдруг, спрашивала она (я и отныне не уверен, что смог бы ответить ей), вместо того чтобы двигаться к единой цели по трем дорогам, они движутся в трех совершенно разных направлениях? Ведь когда в жизни мы видим три дороги, исходящие из одного перекрестка, нам и в голову не приходит предположить, что они ведут в одно и то же место.

Тогда я нашел (и сейчас нахожу) эту мысль столь же рациональной, сколь и отталкивающей; я усматриваю за ней переплетение безумных доказательств, столь густое, что ни малейшее возражение, ни искра света не проникнет сквозь эту сеть, в которой запутывается человеческое сознание всякий раз, когда не может обратиться за помощью к фактам.

Как явление действительности, Коготь был ни с чем не соизмерим. Никакие деньги, никакие пространства и империи не могли сравниться с ним ценностью, подобно тому как произведение всех мыслимых расстояний по горизонтали земной поверхности никогда не приблизится к уходящей

в бесконечность вертикальной прямой. Если б он, как я полагал, явился из-за пределов вселенной, то его сияние — чаще всего едва заметное и лишь иногда яркое — было бы, в определенном смысле, единственным для нас источником света. А если б его уничтожили, мы бы навеки остались блуждать во мраке.

Пока я носил Коготь при себе, я всегда считал, что ценю его достаточно высоко, но теперь, сидя на плоском камне и глядя на ночные воды озера Диутурн, понял, что мне, с моей превратной судьбой и безрассудной тягой к приключениям, хранить его было чистым безумием; и вот я его потерял; Перед восходом солнца я поклялся покончить с собой, если не найду его до наступления темноты.

Исполнил бы я свою клятву или нет — не знаю. Сколько я помню себя, я всегда любил жизнь. (Пожалуй, именно этой любви я был обязан мастерству, которого достиг в своем ремесле, ибо столь лелеемая мною искра могла быть загашена только безупречно.) Конечно же, я любил свою жизнь и растворенную в ней жизнь Теклы не меньше, чем жизнь других людей. Если бы я нарушил данную себе клятву, это было бы не в первый раз.

Но нарушать клятву мне не пришлось. Занимался день — самый чудесный в моей памяти: солнце дарило тепло и ласку, внизу нежно пели волны. В это утро я нашел Коготь — или то, что от него осталось.

На камнях лежали его осколки: большие, как самоцветы в перстнях тетрарха, и крошечные, как слюдяные искорки. Больше ничего. Я зарыдал и принялся собирать кусочки. Они покоились в моей ладони, безжизненные, будто драгоценные камушки, которые старатели каждый день поднимают из шахт, грабя сокровищницы давно умерших властителей. Я отнес их к озеру и бросил в воду.

Трижды я спускался к озеру с горстью голубоватых осколков и возвращался назад для новых поисков, и, лишь поднявшись в четвертый раз к тому месту, где я нашел Коготь, я обнаружил крепко вклинившееся меж двух камней — так крепко, что пришлось идти в сосновую рощу за прутьями, чтобы извлечь это из щели, — нечто, что нельзя было назвать камнем, сиявшее не лазурным светом, но ослепительно белым, как звезда.

Доставая этот странный предмет из щели, я испытывал скорее любопытство, чем благогове-

ние. Он был так не похож на сокровище, которое я искал — по крайней мере, на собранные мною осколки, — что, пока он не оказался у меня в руке, мне и в голову не приходило, что они как-то связаны друг с другом. Не знаю, как может черный предмет источать свет, но он действительно светился. Возможно, его вырезали из гагата — так темен он был и так гладко отшлифован; но он сиял, этот коготь, длинный, как верхняя фаланга моего мизинца, хищно изогнутый и острый, как иголка, — таким оказалось черное ядро камня, который служил для него лишь вместилищем, защитной оболочкой, дарохранительницей.

Я долго стоял на коленях, повернувшись спиною к замку, смотрел то на удивительную сверкающую драгоценность, то на волны и пытался проникнуть в смысл своего сокровища. Теперь, когда оно лежало в моей ладони, лишенное сапфировой оболочки, я ощущал его воздействие с особой полнотой, чего никогда не испытывал до того, как его отобрали у меня в доме старейшины. Каждый раз, когда я устремлял на него взгляд, оно пробуждало во мне мысль. Вино и некоторые снадобья тоже могут растревожить нестойкий к ним разум, но этот предмет возводил мышление на новый уровень, название которому я не знаю.

Снова и снова я ощущал это состояние, поднимаясь с каждым разом все выше, пока не испугался, что никогда не смогу вернуться к прежнему, нормальному образу мыслей; снова и снова я сбрасывал с себя наваждение и чувствовал, что проник в необъятную реальность, описать которую я не в силах.

Наконец, после многих дерзких атак и трусливых отступлений, я понял, что никогда не постигну смысла этой крошечной вещицы; стоило мне так подумать (ибо это была именно мысль), я познал третье состояние — радостную покорность сам не знаю чему, бездумную покорность, ибо размышлять было больше не о чем, — покорность, против которой я не имел ни малейшего желания бунтовать. В этом состоянии я пребывал до заката и почти весь следующий день, но к тому времени я уже забрался далеко в горы.

Здесь, мой читатель, я сделаю паузу. Ты прошел со мною от крепости до крепости — от раскинувшегося в верховьях Ациса Тракса до замка великана на северном берегу далекого озера Диутурн. Тракс стал для меня воротами в нехоженую горную страну. Так и эта одинокая башня оказалась вратами, порогом войны, и схватка, бу-

шевавшая здесь, была лишь слабой ее искоркой. С тех пор и поныне все мое внимание безраздельно занято войной.

Здесь, перед сражением, самое время сделать привал, и если ты, читатель, откажешься ринуться в битву бок о бок со мной, я не виню тебя. Битва предстоит жестокая.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ЗАМЕТКА О ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Краткие записки Северьяна о его жизни в Тракссе являются лучшим (хотя и не единственным) имеющимся у нас свидетельством о деятельности правительства эпохи Содружества, поскольку выводят далеко за пределы сверкающих коридоров Обители Абсолюта и переполненных улиц Нессуса. Несомненно, наши собственные разграничения между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти тут неприменимы — администраторы типа Абдиеса только посмеялись бы, услыхав от нас мнение, что законы должны издаваться одной группой людей, приводиться в исполнение — другой, а интерпретироваться — третьей. Они бы сочли такую систему нежизнеспособной — впрочем, практика доказывает их правоту. В период создания этих рукописей архоны итетрархи назначались Автархом, который от имени народа сосредоточивал в своих руках всю власть. (Небезынтересно, однако, замечание Фамулимуса на этот счет в беседе

с Северьяном.) Эти чиновники были обязаны следить за соблюдением приказов Автарха и вершить правосудие в соответствии с обычаями, принятыми у подвластных им народов. Кроме того, они были уполномочены издавать местные законы — имевшие силу лишь на территории, управляемой законодателем, и лишь в период его правления — и проводить их в жизнь под страхом смертной казни. В Траксе — как и в Обители Абсолюта, и в Цитадели — не имели представления о таком распространенном у нас виде наказания, как заключение на определенный срок. Узники томились в Винкуле в ожидании пыток или казни либо содержались там в качестве заложников, как гарантия законопослушного поведения их родственников и друзей. Из рукописей со всей очевидностью следует, что надзор за Винкулой (Домом цепей) являлся лишь одной из обязанностей ликтора («налагающего оковы»). Этот чиновник, занимавший самое высокое положение в иерархии подчиненных архона, следил за отправлением уголовного правосудия. На некоторых торжественных церемониях он выступал впереди своего господина с обнаженным мечом в руках — убедительное напоминание о власти последнего. На заседаниях суда архона (как сету-

ет Северьян) ему предписывалось стоять слева от судей. Казни и прочие серьезные наказания, назначаемые судом, приводились в исполнение им лично; он же являлся начальником стражи («хранителей ключей»).

Охрана Винкулы была не единственной обязанностью стражников; они также выступали как сыскная полиция, что значительно облегчалось возможностью силой добывать сведения у заключенных. Каждый из стражников имел при себе ключ, достаточно большой, чтобы использовать его как дубинку, и служивший, помимо своего прямого назначения, еще и символом власти. Димархии («воины двух армий») были и регулярной полицией архона, и его войском. Их название, однако, происходит не от двойственности их должностных обязанностей, а от снаряжения и подготовки, позволявших им при необходимости выступать и как кавалерия, и как пехота. Их ряды, по всей видимости, пополнялись из числа профессиональных солдат, ветеранов крупных сражений на севере — при условии, что они не являлись коренными жителями данной местности. Не вызывает сомнений, что Тракс — это город-крепость. Конечно, он бы и дня не выстоял против врагов-асциан; скорее он был

выстроен для отражения разбойничьих набегов и подавления мятежей местных экзультантов и армигеров. (Муж Кириаки, которого в Обители Абсолюта сочли бы персоной, недостойной внимания, безусловно, являлся важным и даже внушавшим страх лицом в окрестностях Тракса.) Хотя экзультантам и армигерам, очевидно, запрещалось иметь собственные армии, почти не вызывает сомнений предположение, что многие последователи этих людей, называвшиеся егерями или лакеями, прошли серьезную военную подготовку. Они были необходимы для защиты поместий от мародеров и при сборе ренты, но во время гражданских смут они представляли немалую угрозу правителям типа Абдиеса. Укрепленный город, контролирующий верховья реки, давал правителю безусловные преимущества в любом конфликте.

Маршрут, избранный Северьяном для побега, свидетельствует о том, сколь тщательно охранялся выезд из города. Личная крепость архона, Замок Копья («укрепленный лагерь на скале»), контролировала северную оконечность долины. Крепость никак не сообщалась с дворцом архона на территории собственно города. Южную оконечность закрывал Капулюс («рукоять ме-

ча»), представлявший собой крепостную стену сложной конструкции, некоторое подобие Стены Нессуса. Даже вершины скал были снабжены укреплениями, соединенными между собой стенами. Имея неиссякаемый источник пресной воды, город мог выдержать длительную осаду любого противника, не применявшего тяжелое оружие.